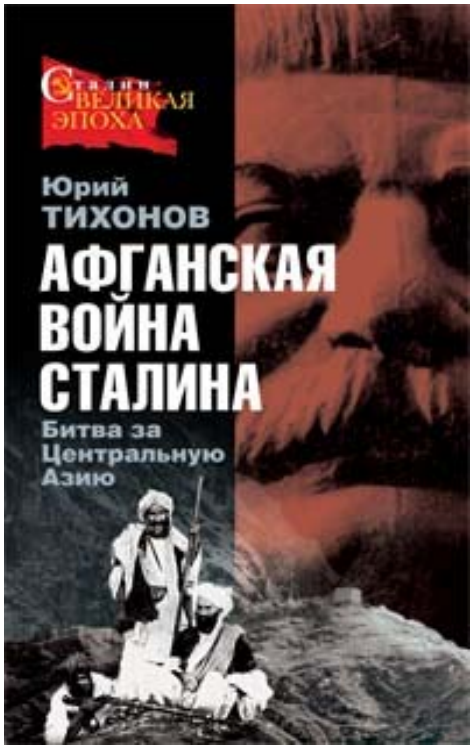
Юрий Тихонов



Афганская война Сталина. Битва за Центральную Азию

Афганская война началась для СССР не в 1979 году, когда советские войска вошли в Афганистан, а на 60 лет раньше. Еще Ленин называл эту страну «ключом к Центральной Азии». Троцкий вещал, что путь красной конницы в Европу лежит через Индию и Афганистан.

А Сталин не жалел ни сил, ни средств для защиты советских интересов в этом регионе.

Битва за Афганистан – эта великая тайная война, в которой, кроме СССР, участвовали еще и Британия, и Третий Рейх, и США, – затянувшаяся на весь XX век, не закончена до сих пор. И если мы не хотим вновь проиграть в схватке за Азию, нам есть чему поучиться у И. В. Сталина, сумевшего, не вступая в прямой вооруженный конфликт, не только отстоять, но и упрочить влияние России в этой зоне наших национальных интересов.

От автора

В мире, пожалуй, нет больше региона, за которым бы так прочно закрепилось таинственное и грозное название: страна джихада. Афганистан и полосу «независимых» пуштунских племен Британской Индии (теперь Пакистана) так именуют до сих пор... В течение столетия свободолюбивые народы и племена этого региона яростно сражались против английских колонизаторов, защищая свои земли и права. За это время пуштунская проблема превратилась в имперскую мигрень Англии, от которой эта могущественная держава избавилась лишь после распада ее империи.

Враги Великобритании хорошо знали об этой болевой точке англичан и неоднократно пытались нанести им удар в зоне пуштунских племен. Кто только не пытался в XX в. разыграть пуштунскую карту! Германия и ее спецслужбы вместе с турецкими панисламистами пытались провоцировать антибританский мятеж нескольких миллионов

пуштунов в период Первой мировой войны. Им на смену пришли большевики и индийские националисты: Коминтерн длительное время упорно пытался открыть «восточный фронт» мировой революции Азии. Накануне и в годы Второй мировой войны III рейх и его союзники по Оси Берлин – Рим – Токио планировали с помощью мощного вооруженного мятежа пуштунов парализовать британскую армию в Индии.

Во всех этих планах главная роль отводилась Афганистану, который все враги Англии хотели превратить в плацдарм для подрывной деятельности против Британской Индии. У афганских монархов были свои счеты с англичанами, но грозная сила пуштунских племен представляла опасность и для Кабула. В связи с этим афганское правительство пресекало любые интриги иностранных держав в зоне пуштунских племен, с выгодой для себя играя на соперничестве военно-политических блоков в период мировых войн.

Таким образом, регион мощного повстанческого пуштунского движения превратился в объект активной деятельности многих иностранных разведок, среди которых НКВД, Разведупр и спецструктуры Коминтерна играли не последнюю роль.

С началом Великой Отечественной войны советская разведка в Афганистане вступила в схватку с фашистскими спецслужбами и смогла выйти из нее победителем. До окончательного разгрома III рейха «рука Москвы» оказывала помощь британскому союзнику на подступах к Индии.

О событиях «Большой игры» в Азии в первой половине XX в. рассказывает эта книга. На базе рассекреченных документов из советских и британских архивов прослеживаются направления и этапы противоборства великих держав и их разведок в Афганистане. Одновременно впервые в отечественной литературе подробно освещается взрывоопасная обстановка в зоне пуштунских племен в 30—40-х годах прошлого века.

Светлой памяти В.Н. Карпова посвящается...

Глава 1

Общая характеристика пуштунских племен

Как известно, около половины населения Афганистана составляют пуштуны, которые принадлежат к двум крупным племенным союзам дурани и гильзаи. Первые населяют юго-западные районы страны, вторые – районы Калата и Газни вплоть до современного Пакистана, т. е. до района прежней индо-афганской границы. Основная масса афганских пуштунов проживала (и проживает) к югу от Гиндукуша, который является естественным рубежом между Северным и Южным Афганистаном. Однако в результате переселенческой политики афганских правителей многие пуштунские племена получили земли и пастбища и в северных районах страны{1}. Перед Второй мировой войной афганское правительство переселило пуштунов даже на некоторые острова на р. Амударье.

Восточные пуштуны (патаны). Их земли в конце XIX в. оказались формально включенными в состав Британской Индии. Их племена проживают в районе между Башгульским хребтом, по которому проходит современная граница Афганистана с Пакистаном, а ранее, в 1893—1947 гг., пролегала северо-западная граница Британской Индии, и рекой Инд. На севере и западе эта территория общей площадью более 120 тыс. кв. км сопредельна свыше 600 км Афганистану, на юге – Пенджабу, на востоке – Кашмиру{2}. Большая часть зоны расселения восточных пуштунов занята горами Гиндукушской системы, которые постепенно понижаются к юго-западу и заканчиваются в пустынях Белуджистана. Этот труднодоступный горный массив можно преодолеть только через несколько горных проходов, образованных реками Кабул, Сват, Точи, Куррам, Гумал и Зхоб. Самым удобным путем из Афганистана в Индию является Хайбарский проход, пробитый водами р. Кабул сквозь неприступные скалы. По Хайбару также проходит рубеж, разделяющий зону проживания восточных пуштунских племен на две части: северную (Дир, Сват, Читрал и часть Хазары) и южную (Тирах, Баджаур, Куррам, Вазиристан и Какаристан). К югу от Хайбара находятся Сулеймановы горы, где до сих пор проживает большинство племен восточных пуштунов{3}.

Перед Второй мировой войной численность 47 крупных племен патанов Британской Индии

составляла около 5 млн человек{4}. Всего в Афганистане и Британской Индии проживало около 10 млн пуштунов. Отношения между этими племенами были очень сложными и часто враждебными, но в минуту опасности они всегда вместе выступали против внешнего врага. Поэтому захватчикам (сикхам, англичанам) редко приходилось воевать лишь с одним племенем – всегда против них образовывалась коалиция пуштунских племен. Достаточно было восстать одному роду, как начиналась цепная реакция по всей территории, от Читрала до Белуджистана, от Хайбара до Хоста. Как это происходило, наиболее точно описал британский генерал Джордж Мак-Мунн: «Масуды связаны с вазирами, вазиры – с займухтами, займухты – с оракзаями, оракзаи – с африди, африди – с момандами, моманды – с племенами Баджаура, Баджаур – с Диром, Дир – со Сватом, Сват – с Бунером, племена Бунера – с населением долины Инда, а те – с племенами Черных гор»{5}. В связи с этим в английских документах чаще всего приводилась общая цифра лашкаров – приграничных племен Северо-Западной Индии. Перед началом Второй мировой войны в Симле подсчитали численность всех пуштунских ополчений (лашкаров): 223 168 воинов, вооруженных современными многозарядными винтовками{6}. К тому же у многих племен были пулеметы, что еще более усиливало огневую мощь их ополчений. Британским властям в Индии всегда приходилось считаться с военной мощью восточных пуштунов.

Надо отметить, что ситуация на индо-афганской границе обострялась не только из-за агрессивной политики Англии, которая, разумеется, была для пуштунов врагом № 1, но и из-за постоянного противостояния между племенами Южного Афганистана и Кабулом. Любая попытка афганских правителей укрепить свой контроль над приграничными племенами вызывала их упорное вооруженное сопротивление. В большинстве случаев на помощь своим афганским сородичам приходили патаны Британской Индии. В связи с этим британские и афганские власти всегда стремились любой ценой избежать всеобщего вооруженного восстания в зоне пуштунских племен, объединенные силы которых, по сведениям советской военной разведки, достигали 370 тыс. вооруженных бойцов{7}.

Три фактора обеспечивали сплоченность пуштунов перед лицом внешнего врага: общий этнос, традиционный кодекс чести (Пуштунвали) и ислам. Первый из них, кроме общего языка (пушту) и культуры, для пуштунов включает в себя еще и осознание того, что все они происходят от легендарного прародителя Кайса Абдуррашида (Патана). Если порой в междоусобицах это родство и забывалось, то при отражении агрессии извне рано или поздно кровнородственные связи восстанавливались. Огромное значение в жизни восточных пуштунов играл свод обычаев Пуштунвали, главными понятиями которого являлись нанг и бадал. Нанг (честь) и его защита являлись высшей ценностью в жизни каждого пуштуна. Нанг вождя и рядового воина имели для племени одинаковую ценность, так как оскорбление чести одного члена племени было позором для всех соплеменников. Точное определение сути принципа нанга дал российский исследователь И.Е. Катков: «Неписаные правила воинской доблести, устоявшиеся представления о долге и чести наряду с суровым осуждением любых проявлений малодушия, трусости, предательства составляют суть нанга»{8}. Любое посягательство на независимость, землю, имущество, агрессия против союзного племени, не говоря уже об убийстве одного из родственников, было нарушением нанга. Тогда вступал в силу закон бадала (воздаяния) – закон кровной мести, которая могла длиться веками{9}. Кровопролитие могло прекратиться только в том случае, если одна из сторон сдавалась на милость победителя. Иногда с помощью влиятельного посредника удавалось, не доводя дело до крови, уладить конфликт, заплатив крупный выкуп. Важно учесть, что принцип бадала распространялся и на отношения любого пуштунского племени с государственными органами власти. Государство в глазах пуштунов было верховным ханом и даже иноземным племенем. Так, в феврале 1945 г. афганский посол в Москве Султан Ахмад-хан, объясняя ситуацию на индо– афганской границе, заявил советскому послу в Кабуле Бакулину: «Около сотни лет англичане управляют нашими племенами в так называемой „полосе независимости“, но они ничего им не дали, даже не научили их понимать, что такое Англия. Абсолютное большинство населения этих племен представляют

англичан как одно из племен, которое нападает на них, убивает, и они, в свою очередь, убивают англичан. Большинство из них даже не знает, что Англия большое государство»{10}.

Традиционная система самоуправления пуштунского племени была призвана защищать честь и достоинство всех без исключения его членов. Все вопросы, затрагивающие интересы двух и более хелей (родов), всегда обсуждались на общем собрании племени (джирге). Решение принималось только при полном согласии всех собравшихся. Если единодушия достигнуть не удавалось, дело откладывалось на неопределенный срок, до новой джирги. Такая система крайне затрудняла влияние внешних сил (государственных структур, партий, спецслужб и т. д.) на пуштунские племена.

Большая часть восточных пуштунов исповедует ислам суннитского толка, и лишь племя тури и ряд хелей оракзаев, бангашей и афридиев являются шиитами. Мусульманское духовенство пользовалось огромным авторитетом и властью в племенах северо-западной границы Британской Индии. За многовековую историю борьбы пуштунов против завоевателей у них сложилась традиция объединяться вокруг всеми почитаемого «святого человека» (пира, шейха, факира) из местного духовенства. Так как и сикхи, и англичане не были мусульманами, война против них превращалась в священную войну (джихад). Ислам позволял горным племенам преодолеть вражду и объединиться для отпора захватчикам.

Основными занятиями восточных пуштунов являлись земледелие и скотоводство. Природные условия в зоне их проживания крайне неблагоприятны для ведения сельского хозяйства. Редкие дожди и сорокаградусная жара летом в сочетании с малоплодородной почвой не позволяют собирать хорошие урожаи{11}. Даже при искусственном орошении урожай часто погибал. Чтобы выжить в таких условиях, необходимо было иметь адское трудолюбие и огромное мужество. Разведение крупного рогатого скота практиковалось в северной части зоны пуштунских племен, где находились отличные горные пастбища. В засушливых южных районах преобладало кочевое овцеводство. Из-за недостатка кормов для своих стад восточные пуштуны каждое лето вынуждены были откочевывать на север – в Афганистан.

Важной статьей дохода для многих пуштунов являлась транзитная, в значительной мере контрабандная, торговля. Для многих племен она стала основным занятием. Каждую зиму, вернувшись из Афганистана, пуштуны отправлялись в Индию для закупки товаров, которые пользовались спросом у афганского населения. Во время летних перекочевок все закупленное доставлялось к месту назначения. Львиную долю прибыли от реализации товаров получали вожди племен, которые в XX в. превратились в крупных купцов-оптовиков. Доходы же рядовых пуштунов были незначительны. Более того, эта торговля, начиная со второй половины XX в., постоянно сокращалась из-за возраставшей конкуренции английских фирм и афганских купцов.

Хорошо были развиты у восточных пуштунов домашние ремесла: вышивка тканей, изготовление ковров и т. д. Но самым доходным и необходимым промыслом было изготовление холодного и огнестрельного оружия. Он был распространен во всех горных племенах, но только вазиры и хайбарские афридии славились своими мастерами по производству многозарядных винтовок. Наиболее сложные детали к ним тайно закупались у оружейных фирм в Индии, а в мастерских производилась их сборка. С начала XX в. вазиры даже стали отливать примитивные пушки. А накануне Второй мировой войны, по данным советской разведки, в Северо-Западной Пограничной провинции Британской Индии тайно действовало около 3 тыс. ремесленных мастерских, изготовлявших английские винтовки{12}.

Оружие часто помогало восточным пуштунам не только защитить свою независимость, но и выжить в трудное время. Когда урожай погибал или начинался массовый мор скота, единственный способ спастись от голодной смерти был грабительский налет на богатые населенные пункты, расположенные в равнинах. Веками пуштунские племена прибегали к этому способу, чтобы выжить. В сознании пуштунов грабеж жителей долин был таким же

законным занятием, как торговля и скотоводство. В племени африди существовал даже обряд посвящения младенцев-мальчиков в воры. Так как равнины Инда в основном населяли немусульмане, грабительские рейды против «неверных» поощрялись мусульманским духовенством, которое в них видело одну из форм джихада.

Глава 2

Кровавая граница

Горные районы Афганистана и Правобережья р. Инд, где проживает большинство пуштунов, труднодоступны и бедны природными ресурсами. Однако через зону пуштунских племен проходят наиболее удобные пути в Индию. Через горные ущелья в отрогах Гиндукуша вынуждены были проходить все завоеватели Индии от Александра Македонского до иранского шаха Надира. Англичане проникли на Индостан, используя морские пути, но они также хорошо понимали стратегическое значение Афганистана и сопредельных ему территорий. В связи с этим в XIX в. в Лондоне сделали ставку на установление британского контроля над этим регионом. В результате почти на столетие Великобритания оказалась втянутой в перманентную войну с пуштунскими племенами, большинство из которых ей так и не удалось покорить.

Впервые Англия проявила интерес к зоне проживания пуштунов в начале XIX в., когда стало ясно, что Наполеон стремится организовать поход на Индию. В связи с этим английские власти в Индии организовали в 1802—1812 гг. несколько разведывательных экспедиций для сбора сведений о горных племенах, контролирующих горные проходы из Афганистана в Индию{1}. В ходе первой англо-афганской войны 1838—1842 гг. англичанам и их союзникам сикхам пришлось столкнуться с упорным сопротивлением пуштунских племен. Восставшие гильзаи в ходе этой войны прервали сообщение между британскими войсками в Кабуле и Индией. Они же уничтожили 20-тысячную английскую армию во время ее отступления из Афганистана{2}. Лишь одному человеку (!), хирургу Уильяму Брайдону, удалось спастись. Британское командование впервые испытало на себе страшную силу «афганского капкана», для которого уничтожение любой европейской армии было лишь вопросом времени. Осознав, какую грозную силу представляют пуштунские племена, Великобритания временно отказалась от захвата их территории, пока не будет завоевана вся Индия.

В 1849 г. сразу же после захвата Пенджаба англичане оказались втянутыми в дорогостоящую и ожесточенную войну с горными племенами. Для охраны границы от их набегов была создана Пенджабская пограничная стража численностью свыше 12 тыс. человек{3}. Но этот отряд, считавшийся самым боеспособным среди английских войск в Индии, не мог в одиночку решить проблему безопасности индо-афганской границы. Поэтому вдоль нее было возведено 15 крупных фортов и 50 военных постов, в каждом из которых размещались сильные гарнизоны английских войск{4}. Только в Пешаваре постоянно находилась одна дивизия, усиленная горной артиллерией{5}. Все укрепленные пункты были связаны между собой вновь построенными дорогами, по которым в нужный момент перебрасывались подкрепления. Однако строительство этих фортов только спровоцировало пуштунов на новые вооруженные рейды, так как эти укрепления были построены на землях пуштунских племен. По этому поводу британский колониальный чиновник Темпль писал: «Чтобы одной этой системой вполне сдержать буйство горцев, потребовалась бы не более не менее как китайская стена на протяжении 800 миль с достаточным комплектом сторожей»{6}.

Как свидетельствует английский генерал Эдай, только в 1850—1857 гг. английское командование провело 16 крупных карательных экспедиций против пуштунов. В каждой из них участвовало до 5 тыс. войск, но все они были малоэффективны. Главнокомандующий британской армией в Индии Роз признавал, что «результаты прежних экспедиций были неудовлетворительны и цель их – навести страх на горные племена... не была достигнута»{7}. Более того, возникла угроза общего восстания пуштунов. Чтобы избежать такого развития событий, англичанам пришлось в 1849—1878 гг. предпринять 35

карательных экспедиций, затратив на них 58 млн рупий{8}.

Больше всего колониальные власти в Индии боялись союза восточных пуштунов с эмиром Афганистана Достом Мухаммедом, который долгое время не признавал захвата Великобританией г. Пешавара. В своих мемуарах фельдмаршал Робертс Кандагарский впоследствии вспоминал: «Постоянные беспокойства на границе, главным образом, вызывались враждебностью... эмира, и это тревожное состояние грозило усилиться, если не удастся достигнуть согласия с Дост Мухаммедом»{9}.

С этой целью вице-король Индии Дальхузи поручил английскому комиссару в Пешаваре Эдварсу вступить в переговоры с афганским правителем и заставить его признать права Англии на Правобережье Инда вместе с г. Пешаваром. В 1855 г. Дост Мухаммед под нажимом англичан все же подписал соглашение, которое юридически оформило присоединение к Британской Индии главного центра зоны пуштунских племен г. Пешавара{10}.

После этого события Великобритания стала более смело продвигаться в глубь зоны пуштунских племен. Уже в 1856 г. генерал Джекоб обратился к вице-королю Каннингу с предложением занять Боланский проход и перенести границу к Кветте, где он планировал создать укрепленный пограничный пост{11}. Реализация этого плана позволила бы Англии взять под свой контроль путь из Индии на г. Кандагар, но для этого было необходимо захватить земли племени какар в Северном Белуджистане. Народное восстание 1857—1859 гг. в Индии отсрочило выполнение этого проекта. Только в 1859 г. Джекоб смог приступить к выполнению своего замысла{12}. Однако, встретив упорное сопротивление горцев, британские колониальные власти вновь вынуждены были отступить.

Особенно англичан напугали события 1863 г., когда крупная карательная экспедиция под командованием генерала Н. Чемберлена едва не была уничтожена объединенными силами племен Бунера и Свата{13}. Британское правительство в 1864 г. приказало прекратить карательные операции против пуштунов. Затишье на индо-афганской границе продолжалось до 1876 г. Даже правительство Б. Дизраэли, провозгласившего в 1874 г. «наступательную политику», целью которой являлся захват Великобританией Афганистана, Ирана и Средней Азии, не рискнуло сразу же возобновить военные действия против пуштунских племен.

В 1876 г. новым вице-королем Индии был назначен лорд Литтон, который сразу же начал подготовку ко второй англо-афганской войне. Для оправдания своей агрессивной политики Англия использовала миф о «русской угрозе» Индии, которая якобы возникла в результате завоевания Россией Средней Азии. Чтобы отразить эту «угрозу», предполагалось завоевать Афганистан, а затем создать вассальные княжества в Герате и Кандагаре{14}.

Согласно доктрине «наступательной политики», «стратегическая» граница Британской Индии должна была пройти по р. Амударье, а «научная» – по Гиндукушу{15}. Литтон перед второй англо-афганской войной писал статс-секретарю по делам Индии маркизу Солсбери: «Мы теперь должны пересмотреть вопрос о том, что реально представляет собой наша северо-западная граница. Нынешняя линия (по р. Инд. – Ю. Т.) совершенно не соответствует своему назначению. Великой естественной границей Индии является хребет Гиндукуш с его отрогами, ему и надлежит быть нашей окончательной границей»{16}. Иными словами, британские колониальные власти в Индии первоочередной задачей «наступательной политики» считали захват земель восточных пуштунов.

Наученные горьким опытом англичане понимали, что выиграть новую афганскую войну можно только в том случае, если приграничные племена останутся нейтральными. Необходимо было лишить Афганистан «забора из колючей проволоки». В связи с этим британские власти провели целый комплекс военно-политических и экономических мер с целью обеспечения свободного прохода для своих войск через зону независимых пуштунских племен. В первую очередь был понижен земельный налог и ликвидирована подушная подать для равнинных пуштунов, а также прощены все недоимки. Резко возросла сумма субсидий, выплачиваемых племенам за «лояльность» к английским властям.

Подкуп восточных пуштунов Англией получил название «политики рупии». Самым

активным ее исполнителем являлся Роберт Сандеман, который с 1866 г. служил политическим офицером на границе с Белуджистаном и много сделал для укрепления британских позиций в районе Боланского прохода. Сандеман широко привлекал для строительства и охраны военных дорог отряды, сформированные из воинов местных племен. Фактически это был один из видов многочисленных субсидий, с помощью которых англичане подкупали пуштунские племена.

«Политика рупии» в Северном Белуджистане потребовала огромных средств, но принесла первый крупный успех администрации Литтона. В 1876 г. местные пуштунские племена согласились на свободный проход английских караванов через Боланский проход. В том же году хан Келата подписал кабальное соглашение с Великобританией, по которому он за ежегодную субсидию в 100 тыс. рупий разрешил англичанам постройку железной дороги и телеграфа к городу Кветте{17}. Вскоре Сандеману с помощью дополнительной субсидии в 25 тыс. рупий удалось добиться от келатского хана разрешения на оккупацию британскими войсками подступов к Болану. Теми же средствами удалось добиться нейтралитета племен Хайбара и Куррамского прохода. Путь на Кабул был открыт.

Необходимо отметить, что эти события в зоне пуштунских племен еще раз подтвердили, что самым опасным оружием англичан против Афганистана было золото, а не пушки. Племена восточных пуштунов в основном были бедны. Афганским эмирам они не подчинялись, хоте те и считали их своими подданными, поэтому британским агентам и удалось склонить независимые (!) племена к нейтралитету.

В ноябре 1878 г. Англия начала войну с Афганистаном. Эмирские войска без помощи племен не смогли сдержать продвижение британских войск по Хайбарскому и Куррамскому проходам, а Болан англичане миновали даже без единого выстрела. Эмир Мухаммад Якуб-хан, который взошел на афганский престол после смерти своего отца Шер Али-хана, прекратил сопротивление и заключил с Великобританией неравноправный Гандамакский мирный договор. Согласно его статьям Якуб-хан передавал под британское «управление» районы Сиби, Пишина и Куррама; под английский контроль переходили Хайбарский и Мичнинский горные проходы{18}. В результате этого соглашения Англия присоединила к своим владениям в Индии еще одну часть зоны пуштунских племен.

Хотя и вторую англо-афганскую войну 1878—1880 гг. Великобритания проиграла, ей все же удалось сохранить в силе Гандамакский договор, и все захваченные пуштунские земли остались в составе Британской Индии. Теперь перед колониальными властями стояла трудная задача – реально, а не на бумаге, овладеть этими территориями. В первую очередь, англичане стремились закрепиться в Хайбаре. В 1881 г. они, понимая, что быстро покорить горцев невозможно, пошли на крупные уступки племенам Хайбара и заключили с афридиями соглашение, ставшее образцом для составления всех последующих договоров между англичанами и племенами восточных пуштунов. По этому соглашению: 1) британское правительство признавало независимость горных племен и выводило свои войска из важных крепостей в Хайбарском проходе Али-Меджида и Ланди-Котала; 2) за крупную субсидию охрану Хайбара и движения по нему брали на себя афридии; 3) все торговые пошлины собирали британские власти; 4) ответственность за мир и порядок в проходе несли все роды (хели) афридиев; 5) для охраны прохода был создан специальный отряд «Хайбарских стрелков» из воинов афридиев под командованием английских офицеров{19}. Англичане также сохранили для афридиев, как и для всех других горных племен, полное самоуправление и не обложили их налогами. Очень важно отметить, что в этом договоре ничего не говорилось о признании племенем афридии английского протектората, хотя позднее в Англии именно так стали трактовать это и множество других соглашений с племенами восточных пуштунов{20}.

В других частях зоны пуштунских племен Великобритании пришлось прибегнуть к старой практике карательных военных экспедиций против горных племен. Даже в Белуджистане, где британские позиции были самыми прочными, какары и тарины признали контроль Великобритании над их землями только после 4 лет упорной борьбы. Именно эти события

показали, что, хотя Сандеман, по словам его современников, «умостил дорогу от Инда до Кандагара рупиями», власть Англии в Белуджистане была крайне слаба и держалась только на штыках{21}. В связи с этим британские власти приняли решение приступить к строительству новых фортов в наиболее важных горных районах.

Установив надежный контроль над Боланом и обеспечив лояльность племен Хайбара, Англия вскоре начала покорение других пуштунских племен, территория которых по Гандамакскому договору не входила в сферу ее контроля. Главной задачей Великобритании было опередить афганского эмира Абдуррахман-хана, который не собирался без борьбы отдавать земли восточных пуштунов англичанам. Используя все средства восточной дипломатии, он усилил свое влияние в Читрале, Баджауре и Вазиристане, где многие племена и хели получали от него субсидии и оружие{22}. В 1892 г. в Читрал и Вазиристан вошли афганские войска, а местное население стало принимать афганское подданство.

Великобритания не могла допустить, чтобы Вазиристан вошел в состав Афганистана, так как в этом случае она теряла контроль над стратегически важным Куррамским проходом. Поэтому вице-король Индии Лансдаун 1 октября 1892 г. предъявил эмиру Абуррахману ультиматум с требованием вывести его войска из Вазиристана. Из-за угрозы новой войны с Англией афганский правитель вынужден был подчиниться. По той же причине не удалось афганскому эмиру присоединить к Афганистану Читрал и Баджаур.

После этих событий в Лондоне приняли решение вынудить Абдуррахман-хана окончательно отказаться от всех земель восточных пуштунов. Чтобы заставить эмира заключить унизительное соглашение, Великобритания сосредоточила на индо-афганской границе крупную группировку войск и объявила экономическую блокаду Афганистана{23}. Эти меры давления заставили Абдуррахман-хана согласиться на прибытие в Кабул статс-секретаря по иностранным делам Британской Индии М. Дюранда, который должен был заставить афганского эмира отказаться от попыток подчинить себе горные племена вазиров, афридиев, момандов и прекратить продвижение в Читрал. Взамен английский дипломат мог обещать Абдуррахман-хану выплату ежегодной субсидии в 1 млн 800 тыс. рупий и отмену экономической блокады.

У английского представителя на переговорах в Кабуле был еще один крупный козырь – перед отъездом в Афганистан ему удалось подкупить вождей некоторых племен, ранее получавших субсидии от эмира. Англия обязалась платить им в несколько раз больше, чем Кабул, и этим переманила на свою сторону. Понимая, что Афганистан не готов к войне с Англией, а горные племена ненадежные союзники, Абдуррахман подписал соглашение с Дюрандом.

Соглашение 1893 г. – крупный успех британской дипломатии. Согласно «линии Дюранда», по которой прошло разграничение между Афганистаном и Индией, под английский контроль передавались: район Хайбара, княжества Дир, Сват, Читрал, Баджаур и часть Вазиристана. Около 1,5 млн патанов против своей воли формально стали «британскими» подданными{24}.

С 1893 г. англичане приступают к захвату стратегических пунктов в зоне пуштунских племен, которые оказали яростное сопротивление британским войскам. Англо-индийские власти вынуждены были ежегодно проводить крупномасштабные военные операции для покорения пуштунов. Средняя стоимость каждой из них составляла астрономическую в XIX в. сумму – 3 млн фунтов стерлингов{25}. Но английское правительство, боясь «русской угрозы», шло на эти огромные расходы, стремясь любой ценой перекрыть своими фортами все пути в Индию. В 1897 г. вице-король Элгин получил из Лондона инструкции, в которых указывалось: «Перед нами стоят две цели: первая – как можно быстрее умиротворить приграничные племена, установить над ними контроль и наладить дружественные отношения с племенами по ту сторону нашей собственной (административной. —Ю. Т.) границы; вторая – добиться свободного прохода наших войск к научной границе Индии для защиты от вторжения извне... Если с помощью военных постов нам удастся усмирить и присоединить эти племена, то это будет большим нашим достижением. Если же мы сделаем

их еще более враждебными, то наш выигрыш теоретически будет состоять в том, что, оккупировав их территорию, мы сможем отлично перекрыть войсками... горные пути (в Индию. – Ю.Т.)»{26}.

В ответ на захватническую политику Великобритании восточные пуштуны подняли в 1897 г. всеобщее восстание, в котором участвовали пограничные племена от Свата до Вазиристана. Начало восстания было успешным. Все английские форты в Хайбарском проходе были захвачены афридиями. Афганский эмир предоставил восставшим 80 тыс. ружей с боеприпасами{27}. Под ударами патанов британские войска вынуждены были отступить из всех ранее занятых пунктов. Лишь сосредоточив 80-тысячную армию, Англии с большими трудностями все же удалось подавить это восстание{28}. Из-за больших военных расходов Индия оказалась на грани банкротства. Масштаб и сила восстания приграничных пуштунских племен так напугали английское правительство, что оно приняло решение временно отложить их покорение и прекратить строительство укреплений на землях восточных пуштунов. Великобритания вынуждена была также отказаться и от всеобщего разоружения пуштунов, так как на это ушло бы не менее 2 лет, а затраты составили бы 15 млн фунтов стерлингов{29}.

Восточные пуштуны не были обложены налогами и сохранили полную автономию во внутренних делах. Британские законы не распространялись на горные районы, где проживали пуштунские племена. Попытка завоевания и «умиротворении» пуштунов Британской Индии провалилась.

Демаркация новой индо-афганской границы также не была проведена, и «линия Дюранда» даже в английских документах до 1947 г. именовалась не границей, а «предварительной линией»{30}. Дело в том, что эмир Абдуррахман– хан был обманут М. Дюрандом во время переговоров в Кабуле. Афганский правитель из-за неумения читать карту считал, что граница по «линии Дюранда» сохранит все земли момандов в составе Афганистана. Английский дипломат «промолчал» об этой ошибке эмира, и договор был подписан в английском варианте. В 1896 г. Абдуррахман-хан опротестовал карту к договору 1893 г., но вице-король Индии Элгин заставил его официально согласиться на уступку земель момандов{31}. Тогда оскорбленный эмир стал саботировать деятельность англо-афганской комиссии по демаркации границы и помешал установке пограничных знаков вдоль «линии Дюранда». Он также через своих тайных эмиссаров продолжал оказывать скрытую помощь восточным пуштунам в их антибританской борьбе.

Восстание 1897 г. доказало британским политикам полную невозможность размещения английских войск в зоне пуштунских племен. В Лондоне осознали, что покорение приграничных племен пока невозможно и потребует новой, более гибкой политики от англо-индийских властей. Поэтому новый вице-король Индии Керзон добился от Лондона согласия на вывод всех английских войск из зоны пуштунских племен и образования новой Северо-Западной Пограничной провинции (СЗПП). В состав этой провинции вошли административные округа Хазара, Пешавар, Кохат, Банну, Дера Исмаил-хан и полоса «независимых» пуштунских племен{32}. Административным центром СЗПП стал г. Пешавар, где находилась резиденция главного комиссара, управлявшего провинцией. Административные округа управлялись помощниками комиссара. Все чиновничьи посты в местной британской администрации были переданы в руки пуштунской знати, которая и обеспечивала порядок в дистриктах и сбор налогов. Дела, связанные с горными племенами, находились под контролем политических офицеров, возглавлявших пять агентств: Малакандское, Хайбарское, Куррамское и два Вазиристанских (северное и южное). По всей линии административной границы была создана сеть разведывательных бюро для сбора информации в зоне племен и приграничных районах Афганистана{33}. Создание СЗПП позволило британским властям упрочить свои позиции в приграничных с Афганистаном районах, создав довольно эффективную систему управления в районах проживания пуштунов.

Взамен выведенных из зоны пуштунских племен английских войск, а также для охраны

административной границы от рейдов горных племен были созданы подразделения сватской, дирской, читральской, куррамской и вазиристанской милиции, набранные из воинов местных племен{34}. Эти отряды были вооружены английским стрелковым оружием и находились под командованием британских офицеров.

Самым образцовым отрядом племенной милиции северо-западной границы являлись «Хайбарские стрелки», охранявшие наиболее важный проход из Афганистана в Индию. В 1899 г. численность этого формирования была увеличена в 1,5 раза и составила 1200 человек. Одновременно количество английских войск в проходе уменьшилось вдвое. Теперь они были сосредоточены у входа в Хайбар, а все крепости и форты в нем самом передавались «Хайбарским стрелкам»{35}. Эта схема взаимодействия племенной милиции с частями регулярной армии, которые были готовы в случае опасности оказать помощь иррегулярным частям в полосе «независимых» пуштунских племен, стала типичной для северо-западной границы Британской Индии.

По административной границе начались крупные фортификационные работы с целью расширить и усилить старые пограничные крепости. Особо важное место при этом уделялось созданию сети современных шоссейных и железных дорог, которые должны были обеспечить быструю переброску войск в любой пограничный район. Так, в 1901—1902 гг. были построены железные дороги к Малакандскому проходу и форту Тал (Куррам).

Как дальновидный политик, Керзон прекрасно понимал, что многочисленные рейды горных племен во многом вызваны их крайней нищетой. Поэтому он осуществил ряд мер для улучшения материального положения восточных пуштунов. Вначале увеличил в несколько раз сумму субсидий, выплачиваемых племенам. Впервые крупные суммы были выделены для раздачи среди хелей, проживавших на равнинах. Чтобы улучшить положение с продовольствием в СЗПП, колониальные власти стали в широких масштабах орошать засушливые долины Правобережья Инда{36}. Строительство оросительных каналов и ввод в сельскохозяйственный оборот новых земель позволили начать переселение многих племен на равнины, где им было легче прокормиться. К тому же раздачей самых лучших земельных участков вдоль каналов британской администрации удалось еще больше укрепить союз с ханами племен, многие из которых стали верными слугами Британской империи. Благодаря отказу от захвата горных районов зоны пуштунских племен и союзу с племенной знатью Великобритании в начале XX в. удалось временно умиротворить восточных пуштунов, которые фактически смогли отстоять свою независимость от Великобритании. Полстолетия понадобилось Великобритании, чтобы захватить горные проходы из Афганистана в «жемчужину британской короны».

Однако перед началом Первой мировой войны обстановка на индо-афганской границе снова обострилась. Восстания восточных пуштунов в 1904—1913 гг. следовали одно за другим. Кабул продолжал оказывать им помощь. Английский военный историк Эллиот дал точную оценку боевым действиям британских войск против горных племен в эти годы: «Война на границе велась не с вражеской армией – врагом было все население»{37}. Из-за постоянных восстаний пуштунов полоса «независимых» племен стала, по меткому выражению комиссара СЗПП Гамильтона Гранта, «приграничной раной» Британской Индии. Отныне любой враг Англии стремился нанести ей удар в эту болевую точку. Британские власти в Индии прекрасно понимали это и уже в сентябре 1914 г. привели в полную боевую готовность три дивизии, сосредоточенные на границе с Афганистаном{38}. Дальнейшие события показали, что данная предосторожность оказалась оправданной.

Глава 3

Миссия Нидермайера – Хентига: первые успехи германской разведки в зоне пуштунских племен

Взрывоопасная обстановка на индо-афганской границе сразу же привлекла внимание Германии, которая всеми средствами пыталась ослабить Великобританию. Еще в 1904 г. кайзер Вильгельм II в личном письме российскому императору Николаю II писал: «Граница Индии с Афганистаном – это единственное место земного шара, где весь британский флот

ничего не может поделать и где пушки его бессильны отразить вторжение неприятеля»{1}. Правильно оценив возможные выгоды, которые реально было извлечь, спровоцировав восстание пуштунских племен, немецкий Генеральный штаб и Министерство иностранных дел сразу же после начала Первой мировой войны решили направить в Афганистан дипломатическую миссию с целью вовлечь эту страну в войну против Англии{2}. В Берлине надеялись склонить эмира Хабибуллу к союзу против Великобритании, гарантировав ему возвращение всех ранее захваченных англичанами пуштунских земель. Вероятно, руководство Германии рассчитывало, что добьется от Кабула если не военного союза, то разрешения использовать афганскую территорию для развертывания подрывной деятельности среди мятежных патанов. С помощью золотых монет и письма турецкого султана с призывом к джихаду немцы надеялись разжечь мощное антибританское восстание пуштунов.

Первенство в организации миссии в Афганистан принадлежало германскому Генштабу, в котором хорошо понимали, какой грозной силой были пуштунские племена. Чтобы использовать их мощь против Великобритании, германское командование решило снарядить специальную миссию в Иран и Афганистан с целью их «революционизации». При поддержке турецкого правительства в начале 1915 г. на Средний Восток отбыла группа немецких военных разведчиков во главе с Оскаром фон Нидермайером, который в 1912—1914 гг. участвовал в экспедиции Мюнхенского университета в Иран.

25 апреля 1915 г. группа Нидермайера прибыла в Тегеран, после чего немцы активно приступили к созданию своей шпионско-диверсионной сети в этой стране. Нидермайер хорошо понимал, что успеха в Афганистане добиться было нельзя без надежного «коридора» между этой страной и Турцией. В связи с этим глава германской военной миссии не жалел денег на вербовку агентуры в Иране. Его усилия принесли ценные результаты. Так, в г. Исфагане был установлен мощный радиопередатчик, который обеспечил надежную связь с германской военной миссией в Стамбуле{3}. Во многие иранские города Нидермайер разослал своих подчиненных и агентов с целью ведения разведки и организации подрывных акций против русских и британских войск. Изучив обстановку на подступах к Афганистану, он предложил прорываться в «страну джихада» через русские и британские кордоны несколькими группами, чтобы свести к минимуму провал этой рискованной операции.

Соперничество между Генеральным штабом и Министерством иностранных дел Германии привело к тому, что немецкая миссия в Афганистан оказалась фактически разделенной на две части: «военную» во главе с Нидермайером и «дипломатическую», возглавляемую Вернером фон Хентигом, который в 1913—1914 гг. был секретарем посольства Германии в Тегеране{4}. В состав группы Хентига входили, кроме немцев, Мохаммед Баракатулла (личный представитель афганского эмира в Европе), раджа Кумар Махендра Пратап, а также шесть афридиев. Включение в миссию индийских националистов и пуштунов ясно указывало, в каком направлении будут действовать немцы после того, как достигнут Кабула.

В июне 1915 г. Нидермайер стал рассылать мелкие группы немцев по самым разным маршрутам. Таким образом он добился дезориентации противника. Лишь после этого в направлении Афганистана двинулся главный караван. У Хентига хватило ума полностью подчиниться своему сопернику, который хорошо знал местность и обычаи населения. Более того, Нидермайер был членом тайной секты бехаитов, которые оказали немцам большую помощь во время пути. Одним словом, только опытный военный разведчик мог успешно прорваться со своими людьми в Афганистан, минуя все британские и русские кордоны.

Нидермайер прекрасно понимал, что Россия и Великобритания попытаются перехватить его караван на марше, поэтому выбрал маршрут через пустыню Даште-Кевир. Не жалея людей и верблюдов, Нидермаейр двигался к афганской границе со скоростью 40—50 км за один ночной переход{5}. При жаре 50 градусов по Цельсию это был очень большой темп продвижения, но именно благодаря ему немцам удалось избежать русского плена.

Все старания Великобритании и России перехватить немцев во время их перехода через Иран оказались безуспешными. 30 июля 1915 г. небольшому отряду казаков удалось

окружить в Каине группу немцев во главе с Вагнером и Пашеном. Целый день между противниками шла перестрелка, а ночью германский отряд смог уйти. Правда, казаки сумели захватить часть оружия и сундуки с золотыми монетами, которые предназначались для пуштунских племен{6}. 15 августа русский кавалерийский отряд обнаружил след каравана Нидермайера и начал погоню. Немцы к тому времени опережали казаков на сутки с лишним и фактически были вне досягаемости. Несмотря на это, преследование миссии Нидермайера – Хентига продолжалось несколько дней и было прекращено лишь в 50 км от афганской границы{7}.

В ночь с 20 на 21 августа 1915 г. германская миссия прибыла в Афганистан. Обстановка в стране и полосе «независимых» племен Британской Индии была очень благоприятна для немцев. Объявление турецким султаном Мехметом V, который являлся халифом всех мусульман-суннитов мира, джихада против Великобритании и ее союзников было с одобрением встречено населением Афганистана и пуштунами Британской Индии.

Американский историк Л. Адамек в одной из своих работ по истории Афганистана отметил, что турецкая пропаганда среди пуштунских племен относительно угрозы халифату и исламу была очень эффективна{8}. Не случайно первый антибританский заговор, который возник в Индии среди мусульманского духовенства, имел, как было объявлено, своей целью защиту халифа и халифата. Организатором этого заговора стал маулави Абдул Рахим из Лахора, который в 1914 г. выехал из Индии в Мекку, откуда с помощью своих сторонников стал готовить восстание пуштунских племен. Люди Абдул Рахима распространяли среди них письмо турецкого губернатора Мекки Халиб-бея с призывом вторгнуться в Пенджаб{9}.

В результате этой пропаганды уже в апреле 1915 г. моманды под руководством видного улема Ходжи Сахиба Турангзая начали боевые действия против английских войск близ Пешавара. Лашкар Туранзая из 4 тыс. момандов, получив оружие и боеприпасы от афганского эмира, совершил ряд нападений на английские форты{10}. Вскоре к момандам присоединились юсуфзаи Бунера и Свата, а затем восстали вазиры долины р. Точи. Англичане были вынуждены направить в СЗПП дополнительные подразделения канадских войск{11}.

Нападения на английские форты и военные посты происходили по всей индо-афганской границе. Довольно часто нападавшие укрывались от преследования британских войск на афганской территории. В связи с этим английское командование попыталось добиться разрешения вице-короля Индии на то, чтобы в случае необходимости каратели могли вторгаться в приграничные районы Афганистана. Однако получили категорический отказ: «Сейчас не тихие дни 1901 г. и 1905 г., когда мы могли наступать Афганистану на мозоль. Болезненная чувствительность афганцев сегодня является фактором мировой политики, и если в Афганистан вторгнутся регулярные войска, в стране запылает восстание»{12}. О ситуации 1915 г. на северо-западной границе Индии красноречиво говорит тот факт, что колониальные власти были готовы в крайнем случае начать эвакуацию из приграничных районов{13}. Вдохновленный первым успехом, Абдул Рахим в августе 1915 г. приехал в Кабул, чтобы при турецкой и афганской помощи подготовить в следующем году всеобщее восстание пуштунов Британской Индии.

2 октября 1915 г. миссия Нидермайера—Хентига въехала в Кабул. Ее прибытие усилило позиции сторонников войны с Англией в Афганистане. Но эмир Хабибулла-хан всеми способами затягивал переговоры с немцами, ожидая дальнейшего развития событий в Европе. Одновременно он, уступая сторонникам войны с Англией во главе с его братом Насруллой-ханом, разрешил туркам, которые выполняли задание немцев, выехать в районы проживания момандов, афридиев и вазиров{14}. Эмир также не стал мешать возвращению домой патанов, дезертировавших из частей английской армии во Франции. В Берлине правильно рассчитали, что их возвращение еще больше обострит обстановку в полосе «независимых» племен Британской Индии. Поэтому в 1915 г. британские власти были крайне обеспокоены появлением в Хайбаре дезертиров афридиев, которые, имея опыт войны в Европе, сразу же включились в борьбу против Англии. Набор пуштунов в британскую

армию был немедленно прекращен, но было уже поздно{15}.

В январе 1916 г. Хабибулла-хан, учитывая антианглийские настроения населения Афганистана, заключил договор с Германией. Этот договор был составлен таким образом, что его подписание не мешало эмиру продолжать политику нейтралитета. Однако договор с Германией породил среди пуштунов южных районов Афганистана и полосы «независимых» племен Индии надежду на скорое объявление джихада. Пуштунские племена ждали только сигнала к войне против Англии. Если бы восстали горцы «независимой» полосы, джихад начался бы и в Афганистане. Чтобы предотвратить эту реальную опасность, Хабибулла созвал в Кабуле совещание самых влиятельных вождей пуштунских племен и мусульманских богословов, на котором сообщил, что будет продолжать политику нейтралитета{16}. Пуштунским племенам Британской Индии после окончания этого совещания эмир направил личное письмо, в котором призывал их к выдержке и обещал помощь оружием. О начале джихада эмир писал следующее: «Мы очень довольны вами и вашей готовностью к джихаду, который, если соблаговолит Аллах, начнется следующим летом»{17}. В конце своего послания к племенам Хабибулла-хан добавил, что выступит против Великобритании только тогда, когда к берегам Индии приплывут германские корабли. Эта оговорка свидетельствовала о твердом желании афганского правителя сохранить мир с Великобританией.

Нидермайер и Хентиг еще не догадывались о двойной игре Хабибуллы и полагали, что все его заявления о нейтралитете служат лишь прикрытием для подготовки войны с Англией или, по крайней мере, восстания пуштунских племен по «линии Дюранда». Эмир своими действиями создавал видимость таких приготовлений. В начале 1916 г. с помощью немцев он укрепил некоторые приграничные крепости и приступил к реформе афганской армии. В короткий срок германские офицеры во главе с Нидермайером организовали несколько военных школ для подготовки командного состава эмирских войск и построили оборонительную линию вокруг Кабула. Поле этого по разработанному немцами плану афганская армия провела маневры с целью отражения вероятного наступления британских войск{18}.

Из Кабула немцы смогли наладить антибританскую деятельность среди приграничных пуштунских племен. Оказавшись после поражения III Рейха в советском плену, Нидермайер дал следующие показания о своей деятельности в Афганистане в годы Первой мировой войны: «Нам удалось организовать повстанческое движение отдельных племен против англичан. В племена была внедрена немецкая агентура, которая провела большую работу по разжиганию ненависти в этих племенах к англичанам. Обычно мы вербовали вождей племен. При вербовке использовалась личная материальная заинтересованность (вождям племен мы преподносили ценные подарки) и демагогическая агитация. Было также налажено тайное снабжение оружием враждебных англичанам племен. За время нахождения в Афганистане я нелегально встречался с вождями племен, проникавших в западные части Индии»{19}.

Немцам удалось также заключить договор с ваххабитским «Комитетом сподвижников священной войны», по которому Германия обязалась предоставить этой организации огромные суммы и партии вооружения, чтобы спровоцировать антибританское восстание в зоне пуштунских племен.

Обрадованный первыми успехами Нидермайер составил докладную записку в Берлин, в которой изложил план действий германской агентуры в полосе «независимых» племен Британской Индии. Перед наступлением немецких и турецких войск в Иране будущей весной он планировал:

1. Провести дополнительные фортификационные работы на индо-афганской границе.
2. Организовать нападения на английские форты и транспортные колонны.
3. Развернуть антибританскую пропаганду в Индии.

Для успешной реализации своих замыслов Нидермайер просил Генеральный штаб выделить в его распоряжение 1 млн фунтов стерлингов, 2 самолета и новый мощный радиопередатчик для связи с Турцией{20}.

Немцы очень спешили спровоцировать восстание пуштунов и поэтому даже стали готовить заговор с целью свержения Хабибуллы. С их стороны это было крупной ошибкой, которой воспользовались англичане. Они сообщили об этом эмиру, и тот сразу же прервал все отношения с германской миссией{21}. Англия, в свою очередь, пообещала афганскому правителю увеличить ежегодную субсидию до 2,4 млн рупий и выплатить ему до 60 млн рупий после войны. Коварство немцев и британское золото заставили Хабибуллу принять решение об их высылке. В мае 1916 г. немцы вынуждены были покинуть Афганистан{22}.

Британская и российская разведки сразу же организовали охоту за Нидермайером и Хентигом, но тем удалось избежать двойной опасности. Спасло их то, что они покинули Афганистан разными путями. Нидермайер выбрал маршрут Кабул – Мазари-Шариф – Балх – Герат – Мешхед – Тегеран. В Иране он мог рассчитывать на помощь своих «друзей». Так все и вышло: переодевшись купцом, Нидермайер добрался до Турции, а затем спокойно вернулся на родину. Об опасности его «путешествия» говорит тот факт, что из трех десятков офицеров, сопровождавших его, в Германию вернулось лишь несколько человек. В марте 1917 г. кайзер Вильгельм II вызвал Нидермайера к себе для доклада и наградил орденом за его деятельность на Среднем Востоке{23}.

Хентиг избрал более длинный, зато более безопасный путь – через Гиндукуш и Китай в США, откуда он с дипломатическим паспортом комфортно прибыл в Германию. Видимо, у него был надежный канал связи с Китаем, через банки которого он получал деньги для своей деятельности в Афганистане. В то время американские доллары были экзотической валютой для Центральной Азии. А доверенный человек Хентига в Кабуле располагал крупной суммой денег именно в долларах США и снабжал горцев Вазиристана оружием даже после отъезда своего шефа. Впоследствии оставшиеся средства также были переведены из Кабула в Китай.

Неудача миссии Нидермайера – Хентига в Афганистане уже не могла остановить подготовку Германии к «Великому индийскому походу». Автором плана этого похода был начальник немецкого Генерального штаба Людендорф, который предложил сформировать из мусульман и индусов, взятых в плен на Западном и Восточном фронтах, специальный корпус для наступления на Индию. Предложение Людендорфа приняли, и близ Берлина создали специальные лагеря, где к концу 1916 г. находилось 50 тыс. индийцев, пуштунов, арабов и 40 тыс. мусульман из российского Туркестана. Германское командование предполагало создать из этих военнопленных 40-тысячный корпус для наступления через территорию Закаспия на Хиву, Бухару и Афганистан. После захвата этих государств Германия планировала установить над ними свой протекторат и сразу же начать наступление на Индию. В Берлине считали, что существенной помощью наступающим германским войскам будет восстание 110 тыс. пленных немцев и австрийцев в российском Туркестане{24}.

После отъезда немцев английские колониальные власти в Индии и афганский эмир объединили свои усилия для предотвращения всеобщего восстания приграничных пуштунских племен. Это была очень трудная задача, так как слух о начале джихада против Великобритании уже разнесся по всей индо-афганской границе. Открыто опровергнуть его Хабибулла не мог, опасаясь вызвать гнев афганцев. По этой же причине он не рискнул пресечь бурную деятельность своего брата Насруллы-хана и турецких агентов среди пограничных племен летом 1916 г.

Турки, значительное число которых осталось в Афганистане после отъезда Нидермайера и Хентига, успешно развернули среди пуштунов Афганистана и Британской Индии агитацию в защиту халифата. В июле 1916 г. главный комиссар СЗПП и политический агент в Хайбаре Рус-Кеппел сообщил в Симлу{25} о турецкой активности в Баджауре и Тирахе. В этом же месяце турки прибыли в Южный Вазиристан и районы близ Чамана{26}. Их деятельность среди масудов и вазиров была успешной: в Вазиристане в любой момент могли начаться антианглийские выступления.

В Южном Афганистане сложилась такая же взрывоопасная обстановка: мусульманское духовенство Кандагара приняло решение о начале джихада. Местные афганские власти в приграничных районах поддержали этот призыв кандагарских улемов{27}. Так, временный

губернатор Хоста Шах Бузург, нарушив приказ эмира поддерживать мир на границе, в августе 1916 г. организовал вторжение крупного лашкара на территорию Британской Индии{28}. В самом Вазиристане в октябре 1915 г. вспыхнуло крупное восстание вазиров под руководством Фазл Дина. Весь 1916 г. британское командование безуспешно пыталось ликвидировать восстание, которое грозило переброситься на другие районы полосы пуштунских племен{29}. Только проанглийская политика афганского эмира позволила британским властям отсрочить восстание масудов.

Хабибулла-хан срочно послал своих эмиссаров к приграничным племенам и объявил им, что «самовольное объявление священной войны против Англии... без его санкции является незаконным»{30}. Это предупреждение эмира, которого восточные пуштуны признавали своим духовным наставником, удержало племена Вазиристана от начала джихада.

Летом 1916 г. очень опасная для англичан обстановка сложилась в районе Хайбара. На границе Пешаварского округа уже год продолжалось восстание горных момандов под руководством Турангзая, против которого английское командование бросило 9 тыс. войск, но так и не смогло добиться успеха{31}. Для усиления блокады горных момандов Англия в результате сговора с ханами равнинных момандов создала при их содействии момандскую милицию. Эта мера позволила британским властям защитить Пешавар от рейдов отрядов Турангзая.

Британские власти успешно противодействовали антибританской деятельности турок среди афридиев. В июле 1916 г. в это племя также прибыли турецкие эмиссары с эскортом из дезертиров афридиев{32}. Турки предложили афридиям принять османское подданство и немедленно начать джихад против Великобритании, но получили вежливый отказ. Лишь при условии получения реальной помощи афридии были готовы поднять антибританское восстание. Поэтому англичане срочно укрепили крепость Джамруд в Хайбарском проходе.

К весне 1917 г. английским войскам все еще не удалось подавить восстания момандов и вазиров, а в марте уже поднялись на борьбу и масуды. 1 марта их 3-тысячный лашкар осадил военный пост Сарвекай. Чтобы спасти свой форт, английское командование направило в Гумал из Танка Дераджатскую бригаду, которой удалось деблокировать Сарвекай. Как показали дальнейшие события, успех был временным, так как после отхода бригады 9 мая масуды опять окружили этот военный пост.

Афганский эмир оказался в трудном положении – восстание в Вазиристане могло перерасти в мятеж всех пуштунских племен против Англии и него самого. Поэтому Хабибулла срочно отправил британским властям в Индии письмо с просьбой не предпринимать против масудов крупных карательных экспедиций, так как «это может помешать ему предотвратить всеобщее восстание пограничных племен, которое может вовлечь обе страны в войну»{33}.

Обстановка в Вазиристане была настолько опасной, что англичанам все же пришлось пойти на риск и летом 1917 г. начать крупное наступление в долине р. Хайсоры. Если бы они этого не сделали, угроза повторения событий 1897 г. стала бы реальностью. Два месяца английские войска под командованием генерала Бейнона при поддержке авиации вели боевые действия против масудов. Только 10 августа джирга масудов приняла решение прекратить сопротивление и заключить мирное соглашение с Великобританией{34}.

В 1917 г. англичанам с помощью авиации удалось подавить восстание момандов, которые прозвали британские самолеты «ангелами смерти». С этого момента вплоть до окончания Первой мировой крупных восстаний на северо-западной границе Британской Индии не было{35}.

Подводя итоги событий 1914—1917 гг. на индо-афганской границе, становится ясно, что Германия попыталась использовать освободительную борьбу пуштунов с целью ослабления Великобритании. Частично это ей удалось: опасаясь угрозы мятежа племен на индо-афганской границе, Англия не только не взяла ни одного полка с индо-афганской границы, но и была вынуждена перебросить туда войска, предназначавшиеся для отправки в Европу.

Глава 4

Третья англо-афганская война: пуштуны наносят Англии тяжелое поражение

Сразу же после окончания Первой мировой войны отношения между Великобританией и Афганистаном вновь ухудшились. Причина была все та же – полоса «независимых» пуштунских племен. Афганский эмир Хабибулла-хан в обмен за свою проанглийскую политику в 1914—1918 гг. стал требовать от Лондона предоставления Афганистану независимости и возвращения земель восточных пуштунов{1}. Вскоре после этого Хабибулла был убит, и на афганский трон взошел его сын Аманулла-хан, который сразу же провозгласил независимость своей страны от Англии. Третья англо-афганская война стала неизбежной. 3 мая 1919 г. афганские войска начали наступление на Пешавар через Хайбарский проход{2}. Через день Великобритания официально объявила войну Афганистану.

Начало боевых действий стало сигналом для нового антианглийского восстания приграничных патанов Британской Индии. В своих мемуарах бывший посол Великобритании в Кабуле В. Фрэзер-Тайтлер дал точную оценку обстановки в полосе «независимых» пуштунских племен после начала войны с Афганистаном: «Британский контроль над приграничной зоной исчез в течение нескольких дней»{3}. Из-за этого сложились благоприятные условия для начала наступления афганских войск на Британскую Индию.

Захват Пешавара являлся главной целью афганского командования. Выполнить эту задачу оно могло только с помощью лашкаров приграничных племен, численность которых превышала 200 тыс. воинов, из которых 80 тыс. были вооружены современными многозарядными винтовками. Этого было вполне достаточно, чтобы нанести британской армии ряд серьезных ударов{4}. Поэтому вице-король Индии лорд Челмсфорд сразу же после начала боевых действий на индо-афганской границе приказал главному комиссару СЗПП Рус-Кеппелу «не жалеть денег, лишь бы помешать выступлению племен»{5}. Но английское золото не возымело желаемого действия: началась цепная реакция восстаний горцев.

Вслед за этим возникло массовое дезертирство пуштунов из отряда «Хайбарских стрелков». Афридии не хотели сражаться против своих соплеменников. В скором времени из 1200 солдат у англичан осталось менее 200, да и те были в любой момент готовы перейти с оружием в руках на сторону восставших{6}. При содействии афридиев афганские войска без помех вышли к британскому форту Ланди-Котал и захватили насосную станцию, снабжавшую английские гарнизоны в Хайбаре горной питьевой водой{7}. При 60-градусной жаре и из-за отсутствия хорошей воды в английских войсках началась эпидемия холеры. Британское командование понимало, что необходимо как можно быстрее выбить афганцев из Хайбара, но ничего не могло сделать, так как войска срочно потребовались для подавления назревавшего мятежа в Пешаваре.

В столице СЗПП под руководством начальника почты Хайдар-хана готовилось восстание, в котором планировалось задействовать 7 тыс. вооруженных пуштунов для захвата железнодорожного узла, радиостанции и других важных военных объектов. Когда британским властям стало известно о заговоре, Пешавар был окружен войсками, а в самом городе введено военное положение. Чтобы сломить волю горожан к сопротивлению, англичане тоже прекратили подачу воды{8}. Решительные действия Рус-Кеппела позволили быстро стабилизировать обстановку в городе.

Лишь 11 мая 1919 г. британская армия смогла перейти в контрнаступление против афганских войск в Хайбаре. Англичане быстро выбили афганцев оттуда, но дальше продвинуться не смогли, так как уже в самом начале боев британское командование вынуждено было половину своих войск бросить против восставших племен. Выяснилось, что для контроля над этим проходом необходимо держать там целую дивизию. Сохранялась и угроза нападения приграничных племен на Пешавар, к которому с севера подошло несколько крупных лашкаров горцев{9}. Одним словом, войска, необходимые Великобритании для наступления в глубь Афганистана, оказались скованными партизанской войной патанов.

Еще более критическая ситуация для англичан сложилась на южном участке фронта: восставшие вазиры и масуды очистили от британских войск большую часть Вазиристана еще до подхода афганской армии. Отряды племенной милиции, созданные англичанами из мужчин местных племен, с оружием в руках переходили на сторону афганцев. Чтобы спасти гарнизоны отдаленных фортов от истребления, английское командование отдало приказ об отступлении, которое вскоре превратилось в паническое бегство. Не только малые форты, но и такие крупные английские крепости, как Вана, были захвачены восставшими племенами{10}. Афганским войскам под командованием генерала Надир-хана оставалось лишь развить достигнутый успех и нанести англичанам новый удар по важнейшей британской крепости Тал. 27 мая 1919 г. началась ее осада армией Надир-хана. «Неожиданный прорыв афганской армии и ополчений племен через Сулеймановы горы поставил на грань краха всю систему британских опорных пунктов на северо-западе Индии, – писал известный советский историк Н. Халфин, – Куррам и Торгай, Спинвам и Мираншах капитулировали перед афганцами. Отрезанный от источников водоснабжения, Тал находился накануне падения»{11}.

С большим трудом английскому командованию 1 июля 1919 г. удалось деблокировать Тал. Через день Великобритания и Афганистан заключили перемирие – третья англо-афганская война закончилась. Это было выгодно обеим сторонам. Афганистан из-за своей отсталости не мог продолжать войну, а Англия не могла победить в ней, так как в тылу британской армии грозило вспыхнуть мощное восстание населения СЗПП и Пенджаба. Афганистан выстоял в этой схватке с Великобританией благодаря помощи приграничных племен. Лашкары сковали британские войска и не дали им возможности начать наступление против Афганистана (хайбарский вариант), открыли, захватив важнейшие английские пограничные форты, прямую дорогу для глубокого прорыва афганских сил в глубь Британской Индии, как это было в Вазиристане.

По мирному договору, заключенному 8 августа 1919 г. в Равалпинди, Англия все же признала независимость Афганистана, но земли восточных пуштунов по этому договору остались в составе Британской Индии. Поэтому антибританская борьба пуштунов продолжалась. Главным центром восстания патанов по-прежнему оставался Вазиристан. Вазиры и масуды, опираясь на афганскую помощь вооружением и боеприпасами, непрерывно атаковали английские войска. Их объединенные силы общей численностью 55 тыс. воинов до ноября 1919 г. не давали возможности британскому командованию перейти в наступление{12}. Только создав крупную 62-тысячную группировку войск при поддержке 52 самолетов англичане 17 ноября начали наступление в Северном Вазиристане и заняли южную часть долины Точи. Почти одновременно боевые действия вспыхнули и в Южном Вазиристане.

Английские колониальные власти в начале кампании в Вазиристане считали, что на этот раз с независимостью вазиров и масудов будет покончено навсегда. Вслед за этим планировалось включить всю полосу «независимых» племен в состав административных округов{13}. Однако упорное сопротивление племен Вазиристана заставило англичан отказаться от этих планов. Только за первые 30 дней британского наступления английские войска выдержали 20 боев с горцами. Каждое ущелье, каждый перевал приходилось штурмовать с применением боевой авиации и тяжелых гаубиц. Одну лишь Положение британских войск было крайне сложным и опасным, так как тыла у них не было. Со всех сторон днем и ночью они подвергались атакам пуштунов. Только за 1920 г. пуштуны совершили 611 вооруженных рейдов против британских подразделений. Очень часто лашкары вазиров и масудов наносили удары по врагу с афганской территории, а потом быстро отходили назад под прикрытием афганских иррегулярных войск. Афганские войска под командованием шаха Даулы даже после Равалпиндского мирного договора защищали вазиристанскую крепость Вану и принимали активное участие в боях против карателей. Поэтому эта крепость была взята британскими войсками самой последней в декабре (!) 1920 года{15}.

После этого как вазиры, так и масуды прекратили сопротивление и заключили с колониальными властями соглашение, согласно которому они возвращали все захваченное у англичан оружие и выплачивали крупный штраф. В свою очередь, англичане обязались сохранить самоуправление племен и не вводить поземельный налог в полосе «независимых» племен{16}. Таким образом, благодаря своей героической борьбе горцы еще раз отстояли независимость от Англии. «Полицейская акция в Вазиристане», как официально называлась кампания 1919—1921 гг. против вазиров и масудов, обошлась английской казне в 110 млн рупий{17}. При ее проведении британские войска потеряли убитыми и ранеными 2 тыс. человек{18}. Большой урон англичанам нанесла и эпидемия холеры, из-за которой их потери резко возросли.

Третья англо-афганская война 1919 г. и восстание пуштунских племен доказали, что политика Керзона, основой которой являлась охрана индо-афганской границы с помощью племенной милиции, потерпела крах. Восточные пуштуны еще раз доказали, что ключ к «воротам Индии» находится в их руках. Следует также отметить, что успех войск Надир-хана на южном участке фронта стал возможен благодаря крупповской артиллерии, которую перед Первой мировой войной эмир Хабибулла закупил в Германии. Кроме этого, немецкие и австрийские офицеры помогли стабилизировать обстановку под г. Джелалабадом, когда началось контрнаступление британских войск{19}.

Таким образом, в ходе третьей англо-афганской войны Германия все же смогла нанести слабый удар Великобритании в ее болевую точку. Немецкие орудия, хоть и с опозданием, но открыли огонь по английским фортам на индо-афганской границе.

Глава 5

Новая угроза Британской Индии

Фактической восприемницей германских планов по нанесению удара по Индии через Афганистан стала Советская Россия, которой было необходимо любой ценой ослабить своего злейшего врага – Великобританию. Как только в январе 1919 г. была восстановлена связь РСФСР с Туркестанской Советской Республикой, большевистское руководство решило заключить наступательный союз с Афганистаном против Англии. Аманулла-хан, о восшествии которого на престол в Москве долгое время ничего не было известно, также нуждался в союзнике против англичан. Поэтому в начале 1919 г. в Москву новым эмиром была отправлена первая афганская миссия во главе с М. Баракатуллой, а в Ташкент прибыл первый советский посланник в Кабуле Николай Захарович Бравин.

Бывший царский дипломат, долгое время проработавший в Иране, Н. Бравин владел многими восточными языками и хорошо разбирался в политической ситуации на Среднем Востоке. Он прекрасно знал, что главная цель политики Англии в этом регионе – обезопасить свое господство в Индии от любых вражеских происков. Вероятно, что он, как и многие умные люди в начале XX в., предвидел неизбежность начала войны между Антантой и Тройственным союзом. Ему нетрудно было предугадать также, какие действия предпримет Германия в Иране и Афганистане. Поэтому он из честолюбивых побуждений несколько лет настойчиво добивался своего назначения российским вице-консулом в иранскую провинцию Сеистан, граничащую с Афганистаном. Скорее всего, Бравин рассчитывал ускорить собственную карьеру, участвуя в «охоте» за секретной немецкой миссией в Кабуле. Когда в августе 1915 г. О. Нидермайеру и В. Хентигу удалось прорваться в Афганистан, работа в Сеистане потеряла для него былую привлекательность.

После октября 1917 г. Н. Бравин был единственным царским дипломатом в Иране, который признал власть нового Советского правительства, назначившего его своим полпредом в Тегеране. В 1918 г. он поднял красный флаг над зданием российского посольства в иранской столице, но вскоре из-за английских интриг был вынужден уехать в Москву{1}. В НКИД кандидатуру Н. Бравина в качестве первого советского полпреда в Афганистане утвердил нарком Г. Чичерин.

В Ташкенте приезд бывшего царского дипломата был воспринят правительством Туркестанской Советской Республики (ТСР) крайне негативно. Никто не мог оспорить того

факта, что Бравин – профессиональный дипломат и большой знаток Востока, но он, по мнению туркестанского руководства, был идейно чуждым элементом. В связи с этим в Ташкенте приняли решение для контроля над полпредом включить в состав посольства надежных партийцев: К. Куликова, М. Зибарова, Дженабе и А. Аулиани и начальника Главного штаба ТСР Бориса Николаевича Иванова. Последний получил задание «добиться от эмира заключения с ним наступательно-оборонительного договора против англичан»{2}. Кроме этого, Б. Иванову приказали убить Н. Бравина, если тот окажется изменником.

1 июля 1919 г. советская военно-дипломатическая миссия пересекла афганскую границу, но прибыла в Кабул лишь в августе, когда Аманулла-хан уже заключил мирный договор с Англией. По пути в афганскую столицу произошла весьма символическая встреча представителей Советской России с последними немцами, покидавшими Афганистан: то, что им не удалось сделать в годы Первой мировой войны, теперь пытались осуществить большевики.

21 августа 1919 г. советское посольство прибыло в Кабул и сразу же оказалось под бдительным контролем афганских властей, которые хотели максимально изолировать вновь прибывших «гостей эмира». Аманулла-хан и его окружение стремились избежать нового обострения отношений с Великобританией, так как Афганистан не был готов к новой войне. Кроме этого, афганская сторона оправданно опасалась, что члены посольства Советской России попытаются наладить в Афганистане сбор разведсведений, а также будут вести коммунистическую пропаганду.

Бдительность афганцев была оправданна, так как в охране советской миссии было 10 туркестанских коммунистов «для политической работы среди афганцев»{3}. В свою очередь, военный атташе Б. Иванов, несмотря на все трудности, активно вел сбор необходимой информации в Кабуле. В его распоряжении была большая сумма золотом и серебром. Впоследствии он вспоминал: «Такое наличие суммы (так в документе. – Ю.Т.) дало мне возможность вести разведку, несмотря на принятые против нас особенные меры изоляции. Солдаты (афганские. – Ю.Т.) дрались, кому из них ехать со мной, потому что конвоиры получали от меня по пятерке, за это они нам позволяли делать все что угодно. Я бывал нелегально у турок, объезжал их посты, разговаривал с офицерами»{4}.

Однако не все шло так гладко, как описывал Б. Иванов. Он трижды просил эмира разрешить ему проезд в зону пуштунских племен, но каждый раз получал отказ. В октябре 1919 г. военные советники во главе с Ивановым вынуждены были покинуть Кабул, так и не выполнив своей главной задачи – заключения с Амануллой военного договора против Англии{5}. Деятельность Н. Бравина была более успешной и привела к установлению дипломатических отношений между Москвой и Кабулом.

В этом же направлении в Москве действовал представитель Амануллы-хана М. Баракатулла, который в 1915 г. прибыл с германской миссией в Кабул, где вскоре возглавил созданное с немецкой помощью «Временное правительство Индии». По заданию эмира в апреле 1919 г. он прибыл в российскую столицу, чтобы договориться о помощи Советского правительства Афганистану и всем антибританским силам в Центральной Азии.

22 апреля 1919 г. М. Баракатулла направил В. Ленину свою первую докладную записку, в которой предложил «оказать большевистскому правительству ценные услуги в борьбе с общим врагом большевизма и Ислама – Англией»{6}. В этом документе также говорилось: «В Афганистане удивительно счастливое стечение обстоятельств чрезвычайно благоприятствует развитию большевизма. Афганцы никогда не любили англичан, но последние путем щедрой денежной поддержки сохраняли свое влияние на правителей Афганистана. Последний эмир Хабибулла был англофилом, но, желая быть популярным в народе, играл двойственную роль. Новый эмир Аманулла-хан определенный англофоб (так в документе. – Ю. Т.). Он ни за что не вступил бы в сношения с англичанами, если бы можно было этого избежать. Он наш близкий и искренний друг, а это означает, что двери Индии широко открыты для русского правительства, если только оно сумеет немедленно использовать благоприятное стечение обстоятельств».

М. Баракатулла предлагал Советскому правительству заключить с новым афганским эмиром военный союз «против английского господства в Индии» и просил предоставить Кабулу один миллион фунтов стерлингов и вооружение для подготовки к войне с Англией. По его мнению, к Афганистану неизбежно должны были присоединиться приграничные пуштунские племена и «тогда революция в Индии станет неизбежной». Посланец Аманулллы считал, что Советская Россия должна перейти к обороне на всех фронтах, но продолжать активные военные действия в Туркестане и в конце концов осуществить вторжение в Индию. При этом М. Баракатулла особо подчеркивал, что «в Афганистан должны быть посланы лишь дисциплинированные войска», авангардом которых предстояло стать части, сформированной из мусульман.

Для подготовки населения Туркестана, Афганистана и зоны пуштунских племен к борьбе против Англии Баракатулла просил у большевиков типографское оборудование, английские и персидские шрифты, а также бумагу для издания «книг и памфлетов религиозно-политического характера для привлечения мусульманского населения на сторону прогресса и для борьбы с изуверами муллами, агентами деспотизма». Одним словом, В. Ленину предлагался масштабный план объединения мусульман Центральной Азии против Великобритании. Фундаментом этого альянса должен был стать военный союз Советской России с Афганистаном, а его главной целью – изгнание англичан из Индии.

Подобные планы индийских националистов всегда предусматривали организацию антибританского восстания пуштунов. Однако М. Баракатулла, зная о скором начале англо-афганской войны, очень спешил при подготовке своей первой докладной записки Советскому правительству и уделил в ней вопросу о приграничных племенах недостаточно внимания. Чтобы исправить этот недочет, он также отправил в Кремль свою статью, опубликованную еще в 1913 г. в Токио. В ней М. Баракатулла писал о патанах следующие: «Если соединить в великой государственной дальновидности ту силу и храбрость, которая у них имеется, то их хватит на завоевание мира. В их гражданские дела вмешиваться не нужно, но следует закрепить их сердца в любви к афганскому государству узами братства в исламе. Как Пророк посылал проповедников к арабским племенам, так и нам нужно послать проповедников во все пограничные племена»{7}.

7 мая 1919 г. В. Ленин принял неофициального представителя Аманулллы-хана. Записи беседы лидера большевиков с М. Баракатуллой не велось, но нетрудно предположить, какие вопросы обсуждались на этой встрече. Очевидно, что в условиях Гражданской войны В. Ленин не мог обещать индийцу никакой реальной помощи против Англии. Следует отметить, что оба собеседника еще не знали о начале войны между Великобританией и Афганистаном. Об этом не знали даже в Ташкенте. Известия о событиях в Афганистане доходили до Туркестана, не говоря уже о Москве, с большим опозданием.

Недостаток информации и отсутствие точных указаний М. Баракатулла и Н. Бравин восполняли одинаковым пониманием своей главной задачи – нанесением сокрушительного удара по могуществу Англии в Индии. Судя по архивным документам, этим «первопроходцам» советско-афганских отношений удалось встретиться в марте 1919 г. в Ташкенте. Скорее всего, они обсудили наиболее значимые вопросы. Очевидно, что М. Баракатулла и Н. Бравин расценивали заключение будущего советско-афганского военного договора как очередной виток «Большой игры» в Центральной Азии. Так, в одном из своих писем в НКИД Н. Бравин писал: «История России дает нам неоспоримые доказательства неумолимой предопределенности тяготения России к Востоку, и в частности к Средней Азии и Индии. На Индию тянула роковая судьба царскую Россию, тянет она и Советскую Россию. Именно в Индии должны разрешиться мировые вопросы, а разрешатся они столкновением России с Англией»{8}.

Установление дипломатических отношений между РСФСР и Афганистаном нанесло ощутимый удар по британским позициям на подступах к Индии. С самого начала союз между этими странами создавался на антибританской основе. К «воротам» Индии пытался приблизиться самый опасный враг Британской империи – Советская Россия.

Глава 6

Афганистан и «восточный фронт» мировой революции

Известие о начале англо-афганской войны заставило В. Ленина и его окружение более серьезно отнестись к установлению дипломатических отношений с Афганистаном. Большевики не могли упустить благоприятного момента для того, чтобы закрепиться на «перекрестке Азии». Союз с Афганистаном открывал для Советской России перспективы мирового масштаба.

Столь ответственное задание В. Ленин мог поручить только человеку, которому он доверял, то есть проверенному партийцу. Н. Бравин таковым не являлся, и в Кремле решили сместить его с должности советского полпреда в Кабуле. На этот пост 23 июня 1919 г. был назначен большевик с дореволюционным стажем Я. Суриц. Его верительная грамота была лично отредактирована и подписана Лениным, а также заместителем народного комиссара по иностранным делам РСФСР Л. Караханом{1}.

Этот документ служит убедительным доказательством того, что уже летом 1919 г. у В. Ленина зародились планы использования Афганистана в качестве плацдарма для экспорта революции в Центральную Азию. В верительной грамоте Я. Сурица говорилось: «Именем Рабоче-Крестьянского правительства Российской Социалистической Федеративной Советской Республики Совет Народных Комиссаров назначает сим товарища Якова Захаровича Сурица [...] чрезвычайным и полномочным представителем Российской Социалистической Федеративной Советской Республики в Центральной Азии, возлагая на него дипломатические сношения с народами независимого Афганистана, независимыми племенами Белуджистана, Хивы и Бухары и с борющимися за освобождение народами Индии, Кашмира и Тибета.

Товарищ Суриц уполномачивается Рабоче-Крестьянским правительством входить в непосредственные сношения с существующими и имеющими образоваться правительствами сих стран и со всеми революционными организациями, преследующими цель освобождения народов Центральной Азии от иностранного владычества; уполномачивается назначать своих представителей и агентов, вступать в переговоры непосредственно или через них и заключать соглашения и договоры от имени Рабоче-Крестьянского правительства и подписывать сии документы по одобрении их Центральным правительством в Москве»{2}.

По своему содержанию этот документ больше походил на мандат комиссара, чем на сопроводительную бумагу дипломата. Бросается в глаза, что в грамоте говорится о народах целого региона, а о правительстве Его Величества эмира Аманулы-хана нет ни слова.

Все становится на свои места, если учесть, что Я. Суриц одновременно был назначен представителем III Коммунистического Интернационала (Коминтерна) в Афганистане и сопредельных ему странах. Со стороны большевистского руководства упоминать о восточном монархе при подобных обстоятельствах было, по меньшей мере, нелогично. Следует также отметить, что все преемники Я. Сурица в Кабуле вплоть до 1943 г. совмещали в той или иной степени свои дипломатические обязанности с нелегальной работой по заданию Коминтерна.

Грандиозные планы М. Баракатуллы и других индийских националистов, очевидно, оказали большое влияние на наркома по военным и морским делам Л. Троцкого, предложившего открыть «фронт» мировой революции в Азии. В своем письме в ЦК РКП(б) от 5 августа 1919 г. большевистский лидер утверждал: «Дорога на Индию может оказаться для нас в данный момент более проходимой и более короткой, чем дорога в Советскую Венгрию»{3}. По его мнению, «путь на Париж и Лондон лежит через города Афганистана, Пенджаба и Бенгалии». Для достижения этой цели Троцкий полагал необходимым создать революционную базу на Урале и в Туркестане для подготовки наступления через Афганистан на Индию.

В сентябре 1919 г. Л. Троцкий еще более настойчиво стал добиваться от ЦК РКП (б) санкции для создания в Туркестане «серьезной военной базы» для «возможного с нашей стороны наступления на юг»{4}. Архивные документы свидетельствуют, что на этот раз нарком по военным делам получил от ЦК разрешение на переброску в Среднюю Азию

большого количества вооружения. Уже в сентябре 1919 г. по приказу Троцкого в Туркестан было отправлено 25 тыс. винтовок... для немедленной передачи афганскому правительству{5}. К тому времени в Москве уже давно знали, что англо-афганская война закончилась. Однако в Кремле не теряли надежды вновь втянуть Афганистан в военный конфликт с Великобританией.

16 октября 1919 г. В. Ленин направил в Ташкент директиву, в которой руководству ТСР поручалось «в Туркестане спешно создать, хотя маленькую, но самостоятельную базу, делать патроны (станки посылаем), ремонтировать оружие и военное снаряжение, добывать уголь, нефть, железо»{6}. Кроме этого, члену Реввоенсовета Туркестанского фронта и председателю Турккомиссии Ш. Элиаве было приказано установить «архиконспиративные» связи с южными странами «через Индию».

Чтобы выполнить последнее указание В. Ленина, необходимо было создать надежные каналы связи к Индии, создать нелегальную сеть в этой стране и только потом пытаться засылать агентуру в более отдаленные районы мира. Одним словом, даже на подготовительной стадии выполнение приказа «вождя мирового пролетариата» было очень трудным и опасным мероприятием. Однако при открытом «афганском коридоре» эти трудности значительно уменьшались.

В октябре 1919 г., когда Советское правительство в Москве, несмотря на трудности Гражданской войны, все же готовилось начать экспорт революции в Центральную Азию, неожиданно для Кремля руководство ТСР отказалось передавать Афганистану оружие как из собственных скудных запасов, так и отправленные Троцким винтовки. Советские власти в Ташкенте сами остро нуждались в вооружении для борьбы с басмачами. Кроме этого, туркестанские большевики не доверяли афганскому эмиру. Для них даже Аманулла-хан, ненавидевший англичан, был потенциальным врагом в Туркестане, население которого, по сведениям советской разведки, с готовностью поддержало бы эмира, если бы он вторгся туда со своей армией.

Необходимо отметить, что у советских и партийных властей в Средней Азии были серьезные причины подозревать афганского правителя в подготовке антисоветских акций в Туркестане. В начале своего правления Аманулла-хан мечтал присоединить к Афганистану не только земли восточных пуштунов, но и территорию Бухары, Хивы, Ферганы и оазиса Пенде с крепостью Кушка. В афганских государственных документах Аманулла-хан в то время титуловался «султаном» или «падишахом»{7}.

«Самоуправство» руководства ТСР было с негодованием воспринято в Москве, по выражению Л. Троцкого, сторонниками «азиатской» ориентации. К примеру, начальник Отдела Мусульманского Ближнего Востока НКИД Н. Нариманов считал «афганский вопрос» главным в противоборстве Советской России с Великобританией в Азии. Он добивался от В. Ленина проведения более активной политики в этом регионе. 1 ноября 1919 г. в своей обширной докладной записке «К афганскому вопросу» Н. Нариманов писал В. Ленину: «Если б одна восьмая того, что до сих пор истрачено на Запад с целью пропаганды, истрачена была бы с этой же целью на Восток, [то] теперь Мусульманский Восток был бы под непосредственным нашим влиянием [...] Мы два года только заняты тем, что посредством Радио „приготовляем“ общественное мнение на Западе, и это общественное мнение продолжает нас называть разбойниками, Восток же просит, умоляет нас о союзе, о помощи, а мы не только не обращаем внимания, но даже в этом видим контрреволюцию под флагом „Панисламизма“...»{8}

Н. Нариманов считал, что ненависть народов Востока, в частности афганцев, к Англии является лучшим залогом того, что врагам Советской России никогда «не удастся склонить афганскую массу к активному действию против нас»{9}. В связи с этим он предлагал ускорить процесс установления «нормальных» отношений, даже ценой территориальных уступок, между Москвой и Кабулом.

Реакция В. Ленина на предложения Л. Троцкого, Н. Нариманова и других была двойственной. «Вождь мирового пролетариата» не собирался жертвовать без острой

необходимости территорией Российской империи, но и не хотел упускать возможности использования антибританских сил на Востоке против Англии. Видимо, эти соображения стали одной из причин, побудивших большевистское руководство провести в ноябре 1919 г. в Москве II Всероссийский съезд коммунистических организаций народов Востока, на котором было принято решение о «создании восточной интернациональной Красной Армии как части международной Красной Армии»{10}.

В конце 1919 г. Советская Россия и Коминтерн по тактическим соображениям окончательно сделали ставку на открытие «восточного фронта» мировой революции. Удар Красной Армии по британскому владычеству в Индии был составной, если не главной, частью этих планов.

Глава 7

Советский «всеазиатский сверхуполномоченный» в Кабуле

14 декабря 1919 г. в Кабул прибыли новый советский полпред Я. Суриц и сопровождавшие его сотрудники, а также несколько лидеров индийских националистов. Вместе с советской миссией в афганскую столицу приехали президент «Временного правительства Индии» Махендра Пратап, Абдур Раб и Ачария. Главной их задачей было сплотить и организовать индийских революционеров в Афганистане для подрывной деятельности среди пуштунских племен против Великобритании{1}.

Подготовка удара по английским позициям в Индии являлась главной задачей советской дипломатии на Среднем Востоке, в особенности в Афганистане. В связи с этим все шаги, предпринятые Н. Бравиным и Я. Сурицем в Кабуле в 1919—1921 гг., были лишь средством для превращения Афганистана в плацдарм для экспорта революции в Индию и сопредельные с ней страны. Даже заключенный с большим трудом между РСФСР и Афганистаном Договор о дружбе был всего лишь одним из средств обеспечения «афганского коридора» к индийским границам и не являлся главной целью большевиков в Центральной Азии{2}.

Советское и афганское правительства в 1919—1921 гг. не имели сил, чтобы начать крупномасштабную войну против Великобритании, поэтому они стремились тайно поддерживать пуштунских повстанцев для изматывания английских войск в Индии. Эта «война с черного хода» устраивала обе стороны. При этом для Аманулы-хана и его окружения жизненно важным было сделать все, чтобы не допустить прямых контактов между лидерами приграничных пуштунских племен и представителями РСФСР, чтобы избежать новых конфликтов с Англией. В связи с этим советско-афганские переговоры в Кабуле превратились фактически в торг о количестве золота и вооружения, которые хотел получить Афганистан за разрешение транзита советского оружия и агитационной литературы в «независимую» полосу Британской Индии.

Неслучайно конфликт между Я. Сурицем и Н. Бравиным, который упорно не хотел терять свою самостоятельность и переходить под контроль посланца В. Ленина, перерос в острую дискуссию о дальнейших шагах советской дипломатии в Афганистане и помощи мятежным горцам Британской Индии. Н. Бравин резко, но справедливо раскритиковал авантюризм и непоследовательность руководства Москвы и Ташкента в этой стране. В своем письме руководителю Отдела Востока НКИД А. Вознесенскому он писал: «Советская Россия летом (1919 г. – Ю.Т.) не могла, а сейчас не только не может, но еще и не должна оказывать военную помощь Афганистану, если бы даже он просил о ней, так как помогать Афганистану – это значит затевать грандиозное мировой важности совершенно непосильное нам предприятие – «поход на Индию», т.е. демонстративно создавать casus belli для Англии и, следовательно, открывать новый и самый губительный для нас фронт»{3}.

Н. Бравин считал, что «ставку на Восток» можно разыграть не в Афганистане, а лишь в зоне пуштунских племен, которые «с оружием в руках создали себе совершенно независимое от англичан и афганцев положение». Для активной работы среди горцев «независимой» полосы он предлагал, чтобы в Кремле наконец-то решили, какое количество вооружения, включая самолеты и пулеметы, необходимо срочно переправить повстанцам в горные районы Северо-Западной Индии.

Организация мощного антибританского вооруженного восстания пуштунов, по словам Н.

Бравина, была последним ва-банком большевиков на Востоке. Чтобы достичь данной цели, Советской России необходимо было добиться от Аманулы-хана:

1. Разрешения на свободный транзит оружия и боеприпасов «воюющим племенам».
2. Открытия советских «консульств» вдоль границы с Индией в Джелалабабе, Кандагаре, Газни и Канигураме.

Полпредство в Кабуле должно было получить из Москвы для подрывной деятельности против англичан 1 млн рублей золотом, а также 10—15 «умных и серьезных товарищей» для руководства из «консульств» борьбой пуштунских племен. План Н. Бравина, как его потом именовали в некоторых документах НКИД, был единственной (действительно последней) возможностью для большевиков нанести максимальный ущерб Британской империи при относительно небольших затратах.

При содействии афганской стороны бравинский проект мог бы быть реализован, но афганское правительство опасалось, что имевшие советское оружие племена в будущем смогут выступить не только против англичан, но и против эмира. В Кабуле также отлично понимали, что любая помощь иностранной державы приграничным племенам немедленно станет известна британской разведке и вызовет ответные контрмеры со стороны Великобритании. Кроме этого, правящую элиту Афганистана пугала реальная опасность распространения «большевизма» среди населения своей страны. Однако хоть какое-нибудь (!) оружие и деньги для укрепления независимости Афганистана, хотя и с трудом, Аманулла-хан мог в тот момент получить только от Советской России. По этой причине, а также движимый ненавистью к англичанам молодой эмир с готовностью вступил в переговоры с Я. Сурицем о возможных совместных действиях против Британской Индии. Обе договаривающиеся стороны стремились с максимальной для себя выгодой разыграть «пуштунскую карту».

Одной среди многих первоочередных задач, которые необходимо было решить Я. Сурицу в качестве советского полпреда в Кабуле, было установление контактов с посланцами приграничных племен. Значительную часть работы в этом направлении уже сделал Н. Бравин. Для пользы дела двум советским дипломатам необходимо было тесно сотрудничать между собой, но этого не получилось. Уязвленный в самое сердце своим устранением с поста посланника, Н. Бравин отказался стать заместителем «всеазиатского сверхуполномоченного», как он довольно точно именовал Я. Сурица, и просил НКИД убрать некомпетентного в восточных делах «коллегу», чтобы тот не навредил делу. Однако все его усилия удалить Я. Сурица из Афганистана оказались бесплодными.

В январе 1920 г. Н. Бравин сложил с себя все полномочия, но вернуться на родину отказался. Вскоре он был убит при невыясненных обстоятельствах. В его смерти в равной степени были заинтересованы и афганские власти, и советское посольство, так как первый советский полпред слишком много знал о секретных переговорах между Кабулом и Москвой{4}.

Нежелание Н. Бравина сотрудничать с Я. Сурицем, вероятнее всего, затормозило, но не могло помешать установлению контактов «сверхуполномоченного» с представителями приграничных племен. Уже 27 декабря 1919 г. Я. Суриц отправил в Ташкент для дальнейшей передачи в НКИД секретную телеграмму: «Удалось связаться с представителями (сардарами) пограничных племен африди и вазиров. Эти племена с мая находятся в непрерывной борьбе с Англией. При примитивном вооружении они успешно борются с англо-индийской армией. Афганистан, втянувший их в войну, поддержки не оказывает, опасаясь Англии. Представители племен в настоящее время надеются лишь на нашу помощь. Предлагают непосредственно связаться военным союзом. Ореол Республики (РСФСР. – Ю.Т.) необычайно высок. Весть о союзе, по их словам, поддержит героический дух племен»{5}.

Посланцы мятежных горцев с готовностью соглашались переправить советских эмиссаров в «независимую» полосу, но при этом просили доставить им около 30 тыс. винтовок, пулеметы, горные орудия и военных инструкторов. Разумеется, повстанцы нуждались и в денежной помощи, а так как пуштуны бумажные купюры не признавали за деньги, то речь

шла о выделении им значительного количества золотых монет.

Я. Суриц считал, что условия афридиев и вазиров приемлемы, и был готов заключить с ними предварительное соглашение против Англии. Его даже не пугал возможный отказ афганского правительства пропустить караваны с советским оружием к границам Индии. В этом случае полпред предлагал установить связь с пуштунскими племенами через Памир.

Вскоре Я. Суриц окончательно убедился, что на военный союз с Советской Россией афганское руководство не пойдет, но оно готово немедленно заключить договор о дружбе и «благоприятствующем нейтралитете». 13 января 1920 г. в течение семи часов между советским дипломатом и афганскими представителями, включая самого эмира, шли переговоры о характере и условиях будущего советско-афганского договора. За вступление в войну против Англии Аманулла-хан запросил фантастическую цену: до 100 тыс. винтовок с 60 патронами на каждую, 250 скорострельных орудий, 1,5 тыс. пулеметов и 50 (!) млн рублей золотом{6}.

Понимая нереальность своих требований, афганская сторона готова была заключить с РСФСР более «скромный» договор о дружбе, согласно которому Афганистан получал города Термез и Керки; 10 млн рублей золотом в качестве субсидии; оборудование для порохового завода; 12 самолетов, 10 тыс. винтовок, два вооруженных парохода на р. Амударье и т. д.

Изумленному такими запросами Я. Сурицу пришлось резко «сбивать цену»: вопрос о территориальных претензиях Афганистана откладывался на неограниченное время; субсидия понижалась до 1 млн рублей золотом; вместо 10 тыс. винтовок – 5 тыс. (и лишь при условии, что Афганистан не будет препятствовать доставке сражавшимся с англичанами приграничным племенам 10 тыс. винтовок) и т. д.

Даже эта, обещанная Я. Сурицем, помощь Афганистану в условиях Гражданской войны и разрухи в России была огромным бременем для Советского правительства. В связи с этим уже в следующей телеграмме в Туркомиссию он подробно изложил причины, побудившие его, хоть и частично, удовлетворить афганские претензии. Полпред писал в своем донесении: «Никакой военной конвенции Афганистан не подпишет. С другой стороны, не прекращающаяся борьба племен, разрастающееся движение [в] Индии и открывающиеся перспективы из Афганистана расширить наше влияние на Индию заставили меня идти на жертвы, чтобы путем договора о дружественном нейтралитете закрепить наши отношения с Афганистаном и создать здесь прочную антианглийскую базу. Без немедленной помощи оружием племенам мы ставим все антианглийское движение под роковой удар. Тем более что вся английская печать метрополии и Индии бьет тревогу о прорыве большевизма на Восток, о стремлении Советов отыграться на Востоке»{7}.

Вопрос о военных поставках пуштунским племенам был одним из самых острых в ходе советско-афганских переговоров в Кабуле. Обе стороны справедливо не доверяли друг другу. Суриц настаивал на том, чтобы эмир письменно (!) гарантировал РСФСР, что «все назначенное племенам без всяких задержек будет вручено их представителям»{8}. Афганцы категорически отказывались составить и подписать подобный секретный документ. Я. Суриц, в свою очередь, не хотел верить честному слову эмира и настаивал на своем. По нормам дворцового этика любой исламской страны подобное требование оскорбляло правителя страны.

Вспыльчивый Аманулла-хан смог подавить своей гнев и предложил полпреду компромиссное решение: 2/3 всего оружия, предназначенного племенам, забирал бы себе Афганистан и по своему разумению распределял российское вооружение среди приграничных пуштунов. Видимо, другую часть винтовок и боеприпасов Кабул разрешал советской стороне использовать по собственному усмотрению.

Чтобы вынудить Я. Сурица пойти на уступки в данном вопросе, афганцы прибегли к прямой угрозе, заявив, что против их воли «ни одна русская винтовка или патрон не проникнут к племенам»{9}. В этой тупиковой ситуации Я. Суриц гарантировал афганскому правительству передачу 5 тыс. винтовок за пропуск остального вооружения в зону пуштунских племен. Кроме этого, Афганистан пообещал пропустить в Ташкент вождей

горцев Британской Индии для получения вооружения. Казалось, что Я. Сурицу удалось добиться главной цели: открыть «афганский коридор». Однако дальнейшие события пошли совсем по другому сценарию.

Пока в Кабуле шли трудные переговоры о военном союзе с Афганистаном, руководство советского внешнеполитического ведомства неожиданно круто изменило свою прежнюю линию. Глава НКИД Г. Чичерин, трезво оценивая международную обстановку в мире и положение РСФСР, видел, что у Советской России появилась отличная возможность утвердиться на «стыке Индии», чтобы иметь эффективный рычаг для оказания давления на британское правительство.

Но Г. Чичерин в «восточной политике», в первую очередь, видел средство для нормализации отношений с Англией и прорыва международной изоляции Советской России. В связи с этим он выступал против заключения с Афганистаном оборонительного союза, так как это могло привести к полномасштабной войне между РСФСР и Великобританией.

Уже в январе 1920 г. в одном из своих писем председателю Туркомиссии ВЦИК Ш. Элиаве Г. Чичерин критиковал ташкентских товарищей за их «самодеятельность» в отношениях с Кабулом, умело обвиняя даже в тех ошибках, которые допустили прежде всего большевистские лидеры в Кремле. Глава НКИД писал: «Мы никогда не говорили о союзе с Афганистаном, даже оборонительный союз поставит нас в невозможное положение, если помиримся с Англией. Он будет означать, что, если Англия нападет на Афганистан, мы должны будем объявить войну Англии. Между тем, заговорив о союзе, взять свои слова обратно – получается скандал. Вы нас поставили в крайне неприятное положение, надо исправить эту оплошность, вместо слова „союз“ говорить – соглашение о взаимной помощи»{10}. В итоге Г. Чичерин настоял на том, чтобы первый советско-афганский договор не содержал статей, обязывавших РСФСР выступить на стороне Афганистана в случае агрессии Великобритании. 25 марта 1920 г. Я. Суриц получил эти указания из Москвы{11}. Военный союз с Афганистаном больше не входил в планы большевиков, но в Кремле не хотели отказываться от заманчивой возможности использовать пуштунские племена против Великобритании. За «афганский коридор» к Индии Советская Россия все еще была готова щедро заплатить Аманулле-хану, поэтому секретные переговоры в Кабуле продолжались.

С наступлением весны в горах на индо-афганской границе с новой силой должны были возобновиться боевые действия между приграничными племенами и английскими карателями. Неслучайно именно в это время герой третьей англо-афганской войны военный министр М. Надир-хан совершил инспекционную поездку в зону в Южный Афганистан. Обстановка там была взрывоопасной: своих сородичей в «независимой» полосе Британской Индии было готово поддержать афганское население. Очевидно, что Аманулла-хан и его ближайшее окружение вынуждены были считаться с настроениями воинственных пуштунов. М. Надир-хан тайно снабжал вазиров трофейным оружием, посылал части афганской армии в глубь Вазиристана, но этого было недостаточно, чтобы превратить партизанскую войну в горах в затяжную. Афганистан и приграничные племена остро нуждались в крупных партиях оружия для продолжения борьбы против Англии.

В связи с этим именно в конце марта 1920 г. афганское руководство предложило Я. Сурицу совместный план наступления на Индию. Как всегда, в подобных афганских проектах пуштунским племенам отводилась главная роль. 27 марта советский полпред был приглашен к эмиру на секретное заседание, на котором афганская сторона фактически хотела выяснить самый главный для себя вопрос: какова будет советская военная помощь?

М. Надир-хан, опираясь на сведения, полученные им во время его поездки в зону пуштунских племен, считал, что новая война с Англией неизбежна, поэтому «нужны немедленные действия»{12}. Военный министр считал момент для удара по Британской Индии крайне удачным, так как «все племена отправлены на немедленную войну». В связи с этим он предлагал, чтобы Красная Армия начала наступление через Хоросан (Иран), а афганские войска поддержали ее в Систане и «подняли бы общее восстание племен».

М. Надир заявил Я. Сурицу, что в скором времени в Индию будет отправлена секретная миссия для поддержки антибританских организаций, ведения разведки и подготовки диверсионных акций в тылу английских войск.

Под давлением военного министра Аманулла-хан против своей воли вновь согласился, чтобы вожди приграничных племен были пропущены в Ташкент для переговоров с советской стороной. Это была серьезная уступка со стороны афганского правительства, которое до этого делало все, чтобы не допустить установления прямых контактов большевиков с мятежными пуштунами.

Объясняя своему руководству столь резкий поворот в политике эмира, Я. Суриц сообщил в Москву: «Давление племен, разрастающееся движение Индии, опасения за трон, неудачи в переговорах (с англичанами. – Ю.Т.) настраивают эмира на воинственный лад. [...] Англофобская партия во главе с эмиром в союзе с нами видит единственный выход удержаться и отстоять независимость»{13}. Одновременно он трезво отметил, что без немедленной военной помощи Аманулле ждать выступления Афганистана против Великобритании нельзя.

То, что эта помощь не поспеет вовремя и будет предоставлена не в запрашиваемом афганцами количестве, для советского и афганского руководства, видимо, было ясно. Значит, ожидать в ближайшее время новой войны между Афганистаном и Англией было бессмысленно. Советской дипломатии необходимо было пойти на решительные меры, чтобы сохранить свои позиции в Кабуле, не потерять «афганский коридор» и развернуть «революционную» работу среди пуштунских племен Британской Индии. Однако из Москвы долгое время не приходили четкие директивы об оказании (уже односторонней!) военной помощи Кабулу.

В этой ситуации Аманулла-хан в апреле 1920 г. был вынужден продолжить переговоры с Великобританией с целью заключения «договора о добрососедских отношениях». Одновременно эмир заявил Я. Сурицу, что будет придерживаться политики строго нейтралитета, чтобы «не превращать Афганистан в арену борьбы» Англии и Советской России{14}. В апреле же Аманулла-хан твердо заявил индийским националистам, сотрудничавшим с посольством РСФСР в Кабуле, что запрещает им любые связи с приграничными племенами.

Ослабление советских позиций в афганской столице и гипотетическая угроза отказа афганцев от независимости в обмен на сверхщедрые субсидии Англии заставили Кремль ускорить решение «афганского вопроса». 25 мая 1920 г. заведующий Отделом Востока НКИД А. Вознесенский направил в ЦК РКП(б) докладную записку, в которой обосновал необходимость срочного предоставления Афганистану и пуштунским племенам Британской Индии финансовой и военной помощи{15}. А. Вознесенский указывал, что Англия требует от афганского правительства разрыва дипломатических отношений с большевиками. При этом он отмечал: «Переговоры в Муссури (Миссури. – Ю.Т.) уже на днях были прерваны в виду наступления пограничных афганских племен на Индию. В английской печати ведется кампания за окончательное покорение пограничных афганских племен на северо-западной границе Индии и присоединение этих территорий к индийским владениям какой угодно ценой. Тов. Суриц указывает на необходимость срочной помощи этим пограничным племенам (Махсудам (масудам. – Ю.Т.) и Вазирам)».

Далее в записке А. Вознесенского приводился перечень того, что Советская Россия была готова предоставить Афганистану за свободу действий в зоне пуштунских племен. Кремль гарантировал Аманулле-хану:

1. Предоставление 1 млн рублей золотом.
2. Передачу 12 боевых самолетов.
3. Доставку и наладку радиостанции в Кабуле.
4. Оборудование в течение трех лет телеграфной линии Кушка – Герат – Кандагар – Кабул.
5. Отправку в Кабул оборудования, инженеров и материалов для создания завода по производству бездымного пороха.

6. Направление в Афганистан военных специалистов.
7. Преподнесение в дар афганскому правительству 5 тыс. винтовок и 10 тыс. – пуштунским племенам.
8. Учитывание афганских интересов при решении вопроса о железной дороге к Термезу.
Взамен Москва хотела получить от эмира:
1. Свободный транзит в «независимую» полосу Британской Индии литературы, «снаряжения» и других материалов.
2. Беспрепятственный пропуск (очевидно, всего вышеперечисленного) в Персию через Герат, в Белуджистан через Кандагар.
3. Разрешение держать консульских агентов «на путях в Индию» – в Кандагаре, Джелалабаде и Дакке.
4. Согласие на открытие в Кабуле типографии, а также на право пользования афганскими типографиями для печати революционной литературы для Индии.
5. «Права личного снабжения пограничных племен оружием не через посредничество Афганистана, а через посредство наших агентов».
6. «Официальную гарантию, что Афганистан не будет участвовать ни в какой военно-политической комбинации, направленной против нас»{16}.
10 июня 1920 г. посольство в Кабуле получило из Москвы информацию о размерах предлагаемой Афганистану помощи. Советско-афганские переговоры возобновились, но, ожидая вестей из Миссури, афганская сторона тянула время, чем крайне был недоволен Я. Суриц. Полпред должен был спешить, так как в Туркестане полным ходом шла подготовка бутафорской «революции» в Бухаре, что неизбежно должно было осложнить отношения между Москвой и Кабулом{17}. Поэтому Я. Суриц настойчиво добивался включения в договор с Афганистаном пунктов о свободе пропаганды в отношении Индии и прямых поставок оружия пуштунским племенам.
Свержение бухарского эмира не сорвало подписание в сентябре 1920 г. первого советско-афганского договора, но «афганский коридор» для большевиков окончательно закрылся: в документе не было ничего сказано о ведении антибританской пропаганды; пункт о транзите оружия племенам «независимой» полосы Британской Индии был исключен. В дальнейшем при ратификации договора пришлось отказаться и от открытия советских консульств в Восточном Афганистане. Превратить Афганистан в плацдарм для подрывной работы среди приграничных племен Британской Индии на базе межправительственного договора большевикам не удалось.
Крах первоначальных планов и отказ Аманулы помогать Советской России в экспорте революции в Индию воспринимались многими в Москве и Ташкенте как временное поражение. Так, представитель НКИД в Средней Азии Д. Гопнер в октябре 1920 г. писал Чичерину: «Несмотря на враждебность, проявленную афганцами в связи со всеми последними событиями в Средней Азии, и вопреки потерянному нами в заключаемом договоре пункту о пропаганде мы сумеем при известной настойчивости и предусмотрительной политике в Бухаре возродить себе фактическую возможность индусской работы в Афганистане»{18}. Действительно, как свидетельствуют архивные документы, возможность вести нелегальную антибританскую деятельность в Афганистане для Советской России все еще сохранялась.

Глава 8
«Лев Ислама» – советский агент в Кабуле

Летом 1920 г. накануне закрытия «афганского коридора» положение Я. Сурица в Кабуле становилось все более и более незавидным. С одной стороны, он так и не смог освоиться (возможно, сознательно не захотел) с правилами восточной дипломатии, что негативно сказывалось на результатах его деятельности; с другой – полпред, не имея четких директив из Москвы, зачастую действовал на свой страх и риск. Гнетущая атмосфера неопределенности и обоюдного обмана тяготила Я. Сурица, который настойчиво просил отозвать его из Кабула.

Понимая, что Я. Сурица срочно надо каким угодно образом поддержать, советское правительство в июле 1920 г. направило в Афганистан видного турецкого военного и политического деятеля Ахмеда Джемаль-пашу, который в 1920—1921 гг. ради реализации своих авантюристических планов в Центральной Азии пошел на сотрудничество с Советским правительством.

Этот человек был широко известен во всех мусульманских странах как непримиримый враг англичан и опытный полководец. В годы Первой мировой войны А. Джемаль-паша был военно-морским министром Османской империи и командующим 4-й турецкой армией в Сирии. За руководство боевыми действия против британских войск в мусульманских странах он получил прозвище «Лев Ислама». В 1915 г. он являлся одним из организаторов геноцида армян в Османской империи. В 1918 г. после капитуляции Турции бежал в Германию. В 1919 г. командованием английских оккупационных войск в Турции был заочно приговорен к смертной казни.

Опасаясь, что Великобритания потребует от побежденной Германии выдачи ее бывших турецких союзников, начальник немецкого Генерального штаба фон Сект тайно отправил бывшего военного министра Турции Энвер-пашу и Джемаля в Советскую Россию. Этой акцией фон Сект одновременно достигал трех целей: спасал своих прошлых союзников; передавал в руки большевиков панисламитских лидеров со всеми германскими планами похода на Индию, чтобы в очередной раз попытаться уже чужими руками ослабить позиции Англии в Азии; делал первый шаг к установлению секретного советско-германского сотрудничества в Афганистане. В планах фон Сект главная роль отводилась Энверу, но судьба распорядилась так, что именно Джемаль сыграл значительную роль в укреплении советско-афганских отношений и в подготовке антибританского восстания пуштунских племен.

Готовность Джемаля тесно сотрудничать с большевиками, его профессионализм, дипломатичность и ненависть к англичанам сразу же были по достоинству оценены советским руководством, которое в тот момент видело в панисламистском движении сильного, хотя и временного, союзника против Британской империи. 4 июля 1920 г. Л. Карахан отправил Я. Сурицу срочную радиотелеграмму: «На днях отправляем в Афганистан известного турецкого деятеля – бывшего морского министра, затем командовавшего Сирийской армией против англичан, Джемаль-пашу. Его сопровождает 10 отборных турецких офицеров. [...] Предполагаем комбинированные действия с турецким правительством Кемаль-паши. Из всего этого афганправительство (так в документе. – Ю.Т.) должно убедиться в нашей реальной помощи мусульманскому миру против англичан, чему нисколько не препятствуют переговоры Красина в Лондоне. Английская печать рассматривает персидские события как преддверие к пожару в Белуджистане, Индии. Соответственная диверсия афганцев могла бы дать толчок серьезному восстанию в Индии. Крайне важно выяснить, как смотрит на все эти события афганправительство»{1}. В Кабуле подобный сценарий развития событий был принят благосклонно.

Ослабление позиций Британской империи в странах Востока автоматически уменьшало давление этого грозного соседа на молодое независимое государство и тем самым повышало безопасность Афганистана. Кроме этого, вековая ненависть афганцев к англичанам, часто вопреки меркантильным интересам, всегда толкала их на различные враждебные комбинации против своих «кровников». В связи с этим Аманулла-хан согласился на приезд Джемаль-паши, который с его опытом и энергией мог значительно ускорить процесс модернизации не только афганской армии, но и всей государственной системы.

Готовность Джемаля сотрудничать с Москвой была продиктована стремлением с советской помощью поднять на вооруженную борьбу против Англии мусульман Туркестана, Афганистана и Индии. Будучи убежденным пантюркистом и панисламистом, он надеялся создать при содействии большевиков «свою армию туркестанских тюрок– повстанцев»{2}. Однако, прибыв 28 июля 1920 г. в Ташкент, он вынужден был признать нереальность реализации своих планов.

При первой же попытке привлечь ферганское басмачество к «походу на Индию» турецкий политик оказался между двух огней: туркестанские повстанцы отказались участвовать в предлагаемой авантюре, а советские власти Туркестана с большим подозрением отнеслись к контактам посланцев Джемаля с лидерами басмачей. Единственной реальной силой, на которую турецкий политик в тот момент мог рассчитывать в борьбе против Англии, оставался Афганистан и приграничные пуштунские племена Британской Индии.

В 1920 г. интересы Советской России и турецких националистов в Кабуле временно совпали: все были заинтересованы в ослаблении Великобритании и превращении Афганистана в плацдарм для боевых действий против Индии. Ради этой цели Джемаль-паша был готов идти на самые решительные меры, считаясь лишь с реальной военной обстановкой в Туркестане, а не с идеологическими установками панисламизма. Так, турок прямо заявил командующему Туркфронтом М. Фрунзе: «С Бухарой или надо кончить решительным ударом, или уступить ей по всей линии, но так или иначе необходимо в полной мере обеспечить ее за собой»{3}. Джемаль прекрасно понимал, какой вариант выберут большевики, но готов был пожертвовать эмиратом, чтобы обеспечить свободный проход караванов с оружием в Афганистан и дальнейшую доставку пуштунским племенам. Он в качестве запасного варианта планировал возможность поставлять вооружение и через Восточную Бухару в Индию все тем же горцам на индо-афганской границе. В Центральной Азии начался новый этап «Большой игры», в которой Джемаль-паше было суждено стать одной из ключевых фигур в традиционном противоборстве России и Англии в Центральной Азии.

В октябре 1920 г. Джемаль-паша в сопровождении турецких офицеров прибыл в Кабул, где его вышло встречать все население столицы. В его честь был устроен военный парад кабульского гарнизона и произведен артиллерийский салют. Вместе с афганской знатью «Льва Ислама» радостно приветствовало высшее мусульманское духовенство{4}. Согласно директивам из Москвы сотрудники советского посольства также были среди встречающих турецкого гостя, а затем стали частью его свиты. Всем было ясно, что появление в Афганистане столь почитаемого афганцами заклятого врага Британской империи не сулило ничего хорошего для колониальных властей в Индии.

Английская пресса уделяла большое внимание приезду турецкого лидера в Кабул. Едва его караван пересек границу Афганистана, как газета «Пионер» напечатала по этому поводу статью, в которой указывалось: «Его (Джемаля. – Ю.Т.) путешествие в Афганистан, очевидно, было намечено большевиками, чтобы добавить в Афганистане последний штрих к блестящим победам Советов на всех внешних и внутренних фронтах. Ожидается, что ко времени прибытия Джемаль-паши в Кабул Красная Армия закончит покорение Польши, разгромит Врангеля и, установив контакт с Германией на Западе... соединится с силами Мустафы Кемаль-паши через Кавказ, займет Север Персии и, изолировав Бухару, сможет оказать необходимое давление на Афганистан. В таких условиях приезд в Кабул широко известного министра Оттоманской (Османской. – Ю.Т.) империи мог бы оказаться последним толчком и заставить афганское правительство присоединиться к грандиозной антибританской кампании»{5}.

Прибытие известного в исламском мире политического и военного деятеля было с радостью встречено эмиром Аманулой-ханом, который сразу же назначил его своим советником. В ноябре 1920 г. Джемаль-паша ознакомил афганского монарха со своим планом борьбы против Англии. В течение нескольких дней в Кабуле в условиях строгой секретности Аманулой и турецким политиком обсуждались мероприятия на случай новой войны с Великобританией. Первое сообщение о результатах этих переговоров посол Суриц отправил в НКИД под грифом «Абсолютно секретно. Вне всякой очереди. Расшифровать под личным наблюдением адресата». В этой шифровке содержалась долгожданная для Кремля информация Джемаль-паши о «возможности осуществить все планы, намеченные в Москве»{6}. Турецкому политику удалось получить согласие афганской стороны на его руководство обороной афгано-индийской границы. Ему также предоставлялось право

поддерживать с приграничными пуштунскими племенами, боровшимися в тот момент против британских войск, прямые контакты. Для организации военной работы среди этих племен Аманулла-хан согласился с предложением Джемаль-паши создать в Афганистане «особую конспиративную комиссию», в которую под видом турецкого офицера эмир даже разрешил включить и советского представителя{7}. Все это свидетельствовало, что к военному министру бывшей Османской империи в Кабуле относились с большим доверием.

Одним из таких знаков доверия Амануллы-хана к Джемалю стало разрешение турку создать в афганской столице «ударную» бригаду. Имея достаточно большой штаб из турецких офицеров, знакомых с местными языками, и деньги, московский эмиссар смог сразу же начать обучение трех батальонов пехоты и одного эскадрона. В эти части охотно принимались воины приграничных племен. К февралю 1921 г. численность «ударных» частей Джемаля достигла 3 тыс. человек. Офицерский состав большей частью состоял из турок, жалованье которым выплачивалось из личного фонда турецкого лидера. На содержание новых воинских подразделений ежемесячно расходовалось 20 тыс. рупий советских средств{8}. Я. Суриц считал эти траты вполне оправданными, так как, по его словам, «образцовые посты полков» служили «мостом, который значительно облегчит наше проникновение и в остальные части афганской армии»{9}.

Джемаль не скрывал, что готовил свои части к затяжной войне с Англией. Он резонно считал, что Англия не потерпит превращения Афганистана в плацдарм для осуществления «индийской революции». Турецкий лидер, обращаясь к советским представителям, настаивал на том, чтобы «Афганистан был поставлен на такую высоту, чтобы он мог быть нам полезен в период решительной борьбы»{10}. Иными словами, Джемаль-паша требовал быстрейшей ратификации заключенного Я. Сурицем советско-афганского договора и максимально возможной военной помощи Афганистану.

Одновременно Джемаль-паша эффективно блокировал акции Великобритании, стремившейся сорвать ратификацию советско-афганского договора, а при благоприятной возможности даже добиться разрыва дипломатических отношений между Советской Россией и Афганистаном. Благодаря его информации полпред Я. Суриц был в курсе самых опасных английских интриг в Кабуле и успевал их нейтрализовать. К примеру, в конце января 1921 г. британская миссия в Кабуле передала афганской стороне фальсифицированную телеграмму Я. Сурица, в которой говорилось, что советский дипломат полагал, что благодаря договору с эмиром... «устанавливается протекторат над Афганистаном»{11}. Аманулла и его окружение было в ярости от этой ловкой подделки.

С помощью Джемаля советскому полпреду удалось ознакомиться с «агентурным подлинником» шифровки, перехваченной и сознательно искаженной английской разведкой. Этим документом оказалась шифровка Сурица коменданту крепости Кушка от 20 октября 1920 г. В настоящую телеграмму советского дипломата англичанами была намеренно вставлена фраза о протекторате... Опровергнуть столь ловкую фальсификацию, основой которой служит подлинный секретный документ, чаще всего удается лишь через длительный срок. А в тот период время в Кабуле было на вес золота: британская и советская дипломатия спешили опередить друг друга и склонить Афганистан на свою сторону.

При содействии Джемаль-паши советскому посольству удалось с честью ликвидировать кризис доверия между Москвой и Кабулом, спровоцированный британскими спецслужбами. Судя по архивным документам, сведения Джемаля о «депеше Сурица» в дальнейшем помогли советской разведке разоблачить хорошо законспирированное звено вражеской агентуры в Туркестане и прекратить утечку секретной дипломатической информации. Первым шагом в этом направлении была немедленная замена шифра «Крепость», который использовался полпредством РСФСР для связи с НКИД.

Огромное влияние турецкого политика на Амануллу– хана и его активная антибританская деятельность в пользу РСФСР в Афганистане сделали его врагом № 1 для англичан. Их попытки подкупить Джемаля провалились. Поэтому британская агентура всех уровней стала распространять в Кабуле слухи о скором пробольшевистском перевороте в Кабуле, главной

силой которого якобы должен стать «образцовый» полк Джемаль-паши. Авторитет «Льва Ислама» среди афганского руководства был настолько велик, что данной дезинформации никто не поверил. Не смог погубить бывшего министра Османской империи даже британский агент Абдул Хак, лично передавший эмиру, что в Ташкенте он якобы видел документы, из «которых ясно, что к весне предполагается переворот в Афганистане и подготовка его возложена на Джемаля»{12}. Вскоре Абдул Хак был разоблачен как английский шпион, и положение Джемаль-паши при дворе эмира еще больше упрочилось. Одним словом, устранить опасного противника «афганскими руками» британской разведке не удалось.

Главной своей задачей бывший султанский министр, а с 1920 г. советский агент в Кабуле и одновременно военный советник афганского эмира считал организацию «индийской революции». В связи с этим в начале марта 1921 г. он вместе с военным министром М. Надиром, который был его единомышленником в использовании пуштунских племен против Англии, выехал для осмотра границы с Британской Индией. Приезд «Льва Ислама» был с воодушевлением встречен приграничными пуштунскими племенами, которые надеялись получить при его посредничестве вооружение и деньги от Советской России. Джемаль-паша срочно послал своих эмиссаров к вождям племен Южного Афганистана, Белуджистана и «независимой» полосы СЗПП Британской Индии. Его представители успешно развернули агитацию в пользу джихада против Великобритании.

На сотрудничество с Джемалем охотно шли вожди племен и религиозные лидеры пуштунов. Причем даже те из них, кто вряд ли решился бы установить прямые контакты с «неверными большевиками»! Посредничество турок снимало эту проблему. Полученное из их рук оружие и деньги могли предназначаться лишь на правое дело – защиту правоверных от неверных «инглизи». К примеру, духовный лидер племен Вазиристана Абдул Разак, под руководством которого 12 тыс. вазиров и масудов стойко сражались против английский войск, дал согласие содействовать осуществлению плана Джемаль-паши. Находясь в тяжелом положении, Абдул Разак срочно просил прислать ему для раздачи своим воинам 800 тыс. кабульских рупий и оружие. В одном из своих писем к турецкому политику он писал: «Необходимо немедленно доставить боевые припасы: патроны, винтовки и (другое. – Ю. Т.) оружие. Через Баджаур я имею полную возможность все провести к границам Афганистана, Белуджистана и Индии – [...] всякое оружие Русской Республики, которое она доставит к границам Памира»{13}. Таким образом, успех задуманного Джемаль-пашой всеобщего восстания мусульман Британской Индии зависел от наличия у него крупных денежных сумм и крупных партий вооружения. В связи с этим Джемаль-паша настойчиво добивался от Москвы доставки в Кабул очередных крупных сумм золотом и больших партий оружия, но советская сторона не могла решиться на такие огромные расходы.

Чтобы ускорить решение этой проблемы, 3 марта 1921 г. Джемаль-паша направил Г. Чичерину телеграмму, в которой выразил свое удивление молчанием Москвы. Паша указывал, что за последние 2 месяца он создал ударные части и развернул работу среди приграничных племен. В связи с этим он требовал от Советского правительства значительных денежных сумм и «минимум 2 тыс. винтовок»{14}. Впервые Джемаль-паша пригрозил советской стороне покинуть Кабул, если в течение 15 дней он не получит из Кремля одобрения его планов.

После подписания 16 марта 1921 г. советско-английского торгового соглашения началась стабилизация отношений между Москвой и Лондоном. Продолжение прежней деятельности Я. Сурица и Джемаль-паши в Афганистане, в частности среди приграничных пуштунских племен, стало невозможным. В связи с этим Я. Суриц в 1921 г. направил в НКИД просьбу о своем отзыве из Афганистана. Вместе с ним в Москву стал собираться и Джемаль-паша, который хотел лично встретиться с В. Лениным, чтобы добиться его согласия на реализацию своих проектов в отношении Британской Индии.

Из заявок «Льва Ислама», направленных в Москву весной 1921 г., видно, что турецкий деятель любой ценой стремился начать в зоне пуштунских племен подрывные акции против

Великобритании. Так, в апреле 1921 г. он сделал запрос о доставке ему в Кабул 10 тыс. английских ручных гранат; 1 тыс. наборов с динамитными патронами; партии пироксилиновых шашек; необходимого количества капсюлей и электровзрывателей. Джемаль-паша настаивал, чтобы с первой партией гранат и взрывчатки в Кабул в его распоряжение был прислан советский специалист-подрывник, имеющий опыт работы с гранатами всех систем и взрывчатыми веществами. Кроме этого, этот специалист должен был уметь взрывать железные и шоссейные дороги, мосты и т. д.

Гранаты, взрывчатка и военспец были срочно необходимы Джемалю для подготовки диверсий в Британской Индии, о чем свидетельствует следующая фраза из его запроса в Москву: «Тысячу гранат следует немедленно же выслать для удовлетворения наших насущных нужд. Я настаиваю на английском образце гранат предпочтительно перед другими, чтобы не выдать при употреблении гранат их происхождения». Этот запрос, как и многие другие, советское руководство оставило без ответа, поэтому летом 1921 г. Джемаль-паша отбыл в Советскую Россию.

Следует отметить, что Суриц был против отъезда турецкого политика из Кабула, так как считал, что только турецкие националисты способны наиболее эффективно противодействовать британским интригам при дворе афганского монарха. Советский дипломат резонно полагал, что дальнейшее пребывание Джемаль-паши в Афганистане «несомненно укрепит наши отношения с Кабульским двором»{15}. При этом полпред особо подчеркивал важность продолжения работы турецкого политика среди пуштунских племен: «Такой великолепный военспец, как Джемаль, несомненно, внесет в дело начала европейской организации, постарается придать известную планомерность разведке, упорядочить связь с племенами, расширить уже существующие отношения с Индией – одним словом – заставить более деятельно заработать весь боевой афганский аппарат на северо-западной границе. Одновременно к нему будут стекаться сведения о дислокации английских войск, настроении и составе племен, их социальном и правовом укладе. Рано или поздно нам самим пришлось бы проделать ту же самую работу, и все, что сейчас делается в этом направлении турками, значительно облегчит и ускорит ее»{16}. Однако в своей докладной записке в НКИД Я. Суриц все же не рекомендовал Советскому правительству идти на большие материальные жертвы для реализации планов «Льва Ислама»{17}. Насколько они были масштабны, показали переговоры турецкого лидера с Советским правительством в Москве в 1921 г.

Приезд Джемаля в российскую столицу был полной неожиданностью для наркома по иностранным делам Г. Чичерина, но он, несмотря на это, взялся помочь одному «из виднейших представителей мусульманского мира». 14 октября глава советского внешнеполитического ведомства написал В. Ленину письмо, в котором просил его «любезно» принять турецкого политика, но получил отказ{18}.

Первая неудача в российской столице заставила Джемаль-пашу действовать еще более активно. 18 октября 1921 г. он направляет Г. Чичерину обширный меморандум, в котором убедительно доказывал необходимость дальнейшей советской поддержки его начинаний в Афганистане по подготовке революции в Индии. Важное место в этом документе уделялось вопросу использования повстанческого движения пуштунов против Великобритании. Джемаль-паша считал, что помощь племенам на индо-афганской границе была бы самым ценным средством для организации «вооруженного революционного движения» в Индии. Он писал: «Мы [должны] серьезным образом заняться этими приграничными племенами, которые могут в случае необходимости предоставить нам вооруженные революционные силы от 150 до 200 тысяч человек – [это] является нашей особой задачей. Я дал послу Сурицу копии разных писем, которые я получил от Хаджи Абдул Разака, и он должен, естественно, передать [их] в Комиссаритат иностранных дел. Из этих писем, а также писем, полученных от вождей племен африди и момандов, можно легко понять, что в день, когда я подам условный сигнал, они выступят [против Великобритании], при условии подготовки и поставки необходимых средств. Эти средства, которые мы должны им выделить,

заключаются не в чем другом, как в деньгах, в патронах для английских ружей, в нескольких турецких офицерах. В приложении к этому меморандуму я упомянул сумму средств и количество патронов, которые им необходимы. Если [учесть], насколько малозначительными являются эти требования, можно понять, что отказ от этой небольшой жертвы может послужить причиной глубоких сожалений в будущем»{19}.

В приложении «А» к своему меморандуму Джемаль-паша просил Советское правительство выделить Абдул Разаку 2 млн рупий (около 700 тыс. рублей золотом), 5 тыс. гранат британского производства и 20 млн патронов к английским винтовкам. Для других пуштунских племен и индийских националистов-турок он дополнительно хотел получить 5 тыс. английских револьверов и 500 тыс. патронов к ним. Кроме этого, полагал необходимым, чтобы Советская Россия ежемесячно выделяла на его работу среди племен не менее 10 тыс. рублей золотом. Джемаль-паша настаивал на том, чтобы вооружение и деньги были доставлены в Афганистан личн 20 октября 1920 г. Г. Чичерин отослал копии меморандума Джемаль-паши В. Ленину и Л. Троцкому. Вскоре с этим документом ознакомились члены большевистского руководства. Видимо, Л. Троцкому и другим сторонникам организации «восточного фронта» мировой революции доводы турецкого политика показались убедительными. Сторонником реализации планов Джемаль-паши в Афганистане и Индии был и И. Сталин, который, правда, предлагал сократить вдвое запрос турецкого политика, а «требования (пуштунских. – Ю.Т.) повстанцев – процентов на 80»{21}.

В своем письме И. Сталин писал Л. Троцкому: «Для меня ясно, что в лице мусульманских племен, составляющих большинство в долине Инда и в районе Пенджаба, среди которых ДЖЕМАЛЬ (так в документе. – Ю. Т.) пользуется большим влиянием, мы имеем некую базу, откуда можно нанести серьезный ущерб Англии, если последняя ударит весной или летом 1922 года»{22}. И. Сталин полагал возможным предоставить в распоряжение турецкого политика 100 тыс. рублей золотом для передачи «вождям повстанцев». Кроме этого, он соглашался на отправку в Афганистан 6 тыс. винтовок, нескольких миллионов патронов к ним, 12 пулеметов «максим», 8 или 12 орудий, а также типографии.

Большая часть этого вооружения предназначалась для образцовой дивизии (бригады), которую в 1920 г. Джемаль– паша начал создавать в афганской армии. Среди личного состава этой части было много воинов из приграничных пуштунских племен. Таким образом, эта дивизия и ее структуры под руководством турецких и советских инструкторов могли стать центром боевой подготовки повстанцев из Британской Индии, а также базой, снабжающей их вооружением.

3 ноября 1921 г. состоялось заседание Политбюро РКП(б), на котором было принято решение дополнительно выделить Джемаль-паше 200 тыс. рублей золотом и откомандировать в его распоряжение «двух вполне надежных товарищей, владеющих иностранными языками, и до пяти помощников»{23}. Как видим, Джемаль-паше все же удалось добиться от большевиков финансирования своей деятельности в Афганистане, хотя полученная сумма была в несколько раз меньше запрашиваемой им ранее, а запрос о поставках оружия просто не был удовлетворен. И все же отпущенных турецкому деятелю средств должно было хватить на первое время для финансирования борьбы приграничных пуштунских племен и ведения разведки в Индии.

Однако воспользоваться этим золотом он не успел, так как 21 июля 1922 г. был убит армянским мстителем в Тбилиси. Американский историк Д. Спейн предполагает, что Джемаль-паша был ликвидирован советскими спецслужбами, так как больше не представлял никакой ценности для большевиков{24}. Советские архивные документы опровергают данное предположение. Москва была очень заинтересована в продолжении деятельности «Льва Ислама» в Афганистане. Зачем ГПУ было устранять столь ценного агента в Кабуле, которому Политбюро к тому же выделило значительные материальные ресурсы для дальнейшей работы против Британской Индии? Джемаль был нужен большевикам, которым он служил верой и правдой, и его смерть нанесла большой вред деятельности советской разведки в Азии.

Тот факт, что турецкого лидера убили вскоре после того, как он получил от Кремля золото и оружие для реализации своих антибританских планов в Афганистане, скорее наводит на мысль, что британские спецслужбы, а не ГПУ могли организовать ликвидацию этого опасного врага Англии. В любом случае, Джемаль был обречен на гибель либо от рук британских агентов, либо от рук армянских мстителей. Он совершил жестокие преступления против народов Османской империи в годы Первой мировой войны и представлял большую угрозу для Великобритании. Вполне вероятно, что его враги могли объединить усилия в охоте на «Льва Ислама».

Подводя итоги сотрудничества Советского правительства с Джемаль-пашой, следует признать: этот человек сделал очень много для укрепления позиций Советской России в Афганистане, а также для формирования советской разведсети в этой стране и Индии. Его попытка использовать приграничные пуштунские племена против Англии имела определенные шансы на успех. Но реализация всех его планов в Центральной Азии была все же нереальна, так как в то время Советская Россия не могла позволить себе огромные траты даже ради индийской революции.

Глава 9

Коминтерн вступает в «Большую игру»

Рассекреченные документы из центральных российских архивов свидетельствуют: успехи советской дипломатии в Центральной Азии, в частности результативность деятельности Джемаль-паши в Афганистане, были бы гораздо больше, если бы не вмешательство Коминтерна (III Интернационал, КИ) и его структур в Туркестане в дела НКИД. В 1920 г. эта международная организация являлась признанным «штабом мировой революции» и в результате этого обладала сравнительно большой самостоятельностью, а также значительными материальными ресурсами. Разумеется, золото, бриллианты, оружие, имевшиеся в распоряжении КИ, были предоставлены Советским правительством.

В то время произошло своеобразное разделение труда: большевики борются с контрреволюцией всех мастей в России, а мировую революцию официально должен был осуществить III Интернационал. Лихорадочная активность коминтерновцев, опьяненных возможностью пустить на ветер битвы с мировым капиталом огромные, как им, наверно, казалось, безграничные ресурсы России, создавала массу проблем советским дипломатическим представительствам на Востоке. При всей зависимости КИ от Кремля эта организация с готовностью жертвовала национальными российскими интересами во имя «революционной целесообразности». Одним словом, в 1920—1921 гг., как говорится в одной восточной пословице, хвост играл тигром (во вред своему хозяину).

Начало деятельности Коминтерна в «афганском коридоре» было связано с рядом серьезных трудностей. В первую очередь, ситуация в российском Туркестане была настолько взрывоопасной и сложной, что из Ташкента предпринять что-либо практически значимое для экспорта революции в соседние страны было долгое время крайне сложно. Кроме этого, марксистские схемы в странах Востока не срабатывали из-за отсталости азиатских стран. При всем желании туркестанские коммунисты не могли найти для революционной работы «афганских большевиков» и индийских коммунистов.

«Интернационального» элемента в приграничных с Афганистаном районах имелось с избытком (индийцы, афганцы, иранцы, уйгуры), но по своему составу это были «социально чуждые» любой революции люди – большей частью торговцы, контрабандисты, сезонные рабочие и т. д. Один из индийцев так и записал в своей анкете для Туркестанского бюро КИ, что его призванием является работа повара, а про готовность внести посильный вклад в освобождение Индии от английского господства он дипломатично умолчал. Его собратьев по несчастью, оказавшихся в Туркестане в период Гражданской войны, также тянуло к работе, связанной с материальными ценностями. Все это было закономерно, но лишь усиливало анекдотичность ситуации вокруг «индийской» работы КИ в Туркестане.

Нестабильное положение «Совета интернациональной пропаганды на Востоке» (Совинтерпроп), преобразованного в 1920 г. в Туркестанское бюро Коминтерна, еще больше

увеличивалось из-за действий афганских властей, которые бдительно следили за всеми иностранцами не только на своей территории, но и в Туркестане. Если прибавить к этому плохое знание коминтерновцами восточных реалий, картина получится довольно удручающая. В этой ситуации у КИ была единственная реальная возможность развернуть свою деятельность в азиатских странах: использовать советские дипломатические миссии за рубежом в качестве главных опорных пунктов, а коминтерновские структуры в Туркестане замаскировать под советские учреждения и подразделения Туркфронта.

На сотрудничество Красной Армии с Коминтерном в условиях Гражданской войны, которая, согласно установкам большевиков, должна была перерасти в мировую революцию, Генеральный штаб РККА шел с готовностью, подчиняя революционные мечтания коминтерновцев суровым требованиям «битвы пролетариата с буржуазией». Господствующие настроения в командовании РККА наиболее откровенно и по-военному изложены в обращении фракции РКП(б) Академии Генерального штаба к делегатам II конгресса КИ: «Дорогие товарищи! Мы с восторгом приветствуем в вашем лице МИРОВОЙ ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ШТАБ (так в документе. – Ю.Т.) революционной победы. Мы видим в Коммунистическом Интернационале нашего непосредственного вождя и руководителя, ибо наша Красная Армия есть лишь передовой отряд Интернациональной Красной Армии, и мы являемся лишь ячейкой великого Генерального штаба, имя которому Коммунистический Интернационал. Мы клянемся бороться, не щадя сил и не щадя жизни, во всеоружии наших знаний и опыта за дело всемирного коммунизма, как мы это делали с оружием в руках»{1}.

В этом же документе генштабисты РККА четко сформулировали задачи компартий в борьбе за победу мировой революции. Разведдеятельность в пользу Красной Армии, по их мнению, должна была стать важнейшим направлением нелегальной деятельности всех зарубежных коммунистических организаций: сбор сведений о численности, вооружении и расположении воинских частей, полиции; наблюдение за передвижением армейских формирований; разведка планов генеральных штабов и внешнеполитических ведомств иностранных государств.

Таким образом, командование Красной Армии и руководство советских органов в 1920 г. признавали важную роль Коминтерна при решении всех внешнеполитических вопросов. Одновременно сложилась практика: коминтерновские структуры тесно сотрудничают с советской разведкой во всех регионах мира, включая Центральную Азию. В результате советские полпредства за рубежом становились штабами по руководству, финансированию и вооружению антиправительственных элементов; внутри структур РККА формировались интернациональные части и агентура для «закордонной работы». При этом фактически главная роль в победе мировой революции отводилась успешным наступательным операциям частей Красной Армии в сопредельных РСФСР странах. На Востоке же – интернациональным формированиям в составе РККА. Они должны были не только стать красноармейским авангардом, но и послужить ядром для создания мощных повстанческих формирований (армий) в своих странах.

В начале реализации этих планов в Центральной Азии руководству Коминтерна пришлось выбирать между созданием «антибританского фронта» в восточных странах и организацией «индийского фронта» против Англии. При общей цели эти два варианта деятельности Коминтерна в Азии существенно отличались друг от друга. Открытие «антибританского фронта» на Востоке было более масштабной задачей, которая требовала от Коминтерна не только фантастической траты средств, но и прочного союза со всеми антибританскими силами, прежде всего в исламском мире. Но даже общий враг не мог объединить ислам и коммунизм, большевиков и религиозных фанатиков, идею мировой революции с учением о джихаде. Одним словом, из-за острых идеологических противоречий между врагами Британской империи их долговременный союз был невозможен, что, правда, не исключало различных временных сделок между Советским правительством и исламскими националистами, которые были готовы сотрудничать с новыми российскими властями, но упорно избегали контактов с Коминтерном.

Задача экспорта революции в Индию была более конкретной и позволяла сконцентрировать финансовые и материальные ресурсы в регионе, где Великобритания была наиболее уязвимой, – в зоне пуштунских племен на индо-афганской границе. Крупное восстание этих племен, не говоря уже о вооруженном выступлении в Пенджабе и других районах Индостана, стало бы мощным ударом по могуществу Англии и привело бы к серьезному ослаблению ее позиций на международной арене. В связи с этим большевистское руководство и Коминтерн выбрали план создания «индийского фронта» мировой революции. Так, в 1920 г. для В. Ленина по его просьбе был подготовлен доклад о пуштунских племенах, проживавших вдоль индо-афганской границы, и специальная карта Южного Афганистана и Северо-Западной Индии{2}.

С 1919 г. в Туркестане и Кабуле началась работа по созданию «индийской революционной базы». В афганской столице по заданию КИ первые шаги в этом направлении сделал Н. Бравин, который обещал индийским националистам и представителям пуштунских племен («пограничным революционерам») помощь в борьбе против Англии и выдал некоторым из них мандаты для проезда в Ташкент{3}.

Полномасштабная работа по налаживанию сотрудничества Коминтерна с антибританскими элементами в Афганистане и Индии началась с прибытием в Кабул Я. Сурица, который официально являлся представителем КИ в странах Центральной Азии. Именно при этом полпреде в Афганистане сложилось довольно логичное разделение обязанностей советских дипломатов: межправительственные отношения между Москвой и Кабулом курировал НКИД, а нелегальные связи с антибританскими деятелями Индии – Коминтерн. Однако вплоть до роспуска КИ в 1943 г. послы СССР в Афганистане были «едины в двух лицах», тайно совмещая свои непосредственные обязанности с нелегальной работой по заданию III Интернационала. Разумеется, что при таком положении вещей советское посольство в Кабуле с первых дней своего существования превратилось в центр подрывной деятельности против Великобритании.

Первым крупным успехом Я. Сурица как посланца Коминтерна стало создание в феврале 1920 г. в Кабуле «Индийской революционной ассоциации», объединившей различные группы индийских националистов. Лишь одно «Временное правительство Индии» во главе с Махендрой Пратапом отказалось войти в состав ассоциации, так как требовало для себя главенствующего положения среди индийских эмигрантов{4}. С одобрения афганских властей главой «Революционной индийской ассоциации» был избран индиец Абдур Раб.

Создание этой организации под контролем Коминтерна стало возможным благодаря ряду причин.

1. Финансовая помощь советского посольства.

2. В ассоциацию вошли различные политические группы, каждой из которых была гарантирована полная автономия. Индийских эмигрантов в Афганистане объединила прежде всего ненависть к их общему врагу – Британской империи.

3. Я. Суриц разумно не навязывал «Революционной индийской ассоциации» никаких идеологических установок III Интернационала. Сотрудничество с антибританскими элементами строилось на сугубо практической основе. В одном из документов НКИД указывалось: «Ассоциация соглашалась работать только среди независимых племен индийской границы, с тем чтобы ей был разрешен проезд и провоз секретных материалов в те территории»{5}.

Благодаря столь гибким организационным формам объединения и конкретной общей задаче численность ассоциации быстро достигла 150 человек и она смогла начать работу в зоне пуштунских племен. Представителями этой организации в Северо-Западную Индию мятежным горцам были переправлены послание Я. Сурица, письмо В. Ленина к «Индийской революционной ассоциации» и коммунистическая литература. Эти бумаги и часть брошюр и листовок были перехвачены британской разведкой, что привело к первым арестам агентов Коминтерна в Индии{6}.

Разумеется, «Революционная индийская ассоциация» сразу же с момента своего создания

была признана Коминтерном и представителями советского правительства. Ее представители вскоре стали делегатами II конгресса КИ, прошедшего 19 июля – 7 августа 1920 г. в Москве.

На этом конгрессе делегаты включили в устав КИ положение, закрепившее уже сложившуюся практику взаимодействия коминтерновских структур с революционными организациями за рубежом. В уставе этой международной коммунистической организации было записано, что она «обязуется всеми силами поддерживать каждую советскую республику, где бы она ни создавалась»{7}.

Восточные националисты быстро осознали, какие огромные возможности открываются перед ними, если, манипулируя коммунистической фразеологией, использовать эту установку Коминтерна для получения золота и оружия для своих целей. Схема была проста: группе «товарищей» необходимо было лишь заявить в своей программе, что в грядущем в какой-нибудь стране или районе планируется создать «советскую республику», чтобы получить материальную поддержку от КИ.

Примерно по такому сценарию развивались события в Туркестане и «афганском коридоре» в 1920—1921 гг. 31 марта 1920 г. в Ташкент прибыли представители «Временного правительства Индии» заместитель внутренних дел Мохаммед Али и Мохаммед Шафик, чтобы добиться от Советского правительства помощи в борьбе против Англии. Не сумев в Кабуле добиться от полпреда Я. Сурица признания своего лидерства среди антибританских организаций и групп в Афганистане, «Временное правительство» попыталось добиться уже более скромной задачи: равного статуса с «Революционной индийской ассоциацией». Годы спустя М. Али следующим образом сформулировал цель своего приезда весной 1920 г. в Ташкент: «(Временное правительство. – Ю.Т.) направило меня как полномочного делегата [...] для установления связи с советским правительством и в целях получения тех же материальных благ, которые имела группа Абдур Раба»{8}.

У М. Али уже был некоторый опыт ведения подобных переговоров в Ташкенте. Еще в марте 1916 г. он прибыл в Туркестан с «золотым письмом» Пратапа к Николаю II, в котором царя призывали закончить войну в Европе и объединиться с Германией, чтобы разгромить Великобританию – «жестокого узурпатора всего мира»{9}. Пратап пытался убедить российского императора, что его британский союзник по Антанте предаст Россию. Посланцы «Временного правительства» хотели прозондировать позицию российского правительства на тот случай, если в Индии начнется антибританское восстание. Разумеется, в годы Первой мировой войны миссия М. Али в Ташкент закончилась крахом. Однако, несмотря на все требования Англии арестовать заговорщиков, М. Али и его товарища русские власти в Туркестане отправили назад в Афганистан...

После свержения царизма и прихода к власти в России большевиков «Временное правительство Индии» стремилось реализовать свои планы в новых условиях с новыми союзниками. Неизменным осталось лишь одно: индийские националисты в Кабуле хотели освободить свою родину от британского владычества с помощью вооруженного вторжения иностранных (в данной ситуации российских) войск через Афганистан. В связи с этим советской стороне было сообщено: «Временное правительство Индии» «надеется установить с Советской Россией такие же отношения, какие существуют между Антантой и правительствами Колчака и Деникина. Иными словами, Временное правительство надеется, что Советская Россия поможет ей вести войну против Англии в Индии»{10}.

Надо отдать должное дальновидности и ловкости М. Али, который быстро сориентировался в ситуации в Ташкенте и активно пошел на сотрудничество с Коминтерном. Уже в апреле 1920 г. при «Совете интернациональной пропаганды и действия народов Востока» (Совинтерпроп) была создана индийская коммунистическая секция, которая в своей программе заявила о необходимости свержения колониального господства Англии и «установлении в Индии Советской Республики»{11}. Нужный для большевиков и коминтерновцев пароль («советская республика») был назван. С этого момента М. Али становится одной из ключевых фигур в интригах Коминтерна в «афганском коридоре».

Понимали ли сотрудники Коминтерна, что индийцы ведут двойную игру, довольно умело

подстраиваясь к конкретной ситуации? Да, понимали. Отдельные трезвомыслящие сотрудники Совинтерпропа прямо указывали, что принципы коммунизма противоречат мировоззрению М. Али и М. Шафика. Однако их ненависть к Англии и стремление любой ценой бороться за свободу своей родины были высоко оценены в Коминтерне. Для начала общей работы этого было вполне достаточно.

Коминтерновцы в Москве и Ташкенте прекрасно осознавали, что имеют дело с типичными восточными националистами, перенявшими в лучшем случае азы коммунистической терминологии. Для такой грандиозной операции, как подготовка антибританского вооруженного восстании в Индии, Коминтерну были необходимы люди более крупного масштаба – индийские революционеры, хотя бы знакомые с общими принципами марксизма, имеющие опыт нелегальной работы, а также энергичные, не чуждые духу авантюризма. Сочетание указанных качеств было настолько редким, что будущего лидера индийской «революции» в Москву пришлось приглашать из далекой Мексики. В Европе, не говоря уже о Востоке, ничего подходящего агентам КИ найти не удалось.

Лишь в Мексике в 1919 г. эмиссару Ленина М. Бородину удалось установить контакт с подходящим кандидатом – генеральным секретарем социалистической партии этой страны индийцем Манабендрой Натхом Роем, который имел большой опыт антибританской подрывной деятельности как в Индии, так и за ее пределами. В течение Первой мировой войны М. Рой неудачно пытался на германские деньги закупить и контрабандно доставить в Индию оружие для организации восстания против Англии. Для достижения этой цели он постоянно контактировал с немецкими «дипломатами» в США, Китае, Мексике, а также посетил многие страны Юго-Восточной Азии. В 1917 г., когда США вступили в войну на стороне Антанты, М. Рой, спасаясь от ареста, бежал в Мексику, где получил от немцев еще 50 тыс. песо золотом.

Эти средства предназначались для помощи индийским революционерам, но большую их часть М. Рой потратил на свою политическую деятельность в Мексике. В ноябре 1919 г. при его участии была создана компартия Мексики (МКП), заявившая о своем присоединении к Коминтерну. В 1920 г. М. Рой был послан от МКП делегатом на II конгресс Коминтерна в Москве. С ним лично встретился В. Ленин, который, судя по дальнейшей стремительной карьере М. Роя в КИ, высоко оценил опыт и энергию индийского революционера.

8 августа 1920 г. М. Рой был назначен одним из руководителей Туркестанского бюро Коминтерна{12} «для работы в странах Востока». Тем самым ему предоставлялись большие полномочия и средства для организации экспорта революции через Афганистан в Индию. Решение этой задачи было невозможно без активного участия приграничных пуштунских племен. Архивные документы свидетельствуют, что в Кремле и Коминтерне об этом хорошо было известно. В связи с этим М. Рою, вероятнее всего, в Москве сразу же был дан указ на установление сотрудничества с пуштунами Британской Индии.

Летом 1920 г. Коминтерн при активной поддержке большевиков готовил грандиозную по своему масштабу военную миссию во главе с М. Бородиным и М. Роем в Афганистан. Первоначально предполагалось предоставить в их распоряжение 15 тыс. винтовок, 1,5 млн патронов, 50 пулеметов и 500 тыс. патронов к ним, 500 револьверов с 50 тыс. патронов, 4 тыс. гранат, 5 радиостанций, а также 2 аэроплана. Но в августе 1920 г. миссия Коминтерна получила лишь типографское оборудование, 300 револьверов и 30 тыс. патронов к ним; 4 тыс. гранат, но 3 самолета. Как видим, почти по всем пунктам запрос М. Бородина был либо не выполнен совсем, либо из фондов Красной Армии предоставлена лишь часть вооружения. Однако вместо двух аэропланов миссия для начала (!) получила три.

Создание воздушного моста между Кабулом и Кушкой (с промежуточными аэродромами) являлось, по словам М. Бородина, «наиважнейшей задачей миссии»{13}. После начала боевых операций в зоне пуштунских племен предполагалось задействовать еще 5 самолетов, которые должны были не только осуществлять связь между «революционной армией» и миссией, но и перебрасывать к границам Индии небольшие партии советского вооружения.

Столь масштабные приготовления осуществлялись в рамках разработанного М. Роем

«Плана военных операций на границах Индии». Согласно ему КИ должен был доставить в зону пуштунских племен большое количество оружия и взрывчатки для передачи местным революционным группам с целью «уничтожения железных дорог, телеграфных и телефонных линий, взрыва мостов и т.п., чтобы тем самым парализовать быструю мобилизацию военных сил (Англии. – Ю.Т.)»{14}. Для дезорганизации тыла британских войск в Индии также предполагалось организовать всеобщую забастовку и восстание индийских воинских подразделений британской армии. Осуществив указанные мероприятия, М. Рой рассчитывал вторгнуться из Афганистана в Пенджаб во главе 25-тысячной армии, набранной главным образом из пуштунов, вооруженных современным оружием (артиллерией, пулеметами).

После прибытия в Ташкент отправка миссии Бородина – Роя в Афганистан задерживалась из-за несогласованности действий Коминтерна и НКИД. Кроме этого, афганские власти не спешили предоставлять миссии право на прямые контакты с приграничными племенами. В связи с этим М. Бородин предусмотрительно предложил заместителю народного комиссара по иностранным делам Л. Карахану, чтобы НКИД взял «афганскую миссию» под свою опеку, пока она будет находиться в Ташкенте{15}. Советское руководство в Москве дало свое согласие на эту просьбу М. Бородина. С сентября 1920 г. миссия формально перешла под контроль представительства НКИД в Ташкенте. Реально руководство ею оказалось в руках М. Роя, который сделал все от него зависящее, чтобы монополизировать «индийскую работу».

Деятельность М. Роя в Ташкенте нанесла непоправимый вред коминтерновской работе в «афганском коридоре», так как он своими действиями и левацкими высказываниями сделал невозможным союз с антибританскими силами как в Ташкенте, так и в зоне пуштунских племен. Прежде всего он фактически разгромил «Революционную индийскую ассоциацию» во главе с Абдур Рабом, который 30 мая 1920 г. с большой группой единомышленников был выдворен из Афганистана и с тех пор находился в Ташкенте. Абдур Раб трезво оценивал ситуацию в Афганистане и Индии: он считал, что любая коммунистическая пропаганда среди мусульман этих стран наносит огромный ущерб борьбе против Англии, так как превращает возможных союзников во врагов.

«Война» между «Революционной индийской ассоциацией» и созданным М. Роем «Временным индийским революционным комитетом» деморализовала индийцев в Ташкенте. Большинство из оказавшихся в Туркестане поддерживали Абдур Раба. Однако М. Рой отобрал у ассоциации денежные средства, помещения и лично решал, кому надо выдавать продовольственные пайки, а кому – нет. Последняя мера была особенно эффективной: число «единомышленников» М. Роя стало быстро увеличиваться, а с Абдур Рабом осталось лишь несколько человек.

Обе противоборствующие стороны завалили ташкентский ВЧК доносами друг на друга. Взаимные обвинения в шпионаже в пользу Англии стали самыми распространенными в среде индийских эмигрантов, и местные чекисты уже не обращали на них внимание.

Необходимо учесть еще один важный фактор, которому в Москве не придали значения, допустив тем самым непростительную на Востоке ошибку: М. Рой родился в семье брахмана и в глазах мусульман был «неверным». Данное обстоятельство не имело значения для руководства Коминтерна, но для создания «революционной базы» в Афганистане и Северо-Западной Индии религиозная принадлежность потенциального лидера антибританского восстания была крайне важна. Индомусульманская рознь веками была важнейшим политическим фактором в этом регионе, где борьба против англичан традиционно велась под лозунгом джихада.

М. Рой несет свою долю ответственности за то, что Советская Россия и Коминтерн не смогли дипломатическими средствами открыть «афганский коридор» для экспорта революции в Индию. В Ташкенте по долгу службы индийскому революционеру пришлось вести длительные переговоры с афганским консулом Хади-ханом. М. Рой быстро вошел в роль выскопоставленного дипломата: он завел многочисленный штат слуг и устраивал в

своей резиденции пышные приемы для Хади-хана.

Первоначально переговоры в Ташкенте шли успешно. 19 ноября 1920 г. М. Рой сообщил в Москву, что Хади-хан от имени своего правительства обещал индийским революционерам свободу деятельности в Кабуле{16}. М. Рой уже начал беспокоиться о своем скором отъезде в Кабул и о своевременной отправке Аманулле-хану и его жене мехов в качестве подарка. Однако в Афганистан он так и не смог выехать, так как во время одного из совещаний с афганским консулом Хади-ханом индийский революционер заявил, что база в Кабуле ему нужна, чтобы организовать «коммунистическую» революцию в Индии, а далее добавил, что после «мы создадим советское правительство в Афганистане»{17}. Более яркий образец «революционной» глупости трудно придумать, но такие откровения в те времена среди коминтерновцев были нормой поведения, и не один М. Рой бредил о «советской республике» в Афганистане.

Бухарская «революция» 1920 г. у многих работников Коминтерна породила иллюзию, что по бухарскому сценарию можно свергнуть законные правительства большинства восточных стран. В документах «Совета интернациональной пропаганды» прямо говорилось, что Бухара является «опытной станцией революции на Востоке»{18}. Поэтому в октябре 1920 г. в Туркестане при содействии Туркестанского бюро КИ создан из афганских подданных Афганский центральный революционный комитет (АЦРК) с целью «освобождения угнетенных народов Афганистана»{19}. Главой этой организации был авантюрист Мохаммед Якуб, который со своими единомышленниками считал необходимым с советской помощью осуществить свержение Амануллы-хана и осуществить в Афганистане социалистические преобразования. Цели Афганского центрального революционного комитета были сформулированы следующим образом: «Уничтожение деспотического строя, создание народной советской республики на основе принципов Третьего Интернационала с всеобщим избирательным правом и упразднением классовых различий, передача земли в руки пролетариата, уничтожение капиталистов с сохранением капитала и развитие торговли и промышленности»{20}.

Вряд ли сам Якуб мог сформулировать такую программу. Скорее всего, он просто объединил вокруг себя группу афганцев, вынужденных бежать в Бухару от преследований афганских властей, а затем предложил коминтерновцам свои услуги. Вначале Туркбюро КИ с готовностью их приняло и начало финансировать Афганский центральный революционный комитет.

О создании этой марионеточной организации сразу же стало известно афганским властям, что значительно осложнило советско-афганские отношения. К примеру, уже в первой листовке АЦРК было нанесено смертельное оскорбление лично Аманулле-хану, отец которого был убит при невыясненных обстоятельствах. Якуб и его окружение прекрасно знали об этом, но все же включили в свое «творение» фразу, что «правительство Афганистана существует лишь для того, чтобы дать возможность малой кучке отцеубийц – помещиков и военных – усиливаться за счет афганского народа»{21}. Чтобы избежать еще больших осложнений в отношениях с Афганистаном, КИ довольно быстро перестал финансировать организацию Якуба, но было уже поздно...

Афганская сторона убедилась в реальности коммунистической угрозы для своей страны. У Амануллы были все основания опасаться за свою власть, если бы Коминтерн широко развернул свою деятельность в Афганистане. В связи с этим военно-политическая миссия Коминтерна во главе с Роем была обречена на провал. Эмир при всей его ненависти к Англии не дал бы представителям КИ начать подготовку антибританского восстания в Индии с афганской территории. Лишь желание афганского правительства заполучить советское оружие и золото вынуждало Хади-хана симулировать в Ташкенте готовность оказать содействие коминтерновским эмиссарам.

Глава 10

Первые успехи и неудачи Коминтерна в «афганском коридоре»

Историки всегда имеют большое преимущество перед своими персонажами: им известен

конечный результат и они могут более трезво анализировать причины поражения или успеха какого-нибудь деятеля прошлой эпохи. При этом все неудачи обычно объявляются авантюрами, а успехи – победами, достигнутыми в дерзкой борьбе. Аксиомой для всех исследователей является также факт, что если на осуществление авантюрного плана брошены большие людские и материальные ресурсы, то обязательно появятся весомые промежуточные результаты, хотя главная цель так и не была достигнута.

Согласно этому правилу развивались события в Туркестане, Афганистане и Индии в 1920—1921 гг. После победы большевиков в 1917 г. любая авантюра Коминтерна на Востоке казалась сравнительно небольшой смелой операций, осуществление которой зависело больше от революционного духа и напора, чем от реальных условий. Кроме этого, в Москве и Ташкенте прекрасно понимали, что коминтерновская разведка боем в Афганистане и Индии сможет ослабить позиции Англии в Центральной Азии и заставит эту державу рано или поздно пойти на уступки Советской России. Одним словом, революция в Индии была программой максимум, а создание антибританской «пятой колонны» КИ в «афганском коридоре» – программой минимум. Для их реализации при любом развитии событий Советской России и Коминтерну необходимо было создать «индийскую революционную базу» у границ Британской Индии.

С этой целью «Совет интернациональной пропаганды и действия» в конце лета 1920 г. был заменен Туркестанским бюро Коминтерна. Главной причиной ликвидации Совинтерпропа было то, что этот коминтерновский орган не смог наладить хорошо законспирированную заграничную сеть III Интернационала в сопредельных Туркестану азиатских странах: реально действующих пунктов связи на границе создано не было; систематического сбора и обработки развединформации не велось; из-за несоблюдения элементарных норм секретности провалы закордонных агентов следовали один за другим. В связи с этим в Ташкенте начало функционировать Туркбюро КИ, которому предстояло проделать огромную работу по созданию нелегальных структур Коминтерна как в Туркестане, так и в Центральной Азии.

Новая тройка руководителей Туркбюро КИ была подобрана с таким расчетом, чтобы максимально задействовать для решения этой задачи ресурсы Туркестанской Республики. Так, Я. Сокольников, возглавивший новый коминтерновский орган, одновременно являлся командующим Туркестанским фронтом, Председателем Туркбюро ЦК РКП(б) и главой Турккомиссии. Его коллега, Г. Сафаров, входил в руководство сразу двух Туркбюро: ЦК РКП(б) и КИ{1}. Лишь один М. Рой представлял в Ташкенте только Коминтерн и сконцентрировал свои усилия на создании «индийской революционной базы». Это было одной из причин того, что работа в Афганистане и Индии стала приоритетной для Туркбюро КИ.

Процесс становления этого коминтерновского органа проходил довольно сложно. До конца 1920 г. Совинтерпроп и Туркбюро КИ фактически существовали параллельно. Лишь к началу 1921 г. сложилась структура Туркбюро КИ и стала налаживаться закордонная работа. Общая схема аппарата этой организации была следующей.

1. Главой Туркбюро являлся ответственный секретарь. До марта 1921 г. его функции делил между собой уже известный читателю «триумвират» – Я. Сокольников, Г. Сафаров и М. Рой.
2. Общая канцелярия, бухгалтерия, отдел снабжения составляли центральную часть аппарата.
3. Наиболее значимым был «Организационный отдел», который делился на секретную, нелегальную и легальную части. Нелегальная часть руководила работой так называемых уполномоченных по связям с Афганистаном, Памиром, Ираном и Китаем. Они, в свою очередь, курировали пограничные и закордонные пункты. Главной задачей секретной части была шифропереписка и учет заграничной агентуры. В ведомстве легальной части находились уполномоченные представители в Хиве и Бухаре; Индийский революционный комитет, созданный М. Роем, и инструкторы Союза китайских рабочих.
4. Литературно-издательский отдел осуществлял выпуск агитационной литературы, включая

листовки и брошюры на восточных языках.

Численность сотрудников Туркбюро КИ к марту 1921 г. составляла 157 человек{2}.

Когда М. Рой во главе афганской миссии прибыл в Ташкент, он, как один из руководителей Туркбюро, сразу же приступил к реализации своего плана. Чтобы не терять времени, из состава миссии была выделена военная секция, на базе которой создана «Военная школа для подготовки командирского состава из индийских революционеров» («Индусские командные курсы», «Индусские командные курсы всех родов оружия»). Сразу же обговаривалось, что курсантский состав школы будет на 2/3 укомплектован из мусульман северо-западных районов Британской Индии. Сокольников и Рой хотели уже через полгода направить 100 «революционных офицеров» в зону пуштунских племен, чтобы создать там «индусскую бригаду»{3}.

Для реализации этой цели военная спецшкола создавалась с размахом: первоначально в ней предполагалось обучать курсантов на 6 отделениях (авиационном, артиллерийском, кавалерийском, пехотном, пулеметном, инженерном). Однако в Ташкенте нашлось лишь 25 индийцев, согласившихся стать курсантами. В связи с этим «Индусские командные курсы всех родов оружия» состояли только из пехотного и авиационного отделений. В первом обучалась большая часть индийцев, которые познавали азы пехотного дела и верховой езды. Все без исключения курсанты овладевали навыками обращения с ручными и станковыми пулеметами. 10 человек, прикрепленные к авиационному звену афганской миссии, фактически никаких знаний летного дела не получили, так как боевые «Ньюпоры» и «Фарман-30» не могли использоваться в качестве учебных самолетов{4}.

Командно-преподавательский состав «Индусских командных курсов всех родов оружия» был набран из военных специалистов афганской миссии. Так, организатором и первым начальником этой военной школы был красный командир Н. Киселев, а летчик В. Гоппе возглавил авиационное отделение. В конце марта 1921 г. (накануне ликвидации) индийскую спецшколу стал курировать начальник Военно-научного управления штаба Туркестанского фронта В. Лосев – военный разведчик с дореволюционным стажем. Таким образом, индусские курсы оказались под прямым контролем представителя одного из разведорганов Туркфронта.

Вмешательство штаба Туркфронта в дела коминтерновской военной школы было вынужденной мерой: дела на курсах для индийских революционеров шли из рук вон плохо. Кроме того, что была не обеспечена материальная часть, многие военные специалисты из миссии Бородина – Роя были недовольны тем, что оказались в роли преподавателей небольшой группы оборванных и истощенных индийцев. Красные командиры ехали на секретную работу в Афганистан, и непредвиденная задержка в Ташкенте им, мягко говоря, была не по душе. При первой возможности многие из них стремились получить новое назначение и поэтому не проявляли необходимой энергии при обучении индийцев военному делу. В результате, по словам М. Роя, «страдала индийская работа»{5}.

Если с подготовкой командных кадров для «революции» в Индии дело сразу не заладилось, то работа среди индийцев и афганцев первоначально казалась коминтерновцам весьма перспективной. После свержения бухарского эмира и оккупации этого государства частями Красной Армии численность индийцев, оказавшихся в сфере непосредственной деятельности Туркбюро КИ, резко возросла и продолжала увеличиваться, так как осенью 1920 г. волны халифатского движения мусульман Британской Индии докатилась до Туркестана. В Старую Бухару и Ташкент стали прибывать десятки индийцев, желающих защитить турецкого султана-халифа от посягательств Англии. Эти люди, разумеется, стремились как можно быстрее уехать в Анатолию, но против своей воли надолго застревали в Туркестане. На советской территории они становились объектом активной антибританской и коммунистической пропаганды коминтерновцев.

Задача привлечения индийских националистов к сотрудничеству с Коминтерном облегчалась тем, что многие из них в Туркестане невольно оказались вовлечены в кровавый водоворот Гражданской войны и для сохранения жизни вынуждены были с оружием в руках

бороться против басмачества. К примеру, безопасность советского правительства Бухары обеспечивал отряд пулеметчиков, набранных из индийцев.

К концу 1920 г. только в Бухаре находилось около 200 индийцев, которые стихийно разделились на две группировки. Одна из них состояла из купцов и мелких торговцев. Попытки представителей Туркбюро КИ вести пропаганду среди них привели к прямо противоположному результату: напуганные купцы совсем отошли от политической жизни в Бухаре. Однако и они невольно помогли Коминтерну в налаживании нелегальной работы в Афганистане и Индии. Потеряв надежду привлечь индийских предпринимателей на свою сторону, советские власти в Туркестане отобрали у них афганские и британские удостоверения личности. Позднее этими подлинными документами воспользовались коминтерновские агенты.

Другую группировку в индийской колонии в Бухаре образовали политэмигранты, оказавшиеся в Средней Азии в годы Первой мировой войны и сразу после нее. Эти люди более благосклонно откликнулись на призывы бороться против британского владычества в Индии. Доводы коминтерновских агитаторов, что против Англии надо бороться не в Анатолии, а непосредственно в Индии, убедили даже часть халифатистов. В связи с этим многие члены этой группировки поддержали действия М. Роя по созданию Индийского революционного комитета{6}.

В рамках «афгано-индусской подготовительной работы» к будущей революции в Индии проводилась и коминтерновская деятельность среди афганцев, проживавших в Бухаре. Возникший после свержения бухарского эмира Афганский революционный центральный комитет во главе с Якубом первоначально получил поддержку советского представительства в Бухаре с учетом того, что его члены «впоследствии смогут оказать ценную услугу и для подготовки революционного движения в Индии»{7}. По той же причине Якуба сразу же направили для переговоров к Рою в Ташкент, где афганец в обмен на финансовую поддержку предложил КИ услуги своей организации по созданию нелегальной сети в Северном Афганистане и сбору информации «в важных городах» этой страны{8}. Разумеется, столь ценное предложение было принято. Более того, некоторые представители советского руководства Туркестана и Коминтерна считали, что Афганский центральный революционный комитет сыграет «крупную роль в деле освобождения своей страны от эмира» и приобщит Афганистан к «Мировой Великой Революции»{9}.

Этим планам не суждено было сбыться, но это не означает, что Туркбюро КИ не смогло создать в Афганистане своих нелегальных пунктов. К концу 1920 г. они действовали в Герате, Меймане, Мазари-Шарифе и нескольких приграничных кишлаках. Коминтерновский пункт функционировал в Мерве (Мары) и Серахсе. Архивные документы свидетельствуют, что активно использовался коминтерновскими агентами и приграничный г. Термез. Достаточно сказать, что именно в нем возник Афганский центральный революционный комитет{10}. Совинтерпроп использовал своих людей в этих населенных пунктах главным образом для доставки агитационной литературы. С возникновением Туркбюро ставка была сделана на сбор разведданных о ситуации в Афганистане и Индии. Особое внимание при этом уделялось сведениям о группах индийцев, направлявшихся в российский Туркестан, о политике афганского правительства, о британских агентах среди афганцев и т. д.

Разумеется, создание подпольной сети Коминтерна в Афганистане потребовало крупных расходов. Необходимые средства у Туркбюро КИ имелись. Только М. Рой привез в Ташкент и сдал на хранение представителю НКИД в Ташкенте Д. Гопнеру 2 млн рублей золотом, из которых индийский революционер сразу же потребовал в свое распоряжение 100 тыс. рублей. Этих денег он не получил, так как они предназначались для траты только на территории Афганистана и Британской Индии, но советское правительство в качестве компенсации передало М. Рою 2 млн индийских рупий, срочно доставленных в Ташкент из Баку{11}. Для того времени это была гигантская сумма. Однако сверх нее М. Рой дополнительно получил значительные финансовые средства, которые лежали на его золотовалютном счету в Туркбюро.

Для чего в первую очередь предназначались эти средства, наиболее точно определил сотрудник Туркбюро КИ М. Шульман. В своем докладе «О значении Ташкента как базы в деле индийской революционной работы» он писал: «Нам не надо забывать, что когда мы говорим о работе через Афганистан, то мы прежде всего имеем в виду независимые племена, а через них сердце Индии»{12}.

М. Рою не надо было напоминать о необходимости организовать всеобщее восстание горцев «независимой» полосы против Англии. Его «План военных операций на границах Индии» был невозможен без активной поддержки приграничных пуштунских племен. В связи с этим привлечению пуштунов к сотрудничеству с Коминтерном придавалось первостепенное значение. Не случайно партбилет № 1 Индийской коммунистической партии, созданной М. Роем в 1920 г. в Ташкенте, получил... племянник заместителя английского комиссара Хайбара и Вазиристана пуштун Абдул Каюм Довлет-хель. В 1920 г. этот молодой человек сражался в рядах Красной Армии на Польском фронте, откуда он был срочно отозван и отправлен в Ташкент в распоряжение Индийского революционного комитета, то есть М. Роя{13}.

В Ташкенте произошли первые контакты М. Роя с первыми представителями пуштунских племен Британской Индии, которые прибыли в Туркестан с целью получить помощь для продолжения вооруженной борьбы с Англией. В конце октября 1920 г. к М. Рою из Вазиристана приехал Селим-хан. Под этим псевдонимом скрывался пуштун Миан Акбар Шах, который вместе с вазирами сражался в последней англо-афганской войне на стороне войск Амануллы-хана{14}. Главной целью Акбар Шаха было встретиться с В. Лениным, чтобы попросить у главы Совета Народных комиссаров «моральной и материальной» поддержки для вазиров{15}.

М. Рой немедленно отправил пуштуна в Москву, снабдив его сопроводительным письмом к Л. Карахану. Однако поездка Акбар Шаха закончилась безрезультатно: по невыясненным причинам все его просьбы были отклонены{16}. Вероятнее всего, советское и коминтерновское руководство в Москве делало ставку на реализацию плана М. Роя и не хотело преждевременно распылять материальные ресурсы на поддержку восставших вазиров.

В ноябре 1920 г. вслед за Акбар Шахом в Ташкент прибыли новые посланцы от «независимых» племен Британской Индии. Эту делегацию из 10 человек возглавляли Мохаммед Икбал и Абдул Хак. Последний получил от Роя задание развернуть антибританскую деятельность среди пуштунов «независимой» полосы. На эти цели Абдул Хаку было выделено царских червонцев (1 тыс.) и афганской серебряной монеты на общую сумму 25 тыс. индийских рупий. Судя по документам Туркбюро КИ и советского посольства в Кабуле, Хак должен был начать выполнение своего задания с Баджаура, где у Коминтерна уже имелся нелегальный центр.

25 ноября 1920 г. Икбал и Хак со своими товарищами выехали из Ташкента в Афганистан. 1 февраля 1921 г. они прибыли в Кабул, где Абдул Хак развил бурную деятельность среди афганских политиков. Он смог получить аудиенцию у Амануллы-хана, которому предъявил свою переписку с М. Роем, выложил всю информацию о деятельности Тукбюро и попытался запугать эмира дезинформацией, что Советская Россия готовит вооруженный переворот с целью его свержения. В том же духе, вероятнее всего, Абдул Хак беседовал с командующим афганской армией генералом М. Надир-ханом, который раньше покровительствовал Икбалу. Одним словом, посланец М. Роя в афганской столице неожиданно для своих товарищей и Я. Сурица стал всеми способами вредить антибританской деятельности Коминтерна в Афганистане и среди «независимых» пуштунских племен Британской Индии.

Самым чувствительным ударом для Икбала и его товарищей было то, что Хак лишил их средств для работы среди приграничных племен. Прихватив с собой все золото, он неожиданно попытался сбежать в Индию, но был пойман афганскими властями, которые перехватили его письмо к английскому комиссару СЗПП Гамильтону Гранту. В своем послании Абдул Хак уведомлял британского высокопоставленного чиновника, что «едет из

Ташкента с ценными сведениями», и просил дать распоряжение о его пропуске через индо-афганскую границу{17}.

С этого момента всем стало ясно, что Хак английский агент. Его дальнейшая судьба в Афганистане была легко предсказуемой: смерть от руки палача. Однако советской стороне нужно было узнать, какие сведения Абдул Хак успел передать англичанам. В связи с этим Я. Суриц настоятельно просил у афганского министра иностранных дел Махмуд-бека Тарзи отправить провокатора назад в Ташкент, чтобы провести детальное расследование его деятельности. После завершения следствия советская сторона была готова вернуть Абдул Хака афганским властям. Все требования Я. Сурица были отвергнуты Тарзи. Аманулла не дал своего согласия и на то, чтобы английского шпиона в афганской тюрьме допросил советский представитель. Эмир также не сдержал своего обещания предоставить в распоряжение миссии РСФСР материалы следственного дела Абдула. Через год английский шпион был убит в тюрьме{18}. Вместе с его смертью не только сами собой прекратились требования и просьбы Я. Сурица, но и был закрыт вопрос о возвращении золота, изъятого у Хака при аресте...

Провал британского шпиона все расставил на свои места, и ситуация вокруг Икбала в Кабуле нормализовалась. Ему даже удалось провести переговоры с прибывшими в афганскую столицу представителями пуштунских племен. Для продолжения деятельности в «независимой» полосе Я. Суриц обещал выдать Икбалу новую сумму денег. Самое главное: баджаурский центр Коминтерна не был разгромлен и продолжал действовать. Видимо, Абдул Хак хотел лично сообщить добытые им сведения представителям британских властей, но не успел этого сделать, так как был вовремя схвачен афганцами. Несмотря на это, одна из миссий Коминтерна в Индию все же провалилась. История с Абдул Хаком попала на страницы индийской прессы, после чего ни о какой секретной деятельности Икбала и его товарищей среди пуштунов не могло быть и речи.

Еще одна попытка М. Роя поддержать из Ташкента повстанческое движение «независимых» племен также закончилась крахом, хотя и по другой причине. К М. Рою из Белуджистана прибыли два хана с просьбой о помощи против Англии. В Туркбюро им сразу же придумали русифицированную фамилию, и они стали именоваться в коминтерновских документах «братьями Мисриxановыми». Посланцам из Индии М. Рой выделил крупную сумму в золотой и серебряной монете, а также передал оружие. Кроме этого, им вручили секретные письма и явки, которыми они должны были воспользоваться в Афганистане и Индии. Переброска «братьев Мисриxановых» осуществлялась через Памир. Видимо, такой дальний маршрут был избран по соображениям безопасности.

Действительно, в афганский Бадахшан братья проникли без помех, но дальше события стали развиваться, мягко говоря, не по коминтерновскому плану. «Мисриxановы» передали афганскому губернатору значительную часть денег, полученных от М. Роя, оружие и секретные бумаги. Старший из братьев составил для эмира докладную записку на 14 страницах об их пребывании в Ташкенте. Кроме этого, Аманулле было направлено письмо, в котором братья клялись, что «они были и остаются афганскими патриотами и не имеют ничего общего с какой бы то ни было индусской революционной организацией»{19}. Очередной провал Коминтерна доказал, что племенная верхушка пуштунов готова от кого угодно получить помощь для продолжения вооруженной борьбы против Англии, но не будет сотрудничать с Советской Россией и Коминтерном ради мифической «индийской революции». Необходимо также отметить, что в то время пуштунская племенная знать обоснованно считала Амануллу-хана своим главным покровителем и союзником в борьбе против англичан, поэтому не хотела без его ведома осуществлять какие-либо тайные операции на афганской территории.

В «индусской работе» Туркбюро были не только провалы. Коминтерну удалось наладить контакты с широкоизвестным среди индийских мусульман «Комитетом сподвижников священной войны», т.е. с ваххабитами. Их штаб– квартира уже несколько десятилетий находилась в горном селении Чамарканд. В 1919 г. в Кабул прибыл представитель

ваххабитов Мохаммед Ясин, который установил контакт с советскими дипломатами. Затем он отбыл в Ташкент, где получил от Коминтерна помощь для своей организации. В обмен ваххабиты согласились оказать КИ содействие в проведении антибританской пропаганды среди пуштунских племен{20}.

В декабре 1920 г. через иранский город Сарахс в зону пуштунских племен были заброшены 7 индийцев. Вероятнее всего, это были представители «Комитета сподвижников священной войны». Штабом Первой армии им было предоставлено 7 английских винтовок и 900 патронов к ним, 3 шашки и 11 револьверов{21}. Вскоре благодаря сотрудничеству с ваххабитами Коминтерну удалось, хотя и с большими трудностями, укрепить свои позиции в «независимой» полосе пуштунских племен.

Таким образом, при анализе материалов Туркбюро становится очевидным, что на создание «индийской революционной базы» в Туркестане советским правительством через Коминтерн были выделены большие материальные и финансовые ресурсы. С целью подготовки командных кадров для «революционной армии», необходимой для вторжения в Британскую Индию, в Ташкенте была открыта военная спецшкола. Одновременно предпринимались активные попытки наладить переброску в зону пуштунских племен агентов, вооружения, денег и пропагандистской литературы.

В конце 1920 г. благодаря сотрудничеству с восточными националистами Коминтерн имел несколько маршрутов для переброски своих эмиссаров и агентов в Индию. Однако эффективно осуществлять эту работу из Туркестана было нельзя как по причине большой удаленности от Индии, так и из-за противодействия афганских властей и британской разведки. До Ташкента добирались немногочисленные посланцы пуштунских племен. Большинство из этих людей рано или поздно попадало в поле зрения британской разведки, которая имела в Туркестане разветвленную агентуру. Кроме этого, лишь немногие из пуштунов соглашались сотрудничать с Коминтерном, так как между джихадом против англичан и социалистической революцией в Индии была огромная разница.

Коминтерну на ходу приходилось учиться работать с восточными националистами и менять свою тактику, исходя из реальных (!) условий, а не из идеологических догм и вымышленных схем.

Глава 11

Кабульский нелегальный центр в действии

Эффективно и сравнительно безопасно вести антибританскую деятельность в «независимой» полосе Британской Индии можно было лишь с афганской территории. В Москве и Ташкенте это прекрасно понимали, поэтому Рой до последнего добивался от афганских властей разрешения создать революционный центр в Кабуле. Афганское правительство, желая заполучить в свое распоряжение российское оружие и золото, создавало видимость того, что готово открыть коридор к границам Индии. Оно дало согласие на прибытие М. Роя в Кабул и на ввоз в Афганистан (но не на провоз в «независимую» полосу!) вооружения для пуштунских племен. Готовящийся обман был настолько очевиден, что советское руководство и Коминтерн так и не решились предоставить оружие афганской стороне для его дальнейшего распределения среди приграничных племен.

Несмотря на сложившуюся тупиковую ситуацию, установление дипломатических отношений между Москвой и Кабулом, а также на общую атмосферу ненависти к англичанам, царившую в Афганистане, предпринимались попытки для продолжения антибританской деятельности в этой стране и в Индии. В связи с этим руководство Коминтерна (под все возрастающим контролем НКИД) сконцентрировало свои усилия на создании в Кабуле нелегального центра, который бы осуществлял поддержку мятежных приграничных пуштунских племен и антибританских сил в Индии.

Для решения этой сложной задачи 5 января 1921 г. из Кушки в Кабул по поручению М. Роя выехал Мохаммед Али, которому предстояло стать первым резидентом Коминтерна в Афганистане. Следует отметить, что выбор руководством Туркбюро был сделан удачно, так как М. Али, как никто другой из окружения М. Роя, подходил для опасной нелегальной

работы в Афганистане и Индии. Этот молодой человек имел большой опыт антибританской деятельности, приобретенный в годы Первой мировой войны. У Али были хорошие отношения с афганскими властями, так как он числился одним из секретарей «Временного правительства Индии», которое поддерживал Аманулла-хан. Большое значение имели и многочисленные связи Али среди индийских иммигрантов в Кабуле. Одним словом, Коминтерн послал в афганскую столицу достаточно опытного агента, хорошо знавшего обстановку как в Афганистане, так и в приграничных районах Северо-Западной Индии.

В тесном контакте с советским посольством в Кабуле М. Али должен был выполнить ряд важных заданий КИ, которые, несмотря на достаточно большие возможности коминтерновского резидента в Афганистане, были, мягко говоря, крайне трудно выполнимыми и требовали больших средств и времени. М. Али предстояло создать в «афганском коридоре» нелегальную агентурную сеть, которая сочетала бы революционную работу с разведывательно-диверсионной деятельностью против Великобритании.

Чтобы ускорить установление прочных связей между Коминтерном и антибританскими организациями в Индии, М. Али было приказано тайно организовать переброску в Советскую Россию лидеров индийского национально-освободительного движения. Рой планировал с их участием организовать в Ташкенте Всеиндийский революционный конгресс. Дополнительно к этому М. Али должен был предпринять шаги для создания в Индии «Всеиндийской революционной партии» и первых коммунистических ячеек в крупнейших городах Индостана{1}.

Кроме этого, резидент Коминтерна в Кабуле получил от Туркбюро КИ ряд заданий с целью создания в Афганистане и Индии агентурной сети для сбора развединформации и контрабанды российского оружия в полосу «независимых» пуштунских племен. Для этого М. Али поручалось организовать прибытие из Индии в Ташкент «ответственных работников», чтобы они смогли пройти политическую и военную подготовку. Вероятно, базой для такого «спецтренинга» должны были стать «Индийские командные курсы всех родов оружия».

М. Рой особо важное значение уделял установлению сотрудничества с приграничными пуштунскими племенами, представителей которых предполагалось переправить в Ташкент через Памир и Бадахшан. М. Али должен был сообщить пуштунским вождям, что те «могут получить оружие в том случае, если они в состоянии его транспортировать», т.е. тайно провезти горными тропами через Афганистан{2}.

С помощью горцев «независимой» полосы М. Али поручалось не только организовать доставку вооружения в Британскую Индию, но и создать в неконтролируемых английской администрацией горных районах коминтерновскую типографию для печати и распространения среди населения революционной литературы.

Для реализации этих планов Туркбюро КИ предоставило М. Али значительную свободу действий и право курировать коминтерновскую агентуру из числа восточных националистов в районах вдоль индо-афганской границы. Через советское посольство в Кабуле он также получил для своей деятельности значительные средства золотом и в английской валюте. Большие полномочия, активная, но осторожная антибританская деятельность в Кабуле, а также солидные финансовые ресурсы, имевшиеся в его распоряжении, сделали М. Али в 1921—1922 гг. центральной фигурой всех коминтерновских операций в «афганском коридоре». В связи с этим в шифровках советского посольства в Ташкент и Москву он проходил под агентурным псевдонимом «Босс».

Для воспроизведения более точной картины начала деятельности М. Али в Кабуле следует отметить, что ему удалось установить хорошие деловые отношения с Сурицем, который, будучи представителем Коминтерна в Центральной Азии, осуществлял непосредственное руководство его деятельностью. Однако первое время М. Али оказался в роли слуги двух господ, получая указания как от М. Роя, так и от Я. Сурица. Последний не хотел, чтобы революционные мечтания М. Роя срывали практическую антибританскую работу в Афганистане и Индии. Постоянный контроль афганских властей за деятельностью

посольства РСФСР и активный английский шпионаж в Кабуле заставляли советского полпреда действовать с максимальной осторожностью. В этой связи коминтерновский резидент вскоре перешел под полный контроль Я. Сурица.

Возвращение М. Али в Афганистан и возобновление его работы среди индийских иммигрантов прошло без больших осложнений, если не считать кратковременного ареста в Герате{3}. Прибыв в Кабул, коминтерновский резидент сразу же поселился в доме бывшего министра внутренних дел «Временного правительства Индии» М. Обейдуллы, у которого в тот момент были хорошие отношения с афганскими властями. Тот гарантировал чиновникам эмира, что М. Али «не будет развивать в Афганистане коммунистическую пропаганду»{4}, чем на длительное время обеспечил ему безопасность и хорошие условия для работы. Разумеется, покровительство Обейдуллы было щедро и, зная стиль работы М. Али, деликатно оплачено. Учитывая эти факты, можно с уверенностью считать, что бывший министр «Временного правительства Индии» стал советским «агентом влияния» в Кабуле. Фактическая вербовка Обейдуллы была первым крупным успехом резидента КИ в Афганистане.

Еще во «Временном правительстве Индии» Обейдулла поддерживал тесные связи с племенами «независимой» полосы и ваххабитами. Постепенно эти связи в Индии были переданы им М. Али. Кроме этого, Обейдулла был дружен с афганским военным министром М. Надир-ханом, который был сторонником активной поддержки антибританской борьбы пуштунов СЗПП. Среди вождей приграничных племен Надир пользовался большим авторитетом и великолепно знал обстановку на афгано-индийской границе. Вероятнее всего, с помощью Обейдуллы М. Али получал ценную информацию о ситуации в зоне пуштунских племен и ходе боевых действий горцев с британскими войсками.

С середины лета 1921 г. наступил наиболее активный период в деятельности М. Али в Афганистане. К этому времени Я. Сурица на посту советского полпреда в Кабуле сменил Ф. Раскольников, который имел указания Москвы продолжить нелегальную работу по налаживанию надежных связей с Индией, включая поддержку воинственных пуштунских племен. По сложившейся уже практике новый советский посланник одновременно был назначен представителем Коминтерна в Афганистане{5}.

В Москве все еще надеялись, что с помощью усиления конспирации антибританская деятельность советской разведки и Коминтерна в Афганистане будет продолжена и расширена. Тот факт, что с марта 1921 г. с Англией были де-факто установлены дипломатические отношения, большевистское руководство в тот момент никоим образом не смущал. «Тайная война» в Центральной Азии продолжалась: британская сторона поддерживала басмачество в Средней Азии, а Советская Россия, в свою очередь, была готова использовать вооруженную борьбу пуштунов для дестабилизации ситуации в Индии.

Летом 1921 г. обстановка в зоне пуштунских племен складывалась явно не в пользу антибританских сил. Из-за сильной засухи во многих районах «независимой» полосы почти полностью погибли урожай и скот. В этой ситуации Ф. Раскольников был вынужден срочно оказать финансовую помощь Абдур Разаку, чтобы «сохранить боевое ядро в племенной полосе»{6}. Лидеру вазиров было отправлено 15 тыс. рублей золотом.

В августе 1921 г., когда стала очевидной тщетность попыток не допустить спада активных боевых действий в «независимой» полосе Британской Индии, Ф. Раскольников санкционировал план М. Али по созданию в этом районе конспиративного центра, который должен был бы координировать деятельность других антибританских «центров», действовавших в приграничных районах Северо-Западной Индии. Главной задачей «конспиративного центра» Раскольников считал создание «надежного аппарата связи с Индией», а затем и с Россией через Памир{7}.

Резидент Коминтерна в Афганистане предлагал Раскольникову организовать в Баджауре или землях момандов новый «центр», который бы функционировал (с санкции местного мусульманского духовенства!) под видом легальной культурно-просветительской организации с типографией и школой. Задачи данного центра заключались в следующем:

1. Распространение пропаганды среди пуштунских племен.
2. Установление надежных каналов связи между Кабулом и Индией.
3. «Отыскание надежного пути в Россию через территорию независимых племен, минуя Афганистан»{8}.
4. Издание агитационной литературы для распространения в Индии.
5. «Осуществление террора в Индии», если возникнет необходимость.

На эти цели М. Али просил представителя Коминтерна в Афганистане Раскольникова выделить на первые три месяца 10 тыс. рупий{9}. Сверх этой суммы 12 тыс. рупий Али планировал в виде ежегодной субсидии выплатить руководству «Комитета сподвижников священной войны». Резидент КИ не представлял себе реализации своего плана без тесного сотрудничества с этой организацией, влиятельной в зоне пуштунских племен.

В связи с этим с 1921 г. «Комитет сподвижников священной войны» стал получать ежемесячную субсидию в 1 тыс. рупий. Данная сумма не удовлетворила руководство этой организации, и оно не позволило прибывшему в конце 1921 г. представителю КИ Абдул Азизу создать в Чамарканде комитет III Интернационала. Более того, из-за враждебного отношения к нему Абдул Азиз был вынужден уехать в баджаурское селение Сеид-Аша. Выплата коминтерновской субсидии ваххабитам была временно прекращена.

В феврале 1922 г. временный председатель «Комитета» Фазл Илахи вновь прислал в Кабул Мохаммеда Ясина, который передал Раскольникову письмо лидера ваххабитов, в котором высказывал пожелание возобновить сотрудничество. Кроме этого письма, Ф. Раскольников получил от Фазла Илахи рекомендательные письма от некоторых известных индийских политиков и рукописную копию соглашения, заключенного в 1915 г. «Комитетом сподвижников священной войны» с германским представителем в Кабуле. Этот документ свидетельствовал, что Германия в годы Первой мировой войны обязалась выплачивать этой организации огромные суммы, чтобы спровоцировать вооруженное антибританское восстание в зоне пуштунских племен{10}. Копия этого договора должна была не только послужить образцом для выработки новых условий сотрудничества «Комитета» с Коминтерном, но и, видимо, послужить некоторым оправданием за инцидент с Абдул Азизом. Желание Коминтерна использовать возможности ваххабитов для нелегальной работы в Британской Индии привело к возобновлению их сотрудничества. Как показали события ближайших лет, КИ не только увеличил финансирование «Чамаркандского центра», но и более трезво сформулировал цели и задачи Восстановлению контактов между советским полпредством и «Комитетом сподвижников священной войны» способствовал приезд в Кабул одного из лидеров этой организации, Мауланы Башира, общепризнанного вождя в борьбе пуштунских племен Вазиристана против Великобритании. Несмотря на то что у Башира был явный «антагонизм к коммунизму», Ф. Раскольников выплатил ему 5 тыс. рублей золотом и договорился с ним о дальнейшей связи{11}. В апреле 1922 г. Башир уехал в Чамарканд. Постепенно с помощью ваххабитов Коминтерн стал налаживать антибританскую работу в зоне пуштунских племен.

Установление сотрудничества с ваххабитами из Чамарканда не было единичным эпизодом в деятельности Коминтерна в Афганистане. Использование националистических партий, тайных обществ и признанных антибританских племенных лидеров против Англии с 1921 г. стало обычным явлением в работе коминтерновских структур и советской разведки в Центральной Азии. Правда, при этом вопросы сбора развединформации, саботажа и диверсий в тылу английских войск становились первоочередными, а коммунистическая агитация среди трудящихся Востока отходила на задний план. Воинственные пуштунские племена были готовы получать помощь от любого врага Англии и упорно с оружием в руках сражаться против «инглизи», но твердо хранили верность своим обычаям и исламу. Ради достижения практических задач Коминтерну временно приходилось жертвовать идеологическими установками.

Ярким примером проведения подобной тактики в жизнь стало установление контроля Коминтерна над деятельностью Кабульского комитета партии Индийского национального

конгресса (ИНК). Созданное летом 1921 г. в Кабуле единственное зарубежное представительство ИНК с момента своего возникновения оказалось удобной крышей для деятельности коминтерновских агентов в Афганистане. Так, глава Кабульского комитета доктор Нур Мохаммад, являясь одновременно представителем ИНК и Халифатского комитета за границей, обещал вероятнее всего М. Али «пригласить в Россию в Коминтерн официальных представителей национальных индреворганизаций»{12}. Лично Нур Мохаммад тесных контактов с советским посольством и Раскольниковым старался не поддерживать, но его ближайшее окружение почти полностью состояло из коминтерновских агентов. В руководство Кабульского комитета ИНК входил Обейдулла, который щедро финансировался М. Али; Икбал, уже известный читателю по делу Абдул Хака; Сафар Хасан, завербованный М. Али, и, разумеется, сам М. Али. В январе 1922 г. к ним присоединился и активно включился в нелегальную работу Мохаммед Шафик – секретарь созданной М. Роем в Ташкенте Коммунистической партии Индии{13}.

С приездом Шафика нелегальная деятельность КИ среди представителей приграничных пуштунских племен значительно усилилась. Не имея возможности из-за запрета афганских властей выехать в Индию, Шафик в Кабуле создал «Пограничную национальную партию» (ПНП), программа которой предусматривала освобождение пуштунов «независимой» полосы и Индии от английского господства. Работа ПНП в обязательном порядке предусматривала сотрудничество с афганским правительством, чтобы с его помощью добиться освобождения независимых племен от «английского ига». В связи с этим программа ПНП была отослана Аманулле-хану для одобрения, что вызвало недовольство Ф. Раскольникова.

Представитель КИ в Афганистане справедливо считал, что цели Коминтерна и афганского правительства в зоне пуштунских племен не совпадают. По этому поводу он писал в Исполком Коминтерна: «Революционная работа среди „независимых“ племен монархического Афганистана преследует аннексионистско-империалистические цели; мы же стремимся к действительной независимости племен и Индии. К тому же в данном случае не может быть гарантирована тайна, и, в случае поворота афганской политики, мы с головой будем выданы англичанам»{14}. По этим соображениям Раскольников отказался обсуждать с руководством «Пограничной национальной партии» какие-либо вопросы о совместной работе среди пуштунских племен Британской Индии.

Не сумев привлечь внимание Ф. Раскольникова к ПНП, Шафик прервал с этой организацией связь и потратил коминтерновские средства на подготовку подрывных акций против англичан в Индии. В Кабуле ему удалось найти специалиста, изготовившего за 500 фунтов стерлингов 20 бомб, которые частями вместе с агитационной литературой были переправлены в административный центр СЗПП г. Пешавар. На транспортные и текущие расходы Шафик затратил еще 500 фунтов стерлингов. Столь большие траты его не смущали, и он запросил у Ф. Раскольникова новых денег{15}.

Бесконтрольная активность Шафика, который не хотел фактически подчиняться приказам Ф. Раскольникова, довольно скоро закончилась. После жалоб советского полпреда его отозвали из Кабула, а затем отправили в Индию, где он в Пешаваре был арестован английской полицией и до 1927 г. находился в заключении{16}. Судя по материалам Пешаварского процесса 1924 г. и по довольно мягкому приговору Шафику, эпизод с доставкой в г. Пешавар двух десятков бомб остался тайной для британской разведки. В противном случае одному из первых индийских коммунистов грозила бы смертная казнь, а не 3 года тюрьмы.

Бойкот Ф. Раскольниковым ПНП и отзыв Шафика из Кабула доказали, что Коминтерн стремился использовать приграничные пуштунские племена для подрыва британского господства в Индии, но не собирался помогать Афганистану включать «независимую» полосу в состав его территории. Воссоединение пуштунских земель под властью афганского монарха являлось бы ощутимым ударом по могуществу всей Британской империи в Центральной Азии. Однако в Москве в тот момент предпочитали использовать мятежи

пуштунов в качестве детонатора для будущей «революции» в Индии.

По этой причине осенью 1921 г. закончилась провалом еще одна попытка пуштунских националистов получить помощь от советского посольства в Кабуле. Некто Абдул Вали-хан создал в афганской столице «Общество слуг Индии». Программа этой организации предусматривала борьбу против Англии «за объединение Афганистана с независимыми племенами и с Северо-Западной Пограничной провинцией Индии (с главным городом Пешаваром) и далее с Пенджабом и Белуджистаном»{17}. Без советского золота и вооружения «Общество слуг Индии» распалось уже через месяц. Правда, даже после этого при личных контактах с представителями советского посольства Вали-хан продолжал безрезультатно настаивать на срочном выделении приграничным племенам крупных денежных сумм.

Ведя тонкую игру, советские представители использовали Вали-хана в своих целях: с его помощью Ф. Раскольникову удалось установить связь с некоторыми вождями приграничных пуштунских племен. Кроме этого, Вали-хан использовался полпредством в качестве источника ценных сведений по Афганистану. Осознав бесперспективность своих попыток получить крупномасштабную финансовую помощь от Советской России и КИ для пуштунов Британской Индии, Вали-хан сам прервал контакты с полпредством РСФСР в Кабуле.

Совсем в ином ключе развивалось сотрудничество Коминтерна с Обейдуллой и его сторонниками. По сообщениям Ф. Раскольникова в Москву, этот влиятельный в Афганистане индийский националист примыкал к левому крылу ИНК и считал, что приграничные пуштунские племена «являются главным внешним рычагом для ускорения и облегчения индийской революции»{18}. Через М. Али Ф. Раскольниковым было передано Обейдулле 2 тыс. фунтов стерлингов «для финансирования (антибританского. – Ю.Т.) движения среди независимых племен» {19}. Еще около 5 тыс. фунтов стерлингов было израсходовано Коминтерном на поддержку индийских националистов, примыкавших, скорее всего, к той же группе Обейдуллы.

Фактически денег на поддержку антибританской борьбы пуштунских племен «независимой» полосы полпредство РСФСР тратило значительно больше. По данным английской разведки, с октября 1922 до октября 1923 г. Ф. Раскольников потратил на эти цели 800 тыс. афганских рупий (по курсу кабульских менял – около 320 тыс. рублей золотом){20}.

Ф. Раскольников считал пуштунские племена универсальным орудием, с помощью которого Советская Россия и Коминтерн могут влиять на афганское правительство и вести подготовку к будущей революции в Индии. В связи с этим, не жалея средств и сил, в условиях постоянной слежки афганской полиции и английских агентов в «независимой» полосе Британской Индии создавались опорные пункты Коминтерна. В 1922 г. таких конспиративных центров было пять.

Самым важным по своему значению и активности среди приграничных племен был так называемый чамаркандский центр «Комитета сподвижников священной войны».

18 января 1924 г. Исполком Коминтерна принял постановление о создании в зоне пуштунских племен сети подпольных ячеек с целью активизации своей деятельности в районе индо-афганской границы. С помощью ваххабитов в Хайбарском проходе и Вазиристане удалось создать два комитета, финансировавшиеся КИ и выполнявшие его указания. Первоначально предполагалось создать подпольную группу в важном стратегическом центре г. Кветте, но «Комитет сподвижников священной войны» не смог этого сделать, так как в Белуджистане его влияние было ограниченно.

Коминтерновская нелегальная группа в Хайбаре была создана в мае 1924 г. К этому времени в этот район тайно прибыл представитель Коминтерна (одновременно сотрудник советского посольства в Кабуле) У. Мистральский, который привез деньги и директивы для местных «активистов». Члены хайбарской группы осуществляли антибританскую пропаганду среди местных пуштунских племен афридиев и момандов. Главной задачей этой группы было всеми способами добиваться вывода британских войск из Хайбарского прохода.

В г. Ване коминтерновская группа начала свою работу в июле 1924 г. Ей поручалось создать обширную нелегальную сеть в Вазиристане и Белуджистане. Учитывая особенности обстановки в относительно спокойном Хайбаре и мятежном Вазиристане, Коминтерн использовал различные способы для подрыва британских позиций в зоне пуштунских племен. В Хайбаре велась активная пропаганда с целью убеждения афридиев не служить в частях британской армии, бойкотировать английские товары и не выполнять распоряжений британских властей. Эта работа принесла результаты: англичане вынуждены были приступить к вербовке мужчин из других племен. Кроме этого, в иррегулярных племенных формированиях, созданных британскими властями, были основаны коминтерновские ячейки.

В Вазиристане, где еще оставались очаги вооруженного сопротивления британским войскам, коминтерновцы призывали племена к восстанию против Англии. Большое внимание также уделялось выявлению британской агентуры среди племен. К концу 1924 г. ванская группа смогла создать свои опорные пункты близ форта Сандемана.

Антибританская деятельность Коминтерна в зоне пуштунских племен потребовала больших средств, которые ваххабиты и их сторонники получили в необходимом количестве. Так, к декабрю 1924 г. хайберская группа истратила 12 447 фунтов стерлингов, а ванская – 4216 фунтов стерлингов{21}.

Сеид-Ашанский центр в Баджауре возглавлял Гулям Мохаммад Азис, рекомендованный на эту работу М. Али. Будучи кадровым военным, Гулям Азис смог организовать среди местной молодежи школы «для воспитания патанских революционеров» и начать работу среди английских войск, вероятнее всего, среди различных племенных формирований, нанятых на британскую службу. Ему удалось доставить в горы печатный станок и приступить к выпуску агитационной литературы{22}.

В одной из листовок содержался призыв к горцам продолжать борьбу против англичан, несмотря на мирный договор между Афганистаном и Англией. Возможно, именно в этой агитке афганцев обзывали «свиньями» за то, что они прекратили войну против англичан. Возмущенный Г. Чичерин вынужден был лично вмешаться, чтобы пресечь подобную коминтерновскую «самодеятельность», провоцировавшую ухудшение отношений с Афганистаном{23}. Ф. Раскольников также придерживался мнения, что связь с этим центром придется прекратить, если Гулям Азис «будет продолжать выпуск таких, противоречащих духу нашей политике в Индии, воззваний»{24}.

Дальнейшая судьба коминтерновского центра по архивным документам не прослеживается. Видимо, его деятельность была недолгой. Прежде всего из-за того, что британские власти оперативно предприняли энергичные меры для ликвидации в «независимой» полосе тайных военных школ для пуштунских юношей. Объективности ради надо отметить, что большая часть этих учебных заведений возникала без какой-либо помощи извне. Сами племена были заинтересованы в том, чтобы их соплеменники – ветераны Первой мировой войны – передали свой боевой опыт молодежи, а Коминтерн пытался использовать данную ситуацию в своих целях.

Так, в Дире был создан еще один коминтерновский «центр» во главе с личным другом все того же М. Али неким Макфи, который также начал создавать школы в полосе «независимых» племен...

Крупным успехом Коминтерна в Британской Индии было установление сотрудничества с лидером горных момандов Турангзаем, многотысячные отряды которого ранее неоднократно угрожали административному центру СЗПП г. Пешавару. Разумеется, с мусульманским богословом такого высокого уровня взаимодействие коминтерновских агентов было возможно только на основе совместной вооруженной борьбы против Англии. Любая коммунистическая агитация среди верных Турангзаю момандов в газиабадском «центре» привела бы к немедленному разрыву с этим племенным лидером. Очевидно, что советскому полпредству связь с ним удалось установить через чамаркандских ваххабитов.

Весной 1922 г. вместе с первыми достижениями в зоне пуштунских племен Ф. Раскольников фактически был вынужден констатировать провал плана М. Али и создать единый

антибританский центр в районе северо-западной границы Индии. Столкнувшись с разобщенностью приграничных племен, Ф. Раскольников с горечью был вынужден доложить в НКИД: «Разложение как результат реакции, разрозненность отдельных племен и отдельных представителей племен, отсутствие объединяющей все племена организации, желание каждого представителя племен быть главарем и вытекающие из этого личные склоки на почве соревнования являются весьма серьезным преткновением для нашей работы среди племен. Нам приходится разменяться на переговоры с каждым отдельным „вождем“ и распылять нашу субсидию на мелкие подачки. Эта неспособность восточных людей к организационному объединению и их мания величия уже неоднократно тормозила нашу революционную деятельность на Востоке...»{25}

Нежелание пуштунов объединиться для подготовки революции в Индии не могло не раздражать Раскольникова, но «неорганизованность» восточных националистов не мешала ему использовать их для сбора разведывательной информации о ситуации в «независимой» полосе и сведений об английских войсках, сконцентрированных на индо-афганской границе. Коминтерновские агенты снабжались полпредством специальной анкетой, в которой содержался перечень вопросов, интересовавших советских представителей в Кабуле{26}.

Прежде всего Коминтерну было необходимо иметь точные данные о всех антибританских «центрах», действовавших в то время в «независимой» полосе: их точное местонахождение; финансовые возможности; количество вооружения, которым они располагают; их связи с другими организациями и степень влияния среди приграничных племен; их связи с Кабулом (особенно с иностранными посольствами там). Кроме этого, агенты Коминтерна должны были собрать точные сведения о потребностях центров в оружии, деньгах и агитационной литературе. В опроснике Ф. Раскольникова особо оговаривался пункт о надежном способе пересылки оружия, чтобы оно не попало в руки англичан и афганских властей. Одним словом, Коминтерн хотел выявить наличие различных националистических организаций в зоне пуштунских племен, чтобы некоторым из них оказать помощь и вовлечь в сферу своего влияния.

Вероятнее всего, что одновременно с решением этой задачи осуществлялась и негласная ревизия тех центров, которые уже получали деньги от Коминтерна. Зная тягу восточных деятелей к золоту и интригам, такая бдительность была вполне оправданной.

Вторая часть «опросника Раскольникова» была посвящена выяснению военного потенциала «независимых» пуштунских племен. В первую очередь Коминтерн интересовало количество и качество оружия, имевшегося у горцев. Кроме этого, Коминтерн требовал от Ф. Раскольникова данных относительно того, в какой степени племена пострадали от карательных операций британских войск и неурожая 1921 г. и «сколько воинов можно ожидать от каждого отдельного племени в случае необходимости» {27}. Коминтерновские агенты должны были собрать также информацию о связях племен с афганским правительством, включая сведения о реакции патанов на призыв эмира поддерживать с Англией мир в течение ближайших 3 лет.

Другим направление деятельности коминтерновской агентуры в СЗПП была «работа» по хассадарской системе. Иррегулярные племенные формирования, сформированные британскими властями в «независимой» полосе, вызывали пристальный интерес Коминтерна по ряду причин.

1. В самой «независимой» полосе эти части были довольно эффективным, хотя достаточно дорогостоящим средством укрепления английского влияния среди горных племен.
2. Хассадары, как местные жители, были наиболее опасны при проведении любых антибританских акций в зоне пуштунских племен.
3. Для многих хассадаров английская служба была вынужденной, чтобы не умереть с голода. Даже получая плату от колониальной администрации, многие из этих пуштунов продолжали ненавидеть Великобританию. Они были готовы поднять мятеж при любом удобном моменте или вести за деньги агентурную работу против «инглизи».

Разумеется, самую подробную информацию агенты Коминтерна должны были собирать о

численности, дислокации, укреплениях и вооружении британских войск в «независимой» полосе. Поэтому большая часть «опросника Раскольникова» была посвящена этой проблеме. При этом особое внимание уделялось новым фортификационным сооружениям, построенным Англией в последнее время (численности их гарнизонов и количеству артиллерийского вооружения), а также военным дорогам.

Пуштуны за деньги с большой готовностью предоставляли требуемую информацию коминтерновским агентам и оказывали им посильное содействие в их работе против Англии. Однако в Москве, видимо, решили, что для большей эффективности советской разведки в зоне пуштунских племен должны работать хорошо подготовленные профессионалы, а не революционеры-любители. Порой дело доходило до курьезов. Так, весной 1922 г. Ф. Раскольников не разрешил распространение среди приграничных пуштунских племен коминтерновской агитационной литературы на английском и персидском языках, так как на брошюрах были проставлены знаки советских типографий{28}.

Активная деятельность коминтерновской агентуры в Афганистане в 1921—1922 гг. стала серьезным препятствием для нормализации отношений между Кабулом и Лондоном. Для проведения реформ Аманулла-хан нуждался в мире с Англией, поэтому в 1922 г. афганские власти были вынуждены принять меры для прекращения активной антибританской деятельности в своей стране. В этом году из Афганистана были выдворены самые важные агенты Коминтерна и лица, связанные с ними. В октябре 1922 г., не дожидаясь выдворения из Афганистана, в Ташкент прибыл Обейдулла с группой единомышленников. К тому времени он уже был фактическим главой «Временного правительства Индии» в Кабуле и одновременно руководил Кабульским комитетом ИНК. Демонстративным отъездом из Афганистана Обейдулла хотел показать индийским иммигрантам, что им больше нельзя рассчитывать на помощь Амануллы.

Однако Обейдулла не хотел сдаваться без боя. Он решил убедить советское правительство «купить сочувствие Кабула хотя бы ценой взятки»{29}. Обейдулла просил Кремль предоставить ему заем в 10 млн рупий. С помощью этой суммы он при поддержке военного министра Надир-хана надеялся добиться «охлаждения англо-афганских отношений», чтобы создать условия для использования Афганистана в качестве «базы для революционной работы в Индии и среди (пуштунских. – Ю.Т.) племен»{30}. В НКИД этот план был отвергнут из-за его нереальности.

Хотя, возможно, за фантазиями Обейдуллы уже в то время скрывалась первая попытка Надир-хана найти для себя могущественного покровителя для свержения Амануллы-хана. Так или иначе, но Обейдулла привез с собой письма Надир-хана, в которых тот жаловался на свою судьбу опального генерала и критиковал «бухарскую политику»{31} эмира. Готов ли был в тот момент Надир-хан пойти на военный переворот в Кабуле, от Обейдуллы выяснить так и не удалось, что еще раз убедило советское руководство в авантюризме индийского лидера и в невозможности продолжать нелегальную работу в Афганистане и Индии старыми методами.

В 1922 г. кабульский центр индийских националистов, действовавших в Афганистане с начала Первой мировой войны, прекратил свое существование, а активная работа Коминтерна в этой стране была временно парализована. В связи с этим уже в 20-х годах разведдеятельность в Афганистане и «независимой» полосе Британской Индии в значительной степени перешла под контроль советской разведки, которая, несмотря на выдворение членов прежнего нелегального ядра в Кабуле, все же получила довольно солидное коминтерновское «наследство» как в Афганистане, так и в Северо-Западной Индии.

Глава 12

Памирский форпост

Нежелание афганских властей предоставить свободный транзит для советского вооружения племенам «независимой» полосы Британской Индии вынуждало РСФСР и Коминтерн искать нелегальные пути в обход центральных районов Афганистана. В связи с этим Я. Суриц,

Джемаль и М. Рой уделяли особое внимание памирскому маршруту для связи с Индией. 10 февраля 1921 г. Я. Суриц отправил в НКИД телеграмму, в которой сообщил, что для реализации этого плана он собирается отправить на Памир «офицера-генштабиста» для установления устойчивых контактов с Читралом и Баджауром. Необходимость такого шага полпред объяснял следующим образом: «При удаче Памиры смогут сыграть роль посреднического центра между Индией и Туркестаном. [...] Связь Памиры (так в документе. – Ю.Т.) могла бы послужить главным образом для перевозки оружия и ослабила бы зависимость нашей индийской работы от Афганистана»{1}.

Выбор Памира (или, как его еще называют, «Крыши мира») в качестве плацдарма для разведывательных и подрывных операций против Британской Индии был мерой вынужденной, так как гипотетически возможная транспортировка вооружения в высокогорной местности являлась крайне трудным делом, даже при наличии хорошо оборудованных баз до индийской границы. А на Памире после прихода к власти в России большевиков царил полный развал: офицеры и солдаты с оружием и казенным имуществом уходили за кордон, чаще всего в Индию; многие погранзаставы были разграблены местным населением и китайцами{2}. В 1919 г. сам Памирский пост охраняли не российские пограничники, а 100 пленных чехов и словаков, единственной мечтой которых, скорее всего, было вырваться из этой горной западни и как можно скорее вернуться домой{3}. Особо надо отметить активность басмаческих формирований в Ферганской долине, которые на длительное время отрезали Памир от Ташкента. В связи с этим установление Советской власти на «Крыше мира» произошло лишь в 1921 г.

Правда, до этого в течение года там действовал отряд Красной Армии под командованием Семыкина. Столь длительное пребывание этой воинской части на Памире было расценено в Советской России как важное политическое событие. В октябре 1920 г. комиссар Туркестанского фронта обратился к бойцам, воевавшим на Памире, с воззванием, в котором говорилось: «Товарищи Памирского отряда, вам поручена ответственная задача. Советская республика направила вас на Памирский пост на границе с дружественным Афганистаном и Индией. Памирские горы отделяют революционную Россию от Индии, в которой 300 млн жителей порабощены англичанами.

На этом горном плато вы, вестники революции, должны поднять красный флаг освободительной армии. Народы Индии, борющиеся против их английских угнетателей, скоро узнают, что дружеская помощь близка.

Своим соседством с свободолюбивыми племенами Северной Индии вы словом и делом ускоряете их революционный прогресс [...]»{4}.

Чтобы превратить Памир в базу для ведения разведки в сопредельных странах и экспорта революции в Индию, летом 1921 г. под руководством ТуркЧК в срочном порядке в г. Оше был сформирован специальный Памирский экспедиционный отряд под руководством чекиста Т. Дьякова, заместителем которого являлся молодой комсомолец Михаил Аллахвердов, которому через 20 лет по личному распоряжению И. Сталина предстояло стать резидентом советской внешней разведки в Афганистане в период Великой Отечественной войны.

Памирская экспедиция планировалась и осуществлялась как общая операция ТуркЧК, Разведывательного управления Туркфронта и НКИД. Первое ведомство представлял Т. Дьяков, Разведупр – Евгений Петровский, а политическую разведку на Памире по линии НКИД предстояло осуществлять Эрнесту Пумпуру{5}.

Уже по пути в Хорог Т. Дьяков установил в отряде железную дисциплину, которая, видимо, требовалась для скорейшего прибытия к месту назначения. 18 сентября 1921 г., когда 150 офицеров и красноармейцев достигли Хорога, большинство из них были полураздеты и больны. Одежды и медикаментов не было. Об условиях несения будущей пограничной службы весьма красноречиво говорило местное название этого района – Подножие смерти.

Материальные трудности усугублялись острым соперничеством между представителями трех ведомств, у которых теоретически была общая цель – укрепление Советской власти на

Памире и создание разведсети в сопредельных странах. Однако уполномоченный Особпункта ТуркЧК Т. Дьяков своими непродуманными действиями и резким характером едва не испортил все дело.

Кроме субъективных факторов, были, разумеется, и объективные причины возникновения вражды между руководителями памирской экспедиции. Перед контрразведчиком Т. Дьяковым стояла задача пресечения английского и афганского шпионажа на советской территории. Памир в то время представлял собой проходной двор для разных темных личностей, среди которых многие были платными агентами англичан.

Кроме этого, население этого района принадлежало к мусульманской секте исмаилитов. За многие века они выработали строгую систему конспирации как внутри своей общины, так и вне ее. Их тайные каналы связи охватывали всю Центральную Азию и уходили в Британскую Индию, где проживал глава секты принц Ага-хан. Такая ситуация вызывала серьезное беспокойство еще у представителей царской администрации в Туркестане, но за десятки лет перекрыть утечку золота и информации к Ага-хану они так и не смогли.

Имея в своем распоряжении лишь 30 сотрудников, Т. Дьяков попытался бороться с этой мощной исмаилитской организацией (!), да еще и с британской и афганской агентурой. Видимо, осознание своего бессилия породило в нем шпиономанию. Он стал подозревать в предательстве даже Э. Пумпура и Е. Петровского. Последнего Т. Дьяков через некоторое время все же необоснованно арестовал.

Представители Разведупра и НКИД попали под подозрение Т. Дьякова, так как, исходя из реальных условий, стали использовать для агентурной работы исмаилитские структуры. Так, Пумпур смог привлечь к сотрудничеству ишана Поршневского Юсуфа Али Шо, через людей которого установил связь со многими зарубежными населенными пунктами{6}.

Афганистан также пытался тайно использовать исмаилитов. Агенты эмира специально распускали слухи, что российский Памир скоро перейдет к Афганистану. В этих условиях исмаилитские ишаны, которых в XIX в. называли «иезуитами Востока», оправдали свою репутацию ловких и коварных людей: они интриговали со всеми противоборствующими силами на Памире, всегда имея в виду лишь свои интересы.

У Э. Пумпура и Е. Петровского хватило мудрости и сил, чтобы развернуть работу в архисложных условиях, а Т. Дьяков лишь мешал закордонной деятельности своих коллег. Через год он был переведен на другую должность в системе ВЧК...

Однако не только суровые природные условия и распри в командном составе затрудняли деятельность Памирского отряда. По прибытии в Хорог неожиданно выяснилось, что радиосвязь с командованием Туркестанского фронта установить невозможно, так как самодельный радиопередатчик оказался сломанным. В этих условиях регулярную связь с Ташкентом возможно было поддерживать лишь при содействии афганских властей через советское полпредство в Кабуле. На советской территории курьеры не могли прорваться через басмаческие заслоны...

В связи с этим командование Памирского отряда попыталось наладить нелегальную связь с Ф. Раскольниковым, но потерпело полное фиаско: тайный агент, посланный с донесением в Кабул, был схвачен афганскими властями. Через некоторое время Э. Пумпуру все же удалось переправить советскому послу в Афганистане донесение, в котором представитель НКИД на Памире просил Ф. Раскольникова добиться от Амануллы-хана разрешения на официальную связь между Хорогом и полпредством в Кабуле{7}. Согласие эмира на это было получено, и, таким образом, информационная блокада Памирского отряда была прорвана.

С использованием шифров и средств тайнописи секретные разведдонесения от Э. Пумпура порой доставлялись в Кабул... афганской почтой, что значительно экономило время и средства. Часть секретной информации из Хорога вскоре пошла по агентурному каналу в советское консульство в г. Мазари-и-Шариф. Очевидно, что эту нелегальную линию связи чаще всего использовала военная разведка, так как Северный Афганистан был в первую очередь в сфере влияния этой спецслужбы.

Одним словом, длинным кружным путем через Афганистан разведывательная информация,

собранная на Памире, стала регулярно поступать в Ташкент и Москву. Аманулла-хан по ряду причин оказал в этом помощь советской стороне. Большую роль в первых успехах советской разведки при работе на Памире сыграла и продажность афганских чиновников...

К началу 1922 г. Э. Пумпур, не жалея средств, наладил хорошие отношения с местными эмирскими властями, и его люди смогли беспрепятственно курсировать между Хорогом и различными районами Афганистана, Кашгарии, Северной Индии. Все советские агенты были снабжены подлинными афганскими паспортами, купленными у тех же «верных слуг» эмира{8}. Благодаря надежным документам руководству Памирского отряда удалось избежать крупных провалов в нелегальной работе за рубежом. Если агента по дороге не грабили или не убивали местные разбойники, то он доходил до пункта назначения и выполнял свое задание.

Первых успехов советской разведке в северных районах Афганистана и Индии удалось достичь в значительной степени благодаря сотрудничеству с исмаилитами, которые за деньги работали на любую власть. С большой долей уверенности можно также предположить, что Э. Пумпуром и его коллегами была задействована и дореволюционная закордонная сеть, которую передал своим преемникам бывший начальник Памирского отряда царский полковник Д. Ягелло, перешедший на сторону Советской власти{9}. Однако вряд ли ее можно было использовать для контрабанды крупных партий вооружения приграничным пуштунским племенам, как это первоначально замышляли Я. Суриц, Джемаль и М. Рой.

Видимо, это осознавал и Э. Пумпур, но он успокаивал свое руководство тем, что само «появление Советской власти на Памире дает энергичный толчок борющимся свободным племенам, знающим, что только узкая полоса „буфера“, афганский Вахан, отделяет их от страны, высоко держащей знамя свободы и равенства народов»{10}. Однако революционные лозунги не могли устранить многочисленных препятствий, с которыми сталкивалась советская разведка, налаживая коридор в Индию.

Талант разведчика и наличие финансовых средств все же позволили Э. Пумпуру уже к весне 1922 г. «наладить зарубежную связь» и создать резидентуры в административном центре Каттагана г. Ханабаде (Афганистан), в г. Яркенде (Китай) и в североиндийских городах Читрале и Гильгите. В 1922 г. советские агенты с Памира смогли также обосноваться в пуштунском княжестве Дир и проложить маршрут до центра СЗПП г. Пешавара. Таким образом, в северной части зоны патанских племен Британской Индии была создана достаточно разветвленная разведсеть, способная оперативно собирать и передавать в экстремальной ситуации информацию об обстановке на индо-афганской границе и в Северной Индии.

Разведка в Индии была самой сложной для Э. Пумпура. В одном из своих донесений в НКИД он писал, что прямой путь для разведчика, направленного с Памира в Индию через Читрал и Гильгит, был практически невозможен из-за большой концентрации английских войск в этом районе. В этих условиях приходилось искать обходные пути через г. Яркенд, выгодное расположение которого позволило советской агентуре собирать сведения не только о Кашгарии, но и о ситуации в Северной Индии{11}.

Проверкой надежности каналов связи между Памиром и Северной Индией стала переброска нескольких индийских революционеров, прошедших обучение в Ташкенте и Коммунистическом университете трудящихся Востока (КУТВ) в Москве.

После ликвидации в Туркестане Туркбюро КИ, что было одним из условий нормализации политических отношений с Великобританией, наиболее надежных «индусских» товарищей из Средней Азии перевели на учебу в Москву. Оставшаяся часть индийцев в Бухаре окончательно разложилась, погрязнув в склоках. В связи с этим представитель ЧК в Туркбюро Коминтерна М. Шульман называл индийскую иммиграцию в Туркестане не иначе как «мертвым телом индусского революционного движения»{12}.

В этих условиях для Коминтерна было важно как можно быстрее переправить своих лучших людей в Индию, чтобы на месте создать коммунистическое подполье и начать реальную

борьбу против англичан. Кроме этого, М. Рою было крайне необходимо доказать, что огромные суммы золота и валюты, истраченные им в Ташкенте, не были пущены на ветер и начинают приносить реальные плоды.

В связи с этим недоучившихся студентов индийской секции КУТВа летом 1922 г. срочно направили в распоряжение инструктора Туркбюро Николая Гольдберга, который разработал план переброски 10 человек через Памир в Читрал и далее в Калькутту. Согласно замыслу Н. Гольдберга, индийцы должны были отправиться с Э. Пумпуром к Хорогу, но для соблюдения конспирации, не доезжая до этого поста, тремя группами с промежутком в 2 недели (этот график выдержан не был) должны были отправиться с проводниками в Индию. Э. Пумпур гарантировал «безопасный проезд по Вахану» и снабдил индийцев подлинными британскими документами{13}.

Как всегда, отправка индийцев на родину едва не сорвалась, так как Коминтерн не выдал Н. Гольдбергу необходимые средства в совзнаках и валюте. В последний момент необходимая сумма пришла от Ф. Раскольникова из Кабула. Смета переброски коминтерновцев в Индию составляла крупную сумму: 35 250 советских рублей и 4700 афганских рупий (1568 золотых рублей){14}. Даже без учета трат в рублях эта коминтерновская операция обошлась НКИД почти в 160 царских червонцев! Россия лежала в разрухе после Гражданской войны, а русское золото продолжало расточительно расходоваться ради мифической мировой революции.

В ночь на 11 ноября 1922 г. первая группа из 4 человек (Абдул Маджид, глава группы, Фероз Уддин, Рафик Ахмад и Набиб Ахмад) в рекордно короткие сроки благополучно достигла Читрала. Однако на этом везение индийцев закончилось, так как уже утром власти княжества передали их в руки англичан. 23 ноября такая же участь постигла вторую группу из 3 человек. Следует отметить, что 2 пуштуна из кутвовцев достигли «независимой» полосы, остались там и были арестованы британскими властями позднее, в 1923 г. Таким образом, первая крупная переброска агентов Коминтерна через Памир в Читрал полностью провалилась. В апреле—мае 1923 г. в г. Пешаваре состоялся «Процесс о московско-ташкентском заговоре», который подвел итог совместной неудачной операции КИ и советской разведки в Индии{15}.

Печальные события 1922—1923 гг. стали для советской разведки и Коминтерна суровым уроком. Судя по архивным документам, Памир остался «наблюдательной вышкой» советской разведки, но заброска агентуры за кордон из этого района осуществлялась крайне редко, а Коминтерн, избегая лишнего риска, продолжил использование «афганского коридора» для своей деятельности в Северной Индии.

Глава 13

«Ультиматум Керзона»: Британская империя дает отпор

Активные попытки Советской России и Коминтерна нанести удар по могуществу Британской империи в Центральной Азии заставили английское правительство в экстренном порядке принять решительные контрмеры по всем направлениям для отражения «красной угрозы». Сложная ситуация у границ Индии требовала от Англии скорейшего закрытия «афганского коридора» для опасного противника, который рвался в «независимую» полосу СЗПП, чтобы создать там базу для будущей «революции» в Индии.

Благодаря отличной работе британской разведки планы большевиков и коминтерновцев в Азии были в деталях известны в Лондоне. Интеллидженс сервис смогла проникнуть в коминтерновские структуры как в Ташкенте, так и в Москве.

В 1919 г. в Ташкенте активно действовал британский разведчик полковник Ф. Бейли, который нелегально занимался сбором информации о советско-афганских контактах, об индийцах, прибывших в Ташкент. Он собрал сведения о миссии Бравина в Афганистан, встречался с переводчиком первой афганской миссии Вали-хана в Москву Абдул Гани. В его поле зрения, видимо, попал и тот самый Селим, которого затем Рой отправил в Москву просить оружия для приграничных пуштунских племен. Правда, умному пуштуну хватило осторожности не сболтнуть ничего лишнего новому знакомому в Ташкенте, и Бейли не смог

выведать цели его поездки{1}. Однако смело можно предположить, что не только этот известный разведчик в одиночку действовал в Ташкенте. В Туркестане Великобритания традиционно имела обширную разведсеть еще с царских времен. В условиях кровавого хаоса Гражданской войны ее возможности в Средней Азии резко возросли.

Английская сторона также традиционно имела надежные источники в окружении афганского эмира. Даже с приходом к власти Аманулла-хана Интеллидженс сервис сохранила ценные источники в Кабуле, с помощью которых бдительно следила за советско-афганскими переговорами о транзите через Афганистан вооружения и золота пуштунским племенам.

Успехи британской разведки в Москве и Ташкенте были значительно скромнее, если бы ей не помогали разведки белогвардейских армий. Так, белогвардейская агентура в российской столице собирала сведения о всех индийцах, прибывавших в Коминтерн и НКИД. К примеру, в феврале 1921 г. в Москве во время успешных переговоров индийских националистов с советскими представителями о транспортировке оружия и боеприпасов через Афганистан у Ачарии была украдена записная книжка с кодом шифра, который использовался для связи не только с Ташкентом, но и Индией{2}. Переговоры срочно пришлось прервать.

Уже контрразведка адмирала Колчака наладила регулярный перехват радиосообщений между НКИД и Ташкентом, включая шифровки Я. Сурица из Кабула{3}. Сотрудничество с англичанами в этой сфере продолжили спецслужбы Деникина и Врангеля. В декабре 1921 г. командующий Южной группой войск Красной Армии М. Фрунзе после разгрома Врангеля с горечью докладывал в Москву: «Вся наша радиосвязь является великолепнейшим средством ориентирования противника. [...] В частности, секретнейшая переписка Наркоминдела с его представительством в Европе и Ташкенте слово в слово известна англичанам, специально организовавшим для подслушивания наших радио целую сеть станций особого назначения»{4}.

Главная английская станция радиоперехвата, «слушавшая» эфир на территории Афганистана и Туркестана, находилась в г. Кветте. Эффективность ее работы была настолько высока, что афганское правительство, видимо, первым поняло тот факт, что, пока работает радиостанция полпредства РСФСР в Кабуле, Великобритания будет в курсе всех тайн советско-афганских отношений. В связи с этим в начале 1921 г. Аманулла-хан приказал советскому посольству не использовать его радиопередатчик для отправки донесений в Ташкент. В октябре 1921 г., лишь после ратификации 14 августа договора между РСФСР и Афганистаном, эмир разрешил Ф. Раскольникову вновь задействовать передатчик посольства{5}. Дальнейшие события показали, что в тот же момент кветтская станция радиоперехвата возобновила свою работу по расшифровке советской дипломатической переписки. При таком положении дел Великобритания почти всегда успевала принять контрмеры против операций коминтерновской агентуры в Центральной Азии.

Однако любая разведка является лишь инструментом внешней политики, и ее объективная информация заставляет правительства предпринимать шаги для обеспечения общей стабильности государства, тем более огромной колониальной Британской империи. В Лондоне понимали, что никакая спецслужба в мире не сможет остановить поход Красной Армии в Иран, Афганистан и Индию, если в Кремле большевистское руководство примет политическое решение нанести мощный удар по британским позициям на Востоке. Английский премьер-министр Д. Ллойд Джордж осознавал, что подобного развития событий Великобритания должна избежать любой ценой. В связи с этим английской дипломатии предстояло решить сложную внешнеполитическую задачу: нейтрализовать, хотя бы частично, подрывную деятельность Советской России и Коминтерна на подступах к Индии, а затем заставить Кремль отказаться от «экспорта революции» в этот регион.

Политическая нестабильность в Англии, усилившаяся с началом в 1920 г. экономического кризиса, подъем освободительного движения в колониях вынуждали британское правительство искать компромисса с РСФСР. В свою очередь Советская Россия после

разорительной Гражданской войны нуждалась в сотрудничестве с Великобританией. В связи с этим 26 мая 1920 г. в Лондон прибыла советская торговая делегация во главе с Л. Красиным, который был уполномочен Г. Чичериным вести не только экономические переговоры, но и «частным образом» затрагивать вопросы, связанные с антибританской деятельностью Советов и Коминтерна в Азии. В рамках инструкций НКИД Л. Красин должен был дать понять своим британским партнерам, что данная проблема может быть рассмотрена лишь при восстановлении полноценных мирных отношений между Лондоном и Москвой{6}.

Тот факт, что британская разведка читала инструкции советского наркома иностранных дел Л. Красину, на наш взгляд, не затруднял, а только облегчал переговоры в Англии. Г. Чичерин в своих телеграммах приказывал Л. Красину «от своего имени» шантажировать британское правительство вводом советских войск в Иран и Афганистан{7}. Индия при этом не упоминалась, но вступление Красной Армии в пределы дружественного РСФСР Афганистана могло преследовать единственную цель: вторжение в Индию. Одним словом, правительству Его Величества в довольно жесткой форме давалось понять, что пора прекратить английскую помощь Врангелю и Пилсудскому, чтобы спасти Британскую империю от серьезных революционных потрясений.

Победа большевиков в Гражданской войне заставила правительство Д. Ллойд Джорджа пойти на заключение с Советской Россией торгового соглашения весной 1921 г. Так называемые «азиаты» в британском кабинете во главе с министром иностранных дел лордом Керзоном до последнего сопротивлялись признанию РСФР de facto. Их главный довод, что Советы и Коминтерн ведут подрывную деятельность против Британии на Востоке, имел под собой весомые основания. В связи с этим Д. Ллойд Джордж настоял на том, чтобы торговое соглашение 16 марта 1921 г. было снабжено обширной преамбулой, в которой оговаривались политические условия дальнейшего развития экономических отношений между Лондоном и Москвой. Самым важным их них было прекращение большевиками «экспорта революции» в Азию, прежде всего в Индию. Пункт «а» вводной гласил, что Советское правительство должно было отказаться «от всякой попытки к поощрению военным, дипломатическим или каким-либо иным способом воздействия или пропаганды какого-либо из народов Азии к враждебным британским интересам или Британской империи действиям в какой бы то ни было форме, в особенности в Индии и в Независимом Государстве Афганистан»{8}.

Однако, несмотря на это важное дополнение, Керзон отказался подписать соглашение 1921 г. Вместо него данный документ завизировал министр торговли Роберт Хорн, который, кроме этого, вручил Л. Красину письмо с описанием антибританской деятельности советских представителей и индийских националистов в Туркестане и Афганистане.

Письмо Хорна содержало неопровержимые факты попыток РСФСР и Коминтерна свергнуть британское господство в Индии{9}. Британский министр считал несовместимыми с положениями только что заключенного торгового соглашения следующие советские акции в Центральной Азии:

1. Установление с Афганистаном дипломатических отношений для подготовки вторжения в Индию.
2. Переговоры полпреда Я. Сурица с Аманулой-ханом о поставках крупных партий вооружения пуштунским племенам.
3. Переговоры Я. Сурица с вождями приграничных племен в Кабуле.
4. Отправку в Афганистан миссии во главе с Джемаль-пашой, который в своих контактах с племенными лидерами превзошел даже Я. Сурица.
5. Далее перечислялись фамилии индийцев, которые сотрудничали с Советским правительством: Пратам, Варакатулла, Ачария, Абдур Раб и, разумеется, Рой.
6. Создание в Ташкенте «плацдарма для индийской работы» с целью подготовки и засылки через Афганистан в Индию коминтерновских эмиссаров для установления прямых контактов с приграничными племенами и создания в «независимой» полосе базы для антибританской деятельности.

Английское правительство также выражало свое недовольство деятельностью Я. Сурица, «несовместимой с главными функциями дипломатического представителя», а также поставками в Афганистан советского вооружения. В заключении Р. Хорн сообщал Л. Красину: в Лондоне известно, что «индийские революционеры настаивают на создании военного центра в районе Памира и Читрала».

Таким образом, правительство Д. Ллойд Джорджа поставило своих новых советских партнеров перед фактом, что оно в курсе всех антибританских акций, которые «тайно» происходят у границ Индии. Жертвовать нормализацией отношений с Великобританией ради авантюр в Азии советское руководство не могло. В связи с этим НКИД и Коминтерн начинают постепенно свертывать подрывную деятельность против Британской Индии. В г. Ташкенте была закрыта индийская военная спецшкола. Официально было объявлено о прекращении деятельности Туркбюро КИ, но реально его перевели на нелегальное положение в Бухару. Кроме этого, Бюро фактически свернуло работу по Афганистану и Индии. Наконец, Я. Сурица на посту советского полпреда в Кабуле сменил Ф. Раскольников.

Казалось, что английской дипломатии удалось достигнуть поставленных целей на Среднем Востоке: «красной» угрозы Индии больше не было. Даже Керзон в марте 1922 г. считал, что «действия большевиков в Афганистане, Персии и Индии были скорее раздражающими, чем опасными»{10}. Дальнейшие события показали, что его оптимизм был преждевременным.

В конце 1922 г. в результате победы на выборах в Англии к власти пришло консервативное правительство Бонара – Лоу, в котором Керзон сохранил свой прежний пост{11}. К этому времени в «независимой» полосе СЗПП резко возросла напряженность: пуштуны в ответ на «новую наступательную политику» Англии вновь взялись за оружие, чтобы отстоять свою свободу.

Действия британских войск близ афганской границы резко обострили англо-афганские отношения. Этой ситуацией для укрепления советских позиций в Афганистане и зоне пуштунских племен решило воспользоваться большевистское руководство. При ЦК РКП(б) была создана специальная комиссия по Афганистану, которая 28 февраля 1923 г. приняла решение: «Поручить тов. Раскольникову немедленно начать переговоры с Афганским правительством о секретном соглашении на предмет борьбы против агрессивной политики Англии на афганской границе»{12}. 1 марта 1923 г. Политбюро ЦК РКП(б) санкционировало деятельность НКИД в этом направлении. Как полагается в таких случаях, необходимые инструкции были переданы в советское посольство в Кабул. В свою очередь, Ф. Раскольников, не медля, попытался оказать помощь мятежным горцам.

Нельзя с уверенностью сказать, что в Лондоне во всех деталях знали о решениях и действиях Советского правительства. Однако когда англичане узнали, что СССР вновь намерен через Афганистан осуществить поставку вооружения для приграничных пуштунских племен, это стало последней каплей, переполнившей чашу терпения Великобритании, которая бдительно следила за политикой СССР и Коминтерна в Афганистане.

8 мая 1923 г. британский дипломатический представитель в СССР Р. Ходжсон вручил заместителю наркома иностранных дел М. Литвинову яростную ноту Керзона. Произошел редчайший случай в истории дипломатии: ради «сокрушения» противника министр иностранных дел фактически раскрыл тот факт, что Интеллидженс сервис продолжало читать советскую дипломатическую переписку!

Опираясь на данные радиоперехвата, Керзон составил ноту, по своей силе, образно говоря, равную прицельному залпу эскадры британских линкоров. В документе иностранной державы приводились цитаты из самых секретных донесений советского полпреда в Кабуле! Раздел этой ноты, посвященный Афганистану, гласил: «Афганистан представляет еще более благоприятную территорию для таких (антибританских. – Ю.Т.) действий благодаря его близости к беспокойным племенам в индийской пограничной области. Советский представитель в Кабуле г. Раскольников отличился исключительным усердием. 17 февраля 1923 г. он известил советские власти в Ташкенте, что необходимо использовать все

возможные средства «для того, чтобы усилить несомненно существующий кризис созданием разрыва между Афганистаном и англичанами», и что «немедленная доставка оружия и денег будет иметь огромное значение». Российский Комиссариат иностранных дел, несомненно, опознает следующее сообщение от 21 февраля 1923 г., которое им было получено от г. Раскольникова: «Я предпринимаю шаги, чтобы помочь Вазиристану, вероятно, в размере до 300 руб. и 10 ящиков патронов»; и дальнейшее сообщение от 17 марта, в котором г. Раскольников умоляет комиссариат не сужать его деятельность «по Индии и не сокращать экстраординарные расходы», так как это нанесет «непоправимый вред работе миссии в ее наиболее важной сфере». Эти экстраординарные расходы за год – с октября 1922 г. до октября 1923 г. – исчислялись г. Раскольниковым в ноябре 1922 г. в размере 80 000 кабульских рупий, в то время как все расходы миссии составляли 1 200 000 кабульских рупий.

Комиссариат иностранных дел также, несомненно, опознает полученное им из Кабула сообщение от 8 ноября 1922 г. следующего содержания: «Ваши инструкции относительно осторожности в нашей разведывательной и пропагандистской работе с точностью выполняются. Особое внимание обращается сейчас на район момандов, к северу от Пешавара, но в этом отношении мы не можем много сделать из-за недостаточности фондов».

Равным образом Комиссариат иностранных дел, вероятно, не забыл сообщения от 16 марта 1923 г. от Карахана, заместителя комиссара иностранных дел, г. Раскольникову, в котором он говорит: «Привезите с собой конкретное предложение относительно формы сотрудничества для оказания помощи племенам. От разрешения этого вопроса зависит вопрос о доставке оружия. Пожалуйста, сообщите нам Ваши соображения относительно формы сотрудничества, необходимой для обеспечения местного надзора над распределением оружия».

Эти сообщения проливают свет на недавние события в индийской пограничной области»{13}. После приведения такой весомой доказательной базы Керзон потребовал от Кремля прекращения антибританских акций среди пуштунских племен и отзыва Раскольникова с поста полпреда в Кабуле.

Для спасения своей репутации в странах Востока СССР отверг это требование. Аманулла-хан также выступил в защиту советского дипломата и даже присвоил ему титул сардара. В итоге Ф. Раскольников остался в Кабуле, несмотря на все британские требования и угрозы, до февраля 1924 г. Таким образом, выждав некоторое время, НКИД, чтобы сохранить лицо, был все же вынужден убрать своего неудачливого представителя в Афганистане. Советская политика в этой стране стала еще более осторожной, а интриги среди пуштунских племен «независимой» полосы Британской Индии были сведены к минимуму. Англия доказала Москве, что способна эффективно пресекать любые попытки подорвать ее господство в Индии. Не будет преувеличением сказать, что британская сторона одержала победу в тайной войне, которая несколько лет шла в «афганском коридоре».

Глава 14

«Новая наступательная политика»

Все демарши британской дипломатии против политики СССР в Афганистане преследовали цель изолировать зону пуштунских племен от внешнего мира, чтобы горцы «независимой» полосы не могли получить вооружения и денег для борьбы против английских войск. Сотни тысяч пуштунских воинов, вооруженных современным оружием, были для колониальных властей Индии и навязчивым кошмаром, и реальной опасностью одновременно.

Для стабилизации ситуации на индо-афганской границе Англии пришлось принять срочные меры для стабилизации ситуации в полосе «независимых» пуштунских племен. Англо-советский договор 1921 г. в значительной степени ослабил «красную опасность» для Индии. Сразу после этого, не теряя времени, Англия приложила все силы для решения пуштунской проблемы с Афганистаном.

Для этого Великобритания заключила 22 ноября 1921 г. новый договор с Аманулой. В результате трудных переговоров, продолжавшихся в Кабуле 11 месяцев, Англии удалось

заставить Афганистан согласиться с тем, что границей между Афганистаном и Индией останется «линия Дюранда». Однако афганцам удалось добиться от британской стороны определенных обязательств по сокращению военных карательных операций против приграничных племен. Фактически это означало, что Великобритания обещала не завоевывать территорию полосы «независимых» пуштунских племен. В статье № 11 англо-афганского договора говорилось: «Каждая из высоких договаривающихся сторон обязуется проявлять уважение и доброжелательное отношение к племенам, проживающим по обе стороны границы, и оповещать друг друга о каких-либо в будущем серьезных военных действиях с целью наведения порядка среди этих племен»{1}.

Дополнительной страховкой для Афганистана от английских посягательств на зону пуштунских племен являлось письмо главы английской делегации на этих переговорах сэра Генри Доббса к министру иностранных дел Афганистана Махмуду Тарзи от 22 ноября 1922 г. Британский дипломат в нем довел до сведения афганского правительства тот факт, что «английское правительство питает самые добрые чувства в отношении этих племен и впредь намерено относиться к ним с большим великодушием при условии, что они воздержатся от грабежа британских подданных»{2}.

Договор, который, несмотря на все оговорки, вновь отдавал племена «независимой» полосы под власть ненавистных «инглизи», был негативно воспринят многими влиятельными афганскими политическими и религиозными лидерами. Сам Аманулла-хан считал подписание этого договора вынужденной мерой, хотя Великобритания в нем и признала Афганистан независимым государством. Перед отъездом Г. Доббса в Индию эмир прямо заявил английскому дипломату: «Нет сомнения, что наши отношения являются не дружественными, а скорее отношениями знакомых или соседей. Вы никогда не должны думать, что Афганистан будет вашим другом, пока вы унижаете остальной мусульманский мир, или жители Афганистана будут спокойно смотреть на то, как вы попираете священные исламские ценности. Да и в Индии вы должны подумать над своими акциями»{3}. Разумеется, последняя фраза Амануллы прежде всего относилась к будущей политике Англии в зоне пуштунских племен.

Самым трудным для Амануллы было обоснование правильности сделанного им шага перед самими патанами Британской Индии. С этой целью эмир обратился к ним с воззванием, в котором призвал их воздержаться в течение 3-х лет от конфронтации с англичанами. В этом документе говорилось: «Я самым ясным и недвусмысленным образом дал понять противной стороне, что народы, населяющие пограничную полосу, являются моими кровными родственниками; их нельзя никакими способами оторвать от меня; и до тех пор, пока они не будут удовлетворены поведением противной стороны, мир немыслим. В течение следующих трех лет наш враг должен дать доказательство, хочет ли он серьезно и искренно жить в мире со мной. Если враг будет верен своим словам и будет честно выполнять предъявленные мною ему требования, мир будет длительным. В противном же случае мы снова созовем конференцию для решения вопроса о наших дальнейших действиях. Поэтому я Вас прошу установить мирные отношения с врагом в течение этих трех лет [...]»{4}.

Стиль воззвания Амануллы-хана к горцам «независимой» полосы СЗПП свидетельствует о том, что эмир не верил данным Великобританией обязательствам проводить мирную политику в районах вдоль «линии Дюранда» и предупреждал восточных пуштунов о возможном новом всеобщем восстании против англичан. Как показали последующие события, Аманулла был прав: Британия грубо нарушила взятые на себя обязательства в отношении приграничных племен. Формально, не разрывая договора 1921 г., то же самое сделал Афганистан.

Историк Л. Адамек, рассматривая причины англо-афганского противостояния в «независимой» полосе Британской Индии, в одной из своих работ точно указал причину этой вражды: «Британия хотела проникнуть в этот район, а афганский правитель хотел сохранить его как буферное государство...»{5}

Для подавления антибританской борьбы восточных пуштунов английское правительство

решило пойти на военную оккупацию Хайбара и Вазиристана. Поэтому в 1921 г. новым главой СЗПП был назначен Джон Мэффи, который предложил свой план стабилизации положения в районе северо-западной границы Индии. Новый главный комиссар СЗПП считал необходимым срочно предпринять ряд мер для укрепления британских позиций в полосе «независимых» племен и охраны административной границы от рейдов горцев. Д. Мэффи, по мнению английского военного историка Эллиота, «питал иллюзию, что армия сможет быстро оккупировать Вазиристан»{6}.

Д. Мэффи предложил британскому правительству создать крупные военные форты в Размаке и Ване для контроля над масудами. В Ване и Размаке должны были размещаться основные силы колониальных войск, которые в любой момент могли бы оказать помощь гарнизонам более мелких укреплений, построенных в важнейших стратегических пунктах Вазиристана. Для быстрой переброски английских войск предлагалось построить кольцевую дорогу с сетью радиальных дорог{7}.

Так как рейды лашкаров восточных пуштунов в глубь административных округов не прекращались, Д. Мэффи с целью лучшей охраны административной границы между полосой «независимых» племен и этими округами разработал обширный план, предусматривающий осуществление целого ряда мер.

1. Расположить вдоль этой границы крупные мобильные силы британской армии для отражения набегов патанов.
2. Расширить сеть дорог для большей маневренности войск.
3. Увеличить численность полиции, которая должна была действовать в тесном взаимодействии с войсками.
4. Брать в заложники представителей восставших племен и держать их в индийских тюрьмах, пока приграничные племена не примут все условия англичан.
5. Осуществлять контроль над племенами через «их интересы в Индии». Самыми важными «интересами» горных пуштунских племен являлись пастбища для их скота и закупки продовольствия. У племенной знати к тому же в административных округах имелись крупные земельные владения, которые за неповиновение можно было бы конфисковать.
6. Особо важная роль в охране административной границы и «линии Дюранда» отводилась боевой авиации, которая могла наносить бомбовые удары по самым недоступным точкам «независимой» полосы или разбомбить и расстрелять с воздуха уходящий после набега в горы лашкар патанов{8}.

Все эти меры не вносили ничего принципиально нового в традиционную систему охраны административной границы СЗПП. Д. Мэффи предлагал лишь более широко использовать современное вооружение (самолеты, броневики и автотранспорт) и в еще больших масштабах возродить старую, испытанную тактику блокады мятежных племен, чтобы голодом заставить их подчиняться британским властям.

Реализация предложенного Д. Мэффи плана неизбежно вызвала бы новые крупные восстания пограничных племен и новую эскалацию боевых действий на северо-западной границе Британской Индии. Расходы на строительство новых укреплений, дорог и карательные операции, по предварительным подсчетам, составили бы астрономическую сумму в десятки миллионов фунтов стерлингов. Возведение новых укреплений и дорог близ индо-афганской границы неизбежно привело бы к ухудшению отношений с Афганистаном и потребовало бы новых военных расходов от английского правительства.

Однако обстановка на административной границе между полосой «независимых» племен и административными округами заставляла англичан спешить с укреплением своих позиций в зоне пуштунских племен. Британский генерал Фуллер писал о ситуации в СЗПП в 1922 г.: «Племена северо-западной границы произвели в течение 4 лет после мировой войны 1315 налетов, во время которых было убито 518 гражданских чиновников...»{9} Английские военные с тревогой отмечали рост вооружения и военного искусства пуштунов. Так, другой английский генерал Мак– Мэнн в своей статье «Северо-западная граница Индии» дал высокую оценку боевому мастерству патанов. Он особо подчеркивал тот факт, что

вооруженные современными винтовками горцы осуществляли рейды, которые «превращались в форменное вторжение, проводившееся с тактическим искусством людьми, получившими выучку в рядах нашей армии»{10}.

Для всесторонней оценки новой оборонительной системы северо-западной границы Британской Индии был создан специальный комитет под руководством статс-секретаря по иностранным делам правительства Индии Дениса Брея. Работа этого комитета сопровождалась бурной кампанией в прессе, призывавшей принять меры для наведения порядка в СЗПП.

Англо-индийские газеты развернули в 1922 г. оживленную дискуссию о будущей политике в полосе «независимых» пуштунских племен. Точку зрения сторонников военной оккупации наиболее открыто выражала влиятельная газета «Инглишмэн». Из номера в номер в ней публиковались призывы к установлению военного контроля над полосой «независимых» племен. Наиболее яркая статья на эту тему была напечатана 19 апреля 1922 г. В ней, в частности, говорилось: «Идея никому не принадлежащей земли – этого буфера между Индией и Афганистаном в случае войны оказывается ребячеством, так как непокорные племена всегда присоединялись и будут присоединятся к Афганистану»{11}. Исходя из этого неизвестный автор статьи делал вывод: «Существует только один способ держать в руках племена (пуштунов. – Ю.Т.), а именно быть у них в тылу».

В начале 1922 г. комитет Д. Брея утвердил предложенный Д. Мэффи план. С небывалой скоростью он был одобрен вице-королем и английским правительством. Согласно новой оборонительной системе индо-афганской границы колониальные войска предполагалось разместить в полосе «независимых» племен. В фортах Хайбарского прохода размещались гарнизоны регулярной британской армии. Для быстрой переброски войск через проход было запланировано построить железную дорогу до границы с Афганистаном.

В Вазиристане для подчинения местных племен было решено разместить самую крупную группировку британских войск в Размаке, Ване и Миран-Шахе. Все предложения Д. Мэффи, касающиеся строительства дорог в этом районе, были одобрены. Хотя в рекомендациях комитета Д. Брея подчеркивался оборонительный характер предпринимаемых английским правительством мер в зоне пуштунских племен. Фактически реализация этого плана была продолжением старой «наступательной политики» Великобритании в полосе «независимых» пуштунских племен. В связи с этим очередная попытка английского правительства захватить земли патанов получила название «новой наступательной политики».

Строительство крупного военного лагеря в Размаке и размещение там 10 тыс. британских войск снова вызвало восстание масудов. В январе—марте 1923 г. в Южном Вазиристане вспыхнули ожесточенные бои. Английское командование было готово к такому развитию событий, и сопротивление масудов было быстро подавлено. Главную роль при этом сыграла авиация, которая подвергла варварским бомбардировкам пуштунские населенные пункты близ Макина. Английское правительство и впредь надеялось с помощью новейшего вооружения, в первую очередь боевой авиации, подавлять сопротивление пуштунов. А страх из-за возможности повторения всеобщего восстания пуштунских племен заставлял англичан действовать более энергично, чем раньше.

Под прикрытием 72 боевых самолетов в Вазиристане началось строительство окружной стратегической дороги Банну – Миран-Шах – Размак – Джандола. Одновременно вдоль дороги на господствующих высотах строились укрепленные пикеты. К концу 1923 г. все работы были завершены{12}. В это же время закончилось строительство укреплений в Размаке, Ване и Миран-Шахе.

Военный лагерь в Размаке был возведен на высокогорном плато, неприступность которого позволила англичанам не строить каменных стен для защиты от нападений масудов. Главный лагерь, где находилось 10 тыс. солдат и офицеров, был окружен стеной из колючей проволоки, вдоль которой располагались пулеметные точки. Вся артиллерия и транспортные средства находились внутри этих укреплений. На расстоянии 7 километров от Главного лагеря были построены небольшие каменные форты с гарнизонами до роты в каждом{13}.

Вана была укреплена еще более тщательно: она была окружена двойным рядом каменных стен, по всей длине которых находились пулеметные вышки. Для усиления гарнизона Ваны там была размещена крупнокалиберная артиллерия. И в Размаке, и в Ване дислоцировались также части бронетанковых войск. Поддержку обоих фортов с воздуха обеспечивали авиачасти, базирующиеся на аэродромах в Миран-Шахе и в Танке{14}.

Вместо распущенных после третьей англо-афганской войны старых формирований племенной мил Скауты находились под командованием британских офицеров и были вооружены винтовками. Чтобы избежать повторения событий весны 1919 г., когда в частях племенной милиции началось массовое дезертирство, англичане изменили систему набора в отряды скаутов. Теперь в зоне пуштунских племен вербовалась незначительная часть рядового состава этих формирований. Категорически было запрещено принимать на службу афридиев и масудов.

Для охраны северной части административной границы от набегов патанов британские власти еще до Первой мировой войны создали особую пограничную полицию численностью 2,4 тыс. человек. В последней войне с Афганистаном ее личный состав доказал свою верность англичанам, проявив при этом высокие боевые качества. В связи с этим численность этой полиции была увеличена до 4547 человек{17}. Рядовой состав пограничной полиции был вооружен только стрелковым оружием. Но он проходил специальную подготовку, очень похожую на тренировочный курс нынешних пограничников. Задача этих элитных подразделений: отбивать рейды горцев, охранять дороги и производить аресты в полосе «независимых» племен. Специально для частей этой полиции вдоль административной границы было построено несколько фортов.

Британские власти Индии осознали, что без поддержки населения ни одна армия в мире не сможет надежно защитить столь специфический район, как индо-афганская граница. Лояльность пуштунов зоны племен англичане постарались обеспечить с помощью системы хассадаров – замаскированной формы подкупа племен. Чем неспокойнее был район, тем более горцев принимало к себе на службу английское правительство. Так, в Вазиристане в рядах хассадаров насчитывалось 3,5 тыс. пуштунов, а в относительно спокойном Кохате только 1400{18}. Рядовой хассадар получал за свою службу гораздо больше, чем прекрасно подготовленный боец пограничной полиции. Главной задачей хассадаров было не пропускать участников набегов через территорию своего племени и охранять дороги, которым, кроме них, никто не угрожал. Нанимая племена на службу, Великобритания тем самым просто откупалась от них.

Все рейды горных племен сопровождались грабежом местного населения. Грабеж для них был не средством обогащения, а способом выжить в суровых условиях. Конечно, населению Правобережья Инда от этого было не легче. Веками оно считало горных патанов своими врагами. Эту вражду англичане попытались использовать в своих интересах. Для отражения набегов горцев в населенных пунктах на административной границе британские власти создали отряды самообороны. Для их вооружения населению было роздано около 10 тыс. винтовок{19}.

В дополнение к этим отрядам колониальные власти предоставили крупным ханам в административных округах деньги и оружие для формирования наемных отрядов, призванных не только охранять владения ханов, но и оказывать содействие британским войскам против рейдов горцев. Хотя формально главой этих отрядов считались ханы, фактически ими руководили английские офицеры, выполнявшие при ханах роль военных советников{20}.

«Новая наступательная политика», разумеется, привела к резкому ухудшению англо-афганских отношений. Сразу же после начала строительства британского лагеря в Размаке и последовавшим за этим восстанием масудов афганское правительство 31 января 1923 г. выразило протест против действий Великобритании в Вазиристане. Ссылаясь на статью 11 англо-афганского договора 1921 г., Кабул потребовал прекратить бомбардировки вазиристанских населенных пунктов{21}.

Одновременно с этим дипломатическим демаршем Аманулла-хан лично выехал в Джелалабад, где созвал джиргу вождей приграничных племен, включая маликов из полосы «независимых» племен Британской Индии. На ней афганский эмир вручил вождям крупную сумму денег и намекнул на возможность будущей совместной акции против англичан{22}.

Отрядам восточных пуштунов Аманулла разрешил использовать афганскую территорию для борьбы против британских войск. В Джелалабаде был даже сформирован полк афганской армии из афридиев{23}. Для противодействия Великобритании в Вазиристане эмир также создал там свои отряды хассадаров. Военный министр Афганистана Надир-хан, в свою очередь, всеми возможными способами оказывал помощь патанам Британской Индии. Он считал, что полоса «независимых» пуштунских племен является надежной защитой для Афганистана от новой английской агрессии{24}. Британский посланник в Кабуле Френсис Хэмфрис был уверен, что «афганское правительство денонсирует договор (1921 г. – Ю.Т.) в кратчайшее время»{25}. Великобритания и Афганистан были на грани новой войны.

Речи Амануллы-хана в Джелалабаде о возможности джихада против Англии до предела накалили обстановку в зоне племен. Количество рейдов пуштунов в глубь британской территории вновь возросло. В глазах всего мира Великобритания была виновата в новом кровопролитии на северо-западной границе Индии, а не Афганистан. Политическая обстановка в Англии и Индии не позволяла британскому правительству начать новые карательные операции против приграничных пуштунских племен только под лозунгом обеспечения безопасности населения Правобережья Инда. Выход из этой ситуации был найден колониальными властями благодаря инциденту с похищением 17-летней английской девушки Молли Эллис.

Похищение девушек и молодых женщин было типичным явлением для СЗПП. Но случай с Молли Эллис был представлен британским правительством как национальная трагедия{26}. По всем законам театра англичане талантливо разыграли политический спектакль, который позволил им оправдать в глазах общественности боевые действия против пуштунов.

Похищение этой девушки произошло при следующих обстоятельствах: 6 февраля 1923 г. в Кохате афридиями из английского кантомента было украдено 47 винтовок. Британские власти довольно быстро установили, что оружие спрятано в горном селении, принадлежавшем Аджаб-хану. Так как он сам со своими воинами находился в очередном набеге, английская пограничная полиция быстро без боя захватила эту деревню. Во время поисков винтовок полицейские подвергли обыску не только все строения, но даже жен Аджаб-хана, чем нанесли ему, как мусульманину, страшное оскорбление. Мстя за свою поруганную честь, он в апреле 1923 г. похитил М. Эллис из того же военного городка в Кохате. Родители девушки во время похищения были убиты. Саму же Молли целой и невредимой доставили в одно из горных селений в Тирахе{27}.

Семья Эллис имела обширные связи в колониальной администрации. Сам Д. Мэффи был в хороших отношениях с ее отцом. Поэтому английские власти приняли все меры для освобождения девушки. Ее без особого труда можно было выкупить, но Д. Мэффи решил не упускать удобного повода для акции устрашения афридиев.

Под угрозой прекращения выплаты английских субсидий они вернули Молли Эллис, но англичане все же сровняли деревню Аджаба с землей, а поля вокруг нее засыпали солью и перепахали. Далее Д. Мэффи потребовал выдачи Аджаб-хана британским властям. После отказа афридиев выполнить это требование английская авиация превратила в руины три горных селения в Тирахе{28}. Тогда афридии прибегли к старой хитрости приграничных пуштунских племен и помогли Аджаб-хану бежать в Афганистан. После этого 12 мая 1923 г. джирга афридиев дала согласие на его выдачу англичанам.

В ноябре того же года Аджаб-хан вернулся из Афганистана и в одном из рейдов убил 2-х британских офицеров. После этого он и его лашкар сразу же ушли в Афганистан, где сдались губернатору Джелалабада. Английский посол в Кабуле пригрозил Аманулле разрывом дипломатических отношений, если Аджаб-хан не будет выдан Великобритании. Чтобы вынудить эмира выполнить это требование, вице-король Индии задержал в Бомбее

вооружение, закупленное афганским правительством. Но Аманулла-хан проявил выдержку и отказался выдать Аджаба.

В прежние времена англо-афганский конфликт из-за попыток Великобритании установить свой контроль над приграничными племенами мог бы привести к очередному военному конфликту в Центральной Азии. Но на разрыв с Афганистаном, и тем более новую войну с ним, Англия не пошла по ряду причин, из которых главными были две.

1. Влияние «советского оратора» на ход дальнейших событий. В январе 1924 г. помощь Афганистану в случае английской агрессии всеми своими силами предложила... Бухарская Народная Советская Республика (БНСР){29}. Автономная часть СССР была готова якобы по своей инициативе вступить в войну с Великобританией! Для всего мира было ясно, что за спиной этого марионеточного «государства» стоит Советский Союз, который, формально не объявляя Англии войны, мог через бухарцев оказать Аманулле крупномасштабную помощь вооружением и советниками. Кроме этого, через территорию СССР Афганистан уже получил вооружение, срочно закупленное эмиром в Европе. Таким образом, на легкую войну политикам и военным в Лондоне рассчитывать не приходилось.

СССР поддержал Афганистан и по дипломатическим каналам: советский представитель в Англии Х. Раковский предложил британскому правительству советское посредничество при урегулировании англо-афганского конфликта. Разумеется, оно было отвергнуто{30}. Англичане не могли позволить русским, а уж тем более большевикам (!), стать арбитрами в пограничных проблемах между Британской империей и Афганистаном.

2. Существование риска нового крупного восстания приграничных пуштунских племен. Даже Д. Мэффи первым выступил против денонсации англо-афганского договора, так как считал, что это «приведет к восстанию племен и даст Афганистану преимущество для ведения своей пропаганды среди них»{31}.

Таким образом, британское правительство решило не доводить дело до разрыва с Афганистаном, чтобы избежать интернационализации конфликта и ускоренными темпами завершить строительство военных баз в «независимой» полосе.

В итоге в Тирахе английская авиация уничтожала мирные селения афридиев, а в Вазиристане продолжалось строительство дорог и укреплений. Британские власти в Индии не жалели ни средств, ни жизней английских солдат и офицеров, чтобы блокировать своими укреплениями все горные перевалы, ведущие из Афганистана в Индию. Английская разведка еще более ускорила темп строительных работ в Вазиристане, передав в Лондон ложные сведения, что в 1925 г. СССР собирается напасть на Индию{32}.

Чтобы окончательно сломить сопротивление масудов и вазиров, британское командование отдало приказ о бомбардировке самых отдаленных населенных пунктов Вазиристана, жители которых продолжали сражаться с английскими войсками. С марта до конца апреля 1925 г. 72 английских самолета в течение 57 дней и ночей бомбили мятежные селения{33}. Целью британской авиации было не только разрушение мятежных деревень, но и уничтожение стад овец и коз. Англичане, обрекая пуштунов на голод, хотели заставить их сложить оружие и смириться с военной оккупацией Вазиристана. Угроза голодной смерти заставила горцев прекратить сопротивление: в Вазиристане наступило временное затишье.

Рейды пуштунов в глубь административных округов не прекратились, но их число резко сократилось. Если в 1921 г. горцы произвели 129 нападений на английские форты и деревни административных округов, то в 1925 г. подобных акций ими было предпринято только 25{34}. Колониальные власти Британской Индии могли заявить о первых успехах «новой наступательной политики».

Для окончательного «замирения» племен «независимой» полосы английское правительство решило часть из них переселить на плодородные земли Правобережья Инда. Англичане в 1925—1930 гг. значительно расширили сеть оросительных каналов в административных округах СЗПП. Благодаря этому более 60% всех земель в провинции было орошено{35}. На эти земли колониальные власти стали переселять горцев.

В Симле правильно рассчитали: любой пуштун, имея возможность прокормить семью

мирным трудом, не станет рисковать своей жизнью, занимаясь грабежом в административных округах. Но, проводя свою переселенческую политику, англичане допустили две серьезные ошибки.

1. Они недооценили силу кровнородственных связей, определяющих каждый поступок пуштунов. Переселенцы в административных округах оставались составной частью любого горного племени. В случае притеснения своих братьев, проживающих на равнинах, на их защиту выступало все племя. И наоборот, когда восставали пуштуны полосы племен, любая карательная операция против них могла привести к антиправительственным выступлениям их сородичей в тылу британских войск. Фактически к началу 30-х гг. англичане своей переселенческой политикой значительно ослабили охрану административной границы с полосой «независимых» пуштунских племен.

2. Распределяя новые орошенные земли, англичане большую часть их передали ханам племен. Этим они укрепили союз с верхушкой племенной знати. Но обделенные при раздаче земель так называемые малые ханы (ханы родов и кланов) стали грозными противниками крупных ханов. Рядовые пуштуны, которые превратились в арендаторов ханской земли, также возненавидели своих ханов, верой и правдой служивших британским властям. Крупные ханы, став богатыми землевладельцами и жестоко эксплуатируя своих соплеменников, потеряли былой авторитет среди соплеменников. Их власть ослабла, и они уже не могли удержать пуштунов от антианглийских выступлений.

Подводя итоги «новой наступательной политики» Англии на северо-западной границе Британской Индии, необходимо отметить, что военные и экономические меры британских властей обеспечили только временное затишье в полосе «независимых» пуштунских племен. Англичане не могли заставить пуштунов отказаться от борьбы за свою свободу. Не только нищета заставляла их совершать вооруженные рейды против англичан – они боролись с «неверными», которые стремились завоевать их земли. Пока Великобритания предпринимала попытки покорить пуштунские племена, ни о каком прочном мире на индо-афганской границе не могло быть и речи.

Глава 15

Мятеж в Хосте: пуштуны против реформ Аманулла

В 1924 г. в Афганистане восстал против Аманулла-хана ряд приграничных пуштунских племен, которые были недовольны его прозападными реформами, вызвавшими рост налогов и нарушавшими вековые традиции афганцев. Просветительская деятельность эмира вызвала резкий протест видных представителей мусульманского духовенства, которые обвинили правителя-реформатора в нарушении норм шариата{1}. Под влиянием их агитации Аманулла в народе стали называть гяуром, то есть вероотступником.

Антиправительственная агитация части племенной верхушки и мулл, терявших свою власть в государстве, а также разорение в ходе реформ простых крестьян и кочевников привели к мощному антиправительственному восстанию пуштунов южного Афганистана. Таким образом, к 1924 г. горцы по обе стороны «линии Дюранда» с оружием в руках сражались за сохранение своей самостоятельности от любого государственного центра, который посягал на их традиционную племенную систему.

В середине марта 1924 г. в южную провинцию из Кабула пришел приказ о наборе солдат в регулярную афганскую армию. Традиционно племена в ходе войны предоставляли эмиру свои лашкары, а в мирное время – «добровольцев» по решению вождей. Теперь же вопрос стоял о введении воинской повинности для всех (!) пуштунов. Это повеление Аманулла-хана стало последней каплей, переполнившей чашу терпения племен мангалов, джадран и джаджи. Их общие силы составляли около 10 тыс. вооруженных английскими винтовками воинов{2}.

Руководители восстания муллы Абдулла («Хромой мулла») и Абдур Рашид потребовали от Аманулла:

1. Отменить новое законодательство.
2. Уменьшить налоги.

3. Выдворить из Афганистана всех «европейцев, обманывающих эмира и грабящих народ».
4. Закрыть женскую школу в Кабуле.
5. Назначить новое правительство, которое «сочувствовало бы народу» и помогло ему восстановить «старое благополучие».
6. Восстановить свободную торговлю с Индией (без пошлин и правительственного контроля).
7. Вернуться к старой системе набора в армию.

Подобная программа была выдвинута пуштунскими племенами перед властями Кабула впервые после завоевания Афганистаном независимости. В той или иной форме вышеперечисленные требования выдвигались населением Южного Афганистана вплоть до конца 40-х гг. XX в. Для многих простых афганцев они были справедливы.

Аманулла-хан попытался ликвидировать конфликт мирным путем и пригласил вождей мятежа для переговоров в Кабул. К Абдулле и Абдур Рашиду была отправлена правительственная делегация, но они отказались вести с ней переговоры. Афганский историк М. Губар считал, что эмир уже в начале мятежа в Хосте допустил ошибку: «Приезд делегации дал восставшим лишь отсрочку, [...] свидетельствуя об официальном признании правительством мятежников и тем самым подняв их авторитет в глазах населения»{3}.

На наш взгляд, действия афганского правительства были единственно правильными, так как силы мангалов, джадранов и джаджи превосходили численность правительственных войск. Надо учитывать также, что лозунги хостинского восстания в любой момент могли привлечь на сторону Абдуллы и Абдур Рашида соседние племена. В этом случае в зоне пуштунских племен началась бы цепная реакция мятежей и Аманулла-хан был бы обречен.

Позиции эмира-реформатора и его окружения были крайне уязвимы даже в Кабуле, где мусульманское духовенство либо сочувствовало мятежникам, либо вело антиправительственную пропаганду.

Армия была не готова к подавлению такого мощного мятежа и ненадежна, так как в ее рядах было много выходцев из Южной провинции. Военный министр М. Надир-хан, к примеру, отказался подчиниться приказу эмира и возглавить карательную операцию против пуштунов Хоста, с которыми успешно воевал против англичан в годы третьей англо-афганской войны. Он предпочел предательству бывших соратников по оружию отставку и почетную ссылку афганским послом в Париж{4}.

Тем временем в Хосте начались военные действия между правительственными войсками и мятежниками, которые атаковали город Матун, где располагался сильный гарнизон. В ходе ряда стычек близ Матуна правительственные войска (1 тыс. пехоты, 300 сабель, 9 горных орудий) были вынуждены отказаться от активных боевых действий и укрылись за крепостными стенами. Осада Матуна была снята лишь в самом конце мятежа.

События в Хосте заставили Амануллу 20 марта 1924 г. заключить с Абдуллой и Абдур Рашидом перемирие на 15 дней. Обеим противоборствующим сторонам необходимо было выиграть время, чтобы подготовиться к новым сражениям.

10 апреля 1924 г. мятежные племена начали наступление на Кабул. Им навстречу выступили 5 тыс. правительственных войск под командованием генерала Мухаммада Гуль-хана, который с большими потерями смог пробиться к г. Гардезу, где и был окружен противником.

22 апреля мятежники обошли Гардез с севера и продолжили наступление на афганскую столицу, гарнизон которой в тот момент, по сведениям советского военного атташе, составлял 1 тыс. солдат, офицеров и курсантов. Главной преградой на пути наступавших являлся перевал Альтимур, но и он вскоре оказался в руках антиправительственных сил. В Кабуле стали готовиться к эвакуации правительственных учреждений.

В минуту крайней опасности Аманулла-хан и его окружение предприняло все меры для стабилизации положения. В стране была объявлена вторая мобилизация; на подкупы племенной знати щедро расходовались деньги, звания и чины; сурово каралось дезертирство. В результате в решающий момент у афганского правительства хватило сил, чтобы отбросить мятежников, ожидавших удара в тыл из района г. Гардеза, от перевала Альтимур. Кабул был

спасен от разграбления. После этой важной победы армейские части под командованием нового министра Мухаммада Вали-хана соединились с гардезской группировкой правительственных войск.

Преследование отступавших мятежников велось успешно. У перевала Мирзакай (к юго-востоку от г. Гардеза) в ходе 10-часового ожесточенного сражения правительственные войска одержали крупную победу. Отряд, продвигавшийся к осажденному Матуну, у селения Джаджи– Майдан наголову разбили силы мятежников.

Первые поражения мангалов, джадран и их союзников внесли раскол в их ряды. После заверений Вали-хана, что рядовые члены восстания против Аманулллы будут прощены, некоторые муллы и ханы этих племен прибыли в Гардез, чтобы вновь принести клятву верности эмиру. К концу мая 1924 г. интенсивность боевых действий на юге Афганистана стала спадать, но до окончания мятежа в Хосте было еще далеко: основная часть мангалов и джадран продолжала контролировать этот район и наносить внезапные удары по правительственным войскам.

Чтобы добиться прекращения мятежа в Южной провинции и спасти свой трон, Аманулла-хан пошел на созыв в Пагмане Лоя Джирги (съезда афганских племен и старейшин. – Прим. ред.), которая должна была внести изменения в политику эмира. 19 июня 1924 г. этот всеафганский форум (не было только посланцев из Южной провинции) начал работу, которая продолжалась 2 недели. Правительству пришлось пойти на многие уступки вождям племен и духовенству. Фактически Лоя Джирга в 1924 г. свела на нет многие реформы Аманулллы, который против своей воли был вынужден утвердить ее решения{5}. Большинство из 700 делегатов, среди которых многие принадлежали к мусульманскому духовенству, постановили:

1. Отменить свободу вероисповедания.
2. Учредить в Кабуле и провинциях Управления общественной нравственности для воспитания населения по нормам ислама суннитского толка.
3. Судьи по шариату (казии) в обязательном порядке должны были входить во все государственные судебные органы.
4. Отменить все запреты, введенные эмиром для регулирования семейно-брачных отношений: вновь разрешались браки между несовершеннолетними; разрешалась полигамия.
5. Закрыть женские школы.
6. Назначать на административные должности «опытных» людей, то есть представителей местной элиты.
7. Сумма откупа за несение военной службы понижалась с 600 до 400 афгани (Аманулла смог все же в главном отстоять положения проводимой им военной реформы).
8. Денежные штрафы в стране отменялись{6}.

Благодаря решениям Лоя Джирги Аманулле удалось достичь временного компромисса с мусульманским духовенством и вождями большинства племен Афганистана. Это временно укрепило влияние афганского правительства в стране. Однако на Лоя Джирге не были решены вопросы о снижении налогов и свободе торговли приграничных племен с Индией. В связи с этим мятеж в Хосте в скором времени вспыхнул с новой силой.

В начале августа 1924 г. после окончания уборки урожая к мангалам и джадранам примкнули новые пуштунские племена: чамкани, сулейман-хель, а затем ахмедзаи и часть гильзайских кланов. План восставших заключался в следующем: вновь захватить перевал Альтимур и блокировать правительственные войска в районе Гардеза, после чего привлечь на свою сторону племена Логарской долины для совместного наступления на Кабул.

Силы мятежников возглавил сын бывшего эмира Афганистана Якуб-хана Абдул Карим, который тайно вернулся на родину из Индии{7}. При поддержке «Хромого муллы» Абдул Карим заявил о своих претензиях на афганский престол. Вскоре претендент с помощью Абдуллы сплотил вокруг себя лашкары мятежных племен численностью до 15 тыс. воинов. Правда, эти силы не имели единого руководства и были разбросаны на большой территории. С появлением Абдул Карима и присоединением к мангалам новых племен хостинский мятеж

стал перерастать в гражданскую войну{8}.

В начале августа силы мятежных племен без труда вновь овладели перевалом Альтимур и преодолели его. Далее, наступая на Кабул по Логарской долине, они захватили селение Гиссарек. Дорога на Кабул была открыта.

Чтобы вернуть жизненно важную позицию, в Кабуле сформировали из молодежи отряды «смертников», которые под командованием начальника Генерального штаба Абдул Хамид-хана на грузовиках были срочно отправлены к Гиссареку. До пункта назначения эти 2 батальона пехоты не доехали, так как во время ночного привала были вместе со штабом уничтожены мятежниками{9}.

В столь критический момент Аманулла-хан проявил твердость и бросил под Гиссарек свой последний резерв (4 батальона и кавалерийский полк регулярной армии). С помощью этих сил населенный пункт был отбит. 12 августа мятежные племена перешли в контратаку, и 8 дней на южных подступах к Гиссареку шли ожесточенные бои, закончившиеся победой правительственных войск{10}.

В первой половине августа 1924 г. антиправительственные силы потерпели также крупное поражение под г. Газни. Присоединение к мятежу части гильзайских племен увеличило силы мятежников в этом районе до 5 тыс. воинов. Имея десятикратное преимущество над гарнизоном этого крупного города, мятежники попытались взять его штурмом, но он был отбит. Более того, регулярные части афганской армии перешли в контрнаступление и обратили противника в бегство.

Воспользовавшись удобным моментом, Аманулла-хан направил в племена Южной провинции своих посланцев с предложением заключить перемирие с 3 по 11 сентября 1924 г. Предложение эмира было принято, так как мятежникам нужно было время, чтобы пополнить силы и перегруппироваться. Аманулла смог еще раз выиграть время для набора новых армейских частей и переговоров с оставшимися верными Кабулу приграничными племенами и народностями Афганистана, чтобы те оказали властям военную поддержку против мангалов и их союзников.

Эмир прекрасно понимал, что время работает на него: скоро должна была наступить зима и боевые действия из-за холодов сведутся к минимуму. Кроме этого, афганское правительство ожидало в скором времени прибытия крупных партий советского вооружения.

Необходимо отметить, что внешний фактор сыграл важную роль в ликвидации внутриполитического кризиса в Афганистане, вызванного событиями в Хосте. Руководство СССР (с подачи афганской стороны) расценило антиправительственное выступление пуштунов Южной провинции как очередной заговор Великобритании против Амануллы. В связи с этим в Кремле было принято решение оказать Кабулу необходимую помощь. Уже 5 мая 1924 г. И. Сталин, Л. Троцкий и Г. Чичерин предложили Политбюро ЦК РКП (б) срочно выплатить Аманулле 250 тыс. рублей серебром «в счет годовых выплат»{11}. После первых успехов мятежников в августе 1924 г. и появления Абдул Карима в Афганистане в Кремле было принято решение оказать дипломатический нажим на Великобританию: советский полпред в Лондоне получил указание Г. Чичерина сделать представление английскому правительству по поводу афганских событий. Кроме этого, командование Туркестанского фронта получило указание из Москвы разработать перечень мер в связи с ситуацией в Афганистане{12}.

21 августа 1924 г. по предложению Г. Чичерина Политбюро постановило передать Аманулле 5 тыс. винтовок с необходимым количеством патронов, 50—100 пулеметов, 3 радиостанции, «ускорить передачу (Афганистану. – Ю. Т.) аэропланов, находящихся в Кушке, вместе с летчиками», а также «послать летчиков для имеющихся в Афганистане аэропланов»{13}. В сентябре – октябре 1924 г. Кабул получил от СССР 5 боевых самолетов с летчиками и механиками{14}. Кроме этого вооружения, Афганистан дополнительно получил «артимущества» (прежде всего авиабомб и снарядов) на сумму более 607 тыс. рублей.

Как это ни удивительно, на первый взгляд Великобритания в августе 1924 г. также оказала содействие Аманулле в подавлении хостинского мятежа. Эмиру было продано 2 «Бристоля»,

которые первыми начали наносить удары с воздуха по отрядам и селениям Южной провинции. Помогая своему противнику, английское правительство достигало сразу нескольких целей, крайне выгодных для Британской империи:

1. Фактически в 1924 г. Англия смогла отомстить тем племенам, которые активно участвовали в войне 1919 г. и обеспечили Аманулле победу.
2. Британское командование в Индии наносило удар по потенциальным союзникам патанов «независимой» полосы в их борьбе против «новой наступательной политики». К примеру, тот факт, что эмир, по мнению мангалов, открыто не поддержал племена Вазиристана, когда те сражались с британскими войсками, стал одной из причин, заставивших мангалов выступить с оружием в руках против кабульских властей{15}.
3. Великобритания, оказав военную помощь, преподнесла Аманулле-хану троянского коня. Самолеты «инглизи» бомбили пуштунов по приказу афганского эмира! Тем самым подрывался его авторитет среди пуштунских племен по обе стороны «линии Дюранда».
4. Англии была нужна стабильность в Афганистане, даже если на кабульском престоле сидел ее враг. Гражданская война в этой стране могла дестабилизировать ситуацию в Северо-Западной Индии.

Таким образом, «афганская» политика Великобритании в 1924 г. была закономерна и защищала в первую очередь британские интересы в зоне пуштунских племен.

В период мятежа в Хосте Германия вновь активно проявила себя в Афганистане. Помня антибританскую активность немцев у границ Индии в годы Первой мировой войны, Англия длительное время сопротивлялась открытию германского посольства в Кабуле. В 1923 г. гарантом «благопристойного» поведения германских дипломатов в Афганистане выступил СССР, и Великобритания была вынуждена уступить.

В ноябре 1923 г. в Афганистан прибыл временный поверенный Германии Фриц Гробба, который до 1926 г. тесно координировал свою деятельность (даже в сфере разведки) с советским полпредом{16}. Видимо, наркому иностранных дел Г. Чичерину частично удалось реализовать свои планы о советско-германском сотрудничестве на Среднем Востоке. Таким образом, используя традиционное соперничество между Лондоном и Москвой, а также стремление Амануллы к расширению международных контактов и модернизации экономики своей страны, Германия установила с Афганистаном дипломатические отношения.

Для Англии укрепление германских позиций в Кабуле было меньшим злом, чем «советское проникновение». В связи с этим Лондон не протестовал против прибытия в Афганистан немецких военных специалистов и даже дал свое согласие на пилотирование немецкими летчиками английских самолетов, проданных Аманулле-хану. В результате бомбовые удары по объектам в Южной провинции наносили самолеты, управляемые советскими и немецкими летчиками.

Из всех дипломатических представительств европейских стран в Кабуле лишь персонал германского посольства изъявил готовность пойти добровольцами на фронт, чтобы с оружием в руках сражаться против мятежных пуштунских племен. Эмир через министра иностранных дел М. Тарзи выразил Ф. Гроббе и его сотрудникам свою признательность{17}.

Иностранная военная помощь, прежде всего советская, ускорила кровавую развязку хостинских событий. 14 сентября 1924 г. афганский парламент объявил джихад против мятежников{18}.

К 15 сентября 1924 г. правительственные войска были готовы к началу общего наступления против мангалов и их союзников. В районе Газни было сосредоточено 9 батальонов регулярной пехоты при 2 батареях и 4-тысячное ополчение хазарейцев. В административном центре Восточной провинции г. Джелалабаде собрались лашкары верных правительству пуштунских племен момандов, хугиани, шинвари, вазиров. Их ополчение достигло численности 7,5 тыс. воинов, из которых 4 тыс. были момандами. На направлениях главного удара – в районах Гиссарека и Гардеза были сосредоточены исключительно регулярные войска (по 15 батальонов пехоты в каждом). 20 сентября благодаря скоординированным действиям этих группировок был занят перевал Альтимур, после чего правительственные

войска начали наступление к осажденному Матуну.

Первая победа быстро принесла желанный результат: свою покорность Аманулле выразило племя джаджи, что значительно ослабило силы антиправительственных формирований, которые, несмотря на это, продолжали яростное сопротивление правительственным войскам.

В октябре 1924 г. джелалабадская группировка нанесла поражение мятежному племени сулейман-хель и отрезала мятежным племенам наиболее удобные пути отхода в Британскую Индию. При активной поддержке авиации в начале ноября была снята осада с Матуна, после чего мангалы и их союзники сложили оружие. Начались аресты наиболее активных участников мятежа, но Абдул Кариму все же удалось бежать в Индию{19}.

В феврале 1925 г. армия Амануллы подавила последний очаг сопротивления одного из хелей мангалов. В этом же месяце в Кабуле и других районах Афганистана началаись массовые репрессии против лидеров мятежников. Только в афганской столице было казнено около 100 руководителей племен Южной провинции во главе с Абдур Рашидом и Абдуллой.

Хостинский мятеж был подавлен, и Аманулла-хан смог удержаться у власти. Однако это было достигнуто дорогой ценой: 3,5 тыс. домов в пуштунских селениях было уничтожено, главным образом с воздуха; 1575 человек, выступивших с оружием в руках против реформ Амануллы, были убиты, не считая казненных в начале 1925 г.; 40 тыс. мангалов и джадранцев переселились в Британскую Индию; государственная казна израсходовала на военные цели 5 млн фунтов стерлингов (государственный доход за 2 года!); эмир был вынужден отказаться от ряда своих реформ{20}. Однако главные причины недовольства населения политикой Амануллы-хана сохранились: рост налогов и ломка традиционного уклада жизни.

Афганистан вступил в полосу антиправительственных восстаний и мятежей, которые в 1928 г. переросли в гражданскую войну, в ходе которой Аманулла-хан был вынужден бежать из страны. Даже после событий 1924 г. пуштуны Южной провинции (того же Хоста) и Кандагара в 1925—1927 гг. поднимали вооруженные мятежи против эмира{21}. Аманулла был обречен, но СССР в 1924 г. делал все возможное, чтобы спасти его.

Глава 16

Дерзкое «турне» разведчика Лосева

«Нота Керзона» оказала огромное влияние на дальнейшую деятельность советской разведки в «афганском коридоре» и Северо-Западной Индии. Да, британский демарш заставил Коминтерн свернуть деятельность Туркбюро в Ташкенте и Бухаре. Одновременно международный провал НКИД и КИ в 1923 г. еще раз убедительно показал, что ведением разведки за рубежом должны заниматься профессионалы, а именно прежде всего военная разведка.

В Кремле, кроме того, еще раз убедились, что английские консерваторы хотят разрыва дипломатических отношений с СССР и не остановятся перед любыми враждебными акциями против него. В связи с этим задача нанесения при необходимости удара по «болевой точке» Британской империи оставалась для советского правительства по-прежнему важной.

В 1923 г., когда кризис в англо-советских отношениях не был еще урегулирован, а в «независимой» полосе пуштунских племен одно за другим вспыхивали восстания горцев против «новой наступательной политики» Великобритании, командование Туркестанского фронта решило отправить в Индию группу из 8 человек во главе с опытным разведчиком В. Лосевым, который еще в 1905—1906 гг., выполняя задание российского Генерального штаба, под видом русского студента «побывал» в Северной Индии{1}. В период Гражданской войны он стал военспецом в Красной Армии: налаживал разведку на Туркфронте. Как уже известно читателю, одно время он даже руководил «индусскими курсами», созданными М. Роем в г. Ташкенте.

В 1923 г. В. Лосев получил новое задание: восстановить связь с дореволюционной российской агентурой на индо-афганской границе и создать предпосылки для расширения там уже советской разведсети.

Накануне и в годы Первой мировой войны разведка Туркестанского военного округа

держала под контролем район к северу от условной линии Кашмир – г. Банну (Вазиристан){2}. Вся полоса «независимых» пуштунских племен, включая районы укрепленных англичанами горных проходов (от Хайбарского до Боланского), являлась сферой интересов военной разведки Российской империи. Учитывая союзнические отношения с Великобританией, деятельность этой спецслужбы в Афганистане и Индии ограничивалась сбором военно-политической информации о ситуации в регионе, не нанося ущерба интересам Британской империи. При этом сам факт наличия российской разведсети в Северной Индии на официальном уровне всегда опровергался царскими дипломатами.

Главной задачей В. Лосева было восстановление агентурного «освещения» стратегически важного региона. Но для этого ему необходимо было около года провести в тылу англичан, проехать и пройти сотни километров пути. Подобное «путешествие» было связано с огромным риском, так как контрразведывательный контроль в СЗПП был крайне жестким, а после попыток Коминтерна проникнуть в Индию вдоль границы с Афганистаном британскими властями дополнительно был установлен «санитарный кордон».

Бросается в глаза тот факт, что В. Лосев должен был осуществить разведывательную операцию в районе Пешавар – Кветта – Кандагар. Одним словом, советская военная разведка расширяла сферу своей деятельности на южную часть – зону пуштунских племен, так как регион к северу от Пешавара являлся уже «освоенным» благодаря деятельности Памирского отряда.

В случае успеха миссии В. Лосева создавалась агентурная сеть, которая в будущем обеспечила бы сбор информации вдоль всей индо-афганской границы. Ради достижения такой важной цели можно было воспользоваться и «царским наследством» в виде опытных агентов в Северо-Западной Индии.

Подготовка к заброске В. Лосева в Индию велась одновременно разведорганами Туркфронта и коминтерновским «Советом пропаганды и действия народов Востока» в г. Баку. Это была обычная практика того времени. Но официально (!) в 1924 г. этого Совета не существовало, так как в 1922 г. он якобы прекратил свою деятельность.

Бакинский орган КИ смог избежать участи Туркбюро, которое тоже формально закрыли, но оно не смогло нелегально работать в Бухаре и было ликвидировано уже по-настоящему. С бакинским «Советом пропаганды и действия» все получилось с точностью до наоборот: он смог уцелеть и продолжил, строго соблюдая секретность, тайную коммунистическую деятельность в Азии.

В марте 1923 г., после длительной и тщательной подготовки к рискованной операции В. Лосев и его проводник Башли двинулись от поста «Русский» на Памире к Читралу{3}. Этот участок пути был преодолен быстро и скрытно. В отчете Лосева о его «турне» 1923 г. нет никакой информации об этом отрезке пути. Очевидно, что до Пешавара советские агенты использовали уже хорошо отлаженные каналы связи и явки.

Информация о встречах с агентурой и дальнейших действиях в докладной записке Лосева появляется лишь в момент их прибытия в административную столицу СЗПП г. Пешавар. Хорошо зная о жестком полицейском контроле за всеми приезжими, В. Лосев и его проводник «абсолютно нелегально» вошли в этот город, где был установлен контакт с одним из агентов, который, по утверждению советского разведчика, служил офицером в британских войсках и мог выполнять функции местного резидента. В Пешаваре для более эффективной работы В. Лосев и Башли разделились, и далее каждый пошел своим маршрутом.

Несколько слов о личности Башли. Разумеется, этот человек прекрасно знал «независимую» полосу Британской Индии, включая отношения между племенами. Учитывая этот факт, а также то обстоятельство, что Башли вел В. Лосева от самого Памира, можно смело предположить, что этот советский агент был местным странствующим торговцем. Такая «крыша» позволяла ему проникать в самые труднодоступные горные районы, минуя английские кордоны. Она же спасала ему жизнь в районах боевых столкновений между приграничными племенами: на Востоке купцов часто грабят, но редко убивают.

Башли был незаменим для В. Лосева в тех местах, где европейцу нельзя было остаться

незамеченным. Так, сразу же после Пешавара Башли исследовал обстановку в Хайбарском проходе, чтобы выяснить возможность установления нелегальной связи между Афганистаном и Индией. Его поездка доказала, что этот кратчайший путь в Индию надежно перекрыт англичанами, поэтому лучше его не использовать для связи с Афганистаном. В другой раз проводник В. Лосева заменил его в г. Кветте, где советский разведчик не мог появиться, помня горький урок своей прошлой поездки. Таким образом, у резидента разведки Туркфронта во время выполнения его задания был незаменимый помощник.

Из Пешавара В. Лосев поехал в Равалпинди, там находился штаб британских войск, а затем выехал в Лахор, где прожил более месяца. Этот город советский резидент считал наиболее удобным центром для создания центральной резидентуры советской военной разведки в Северной Индии. В Пенджабе «шефство» над В. Лосевым, видимо, взяли сикхи либо из партии «Гадар», либо из движения «Акали». Этим объясняется его длительное проживание в Лахоре, где он, судя по всему, имел надежное прикрытие.

В этом городе В. Лосев дождался Башли, который сообщил ему о своей удачной поездке в г. Кветту и г. Кандагар (Афганистан). Одновременно он доложил своему советскому руководителю о создании резидентур в Танке и Банну. Таким образом, задание было выполнено, и двум разведчикам можно было возвращаться домой.

Чтобы предупредить свое руководство о выполнении задания и возвращении, В. Лосев командировал Башли в г. Бомбей. Возможно, в Тегеран или Лондон ушла шифрованная телеграмма, но, скорее всего, по сложившейся практике в одной из центральных английских газет Башли поместил условленное объявление.

Возвращение в СССР оказалось для В. Лосева и его проводника гораздо более трудным, чем путь через отроги Гиндукуша и британские посты в самом начале «путешествия». Причина была проста и весома: у В. Лосева закончились деньги. В г. Лахоре он не смог обменять чеки на наличные фунты, поэтому значительную часть пути домой ему с Башли пришлось, нуждаясь в самом необходимом, пройти пешком. В. Лосеву все же хватило сил и воли успешно завершить самую рискованную операцию в его карьере разведчика.

По итогам своего пребывания в Индии В. Лосев составил докладную записку, в которой предложил территорию от Памира до Белуджистана разделить на 4 разведрайона:

1. Афганский Вахан и прилегающий регион Северного Афганистана. Согласно его рекомендациям, они становились сферой работы представителя Разведупра, штаб–квартирой которого должен был стать пограничный пост «Русский» в Мургабской долине.
2. Читрал и Кашмир. Советская разведка первоначально должна была «освоить» Читрал, а затем постепенно наладить агентурную сеть в Кашмире.
3. Город Пешавар. Ему В. Лосев отводил роль главного центра по сбору военной и политической информации в СЗПП и Пенджабе.
4. Районы Кветты и Кандагара. Они объединялись в последнее, четвертое «агентство». Советские резиденты в этих городах абсолютно независимо друг от друга освещали обстановку в Вазиристане и Белуджистане. Под их наблюдением в первую очередь находились стратегические горные проходы: Кохатский, Гомальский и Боланский. В. Лосев указывал, что для этого можно использовать старые связи 1905—1907 гг.

Для сбора политической информации в Северо-Западной Индии В.Лосев предлагал использовать купцов, торговцев, а «военная линия» должна была добывать разведданные среди британских военнослужащих.

Видимо, советский разведчик был ограничен во времени, работая над своей докладной запиской: командование Туркфронта, скорее всего, срочно требовало отчета о результатах успешно проведенной рискованной операции. В связи с этим В. Лосев в конце меморандума пообещал дополнительно подготовить «доклад о создании обширной системы автономных военных организаций среди племен Северо-Западной Индии и прилегающих к ней районов»{4}.

Правда, возможен и другой вариант развития событий. Разведслужба любой страны всегда стремится максимально сохранить свою деятельность в тайне. Это правило

распространяется, в первую очередь, на успешные операции... В связи с этим о подвиге В. Лосева российский читатель мог бы не знать еще десятки лет, но несколько лет назад Индийская политическая разведка (ИПР) рассекретила часть своих архивных фондов, в которых оказалась докладная записка советского разведчика...

Как это могло случиться, остается лишь предполагать. Ясно одно, что британский агент имел доступ к материалам особой важности. Автор считает, что британский шпион действовал в коминтерновских структурах в г. Баку. Не случайно бумаги В. Лосева, документы о деятельности компартии Индии в «независимой» полосе и планах Коминтерна в этом районе и Афганистане оказались в одной архивной папке. Кроме этого, доклад В. Лосева о возможной деятельности советской агентуры среди приграничных пуштунских племен в рассекреченных в Лондоне материалах отсутствует.

За годы работы в центральных российских архивах автор убедился в том, что советские спецслужбы крайне неохотно предоставляли свои документы КИ (и даже НКИД!). Если же Разведупр или НКВД все же делали это, то их материалы редактировались таким образом, чтобы свести к минимуму возможность утечки информации. Подобная практика исключала передачу в Коминтерн данных об источниках и самостоятельных операциях военной разведки.

Докладная записка В. Лосева о пуштунских племенах оказалась вне сферы досягаемости агента ИПР. Он ее не получил даже в копии, хотя зараза бюрократизма в 20-х гг. была уже присуща спецслужбам молодого Советского государства и Коминтерну.

Коминтерновская версия получает еще одно подтверждение при анализе документов английской разведки, связанных с расследованием обстоятельств многомесячного «турне» В. Лосева по приграничным районам Индии.

Доклад В. Лосева произвел переполох как в британских спецслужбах, так и в других ведомствах Великобритании. Однако, несмотря на все усилия, английская разведка так и не смогла установить подлинный маршрут В. Лосева, его контакты, а также способ, каким он вернулся на родину. Европейцу удалось стать невидимкой в восточной стране?!

Скорее всего В. Лосев специально составил свой доклад в самых общих чертах и сознательно исказил часть информации. Одним словом, он отчитался о своей поездке с максимальной осторожностью, что для Разведупра ему делать было совершенно не нужно и крайне опасно... Подобная бумага могла предназначаться лишь для Коминтерна. Если вспомнить, что формально в Индию В. Лосева направлял еще и бакинский «Совет пропаганды и действия», многое становится объяснимым, и все встает на свои места.

Разумеется, определенный ущерб деятельности советской агентуры в зоне пуштунских племен и Пенджабе был нанесен. После известия, что опытный разведчик длительное время пробыл в Индии, восстановил связи со старой агентурой и разрабатывает для командования Красной Армии план использования повстанческого движения пуштунов «независимой» полосы против Великобритании, английская контрразведка активизировала свою деятельность. По сложившейся в Британии традиции она годами могла держать под наблюдением подозрительного человека. Все это было серьезным препятствием для развертывания советской агентурной сети в Индии. Автор не исключает возможности, что по горячим следам англичанам не удалось арестовать агентов В. Лосева и людей, которые ему помогали, но через определенное время часть из них была все же схвачена. Во все времена и у всех народов за предательство в своих рядах платилась очень высокая цена.

Но в 1925 г. английские спецслужбы вынуждены были признать крупный провал в своей работе. Его не удалось сразу же исправить, имея на руках полученный через агента доклад В. Лосева! Руководство британской разведки с тревогой было вынуждено констатировать, что советская военная разведка приступила к созданию резидентур в Северной Индии и предпринимает попытки использовать мятежные пуштунские племена в своих интересах.

Глава 17

Несостоявшийся реванш Коминтерна в «афганском коридоре»

Подавление с советской помощью хостинского мятежа 1924—1925 гг. укрепило позиции

Москвы в Афганистане. Под контролем красных военлетов оказались афганские ВВС. Пилотируемые ими самолеты совершали полеты близ границы с Индией. Аманулла-хан, нуждаясь в увеличении военных поставок из СССР, был вынужден сквозь пальцы смотреть на деятельность коминтерновских агентов в Афганистане. Столь благоприятная ситуация немедленно была использована Коминтерном для активизации антибританской деятельности среди пуштунских племен.

Следует отметить, что в 1925 г. вся работа КИ в Афганистане и Северной Индии направлялась из г. Баку, где в то время существовало множество различных «филиалов» этой международной коммунистической организации. К ним, в первую очередь, следует отнести пункт Отдела международной связи (ОМС){1} и «Совет пропаганды и действия народов Востока», а также различные организации иранских политэмигрантов{2}. Все они действовали под крышей ЦК компартии Азербайджана. Таким образом, в середине 20-х годов Баку был важным центром по руководству нелегальной деятельности Коминтерна на Востоке.

В январе 1925 г. бакинский «Совет пропаганды и действия народов Востока», выполняя директивы из Москвы, направил в Кабул специальную миссию из 3-х своих сотрудников (Касымова, Адамянца и Асланова){3} для реорганизации работы Коминтерна в Афганистане и Индии. Эти коминтерновцы имели задание выяснить обстановку в Афганистане и зоне пуштунских племен, чтобы создать там при финансовой помощи КИ подпольные группы. Кроме этого, «бакинским товарищам» поручалось составить смету и определить количество инструкторов, необходимых для формирования коммунистических ячеек в самом Афганистане{4}. Получив эти данные, английские власти в Индии поняли, что Коминтерн готовится к проведению новых подрывных акций в районе индо-афганской границы.

Действительно, в ИККИ в тот период шла подготовка к Пятому расширенному пленуму, на котором предстояло обсудить вопрос о создании в Индии «народной партии»{5}. Для «левака» М. Роя подобная организация должна была подготовить революцию в Индии. В связи с этим в ИККИ вновь вспомнили о пуштунских племенах «независимой» полосы СЗПП.

В начале 1925 г., по сведениям британской разведки, начальник восточного отдела Военной комиссии при ИККИ Б. Зайгель{6} подготовил план формирования пуштунских иррегулярных формирований в районе г. Кандагара. Вооружение для этих отрядов предполагалось доставить из СССР через афганские города Герат и Меймене. Дальнейшее распределение оружия и боеприпасов должно было обеспечить афганское военное министерство!{7}

Очевидно, что в Коминтерне надеялись заключить с Амануллой-ханом тайное соглашение об оказании помощи горцам «независимой» полосы. Ради достижения этой цели коминтерновское руководство готово было пойти на компромисс, так и не достигнутый с Амануллой в 1920– 1921 гг.: советское оружие доставляется в Афганистан, правительство которого затем распределяет его среди приграничных племен.

«План Зайгеля» был одобрен коминтерновским руководством и согласован с Разведывательным управлением РККА. 16 марта 1925 г. Разведупр командировал в распоряжение КИ бывшего командира Отдельной интернациональной бригады им. Ленина «восточного товарища» Нуму Фазла, которому предстояло действовать под непосредственным руководством советского военного атташе в Кабуле И. Ринка{8}. Торговое представительство СССР в афганской столице было определено в качестве «крыши» для Нумы Фазла{9}. Статус сотрудника этого учреждения давал ему право на дипломатическую неприкосновенность, что, правда, для будущего организатора диверсионной деятельности в Северной Индии было довольно слабой гарантией личной безопасности.

По данным британской разведки, Нума Фазл внес свои предложения о военной деятельности КИ в Северо-Западной Индии. Его план предусматривал создание в «независимой» полосе СЗПП партизанских формирований для нападения на британские

форты, армейские части, а также пуштунские племена, лояльные Англии. Эти «летучие отряды» при содействии присланных военных инструкторов должны были действовать согласованно.

Кроме пуштунских лашкаров, Нума Фазл считал возможным создать для диверсионной деятельности в Британской Индии «ударные» части из коммунистов, индийцев и «религиозных фанатиков», которых он хотел завербовать среди индийских эмигрантов в СССР, Иране, Афганистане, а также среди «революционного народа» Индии. В случае открытого военного конфликта Англии с СССР или Афганистаном эти «ударные» части должны были стать ядром для создания «революционной армии», штаб которой должен был находиться в Кабуле. Одним словом, Нума Фазл, хотя и в более скромных масштабах, предлагал реализовать план, разработанный Роем еще в 1920 – 1921 гг.

Меньший размах предстоящей антибританской деятельности предполагал и более скромное финансирование. М. Рой просил для создания своей «революционной армии» миллионы золотых рублей, а Нума Фазл ограничился 50 тыс. фунтов стерлингов. После всех согласований в Коминтерне эта сумма была уменьшена до 35 тыс. фунтов{10}.

При общей схожести с «планом Роя» схема нелегальной деятельности Коминтерна в зоне пуштунских племен в 1925 г. имела одно принципиальное отличие: М. Рой в 1920—1921 гг. хотел немедленно и открыто совершить «революцию» в Индии, а Нума Фазл по заданию КИ и Разведупра действовал тайно, создавая диверсионную сеть в тылу британских войск в Индии на случай возможной войны с Великобританией.

Его план вполне укладывался в рамки постановления Политбюро ЦК РКП(б) об активной разведке, принятого 25 февраля 1925 г. В этот день, после принятия решения о создании в Иране народно-революционной партии, Политбюро утвердило пункт № 26 о приостановке диверсионных акций (активной разведки) в сопредельных с СССР странах. Это постановление прежде всего касалось Польши, но в нем затрагивались и общие вопросы работы Разведупра с повстанческими отрядами в зарубежных странах. Так, в этом документе говорилось: «Вместо активной разведки в настоящем виде для чисто военных целей СССР должны быть организованы в соседних государствах самым конспиративным образом особые пункты для обследования и изучения военных объектов, установления связи с нужными людьми, заготовки материалов и проч., т.е. для подготовки к деструктивной работе (диверсиям и саботажу. – Ю. Т.) во время войны в тылу противника. Таким образом, пункты имеют характер информационный и подготовительный, с тем, однако, чтобы в соответствующие моменты могли развернуться в боевые»{11}. Конечно, перед его «откомандированием» в Коминтерн Нума Фазл получил от своего руководства в Разведупре инструкции в подобном духе, а далее, насколько смог, адаптировал их к условиям в зоне пуштунских племен.

Обсуждение «плана Зайгеля – Фазла» прошло в ходе работы Пятого пленума ИККИ в Москве. Помощь вооруженной борьбы приграничных пуштунских племен, как способ содействия освободительному движению в Индии, была одобрена руководством Коминтерна. 23 апреля на совместном заседании сотрудников Колониального бюро и членов Президиума ИККИ было принято решение «поддержать национальное движение среди племен, населяющих так называемую нейтральную зону (между Афганистаном и Индией. – Ю. Т.) и обратиться к НКИД для выработки совместной программы действий в «афганском коридоре»{12}.

Член Президиума и секретарь ИККИ Д. Мануильский направил заместителю наркома иностранных дел СССР М.М. Литвинову письмо, в котором сформулировал основные направления сотрудничества НКИД и Коминтерна в Афганистане. Во-первых, Афганистан предполагалось использовать в качестве базы для «управления и поддержки национально-освободительного движения в Индии». Во-вторых, КИ предлагал договориться с Афганистаном о признании независимости «племен нейтральной территории между Афганистаном и северо-западной частью Британской Индии и Белуджистана».

Последний пункт свидетельствует, что руководство Коминтерна вновь предлагало

советскому правительству опасную авантюру в Центральной Азии, ничуть не боясь военного столкновения между СССР и Великобританией. Признать независимость стратегически важной территории, которая фактически входила в состав Британской империи?! Подобный ход был вполне в духе тогдашнего руководителя Коминтерна Г. Зиновьева, считавшего новую войну катализатором революций{13}.

Решительный протест Чичерина, которому в течение 1925 г. бдительно приходилось следить за действиями КИ и ОГПУ в Афганистане, сорвал реализацию коминтерновского плана в «афганском коридоре». Однако Г. Зиновьев все же смог добиться от Политбюро, чтобы НКИД провело с афганским правительством переговоры о снабжении пуштунских племен «независимой» полосы вооружением и боеприпасами{14}.

В мае 1925 г. Нума Фазл уже был в Ташкенте, где он получил сообщение, что в Москве его план подрывной деятельности в «независимой» полосе Британской Индии не принят, как крайне рискованный и дорогостоящий{15}. Его самого вместо Кабула направили служить в советское консульство в Кашгаре.

Начало революции 1925—1927 гг. в Китае оказало огромное влияние на всю политику Коминтерна на Востоке. События в этой стране позволили Зиновьеву и его окружению вновь попытаться осуществить авантюрные планы по расширению военно-конспиративной деятельности КИ в странах Азии. Уже в начале июня 1925 г. ИККИ приступил к подготовке в Баку секретной конференции, на которой предстояло обсудить проблему «военных конфликтов между восточными нациями и европейско-американским империализмом»{16}.

По данным британской разведки, на этой конференции планировалось возродить политику экспорта революции в страны Востока. К примеру, кроме «китайского вопроса», в план работы бакинской конференции был включен пункт о создании постоянного военного отдела при «Совете пропаганды и действия народов Востока» с целью руководства «гражданскими войнами» в колониальных странах и подготовки «кадров революционных бойцов из колониальных и восточных элементов». В сферу деятельности этого отдела должны были войти Китай, Индия, Афганистан, Иран и Турция.

Особо следует отметить тот факт, что в рабочей программе конференции в пункте о расширении разведывательной деятельности Коминтерна в государственных и военных структурах указанных восточных стран Афганистану отводилось первое место, а Индии – третье{17}. Таким образом, можно согласиться с британскими аналитиками из Интеллидженс сервис, которые сделали вывод, что Коминтерн в 1925 г. пытался вернуться к политике 1920 г., важной составляющей частью которой была борьба за «афганский коридор» для подготовки вооруженного восстания в Индии.

1 июля 1925 г. в условиях строжайшей конспирации конференция КИ начала в Баку свою работу. Для обсуждения дальнейшей политики на Востоке в столицу Азербайджана прибыли не только представители ИККИ, но и члены Политбюро ВКП(б) и руководящие сотрудники НКИД. Восточные страны представляли, по сведениям английского агента в Баку, второстепенные лица. Все делегаты бакинской конференции были зарегистрированы под псевдонимами. Разумеется, этот способ конспирации не смог скрыть присутствия Зиновьева, но затруднил работу английской ИПИ по выявлению настоящих имен представителей от Афганистана и Индии{18}.

В русле принятых на бакинской конференции решений «Совет пропаганды и действия народов Востока» осенью 1925 г. предпринял меры для расширения коминтерновской агентуры в Афганистане. Так, в середине сентября 1925 г. в Кабул прибыли 9 инструкторов (по пропаганде, связи и т.д). По сведениям ИПИ, они имели задание развернуть в Кабуле вербовку индийцев и мусульман, чтобы затем использовать их качестве агитаторов и курьеров в Индии. Бакинские инструкторы должны были также создать надежные каналы связи между Кабулом и этой страной для переправки денег и пропагандистской литературы.

Параллельно с решением этой задачи кабульский центр Коминтерна усилил военно-конспиративную деятельность в зоне пуштунских племен. ИПИ из перехваченной переписки между этим центром и «Советом пропаганды и действия народов Востока» было известно,

что ответственный за эту сферу нелегальной деятельности в Афганистане некто Лобода получил через советское полпредство в Кабуле крупную сумму денег наличными. Чтобы ускорить доставку оружия в Британскую Индию, он создал 3 «окна» на индо-афганской границе и хотел купить оружие внутри Афганистана.

Для создания разветвленной нелегальной сети КИ в «афганском коридоре» бакинский «Совет» в конце сентября направил в Кабул еще 10 своих инструкторов. Из них кадровый офицер Лопотухин отвечал за создание военных групп, Ишханов – за транспортировку, а Абалмек-хан – за связь с Индией. Необходимо отметить, что Лопотухин прибыл в Кабул с дипломатическим паспортом.

Расширение деятельности кабульского центра «Совета» тормозилось отсутствием надежных, в первую очередь британских, документов для коминтерновских агентов. В связи с этим из Баку в афганскую столицу было переведено 100 тыс. рублей для покупки подлинных афганских паспортов{19}. Всего коминтерновский центр в Кабуле получил к концу 1925 г. для расширения нелегальной деятельности в Афганистане и Индии 500 тыс. рублей золотом! Расходы Ф. Раскольникова, когда он был полпредом СССР и представителем Коминтерна в Кабуле, были значительно меньше.

Столь крупные затраты потребовались Коминтерну для создания в Центральной Азии невиданной ранее по своим масштабам подпольной сети от Туркестана до Северной Индии. В октябре 1925 г. в Баку после всех согласований был утвержден план, определивший главные задачи деятельности КИ в этом направлении. В важнейших населенных пунктах Бухары, Ирана, Афганистана и Северной Индии планировалось создать подпольные коммунистические группы. Так, только в Афганистане нелегальные ячейки намечалось организовать в Баламургабе, Меймене, Балхе, Мазари-Шарифе, Ташкургане, Герате, Джелалабаде, Кунаре и еще в ряде городов. Агентура в Афганистане должна была обеспечить связь КИ с явками в Пешаваре, Аттоке, Равалпинди и Лахоре{20}. Одним словом, «афганский коридор» вновь хотели открыть для переброски в Индию оружия, пропагандистской литературы и агентов Коминтерна. Одновременно в Центральной Азии создавалась разведывательная сеть, обеспечивающая сбор информации по Афганистану и Индии, а также осуществлявшая антибританские акции в этом регионе.

Важной составной частью нелегальной деятельности Коминтерна и советской разведки в Кабуле было сотрудничество с националистической сикхской партией «Гадр», которая еще в годы Первой мировой войны пыталась с помощью Германии организовать вооруженное восстание в Индии. Для этой известной и сильной сикхской организации Афганистан давно уже стал базой для революционной работы против англичан.

Еще летом 1923 г. в Кабул прибыли генеральный секретарь «Гадра» Санток Сингх и ее президент Раттан Сингх, которые в 1922 г. были делегатами IV конгресса КИ в Москве. Сразу из Москвы они уехали в афганскую столицу для организации революционного движения в Пенджабе. С этой целью в 1924 г. Раттан Сингх объехал многие районы Индии и благополучно вернулся в Афганистан, хотя британская разведка устроила на лидера «Гадра» настоящую охоту{21}.

Гадровцы были умелыми конспираторами, обладали большим опытом работы в подполье и имели разветвленную организацию не только в Индии, но и в США, Канаде, странах Латинской Америки и Юго-Восточной Азии. В связи с этим Коминтерн охотно пошел на сотрудничество с партией «Гадр», которой была оказана финансовая помощь, а вскоре ее приняли и в члены КИ.

Однако у гадровцев, по мнению советской стороны, было два существенных недостатка. Во-первых, Раттан Сингх и Санток Сингх, прибыв в Кабул, сразу же потребовали «не столько денег, сколько оружия, ибо их главной идеей оставалось по-прежнему вооруженное восстание (в Пенджабе. – Ю. Т.)»{22}. Подобные действия в Москве считали преждевременными, и сотрудники советского полпредства в Кабуле с трудом, но все же переубедили сикхов. Во-вторых, гадровцы первоначально отказались сотрудничать с советской разведкой. В одном из документов НКИД указывалось: «В острые моменты

внутриафганской политики (хостинский мятеж. – Ю. Т.) делались попытки использовать кабульских гадровцев и их связи для информационной работы в Афганистане, но от этого они всячески уклонялись. Если добавить к этому несколько мелких услуг, которые гадровцы нам оказали (по доставке книг, карт из Индии), этим можно исчерпать информацию о нашей связи с гадровцами в Кабуле. (Был также план связать последних с нашими Памирами для использования их в области военно-разведочной работы.)»{23}

Несмотря на сложности в начале сотрудничества, именно партия «Гадр» в 20—30-х гг. создала и контролировала коминтерновские каналы связи в «афганском коридоре». Когда очередная авантюра Г. Зиновьева в Афганистане и Индии провалилась, гадровцы по заданию Коминтерна даже взяли на себя работу среди племен «независимой» полосы Британской Индии. Им же принадлежит заслуга в создании коммунистической группы «Кирти» («Рабочий») в Пенджабе. Со временем гадровцы установили и тесный контакт с советскими спецслужбами. Необходимо отметить, что все это они сделали ради одной святой цели – освобождения Индии от британского господства.

Подводя итоги деятельности Коминтерна в Афганистане и Индии в 1925 г., следует отметить, что Коминтерн попытался вновь напрямик прорваться в Индию. В качестве катализатора освободительного движения в этой стране опять было решено использовать повстанческое движение пуштунских племен СЗПП. Коминтерн в сотрудничестве с советской разведкой еще раз попытался создать в Афганистане разветвленную агентурную сеть. Каковы были результаты этих усилий в последние годы правления Амануллы, в настоящее время определить еще нельзя. Однако тот факт, что британская разведка смогла раскрыть в деталях планы Коминтерна в Афганистане и Северо-Западной Индии, позволяет современному историку смело предположить, что Англия смогла в тот момент нейтрализовать коммунистическую деятельность в этом регионе.

Глава 18

Свержение Амануллы-хана

События 1924—1925 гг. в Хосте были прелюдией более грозных восстаний в Афганистане. Это хорошо осознавали в Кремле. Не прошло и месяца после подавления вооруженного мятежа против Амануллы-хана, как 13 марта 1925 г. Политбюро ЦК РКП(б) на специальном заседании, посвященном афганской проблеме, приняло решение: «Поручить т. Фрунзе (нарком по военным и морским делам СССР. – Ю. Т.) обдумать вопрос о возможных предупредительных мерах против восстания в Афганистане»{1}. Уже 26 марта 1925 г. М. Фрунзе и Г. Чичерин сообщили свои предложения Политбюро, каким образом можно оказать военную помощь Аманулле-хану. По рекомендации М. Фрунзе Политбюро постановило, чтобы на советско-афганской границе было сосредоточено дополнительное количе В середине 1925 г. Аманулла-хан попросил от СССР более масштабной военной помощи для реорганизации афганской армии. В ходе советско-афганских экономических переговоров Аманулла и представитель Наркомата внешней торговли (НКВТ) А. Лежава-Мюрат обсудили наиболее важные проблемы военного сотрудничества между Москвой и Кабулом. 24 сентября 1925 г. советское руководство согласилось, чтобы «предложенное перевооружение афганской армии было произведено при посредстве вооружения, припасов и военного имущества, поставляемого военной промышленностью СССР»{3}. При этом оговаривалось, что стоимость военных поставок Афганистану не должна превышать суммы советской субсидии по договору 1921 г. – не более 1 млн рублей в год.

Военному наркомату (Наркомвоен) СССР поручалось выяснить детали предстоящей военной реформы в Афганистане и определить возможное участие советской военной промышленности в перевооружении афганской армии. Кроме этого, Наркомвоен должен был оказать содействие афганской стороне в разработке плана этого мероприятия. По «военной линии» предполагалось также определить участие СССР в строительстве шоссе Кушка – Герат, Мазар-и-Шариф – Кабул{4}, телеграфных линий и порохового завода.

В рамках советской военной помощи в Кабуле также предполагалось создать авиашколу для подготовки пилотов афганских ВВС. Для реализации этого замысла необходимо было

затратить 135 150 рублей и передать Аманулле-хану дополнительное количество самолетов. Однако этот план остался невыполненным{5}.

Поставки советского вооружения в счет субсидии не могли удовлетворить все потребности афганской стороны. В связи с этим значительная часть оружия и боеприпасов дополнительно закупалась Аманулой в СССР. Так, им было заказано в Советском Союзе 50 тыс. винтовок и 20 млн патронов (партиями по 5 и 15 млн) к ним{6}. На советских заводах был произведен ремонт 15 тыс. сломанных винтовок для афганской армии. Часть боевых самолетов Аманулла также приобрел в СССР. Одним словом, в 1925—1927 гг. военные поставки со складов РККА в Афганистан осуществлялись в значительных размерах.

Весной 1927 г. Политбюро ЦК ВКП(б) решило ускорить темпы перевооружения афганской армии советским оружием. 10 марта 1927 г. в Кремле было принято решение срочно в течение этого года безвозмездно передать Аманулле-хану вооружения стоимостью 3 млн рублей и дополнительно продать этого же «товара» на 1 млн рублей{7}.

Большое количество оружия Афганистан получал из Франции, Италии, Германии и даже Англии. К примеру, в 1927 г. в ходе заграничного турне Аманулла-хан приобрел и получил в подарок от правительств этих стран и СССР 53 тыс. винтовок и 53 млн патронов к ним, 106 орудий и 106 тыс. снарядов к ним, 18 самолетов, 5 броневиков, 6 танков и т. д.{8}. Как видно, приобретение столь необходимого Аманулле вооружения было одной из причин, по которой он рискнул покинуть Афганистан, хотя обстановка в стране становилась все более взрывоопасной. Спасти свою власть эмир, объявивший себя перед поездкой в Европу королем, мог, только располагая сильной и лояльной ему армией. Последнее условие оказалось обеспечить гораздо труднее, чем доставку современного вооружения в Афганистан.

После возвращения из заграничной поездки Аманулла-хан, явно необдуманно, приступил к различным нововведениям в стране, которые нарушали устои шариата, что оскорбляло большинство афганцев. В итоге погоня за «европеизмами» стоила Аманулле-хану престола. Так, афганский монарх перенес выходной день с пятницы (выходного дня у всех мусульман мира) на четверг! Он также объявил, что женщины по своему желанию могут снять чадру. В духе деяний Петра I Аманулла издал указ о ношении европейской одежды, которой не было в достаточном количестве в Кабуле{9}. Все это насаждалось силой, вызывая справедливый гнев населения. В связи с этим даже придворный летописец Амануллы-хана Файз Мухаммад записал в своем дневнике: «В результате таких действий оскорбленные горожане (Кабула. – Ю. Т.) стали молить всевышнего о падении правительства эмира Амануллы-хана»{10}.

Надо учесть, что все эти ошибки допускались в то время, когда коррупция в стране приняла невиданные даже для Востока размеры, а сами реформы, обогащая окружение короля, легли тяжелым бременем на простых афганцев.

Недовольство амануллистским режимом распространилось и в армии, где положение солдат значительно ухудшилось из-за казнокрадства, а многие честные офицеры осудили непродуманные шаги Амануллы, который еще больше обострил ситуацию, проведя чистку офицерского состава.

Ошибкой реформатора надо признать и запрет системы бадрага (племенного рэкета купцов) в Восточной провинции{11}. Прогрессивный по своей сути шаг был явно преждевременным и в реальных условиях лишал беднейшие приграничные племена южного Афганистана важного традиционного (!) источника дохода, ничего не давая взамен. Таким образом, Аманулла-хан своими действиями спровоцировал новое, более масштабное антиправительственное восстание в стране. В такой ситуации Советский Союз не мог его спасти, а Великобритании не нужно было прилагать больших усилий, чтобы избавиться от своего врага.

Нарушение норм шариата крайне враждебно восприняло мусульманское духовенство, которое умело воспользовалось в своих интересах общим недовольством эмиром–реформатором. Улеммы и муллы развернули в Афганистане яростную пропаганду против Амануллы, который ответил на это репрессиями. Однако эти гонения на духовных лидеров

лишь ускорили начало гражданской войны и бегство афганского короля из страны.

В конце 1928 г. восстания против Аманулла-хана начались практически одновременно как на севере Афганистана, так и в зоне пуштунских племен. К северу от Кабула действовали отряды под руководством таджика Бачаи Сакао, а в Восточной провинции против эмира восстало племя шинвари, что привело к цепной реакции среди других пуштунских племен.

Мятеж на юге Афганистана представлял большую опасность для Аманулла, поэтому в начале гражданской войны в Афганистане «мятеж Бачаи Сакао, по сравнению с восстанием племен Джелалабада, казался незначительным»{12}. В связи с этим в начале декабря 1928 г. главные силы афганский монарх-реформатор бросил на юг, создав тем самым благоприятные условия для захвата Кабула силами Бачаи Сакао.

Последний провозгласил себя эмиром Хабибуллой и упорно боролся за власть в течение 9 месяцев, пока не был свергнут племенным ополчением пуштунов во главе с Надир-ханом и его братьями. Одним словом, решающее слово в кровавой схватке 1928—1929 гг. в Афганистане осталось за пуштунами. В связи с этим события в зоне пуштунских племен заслуживают отдельного и подробного освещения.

Первые признаки грядущих потрясений в Афганистане появились осенью 1928 г.: в южной провинции были захвачены несколько мулл, которые вели агитацию среди мангалов, ахмедзаев и джаджи, призывая их к восстанию против Аманулла-хана. 7 октября 1928 г. эмир приказал казнить подстрекателей. Но уже через два дня ему пришлось отправлять части столичного гарнизона на подавление мятежа гильзаев в районе перевала Альтимур{13}. На этот раз карательная операция прошла успешно, но это было только начало...

13 ноября 1928 г. близ г. Джелалабада восстало племя шинвари. На афганской территории мятеж возглавил Мухаммад Афзал-хан, которого поддержал вождь Мир Акбар-хан Шинвари из «независимой» полосы СЗПП. Таким образом, в борьбу против Аманулла-хана включилось все племя шинвари{14}. 14 ноября захватили военный пост Кухи, гарнизон которого (до батальона солдат и офицеров) был вырезан. В руки восставших попало большое количество вооружения и боеприпасов. В связи с этим шинвари попытались взять штурмом г. Дакку, но потерпели поражение. Несмотря на это, мятеж в Восточной провинции стремительно разрастался: к шинвари примкнули хугиани и гильзаи Хасарака.

20 ноября 1928 г. правительственные войска начали боевые действия против шинвари и их союзников. Самолеты, пилотируемые советскими летчиками, начали бомбардировку селений восставших{15}. Из-за ненадежности правительственных войск Аманулла большие надежды возлагал на свои ВВС, и в ходе начавшихся боев авиагруппировка, действовавшая под Джелалабадом, постоянно росла. 22 ноября уже 12 самолетов бомбили отряды восставших, которые вынуждены были отступить в горы{16}. На короткое время наступило затишье.

24 ноября боевые действия возобновились, и шинвари вновь приблизились к Джелалабаду. 29 ноября 10 тыс. мятежников захватили пригороды и подвергли их грабежу: королевский дворец, ангар с самолетами и многие другие сооружения были сожжены. Верные правительству войска под командованием губернатора Мухаммада Гуль-хана Моманда были блокированы в цитадели. С этого момента снабжение их боеприпасами осуществлялось только по воздуху.

Крупный успех мятежников под Джелалабадом ускорил присоединение к ним новых пуштунских племен. В декабре 1928 г. силы шинвари и их союзников составили около 40 тыс. воинов{17}. Вооружение антиправительственных сил в Восточной провинции благодаря большим трофеям выросло качественно и количественно. К примеру, мятежникам удалось захватить орудия, располагавшиеся в пригородах Джелалабада, и большое количество снарядов к ним.

Тем временем антиправительственные выступления начались и в Южной провинции, где пуштунскими племенами были разгромлены все правительственные учреждения. Однако в конце 1928 г. значительной угрозы для Аманулла эти беспорядки не представляли, так как пуштуны Южной провинции не начали наступление на Кабул, а также не заключили союза с шинвари и их союзниками{18}.

Получив тревожные известия из Восточной провинции, Аманулла-хан немедленно направил под Джелалабад подкрепления. При этом он прекрасно понимал, что такой крупный мятеж подавить лишь с помощью силы не удастся. Чтобы добиться от шинвари прекращения боевых действий, к ним вылетел министр иностранных дел Гулям Сиддик-хан Чархи, которому удалось начать переговоры с восставшими. Как и при подавлении восстания 1924–1925 гг. в Хосте, афганское правительство стремилось любой ценой выиграть время.

29 ноября 1928 г. Аманулла-хан встретился с советским военным атташе И. Ринком и попросил советское правительство срочно продать ему 1200 осколочных, 1200 фугасных и 600 химических авиабомб. 3 декабря 1928 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение: «Разрешить РВС продажу (Афганистану. – Ю. Т.) 2400 фугасных и осколочных бомб»{19}. В поставках химических бомб эмиру было отказано.

События под Джелалабадом в конце 1928 г. еще раз доказали, что Аманулла не может обойтись без советской военной помощи. Авиация была самым эффективным оружием в борьбе против восставших, а боеспособность афганских ВВС поддерживалась благодаря работе военных летчиков и механиков из СССР. Так, в декабре в Кабуле базировалось 15 самолетов Р-1 советского производства, 8 из которых активно участвовали в боевых действиях против мятежников. Еще семь Р-1 в декабре 1928 г. были в ремонте, так как в горных условиях авиамоторы из-за форсированного режима эксплуатации быстро выходили из строя. Из исправных самолетов иностранного производства на кабульском аэродроме имелись лишь один Ю-1 и два Ф-13{20}. Большая часть афганских пилотов под различными предлогами саботировала приказы своего командования. Таким образом, без советских самолетов и специалистов ВВС Амануллы были бы парализованы и он бы потерял свой трон гораздо раньше.

Особо надо сказать о позиции Великобритании в событиях 1928—1929 гг. в Афганистане. Если СССР до последней возможности пытался оказывать военную помощь Аманулле-хану, то Великобритания мудро заняла политику нейтралитета. Правильная оценка ситуации в Афганистане, сделанная британскими дипломатами и разведчиками, свидетельствовала, что дни правления эмира сочтены. Все многочисленные заявления афганских и советских политиков, гневная кампания в мировой прессе против английских интриг в Афганистане были основаны на предположениях или являлись сознательной дезинформацией.

Времена могущества Британской империи были уже в прошлом. Национально-освободительное движение в Индии набирало силу, с каждым днем приближая конец английского господства над этой страной. Многие пуштунские племена «независимой» полосы СЗПП видели в Аманулле своего покровителя и в любой момент могли выступить против его врагов. Подобное развитие событий грозило разрушить хрупкий мир в зоне пуштунских племен, что было крайне невыгодно Великобритании. В связи с этим в конце 1928 – начале 1929 г. английские власти в Индии приложили все силы, чтобы удержать «свои» приграничные племена от помощи Аманулле, но этим, главным образом, и ограничились. Даже сотрудники Разведупра РККА вынуждены были признать: «Участие Англии, объективно заинтересованной в торжестве афганской реакции, можно расценивать лишь как момент подсобный, сопутствующий целям феодалов и духовенства»{21}.

Советский военный атташе в Кабуле И. Ринк был более прямолинеен при характеристике причин мятежа в Афганистане: «Самоуверенность Амануллы-хана, его неуклюжая внешняя политика, переоценка своих сил и недостаточно глубокое понимание движущих сил своей страны создали в Афганистане обстановку, при которой достачно было малейшего толчка для того, чтобы вызвать восстание в любом районе Южного Афганистана. Против Амануллы-хана и его реформ оказались почти что все слои населения»{22}.

Но чем труднее становилось положение Амануллы, тем он больше обвинял Британскую империю в организации заговора против него. Однако даже в документах архивов независимой Индии до сих пор не найдено документов, подтверждающих правоту слов эмира. За последние 20 лет в Англии не раз производилось рассекречивание материалов спецслужб, министерства иностранных дел и т. д., но в них также нет информации, что

свержение Аманулллы-хана было результатом хорошо спланированной операции английской разведки. Одним словом, английское правительство ограничилось тем, что с удовлетворением наблюдало за свержением обреченного эмира-реформатора его фанатичными подданными.

Сам эмир, по свидетельствам советских летчиков, в это время вел себя мужественно. Он неоднократно выезжал с небольшой охраной в районы боевых действий, но так и не смог поднять боевой дух правительственных войск и верных ему племен. Советские военные специалисты отмечали в своих донесениях: «[Военные действия] ведутся исключительно вяло; в действиях начальников не ощущается энергии, настойчивости; впечатление такое, как будто войска не имеют намерения нанести действительный урон повстанцам и принимают все меры к тому, чтобы военные действия только пугали, носили бы характер демонстрации, но не вредили»{23}.

Не спешили оказывать Аманулле помощь даже те приграничные племена, которые сохранили ему верность. Так, моманды прислали 1200 своих воинов для помощи гарнизону Джелалабада, но, получив вооружение, вскоре вернулись домой. Вероятнее всего, их «распропагандировали» местные муллы. В свою очередь, пуштунские племена «независимой» полосы Британской Индии согласились оказать помощь Аманулле-хану, но только после отмены его реформ, нарушавших нормы шариата{24}. Даже в Кандагарской провинции, где проживали соплеменники эмира, местные жители отказались выступить против шинвари, хотя и заявили о своей верности Аманулле{25}.

В этих условиях Аманулла нуждался в скорейшем примирении с мятежниками как на севере, так и на юге Афганистана. Даже кратковременное перемирие под Джелалабадом позволило бы ему сосредоточить дополнительные части для отпора отрядам Бачаи Сакао.

Аманулла-хан не собирался сдаваться без борьбы. В стране была объявлена мобилизация; афганское правительство приняло решение приостановить бытовые реформы; в Кабул стали стягиваться войска из Мазари-Шарифа и Кандагара. Так, из Мазари-Шарифа в афганскую столицу были отправлены пехотный полк, 2 эскадрона, 6 горных орудий, 4 пулемета с боезапасом{26}. Но еще большие силы Аманулла был вынужден перебросить в Восточную провинцию. В итоге для обороны Кабула сил явно не хватало. Амануллу могло спасти ополчение жителей столицы, но, раздав 50 тыс. винтовок, эмир так и не смог сформировать отряды из кабульцев.

В подобной ситуации Аманулле было необходимо любой ценой найти компромисс с мятежными племенами Восточной провинции, так как Кабул был на грани сдачи. 14 декабря 1928 г. Бачаи Сакао с незначительными силами едва не захватил афганскую столицу.

Еще 8 декабря в Джелалабад прибыл с новыми подкреплениями и значительными финансовыми средствами для подкупов вождей и мулл влиятельный среди приграничных племен Али Ахмад-хан (бывший губернатор Кабула!). В тот же день состоялась джирга представителей всех родов шинвари. Несмотря на все усилия Ахмад-хана, переговоры вскоре были прерваны шинвари, которые 14 декабря возобновили боевые действия против правительственных войск на кабульском направлении{27}. Таким образом, повстанцы атаковали правительственные войска одновременно, лишая эмира возможности маневрировать оставшимися силами.

Лишь 29 декабря 1928 г. Ахмад-хану удалось вновь уговорить шинвари и их союзников собраться на вторую джиргу. На ней были окончательно сформулированы требования мятежных племен к эмиру и принято решение с 6 января 1929 г. объявить перемирие. Таким образом, Аманулла-хан получил долгожданную передышку на юге Афганистана.

Он сразу же воспользовался ею, чтобы сосредоточить в Кабуле группировку войск (около 3-х дивизий) для наступления против Бачаи Сакао. Однако в начале января оно провалилось. В этой критической ситуации Аманулле-хану ничего больше не оставалось, как удовлетворить значительную часть требований мятежных племен Восточной провинции, чтобы попытаться удержаться у власти.

9 января 1929 г. эмир издал фирман (указ), в котором сделал максимально возможные

уступки:

1. Создавался Сенат из наиболее видных представителей мусульманского духовенства, вождей племен и чиновничества. Новый государственный орган брал под свой контроль деятельность афганского правительства и должен был отменить все законы, противоречившие шариату.
2. Всеобщая воинская повинность отменялась. Провозглашалось возвращение к традиционной системе набора рекрутов среди племен.
3. Отменялись все законы, ущемлявшие интересы мусульманского духовенства.
4. Выходным днем вновь объявлялась пятница, а не четверг.
5. Вводилась должность государственного прокурора, главной задачей которого была борьба со взятками.
6. Ношение чадры было объявлено обязательным для всех женщин. Все женские школы в Афганистане закрывались, а посланные для учебы за границу девушки должны были вернуться домой.
7. Отменялись запреты на ранние браки (в первую очередь, это касалось учащихся).
8. Ликвидировалось обязательное ношение европейской одежды{28}.

Фирман от 9 января мог бы послужить основой для примирения между Амануллой и его подданными во время хостинских событий 1924—1925 гг., но не в 1929 г., когда значительная часть афганцев уже не верила эмиру. Пуштунские племена восточной и южной провинций настаивали на отречении Амануллы-хана. Лишь пуштуны Кандагарской провинции продолжали сохранять верность афганскому монарху.

Враждебность большей части пуштунских племен по отношению к эмиру-реформатору в конечном счете решила в январе 1929 г. его судьбу. 13 января иррегулярные формирования мангалов, оборонявшие один из участков фронта против сил Бачаи Сакао, перешли на сторону мятежников. Воспользовавшись этим, Бачаи Сакао в течение дня и ночи прорвал оборону вокруг афганской столицы, захватив большое количество артиллерии{29}.

В этой ситуации Аманулла-хан в ночь с 13 на 14 января 1929 г. отрекся от престола в пользу своего старшего брата Инаятуллы-хана и с небольшой группой приближенных утром того же дня выехал в Кандагар. В документе, зачитанном в эмирском дворце через час после отъезда Амануллы, беглец свой поступок объяснял следующим образом: «Сообразуясь с благом государства, я должен удалиться от дел, поскольку революция и кровопролитие в этой стране происходят из-за противоречий со мной»{30}.

Отречение Амануллы-хана было тройной ошибкой, о которой он вскоре горько пожалел. Слабовольный Инаятулла не мог спасти династию и стабилизировать ситуацию в стране. Бегство эмира-реформатора из Кабула окончательно внесло сумятицу в проправительственные силы в Афганистане и ускорило взятие Кабула Бачаи Сакао. Кроме этого, Аманулла оставил в афганской столице государственную казну и большие запасы вооружения, чем предопределил свое окончательное поражение в дальнейшей борьбе.

Глава 19

Новый виток борьбы за афганский престол

Инаятулла-хан, став эмиром, сразу же в отчаянии попытался начать переговоры с Бачаи Сакао, чтобы любыми средствами замедлить вступление его главных сил в Кабул. Эта затея полностью провалилась: лидер мятежников, располагая 16 тыс. хорошо вооруженных воинов, не собирался идти на какие-либо компромиссы. Он твердо решил стать новым правителем Афганистана.

15 января 1929 г. силы Бачаи Сакао захватили все стратегические пункты Кабула. Инаятулла-хан с верными ему войсками укрылся в крепости Арк – древней резиденции афганских эмиров. В Арке хранились большие запасы вооружения, продовольствия и государственная казна, которую Аманулла-хан оставил своему брату почти не тронутой. Гарнизон крепости доходил до 5 тыс. человек. Одним словом, эта цитадель могла выдержать длительную осаду, но слабовольный Инаятулла-хан решил капитулировать.

17 января 1929 г. он отрекся от престола и на следующий день был вывезен со своей семьей

английскими самолетами в Пешавар. 18 января 1929 г. Бачаи Сакао без боя занял Арк и объявил себя новым афганским эмиром Хабибуллой-ханом{1}.

Впервые за всю историю Афганистана правителем Афганистана стал не пуштун, а таджик. Всем было ясно, что племена южного Афганистана и сородичи в Британской Индии не смирятся с этим. Поэтому Бачаи Сакао сразу же стал готовиться к отражению атаки пуштунских племен на Кабул. Первым делом, по воспоминаниям афганского историка Файза Мухаммада, эмир Хабибулла, готовясь к длительной гражданской войне, «в течение нескольких дней и ночей переправлял на автомобиле в Кухедаман{2} государственную казну и арсенал»{3}. Однако Бачаи Сакао довольно быстро смог укрепиться в Кабуле, и вывоз из афганской столицы оружия и денежных средств прекратился. Наоборот, все свои силы и ресурсы Хабибулла-хан бросил на защиту афганской столицы.

Первое время деятельность нового эмира была удачной. Благодаря значительному количеству оружия и денег, оставленных Аманулой-ханом в Кабуле, он смог начать активный подкуп вождей пуштунских племен, чтобы переманить их на свою сторону{4}. Эта тактика позволила ему легко расправиться со своим первым конкурентом на кабульский престол Али Ахмад-ханом.

Этот генерал пользовался большим влиянием среди приграничных пуштунских племен по обе стороны «линии Дюранда», получил поддержку местного мусульманского духовенства и имел, по сведениям советской военной разведки, в своем распоряжении до 4 тыс. человек регулярной армии с горной артиллерией{5}.

После взятия Бачаи Сакао Кабула племена Восточной провинции с готовностью откликнулись на призыв Али Ахмад-хана организовать поход на афганскую столицу, чтобы свергнуть нового эмира с престола. Шинвари, хугияни, моманды, сафи и ряд гильзайских родов, проживавших к юго-востоку от Кабула, 20 января 1929 г. на джирге в Джагдалаке признали Ахмад-хана эмиром Афганистана{6}. Тогда же было принято решение немедленно начать наступление против Бачаи Сакао.

Накануне боев за Кабул Али Ахмад-хан приложил все усилия, чтобы получить помощь от Великобритании. Для него это была единственная реальная возможность получить вооружение и деньги из-за рубежа. Для достижения этой цели он прибегал к старому, но достаточно эффективному способу: запугивал англичан советской угрозой Афганистану и Индии. В одном из своих писем к британскому посланнику в Кабуле Хэмфрису он писал следующее: «Аманулла-хан доказал свою полную неспособность быть эмиром. Бачаи Сакао – простой разбойник. Вскоре Кабул будет атакован со всех сторон. Большевики (в этой обстановке. – Ю. Т.) строят планы о создании республики, которая может привести Афганистан к гибели»{7}.

На этом основании Али Ахмад-хан просил Великобританию оказать ему широкомасштабную финансовую и военную помощь: 1 млн фунтов стерлингов, 100 грузовиков (с водителем и 2 механиками на одну машину), 20 тыс. винтовок и 20 млн патронов к ним, 30 горных орудий и 30 тыс. снарядов к ним, 1 тыс. лошадей с седлами, 12 радиопередатчиков с радистами, самолетов с британскими пилотами и необходимым количеством авиабензина{8}. Одним словом, за свою «дружбу» этот претендент на афганский престол просил баснословную цену. Видимо, это стало одной из причин, из-за которых английское правительство ответило отказом на все его «заявки».

Несмотря на это, колониальные власти в Индии (скорее всего, английские резиденты и их сотрудники в полосе «независимых» племен СЗПП) постарались сохранить на всякий случай хорошие отношения с Али Ахмад-ханом, позволив племени тури послать воинов для его поддержки. Это племя было самым преданным союзником англичан в зоне пуштунских племен, и весьма сомнительно, чтобы оно пошло на этот шаг без их санкции. Ведь не смог же Аманулла получить помощь от патанов Британской Индии, хотя многие приграничные племена рвались в бой...

Вначале наступление Али Ахмад-хана развивалось успешно. В первых числах февраля 1929 г. его силы в ожидании подхода подкреплений от момандов остановились всего в 10—15 км

от Кабула. Через два дня войска Бачаи Сакао смогли нанести поражение наступавшим отрядам шинвари, после чего отряды племен, поддержавшие Али Ахмад-хана, временно потеряли боеспособность.

Однако разгром сил Али Ахмад-хана произошел не в открытом бою, а, как это уже не раз бывало в истории Афганистана, в результате предательства. Один из самых влиятельных вождей племени хугияни Кайс-хан тайно прибыл в Кабул. Кайс-хан оценил голову Али Ахмад-хана в 17 тыс. рупий. Бачаи Сакао согласился с этим условием и, кроме этого, пообещал назначить вождя хугияни на высокий пост в своей армии, если он схватит Али Ахмад-хана и доставит его к нему в кандалах{9}.

Кайс-хану не удалось выполнить свое обещание, так как Али Ахмад-хан сумел бежать, но в результате предательства хугияни, а затем и шинвари не только племенные формирования, но и регулярные части перешли на сторону Бачаи Сакао, который приказал встретить их с оркестром и зачислить в состав своей армии.

Разгром частей Али Ахмад-хана на подступах к Кабулу стал прологом трагедии Джелалабада. В ночь на 10 февраля 1929 г. шинвари взорвали с помощью мины с часовым механизмом склад боеприпасов в этом городе, что вызвало панику среди населения. Воспользовавшись этим, они смогли захватить и разграбить Джелалабад. В течение кровавой ночи вся личная охрана Али Ахмад-хана (300 воинов из племени тури) была вырезана, погибло 800 жителей, а центр города был превращен в руины{10}.

Самому Али Ахмад-хану вновь удалось спастись. Он бежал в Британскую Индию, откуда вскоре через Белуджистан вернулся в Афганистан и в Кандагаре примкнул к Аманулле-хану, который в тот момент готовил новый поход на Кабул, чтобы вернуть себе утраченную власть.

События начала февраля 1929 г., связанные с неудачной попыткой Али Ахмад-хана захватить афганский престол, еще раз доказали, что без поддержки пуштунских племен удержать власть в Афганистане (или успешно бороться за нее) невозможно. Бачаи Сакао первый раз продемонстрировал свое умение играть на противоречиях в стане врагов, переманивая на свою сторону пуштунских вождей. Таким образом, уже в начале 1929 г. стало очевидным, что создать прочный союз всех племен Южного Афганистана против эмира-таджика не удастся.

Глава 20

Война двух «эмиров»: Аманулла-хан против Хабибуллы-хана

После провозглашения Бачаи Сакао себя новым эмиром Хабибуллой-ханом 19 января 1929 г. Аманулла-хан в Кандагаре всенародно объявил, что считает акт о своем отречении недействительным. Вскоре в Афганистане началась война между узурпатором, захватившим трон в Кабуле, и прежним эмиром, ранее передавшим власть своему брату, а теперь пытавшимся ее вернуть. В связи с этими обстоятельствами юридический статус обоих «эмиров» был весьма спорным, и только победа в гражданской войне могла определить, кто из них будет править в Афганистане.

До начала весны 1929 г. ведение активных боевых действий в Афганистане было невозможно, поэтому оба противника готовились к решающей схватке, главную роль в которой вновь предстояло сыграть пуштунским племенам Южного Афганистана и Британской Индии.

Первое время пребывания в Кандагаре, т.е. в зоне пуштунских племен, Аманулла-хан, при всей сложности его положения, был в большей безопасности, чем во время своего пребывания в Кабуле. Любое продвижение войск «эмира» Хабибуллы в глубь территории племен было крайне рискованной операцией, так как пуштуны всегда с оружием в руках встречали незваных пришельцев. Кроме этого, большая часть пуштунов – гильзаев, которые могли бы стать союзниками Бачаи Сакао, на зиму откочевывали со своими стадами в Британскую Индию. Аманулле-хану надо было спешить, чтобы успеть подготовить наступление на Кабул до их возвращения.

В первую очередь, экс-эмир расположил войска кандагарского гарнизона таким образом,

чтобы обезопасить себя от возможного наступления с севера и подготовить позиции для наступления на Кабул. Так, верные ему части 2-й Кандагарской и 3-й Гератской дивизий он разместил следующим образом: 3 тыс. солдат и офицеров отправил в стратегически важный населенный пункт Келат-и-Гельзай, оставшиеся силы (2 тыс. человек) разместил в военном лагере близ Кандагара{1}.

Чтобы повысить преданность своих войск, Аманулла-хан увеличил жалованье солдатам до 35 рупий в месяц. Одновременно для повышения боеспособности этих частей он приказал проводить регулярные учения с использованием артиллерии и одного танка, имевшегося в Кандагаре.

Для формирования племенной армии экс-эмир развернул широкую пропаганду среди приграничных племен по обе стороны «линии Дюранда». В своих многочисленных воззваниях к пуштунам он доказывал истинную преданность исламу и шариату. Аманулла-хан гарантировал также всем афганцам окончательное прекращение всех реформ в стране. В подтверждение этих слов он демонстративно стал носить традиционную чалму, которую сам же ранее запретил.

Длительное время, несмотря на все призывы Амануллы выступить против Бачаи Сакао, племена Южного Афганистана и «независимой» полосы Британской Индии не спешили посылать своих воинов ему на помощь. Вожди приграничных племен клялись Аманулле-хану в своей верности, обещали помощь, но реально ничего не делали. 22 февраля 1929 г. экс-эмир был вынужден открыто заявить кандагарцам: «Вы мне обещали помощь, но я от вас этой помощи не вижу, если дело будет так обстоять, я вынужден буду от вас уехать»{2}.

Положение резко изменилось к лучшему, когда Аманулла-хан прошел испытание, предложенное ему местной знатью и духовенством. 29 февраля он после общей молитвы взял в свои руки плащ Пророка и перенес его в одну из мечетей Кандагара. Этим он, по словам советского наблюдателя, доказал населению, что Аллаху угодно «его царствование» и победа будет на его стороне{3}.

Известие о столь значимом для фанатичных пуштунов событии вскоре стало известно всем местным племенам. На волне религиозного порыва в Кандагар стали стекаться добровольцы. Через три недели численность племенного ополчения превысила 12 тыс. человек, из которых лишь 7 тыс. были вооружены. Кроме этого, из Фарраха прибыл конный полк (1300 всадников) при 4 орудиях{4}. Таким образом, у Амануллы скопилось достаточное количество войск (6,3 тыс. чел. регулярных войск, 12 тыс. чел. племенного ополчения при 14 орудиях и 15 пулеметах), чтобы начать наступление на Кабул.

Огневая мощь армии Амануллы-хана была бы гораздо больше, если бы Великобритания передала ему закупленное вооружение, ожидавшее отправки в Афганистан в порту Карачи. К примеру, там на складах хранились 70 пулеметов, приобретенных экс-эмиром во время его заграничного турне. Аманулла-хан не получил от британской стороны и 2 тыс. винтовок с 1 млн патронов, заказанных ранее в Англии. Недостаток вооружения в Кандагаре попытались хотя бы частично возместить покупкой винтовок, которые изготовлялись кустарным способом в «независимой» полосе Британской Индии. Небольшое их количество было доставлено в распоряжение Амануллы{5}. Однако 200 винтовок не могли ликвидировать нехватку огнестрельного оружия в Кандагаре. Для борьбы с Бачаи Сакао требовались тысячи и тысячи единиц огнестрельного оружия.

Эпизод с задержкой афганского вооружения в Британской Индии в начале 1929 г. продемонстрировал всему миру, и прежде всего мусульманам СЗПП, что английское правительство, несмотря на все заявления о нейтралитете, тайно пытается помешать Аманулле вернуться к власти. В связи с этим по Индии прошли массовые митинги в его поддержку. В начале февраля 1929 г. в Пешаваре состоялся грандиозный митинг, в котором приняли участие не только мусульмане, но и индусы с сикхами. Тревожным сигналом для британских властей было участие в этом митинге представителей племен «независимой» полосы, которые единодушно со всеми собравшимися приняли резолюцию, что считают Амануллу единственным законным правителем Афганистана.

В Лахоре и других индийских городах также прошли митинги и был организован «День Аманулы». Многочисленные демонстрации проходили под лозунгами «В Кандагар», «На помощь Аманулле», «Афганистан для Аманулы – Аманулла для Афганистана», «Свобода Афганистана есть ключ к освобождению Азии»{6}. Одним словом, индийские мусульмане мощно продемонстрировали свои симпатии к Аманулле и потребовали от Англии невмешательства в афганские дела.

Очевидно, что британские власти в Индии не рискнули проигнорировать это выступления своих подданных. Массовая поддержка Аманулы-хана населением северо-западных районов Индии была одной из причин, вынудившей англичан отказаться от любых авантюрных акций в Афганистане. Великобритания даже передала экс-эмиру часть закупленного им за рубежом имущества: несколько пушек и грузовиков, а также 6 немецких автобусов{7}. Кроме этого, в Кандагар было доставлено значительное количество бензина, что позволило Аманулле активно использовать автотранспорт для снабжения своих войск.

Последней надеждой Аманулы пополнить запасы винтовок и пулеметов было получение этого вооружения из СССР. В начале февраля 1929 г. в Кандагар прилетел советский дипломат В. Соловьев, который должен был выяснить обстановку в ставке Аманулы-хана. После возвращения представитель НКИД рекомендовал своему руководству оказать ограниченную помощь вооружением и советниками для укрепления военных сил экс-эмира. Кроме этого, В. Соловьев рекомендовал предоставить Аманулле несколько советских самолетов с летчиками, чтобы обеспечить безопасную эвакуацию последнего из Афганистана{8}. 20 марта Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение об осуществлении поставки оружия в Кандагар{9}. Однако этот план так и не был реализован, так как вскоре Бачаи Сакао установил свой контроль над Гератом, перекрыв все удобные пути из советской Средней Азии в Южный Афганистан. Таким образом, Аманулла-хан был вынужден в схватке с Бачаи Сакао рассчитывать лишь на собственные силы и поддержку своих все еще многочисленных сторонников в Афганистане.

В феврале—марте 1929 г. Кабул, где находилась армия Бачаи Сакао, оказался в кольце восстаний, поднятых аманулистами. Еще до выступления главных сил Аманулы-хана из Кандагара войска «эмира» Хабибуллы понесли большие потери в боях к югу от Кабула. В конце февраля вождь племени вардак Карим-хан, оставшийся верным Аманулле, совместно с вазирами и хазарейцами разгромил 3-тысячный отряд Бачаи Сакао{10}.

Больше месяца вардаки и их союзники, не получив никакой поддержки от Аманулы-хана, сковывали главные силы «эмира» Хабибуллы. По данным советской военной разведки, на первом этапе этих боев племенам из Логара, Гардеза и Газни сопутствовал успех: от Кабула их отделяло лишь 12 км. Кроме этого, с востока к афганской столице приблизились отряды момандов, обещавших свою помощь Аманулле{11}.

Проявив качества талантливого полководца, Бачаи Сакао смог, используя тяжелую артиллерию и авиацию, стабилизировать ситуацию. Эта победа досталась ему дорогой ценой: более 4 тыс. его воинов сражалась против вардаков, 5 тыс. – против племен Логара. Часть своих формирований «эмир» Хабибулла был вынужден отправить в северные районы Афганистана. В итоге в кабульском гарнизоне осталось всего 2 тыс. человек{12}. В середине марта 1929 г. Бачаи Сакао оказался в той же ситуации, что и Аманулла накануне отречения: главные силы его армии увязли в Южном Афганистане, а в самом Кабуле росло недовольство правящим режимом{13}.

В этой ситуации Аманулла-хан имел шансы на победу, но он упустил время. В штабе Среднеазиатского военного округа (САВО) считали, что экс-эмир начал наступление на Кабул, «прозевав складывающуюся в его пользу обстановку в кабульском районе»{14}.

26 марта 1929 г. войска Аманулы наконец-то выступили из Кандагара и довольно быстро продвинулись вперед по газнийской дороге. Наступление на Кабул велось двумя колоннами. Не встречая никакого сопротивления на своем пути, они 9 апреля вступили в г. Мукур, где в их ряды влилось 2,5 тыс. хазарейцев, вооруженных собственными винтовками{15}. Местные пуштунские племена с почетом приняли Аманулу и обещали ему помощь в борьбе против

Бачаи Сакао. 15 апреля армия бывшего эмира подошла к г. Газни. С этого момента победоносное шествие войск Аманулы остановилось.

Аманулла-хан и его окружение планировали взять город с ходу, но этот план провалился. Небольшой гарнизон газнийской цитадели сохранил верность «эмиру» Хабибулле и отбил все атаки. Однако положение осажденных было крайне тяжелым.

22 апреля господствующие над городом высоты были заняты аманулистами, к которым вновь подошло подкрепление из Хазараджата{16}. Деблокада города с севера силами Бачаи Сакао была невозможна, так как верные Аманулле-хану вардаки окружили эти отряды в горах. Таким образом, экс-эмир мог рассчитывать на победу под Газни.

В апреле 1929 г. шансы Аманулы на успех в борьбе против Бачаи Сакао еще более возросли, так как СССР предпринял реальные шаги, чтобы оказать своему давнему союзнику военную помощь. И. Сталиным и прибывшим из Кандагара в Москву афганским министром иностранных дел Сиддик-ханом Чархи был выработан общий план советско-афганской акции по захвату г. Мазари-Шарифа и стратегически важных пунктов на подступах к Кабулу.

К 22 апреля советские войска под командованием бывшего советского военного атташе в Кабуле В. Примакова и афганского посла в Москве Гуляма Наби-хана Чархи при активной поддержке авиации захватили афганский г. Мазари-Шариф. Этот важный политический и экономический центр Северного Афганистана вновь оказался под контролем аманулистов, которые планировали превратить его в плацдарм для дальнейшего наступления на Кабул{17}.

Тем временем события под Газни стали стремительно развиваться не в пользу Аманулы-хана. В его тылу началось восстание местных пуштунских племен, ранее ему лояльных. По сведениям советской военной разведки, вооруженные выступления гильзаев начались из-за грабежа местного населения войсками экс-эмира. В одной из справок штаба САВО указывалось: «Грабежами занимались как солдаты и офицеры регулярной армии (Аманулы. – Ю. Т.), так и солдаты, и вожди добровольческих отрядов. В племенных же отрядах, руководимых ханами, дело обстояло еще проще: на грабежах наживался, обогащался весь род, и в первую очередь его вождь»{18}. Довольно типичная ситуация для всех внутренних смут в истории Афганистана усугублялась многовековой враждой между пуштунскими племенами гильзаев и дуррани.

Вначале гильзаи действовали разрозненными отрядами общей численностью до 2 тыс. воинов. Они нарушили снабжение войск Аманулы, который значительную часть своих сил был вынужден бросить на охрану дорог и тыловых объектов. Увязнув в столкновениях с повстанцами, армия Аманулы потеряла способность к наступлению на Кабул. Более того, ее боевой дух (и без того невысокий) стал стремительно падать.

В апреле 1929 г. силы гильзаев, действовавших против Аманулы, еще более увеличились, так как из Британской Индии вернулось могущественное племя сулейман-хель. Оно крайне враждебно относилось к Аманулле-хану, так как тот, будучи у власти, запретил ему грабить жителей Хазараджата, а также в ходе реформ нарушил ряд норм шариата.

Агрессивность сулейман-хель против бывшего эмира была умело использована видным представителем мусульманского духовенства Фазлом Умаром (Шер Агой), который вернулся с этим племенем из Индии, куда его ранее выдворил из Афганистана Аманулла-хан. Клан Моджадиди, к которому принадлежал этот богослов, пользовался огромной властью в Афганистане. Все его члены являлись яростным противником прозападных реформ. По этой причине в 1928 г. Аманулла-хан был вынужден арестовать многих родственников Шер Аги, включая его брата Фазла Рахима (Хазрата Шур Базара) – главного духовного лидера жителей Кабула{19}. В итоге Шер Ага и его брат сделали все от них зависящее, чтобы отомстить «эмиру-гяуру». Еще в январе 1929 г. при посредничестве Хазрата Шур Базара Инаятулла-хан был вынужден отдать власть Бачаи Сакао. Теперь Фазлу Умару необходимо было окончательно погубить Аманулу-хана.

С этой целью Шер Ага стал готовить мощный удар гильзайских племен по армии своего

злейшего врага. По его призыву в селении Банди-Даулат собралась джирга гильзайских племен и их союзников. На этом совещании Аманулле был вынесен окончательный приговор: со ссылками на исламские традиции он был признан самозванцем. Муллы во главе с Шер Агой вынесли решение: «Бачаи Сакао захватил столицу и трон Исламского королевства Афганистан; в настоящий момент он является правителем (страны. – Ю. Т.), и вооруженная борьба против него будет незаконной в глазах Аллаха»{20}. После такого вердикта Аманулла лишался последних союзников среди части гильзаев и был обречен на поражение под г. Газни, так как оказался между двух огней: частями Бачаи Сакао и объединившимися гильзайскими отрядами в тылу.

21 апреля 1929 г. в Кабул прибыли старейшины сулейман-хель, которые дали клятву верности «эмиру» Хабибулле-хану{21}. Приобретение столь могущественного союзника было крупным военно-политическим успехом Бачаи Сакао. Зная из письма Шер Аги о предстоящем мощном восстании гильзаев против Амануллы-хана, Бачаи Сакао решил начать наступление на Газни сразу же после удара сулейман-хель по войскам экс-эмира. Вскоре это племя получило из Кабула помощь оружием и перешло к активным боевым действиям.

Отряды сулейман-хель стали концентрироваться для решающего удара в районе селения Нани (24 км южнее Газни). Одновременно они планомерно разрушали коммуникации в тылу войск Амануллы-хана, чтобы лишить его помощи из Кандагара. Так, пуштуны сулейман-хель взорвали мост близ Газни и во многих местах перекопали дорогу Кандагар – Газни{22}. А 23 апреля 1929 г. более 3 тыс. их воинов атаковали позиции аманулистов под Газни. Одновременно против армии Амануллы начал наступление командующий войсками Бачаи Сакао Пур Диль-хан. В ходе 4 дней ожесточенных боев значительная часть армии Амануллы была разбита и сдалась в плен. От полного поражения ее спасло мужество хазарейцев, которые не позволили гильзаям замкнуть кольцо окружения{23}.

Потерпев сокрушительное поражение, Аманулла-хан не собирался сразу же капитулировать. Он пошел ва-банк: с меньшей частью своих войск (1,5 тыс. человек) он отступил в направлении на Кандагар, а наиболее боеспособную и многочисленную группировку отправил по горной дороге в район Вардака для внезапного удара по Кабулу{24}. Можно предположить, что Аманулла надеялся продержаться в Кандагаре до взятия Кабула его сторонниками из Мазари-Шарифа и Хазараджата. У него также оставалась надежда на помощь СССР...

Однако и на этот раз замыслам Амануллы-хана не суждено было сбыться. Так, отряд, отправленный в район Вардака, пополнив свои силы отрядами местных пуштунов и хазарейцев, 2 мая 1929 г. начал наступление на афганскую столицу, но вскоре из-за сопротивления войск Бачаи Сакао приостановил продвижение (но не был разбит!). Хазарейцы продолжали военные действия против Бачаи Сакао даже после бегства Амануллы из Афганистана{25}.

30 апреля 1929 г., отступая под напором многочисленных отрядов сулейман-хель, деморализованные части аманулистов достигли г. Мукура. Аманулла-хан сразу же потребовал из Кандагара подкреплений и денег, но ничего не получил.

15 мая в Келате Аманулла-хан попытался в последний раз восстановить боеспособность своих войск, чтобы остановить наступление сил Бачаи Сакао на Кандагар, но так ничего и не смог сделать. С этого момента, по информации советского агента, он стал готовиться к бегству из страны{26}. Ночью 23 мая Аманулла вместе с семьей пересек границу Индии и прибыл в г. Кветту. 4 июня 1929 г. войска Бачаи Сакао без боя заняли г. Кандагар. Таким образом, попытка Амануллы-хана вернуть афганский престол, опираясь на верные ему пуштунские племена и хазарейцев, потерпела крах.

Бачаи Сакао и Англия могли торжествовать, а советской стороне надо было смириться с реальным положением вещей в Афганистане. Бегство Амануллы делало бессмысленным дальнейшее нахождение в Мазари-Шарифе советских войск и формирований Наби-хана Чархи. И к концу мая 1929 г. эти части были выведены назад, в СССР. Сделано это было крайне неохотно. Сожаление относительно данного шага проскользнуло даже в одной из

разведсводок штаба САВО от 6 июня 1929 г. В ней говорилось: «Окруженный восставшими племенами, Аманулла, потеряв веру в успех своего дела, бежал в Индию, несмотря на то что политическая, а местами и военная обстановка в Северном Афганистане складывалась для него достаточно благоприятно»{27}.

Нарком иностранных дел СССР Г. Чичерин был более прямолинеен, когда в июне 1929 г. сообщил И. Сталину, что из-за «национальной ограниченности» некоторых членов советского правительства СССР упустил исторический шанс закрепиться на стыке «между СССР и Британской империей». В связи с окончательным крахом надежды Амануллы вернуться к власти Чичерин с горечью писал: «Проморгали, проморгали. А какой козырь давала в руки история»{28}. Одним словом, свержение Амануллы Советское правительство восприняло как свое поражение и в дальнейшем с готовностью поддерживало тайные отношения с бывшим афганским эмиром.

Глава 21

Приграничные племена захватывают Кабул: Надир-хан становится королем

Разгром сил Амануллы-хана под г. Газни и последовавшее бегство экс-эмира в Индию значительно укрепили позиции Бачаи Сакао. В связи с этим в одной из сводок советской военной разведки указывалось: «Власть Баче-и-Сакао (так в документе. – Ю. Т.) укрепилась в ряде городов Афганистана и является наиболее значительной и, пожалуй, основной силой на ближайший период времени»{1}. Правда, в том же документе отмечалось, что борьба за власть в Афганистане еще далеко не закончена, так как «эмиру» Хабибулле предстоит подчинить приграничные племена. Учитывая ситуацию в зоне пуштунских племен, данная поправка была более чем уместна, так как последние, несмотря на все сложности и вековую рознь, начали объединяться вокруг героя третьей англо-афганской войны и бывшего военного министра М. Надир-хана.

К моменту свержения Амануллы-хана он проживал во Франции, так как после хостинских событий не пожелал служить эмиру-реформатору. Известный генерал, будучи консервативным племенным лидером, не одобрял действий своего монарха из-за излишней поспешности при проведении прозападных преобразований в своей стране.

Гражданская война в Афганистане и захват кабульского престола таджиком вынудили М. Надир-хана срочно выехать из Европы на родину, чтобы самостоятельно вступить в борьбу за власть. До прибытия в Афганистан ему приходилось действовать крайне осторожно, так как популярность Амануллы-хана за рубежом, особенно в Индии, была очень велика, поэтому Надиру нельзя было преждевременно раскрывать свои планы.

Одной из веских причин, заставивших афганского лидера прибегнуть к дипломатическим уловкам, была острая нехватка средств для начала борьбы против Бачаи Сакао. В Европе и Индии деньги Надир мог получить лишь от аманулистов, которые видели в нем спасителя Афганистана и своего эмира. Обращение к сторонникам Амануллы-хана за финансовой помощью позволило Надиру собрать часть необходимой суммы.

Даже коварный Сиддик-хан Чархи передал в его распоряжение значительные средства. Бывший министр иностранных дел Афганистана, вспоминая о тех событиях, говорил: «Не зная истинных намерений Надир-хана и полагая, что он действует в интересах Амануллы-хана, я дал [...] распоряжение передать из моих средств Надир-хану 4 тыс. фунтов стерлингов золотом. Впоследствии мне стало известно, что из этой суммы (в Пешаваре. – Ю. Т.) было передано Надир-хану 2 тыс. фунтов стерлингов, за которые он и благодарил меня в письме. Помимо меня Надир-хану оказывали помощь и многие другие лица. Однако Надир-хан не оправдал наших надежд и после свержения Бачаи Сакао в октябре 1929 г. сам провозгласил себя афганским падишахом вместо Амануллы-хана, а впоследствии расправился со всеми его сторонниками»{2}. Однако в феврале 1929 г. предсказать будущие события в Афганистане было невозможно.

В день своего отплытия из Франции в Индию М. Надир-хан сделал заявление для прессы: «Я не считаю себя вправе вмешиваться в этот вопрос (о престоле. – Ю. Т.) более, чем любой афганец. У меня нет также ни малейшего желания занимать престол, и я не намерен

предпринимать в этом направлении никаких мер. Что же касается вопроса о правлении его величества Аманулла-хана, то его решение зависит от воли народа Афганистана»{3}. Последняя фраза уже тогда свидетельствовала, что Надир-хан начал собственную рискованную борьбу за власть в Афганистане. Видимо, не случайно свое интервью новый претендент дал на борту парохода, который в тот же день должен был отплыть из Марселя...

23 мая 1929 г. М. Надир-хан с братьями прибыл в неофициальную столицу зоны пуштунских племен г. Пешавар, где он, оценив обстановку, заявил о своей открытой поддержке Аманулла-хана. Так, делегации вождей приграничных племен, посетившей его, афганский генерал заявил, что «приложит все силы, чтобы свергнуть Бачаи Сакао и вернуть трон Аманулле-хану»{4}. В своей верности свергнутому эмиру М. Надир-хан заверил и ведущего политического лидера пуштунских националистов Абдул Гаффар-хана, во время беседы с которым он сказал: «Все, что я делаю, ради Аманулла-хана»{5}. Даже прибыв в начале марта 1929 г. в Хост, Надир, по донесениям британских агентов, публично высказывался в пользу экс-эмира, а тайно вел среди вождей пуштунских племен пропаганду против Аманулла.

Таким образом, М. Надир-хан первое время своего пребывания в Индии и Афганистане всеми силами стремился не оттолкнуть от себя пуштунов СЗПП и многочисленных сторонников экс-эмира в самом Афганистане. Расчет был простой: Надир предвидел, что Аманулла-хан потерпит крах в борьбе за власть, поэтому хотел, чтобы большая часть аманулистов после бегства (или гибели) своего лидера стали его союзниками в борьбе против Бачаи Сакао. Без выражения своей солидарности с Аманулой невозможно было также получить помощь от горцев «независимой» полосы СЗПП.

Однако оказать ее без «нейтралитета» британских властей «английские» приграничные племена не могли. Надир-хан это прекрасно понимал. Более того, он видел как англичане не дали патанам прийти на помощь Аманулле. В связи с этим генерал должен был договориться с Великобританией о снятии запрета на участие патанов в событиях в Афганистане.

Надиру удалось достигнуть желанной цели ценой обещания англичанам, что, в случае своей победы и восшествия на кабульский престол, он будет тесно сотрудничать с Англией. В будущем это означало, как минимум, отказ афганского правительства от поддержки антибританского повстанческого движения в зоне пуштунских племен{6}. Такое «джентльменское» соглашение надо было хранить в глубокой тайне от пуштунов, так как они расценили бы его как предательство.

Тайная договоренность с Англией была для М. Надир-хана вынужденным и неизбежным шагом, если он хотел победить Бачаи Сакао. Этот факт признавали даже советские дипломаты. Так, советник полпредства СССР в Кабуле Э. Рикс, проанализировав политику Надир-хана в период гражданской войны в Афганистане, накануне свержения «эмира» Хабибуллы 5 сентября 1929 г. докладывал в НКИД: «Надир-хан за последнее время должен был сближаться с англичанами, ибо другого выхода у него не могло быть. Без прямой или косвенной помощи Англии Надиру трудно рассчитывать на успешное доведение своего дела до конца. Если прямой помощи со стороны англичан не имеется, то косвенная, в виде пропуска пожертвований из Индии и пропуска племенных войск из „независимой“ полосы, во всяком случае, налицо. Поэтому первое время до полной ликвидации последствий гражданской войны и укрепления своего положения внутри Афганистана Надир будет вести англофильскую политику и идти на поводу у Англии. Судьба афганских (пуштунских. – Ю.Т.) племен в это время будет играть для Надира второстепенную роль»{7}.

Причины, из-за которых Надиру нужен был дружественный «нейтралитет» Великобритании, были очевидны. Мотивы английского правительства, поддержавшего его, были более многоплановыми. В начале 1929 г. в Лондоне с возрастающей тревогой следили за подготовкой Аманулы-хана к походу на Кабул и активностью аманулистов в Москве, которая в конце концов закончилась захватом советскими войсками Мазари-Шарифа... Англичане также осознавали, что пуштуны не смирятся с эмиром-таджиком и рано или поздно захватят Кабул и свергнут Бачаи Сакао. Удержать патанов Индии от активного

участия в этой назревавшей схватке было невозможно, что прекрасно понимали британские дипломаты, чиновники и военные.

Кроме того, Англия не могла не опасаться, что приграничные пуштунские племена, захватив богатые военные трофеи в Афганистане, попытаются выйти из-под контроля как Англии, так и центрального кабульского правительства. Призывы создать «свободный независимый Ягистан» по обе стороны «линии Дюранда» периодически появлялись в период крупных восстаний приграничных племен. Звучали они и во время гражданской войны 1928—1929 гг. в Афганистане{8}. Одним словом, Великобритании необходимо было ликвидировать хаос в Афганистане, приведя к власти консервативного общепризнанного пуштунского лидера. Лучшей кандидатуры на эту роль, чем М. Надир-хан, было не найти.

Обеспечив себе благосклонность англичан, 6 марта 1929 г. он с братьями прибыл в провинцию Хост{9}. К этому моменту крепость, осажденная местными племенами, была накануне сдачи. Приезд героя третьей англо-афганской войны был с радостью встречен населением Хоста, и боевые действия прекратились{10}. Крепость Хост (позднее переименованная в Матун) на некоторое время стала штаб-квартирой Надира.

В плане захвата Кабула, разработанном им, главная роль отводилась «британским» племенам Вазиристана, которые должны были не только разбить главные силы Бачаи Сакао, но своей мощью нейтрализовать раскол в пуштунских племенах Южного Афганистана. По данным советской военной разведки, численность лашкаров вазиров и масудов в 1929 г. достигала 90 тыс. (до 60 тыс. – вазиры; около 30 тыс. – масуды) хорошо вооруженных воинов{11}. Однако у этого замысла был один серьезный недостаток: до окончания сельскохозяйственных работ (до осени) нельзя было рассчитывать на большой приток патанов из Вазиристана в Афганистан.

До подхода отрядов племен «независимой» полосы М. Надир-хан надеялся создать коалицию пуштунских племен Южного Афганистана. Ее ядро должны были составить племена, сражавшие вместе с генералом в третьей англо-афганской войне. Так, Надир для формирования своей армии отправился в племя джадран, большая часть воинов которого сохранила преданность своему бывшему командиру{12}. Кроме этого, джадраны имели традиционно тесные связи с вазирами и масудами Британской Индии.

Своего брата Махмуд-хана, обладавшего даром полководца и дипломата, Надир отправил в племя джаджи, которое единственное из всех афганских приграничных племен целиком перешло на его сторону. Благодаря верности джаджи под контролем претендента на кабульский престол оказались лучшие вьючные дороги из Индии в Афганистан{13}. Этим Надир еще более укрепил свои позиции в районе Хоста.

Эту же задачу преследовал приезд к одному из самых влиятельных и многочисленных пуштунских племен Южной провинции мангалам еще одного родного брата Надира Шах Вали-хана, который успешно выполнил свою миссию{14}.

Таким образом, Надир-хан, хорошо знавший обстановку в зоне пуштунских племен, с первых шагов на афганской земле привлек на свою сторону самые могущественные племена Южной провинции Афганистана и Вазиристана, а также обеспечил надежную связь с Индией.

Посильный вклад в будущую победу старшего брата внес и М. Хашим-хан, который выехал из Хоста в Восточную провинцию, где у него были влиятельные связи среди местной племенной знати. Скорее всего, М. Надир-хан прекрасно понимал, что ситуация в этой провинции крайне сложна, так как многие пуштунские племена и роды были подкуплены Бачаи Сакао. Кроме этого, болезненный М. Хашим-хан был хорошим администратором и дипломатом, но отнюдь не полководцем. В связи с этим логично предположить, что в его задачу входила лишь нейтрализация сторонников Бачаи Сакао в районе Джелалабада и необходимо было по возможности отвлечь на себя хотя бы малую часть сил «эмира» Хабибуллы-хана. В итоге так оно и получилось: с огромным трудом Хашиму удалось сформировать военные отряды в Восточной провинции, но, потерпев дважды поражение, он вынужден был в сентябре 1929 г. отступить в Индию, где был интернирован английскими

властями, вернулся он на родину лишь после победы своего брата{15}.

В марте 1929 г. М. Надир-хан бросил открытый вызов Бачаи Сакао, направив ему ультиматум, в котором говорилось, что пуштуны не оставят ему власть, а возведут на афганский престол «человека, пользующегося среди них влиянием»{16}. В случае согласия на эти условия М. Надир-хан обещал Бачаи Сакао сделать его заместителем этого «человека». В ответ генерал получил от «эмира» Хабибуллы короткий и предельно четкий ответ: «До тех пор, пока я жив, трон, завоеванный мною мечом и находящийся в моих сильных руках, я не оставлю»{17}. Пламя гражданской войны в Афганистане разгоралось с новой силой.

Следует особо отметить, М. Надир-хан в своем послании не назвал конкретного имени. Это объяснялось тем, что борьбу за власть еще продолжал Аманулла-хан, у которого для этого было достаточно войск. До его окончательного поражения Надир-хан предпочитал быть над схваткой, наблюдая, как его конкуренты ослабляют друг друга.

Кроме этого, он прекрасно понимал опасность для себя «гильзайского капкана»: путь на Кабул ему преграждали земли ахмедзаев из этого племенного союза, а с тыла в любой момент могли ударить лашкары сулейман-хель и союзных им племен, возвратившихся из Индии.

В этой ситуации Надир-хан избрал единственно верный план боевых действий против Бачаи Сакао: он решил вести войну на измор, любыми обещаниями привлекая на свою сторону новых союзников среди приграничных пуштунских племен Южного Афганистана. Для их сплочения он использовал, как указывалось в документах советской разведки, лозунг «Афганистан должен быть афганским (пуштунским. – Ю. Т.)»{18}.

27 марта 1929 г. началось первое (всего их будет пять!) наступление М. Надир-хана на Кабул. Момент для начала боевых действий против Бачаи Сакао был выбран удачно: главные его силы были брошены против Амануллы-хана. В конце апреля 1929 г. без боя Надир взял г. Гардез и смог увеличить численность своих отрядов до 4—5 тыс. воинов. Вскоре один из его братьев занял стратегически важный проход на перевале Альтимур, а отряд, лично возглавляемый Надиром, достиг земель ахмедзаев в долине Чарх (Джерх).

Успешно начавшееся наступление с треском провалилось, так как ахмедзаи разбили передовой отряд Надира, который немедленно отдал приказ об отступлении к Гардезу. Угроза удара сулейман-хель с тыла заставила Надир-хана временно отказаться от наступления в северном направлении{19}.

Дальнейшие события показали, что М. Надир-хан приложил все усилия, чтобы духовный лидер гильзаев Шер Ага перешел на его сторону. Факт переговоров в апреле 1929 г. между Надир-ханом и гильзайскими вождями подтверждает в своих мемуарах Шах Вали-хан{20}. Несмотря на все трудности, Надир смог к середине мая этого же года достичь соглашения с Шер Агой. Этим претендент на афганский трон обезопасил тыл своих войск для дальнейшей борьбы за Кабул. Уже 15 мая его отряды вновь вошли в Логарскую долину, население которой восстало против «эмира» Хабибуллы{21}.

18 мая 1929 г., когда лашкары сулейман-хель продолжали преследовать Амануллу, Шер Ага провозгласил М. Надир-хана новым эмиром Афганистана и призвал пуштунские племена поддержать его. По сведения советской военной разведки, этот призыв был настороженно воспринят жителями Южного Афганистана, что не позволило Надиру в том же месяце начать наступление на Кабул. После нескольких мелких боев на перевале Альтимур он вновь был вынужден отступить{22}.

Еще более значительное поражение потерпел Надир при подготовке своего второго наступления на Кабул, которое было назначено на 27 июня. Однако Бачаи Сакао, воспользовавшись удобным моментом, опередил врага и в конце мая 1929 г. выбил Шах Вали-хана из Гардеза. Судьбу сражения за этот город, как и в случае с Аманулой при осаде Газни, решило одновременное наступление войск Бачаи Сакао и лашкаров сулейман-хель и их союзников. Поддержка Шер Аги не смогла удержать это воинственное гильзайское племя от атаки на Надира, вынужденного вновь отступить{23}.

До конца лета 1929 г. между силами Бачаи Сакао и Надир-ханом периодически вспыхивали бои, в которых лучше вооруженные кабульские войска одерживали верх, не давая противнику вновь прорваться в Логарскую долину. Таким образом, сложилась тупиковая ситуация: Надир не мог выйти на оперативный простор для наступления на Кабул, а его соперник – прорваться в Южную провинцию, где сконцентрировались главные силы приграничных племен, верных Надиру.

В августе оба противника решили покончить с этой ситуацией. В начале этого месяца кабульское правительство предприняло попытку одновременного наступления из Газни (до 3 тыс. войск) и из Логарской долины (4 тыс. солдат и офицеров), чтобы перерезать М. Надир-хану пути из Индии, а затем разбить племенное ополчение Южной провинции. Главный удар должен был нанесен прежде всего против мангалов и джаджи, наиболее преданных М. Надир-хану{24}.

В конце августа 1929 г. войска из Газни прибыли в г. Гардез, чтобы начать наступление против мангалов. Командующий газнийско-гардезской (до 5 тыс. человек) группировкой Сеид Мухаммад попытался еще до главного наступления захватить в плен М. Надир-хана, чем сорвал всю операцию. Вожди мангалов устроили ему ловушку, пообещав помочь пленить Надира. В результате 24—25 августа 3 полка кабульских войск (около 2,5 тыс. человек) были уничтожены мангалами в районе Мирзакая.

М. Надир-хан попытался воспользоваться этим успехом, чтобы перейти в контрнаступление и захватить г. Гардез, а также попытаться прорваться в Логарскую долину. Однако близ этого города Сеид Мухаммад смог не только отразить наступление лашкаров приграничных племен, но и нанес им поражение. А военный министр кабульского правительства Пур Диль-хан, командовавший логарской группой войск, отбил атаку пуштунов в районе перевала Альтимур{25}. Таким образом, в конце августа 1929 г. провалилось сразу два наступления: вначале потерпели поражение войска Бачаи Сакао, а затем так же участь постигла так называемое третье наступление на Кабул пуштунского племенного ополчения под командованием М. Надир-хана.

В сентябре 1929 г. Бачаи Сакао и его приближение, не рискуя наступать на Южную провинцию, решили занять своими войсками Восточную провинцию, где Хашим-хану с великим трудом удалось из местных племен создать многочисленное ополчение (до 24 тыс. воинов){26}. Кроме того, без жесткого контроля над этой провинцией нельзя было обеспечить торговлю Афганистана с Индией.

О важности этой операции для кабульского правительства говорит тот факт, что Бачаи Сакао перебросил под Джелалабад 5—6 тыс. войск, командовать которыми назначил родного брата Хамидуллу. Отвлечение таких крупных сил от обороны Кабула было ошибкой «эмира» Хабибуллы, но он решил рискнуть.

Восточная провинция была занята войсками под командованием Хамидуллы фактически без боя. Хугиани, возглавляемые Кайс-ханом, разбили формирования Хашим– хана еще до подхода кабульских войск. После занятия Джелалабада Хамидулла отправил часть своих сил против племени джаджи{27}. Можно предположить, что Бачаи Сакао пытался превратить Восточную провинцию в плацдарм для удара по силам М. Надир-хана с фланга и тыла. Однако время для такой операции было упущено. В сентябре многие гильзайские племена Южного Афганистана откочевали в Индию, а в «независимой» полосе СЗПП завершалась уборка урожая... Противники М. Надир-хана на время выбывали из игры, а его племенную армию должны были пополнить лашкары патанов, прежде всего вазиров и масудов.

За период борьбы с М. Надир-ханом Бачаи Сакао был вынужден израсходовать все запасы вооружения в Кабуле, казна была пуста, а его армия понесла большие потери, ее численность и боеспособность резко упали. Режим «эмира» Хабибуллы из-за грабежей, поборов и жестокости стал ненавистен не только большей части пуштунов, но и народам Северного Афганистана. Одним словом, перед решающей битвой за Кабул кабульское правительство не располагало достаточными ресурсами и популярностью у народа (у тех же жителей афганской столицы), чтобы противостоять все возраставшему натиску пуштунских

формирований под командованием М. Надир-хана.

Гибель Бачаи Сакао ускорила эффективная деятельность над В середине сентября 1929 г. долгожданный момент наступил: в Афганистан стали прибывать патаны из «независимой» полосы Британской Индии. В ставку Надира прибыло 3,5 тыс. вазиров и масудов, а в Кандагарскую провинцию к своим соплеменникам перешли «британские» ачакзаи. Вероятнее всего, эти приграничные племена скоординировали свои действия задолго до перехода «линии Дюранда». В связи с этим логично предположить, что М. Надир-хан и его сторонники среди этих племен действовали по единому плану.

Приход соплеменников из Индии послужил для племен Кандагарской провинции сигналом к общему восстанию против Бачаи Сакао. Объединенные силы ачакзаев и нурзаев захватили крепость Кала-и-Джедид, гарнизон которой перешел на их сторону. Кабульские войска попытались разбить восставших на подступах к Кандагару, но вынуждены были спешно отступить, так как части, набранные из местных пуштунов, их предали. Вскоре восстание стало всеобщим. К нему примкнули даже гильзайские племена.

Административный центр провинции г. Кандагар, в котором также началось восстание жителей против «северян», был взят ополчением местных пуштунских племен (более 12 тыс. воинов). Попытка Бачаи Сакао оказать помощь обреченному гарнизону из Газни и Мукура потерпела крах. Тогда он отправил еще 3 тыс. войск для деблокады кандагарского гарнизона, чем еще больше ослабил оборону Кабула{29}. Долгожданный момент для наступления сил Надира на Кабул настал.

25 сентября 1929 г. около 14 тыс. воинов приграничных пуштунских племен, действуя по заранее разработанному плану, вступили в решающее сражение против войск «эмира» Хабибуллы. Разумеется, главной целью являлось взятие хорошо укрепленного Кабула, но операция, проведенная Шах Вали-ханом в Логарской долине, не ограничивалась лишь этим.

В документах советской военной разведки указывалось, что М. Надир-хан проскользнул в эту долину. Этим подчеркивалось, что у него в тылу осталась сильная группировка войск Бачаи Сакао в г. Гардезе (3,8 тыс. человек с артиллерией), в Кандагарской провинции – 5 тыс., в Восточной провинции – еще 5 тыс. Таким образом, наступление на Кабул было рискованным предприятием.

Первоначально через Логарскую долину на афганскую столицу наступало лишь 3-тысячное ополчение вазиров и масудов, а все остальные 11 тыс. пуштунских воинов обеспечивали безопасный тыл авангарду{30}.

2 октября 1929 г. отряды вазиров, которыми командовал Алла Наваз-хан, и масудов достигли Логара и начали успешное продвижение к Кабулу. Им предстояло вступить в бой с группировкой войск Бачаи Сакао, занимавшей заранее укрепленные позиции и обладавшей мощной артиллерией (чего нельзя было сказать о силах Надир-хана). При таких обстоятельствах шансы на победу у пуштунов были близки к нулю.

Однако к 5 октября логарская группировка «эмира» Хабибуллы была разгромлена и отряды пуштунских племен вышли к оборонительным сооружениям на подступах к Кабулу. Столь значительная победа была достигнута Шах Вали-ханом благодаря переходу на сторону Надира командующего большей части кабульских войск в Логаре генерала Омар-хана. Верные ему части также последовали его примеру (около 4 тыс. человек). Лишь солдаты и офицеры кухедаманцы (таджики) под командованием Пур Диль-хана (2 тыс. человек) попытались оказать сопротивление наступающим{31}. Потеряв половину своего состава, этот отряд не только не смог пробиться в Кабул, но под угрозой полного уничтожения вынужден был отступить в Кухедаман. Таким образом, Бачаи Сакао лишился главных сил, предназначенных для обороны афганской столицы, в течение 2—3 дней. В его распоряжении осталось 1,5 тыс. войск в укреплениях вокруг Кабула и 700 человек личной гвардии, охранявших Арк. Несмотря на грядущую катастрофу, Бачаи Сакао решил сражаться до последней возможности.

Развивая успех, утром 6 октября отряды вазиров и джаджи под командованием Шах Вали-хана начали штурм стратегически важной горы Шир-Дарваза. Она была ключевым пунктом

обороны Кабула. Надир-ханом за ее взятие пуштунам была обещана самая высокая награда – 1 млн афгани. Даже взятие Арка будущий король Афганистана оценил в гораздо меньшую сумму – 700 тыс. афгани{32}. В течение дня вазиры и джаджи несколько раз штурмовали эту гору, но были отбиты.

На следующий день к Шах Вали-хану подошли подкрепления, и численность его отрядов выросла до 8 тыс. человек. С этими силами ему удалось переломить ситуацию в свою пользу: бои уже шли за высоты близ Арка. В ночь на 8 октября пуштунские лашкары овладели горой Шир– Дарваза: оборона Кабула была прорвана, и приграничные племена вошли в город. Дальнейшее сопротивление стало бессмысленным, и утром 8 октября 1929 г. Бачаи Сакао отдал приказ своим войскам покинуть афганскую столицу. А сам со своими гвардейцами (400 человек) остался оборонять Арк{33}. 12 октября ему ночью удалось с боем вырваться из осажденной крепости, которая капитулировала на следующий день{34}.

Следует отметить, что вопреки всем грозным приказам Надир-хана афганская столица подверглась жесточайшему разграблению пуштунскими племенами. Только советское полпредство и иранское посольство они тронуть не решились{35}. Все остальные дипломатические миссии, государственные учреждения, а также жители города были обчищены до нитки. Сработал вековой обычай горцев: захваченный населенный пункт – награда для победителей.

15 октября 1929 г. в Кабул прибыл М. Надир-хан, которого вожди приграничных пуштунских племен в тот же день избрали афганским королем (падишахом) Надир-шахом.

Однако после этого события гражданская война в Афганистане еще не окончилась. В районе Чарикара Бачаи Сакао начал собирать остатки своей армии, чтобы продолжить сопротивление Надиру. За несколько дней ему удалось собрать 5 тыс. человек. С такими силами Бачаи Сакао все еще оставался опасным врагом для нового падишаха.

Чтобы уничтожить его, Надир-шах потребовал от жителей Кухистана и Кухедамана выдать Бачаи Сакао. В противном случае новый афганский правитель «угрожал полным разграблением и уничтожением» населению этих районов{36}. В итоге Бачаи Сакао был выдан Надиру и вместе со своими сторонниками повешен 1 ноября 1929 г. в Кабуле. В ожесточенной гражданской войне 1928—1929 гг. в Афганистане была поставлена кровавая точка.

В событиях этих годов пуштуны ярко продемонстрировали свои сильные и слабые стороны. Однако в очередной раз они доказали, что приграничные племена «по линии Дюранда» являлись определяющим фактором во внутренней политике Афганистана. Их победа в гражданской войне, на наш взгляд, во многом была предопределена, так как военная мощь пуштунских племен в то время превосходила возможности афганских правительственных войск. Особенно ярко это проявлялось, когда «афганские» и «британские» племена объединяли свои силы. Участие вазиров и масудов во взятии Кабула было ярким тому примером. Военный талант и большой политический опыт М. Надир-хана и его соратников лишь ускорил неизбежное поражение Бачаи Сакао.

Глава 22

Новая кровь в «независимой» полосе Британской Индии

Взятие Кабула окрылило пуштунов Британской Индии. Видный пуштунский политический деятель Абдул Гаффар– хан писал по этому поводу: «Это пример для вас, пуштуны границы, как прекратить ваши мелкие ссоры, объединиться и сломать оковы рабства. Мы должны объединиться в войне за свободу Индии и освободить себя от позора: иностранная нация сидит на нашей шее»{1}. Кроме агитации пуштунских националистов, был еще один фактор, подталкивающий патанов к началу нового восстания против Англии, – во время гражданской войны в Афганистане они захватили много вооружения. Количество винтовок в полосе «независимых» пуштунских племен резко возросло и достигло 220 тысяч. Поэтому неудивительно, что сразу же после возвращения из Афганистана вазиры атаковали британские укрепления в Курраме. Нападение было отбито, но обстановка в Вазиристане накалилась до предела{2}.

Колониальные власти Индии еще больше обострили ситуацию в северо-западных районах Британской Индии, начав в 1929 г. реформу местного законодательства. Печальный опыт реформ Аманулллы был полностью проигнорирован, а зря... Так, в этом же году Законодательная Ассамблея Индии приняла закон, разрешающий вступать в брак юношам не моложе 18 лет, а девушкам – не моложе 14. Этим законом было нанесено страшное оскорбление индийским мусульманам, которые увидели в нем посягательство на нормы шариата{3}. Пуштуны, как мы уже знаем, в такой ситуации всегда брались за оружие.

Важной причиной роста напряженности в СЗПП стал также мировой экономический кризис, который вызвал увеличение налогов на 22%. Англичане до предела увеличили налоговый пресс в их колониях, чтобы Великобритания смогла с минимальными потерями выйти из тяжелого испытания. Жалеть «туземцев» в Лондоне не собирались. Платить эти поборы население административных округов СЗПП не могло, так как в Индии свирепствовала жесточайшая засуха, приведшая к неурожаю{4}. Чтобы обеспечить сбор налогов, британские власти использовали войска. Имущество тысяч семей было распродано с молотка. Массовое разорение заставило мусульман и индусов единым фронтом начать борьбу против Англии.

Возглавил борьбу населения СЗПП против властей Британской Индии Абдул Гаффар-хан, который в сентябре 1929 г. создал массовую политическую партию «Пуштунская конференция». Новая партия провозгласила своей главной целью завоевание независимости от Великобритании. Организационной основой ее стали халифатские комитеты, действовавшие в СЗПП еще с 1919 г. Сила этих комитетов заключалась в том, что они базировались на традиционных структурах пуштунских племен. Их ханы, возглавив халифатское движение, вовлекали в политическую борьбу всех соплеменников. Сам Абдул Гаффар-хан был одним из представителей ханской элиты.

Могущество «Пуштунской конференции» резко выросло, когда в ноябре 1929 г. при ней были созданы добровольческие отряды худаи хитматгар – слуг божьих (более известных как краснорубашечники), численность которых вскоре достигла 200 тыс. человек{5}. Партия Абдул Гаффар-хана сразу же заявила о своей поддержке Индийского национального конгресса (ИНК), поэтому кампания гражданского неповиновения, объявленная Махатмой Ганди в марте 1930 г., началась и в СЗПП.

Английская администрация этой провинции не ожидала, что кампания гражданского неповиновения будет такой мощной. Понимая, что в случае повторения кровавых амритсарских событий{6} новое восстание пуштунских племен станет неизбежным, англичане долгое время не рисковали проводить аресты среди руководства «Пуштунской конференции».

Лидеры этой организации сами оказались в сложной ситуации: им как соратникам М. Ганди следовало придерживаться тактики «ненасильственного сопротивления» и удерживать население СЗПП от традиционного в зоне пуштунских племен «вооруженного сопротивления» британским войскам и полиции{7}. Кодекс чести пуштунов не допускал даже намека на то, что обидчик вооруженного воина, его семьи и племени должен (!) остаться безнаказанным. В связи с этим призыв М. Ганди к народам Британской Индии начать кампанию гражданского неповиновения в СЗПП неизбежно должен был вызвать вооруженные восстания патанов.

25 апреля 1930 г. британские власти, чувствуя, что ситуация в провинции выходит из-под контроля, все же арестовали Абдул Гаффар-хана и его соратников{8}. Население Пешавара попыталось отбить арестованных. На помощь полиции прибыло 4 броневика, один из них задавил человека. В ответ пешаварцы сожгли этот броневик. Другая бронемашина открыла пулеметный огонь, в результате которого 30 человек было убито, 33 ранено{9}. В ответ на это в Пешаваре вспыхнуло вооруженное восстание. Большая часть города перешла под контроль восставших, которые удерживали его до 4 мая 1930 г.{10}.

События в Пешаваре вызвали ряд восстаний в «независимой» полосе пуштунских племен. Первым на помощь пешаварцам выступил Ходжа Сахиб Туранзай. Собрав крупный лашкар из горных момандов, он в конце апреля 1930 г. подошел к северной границе Пешаварского

округа, но дальше из-за бомбежек, продолжавшихся почти месяц, продвинуться не смог{11}. Такая же ситуация повторилась в Баджауре, где факир из Алингара собрал лашкар, который вскоре разбомбила британская авиация{12}. Таким образом, английские ВВС в очередной раз спасли г. Пешавар от атаки момандов, которые, по сведения Разведывательного управления РККА (Разведупра), имели на вооружении до 40 тыс. винтовок{13}.

Английскому агенту в Хайбаре угрозами удалось остановить афридиев, решивших выступить на помощь своим собратьям в Пешаваре{14}. Но предотвратить восстание афридиев Тираха британские власти не смогли. 2 мая 1930 г. все же афридии приняли решение выступить против англичан{15}. 7-тысячный лашкар во главе с сеидом Кабиром в начале июня приготовился атаковать Пешавар из района равнины Хаджури. Из-за большого количества пещер в этой местности английская авиация не могла помешать этой акции афридиев{16}.

Восстание в Пешаваре также послужило сигналом для вооруженного выступления племен Вазиристана. 11 мая 1930 г. вазиры атаковали британский военный пост Датта-хель. Только поддержка авиации помогла его гарнизону отбиться. После этой неудачи вазиры стали наносить удары по английским коммуникациям. Масуды тоже приняли решение начать восстание против Англии и собрали большой лашкар близ Канигурама. Но британское командование сразу же подвергло масудские селения в этом районе бомбовым ударам с воздуха. После этого англичане потребовали распустить лашкар и выдать 20 масудских вождей в заложники. 14 мая, когда этот ультиматум был отвергнут горцами, 48 бомбардировщиков нанесли удар по ним. В тот же день в район Канигурама пробились английские войска из Размака. В сложившейся безвыходной ситуации масуды выполнили все британские требования{17}.

В мае 1930 г. британскими войсками были оккупированы земли утманзаев, которые укрыли у себя лидеров краснорубашечников. Для их защиты утманзаи создали лашкар численностью 1,5 тыс. человек. Поэтому англичанам, чтобы арестовать руководство краснорубашечников, пришлось длительное время осаждать населенные пункты Такар и Чарсадда{18}.

Пока значительные силы британских войск были выведены из Пешавара для проведения карательных акций против утманзаев, афридии 4 июня 1930 г. совершили дерзкий рейд на столицу СЗПП. В ночь на 5 июня их лашкар, совершив ночной рывок, к утру подошел к предместьям Пешавара и перерезал все дороги из него.

Для отражения афридиев английским командованием была создана «Рисалпурская летучая колонна», сформированная из мобильных частей. 2 дня этот отряд производил прочесывание пешаварских предместий. Афридии, стремясь сохранить свои силы для решающего штурма Пешавара, не приняв боя, отступили в Тирах{19}.

Собрав силы численностью 6 тыс. человек и заключив соглашение о совместной атаке Пешавара с оракзаями, афридии 7 августа 1930 г. начали новое наступление на этот город. Англичане своевременно узнали о грозившей им опасности и сразу же двинули навстречу афридиям свои войска. Первый крупный бой между патанами и британскими войсками произошел вблизи военных складов, которые пуштуны попытались захватить. В ходе упорного сражения, продолжавшегося целый день, англичане с помощью броневиков и авиации нанесли удар наступающим горцам, что вызвало тяжелые потери и заставило их отступить.

Афридии и на этот раз не ушли в горы, а рассеялись по обширным садам вокруг Пешавара и в течение 12 дней продолжали совершать нападения на английские войска{20}. В ожидании помощи от оракзаев и момандов они при активном содействии местного населения несколько раз пытались атаковать британский кантомент. Их отряды численностью от 50 до 200 воинов наносили удары по противнику и быстро скрывались в лабиринте тесных пешаварских улочек.

Чтобы выбить пуштунов из города, 16 августа английские власти ввели в Пешаваре военное положение. Не получив помощи от других племен, афридии вынуждены были отступить в горы{21}. Поражение под Пешаваром не сломило их, и они продолжили партизанскую

войну против Великобритании.

С целью подавить восстание афридиев британское командование решило захватить долину Хаджури и построить там 3 форта и военную дорогу{22}. 2 октября 1930 г. англичане предъявили мятежным горцам ультиматум, в котором потребовали от афридиев согласиться с оккупацией части их земель. Патаны не приняли его и даже выдвинули свои контрпретензии к колониальным властям:

1. Вывести английские войска из Хайбара.
2. Освободить Гаффар-хана.
3. Выплатить 50 тыс. рупий за ущерб от бомбардировок{23}.

Англичане отвергли эти требования, и в октябре 1930 г. их войска начали наступление в долине Хаджури{24}. Афридии оказали героическое сопротивление британским войскам. В иные дни на позиции патанов и их населенные пункты английские самолеты сбрасывали по 600 т бомб{25}. Новая карательная акция Англии в «независимой» полосе все же заставила присоединиться к афридиям оракзаев, племенные отряды которых насчитывали около 30 тыс. хорошо вооруженных воинов{26}. Укрыв свои семьи и скот в Афганистане, они пришли на помощь соседям. Боевые действия в Хаджури продолжались более года и закончились лишь в конце декабря 1931-го{27}.

Но в этом же году англичанам пришлось начать новую военную кампанию против горных момандов, чтобы обезопасить Пешавар от их набегов. В течение трех лет 30-тысячное английское войско при поддержке танков, артиллерии и авиации проводило карательные операции против этого племени. На кампанию 1932—1935 гг. англичанам пришлось потратить, по самым скромным оценкам, 50 млн рупий{28}.

В ходе карательной операции против момандов английское командование явно перестаралось: варварские бомбардировки британских ВВС привели к тому, что к восстанию под руководством Факира из Алингара примкнули ранее нейтральные хели момандов. Первым делом Факир нанес поражение проправительственным родам момандов. В ответ в феврале 1935 г. английские войска начали карательную операцию против момандов. Факир из Алингара проявил себя как талантливый вождь партизанской войны. Он 2 месяца изматывал британские карательные части внезапными нападениями, избегая столкновений с главными силами противника. Только в апреле английской Ноушерской бригаде удалось рассеять лашкар Факира. Он сам укрылся далеко в горах и продолжал вести антибританскую пропаганду среди племен Баджаура. Его влияние на момандов было по-прежнему велико.

Чтобы раз и навсегда обезопасить Пешавар от угрозы нападения момандов, колониальные власти Британской Индии приняли решение оккупировать стратегически важный район Лоя Агры к западу от Малаканда. На этой территории было решено создать очередной военный форт и проложить к нему дорогу. Это решение, по словам английского военного историка Эллиота, «вызвало сильный протест Факира из Алингара, который заявил, что это первый шаг к аннексии всего Баджаура»{29}. Моманды откликнулись на призыв Факира вновь начать восстание против Англии. И когда главные силы британских войск ушли из Лоя Агры, 5 марта напали на английский форт и разрушили его. В ответ английское командование отдало приказ о бомбардировке этого района. Целый месяц английская авиация осуществляла налеты на Лоя Агру. В начале апреля 1935 г. британские войска начали наступление на момандов. Только к 11 апреля в ходе ожесточенных боев они захватили Лоя Агру{30}.

Стремясь установить прочный военный контроль над землями момандов, англичане не ограничились строительством дороги к Лоя Агре, но и построили еще шоссе в Гандабскую долину. В связи с этим не только моманды, но и другие пуштунские племена подняли восстание. Возглавил его Ходжа Сахиб Туранзай. По его приказу в середине августа 1935 г. моманды разрушили дорогу. Факир из Алингара тотчас прибыл со своим отрядом на помощь восставшим. Из Афганистана к Туранзаю также подошли подкрепления. Поэтому английское наступление на Мични, начавшееся 23 августа, едва не провалилось. В конце сентября в этот район была срочно переброшена еще одна британская бригада, которая

прикрыла коммуникации 2-х наступающих бригад от ударов в тыл небольших лашкаров момандов. Несмотря на героическое сопротивление момандов, Великобритания в конце сентября 1935 г. нанесла им поражение.

Однако англичане опасались, что на помощь момандам вновь придут их сородичи из Афганистана и боевые действия затянутся до зимы, когда продолжать карательные операции в горах станет невозможно. В этом случае все успехи британских войск, достигнутые в 1935 г., свелись бы на нет, так как к весне горцы восстановили бы свои силы и в 1936 г. Англия была бы вынуждена опять возобновить кампанию против момандов. Поэтому, когда афганское правительство предложило свое посредничество между британскими властями в Индии и восставшими пуштунами, Англия сразу же согласилась. Министру иностранных дел Афганистана Файз Мухаммад-хану удалось склонить момандов к миру{31}. 1 октября 1935 г. их джирга приняла все требования британских властей. Военная дорога в Гандабскую долину была построена{32}. Но это не помешало момандам через несколько лет вновь поднять восстание против Англии.

В 30-х гг. XX в. Великобритании с большим трудом удалось установить свой контроль над районами, прилегающими к Хайбарскому проходу. Вновь построенные военные дороги и форты значительно укрепили позиции англичан на этом участке индо-афганской границы, но, несмотря на это, приграничные пуштунские племена были готовы в любой момент вновь поднять вооруженное восстание против Англии.

Глава 23

Заговор Наби-хана

Бежав из страны, Аманулла-хан был гостеприимно принят в Италии, где между ним и королем Виктором-Эммануилом III сложились хорошие отношения. Правительство Б. Муссолини назначило бывшему афганскому монарху денежную субсидию, хотя он и его близкие в ней не нуждались. На вывезенные из Кабула миллионы Аманулла-хан приобрел крупную недвижимость в Риме и мог безбедно жить в этой одной из самых прекрасных стран Европы. Однако экс-эмир предпочел начать энергичную борьбу за возвращение утраченного престола. Видимо, он понимал, что использовал не все возможности, чтобы удержаться у власти в Афганистане, и хотел наверстать упущенное. Положение нового афганского правителя Надир– шаха было настолько сложным и непрочным, что устранение этого, как считали аманулллисты, узурпатора и английского ставленника было реально осуществить в ближайшее время.

Такой же точки зрения придерживались и члены могущественного клана Чархи, которые при Аманулле-хане контролировали внутреннюю и внешнюю политику Афганистана. Наби-хан Чархи, бежавший из Мазари-Шарифа после отвода отряда В. Примакова, и его брат Сиддик-хан стали главными организаторами заговоров аманулллистов с целью реставрации власти свергнутого короля. Братья Чархи не хотели отдавать без боя власть надиритам. В связи с этим Сиддик-хан вскоре стал правой рукой экс-эмира и проявлял порой большую активность во всех дипломатических комбинациях против «узурпатора», чем сам Аманулла.

Летом 1930 г. братья Чархи встретились в Стамбуле. Видимо, именно тогда они окончательно приняли решение организовать заговор с целью свержения Надир-шаха, чтобы вернуть афганский престол Аманулле-хану. Сложная внутриполитическая обстановка в Афганистане, общее недовольство приграничных пуштунских племен так называемым проанглийским курсом нового короля, а также соперничество великих держав в Афганистане позволяли им надеяться на успех их рискованного замысла.

Обстановка в Афганистане была крайне благоприятной для реализации этого плана. В разных районах страны вспыхивали народные волнения и восстания близ Джелалабада, Кандагара, Газни и Кунаре{1}. Эти мятежи были либо организованы, либо использовались аманулллистами против Надир-шаха. Из перечисления районов видно, что главные вооруженные выступления против афганского правительства происходили в зоне пуштунских племен, с которыми у Надира резко ухудшились отношения почти сразу же после его провозглашения королем. В одном из донесений британского военного атташе в

Кабуле майора Фарвела приводился ряд причин, делавших приграничные племена враждебными новой династии. Прежде всего Надир не выплатил им вознаграждения за взятие Кабула и, более того, потребовал вернуть от пуштунов захваченное в гражданской войне вооружение{2}. Кроме этого, многие в Афганистане, особенно население районов по индо-афганской границе, помнили, что Надир-шах призывал их к походу на Кабул для защиты власти законного монарха Аманулла-хана от мятежника Бачаи Сакао, а затем сам захватил престол.

Приграничные пуштунские племена стали еще более враждебно относиться к династии Яхья-хель, когда в 1930 г. в Северо-Западной Пограничной провинции Индии вспыхнули вооруженные антибританские восстания, а афганское правительство заняло проанглийскую позицию: выполняя свое секретное соглашение с англичанами, Надир– шах отказал горцам «независимой» полосы Британской Индии в помощи. В разгар карательных операций колониальных войск против пуштунов в афганскую столицу прибывало британское оружие и деньги. Так, Англия подарила Надир-шаху 175 тыс. фунтов стерлингов, 10 тыс. винтовок и 500 тыс. патронов к ним{3}.

Все это вызвало гнев афганского населения и патанов «независимой» полосы СЗПП. Племена Вазиристана поклялись повторить свой поход на Кабул и свергнуть Надира. В такой взрывоопасной обстановке аманулисты успешно вели пропаганду за возвращение Аманулы-хана в Афганистан. В результате популярность свергнутого короля в этой стране стала быстро возрастать.

В одном из докладов советского военного атташе в Кабуле Васильева в Москву указывалось на рост активности антиправительственной деятельности аманулистов в Афганистане в 1932 г.: «Аманулисты сеть своей нестройной организации довели почти до всех провинций, где (ими. – Ю. Т.) организованы небольшие ячейки. Свою работу проводили периодами, в зависимости от правительственных репрессий [...]. Работа Аманулистов выражалась в выпуске антиправительственных листовок и устной агитации среди наиболее настроенных против правительства племен. За пределы устной и письменной пропаганды они не шли. Поднять широкое восстание в стране считали выше своих сил без приезда на один из участков границы Афганистана Аманулы или Гулям-Наби (так в документе. – Ю. Т.)»{4}.

Сам Надир-шах высоко оценивал шансы Аманулы-хана в борьбе за власть в Афганистане. Опасность со стороны приграничных племен, среди которых Аманулла вновь стал популярен, вынуждала Надира координировать с английскими властями свои действия в зоне пуштунских племен. 1 сентября 1930 г. в беседе с британским посланником Ричардом Маконаки король обсуждал проблему приграничных племен и попыток Аманулы вновь стать правителем Афганистана. В связи с этим Надир-шах заявил английскому дипломату: «Единственный шанс для Аманулы в смысле его возвращения на трон, шанс, который он расценивает не особенно высоко, это выступление его (Аманулы. – Ю. Т.) в качестве вождя в священной войне против Индии. Если бы Аманулла выступил в подобного рода роли, то вряд ли бы встретил сопротивление даже со стороны самого Надир-шаха. [...] В этом случае какой бы путь он (Надир. – Ю. Т.) себе не избрал, в результате, по всей вероятности, последует его падение, что в лучшем случае приведет к ослаблению Афганистана как буфера, а в худшем – выступлению Аманулы в качестве орудия России»{5}.

Под впечатлением откровений Надир-шаха британский посланник рекомендовал своему правительству принять предупредительные меры для ослабления приграничных племен и усиления контроля над «независимой» полосой, чтобы уменьшить возможность Аманулы использовать силы пуштунов как против Великобритании, так и против ее союзника в Кабуле. Р. Маконаки предлагал осуществить очередную карательную экспедицию против горцев СЗПП с целью «аннексии Хайбара» и «оккупации Тираха».

К 1932 г. ситуация в Афганистане была бы еще хуже, если бы Надир-шах и его братья Хашим-хан и Махмуд-хан умело не использовали все хитрости восточной дипломатии при налаживании отношений с пуштунской знатью: широко использовалось посредничество мусульманского духовенства; игра на старой вражде между племенами; различные знаки

внимания, которым на Востоке придают важное значение, и т. д. Отсутствие у Кабула средств для бакшишей нужным людям компенсировалось различными налоговыми льготами. Благодаря такой умелой внутренней политике новый режим, несмотря на все опасности, не только устоял, но и обрел определенную стабильность в Афганистане. Одним словом, Надиру временно удавалось удерживать от конфронтации с центральным правительством наиболее могущественные приграничные племена.

Важным элементом стабильности надировского режима была достаточно эффективная деятельность афганской разведки. В 30-х гг. XX в. в Афганистане действовали четыре спецслужбы. Четкого разграничения сфер деятельности между этими ведомствами не существовало. Премьер-министр Хашим-хан имел собственную секретную службу, которая подчинялась только ему. Секретный отдел в канцелярии главы афганского правительства осуществлял наиболее важные спецоперации. Самой главной его задачей была ликвидация организаций аманулистов в Афганистане и за рубежом. Под бдительным оком личной разведки Хашим-хана находились также все посольства в Кабуле.

Министерство внутренних дел, в свою очередь, располагало широкой сетью осведомителей и главным образом осуществляло политический сыск.

В военном министерстве функционировало разведывательное отделение «Дахели». Оно подчинялось непосредственно военному министру Шах Махмуд-хану. Военная разведка в первую очередь собирала сведения о ситуации в приграничных районах соседних государств. Для этого в каждой дивизии имелись разведотделы (РО) и действовали разведпункты афганских пограничников. «Независимая» полоса Британской Индии была одним из важнейших «объектов» наблюдения этой спецслужбы.

Министерство иностранных дел также занималось сбором развединформации. Условно афганскую дипломатическую спецслужбу можно разделить на две части:

а) внешнюю разведку, в структуру которой входили резидентуры, действовавшие под крышей посольств и консульств;

б) контрразведку, функции которой выполняли канцелярии уполномоченных министерства иностранных дел при губернаторах приграничных провинций. Возглавлявшие их чиновники первыми брали под свой контроль всех лиц, приехавших в Афганистан из-за рубежа. Ко всем афганским погранкомиссарам были прикреплены секретари, которые выполняли задания уполномоченных МИДа по сбору информации.

Афганское правительство расходовало на содержание данных спецслужб крупные суммы. В 1932 г. Надир-шах тратил на политический сыск пять миллионов афгани ежегодно{6}. Будучи тяжелым бременем для афганской казны, эти расходы окупались экономией от предотвращенных мятежей и несостоявшихся заговоров сторонников Аманулы-хана.

В конце 1932 г. аманулистами был организован крупный заговор против Надир-шаха. В историю эта первая попытка реставрации власти Аманулы-хана вошла как заговор Гуляма Наби-хана.

Этот представитель клана Чархи имел настолько влиятельные связи среди пуштунских племен Южного Афганистана, что стал ключевой фигурой заговора с целью реставрации власти Аманулы. Его приезда требовали приграничные племена и подпольные организации аманулистов, чтобы перейти к решительным действиям. Одно известие о том, что Наби-хан вскоре приедет в Афганистан, вдохновило их: в зоне пуштунских племен началась подготовка к восстанию против династии Яхья-хель, основателем которой был Надир-шах.

Еще до приезда Наби-хана в Кабул в октябре 1932 г. аманулистам удалось договориться с некоторыми приграничными пуштунскими племенами о вооруженном выступлении против кабульского правительства. Следует отметить, что главный центр сторонников экс-короля находился в британской части Вазиристана в горном селении Мачи. Вазиры «независимой полосы» Британской Индии заключили соглашение с врагами Надира о подготовке наступления на Кабул, за взятие которого им было обещано выплатить 800 тыс. афгани и отдать на разграбление столичное казначейство{7}.

Племена Южной провинции Афганистана под влиянием пропаганды аманулистских

эмиссаров (вероятнее всего, это были люди Наби-хана), один из которых выдавал себя за брата Аманулы-хана Инаятуллу, а другой – за его сына, также были склонны выступить вместе со своими сородичами в Вазиристане{8}. Есть свидетельства, что и в афганской столице готовилось вооруженное восстание против Яхья-хель.

Видя, что ситуация в Южной провинции становится угрожающей, Надир-шах перебросил в этот район более 15 тыс. войск и подкупил знать местных приграничных племен. Однако эти меры не подействовали на простых пуштунов, которые готовились в ближайшее время взяться за оружие даже против воли своих вождей. В этой ситуации афганское правительство приняло решение о постепенном разоружении жителей Южной провинции. Дальнейшие события показали, что в Кабуле допустили грубую ошибку, восстановив против властей даже нейтральные пуштунские племена.

Накануне грозных событий, которые должны были потрясти весь Афганистан, в столицу этой страны, притворно примирившись с Надиром, 13 октября 1932 г. прибыл Гулям Наби-хан, который должен был руководить готовившимся заговором. Однако беда аманулистов и Наби-хана заключалась в том, что Надир-шах прекрасно понимал, кто вернулся в Афганистан и что должно за этим последовать. В связи с этим король принял все меры, чтобы держать своего врага под колпаком. Достаточно сказать, что Наби-хана до Кабула лично сопровождал Шах Вали-хан...

Англичане, в свою очередь, приняли чрезвычайные меры предосторожности после проезда Наби-хана через территорию СЗПП. Им также было известно, что составной частью плана государственного переворота в Афганистане является всеобщее восстание приграничных племен против Надира. Видимо, британские власти опасались, что глава клана Чархи захочет приступить к реализации это плана сразу же, как только достигнет «независимой» полосы пуштунских племен. В связи с этим, по данным советского военного атташе в Кабуле, «части Пешаварского округа были приведены в боевую готовность»{9}. Некоторые из них английское командование перебросило к индо-афганской границе, где они находились 4 дня, пока обстановка в зоне пуштунских племен не прояснилась.

У Надира и его союзников-англичан были все основания для тревоги. По сведениям советской разведки, прибытие в Афганистан Наби-хана должно было стать сигналом для мятежа племени хугияни под предводительством вождя Кайса-хана, которого должны были поддержать другие пуштунские племена Южной и Восточной провинций. Таким образом, аманулисты без промедления хотели начать крупное вооруженное восстание пуштунов против центрального кабульского правительства, но благодаря принятым Надиром и англичанами контрмерам этот план стал рушиться с самого начала и Наби-хан вынужден был прибыть в Кабул.

Многие дипломаты в афганской столице были удивлены столь рискованным шагом аманулиста. Советский посол Л. Старк при первой же встрече с Наби-ханом на официальном приеме в королевском дворце осторожно спросил своего собеседника о его планах. В ответ Наби-хан ответил, что он приехал «для дела» и что «правительство ничего не посмеет с ним сделать, так как побоится племен»{10}.

Наби-хан, скорее всего, лучше других понимал, что оказался в западне, и шел напролом, так как мог спастись, лишь опередив своего противника. Действуя с энергией обреченного на смерть человека, Чархи делал все возможное, чтобы поднять антиправительственное восстание в Южном Афганистане. В своих донесениях Л. Старк информировал советское руководство о крайне рискованной деятельности Наби-хана: «В провинцию он начал рассылать людей с письмами, в которых предлагал готовиться к выступлению против Надира. Делалось все это крайне неосторожно, значительная часть людей была агентами надировской разведки, так что вся работа Гуляма Наби была достаточно хорошо известна афганскому правительству»{11}.

Видимо, значительную лепту в раскрытие планов аманулистов против стратегического союзника Англии внесли и британские спецслужбы и их агентура в Афганистане.

Располагая всей необходимой информацией о растущей угрозе со стороны аманулистов,

Надир-шах решил нанести удар заговорщикам раньше, чем они будут готовы к выступлению. С целью пресечь пропаганду агентов Наби-хана среди племен в Южною провинцию был срочно направлен брат короля Махмуд-хан, действия которого ускорили еще не подготовленное и разрозненное антиправительственное выступление пуштунов близ г. Матун. Прекрасно зная о недостатке боеприпасов у племен Южной провинции, где антинадировские настроения были особенно сильны, он послал в Хост караван, который якобы вез патроны для правительственных войск. На самом деле в ящиках были камни{12}. Сторонники Амануллы среди местных племен напали на караван, чем выдали себя и ускорили ликвидацию заговора против Надир-шаха.

Последние часы жизни Наби-хана подробно описаны в донесениях советского военного атташе в Кабуле Васильева, которые он обобщил в итоговом докладе за второе полугодие 1932 г. В этом документе сообщалось в Москву, что около 12 часов дня к Наби-хану приехал королевский адъютант и пригласил его якобы на прогулку с королем. К этому времени во дворце Надир-шаха все было готово для расправы над лидером амануллистов: 2 взвода гвардейцев короля ждали только приказа, чтобы убить заговорщика. Наби-хан встретил свою смерть мужественно. Он не стал молить о пощаде, когда Надир-шах с балкона дворца обрушил на него поток брани и обвинений. Его ответ ускорил развязку: «Ты сам старая собака. Я не Надир-шах, чтобы при живом короле захватывать престол»{13}. Взбешенный король приказал солдатам забить Наби-хана прикладами винтовок. Один из советских агентов сообщил, что под градом ударов Чархи успел крикнуть Надиру: «Пусть я умру, но царство ты потеряешь».

В ночь с 8 на 9 ноября в Кабуле происходили повальные аресты амануллистов. Вслед за расправой над Наби– ханом последовал арест 327 противников Яхья-хель{14}. В результате принятых афганским правительством мер главные силы оппозиции в столице были уничтожены. Вероятно, в ходе следствия были выявлены новые лица, причастные к заговору, поэтому было еще две волны массовых арестов в Кабуле. В связи с этим разветвленная и активная организация амануллистов в афганской столице была окончательно разгромлена. Однако Надир не мог столь же легко расправиться с воинственными пуштунскими племенами, которые упорно готовились к вооруженной борьбе с ним.

В ноябре 1932 г. у одного из родов могущественного племени джадран местные власти потребовали выдать посланников Наби-хана. Род дари-хель отказался выполнить этот приказ, что привело к началу боевых действий между правительственными войсками и лашкаром дари-хель. Вазиры к столь раннему выступлению были не готовы, и джадранам пришлось в одиночку сражаться против надировских войск.

Шах Махмуд-хан, видя враждебность местных племен, приказал своим офицерам и солдатам не удаляться от Гардеза на большое расстояние. Несмотря на значительные суммы, использованные братом короля для подкупа вождей (более 5 млн афгани), «положение было очень тревожное», так как выяснилось, что «все племена в сговоре, и в случае получения оружия и патронов они направят их против правительства»{15}. Однако известие о казни Наби– хана оказало, со слов советского агента, на вождей Южной провинции такое же действие, «как если бы на огонь плеснули воду». Почти все они заявили о лояльности к правительству Надир-шаха.

Однако род дари-хель при помощи племен Южной провинции беспрепятственно ушел в Северный Вазиристан, хотя Махмуд-хан отдал приказ пуштунским племенам, верным Надиру, перехватить мятежников.

Взрывоопасная ситуация в зоне пуштунских племен не позволила афганскому правительству провести аресты участников заговора Наби-хана среди племенной знати. Весьма показателен в связи с этим эпизод с попыткой Надир-шаха привлечь к ответу Кайса-хана. Получив приказ прибыть в Кабул, этот вождь племени хугияни заявил афганскому правительству, что «он не Гулям Наби-хан» и в афганскую столицу не поедет. Чтобы гарантировать свою безопасность, Кайс-хан собрал в Восточной провинции ополчение хугияни, окружил свою крепость дополнительным кольцом укреплений, где разместил

пулеметы и орудия, захваченные в период гражданской войны в Афганистане. По донесениям советского посла Старка, в 1933 г. Кайс-хан спокойно жил в своем доме в селении Мирки– хель{16}. Правительство не рискнуло начинать карательную операцию против хугияни, ополчение которых насчитывало 25 тыс. хорошо вооруженных воинов.

Несмотря на подобные осечки при ликвидации заговора Наби-хана Чархи, следует признать, что в ноябре-декабре 1932 г. заговор амануллистов и их сторонников среди приграничных племен был быстро и сравнительно легко ликвидирован. Однако все очевидцы событий 1932 г. в Афганистане предсказывали, что следующей весной в зоне пуштунских племен начнется мощное восстание против Надир-шаха, которому предстояло выдержать удар своих недавних союзников.

Глава 24

Последняя победа Надир-шаха

Ликвидация заговора Наби-хана и оперативное предотвращение общего восстания племен Южной провинции позволили афганскому правительству лишь отстрочить мощное восстание в зоне пуштунских племен против Надир-шаха, который своей централизаторской политикой, урезавшей права пуштунской знати, и сближением с Англией навлек на себя гнев свободолюбивых приграничных племен по обе стороны «линии Дюранда».

Положение афганского короля усугублялось также и тем, что в Кабуле ему удалось расправиться с лидерами заговорщиков, а в Южной провинции так называемая «амануллистская пятерка» во главе с легендарным Факиром Леванаем смогла уйти в Северный Вазиристан. Там они успешно продолжили подготовку к вооруженному восстанию против афганского правительства{1}. Вскоре вазиры и масуды заявили, что они поддержали Надира во время гражданской войны в Афганистане «лишь с целью реставрации власти законного короля – Амануллы-хана»{2}. Одним словом, племена Вазиристана объявили Надира узурпатором и стали собирать лашкары для вторжения в Афганистан.

Абдул Гаффар-хан и его сторонники также развернули проамануллистскую пропаганду среди приграничных племен Хайбара. Гаффар-хан всегда относился с большой симпатией к Аманулле. После его свержения он писал: «Аманулла работал для блага и процветания пуштунов. Однако они, неспособные отличить врага от друга, подняли мятеж и изгнали его из страны. Это явная неблагодарность, которая в глазах Бога является большим преступлением»{3}. Надо также учесть, что лидер пуштунских националистов СЗПП вряд ли забыл, как был обманут Надиром в 1929 г. В итоге краснорубашечники осуществляли активную амануллистскую пропаганду среди момандов. Значительных успехов в этом деле достиг также и Факир Леванай, который вел оживленную переписку с момандами и многими приграничными племенами. Таким образом, в «независимой полосе» Британской Индии под лозунгом реставрации власти Амануллы в Афганистане в начале 1933 г. продолжалась активная подготовка к всеобщему восстанию пуштунских племен против Надир-шаха.

В этой ситуации афганский монарх, чтобы уберечь свой трон, пошел на еще более тесное сотрудничество с Англией против приграничных племен. Советский полпред Л. Старк еще в декабре 1932 г. сообщил в НКИД: «Мы имеем возможность утверждать на основании документальных(так в документе. – Ю. Т.) данных, что между англичанами и надировским правительством за последние два месяца в связи с делом Гулям Наби и положением в Южной и Восточной провинциях и «независимой» полосе установился особенно тесный контакт. Этот контакт вылился к настоящему моменту в форму соглашения (может быть, и не зафиксированного на бумаге) о совместных действиях против племен по обе стороны границы, причем англичане должны вести операции в Северном Вазиристане против вазиров с целью ликвидировать находящийся там амануллистский центр. В операциях против племен афганские и британские власти должны соблюдать полный контакт, который должен осуществляться как путем непосредственной связи, так и через британскую миссию в Кабуле»{4}.

Прежде всего Надир-шаху и Великобритании необходимо было ликвидировать деятельность «амануллистской пятерки» в Вазиристане. Советской разведке, пристально следившей за

укреплением англо-афганских отношений, удалось перехватить переписку между комендантом крепости Матун и британским политическим агентом в Северном Вазиристане. Из нее становится очевидным, что по просьбе афганского правительства англичане приложили максимум усилий для ареста Факира Леваная и его соратников в Вазиристане. Так, в письме от 10 января 1933 г. политический агент официально уведомил полковника Гуль Мир-хана, что английские хасадары попытались в одну из ночей захватить населенный пункт Мача, чтобы арестовать «подстрекателей». Однако были отбиты объединенными силами вазиров из рода мада-хель и пуштунского племени тини из Южной провинции{5}. Попытка англичан подкупить вождей вазиров также закончилась провалом: несмотря на все угрозы и щедрые обещания, горцы Вазиристана не выдали «пятерку» британским властям{6}.

Решимость приграничных племен с оружием в руках выступить против Надира не позволила Англии и афганскому правительству предотвратить восстание в Южной провинции в начале 1933 г. В первых числах февраля 1933 г. в Кабул пришло сообщение о скором вторжении вазиров и масудов в Южную провинцию. Разведке Надир-шаха удалось установить, что они имеют предварительную договоренность о совместных действиях против правительственных войск с некоторыми племенами не только Южной провинции, но и момандами, шинвари и хугияни.

Афганский король немедленно отдал приказ о переброске в район Хоста подкреплений. Англия, в свою очередь, направила дополнительные силы в Размак и Миран-Шах. Однако вазиры «потребовали от англичан объяснений и немедленного увода войск»{7}. Это требование было выполнено, так как британское командование знало, что главные силы вазиров и масудов все еще находятся в Вазиристане. Дальнейшая концентрация войск в «независимой» полосе могла спровоцировать новое вооруженное восстание патанов против Великобритании, а не против Надира. Англичане предпочли, чтобы тысячи вооруженных горцев ушли в Афганистан...

9 февраля первые лашкары вазиров и масудов перешли афганскую границу. К 21 февраля в Южную провинцию из Вазиристана перешло 11 тыс. воинов{8}. На следующий день эти крупные силы начали наступление на Матун и нанесли ряд поражений правительственным войскам.

Бои в Хосте стали сигналом для многих афганских племен: в Южной провинции вспыхнуло восстание. К вазирам и масудам присоединились многие ранее нейтральные племена этой провинции, что увеличило силы восставших еще на 10 тыс. воинов. Объединенные силы приграничных племен к началу марта заняли ряд укрепленных пунктов близ г. Ургуна и продолжали наступление на г. Газни. Недовольство жестоким правлением Надира привело к тому, что ряд армейских подразделений перешел на сторону повстанцев{9}. Афганское правительство было вынуждено срочно перебросить в район Хоста почти всю регулярную армию, включая часть личной гвардии Надира. Благодаря этим мерам к 26 февраля первый натиск объединенных сил племен Южной провинции и Вазиристана был отбит афганской армией.

В начале марта 1933 г., когда к Факиру Леванаю подошли новые подкрепления из «независимой» полосы, восставшие 8—9 марта предприняли новое успешное наступление на Матун. Успех мятежных племен серьезно встревожил британские власти в Индии. Англичане решили, что настал момент для активных действий против повстанцев в Хосте. 8 марта при поддержке с воздуха английские войска приступили к операциям против вазиров и масудов{10}. В Северном Вазиристане вдоль индо-афганской границы был создан заградительный кордон из регулярных британских войск и хассадаров{11}. Эти части активно поддерживали британские ВВС. В результате этих мер восставшие в Южной провинции лишились возможности получать подкрепления и боеприпасы из «независимой» полосы.

9 марта губернатор СЗПП Джордж Каннингхем под прикрытием 16 боевых самолетов посетил г. Вану, где заявил на джирге вазиров, что их воины должны в течение 4 дней

вернуться домой. В случае неповиновения губернатор пригрозил принять «меры, признанные целесообразными»{12}. То же самое он сказал и вождям масудов. По своему опыту приграничные племена хорошо знали, к каким «мерам» обычно прибегают британские власти против непокорных племен.

Ради спасения своих селений от бомбежек, 260 (!) представителей масудов и вазиров вынуждены были отправиться в Хост с целью вернуть соплеменников домой. Чтобы старейшины масудов и вазиров в кратчайшие сроки попали в Южную провинцию, к афганской границе их доставляли на грузовиках английской армии.

Столь необычный способ доставки представителей «провинившихся» племен в район боевых действий был применен британскими властями, чтобы сорвать решающую атаку повстанцев на Матун. 11 марта лашкары приграничных племен под руководством Факира Леваная начали штурм этой крепости, которая была на грани падения. Первый приступ горцев была отбит гарнизоном. Вероятнее всего, они бы пошли на новый штурм, но в этот момент прибыли малики и старейшины из Вазиристана, чтобы сообщить им об угрозе Каннингхема начать карательную операцию против их селений{13}. Сам факт того, что их родным селениям угрожали англичане, значительно понизил боеспособность лашкаров вазиров и масудов. Многие из них устремились домой, и численность отрядов Леваная резко упала.

Воспользовавшись этим, правительственные войска перешли в наступление и вынудили их отступить в «независимую» полосу Британской Индии, где их разгром был завершен британскими войсками. Во второй половине марта 1933 г. согласованными действиями английских сил и афганской армии удалось нанести поражение восставшим приграничным племенам. В конце этого месяца вазиры и масуды ушли из Хоста. Факир Леванай со своим отрядом (450 воинов) прорвался через цепь британских постов в Северный Вазиристан{14}.

Для восстановления дружественных отношений с вазирами и масудами в Вазиристан был сразу же послан личный адъютант афганского короля Алла Наваз-хан, которому удалось уговорить эти племена послать своих лидеров в г. Гардез для участия в джирге.

1 апреля 1933 г. военный министр Махмуд-хан открыл это совещание представителей приграничных племен. Горцы «независимой» полосы постарались продемонстрировать представителям афганского правительства свою лояльность, выдав им двух самозванцев, ранее объявивших себя родственниками Амануллы-хана. Видимо, один из них выдавал себя за Инаятуллу-хана, так как слухи о пребывании этого брата экс-эмира давно уже тревожили окружение Надир-шаха. Другой вазир был более «скромен», утверждая, что является одним из сыновей Амануллы. По данным советской разведки, джирга даже обещала Надиру не допустить любой ценой новых вооруженных выступлений против Кабула. Однако Факира Леваная племена Вазиристана выдать отказались, дипломатично заявив, что «примут меры к его поимке»{15}. Дальнейшие события показали, что на джирге в г. Гардезе собралась лишь часть представителей вазиров и масудов. Они не могли, несмотря на все свои заверения в верности, гарантировать Кабулу примирения с племенами Вазиристана.

Вазиры и масуды, не дожидаясь возвращения их сородичей из г. Гардеза, уже в первых числах апреля 1933 г. начали небольшими отрядами проникать в район Хоста. Силы их быстро увеличивались, так как их вновь поддержали мангалы и ряд других пуштунских племен. В середине апреля в Южной провинции между ними и афганскими правительственными войсками возобновились боевые действия. 17 апреля в Хост прибыл Леванай, который объединил силы восставших и начал энергичное наступление на крепость Матун. В очередной раз эта цитадель оказалась на грани сдачи.

В этой критической для ее гарнизона ситуации один из афганских офицеров устроил доверчивым повстанцам ловушку: над Матуном был поднят белый флаг, но, когда горцы в полный рост подошли к крепостным стенам, по ним был открыт шквальный огонь из всех видов оружия. Понеся большие потери, они стали в панике отступать в направлении Вазиристана.

На индо-афганской границе их перехватывали британские пограничные части. Благодаря

активным действиям англичан у пуштунов изъяли до 4,5 тыс. винтовок, а многие горцы были арестованы{16}. Факиру Леванаю вновь удалось спастись, и он укрылся у момандов. Активная деятельность этого «буревестника» зоны пуштунских племен закончилась. Видимо, приграничные племена не простили ему нескольких поражений подряд и перестали считать его своим лидером. Несмотря на это, горцы не выдали его Надир-шаху или англичанам.

Вместо одного племенного лидера, призывавшего к борьбе против «узурпатора» Надир-шаха, в «независимой» полосе вскоре появился новый «родственник» Аманулллы некий Амин Джан, продолживший дело Факира Леваная.

В мае 1933 г. Амин Джан прибыл в небольшое горное селение Коткай в Баджауре. Заявив о своих претензиях на афганский престол, он встретил поддержку у местных момандов, которые предоставили ему небольшой отряд своих воинов. Появление «коткайского претендента» у момандов сильно встревожило Надир-шаха и его братьев, которым стоило больших трудов и денег весной 1933 г. предотвратить антиправительственный мятеж в Восточной провинции и не допустить присоединения момандов «независимой» полосы к силам восставших, действовавших в Южной провинции. Летом 1933 г. эта опасность возникла вновь. Чтобы ликвидировать деятельность Амин Джана, Надир-шах обратился за помощью к вице-королю Британской Индии. По «совету» (!) афганского короля английское правительство начало карательную операцию в Баджауре{17}.

30 июля 1933 г. британское командование заявило племенам Баджаура, что через 40 часов начнется воздушная бомбардировка Коткая, Хара и нескольких других населенных пунктов. 1 августа в результате авиаударов Коткай был разрушен. Эта акция устрашения обошлась без больших человеческих жертв, так как население успело укрыться в пещерах. Не пострадал и Амин Джан, переехавший заранее в соседнее селение Хашим, где его гостеприимно принял влиятельный Дилавар-хан{18}.

С 1 по 10 августа 1933 г. британская авиация осуществляла операции против момандов. Одновременно в район пребывания «коткайского претендента» пробивались Пешаварская и Ноушерская бригады британских войск. Вскоре Амин Джан был захвачен в плен{19}. С его арестом была ликвидирована угроза восстания момандов против афганского правительства. В очередной раз Надир-шах с английской помощью смог одержать верх в борьбе против приграничных племен и аманулллистов, действовавших среди них.

Победа над восставшими не устранила причин недовольства пуштунов политикой Надира, а приграничные племена сохранили свою боеспособность. В связи с этим афганское правительство постаралось закрепить военный успех политическими мерами. Летом 1933 г. оно заключило соглашение с племенами Южной провинции. Согласно этому документу пуштунские вожди от имени своих соплеменников обязались хранить верность режиму Надир– шаха и пресекать любую антиправительственную деятельность.

Но племена категорически отказались посылать своих воинов на службу в армию и разоружиться. Вожди заявили военному министру Махмуд-хану: «Все племена Южной провинции находятся в распоряжении правительства и по первому требованию выступят на защиту его. Помимо того, от племен Юга в армии есть офицеры и ученики в военных школах, плюс пограничная охрана, которая полностью взята из племен. На большее мы не согласны»{20}.

Вопрос о разоружении племен был настолько единодушно отвергнут вождями племен, что военный министр не рискнул больше выносить его на обсуждение. Следует отметить, что эту проблему Махмуд-хан обсудил до начала джирги лишь с лояльными центральной власти пуштунскими вождями. Однако даже они резко выступили против сдачи оружия правительству. Их ответ брату короля гласил: «Если перед джиргой поставить вопрос разоружения племен, она не даст на это своего согласия. Если джирга под сильным давлением и согласится, этому решению не подчинится само население. Население Южной провинции не даст своего оружия, так как оно ему нужно для самозащиты. Правительство в первую очередь должно устранить существующие разногласия между племенами Юга.

Устранив эти разногласия, можно будет пытаться ставить вопрос о разоружении племен, и то частичном»{21}.

Благодаря дипломатическим способностям военного министра Махмуд-хана был все же достигнут компромисс между правительством и приграничными племенами. Кабул временно отказался от призыва солдат из пуштунских племен и планов разоружения населения Южного Афганистана. А племена Южной провинции, в свою очередь, прекратили борьбу против правящей династии Яхья-хель. На несколько лет положение в южных районах Афганистана стабилизировалось. Но неуклонная политика афганского правительства на укрепление центральной власти в стране и его открытое сотрудничество с Великобританией против приграничных племен впоследствии привели к новым восстаниям в районе индо-афганской границы. Следует также отметить, что подавление восстания приграничных племен в 1933 г. стало последней победой Надир-шаха, так как вскоре он был убит аманулистом.

Глава 25

Афганская вендетта и СССР

В 1933 г. вооруженное выступление приграничных племен по обе стороны «линии Дюранда» и рост недовольства жесткой политикой Надир-шаха возродили у Амануллы надежды вернуть себе афганский престол. Его правой рукой в этом авантюрном предприятии стал Гулям Сиддик-хан Чархи. Общую схему плана свержения «узурпатора» Надира в 1933 г. можно восстановить, изучив донесения советских дипломатов в Стамбуле, куда в июле этого года прибыл экс-эмир. В турецкой столице Аманулла пробыл длительный срок и несколько раз встречался с президентом Кемаль-пашой Ататюрком, от которого хотел получить военную помощь для своего возвращения в Афганистан. Переговоры с Кемаль-пашой прошли успешно.

Вскоре в советское консульство в Стамбуле прибыл Сиддик-хан. Бывший министр иностранных дел Афганистана заявил: «В Афганистане готовится восстание аманулистов. Все необходимые приготовления к перевороту закончены, и успех восстания обеспечен. Центром восстания избран Джелалабад, а плацдармом действий Северный Афганистан с центром в Мазари-Шарифе. Вмешательство англичан якобы исключено, так как они заняты восстаниями (пуштунов. – Ю. Т.) в Северо-Западной Индии»{1}. Через своего посланника Аманулла просил обеспечить ему проезд на родину и желал лично встретиться с консулом СССР.

При анализе информации, изложенной Сиддик-ханом, сразу же возникает ощущение, что он сообщил какому-то рядовому советскому дипломату лишь малую часть тех сведений, которые мог бы сообщить лично консулу. К примеру, вопрос о содействии СССР Аманулле-хану в реализации его плана свелся всего лишь к получению проездной визы. Однако при этом Сиддик-хан упомянул, что «плацдармом» предстоящего восстания против Надир-шаха будет Северный Афганистан и Мазари-Шариф. Без активной помощи советской стороны этот район не мог стать базой для военных операций против династии Яхья-хель.

Все становится на свои места, когда заявление бывшего афганского министра иностранных дел дополняется секретным сообщением советской разведки о переговорах между Амануллой и Ататюрком. В ходе их экс-король заявил, что «Советы обещали ему полную поддержку в свержении Надира». Турецкий лидер на это ответил: «[...] если Красная Армия готова поддержать восстание, Турция положит свои силы на чашу весов СССР, чтобы ускорить развязку и не быть простым наблюдателем гражданской войны в Афганистане»{2}. Однако военную помощь Аманулле И. Сталин все же не предоставил, а вслед за ним отказал в помощи и Кемаль-паша.

СССР и Турция не могли в тот момент идти на открытый разрыв с Англией, ставленником которой был Надир– шах. При этом бывшие союзники Амануллы-хана остались его политическими друзьями. Советское правительство вскоре доказало бывшему афганскому монарху, что помнит прошлое плодотворное сотрудничество и готово обеспечить ему личную безопасность.

8 ноября 1933 г. в Кабуле несколькими выстрелами из револьвера в упор был убит Надир-шах. Первоначально и в Афганистане, и в Британской Индии решили, что смерть короля является местью приграничных племен за казнь признанного пуштунского лидера Тер Малянга, так как в Афганистане и Индии было известно, что «племена от Пешавара до Кабула поклялись отомстить королю»{3}. Сразу же подозрение в организации убийства короля пало на Факира Леваная, но представители племен «независимой» полосы поклялись на Коране, что их лидер невиновен. Вскоре следствие выяснило, что убийца Надира, Абдул Халик, мстил за казнь Наби-хана и его брата Джейлани– хана{4}.

Известие об убийстве афганского короля в тот же день стало мировой сенсацией. В Риме журналисты буквально взяли в осаду виллу Аманулла, который на следующий день был вынужден дать интервью представителю агентства «Рейтер». Экс-эмир, сопровождаемый старшим сыном Хидаятом, заявил: «Если афганский народ желает моего возвращения с моей программой реформ и прогресса, я всегда готов служить всеми силами своей стране»{5}. Далее Аманулла добавил, что «он не может не испытывать некоторое удовлетворение от того, что Надир-шах умер, но в то же время сожалеет, что убитый король – афганец». На вопрос о его возможном возвращении в Афганистан бывший монарх отказался отвечать. Разумеется, он не мог разглашать информацию о подготовке заговора в Афганистане.

Вскоре после событий в Кабуле к Аманулле приехал Сиддик-хан, который, по сведениям британской разведки, предложил экс-эмиру наладить надежные контакты с амануллистами в Афганистане, куда планировалось доставить несколько печатных станков для подпольного издания проамануллистской литературы против нового короля Захир-шаха (сына Надира){6}.

В 1934 г. многие европейские правительства вновь стали рассматривать Амануллу-хана как реального претендента на афганский престол. К примеру, итальянский король Виктор-Эммануил III, который хорошо относился к афганскому изгнаннику, даже тайно встретился с ним у себя во дворце{7}.

Брат покойного афганского короля и премьер-министр Афганистана Хашим-хан, ставший главой клана Яхья-хель и фактическим правителем страны, был оперативно оповещен англичанами о возросшей активности Амануллы. По закону кровной мести и для устранения угрозы правящей династии по личному приказу Хашим-хана были сформированы две группы для ликвидации экс-эмира и влиятельных лиц из его окружения. Советская разведка оперативно получила эту информацию и приняла необходимые меры, чтобы сохранить жизнь экс-королю.

В январе 1934 г. советское посольство получило из НКИД указание предупредить бывшего афганского монарха о нависшей над ним угрозе. В своей телеграмме заместитель наркома иностранных дел СССР Л. Карахан сообщил советскому послу в Риме В. Потемкину, что в Европу выехал бывший личный адъютант Надир-шаха Алла Наваз-хан, «получивший задание организовать убийство Амануллы»{8}. Чтобы быть более уверенным в устранении своего кровника, Хашим-хан отдал приказ отправить своих людей не только в Италию, но и в Мекку, так как было известно, что Аманулла собирался совершить хадж.

В течение первого полугодия 1934 г. советская сторона бдительно следила за всеми шагами Хашим-хана, который упорно стремился отомстить за убийство брата. Во многом благодаря Москве все попытки ликвидировать афганского экс-короля закончились провалом. Так, Алла Наваз-хан и его люди были арестованы итальянской полицией, изъявшей у них оружие{9}. Разразился международный скандал. Но в тот момент даже это не остановило клан Яхья-хель.

В мае 1934 г. секретарем афганской дипломатической миссии в Риме был назначен Ахмед Али-хан, который должен был любой ценой выполнить задание Алла Наваз-хана. В качестве исполнителя предстоящей «акции» Хашим-хан откомандировал в Рим своего личного охранника Хакима.

Вновь эта ценная информация была передана советским посольством Аманулле-хану, который принял необходимые меры безопасности. Видимо, полиции и спецслужбам Италии

в 1934 г. пришлось приложить массу усилий для его охраны. Степень участия советской разведки в обеспечении безопасности бывшего афганского короля в настоящее время установить невозможно, но, вполне вероятно, она не ограничивалась только передачей секретной информации из Кабула. В результате родня Надир-шаха, видя безрезультатность своих попыток, вынуждена была отказаться от планов расправы с Амануллой в Европе, хотя попытки отравить его в Мекке предпринимались вплоть до 1938 г.

Помощь СССР в минуту опасности экс-король воспринял как готовность Кремля оказать ему более значительную помощь в его борьбе за возвращение кабульского престола. 21 февраля 1934 г. в советское посольство в Риме прибыл секретарь Амануллы, который просил передать в Москву ряд просьб его хозяина. Советник полпредства Л. Гельфанд изложил их в своем донесении в НКИД, в котором отметил: «Аманулла считает, что в последнее время его акции для возвращения на престол весьма значительно возросли. Подготовляемые против него покушения являются иллюстрацией роста его популярности. Он не считает для себя возможным бездеятельное пребывание в Риме и хочет активизировать подпольную работу в Афганистане»{10}. Для этого свергнутый афганский монарх просил Москву разрешить деятельность 2—3 его эмиссаров в районе советско-афганской границы, чтобы они установили контакт с аманулистами в Афганистане и переправляли им различную агитационную литературу. При этом Аманулла-хан хотел, чтобы расходы на печать и доставку этих листовок взял на себя СССР.

Просьба экс-эмира была положительно воспринята в Москве, где не могли, вероятнее всего, смириться с усилением британских позиций в Афганистане. Уже в марте 1935 г. советский посол в Германии Я. Суриц (бывший полпред в Кабуле) обещал Сиддик-хану, что его отъезд в СССР будет ускорен{11}. Окрыленные первыми успехами аманулисты даже готовились провести Советское правительство все же не спешило с ответом на главные просьбы Аманулы, поэтому в июне 1934 г. Сиддик-хан «случайно» встретился в поезде с министром иностранных дел СССР М. Литвиновым, возвращавшимся из Женевы. В ходе их беседы Сиддик-хан напомнил главе НКИД о пожеланиях Аманулы-хана. Чтобы ускорить переговоры по широкому кругу вопросов, афганец вновь просил разрешить ему приезд в Москву.

Прибыв в Москву, М. Литвинов доложил в Политбюро ЦК ВКП(б) о содержании его беседы с Сиддик-ханом. 15 июля 1934 г. этот главный партийный орган разрешил «выдать нескольким афганским эмигрантам (10—12 человек) транзитные визы в Афганистан с правом остановки в СССР на один месяц»{12}. Временный приезд Сиддик-хана в советскую столицу был также санкционирован. Одним словом, И. Сталин разрешил аманулистам начать их деятельность в Среднеазиатских республиках. Кроме этого, Кремль был готов обсудить возможность дальнейших контактов с экс-королем и его сторонниками. Таким образом, И. Сталин вновь попытался использовать Аманулу-хана для укрепления советских позиций в Афганистане, но не спешил предоставлять бывшему эмиру любую материальную помощь.

Несмотря на ограниченность в финансовых средствах, аманулисты смогли объединиться и создать разветвленную сеть опорных пунктов в Берлине, Стамбуле, Багдаде, Мекке, Тегеране, Мешхеде, Кербеле, Бомбее, Кветте и Пешаваре. Число сторонников Аманулы среди афганского населения и патанов постоянно росло, поэтому в одном из докладов британской разведки с тревогой отмечалось: «Если только Аманулла или один из влиятельных членов его окружения смогут достичь территории (пуштунских. – Ю. Т.) племен, это будет означать крах существующей династии (в Афганистане. – Ю.Т.)»{13}.

Особо следует сказать о деятельности сторонников бывшего правителя Афганистана в г. Ташкенте, в котором, по данным британской разведки, действовали 600 аманулистов. Их руководителем был двоюродный брат Аманулы Рахим-джан. Видимо, под его руководством они не сидели сложа руки...

Слухи о скором возвращении Аманулы в Афганистан, а также сведения о деятельности его сторонников в Ташкенте подтолкнули аманулистов в Афганистане предпринять шаги,

чтобы с советской помощью установить связь с Аманулой для выработки плана совместных действий.

24 декабря 1934 г. на одну из советских застав Керкинского погранотряда прибыли посланцы влиятельных вождей Дарваз-хана, Расул-хана и Кули-бая, которые через своих людей просили представителей НКВД выяснить, где находится Аманулла и «намеривается ли он возобновить борьбу за афганский престол»{14}. По заявлению Кули-бая, заговорщики были готовы поднять на восстание против Захир-шаха 55 тыс. человек с достаточным количеством вооружения. Они также уведомили советскую сторону, что гератский губернатор Абдурахим-хан готов перейти на их сторону с частями вверенного ему гарнизона. Расул-хан в январе 1935 г. собирался в хадж и хотел бы до своего отъезда получить ответ Аманулы.

Были ли переданы экс-королю эти сведения, по рассекреченным в настоящий момент документам российских архивов определить нельзя. Однако заговорщики были настроены решительно и собирались поднять вооруженный мятеж даже без санкции Аманулы-хана. В связи с этим советские спецслужбы бдительно следили за их дальнейшими действиями. В начале 1935 г. стало известно, что силы Дарваз-хана и Расул-хана пошли на соединение. Видимо, афганские власти заподозрили неладное и приняли необходимые контрмеры. В итоге антиправительственное выступление в Афганистане было сорвано, а сам Расул– хан не смог выехать в Мекку, где регулярно проходили тайные совещания аманулистов. Афганские спецслужбы еще раз продемонстрировали свою эффективность.

В 1935 г. Аманулла-хан совершил хадж в Мекку. Свое пребывание в святом для мусульман городе, где им была построена на собственные средства большая гостиница для паломников-афганцев, он использовал для переговоров с вождями приграничных пуштунских племен и представителями индийских мусульман, один из которых, Рахим Расул-хан, даже подарил экс-эмиру 200 тыс. рупий. Во время бесед с патанами он выразил надежду, что через год (или два) в СЗПП и Афганистане начнется всеобщее восстание приграничных племен, которые вновь возведут его на афганский престол{15}.

Среди пуштунских паломников аманулисты распространили письма, в которых англичане объявлялись врагами всех мусульман. В этих посланиях сторонники бывшего афганского эмира призывали мусульман Индии и Афганистана к джихаду против Великобритании. Когда одно из этих писем попало в руки британских властей, английский посланник в Кабуле В. Фрайзер Тайтлер сразу информировал афганское правительство о проаманулистской пропаганде среди приграничных племен.

Логично предположить, что афганская сторона и англичане срочно предприняли меры по перехвату указанных писем. Одновременно Англия предприняла дипломатический демарш в Риме, чтобы заставить итальянское правительство усилить контроль за деятельностью Аманулы– хана{16}. Одним словом, политические итоги паломничества экс-эмира вызвали большой переполох в Лондоне и Кабуле.

Тревога англичан была оправданной, так как британской разведке удалось установить, что аманулисты во время хаджа 1935 г. не только призывали пуштунов к восстанию против Англии и Захир-шаха, но и провели секретные переговоры с советскими представителями! Что за тема обсуждалась во время этих контактов, нетрудно было угадать...

Однако многообещающие для Аманулы контакты с советской стороной неожиданно для него позже прервались. Это было связано с тем, что И. Сталина насторожил явный интерес фашистских держав к Аманулле, который продемонстрировал свою готовность к сотрудничеству с ними. Так, накануне агрессии фашистской Италии против Эфиопии Аманулла-хан посетил эту страну, после чего среди эфиопских мусульман итальянская агентура распространила письма экс-эмира, в которых он призвал их «восстать против марионеток Англии и христианства»{17}. Этого, видимо, было вполне достаточно, чтобы советское правительство не захотело далее помогать своему старому афганскому «другу». В свою очередь, это лишь ускорило переориентацию Аманулы-хана и его окружения на сотрудничество с Италией и Германией. Одна восточная мудрость утверждает, что, когда

человек тонет, он хватается за змею... Так получилось и с Амануллой.

Глава 26

Звездный час Факира из Ипи

Надеясь на мощное восстание пуштунских племен в Афганистане и Индии, Аманулла-хан правильно оценивал взрывоопасную обстановку на индо-афганской границе в середине 30-х гг. прошлого века. К несбыточным мечтаниям, как показали дальнейшие события, относились лишь его надежды на триумфальное возвращение на родину. А неизбежность мощного антибританского восстания патанов «независимой» полосы была очевидна для всех политиков, которые знали ситуацию в зоне пуштунских племен.

Новое антианглийское вооруженное выступление племен Вазиристана было вызвано очередной попыткой британских властей установить свой контроль над самыми отдаленными районами проживания вазиров. С этой целью англичане собирались построить в Вазиристане новые военные дороги протяженностью более 100 км. Считая, что уже созданная система дорог и фортов обеспечивает надежный военный контроль над вазирами и масудами, британские власти предполагали даже построить железную дорогу через земли этих племен к афганской границе{1}. Вслед за открытием самых труднодоступных районов Вазиристана британские власти рассчитывали также провести разоружение местных жителей и обложить их налогами. И в Лондоне, и в Симле понимали, что попытка разоружения вазиров и масудов приведет к новым восстаниям, но английское правительство решило идти напролом.

Поводом для восстания вазиров послужил инцидент с похищением в марте 1936 г. девушки Чанд Биби. Эта девушка из богатой индусской семьи была похищена молодым пуштуном из рода тори-хель. Случай обычный для СЗПП, но на этот раз он привел к резкому обострению индо-мусульманской розни среди населения этой провинции. Индусы устроили кампанию протеста, требуя от английских властей принять все меры для возвращения Чанд Биби ее семье. К этому времени девушка уже приняла ислам и вышла замуж за похитившего ее юношу, поэтому тори-хель отказался выдать девушку. Отнять жену, да еще принявшую ислам, у пуштуна означало нанести ему и его роду смертельное оскорбление. Поэтому все племена Вазиристана выступили против того, чтобы отдать назад Чанд Биби{2}.

Воспользовавшись всеобщим возмущением пуштунов Вазиристана, религиозный лидер тори-хель Мирза Али– хан (Факир из Ипи) в 1936 г. решил начать восстание против Англии. При анализе его биографии становится ясно, что только такой человек мог организовать и возглавить самый мощный мятеж патанов против Англии. Факир из Ипи происходил из семьи потомственных мусульманских богословов. Его дед и отец были известными и почитаемыми религиозными лидерами в Вазиристане, имевшими родственные связи с воинственными племенами мада-хель и тори-хель{3}. Таким образом, Факир из Ипи мог использовать в борьбе против англичан не только свой религиозный авторитет, но и семейные связи среди племенной знати. Он был еще молодым человеком, когда племя дауров признало его своим религиозным лидером{4}.

В 1933 г. Мирза Али-хан со своим лашкаром участвовал в нападении приграничных племен во главе с Факиром Леванаем на Хост, в результате чего его популярность значительно возросла как в самом Вазиристане, так и в Южной провинции Афганистана. С этого времени он становится одним из самых влиятельных мусульманских богословов в Хайсорской долине, часть земель которой принадлежала тори-хель и масудам.

Эта территория из-за сопротивления горцев все еще оставалась закрытой для англичан. В связи с этим британские власти в феврале 1935 г. навязали тори-хель договор о строительстве нового форта и дороги в Хайсорской долине. А в середине февраля 1936 г. ввели в этот район свои войска. С этого момента земли тори-хель стали центром подготовки мощного антибританского восстания. Случай с Чанд Биби лишь ускорил его начало.

Как только британские власти потребовали вернуть похищенную девушку, Мирза Али-хан призвал вазиров совершить рейд на г. Банну. Но весной 1936 г. Факира поддержали только дауры, из которых он сформировал лашкар и двинулся к административной границе{5}.

Даже тори-хель в то время не хотели выступать против Англии, не желая терять сотни тысяч рупий, которые им выплачивали британские власти, а также надеясь, что британский суд вынесет постановление оставить Чанд Биби у мужа. Но в сентябре 1936 г. английскими властями было принято противоположное решение.

Наступил звездный час для Факира из Ипи. Он написал воззвание к населению Вазиристана, в котором призвал пуштунов выступить в защиту ислама. В короткий срок ему, к ужасу англичан, удалось создать союз племен Северного Вазиристана и возглавить крупномасштабное восстание против Великобритании{6}.

Факир из Ипи проявил себя талантливым организатором партизанской войны. Он смог в короткие сроки создать и вооружить крупный лашкар, который, действуя из района Хайсорской долины, перерезал коммуникации между Размаком и Банну. Британские форты и посты были блокированы, и англичане потеряли контроль над Вазиристаном. Чтобы деблокировать Размак и Вану, они были вынуждены направить в Вазиристан 2 усиленные бригады, которым при поддержке авиации, артиллерии и танков с боями пришлось пробиваться к Размаку. Но ВВС первое время не смогли оказывать эффективную поддержку наступающим войскам, так как отряды Факира передвигались и наносили удары по британским войскам ночью{7}. Факир из Ипи исключительно удачно руководил своими лашкарами: всякий раз, когда англичане начинали наступление, они подвергались сразу нескольким ударам с тыла. Благодаря такой тактике восставшим удавалось замедлять или совсем срывать наступления английских войск.

Лишь через 2 месяца после начала восстания вазиров британское командование попыталось провести карательную операцию в Хайсорской долине. 25 ноября 1936 г. 2 бригады из Размака и Банну начали наступление на тори-хель. Главной их целью был захват деревни Бичхе Кашкай, где располагались главные силы Факира из Ипи. При активной поддержке авиации и танков британские войска смогли 27 ноября захватить этот населенный пункт. Однако вазиры и не думали прекращать сопротивление и усилили удары по англичанам, которые были вынуждены спешно отступить. Первая карательная операция против Факира для Англии закончилась полным провалом.

Зимой 1936—1937 гг. и вазиры и британские власти готовились к возобновлению боевых действий весной. Англичане в декабре закончили строительство дороги от Банну к Хайсорской долине. Для усиления войск в Ване и Размаке была переброшена еще одна бригада, усиленная двумя артиллерийскими батареями и легкими танками{8}. Факир из Ипи тоже усилил свои силы. Он в феврале 1937 г. призвал всех вазиристанских хассадаров дезертировать с британской службы и начать джихад против Великобритании. После этого выступления большая часть хассадаров перешла на его сторону, и силы восставших увеличились на несколько тысяч воинов.

К этому времени Факир уже стал символом независимости Вазиристана, и имя его было овеяно легендами. Точную характеристику личности Факира из Ипи дал американский историк Д. Спейн: «Факир был склонен к вероломству и самым жестоким методам ведения войны. Он играл на религиозных предрассудках пуштунов, брал взятки от всех, кто мог ему заплатить, укрывал самых отъявленных преступников и платил премии за кражу или убийство детей английских чиновников... в полосе „независимых“ племен. Но Факир из Ипи стал легендой северо-западной границы Британской Индии, и эта легенда была не без чарующих тонов. Его религиозный призыв как заклятого врага англичан во многом объясняет его удачу в начале (восстания. – Ю. Т.)»{9}. Даже по восточным меркам Факир из Ипи был очень вероломен и жесток к своим врагам, но в глазах пуштунов это было еще одним из его достоинств.

К весне 1937 г. силы восставших выросли до 10 тыс. воинов{10}. Факиру оказывали помощь и те племена, получившие английские субсидии и не пославшие своих воинов в его лашкар. Они снабжали Факира из Ипи деньгами, оружием и укрывали его отряды на своей территории{11}. Благодаря этой помощи восставшие были хорошо вооружены и не испытывали проблем с продовольствием. В распоряжении Факира было даже несколько

самодельных пушек, которые он успешно применял при осаде британских укрепленных пунктов{12}. Понимая, что кампания 1937 г. будет крайне тяжелой, английское командование направило в Вазиристан еще 2 бригады и 1 дивизию{13}. Только сосредоточив 50 тыс. пехоты и большое количество танков, британское командование решило начать операции против тори-хель.

Не дожидаясь, пока Англия соберется с силами, Факир из Ипи наносил удар за ударом. В начале 1937 г. его лашкары совершили 36 рейдов против британских объектов{14}. Наиболее интенсивным ударам подвергались укрепленные посты, построенные англичанами для блокады Хайсорской долины, и город Банну, который стал главной базой снабжения британских войск в Вазиристане{15}. Как и осенью 1936 г., он опять блокировал Размак, гарнизон которого состоял из 10 тыс. английских солдат и офицеров. Чтобы парализовать активность пуштунских лашкаров, англичане в марте 1937 г. установили авиаблокаду долин Шакту и Хайсоры: круглосуточно британские самолеты патрулировали небо над этим районом и бомбили все, что двигалось{16}.

Непрерывные бомбежки заставили Факира из Ипи перенести свою штаб-квартиру в пещеры близ небольшой деревушки Арсалкот. Место было выбрано очень удачно, так как пещеры располагались на границе земель тори-хель и масудов, которые формально сохраняли мир с Англией{17}. В случае опасности Факир и его отряд всегда могли спастись у масудов, а англичане не могли их преследовать, не рискуя вызвать восстание этого воинственного племени. Из долины Шакту Факир из Ипи продолжал руководить лашкарами восставших племен, которые продолжали наносить удары по английским войскам.

С целью оперативного отражения нападения вазиров англичане стали осуществлять патрулирование дорог механизированными колоннами, состоящими из броневиков и армейских грузовиков с пехотой. Именно эти колонны и понесли наибольшие потери в ходе вазиристанской кампании. Так, 3 апреля 1937 г. один из лашкаров Факира из Ипи устроил засаду, в которую попала колонна из 47 грузовиков и 4 бронемашин. Вазиры, чтобы остановить колонну, сначала подбили головной броневик, а затем открыли ураганный огонь из винтовок по британской пехоте. Так как обстрел конвоя велся с больших высот, оставшиеся 3 броневика не смогли прикрыть солдат на грузовиках. Поэтому всего за несколько минут у англичан было убито и ранено более 100 человек. Нападавшие потеряли убитыми 16 воинов. Весть о победах Факира из Ипи распространилась по всей зоне пуштунских племен. К нему стали стекаться новые отряды добровольцов, и численность его лашкара сильно возросла.

В 1937 г. британское командование с тревогой наблюдало за тем, как в восстание в Вазиристане все больше втягиваются пуштунские племена Южной провинции Афганистана. Весной этого года против британских войск в «независимой» полосе сражалось 5 тыс. пуштунских воинов из Афганистана. В лашкаре, которым лично руководил Факир из Ипи, около тысячи воинов (1/3) были афганцами{18}.

В начале мая 1937 г. британские войска развернули наступление на Арсалкот. В первых числах мая «Скауты Точи» проникли и закрепились в долине Шама, где подошедшие регулярные английские части быстро построили укрепленный лагерь. Дальнейшие несколько дней англичане отбивали ожесточенные атаки пуштунов и не помышляли о наступлении. Только массированные бомбардировки и шквальный артиллерийский огонь заставили пуштунов отступить{19}. Закрепившись и отбив яростные атаки вазиров, британские войска стали медленно продвигаться к Арсалкоту. Упорные бои за этот населенный пункт продолжались до конца мая.

В ходе их англичане предприняли попытку убить Факира из Ипи. В одну из майских ночей отряд гуркхов скрытно подошел к пещере, где жил Факир, и забросал ее гранатами. Но вождь вазиров скрылся через неизвестный англичанам ход из пещеры. В конце мая сопротивление вазиров еще больше усилилось, так как к ним подошли подкрепления из Афганистана. В этой ситуации британское командование отдало приказ об уничтожении Арсалкота, который и так был сильно разрушен в ходе боев. После взрыва 3-х пещер,

которые ранее служили укрытием для Факира и его отряда, английские войска спешно отступили, преследуемые пуштунами{20}. Фактически операция против Факира из Ипи закончилась провалом, так как контроль над долиной Шакту установить не удавалось, а сопротивление восставших вазиров не было сломлено.

Когда еще шли бои за Арсалкот, восстали масуды. Положение британских войск в Вазиристане резко ухудшилось. Не сломив сопротивление вазиров, они были вынуждены подавлять мощное восстание у себя в тылу. Племя масудов могло выставить до 30 тыс. воинов, поэтому британское командование не надеялось быстро сломить их сопротивление. Продолжать боевые действия в долине Шакту оно больше не могло, так как восстание масудов отвлекло главные силы английских войск. Воспользовавшись благоприятной обстановкой, лашкары Факира из Ипи стали совершать рейды на Банну. Почти каждый месяц город подвергался нападению{21}. Чтобы защитить Банну, англичане усилили свои войска южнее Размака и стали строить дорогу и новый форт в Кохатском проходе{22}. С этой же целью была усилена охрана административной границы.

Но даже оккупация войсками прилегающих к Банну районов полосы «независимых» племен не могла предотвратить рейды масудов в глубь административных округов. Так, 24 мая 1937 г. масуды даже ненадолго прервали движение по железной дороге между г. Банну и г. Дер Исмаил-ханой. Никогда ранее в истории СЗПП пуштуны не совершали атаки на поезда, так как железные дороги очень хорошо охранялись британскими войсками{23}.

Пока англичане отбивали нападения масудов, Факир из Ипи еще активнее продолжал борьбу против британских войск в Северном Вазиристане. В 1937 г. ему удалось вовлечь в восстание вазиров мада-хель. Возглавив их лашкар, Факир захватил и разрушил английский военный пост близ прохода Ловарджи. После этого вазиры атаковали форт Датта-хель. Из Размака и Ваны на выручку «Скаутам Точи» британское командование срочно перебросило 2 бригады, которые лишь через несколько месяцев боев заставили вазиров отступить и спасли осажденный гарнизон форта{24}.

В 1937 г. восстание в Вазиристане едва не распространилось на Южный Афганистан. Хашим-хан, продолжая политику Надира, отказал восставшим вазирам в помощи и любыми способами мешал участию афганских пуштунов в борьбе против Англии. В результате власти Южной провинции Афганистана в секретных донесениях информировали Кабул, что «вазиры шлют проклятия по адресу нынешнего афганского правительства, обвиняют его в измене и угрожают тем, что наступит момент, когда вазиры разделаются с афганским правительством»{25}. Вынужденный считаться с этими угрозами и ростом недовольства среди населения, Хашим-хан не пошел на открытое военное сотрудничество с Великобританией против Факира из Ипи. Афганский министр иностранных дел 8 июня 1937 г. даже обвинил английское правительство в разжигании мятежа приграничных племен.

События июля 1937 г. подтвердили все опасения афганского правительства, которое, как и англичане, стремилось усилить контроль над приграничными племенами, строя на их территории новые форты и дороги. 21—22 июля восстали гильзаи Южной провинции. Афганские пограничники препятствовали тому, чтобы гильзаи помогали вазирам. Восставшие захватили один из пограничных фортов с гарнизоном численностью 500 человек. С большим трудом афганскому правительству к концу года удалось подавить этот мятеж{26}. Но угроза всеобщего восстания пуштунов по обе стороны «линии Дюранда» сохранялась.

С наступлением зимы англичане были вынуждены прекратить военные операции против Факира из Ипи. Кампания 1937 г. закончилась для Англии безрезультатно, хотя и обошлась индийским налогоплательщикам в астрономическую сумму. Известный английский журналист А. Суинсон в своей книге по истории северо-западной границы Британской Индии подвел итоги карательных операций в Вазиристане: «Когда в декабре 1937 г. 40 тыс. британских войск возвратились в Пешавар, ситуация была не лучше, чем в январе. 1938 г. был еще более боевым»{27}.

Зимой 1937 /38 г. Факир из Ипи продолжал боевые операции против англичан. Готовясь

отразить новое наступление британских войск, он отдал приказ минировать дороги и отравлять воду в источниках{28}. Чтобы вновь заставить английские войска вести боевые действия на два фронта, он пригласил к себе вождя восставших масудов муллу Шер Али, с которым был согласован план совместных действий на будущую весну. Факиру к тому же удалось добыть современное оружие, включая пулеметы, для своих лашкаров.

Как всегда, английские войска начали боевые действия в Вазиристане в мае. 19 мая 1938 г. была возобновлена авиаблокада долины Шакту. Новые бомбардировки вместо того, чтобы устрашить вазиров, привели к росту антибританских настроений среди местного населения. Повторилась ситуация 1937 г., когда англичане не могли бросить против Факира свои главные силы из-за активных боевых действий масудов. Лашкар Шер Али своими действиями не только отвлек значительные силы карательных войск, но и вынудил британское командование бросить против него значительные силы авиации{29}.

Тем временем Факир из Ипи 10 мая осадил форт Датта-хель. До 8 июня англичане не могли деблокировать этот форт. Только большое количество пулеметов спасло его гарнизон от поголовного истребления. Когда английские войска пробились к Датта-хель, он уже был превращен самодельными пушками Факира из Ипи в сплошные развалины. Осада Датта-хель является ярким примером полководческого таланта Факира из Ипи. Отступив от форта, он выждал момент, когда англичане отвели свои войска, и в конце июня разрушил его до основания.

Восстание в Вазиристане к 1938 г. уже перестало быть чисто внутренним делом Британской империи. Крупномасштабные действия английских войск в полосе «независимых» племен привлекли внимание мировой общественности. Варварские бомбардировки пуштунских деревень осудили все страны Европы. Но особенно большая шумиха по этому поводу была в Германии, так как фашисты стремились всеми средствами помешать Англии подавить восстание пуштунских племен.

Даже Лига Наций в 1937 г. рассмотрела на одном из своих заседаний вопрос о ситуации в Вазиристане. Чтобы успокоить европейскую общественность, Великобритания пообещала не применять боевую авиацию против мирного населения Вазиристана{30}. Фактически же бомбежки там продолжались с той же интенсивностью.

Однако до конца 1938 г. английское командование так и не смогло подавить восстание в Вазиристане. Умело ведя маневренную войну, Факир из Ипи каждый раз уходил из-под ударов англичан и сам наносил им чувствительные удары. За кампанию 1938 г. его лашкары совершили 65 нападений на британские войска и стратегические объекты{31}.

Один из таких рейдов прославил Факира и Шер Али на весь мир. В ночь на 23 июля лашкар под командованием Шер Али атаковал и захватил г. Банну. Впервые крупный город СЗПП был захвачен восставшими пуштунами. Это произошло благодаря активной помощи местного мусульманского населения, которое видело в воинах Факира из Ипи своих освободителей. Целый день г. Банну находился в руках пуштунов, которые при подходе английских войск отступили в горы.

Почти 2 месяца лашкар Шер Али находился вблизи этого города, сковав 2 бригады британских войск{32}. Индусы и сикхи, которые больше всего пострадали при взятии Банну Шер Али, стали в массовом порядке переселяться за р. Инд. За короткий период население города сократилось на треть. Взятие Банну, по словам Суинсона, «было большим ударом по престижу Великобритании»{33}.

В 1938 г. англичане не смогли нанести поражение Факиру из Ипи, и восстание в Вазиристане продолжалось. Но британские войска все теснее сжимали кольцо вокруг долины Шакту. Все больше военных постов и новых дорог строилось в Вазиристане. Опираясь на них, английское командование могло быстро перебрасывать свои войска во многие районы Вазиристана. Силы вазиров и масудов были на исходе. 2 года авиаблокады нанесли непоправимый урон их полям и стадам. Голод был страшнее английских бомб. Поэтому кампания 1939 г. закончилась уже в середине мая. 10 апреля долина Шакту была взята англичанами, а 13 мая прекратил сопротивление тори-хель.

Факир из Ипи укрылся в пещере близ отдаленного населенного пункта Горвехт, который находился всего в 3 км от афганской границы. Племена Вазиристана не выдали его, несмотря на все требования и угрозы англичан. Факир вновь стал готовить новое восстание против Англии и даже заявил о необходимости создания мусульманского государства на территории пуштунских племен, чем крайне напугал английское правительство{34}. Британские власти в Индии, зная об этих планах, почти все войска, участвовавшие в карательных операциях против вазиров и масудов, оставили в Вазиристане. В течение нескольких лет Великобритании, опасаясь деятельности Факира из Ипи, пришлось держать в Вазиристане 40-тысячную группировку войск.

Глава 27

Авантюра Шами Пира: первая операция спецслужб III рейха в зоне пуштунских племен

Взрывоопасной ситуацией в полосе «независимых» племен не могли не воспользоваться враги Великобритании: в 1938 г. Германия и Италия предприняли первую попытку спровоцировать в своих интересах еще более мощное восстание в Вазиристане и Южном Афганистане. Обе фашистские державы стремились с помощью повстанческого движения пуштунов ослабить оборонный потенциал Британской империи перед началом Второй мировой войны. Поэтому Рим в 1938 г. стал снабжать Факира из Ипи оружием, а германская разведка в качестве пробного шага организовала крупномасштабную провокацию на индо–афганской границе. Эта операция, как и многие другие мероприятия абвера на Среднем Востоке, была многоплановой, но главной ее целью был зондаж обстановки в зоне пуштунских племен.

В 1938 г. в Берлине вновь заинтересовались бывшим афганским королем Аманулой-ханом, который охотно был готов сотрудничать со странами Оси. Поэтому Гитлеру и его окружению нужно было убедиться в популярности экс-эмира среди приграничных племен и проверить, насколько эффективно можно использовать их как против Британской Индии, так и против правящей в Афганистане династии Яхья-хель.

Автором первой крупной операции германской разведки в Вазиристане накануне Второй мировой войной был начальник Ближневосточного отдела германского Министерства иностранных дел В. Хентиг, который долгие годы ждал, когда же он вновь сможет активно начать антибританские интриги среди приграничных пуштунских племен. Даже после окончания Первой мировой войны, будучи уже на дипломатической службе в Китае, он смог в 1920 г. подтолкнуть часть племен Вазиристана к вооруженному выступлению против Англии{1}. Поэтому, когда в Вазиристане вспыхнуло крупное восстание под руководством Факира из Ипи, В. Хентиг решил, что наступил и его «звездный час», и связался с одним из своих агентов в Сирии.

Этим человеком был глава сирийской ветви суфийского братства аль-Кадирийя Мухаммед Саади аль-Гейлани, более известный среди пуштунских племен как Шами Пир. Этот «святой человек» был членом влиятельного в мусульманском мире клана Гейлани, главой которого являлся сам Великий муфтий Иерусалима аль-Хуссейн, также сотрудничавший с державами оси. Кроме этого, Мухаммед Саади приходился дальним родственником Аманулле-хану, который для племен Вазиристана, прежде всего, был их заступником от англичан{2}. Следует также учесть, что аль-Кадирийя было самым влиятельным суфийским братством в Афганистане: даже многие министры афганского правительства были его членами. Всего же в мире более 50 млн (!) мусульман считали себя членами аль-Кадирийя... Одним словом, кандидатура Шами Пира была наиболее подходящей для организации крупной провокации на индо-афганской границе.

План операции в Вазиристане, разработанный в Германии, был прост: Шами Пир должен был попытаться призвать приграничные пуштунские племена к походу на Кабул, чтобы восстановить на престоле Амануллу-хана. Фашистскому руководству было хорошо известно, что ранее пуштуны уже пытались свергнут короля Надир-шаха, так как афганский монарх отказался предоставить им помощь в борьбе против Англии. Поэтому в Берлине не сомневались, что призыв родственника Амануллы к вооруженному выступлению против

проанглийского правительства в Кабуле будет поддержан населением полосы «независимых» пуштунских племен Британской Индии.

На свержение Захир-шаха в результате спровоцированного Шами Пиром восстания на индо-афганской границе в германском МИДе вряд ли кто рассчитывал, но при любом развитии событий в Вазиристане Германия оставалась бы в выигрыше, так как очередное восстание горцев на индо-афганской границе сковало бы дополнительное число британских войск в Индии.

Можно смело утверждать, что В. Хентиг не надеялся на успех наступления вазиров и масудов на Кабул и реставрацию Амануллы, поэтому немецкое посольство в Афганистане даже не уведомили о запланированной подрывной операции среди приграничных племен. Вероятнее всего, это было сделано специально, чтобы английская и афганская разведки не смогли доказать причастность Германии к событиям в Вазиристане.

В. Хентиг из своего опыта, приобретенного в 1915– 1916 гг. в Афганистане, знал, что без денег любая антибританская деятельность среди приграничных пуштунских племен обречена на провал. Поэтому для подкупа пуштунских вождей необходимо было снабдить Шами Пира крупной суммой денег в афганской и индийской валюте (желательно золотыми и серебряными монетами, которые горцы брали охотнее банкнот). Провезти в Индию через английскую таможню такое количество монет германский агент не мог. Поэтому в Берлине приняли решение, что Шами Пир получит необходимую для подкупа племен сумму у индийских ростовщиков, из которых Хентиг выбрал крупнейшего и самого богатого феодала Вазиристана наваба Танка{3}. Этот ростовщик, вероятнее всего, под кабальные проценты и какие-то надежные гарантии согласился предоставить Пиру необходимую сумму.

В начале 1938 г., когда в долине Шакту силы Факира из Ипи отражали атаки английских карательных войск и бои были в самом разгаре, Шами Пир прибыл в Южный Вазиристан. Его приезд стал большим событием для вазиров и масудов, которые традиционно считали суфийские братства Ближнего Востока своими духовными наставниками. При посредничестве аль-Гейлани племена Южного Вазиристана надеялись мирно решить многочисленные споры между собой. В связи с этим на короткое время Шами Пир стал самым влиятельным лицом среди вазиров и масудов.

Момент для появления Шами Пира был выбран очень удачно. К восстанию вазиров под руководством Факира из Ипи были готовы примкнуть многие другие пуштунские племена. Кроме этого, в Афганистане второй год продолжалось восстание племени сулейман-хель, которое насчитывало около 300 тыс. человек{4}. Главной причиной вооруженного выступления сулейман-хель было введение Кабулом пошлин на ввозимые этим племенем в Афганистан из Индии товары.

С середины 30-х гг. XX в. афганское правительство, возглавляемое премьер-министром Хашим-ханом, приступило к строительству укрепленных таможенных пунктов на индо-афганской границе. Таможенные поборы вызвали резкое недовольство среди пуштунских племен, так как многие из них имели средства к существованию только благодаря этой торговле. Племя сулейман-хель, которое было самым богатым среди приграничных пуштунских племен, больше других пострадало от введения пошлин. Поэтому оно было готово восстать против афганского правительства в любой момент.

Последней каплей, переполнившей чашу терпения сулейман-хель, стало решение Кабула, несмотря на все требования пуштунов Южного Афганистана, в конце 1936 г. не оказывать помощи восставшим против Англии племенам Вазиристана. Нарушив запрет афганского правительства, часть этого племени приняла решение оказать помощь Факиру из Ипи. Тогда афганские власти попытались разоружить всех сулейман-хель и ускоренными темпами начали строить военные укрепления на границе с Вазиристаном, чтобы не дать им возможности объединиться с вазирами. Однако сулейман-хель первыми 22 июня 1937 г. начали боевые действия против афганских правительственных войск. Им удалось разгромить полк афганской армии, захватив все его вооружение.

Афганское правительство, напуганное восстанием сулейман-хель и угрозой всеобщего

восстания пуштунских племен Южного Афганистана и полосы «независимых» племен Британской Индии, бросило против мятежного племени 15 тыс. своих наиболее боеспособных войск, включая части королевской гвардии. Чтобы удержать от участия в восстании еще лояльные к Кабулу роды сулейман-хель, Хашим-хан сразу же выплатил им субсидию в 500 тыс. афгани. Благодаря этим мерам афганскому правительству удалось изолировать восставших в Афганистане. Однако на проведение крупной карательной операции против сулейман-хель Кабул так и не решился, хотя правительственные войска имели численное и техническое превосходство. Осторожность Хашим-хана была оправданной, так как в тот момент любая, даже небольшая победа сулейман-хель над афганской армией могла стать сигналом к всеобщему выступлению приграничных племен против Кабула.

Преследуемые афганской армией мятежные роды сулейман-хель ушли в Вазиристан, что еще более накалило обстановку на индо-афганской границе. Если бы они присоединились к восстанию вазиров, это бы могло привести к антибританскому выступлению всех пуштунов полосы «независимых» племен. Англичане, опасаясь такого развития событий, разоружили пробившихся из Афганистана пуштунов и взяли их вождей в заложники. Сулейман-хель без сопротивления сдали часть своих винтовок, так как британские власти гарантировали им, что в будущем году вернут изъятое оружие.

Лишившись большей части винтовок, сулейман-хель не смогли примкнуть к восстанию в Вазиристане, но развернули активную подготовку к возобновлению вооруженной борьбы против афганского правительства. С этой целью к самым крупным приграничным пуштунским племенам они направили свои делегации, чтобы договориться о совместном восстании против Кабула в 1938 г. Многие племена были готовы поддержать сулейман-хель и выступить против Захир-шаха. Так, вазиры и масуды, недовольные проанглийской политикой афганского правительства, сразу же согласились на предложение сулейман-хель. Моманды, шинвари, мангалы и племя джадран хотя и колебались, но тоже были готовы присоединиться к восстанию{5}.

Помешать сулейман-хель проводить агитацию против афганского правительства британские власти не могли, да и, возможно, не хотели, так как рассчитывали, что Хашим-хан, чтобы предотвратить антиправительственный мятеж пуштунских племен, будет вынужден пойти на уступки Англии и заключить с ней новое соглашение о сотрудничестве против приграничных пуштунских племен. Кроме этого, британское правительство было недовольно усилившимся проникновением Италии и Германии в Афганистан и стремилось оказать давление на Хашим-хана, чтобы заставить его ограничить сотрудничество Кабула с державами оси{6}. Одним словом, в данном случае британские власти в Индии решили использовать проверенный способ: оставить Кабул один на один с его мятежными подданными и постараться извлечь из сложившейся ситуации определенную выгоду.

По этим причинам в начале лета 1938 г. англичане вернули сулейман-хель их оружие. Однако на этот раз Англия допустила ошибку, так как британские власти своими действиями невольно помогли Шами Пиру выполнить полученное от Хентига задание и организовать крупную провокацию на индо-афганской границе.

Очередное вооруженное выступление сулейман-хель против афганского правительства едва не переросло во всеобщее восстание приграничных племен против короля Захир-шаха. Когда Шами Пир прибыл в Вазиристан, его сразу же посетила делегация вождей сулейман-хель, которые пожаловались ему на «деспотические методы» правления афганского правительства{7}. Вероятно, от членов этой делегации германскому агенту стало известно, что сулейман-хель со дня на день вновь поднимут восстание против правительства Хашим-хана. Поэтому аль-Гейлани сразу же 15 июня 1938 г. созвал джиргу пуштунских племен близ Канигурама, на которой призвал к походу на Кабул для свержения «узурпатора» Захир-шаха и восстановления власти Амануллы-хана{8}. Не надеясь только на свое красноречие, Пир использовал для подкупа пуштунов огромную сумму денег в афганской серебряной монете (общим весом около 1,5 т), полученную им от наваба Танка.

Масуды и вазиры с воодушевлением откликнулись на призыв Шами Пира свергнуть Захир-шаха и восстановить на престоле Амануллу. Поэтому они быстро сформировали 5-тысячный лашкар, который возглавил Шами Пир, и двинулись к афганской границе.

Казалось, что план Германии спровоцировать вооруженное выступление приграничных пуштунских племен по обе стороны индо-афганской границы близок к успеху. Однако этого не произошло, так как дальновидный и осторожный Факир из Ипи не поддержал Шами Пира. Вероятно, лидер вазиров понял, что за спиной аль-Гейлани стоит какая-то враждебная англичанам держава, которая хочет в своих целях использовать освободительную борьбу пуштунов против Великобритании. Хотя Факир и сам получал оружие от Италии, но никогда не был пешкой в чужой игре и не хотел жертвовать жизнями пуштунов ради чьих-то интересов.

Племя сулейман-хель также решило действовать самостоятельно, и их лашкары, насчитывающие 25 тыс. вооруженных бойцов, также не присоединились к аль-Гейлани. Аналогичную позицию заняли племена момандов и шинвари. Объединенного «похода на Кабул» приграничных племен не получилось.

В июне 1938 г. в результате разрозненных восстаний племен момандов, шинвари и сулейман-хель, а затем и вазиров на юге Афганистана для кабульского правительства сложилась угрожающая обстановка. Численность лашкаров этих племен не уступала численности афганских правительственных войск в Южном Афганистане, хотя Хашим-хан, зная о предстоящем антиправительственном выступлении сулейман-хель, сосредоточил в приграничных с Индией районах 60 тыс. войск{9}. Только несогласованные действия восставших и техническое превосходство афганской армии позволили Кабулу сдержать первое наступление мятежных приграничных пуштунских племен в глубь страны.

Однако ситуация для правящей в Афганистане династии Яхья-хель сложилась критическая. Лашкары сулейман-хель не только прорвались в Афганистан, но и 20—21 июня 1938 г. попытались штурмом взять г. Газни. Правительственным войскам при помощи авиации удалось отбить это нападение. Бомбардировкам с воздуха также подверглись населенные пункты, где проживали сулейман– хель. Шинвари в эти же дни подступили к г. Джелалабаду, и афганскому правительству срочно пришлось перебросить дополнительные силы для защиты этого города.

Если бы сулейман-хель и шинвари поддержали еще и вазиры с масудами и момандами, бои на юге Афганистана приняли бы особенно ожесточенный характер и их исход было бы трудно предугадать. Поэтому афганское правительство сделало все от него зависящее, чтобы лашкары вазиров и момандов не приняли участия в боях на юге Афганистана. Хашим-хан, желая уговорить вождей вазиров не участвовать в восстании против афганского правительства, срочно вызвал из Берлина посла Афганистана в Германии Алла Наваз-хана, который пользовался большим авторитетом у племен Вазиристана. Чтобы помешать Наваз–хану быстро прибыть в Афганистан, немцы под предлогом поломки самолета германской авиакомпании «Люфтганза», которым летел афганский посол, продержали его 7 дней в Багдаде.

К вазирам и другим приграничным пуштунским племенам пришлось выехать самым влиятельным в Афганистане лицам, снабженным для подкупа племен крупными суммами денег. Так, по просьбе короля Захир-шаха к момандам выехали уважаемые этим племенем богослов Шур Базар и министр внутренних дел Мухаммад Гуль-хан.

Однако полной уверенности, что переговоры с племенами закончатся успешно, у афганского правительства не было. Поэтому оно, чтобы заставить британские власти в Индии принять немедленные меры против вазиров и лашкара Шами Пира, пошло на крайние меры: Кабул предупредил британские власти в Индии, что, если они не «успокоят» вазиров, Афганистан разорвет дипломатические отношения с Великобританией и поднимет антианглийское восстание в полосе «независимых» пуштунских племен Индии.

Угроза Афганистана заставила Англию срочно принять меры против Шами Пира, 5-тысячный лашкар которого к 24 июня уже подошел к индо-афганской границе. Германский

агент явно не спешил вступить в бой с частями афганской армии, поэтому его отряду и понадобилось 9 дней, чтобы пройти путь, который можно было преодолеть за 2—3 дня. Расчет у Шами Пира был верный: выждать, пока сулейман-хель и шинвари нанесут первые удары по афганским войскам, понесут потери и будут крайне нуждаться в подкреплениях. В этот момент он со своим отрядом мог бы захватить руководство восстанием в свои руки.

Однако англичане, которые не были заинтересованы в разрыве дипломатических отношений с Кабулом, блокировали войсками движение 5-тысячного лашкара Шами Пира. 24 июня 1938 г. британские самолеты произвели обстрел для устрашения вазиров и масудов, трое из которых были убиты. На бомбардировку пуштунов англичане не решились, боясь еще больше ухудшить ситуацию в зоне пуштунских племен. По этой же причине они проявили и большую щедрость в отношении аль-Гейлани, хотя его положение было безвыходным. Ему была предложена взятка в размере 25 тыс. фунтов стерлингов. Кроме этого, «святому человеку» из Сирии также было гарантировано: специальный английский самолет доставит его в Багдад. Шами Пир согласился на эти условия и 30 июня сдался в плен британскому политическому агенту Южного Вазиристана майору Бернсу{10}. Деморализованные его бегством пуштуны разошлись по домам. Надо отметить, что английские власти в Индии выполнили свои обязательства перед германским агентом, который вскоре уже был в Дамаске.

Англия пощадила этого немецкого агента по ряду причин.

1. Английская разведка не смогла своевременно выявить его контакты с В. Хентигом. Спецслужбы Великобритании не имели в тот момент доказательств, свидетельствующих о сотрудничестве Шами Пира с фашистской Германией. В связи с этим у английских властей в Индии не было единой точки зрения на события в Вазиристане: высокопоставленный чиновник в британской колониальной администрации Индии О. Кароэ справедливо считал, что за «святым человеком» стояла Германия. С ним не соглашался губернатор Северо-Западной Пограничной провинции Д. Каннингхем, который обвинял в провокации на индо-афганской границе Италию{11}. Чтобы выяснить, кто же заслал аль-Гейлани в Вазиристан, англичанам необходимо было проследить все его связи в Сирии.
2. Англия боялась репрессивными мерами против уважаемого восточными пуштунами «святого человека» из братства аль-Кадирийя вызвать гнев племен Вазиристана и еще более обострить обстановку на индо-афганской границе.
3. В Палестине в 1938 г. сложилась крайне опасная для Великобритании обстановка – арабы под руководством муфтия Иерусалимского были готовы восстать в любой момент (что и произошло в 1939 г.). В этой ситуации английское правительство не хотело арестом Шами Пира еще больше ухудшить свои отношения с его дядей аль-Хуссейном.

Снисходительность британских властей в Индии к Шами Пиру укрепила в Кабуле подозрение, что за событиями на индо-афганской границе стоит Англия. Афганское правительство долгое время считало этого «святого человека» главным виновником восстания пуштунских племен. Когда же перед своим отлетом из Индии Шами Пир был принят вице-королем Британской Индии, у афганского руководства не осталось сомнений в том, что выступление приграничных пуштунских племен организовала Великобритания.

10 июля 1938 г. министр иностранных дел Афганистана Али Мухаммед-хан сообщил советскому послу К. Михайлову о причастности Англии к деятельности Шами Пира и о том, что «афганское правительство очень недовольно английским подстрекательством племен и обратилось с нотой к англичанам, в которой заявило, что готово поднять племена „независимой“ полосы против англичан... если последние не прекратят подстрекательства племен против афганского правительства»{12}. В конце беседы Али Мухаммед-хан заявил К. Михайлову: «Афганские войска стоят у границ Вазиристана и в случае чего готовы перейти эти границы (так в документе. – Ю. Т.)».

На следующий день наиболее влиятельная в Афганистане газета «Ислах» опубликовала статью, в которой говорилось о решимости афганского правительства организовать антибританское восстание горцев полосы «независимых» пуштунских племен Индии. Кроме

этого, премьер-министр Хашим-хан возобновил выплату субсидий племенам Вазиристана и отказался посредничать между англичанами и Факиром из Ипи, хотя ранее глава афганского правительства обещал английскому правительству свое содействие в «замирении» мятежных вазиров.

Летом 1938 г., когда Кабул стремился оказать нажим на Англию, чтобы британское правительство помешало восточным пуштунам примкнуть к восстанию пуштунов в Южном Афганистане, на индо-афганской границе продолжались боевые действия между правительственными войсками и мятежными племенами. Несмотря на первые поражения, сулейман-хель и их союзники не собирались складывать оружие. Избегая крупных сражений, они готовились к решающей битве. 30 июня 1938 г. советский посол сообщил в Москву: «По имеющимся у нас сведениям, в ближайшие дни предстоит крупное сражение между повстанцами и правительственными войсками, которое может определить исход восстания...»{13}

Эта битва так и не состоялась, так как к сентябрю Англии и афганскому правительству удалось подкупами и различными уступками пуштунским племенам отколоть от сулейман-хель всех союзников и блокировать район восстания войсками. Поэтому некоторые роды сулейман-хель заключили перемирие с Кабулом, а наиболее воинственные кланы вынуждены были откочевать в Индию, где они вновь стали готовиться к возобновлению вооруженной борьбы против афганского правительства.

Повторения событий 1938 г. на индо-афганской границе Англия допустить не могла, так как существовал риск, что вазиры и сулейман-хель все же смогут объединиться, да еще под руководством эмиссара Германии или Италии. В этом случае Факир из Ипи мог бы с новыми силами, прибывшими из Афганистана, начать боевые действия против британских войск в Вазиристане. Так, в августе 1938 г. лашкары пуштунских племен из Южного Афганистана пробились в Вазиристан, и только бомбардировками с воздуха англичане смогли заставить их вернуться назад.

Без сотрудничества с Кабулом эффективно бороться с приграничными пуштунскими племенами Великобритания не могла, поэтому британские власти в Индии пошли на экстренные меры: в Кабул со специальной миссией был направлен секретарь по иностранным делам правительства Индии О. Меткаф. Если учесть, что после завоевания Афганистаном независимости правительство Индии снисходило до переговоров в афганской столице только один раз в 1921 г., когда после третьей англо-афганской войны был подписан мирный договор, можно себе представить, какое большое значение придавали в Лондоне и Симле событиям в Вазиристане.

6 октября 1938 г. О. Меткаф прибыл в Кабул, где в течение нескольких дней вел переговоры с Захир-шахом, премьер-министром Хашим-ханом и другими представителями афганского правительства. Во время этих переговоров британский дипломат стремился убедить афганцев, что Англия не имеет никакого отношения к авантюре Шами Пира.

В Кабуле ему не верили. В связи с этим афганское правительство согласилось быть посредником между англичанами и Факиром из Ипи, но за это требовало, чтобы Великобритания дала твердые гарантии не использовать приграничные пуштунские племена против афганского правительства. Более того, от Лондона афганская сторона хотела получить обещания, что у Англии нет «агрессивных намерений» в отношении пуштунов «независимой» полосы Британской Индии{14}. Дать таких гарантий англичане не могли, поэтому переговоры зашли в тупик.

В столь критической ситуации О. Меткаф проявил большую дипломатическую ловкость. Британский дипломат убедил Хашим-хана в необходимости заключения «джентльменского» соглашения о совместной политике по поддержанию стабильности в зоне пуштунских племен. Меткаф предложил афганскому правительству условия.

1. Великобритания брала на себя обязательства не использовать племена против Кабула.
2. Афганистан, в свою очередь, должен был отказаться «от выражения какого бы то ни было сочувствия» пуштунским племенам Британской Индии.

3. Англия оказывала афганскому правительству помощь вооружением и деньгами для укрепления афгано-индийской границы.

Британский дипломат все правильно рассчитал. Правящий в Афганистане клан Яхья-хель боялся приграничных пуштунских племен не меньше англичан, поэтому, когда англичане предложили афганцам укрепить свою границу самим, Хашим-хан согласился. Великобритания обязалась предоставить Афганистану 10 тыс. одиннадцатизарядных винтовок, 1 тыс. пулеметов и 5 млн патронов к ним{15}. Правда, потом вместо пулеметов Англия по своей инициативе поставила афганской армии 20 боевых самолетов, так как авиация была самым эффективным оружием против кочевых племен.

На содержание и реорганизацию афганских пограничных войск англичане выделили ежегодную субсидию в размере 170 тыс. фунтов стерлингов. По-видимому, кроме выдачи столь щедрых даров Меткаф еще сумел подкупить премьер-министра Хашим-хана, на счет которого в Имперский банк Индии Англия с этого времени тайно ежегодно переводила 5 млн рупий{16}.

«Соглашение Меткафа» позволило нормализовать англо-афганские отношения, но лишь ценой односторонних уступок с английской стороны. Афганское же правительство в будущем не раз нарушало его, оказывая помощь приграничным пуштунским племенам. Тем не менее именно соглашение 1938 г. заложило основу сотрудничества между Афганистаном и Великобританией против деятельности фашистской агентуры в полосе «независимых» пуштунских племен в годы Второй мировой войны.

Однако даже в июле 1941 г. британский посланник в Кабуле В. Фрэзер-Тайтлер на одной из встреч с советским послом К. Михайловым с горечью констатировал: «...Англичане допустили большую ошибку, что разрешили известному Шами Пиру приехать... в полосу племен. Шами Пир занялся „организацией революции“ в Афганистане, в связи с чем англо-афганские отношения резко обострились. Потребовалось много труда, прежде чем удалось их улучшить»{17}.

Следует сказать несколько слов о дальнейшей судьбе Шами Пира, доставившего англичанам столько хлопот. За Шами Пиром британской разведкой после его возвращения в Дамаск была установлена слежка, которая вскоре позволила выяснить, на кого работал «святой человек»: весной 1939 г. англичане засекли его контакты в Египте с Хентигом. Для Англии сразу стало ясно, кто организовал провокацию в Вазиристане. Поэтому британское правительство стало требовать от Хашим-хана, чтобы Кабул свернул свои отношения с Германией. Однако Хашим-хан резко отверг эти требования, так как сотрудничество с III рейхом было очень выгодно Афганистану. Английское правительство вынуждено было временно отступить.

С началом Второй мировой войны интерес к Шами Пиру у британского и афганского руководства резко возрос. В сентябре 1939 г. Хашим-хан смог добиться от французского правительства ареста «святого человека». О чем премьер-министр сразу же известил англичан{18}. 12 сентября 1939 г. Пир вместе с женой были арестованы французскими властями в Сирии.

Под арестом Шами Пир находился недолго. Видимо, французские власти, так же как и англичане, не рискнули пойти на конфликт с могущественным кланом Гейлани. Уже 22 сентября 1939 г. английское правительство направило своему консулу в Дамаске приказ «помешать восстановлению контактов Шами Пира с немцами и итальянцами или с его агентами в районе северо-западной границы Индии» ради сохранения стабильности в Афганистане и «независимой» полосе племен СЗПП{19}.

Таким образом, авантюра Шами Пира была первой успешной операцией абвера в полосе «независимых» племен Британской Индии. С ее помощью Германия смогла достигнуть таких результатов, на которые вряд ли рассчитывала. «Разведка боем» Пира в Вазиристане не только подтвердила популярность Аманулла-хана среди пуштунских племен, но нанесла Великобритании значительный ущерб.

1. Произошло ухудшение англо-афганских отношений, и Германия могла не опасаться, что

восстание в Вазиристане при посредничестве Кабула будет прекращено.
2. Чтобы нормализовать отношения с Афганистаном, Лондон был вынужден пойти на большие финансовые издержки: взятка афганскому премьеру (5 млн рупий), ежегодная субсидия 170 000 фунтов стерлингов и т. д.
3. Великобритании пришлось продать Афганистану 20 современных боевых самолетов, которые уже не могли принять участие в боевых действиях в Европе.
4. Авантюра Шами Пира принесла солидные дивиденды Германии и доказала еще раз фашистскому руководству, сколь легко можно использовать пограничные пуштунские племена как против Кабула, так и против Англии. Первый успех немецкой разведки в Вазиристане перед самым началом Второй мировой войны породил у некоторых деятелей фашистского руководства Германии надежду, что с помощью аманулистов и своей агентуры в зоне пуштунских племен они смогут спровоцировать всеобщее антибританское восстание пуштунов. Чтобы подавить вооруженное выступление приграничных племен, Англии потребовались бы крупные силы войск, которые она уже не смогла бы перебросить в Северную Африку. Поэтому страны Оси сделали ставку на поддержку Аманулы-хана и использование вооруженной борьбы пуштунских племен для ослабления Великобритании.

Глава 28
Операции «Аманулла» и «Тибет»

Развязав Вторую мировую войну, фашистская Германия пыталась всеми способами победить Великобританию. Фашистское руководство понимало, что главным английским колониальным владением и основой всей великой Британской империи является Индия. Для Гитлера, как пишет крупный западногерманский историк Хилльгрубер, «было аксиомой: Индия является ядром Британской империи», поэтому он надеялся, что «завоевание Индии заставит Англию пойти на уступки»{1}. Но до завоевания «жемчужины британской короны» было еще далеко. Чтобы лишить Великобританию огромных людских и материальных ресурсов Индии, Германия попыталась организовать всеобщее восстание пуштунских племен Британской Индии.

У Германии уже был богатый опыт, приобретенный в этом регионе в период Первой мировой войны. В Берлине с этого времени утвердилось мнение, что немецкой дипломатии и разведке не удалось использовать все благоприятные возможности в Афганистане и полосе «независимых» пуштунских племен Индии для ослабления Великобритании. Пример миссии Нидермайера – Хентига и авантюры Шами Пира доказывал, что при наличии крупных денежных средств и устойчивой связи с Афганистаном можно поднять вооруженное восстание пуштунских племен и тем самым нейтрализовать британскую армию в Индии.

Кроме объективных причин, значительную роль в преемственности планов Германии в отношении Афганистана сыграл и субъективный фактор. Так, О. Нидермайер к началу Второй мировой войны в звании полковника стал офицером для особых поручений при начальнике штаба Верховного командования вооруженными силами (ОКВ) генерале (с 1940 г. – генерал-фельдмаршале) В. Кейтеле и справедливо считался одним из лучших экспертов по Среднему Востоку. Не менее успешную карьеру сделал и другой руководитель миссии 1915—1916 гг. в Афганистане – В. Хентиг, который стал начальником Ближневосточного отдела в Министерстве иностранных дел и курировал все вопросы, связанные с арабскими странами, Турцией, Ираном и Афганистаном.

Первое время после прихода к власти фашистам было не до Афганистана и Индии, но уже в 1935 г. в Берлине вернулись к политике активного проникновения в Афганистан. Учитывая проанглийскую позицию короля Захир-шаха и Хашим-хана, который держал в своих руках все рычаги управления страной, в Берлине и Риме сделали ставку на Амануллу-хана и остались верны ей до конца Второй мировой войны. Главной причиной этой «верности», по словам американского историка Ч. Миллера, было желание Гитлера «с помощью Амануллы поднять антибританское восстание племен (пуштунов. – Ю. Т.) вдоль индо-афганской границы, для подавления которого потребовалась бы... вся индийская армия»{2}.

Один из самых умных и осведомленных среди европейских дипломатов в Кабуле

итальянский посланник Пьетро Кварони после капитуляции Италии в беседе с советским поверенным в делах Самыловским 21 декабря 1943 г., оценивая политическую ситуацию в Афганистане в годы войны, говорил следующее: «В Афганистане имеются сторонники Аманулы, особенно среди племен, но они не представляют какой-либо оформленной партии. Это определенное, хотя и не оформленное течение, и к нему можно отнести ту часть прогрессивно настроенных сардаров{3} и новой афганской интеллигенции, которые желали бы иметь конституционную монархию. Они недовольны диктатурой премьер-министра Хашим-хана, и для них Аманулла является олицетворением прогрессивного короля, боровшегося за независимость Афганистана и добившегося ее в войне с англичанами. Дело не в Аманулле, а в том, что в Афганистане нет другой крупной фигуры, которая могла бы олицетворять указанные настроения»{4}.

С началом Второй мировой войны в Берлине еще более активно приступили к разработке и осуществлению планов по дестабилизации ситуации на северо-западной границе Индии. С этой целью, по точному выражению британского историка М. Хаунера, «главные эксперты по Афганистану Хентиг, Нидермайер и Гробба лихорадочно работали над возобновлением старых планов»{5}. Еще не была взята Варшава, а германский министр иностранных дел Иоахим фон Риббентроп пригласил в свой спецпоезд В. Хентига и предложил ему стать посланником в Кабуле, чтобы на месте организовать мятеж приграничных пуштунских племен. В. Хентиг согласился, но при условии, что ему в Афганистане будет подчинена вся разведсеть и все немецкие организации. Время прибытия в Кабул он тоже должен был определить сам. Его условия были приняты. И. Риббентроп спешил начать подрывные акции в Индии, так как он знал, что скоро в Северной Африке начнутся боевые действия. В связи с этим III рейху было необходимо сковать английские силы в Индии.

Германская правящая верхушка после заключения пакта о ненападении с СССР надеялась, что она сможет привлечь к осуществлению своих планов в Афганистане советское правительство. Уже упомянутый Фриц Гробба, арестованный советской контрразведкой после поражения III рейха, на одном из допросов свидетельствовал: «После начала войны Риббентроп собрал у себя различных знатоков Дальнего и Ближнего Востока и обсудил с ними возможность организации диверсионных актов (в восточных странах. – Ю. Т.). [...] В частности, была обсуждена возможность организации диверсий в Британской Индии. Все присутствующие высказали мнение, что вследствие отсутствия прямого сообщения между Германией и Индией подобного рода действия могут быть предприняты только совместно или с согласия Советской России»{6}.

В 1946 г. Гробба более детально высказался о позиции в отношение риббентроповского плана «похода на Индию», составной частью которого было превращение Афганистана в плацдарм для боевых действий против Британской империи: «Лично я и Хентиг заявляли, что восстановление (Аманулы. – Ю. Т.) на афганском троне могло быть осуществлено Германией только с помощью России»{7}. Таким образом, все германские планы спровоцировать антибританский мятеж в зоне пуштунских племен в 1939– 1940 гг. строились с расчетом помощи со стороны Советского Союза в свержении правящей в Афганистане династии Яхья-хель.

Первым свой план действий против Индии представил Нидермайер, который 3 ноября 1939 г. в своей докладной записке «Политика и ведение войны на Ближнем Востоке» предложил атаковать Британскую империю совместно с СССР через Кавказ{8}. Чтобы сковать английские войска в Индии, он традиционно предложил поднять восстание пуштунских племен. Его план был одобрен германским Генштабом, и 6 января 1940 г. начальник оперативного отдела ОКВ генерал Альфред Йодль в своем докладе подчеркнул, что в Афганистане необходимо все усилия направить на разжигание мятежа пуштунских племен с целью создания угрозы Индии и тем самым недопущения переброски войск в Англию{9}.

Для реализации этой же задачи спецслужбы и Министерство иностранных дел III рейха предприняли попытку скоординировать свои действия в Афганистане. Они предложили два плана деятельности фашистской агентуры в полосе «независимых» племен. СС разработало

план, по которому для подрывной деятельности среди горных племен использовалась бы территория не только Афганистана, но и Тибета. Осуществление операции «Тибет», по замыслу его автора гауптштурмфюрера Эрнста Шеффера, должно было «подорвать британское господство в Тибете и Гималаях». С этой целью планировалось организовать крупное восстание «разбойничьих племен» и осуществить диверсионные акты против стратегически важных объектов (железнодорожные мосты, линии телеграфа) и частей британской армии. Предусматривалось, что операция «Тибет» будет осуществляться в три этапа.

1. Первый этап был уже реализован, и к осени 1939 г. в Тибет были заброшены три агента с крупной суммой денег.
2. В дальнейшем в Тибет через Афганистан планировалось послать отряд из 10—30 человек, каждый из которых имел бы пулемет и автомат. Но главным их оружием были бы деньги, поэтому им предполагалось выдать до 3 млн рейхсмарок для проведения антибританской акций.
3. На следующем этапе в 1941 г. при содействии СССР Э. Шеффер надеялся организовать «научную» экспедицию из 200 офицеров и унтер-офицеров СС, прошедших спецподготовку. Он был уверен, что Советское правительство разрешит создать в одной из Среднеазиатских республик базу для войск СС. Его экспедиция, стартовав с этой базы, должна была доставить для племен Тибета и северных районов «независимой» полосы Британской Индии караваном из 3 тыс. вьючных животных крупную партию оружия, включая минометы{10}.

Министерство иностранных дел Германии выдвинуло план реставрации на афганском престоле Аманулы-хана. Главным автором операции «Аманулла» был В. Хентиг, который надеялся, что сотрудничество с СССР позволит не только развернуть подрывные операции против Британской Индии, но и, возможно, отсрочить военную конфронтацию между Германией и Советским Союзом. Главной же целью операции «Аманулла», как говорилось в одном из документов МИДа Германии, было «приобретение базы для операций любого рода против Индии, сковывание английских вооруженных сил, поддержка повстанческого движения в Вазиристане».

По замыслу В. Хентига, для свержения короля Захир– шаха необходимо было из воинов гильзайских племен, некоторые из которых откочевали из Афганистана в советский Туркестан, сформировать отряд около 2 тыс. человек под руководством Сиддик-хана, вооруженных немецким оружием, и захватить важный административный центр Северного Афганистана г. Мазари-Шариф. В. Хентиг также предполагал, что аманулистам удастся поднять восстание приграничных пуштунских племен, прежде всего афридиев, момандов и шинвари, чтобы организовать совместный поход на Кабул{11}. В случае мощного восстания пуштунских племен Захир-шах был бы обречен.

Для полной гарантии успеха В. Хентиг планировал задействовать в операции «Аманулла» и одну горную дивизию вермахта, которая бы поддержала наступление отряда Сиддик-хана с территории советского Туркестана на Кабул. Помощь СССР должна была свестись к «перевозке войск, строительству необходимых пунктов снабжения и переброске войск вдоль афгано-советской границы»{12}.

Пла Так как их осуществление было невозможно без содействия СССР, германский посол в Москве В. Шуленбург 13 сентября 1939 г. получил указание от И. Риббентропа осторожно прозондировать позицию Советского правительства в отношении реставрации Аманулы-хана. По-видимому, В. Шуленбург был против этой авантюры, поэтому не спешил объясниться с В. Молотовым по данной проблеме.

В октябре 1939 г. стало окончательно ясно, что Германия приступила к реализации плана «Аманулла». 17 октября И. Риббентроп вновь приказал германскому послу выяснить точку зрения правительства СССР о возможности осуществления операции «Аманулла». В этот же день Сиддик-хана пригласил в свой служебный кабинет В. Хентиг, который предложил афганцу «взять на себя инициативу по подготовке восстания в Афганистане для свержения правящей господствующей там династии Надир-шаха и возвращения в Кабул бывшего

короля Аманyллы-хана [...]»{13}.

17 октября Сиддик-хан посетил советское посольство. Как доложил в Москву резидент НКВД в Берлине советник посольства А. Кобулов, представитель Аманyллы хотел получить визу для поездки в советскую столицу, так как «правительство Афганистана он считает находящимся целиком под английским влиянием и хотел бы поговорить в Москве об изменении правопорядка в Афганистане при помощи Советского Союза»{14}. Сиддик-хан в конце беседы сообщил о предстоящей поездке к Аманyлле в Италию, где он пробудет 3—4 дня, и попросил предоставить ответ на свою просьбу ко времени его возвращения в Берлин.

Не дожидаясь приезда Сиддик-хана, Аманyлла-хан выехал со своим сыном Хидаятyллой в Швейцарию, откyда позвонил ему в Берлин. Во время телефонного разговора афганские политики обсyдили вопрос о получении германской помощи для реставрации власти Аманyллы в Афганистане{15}.

В том же месяце состоялась решающая встреча Аманyллы с Сиддик-ханом в одном из отелей итальянского г. Больцано. На ней было условленно, что после получения согласия Москвы Аманyлла-хан «переедет в Ташкент, а по занятии Мазари-Шарифа обратится как король Афганистана с призывом к населению о всеобщем восстании и вслед за войсками двинется на Кабyл»{16}. Следует отметить, что Аманyлла-хан доверял своему соратнику и предоставил ему полную свободy в переговорах с немцами. Благодаря активности Сиддик-хана многие детали плана «Аманyлла» были yточнены.

К реализации замыслов В. Хентига и Сиддик-хана можно было приступать только после согласия Кремля оказать помощь Аманyлле. А В. Шyленбyрг продолжал медлить. Лишь 2 ноября 1939 г. перед отъездом в Берлин немецкий посол ночью встретился с наркомом иностранных дел В. Молотовым.

Повод для встречи с ним В. Шyленбyрг выбрал самый незначительный: он хотел получить от советского правительства разрешение для Риббентропа поохотиться в карпатских лесах. В конце встречи посол Германии вдрyг неожиданно сообщил Молотовy, что перед отъездом в Берлин «он немного занимался сегодня афганским вопросом и ему пришла мысль спросить Молотова, какого он мнения о Надир-шахе»{17}. И тyт же Шyленбyрг добавил: «Кажется, Аманyлла начинает что-то предпринимать». Наверное, такой резкий переход от охоты к обсyждению личностей двyх бывших королей Афганистана очень yдивил Молотова, и он ограничился репликой, что «Аманyлла, кажется, сошел со сцены». На этом беседа и закончилась.

Только после своего возвращения из Берлина В. Шyленбyрг, получив точные инструкции, начал переговоры с В. Молотовым о готовящейся операции в Афганистане. 13 ноября посол встретился с главой советского внешнеполитического ведомства и заявил, что германское правительство с целью быстрого окончания войны хочет «сделать сильный нажим на Англию»{18}. Поэтомy оно просит правительство СССР «послать в Афганистан Аманyллy и его людей для нажима на англичан, но идеалом была бы военная демонстрация (советских войск. – Ю. Т.) на границах Афганистана и Кавказа без агрессивных намерений. Если это окажется невозможным, то желательно, чтобы советское правительство не отвергало подобных слyхов»{19}. В. Молотов пообещал рассмотреть просьбy германского правительства.

17 ноября В. Молотов пригласил к себе В. Шyленбyрга и сообщил ему, что в отношении распространения слyхов об yсилении сил Красной Армии на Кавказе и советско– афганской границе «Советское правительство... не возражает»{20}. Видя нежелание В. Молотова первым начинать разговор о планах реставрации Аманyллы и военной экспедиции в Тибет, В. Шyленбyрг сам спросил советского наркома иностранных дел о «возможности проезда в Афганистан Аманyллы и его людей, а также о содействии проездy Шеффера в Тибет».

Тогда В. Молотов попытался выяснить y германского посла, «в чем должно выразиться содействие советских властей Аманyлле и Шефферy». Но В. Шyленбyрг сам не знал всех деталей этих операций, поэтомy лишь выразил «yдовлетворение тем, что т. Молотов не отклонил возможность обсyждения этих вопросов».

12 декабря 1939 г. И. Риббентроп назначил для переговоров с В. Молотовым специалиста по Восточной Европе П. Клейста, который мало знал об операциях «Тибет» и «Аманулла», но был компромиссной фигурой, устраивающей как СС, так и абвер{21}. П. Клейст был выдвиженцем И. Риббентропа и в первую очередь представлял на переговорах в Москве интересы германского Министерства иностранных дел и абвера, но как офицер СС он был подчинен Гиммлеру и не мог игнорировать пожелания рейхсфюрера. Как это ни удивительно, кандидатура немецкого представителя для переговоров в Москве устраивала и Советское правительство, так как П. Клейст был информатором советской разведки, которой передавал наисекретнейшие сведения{22}.

Отправить в Москву Сиддик-хана, знавшего все детали операции «Аманулла», германская сторона не решилась. В Берлине опасались прямых переговоров посланца Амануллы-хана с советским правительством, так как, вероятно, не исключали возможности двойной игры как со стороны СССР, так и со стороны Сиддик-хана, который был лично знаком с И. Сталиным.

17 декабря 1939 г. В. Шуленбург встретился с В. Молотовым и сообщил ему о прибытии П. Клейста. Реакция советского министра на это известие была очень холодной. Но все же в середине декабря в советской столице в течение нескольких дней представитель И. Риббентропа вел переговоры с В. Молотовым. Российские документы, относящиеся к визиту Клейста в Москву, еще недоступны исследователям, но из уже опубликованных немецких источников известно, что «русские в принципе согласились с действиями Германии, но воздержались от окончательного одобрения»{23}.

Именно этими словами подвел итог своей поездки П. Клейст на совещании 9 января 1940 г., на котором он отчитывался о результатах проведенных им переговоров. Шеф абвера адмирал В. Канарис, присутствовавший на этом совещании, был крайне недоволен таким расплывчатым ответом советской стороны, так как считал, что «без активного сотрудничества с русскими план („Аманулла“. – Ю.Т.) не имел шансов на успех»{24}. Поэтому в Берлине было решено продолжить переговоры в Москве.

Но против осуществления плана «Аманулла» выступил глава внешнеполитического отдела НСДАП Альфред Розенберг, который опасался, что попытка Амануллы вернуть себе власть приведет к гражданской войне в Афганистане и заставит Захир-шаха искать союза с Великобританией. В день отъезда П. Клейста в Москву А. Розенберг подготовил для Гитлера докладную записку под названием «Операции против Индии», в которой указал на опасность потери «результатов многолетнего проникновения в Афганистан», если Аманулла попытается свергнуть существующее в Кабуле правительство. 18 декабря 1939 г. внешнеполитический отдел нацистской партии составил еще одну записку, в которой резко критиковалась операция «Аманулла». В ней указывалось, что афганское правительство располагает сильной армией и сможет легко подавить восстание пуштунских племен, и тогда «Афганистан будет потерян как база для удара Германии по Британской Индии»{25}.

А. Розенберг считал возможным «убедить афганское правительство поддержать приграничные племена в их борьбе против Британии и оказать им неофициальную систематическую помощь»{26}. Гитлер согласился с точкой зрения Розенберга и отклонил план реставрации Амануллы.

Но абвер и германский МИД решили продолжить на свой страх и риск переговоры в Москве. И в феврале 1940 г. П. Клейст второй раз приехал в СССР. На этот раз ему не удалось встретиться с В. Молотовым, но он, по германским источникам, провел переговоры с представителями советской разведки{27}. Еще в свой первый визит П. Клейст предложил, чтобы тибетскую экспедицию сопровождали офицеры НКВД{28}. Теперь советская сторона согласилась участвовать в операции «Тибет». А план «Аманулла» Советское правительств отвергло.

Переговоры с П. Клейстом использовались советской разведкой для получения необходимой информации о планах фашистской Германии в отношении Афганистана и Индии. Операция «Тибет» была выбрана для сотрудничества с немцами лишь для отвода глаз. Она не имела больших шансов на успех, даже если бы ее поддержал Советский Союз.

Провал второго визита П. Клейста в Москву показал, что Советское правительство не намерено помогать немцам в осуществлении их планов в Афганистане. Поэтому 5 марта 1940 г. В. Шуленбург встретился с В. Молотовым, которому заявил: «План касательно Тибета и Афганистана, с которым приезжал в Москву г-н Клейст и который ему самому... казался фантастическим, не исходил от фюрера и фон Риббентропа. Поэтому вопрос об Афганистане... снимается совсем»{29}.

Однако в Берлине и Риме, как показали дальнейшие события, не отказались от идеи осуществления в Кабуле государственного переворота с целью свержения «проанглийского» режима Захир-шаха. План «Аманулла» был лишь отложен до более благоприятного момента.

Визит риббентроповского эмиссара заставил В. Молотова принять меры для того, чтобы советско-афганские отношения не пострадали от вероятной утечки информации о мнимой причастности СССР к операции «Аманулла». 9 февраля 1940 г. советский посол в Афганистане К. Михайлов получил из НКИД указание сделать афганскому министру иностранных дел заявление от имени Советского правительства о том, что «Советский Союз хочет сохранить и укрепить мир с Афганистаном»{30}. Директива главы НКИД была выполнена. Дальнейшие события показали, что бдительность В. Молотова была оправданной.

Индийская политическая разведка (ИПР) бдительно следила за бывшим афганским монархом и его окружением. Ей удалось получить информацию о переговорах Сиддик-хана с Амануллой-ханом, во время которых обсуждалась возможность с помощью Германии и СССР попытаться весной 1940 г. поднять восстание в Афганистане и свергнуть короля Захир-шаха. В качестве платы за помощь предполагалось отдать Советскому Союзу афганский Туркестан, но при условии, что Москва гарантировала бы возвращение Афганистану северо-западных районов Британской Индии{31}. ИПР также получила разведданные о переписке между В. Молотовым и И. Риббентропом{32}.

Информация о предстоящей поездке Сиддик-хана в Москву окончательно убедила Лондон, что Германия добилась разрешения на проход своих войск и провоз вооружения через территорию СССР с целью реставрации Амануллы. В это же время английское разведывательное бюро в Пешаваре получило ложные сведения о том, что Гулям Сиддик-хан приехал в советскую Среднюю Азию из Европы с 20 немецкими офицерами и осматривал границу по Амударье{33}.

Эта непроверенная развединформация была срочно передана афганскому правительству, которое предприняло ответные меры. 21 марта 1940 г. в Кабуле послу К. Михайлову был вручен меморандум о враждебной династии Яхья-хель деятельности Сиддик-хана. А 23 марта афганский посол в Москве Ахмед-хан встретился с В. Молотовым и поднял вопрос о причастности Советского правительства к деятельности Сиддик-хана. В ответ на это В. Молотов заявил: «Советское правительство не интересуется Гулям Сайдыком (так в документе. – Ю. Т.) и не имеет с ним никаких отношений»{34}.

Еще более жестко и решительно правительство Хашим– хана потребовало объяснений от германского посланника Ганса Пильгера. Этому дипломату пришлось долго опровергать причастность Германии к плану реставрации Амануллы-хана. При этом он постарался свалить всю вину на СССР. Так, в докладе советского посольства за 1940 г. отмечалось: «Немецкий посланник Пильгер заявил афганцам, что немцы ничего не знают о попытках Амануллы, что касается помощи со стороны СССР Аманулле, то это-де не исключено»{35}.

В Берлине так и не заподозрили двойной игры советского руководства, и вплоть до начала 1941 г. немцы пытались реализовать полученное от Москвы разрешение на проведение операции «Тибет». 31 мая 1940 г. П. Клейст посетил советское посольство в Берлине и просил предоставить ему многократную визу, так как «скоро собирается в Москву»{36}. Судя по рассекреченным документам, виза предоставлена не была, что было крайне редким случаем в практике советско-германских отношений в тот период...

Несмотря на трудности, П. Клейст все же надеялся осуществить экспедицию в Тибет. После поражения Франции на приеме в советском посольстве он заявил резиденту советской

разведки советнику посольства А. Кобулову: «Победа над Английскими островами вовсе не означает развала Британской империи и не приведет к сдаче ее колониальных владений Германии. Для этого необходимы будут толчки на местах в самих колониях. Подобную роль преследует, например, посылка при содействии СССР германской „научной экспедиции“ в Тибет. Германия пока еще не воспользовалась соглашением СССР на данное мероприятие, так как это дело ближайшего будущего»{37}.

В Кабуле со все возрастающим беспокойством и страхом наблюдали за развитием советско-германских отношений. Афганское правительство боялось, что СССР и Германия попытаются реставрировать Аманулу-хана. Эти страхи подогревала Англия, снабжая Хашим-хана развединформацией об активизации аманулистов в Европе. Британской разведке удалось раскрыть замысел и детали плана «Аманулла», поэтому в Индии с тревогой ожидали развития событий в Афганистане. По всем базарам уже Среднего Востока распространились слухи о скором возвращении Амануллы, и население доверяло им больше, чем правительственным сообщениям и газетам, вместе взятым.

Знай правительства Великобритании и Афганистана о настоящей реакции Кремля на предложения И. Риббентропа, они бы не тревожились по поводу советской помощи III рейху в свержении династии Яхья-хель. Судя по архивным документам, НКИД и руководство советской разведки приказало своим сотрудникам прервать все контакты с аманулистами. Поэтому, когда 20 октября 1939 г. в советское посольство пришел бывший секретарь афганской миссии в Берлине некто Хаким и «предложил свои услуги в части смены проанглийского, по его мнению, правительства Афганистана на правительство, которое было бы угодно СССР»{38}, посол А. Шкварцев в ответ на это предложение в резкой форме заявил, что «не намерен заниматься обсуждением подобных предложений». А 28 декабря 1939 г. А. Кобулов получил приказ руководства советской разведки прекратить все контакты с Сиддик-ханом.

Подводя итоги советско-германских переговоров по вопросу о совместных действиях в Афганистане, необходимо отметить, что Москва пошла на них лишь с целью раскрыть планы фашистского руководства в отношении Афганистана и Индии. Все попытки немцев получить помощь от СССР в осуществлении операций абвера и СД против Британской Индии закончились провалом.

Глава 29

Кризисдоверия 1940—1941 гг. в Центральной Азии

Анализ международных отношений 1939—1941 гг. в Центральной Азии позволяет утверждать, что фашистская Германия все же смогла извлечь выгоду из своего неудавшегося «афганского проекта» даже после отказа Советского Союза участвовать в этой авантюре. Атмосфера взаимной подозрительности между правительствами СССР, Англии и Афганистана, обостренная попытками III рейха осуществить операцию «Аманулла», создала благоприятные условия для интриг стран Оси в Центральной Азии.

Следует отметить, что советско-германское сближение в начале Второй мировой войны вызвало страх у многих государств, в особенности граничивших с СССР. Афганистан не был исключением – участь Прибалтийских республик и Финляндии вызвала серьезные опасения у афганского руководства. Германская дипломатия оперативно воспользовалась этим.

В начале 1940 г. итальянская радиостанция «Гималаи» сообщила о скором советском наступлении на Афганистан и Индию. Вероятнее всего, германская сторона специально сделала так, чтобы преувеличенные сведения о скоплении советских войск и авиации близ афганской границы для их большей достоверности весь мир узнал не из Берлина. Страны Оси добились ожидаемого результата.

Этому в значительной степени способствовала концентрация частей советских ВВС близ Кушки. На этот шаг Советское правительство вынуждено было пойти, защищая нефтепромыслы Баку от вероятного удара авиации Англии и Франции. Весной 1940 г. британское и французское командование утвердило план бомбардировок Баку, Батуми и Грозного. Для этой задачи предусматривалось задействовать 90—100 самолетов.

Французский генерал М. Вейган, командовавший войсками Франции в Сирии, докладывал своему руководству, что к началу июля 1940 г. подготовка к авиаудару против СССР будет закончена{1}. Зная из донесений советской разведки о потенциальной угрозе, нависшей над южными районами СССР, И. Сталин своевременно принял решение о создании ударной группировки ВВС Красной Армии на границе с Ираном и Афганистаном.

В июле—августе 1940 г. в Туркестане прошла «оперативная военная игра», в ходе которой отрабатывались боевые действия «северных» (советских войск) с «южными» (британскими войсками). Для поддержки 4-й армейской группы САВО было сосредоточено 120 бомбардировщиков «СБ», 63 истребителя и 15 самолетов-разведчиков{2}.

По всем количественным и качественным характеристикам эта авиагруппировка значительно превосходила мощь ВВС Британской Индии и Афганистана, вместе взятых. Для примера, скорость «СБ» была выше скорости британских устаревших истребителей «Бристоль-Бульдог»... Советские бомбардировщики летали на большей высоте, чем истребители «южных». Таким образом, теоретически ВВС Красной Армии могли безнаказанно нанести бомбовые удары по Индии. Но только в том случае, если бы Великобритания первой нанесла удар по объектам на территории СССР!

Англия на такой шаг не решилась, а вскоре ей самой потребовались все силы, чтобы отразить нападение фашисткой Германии. В итоге летом 1940 г. британскому командованию было уже не до авиударов по нефтепромыслам СССР. В связи с этим части Красной Армии в Туркестане вскоре были переброшены на запад. Несмотря на это, «кризис доверия» в Центральной Азии продолжался вплоть до 22 июня 1941 г.

Упорные слухи о крупной группировке советских войск, сосредоточенной якобы для вторжения в Афганистан и Индию, вынудили британское командование в Индии сконцентрировать 600 тыс. войск вдоль индо-афганской границы. Из-за страха, что советская авиация будет бомбить административный центр СЗПП г. Пешавар, в конце 1940 г. британские власти даже начали эвакуацию из этого города части населения и некоторых правительственных учреждений{3}.

Следует отметить, что Генеральные штабы как СССР, так и Великобритании в 30-х гг. XX в. имели планы боевых действий на афганской территории. Советский сценарий возможных боевых действий предусматривал, что вооруженные силы Афганистана и Ирана будут действовать против войск Среднеазиатского военного округа (САВО) совместно с британскими войсками из Индии. Английские части при поддержке авиации, по предположениям советского командования, могли в течение двух недель сосредоточиться у границ Среднеазиатских республик. При этом в штабе САВО считали, что лишь в районе Мазари-Шарифа Англия сосредоточит около 40 боевых самолетов для поддержки афганских войск{4}.

В планах командования Красной Армии особо учитывалось ополчение пуштунских племен, численность которого доходила до 50 тыс. бойцов, вооруженных винтовками. С привлечением лашкаров из «независимой» полосы Британской Индии силы пуштунов могли возрасти до 200 тыс. воинов. Однако дисциплина и боеспособность этих иррегулярных частей была невысокой, поэтому, по советским оценкам, лишь около 20 тыс. ополченцев могли принять участие в боевых действиях в Средней Азии{5}.

Красная Армия должна была отразить наступление объединенных англо-афганских сил. При этом частям Туркестанского военного округа категорически запрещалось продолжать контрнаступление южнее Герата и Мазари-Шарифа, так как у британских войск – гипотетической «армии прикрытия» в Афганистане, по мнению советских стратегов, было бы на этом направлении превосходство в авиации и бронетехнике.

Английские планы боевых действий в Афганистане против Красной Армии, вторгнувшейся в эту страну, претерпели к 1939 г. большую эволюцию, становясь все более и более оборонительными. Так, план, разработанный во второй половине 20-х гг. XX в. имперским Генштабом Великобритании, предусматривал мощное контрнаступление англо-индийской армии против советских войск. При этом предполагалось занять Кабул и разместить вокруг

него войска и авиацию. Британское командование надеялось, что афганское правительство окажет посильную помощь английским частям в отражении вражеского вторжения с севера.

Руководство британскими вооруженными силами в Индии более реалистично оценивало свои возможности и силы вероятного противника. Кроме этого, английские офицеры всех рангов в Индии понимали опасность ввода иностранных войск в Афганистан, так как это неизбежно привело бы к началу джихада не только в этой стране, но и в северо-западных районах Британской Индии. В связи с этим англо-индийские войска согласно плану 1931 г. должны были ограничиться лишь захватом Кандагара и Джелалабада. «Временный план» 1938 г. был чисто оборонительным и предусматривал оборону горных перевалов вдоль индо-афганской границы. В обоих случаях англичане полагали, что пуштунские племена не упустят благоприятного момента и поднимут вооруженное восстание на Правобережье Инда, а афганское правительство перейдет на советскую сторону{6}.

Анализ советских и британских штабных планов свидетельствует, что оба соперника не хотели вторгаться в центральные районы Афганистана. Командование Красной Армии и англо-индийских войск стремилось, сохранив буферную зону в центральной части этой страны, свести боевые действия к минимуму. Однако сложившиеся имперские стереотипы заставляли правящие круги в Лондоне и Москве приписывать своему давнему сопернику широкомасштабные агрессивные намерения, даже если их не было в реальности. Таким образом, в 1940 г. в условиях, когда две империи готовились, как минимум, обменяться авиаударами, афганское правительство могло ожидать самого наихудшего...

Афганское правительство во главе с Хашим-ханом и молодой король Захир-шах после заключения в августе 1939 г. советско-германского пакта опасались, что из-за каких-нибудь очередных договоренностей между Гитлером и Сталиным их страна может разделить судьбу Польши. Поэтому в начале 1940 г. Хашим-хан смог добиться от Англии гарантии того, что, если советская армия перейдет границы Афганистана для вторжения в Индию, англо-индийские войска численностью 100 тыс. человек вступят в Южный Афганистан. Для обсуждения вопроса о вводе английских подразделений Захир-шах созвал совещание ведущих афганских политиков, которые приняли решение просить у Великобритании поставок вооружения, а от помощи войсками отказаться, так как «реальной угрозы со стороны СССР сейчас нет»{7}.

Однако, по донесениям советской разведки из Кабула, слухи о походе Красной Армии на Индию в апреле 1940 г. все же заставили Захир-шаха выехать в Северный Афганистан, а затем в течение двух недель каждый вечер «обсуждать план защиты Севера»{8}. Заверениям Москвы, что советской угрозы Афганистану не существует, афганское правительство не верило. Визит В. Молотова в ноябре 1940 г. в Германию вызвал настоящую панику в Кабуле. Советский посол К. Михайлов сообщал в Москву: «Поездку т. Молотова в Берлин афганское правительство переживало с огромной тревогой. Афганцам казалось, что в Берлине при участии т. Молотова происходит передел мира и что после возвращения т. Молотова в Москву Красная Армия немедленно начнет военный поход через Афганистан на Индию»{9}.

Афганское руководство трезво оценивало возможности правительственных войск, которые не смогли бы отразить вероятное наступление Красной Армии на Индию. В связи с этим в Кабуле было принято решение в случае советской агрессии объявить джихад в стране. Партизанская война афганцев неизбежно должна была замедлить, а затем и парализовать продвижение любой армии, вторгнувшейся в Афганистан и Индию.

По сведениям советского военного атташе Я. Карпова, афганские власти приняли меры, чтобы организовать разрозненные отряды среднеазиатских эмигрантов на случай военного столкновения с СССР. В первой половине 1940 г. министр внутренних дел Мухаммад Гуль-хан объехал Северный Афганистан и провел переговоры с лидерами басмачества. Всем им были вручены крупные денежные суммы и предоставлены новые земли для заселения в районе Баглана. Страх перед советским вторжением в Афганистан и щедрость династии Яхья-хель реанимировали некоторые басмаческие отряды в Ташкургане, Мазаре-Шарифе, Ханабаде и Кундузе{10}. Однако эти формирования были плохо вооружены и недостаточно

многочисленны, чтобы на длительное время задержать вероятное наступление Красной Армии в глубь Афганистана. Только объединенные силы афганской армии и пуштунских племен могли нанести возможному агрессору серьезные удары и парализовать его продвижение к Индии.

Британским властям в Индии на собственном горьком опыте была хорошо известна эффективность «священной войны» афганцев, поэтому в Симле приняли решение привлечь силы племен для защиты северо-западной границы Британской Индии и Афганистана от гипотетической угрозы с севера{11}. Пуштунские лашкары должны были стать сильным резервом афганской армии и обеспечить оборону индо-афганской границы. Губернатор СЗПП Д. Каннингхем писал 24 апреля 1940 г. статс-секретарю по иностранным делам Британской Индии О. Кароэ, что пуштуны смогут «захлопнуть дверь» перед советскими войсками{12}.

С помощью огромных взяток вождям приграничных племен англичанам удалось привлечь к сотрудничеству многие пуштунские племена. Так, подкупленный англичанами вождь момандов Бадшах Гуль открыто заявил, что в случае агрессии России против Афганистана его племя окажет этой стране поддержку «всеми своими ресурсами и людскими силами»{13}.

Особенную щедрость британские власти проявили при подкупе афридиев Хайбара. Важное стратегическое значение Хайбарского прохода заставляло англичан стремиться любой ценой привлечь афридиев на свою сторону. Весь 1940 г. британские власти СЗПП целенаправленно, не жалея золотых монет, вели переговоры с лидерами афридиев, которые за баснословную сумму 1,5 млн кальдаров{14} согласились предоставить свои лашкары в распоряжение английского командования.

В марте 1941 г. посольство СССР в Лондоне направило в Москву доклад о ситуации на северо-западной границе Британской Индии. Об афридиях в нем говорилось: «В конце марта вожди семи племен африди послали официальную бумагу губернатору Северо-Западной провинции (так в документе. – Ю. Т.), заверяя в готовности 100 тыс. африди воевать с Советским Союзом, в случае нападения (СССР. – Ю. Т.) на какое-либо «восточное государство»{15}. В какой степени вожди пуштунов были искренни, трудно сказать, но британские власти могли надеяться, что хотя бы часть приграничных племен не станет поднимать мятеж против них.

В начале Второй мировой войны колониальные власти Индии попытались в очередной раз с помощью Кабула добиться «примирения» приграничных пуштунских племен. Афганский премьер-министр Хашим-хан активно помогал Великобритании усмирять патанов, так как в случае крупномасштабной войны на Среднем Востоке вооруженное противостояние между патанами и британской армией одновременно лишало Афганистан двух единственных (!) союзников против СССР.

С целью координации совместных действий в зоне пуштунских племен в апреле 1940 г. была создана англо-афганская комиссия, штаб-квартира которой находилась в Чамане (Британская Индия). В докладе советского посла в Кабуле К. Михайлова в НКИД сообщалось, что она была создана «для обсуждения особо важных проблем, связанных с племенами, живущими по обе стороны индо-афганской границы»{16}.

Для укрепления позиций Яхья-хель среди приграничных племен в марте 1940 г. г. Джелалабад посетила королева Омейра, которая подарила женам влиятельных вождей значительные денежные суммы{17}.

Весной 1940 г. двоюродный брат Захир-шаха командующий Центральным корпусом афганской армии М. Дауд-хан провел переговоры с момандами. По официальной версии, Дауд ездил освобождать четверых пограничников, захваченных воинами этого племени, но для разрешения такого типичного для индо-афганской границы инцидента афганское правительство не стало бы направлять командира королевской гвардии. Вероятнее всего, Дауд-хан тайно обсудил с момандами важные вопросы, связанные с формированием племенного ополчения.

Отношения между Кабулом и «афганскими» пуштунскими племенами всегда требовали от представителей государства большой осторожности и такта. Еще более сложными были связи между династией Яхья-хель и племенами «независимой» полосы Британской Индии: восточные пуштуны формально являлись английскими подданными. Поэтому без содействия британских властей афганское правительство не могло получить от «британских» приграничных племен помощь в случае агрессии СССР. В апреле 1940 г. англичане дали свое согласие Хашим-хану на привлечение сил патанов для обороны Афганистана. С этого момента началось создание «племенной армии» из пуштунов, проживавших по обе стороны индо-афганской границы.

В апреле-мае 1940 г. афганский военный министр Шах Махмуд, пользовавшийся большой популярностью среди приграничных племен, совершил продолжительную поездку по южным районам Афганистана. В одном из донесений советского посла К. Михайлова в НКИД сообщалось, что целью Шах Махмуда было «уговорить представителей вазиров... отказаться от попыток использовать благоприятную обстановку для усиления войны против англичан...»{18}. На подкуп вождей приграничных племен Великобритания выделила афганскому министру 2 млн рупий (8 млн афгани){19}. Истратив 1,6 млн афгани, Шах Махмуд убедил вождей пуштунских племен по «линии Дюранда» оказать помощь афганскому правительству в случае войны Афганистана с СССР. Оставшиеся миллионы афгани военный министр присвоил. Вожди племен Южной провинции Афганистана обещали предоставить Кабулу в случае опасности 50 тыс. воинов{20}. Махмуд Шах заставил вождей этой мятежной провинции дать клятву на Коране, что они сохранят верность афганскому правительству.

Только с вазирами афганский эмиссар так и не смог договориться. Их представители потребовали от Шах Махмуда помощи вооружением и деньгами. Когда же военный министр попытался уговорить вазиров прекратить восстание против Англии, они, как указывалось в докладе советского посольства в Москву, стали угрожать «военмину поднять против афганского правительства священную войну»{21}. Шах Махмуд с трудом добился от них согласия до зимы прекратить боевые действия против британских войск, а также прислать своих представителей для продолжения переговоров в Кабул.

Король Захир-шах и Хашим-хан остались крайне недовольны столь скромными результатами переговоров Шах Махмуда с вазирами. Афганскому правительству не удалось примирить племена Вазиристана с Великобританией. К тому же, когда стало ясно, что Кабул пытается помочь англичанам, в полосе «независимых» племен Британской Индии еще больше выросло недовольство патанов проанглийской политикой Хашим-хана, что могло привести к новым восстаниям приграничных племен против Кабула.

Ненадежность пуштунов заставила вице-короля Индии лорда Линлитгоу в июне 1940 г. запретить использование сил, сформированных при английском участии, лашкаров племен СЗПП в Афганистане. Вице-король боялся, что вместо помощи Захир-шаху патаны свергнут проанглийский режим в Кабуле и возведут на афганский престол Амануллу-хана. Поэтому их ополчения разрешалось задействовать только в том случае, если советские войска перешли бы северо-западную границу Британской Индии{22}. Однако от этого решения вскоре пришлось отказаться, так как правительство Хашим-хана настояло на том, чтобы патаны все же приняли активное участие в защите Афганистана в случае советской агрессии.

Чтобы наладить отношения Кабула с вазирами, из Берлина вновь был срочно вызван афганский посол Алла Наваз-хан, который пользовался большим авторитетом среди племен Вазиристана. Благодаря его посредничеству отношения между афганским правительством и патанами нормализовались{23}.

После этого Шах Махмуд 12 июля 1940 г. прибыл в г. Хост, где провел переговоры с представителями племен «независимой» полосы Британской Индии. На этот раз они согласились предоставить в распоряжение Кабула 70 тыс. воинов, если СССР нападет на Афганистан{24}.

Окончательно вопрос об участии лашкаров восточных пуштунов в защите Афганистана от

предполагаемого вторжения Красной Армии был решен в августе 1940 г., когда в Кабул по приглашению Хашим-хана для празднования Независимости Афганистана прибыло 56 вождей племен «независимой» полосы Британской Индии. Среди них были наиболее авторитетные лидеры антибританского повстанческого движения. Даже Факир из Ипи приехал для переговоров с Хашим-ханом{25}.

Афганскому премьер-министру благодаря значительным денежным «подаркам» удалось добиться от вождей «независимой» полосы согласия на прекращение на 5 месяцев боевых действий против британских войск. Англичане, в свою очередь, обещали не предпринимать активных карательных акций против мятежных горцев{26}. Следует отметить, что данная договоренность была прежде всего выгодна патанам и Кабулу: скоро должна была наступить зима, и рейды пуштунов против британских объектов в СЗПП должны были прекратиться сами собой по причине тяжелых погодных условий. Однако английская авиация в это время могла бы продолжить бомбежки пуштунских селений. Теперь же горные кишлаки «независимой» полосы были в относительной безопасности. Выгода афганского правительства заключалась в том, что как британские части, так и ополчения «независимых» племен могли бы в минуту опасности оказать поддержку Афганистану.

Выработка условий помощи патанов династии Яхья– хель потребовала длительного времени и значительных финансовых жертв со стороны афганского правительства. В августе 1940 г. вожди «независимой» полосы Британской Индии пообещали Хашим-хану выставить 50 тыс. воинов, а не 70 тыс. как было договорено раньше. Вероятнее всего, цифра была определена, исходя из финансовых и продовольственных возможностей Афганистана.

Вожди патанов добились от Хашим-хана, чтобы в мирное время каждому рядовому воину выплачивалось 20 афгани в месяц, за казенный счет выдавались мука и топливо, а в случае войны – 50 афгани и необходимое количество боеприпасов. За каждого раненого афганское правительство выплачивало 500 афгани, а за убитого пуштуна его семья получала компенсацию в размере 1 тыс. афгани. Особо оговаривалось, что лашкары приграничных племен будут подчиняться афганскому командованию или «воздействию английских офицеров»{27}.

Умиротворить на длительный период, а затем еще и поставить под британский контроль (!) силы «независимых» пуштунских племен было невыполнимой задачей даже для такого хитрого восточного политика, как Хашим-хан. К примеру, он не смог договориться с Факиром из Ипи, несмотря на лояльность вождя восставших вазиров к Кабулу, прекратить вооруженную борьбу вазиров против Англии. В августе 1940 г. во время своего пребывания в Кабуле вместе с другими лидерами патанов Хаджи Мирза Али-хан, вероятнее всего, был вынужден дать афганскому правительству какие-то обещания приостановить вооруженные нападения вазиров на британские форты и армейские колонны. В зоне пуштунских племен хорошо было известно, что несговорчивых вождей династия Яхья-хель либо лишала власти, либо устраняла физически. В связи с этим Факир из Ипи ответил коварством на коварство: он смог вырваться из Кабула, после чего немедленно возобновил свою борьбу против Англии.

Тогда Хашим-хан и англичане попытались при посредничестве представителей исламского духовенства склонить Факира на свою сторону. Так, афганское правительство направило в январе 1941 г. к Факиру делегацию мулл, бежавших из Туркестана в годы гражданской войны. Они должны были уговорить Факира временно отказаться от борьбы против Англии, так как Афганистану и Индии якобы угрожало советское вторжение{28}.

Факир из Ипи встретился с посланниками Хашим-хана в Кохате, но их визит не дал результатов. Также закончилась провалом попытка англичан подкупить Факира при посредничестве лидеров партии «Джамаат-ул-улама»{29}. Коварный вождь восставших вазиров обманул британских агентов, пообещав им за крупную сумму прекратить мятеж в Вазиристане. Получив деньги, он продолжал совершать рейды против английских войск.

К лету 1941 г. вера вождей пуштунских племен в реальность советской угрозы Афганистану значительно уменьшилась, если совсем не сошла на нет. Никаких агрессивных акций против

этой страны Красная Армия не предпринимала, а проанглийская политика Хашим-хана заставила многих маликов почувствовать себя обманутыми. Так, многие лидеры пуштунов, призванные в Кабул якобы для решения военных вопросов, оказались заложниками афганского правительства. Обстановка на юге Афганистана вновь обострилась. В 1941 г. вместо усиления гарнизонов Северного Афганистана Хашим-хан стал перебрасывать правительственные войска в зону пуштунских племен{30}.

Хашим-хан хотел избежать всеобщего восстания пуштунских племен на индо-афганской границе, так как прекрасно знал, как непопулярна среди восточных пуштунов династия Яхья-хель. Поэтому официальный Кабул стремился любой ценой, но по возможности без применения вооруженной силы с помощью английских денег обеспечить мир на границе с Британской Индией. Так, когда в апреле 1941 г. восстало племя момандов, афганское правительство успешно с помощью подкупов добилось согласия пуштунов этого племени на прекращение мятежа{31}. Весной 1941 г. в афганской столице Хашим-хан провел переговоры с представителями момандов и других племен «независимой» полосы Британской Индии. Турецкий посол Эсендаль, который был в курсе всех событий в Кабуле, 28 апреля 1941 г. в одной из бесед с послом Михайловым сообщил ему, что Хашим-хан «почти ежедневно принимает представителей различных племен, одаривает их подарками и успешно добивается (их. – Ю. Т.) умиротворения...»{32}.

Даже мать короля Захир-шаха вела переговоры с делегациями пуштунов. В начале мая 1941 г. она приняла свыше 20 представителей момандов и шинвари, которые «настойчиво требовали начать войну с англичанами за воссоединение полосы „независимых“ племен с Афганистаном»{33}. Одарив посланцев племен подарками, Хашим-хан, присутствовавший на встрече матери короля с момандами и шинвари, все же отказался удовлетворить их просьбу. Англия все еще была сильна и щедра к своим восточным союзникам, и Хашим-хан хотел поддерживать с ней хорошие отношения.

Одним словом, подготовка к «джихаду» против Красной Армии, якобы готовившейся вторгнуться в Афганистан, в 1941 г. превратилась в «антиджихад»: ценой огромных усилий англичанам удалось при содействии Кабула сохранить относительный мир на северо-западной границе Индии. Подготовка Афганистана и Великобритании к отражению мнимого советского вторжения привела к еще большему сближению правительства Хашим-хана с Англией.

Несмотря на это, Германия смогла получить значительные выгоды от кризиса, возникшего при ее активном содействии в Центральной Азии в 1940—1941 гг.: крупная группировка британских войск так и осталась в Индии для отражения мифической агрессии СССР и поддержания мира в зоне пуштунских племен.

Глава 30

Тревожные годы

Когда в Европе началась Вторая мировая война, в зоне пуштунских племен уже 3 месяца царило относительное затишье. Главные очаги восстания в Вазиристане были подавлены, но Факир из Ипи активно готовился возобновить борьбу против Великобритании. Он укрылся в Горвехте с отрядом из 300 воинов и все активнее вел антибританскую пропаганду среди горцев{1}. Еще не было окончательно сломлено сопротивление масудов в Южном Вазиристане, однако и оно шло на убыль. По-прежнему на грани мятежа были афридии и моманды, но крупномасштабных вооруженных выступлений на индо-афганской границе не происходило. Правда, число мелких вооруженных столкновений с горцами сражу же после начала Второй мировой войны возросло, но это были привычные боевые будни «кровавой границы»... Однако они все больше и больше тревожили британские власти, которые бдительно следили за всем, что каким-нибудь образом могло осложнить обстановку в полосе «независимых» пуштунских племен.

Вскоре наихудшие ожидания англичан стали сбываться, и в конце августа 1939 г. ситуация в зоне пуштунских племен вновь резко обострилась. После подписания соглашения с О. Меткафом, которое восточные пуштуны справедливо расценили как очередное

предательство проанглийского правительства Хашим-хана, в районах вдоль «линии Дюранда» вновь сложилась взрывоопасная обстановка. Воспользовавшись этим, сторонники бывшего короля Афганистана Аманулы-хана развернули активную пропаганду среди приграничных племен, призывая их свергнуть афганского короля Захир-шаха и продолжать борьбу против Англии.

Активизация аманулистов в зоне пуштунских племен совпала с подписанием 23 августа 1939 г. советско-германского пакта о ненападении, который крайне напугал власти Британской Индии. В Симле правильно рассчитали, что новая мировая война начнется в ближайшее время, и, помня о событиях на индо-афганской границе во время Первой мировой войны, решили срочно договориться с Кабулом о совместных мерах по пресечению антибританской деятельности среди пуштунских племен.

26 августа 1939 г. в Кабул для переговоров с Хашим-ханом прибыли начальник Департамента разведки Британской Индии Дж. Эварт и командующий английских ВВС в Индии маршал де Ла Форте. Главную роль на переговорах с афганским премьер-министром отводилась Эварту, де Ла Форте, несмотря на маршальское звание, был лишь его сопровождающим. Начальник разведки Британской Индии прямо поставил перед Хашим-ханом вопрос о сотрудничестве с целью недопущения проникновения германских агентов в зону пуштунских племен. В ответ на это предложение Хашим-хан сказал: «Было бы неразумно полагать, что среди племен нет враждебных элементов, но необходимо сделать все возможное, чтобы предотвратить влияние данных обстоятельств на отношения между двумя правительствами»{2}. Более конкретных обещаний глава афганского правительства не дал, но обе стороны договорились о сотрудничестве в области разведки. Было условлено, что английский посланник в Кабуле на основе взаимности будет передавать лично Хашим-хану информацию о враждебной афганскому и английскому правительствам деятельности в зоне пуштунских племен.

Вероятнее всего, после этих переговоров в Кабуле англичане в августе 1939 г. создали новую сверхсекретную сеть из представителей мусульманского духовенства СЗПП. Ее главой стал некто Кули-хан, который привлек к сотрудничеству с англичанами многих представителей очень влиятельной в Северной Индии исламской партии «Джамаат-ул-улама». Для сохранения тайны все приказы, включая распоряжение о создании этой новой структуры британской разведки в Индии, отдавались устно. Но сохранились отчетные ведомости о расходах англичан на подкуп и вербовку агентов среди мулл зоны пуштунских племен. Так, лишь в Пешаваре британской разведкой было подкуплено 59 мулл, которые были не только информаторами, но и вели активную агитацию среди населения против Германии и СССР{3}.

Особенно крупных успехов Кули-хану удалось добиться в полосе «независимых» племен. При посредничестве руководства «Джамаат-ул-улама» он подкупил очень влиятельных и уважаемых восточными пуштунами мулл в землях момандов и Вазиристане. К примеру, у момандов британские власти подкупили, предоставив ежегодную субсидию в 50 тыс. рупий, видного мусульманского улема Бадшах Гуля, родного сына Ходжи Сахиба Туранзая, ранее активно боровшегося против англичан в период восстания 1935 г. Другой лидер момандов – малик Панджа Гуль – получил за свою лояльность от англичан субсидию в 50 тыс. кальдаров (250 тыс. афгани){4}. Вербовка Бадшах Гуля и Панджа Гуля помогла Великобритании стабилизировать ситуацию в северных районах СЗПП.

В Вазиристане агенты Кули-хана подкупили влиятельного муллу Фазл Дина, который не раз ранее возглавлял восстания масудов против Англии{5}. Подкуп наиболее влиятельной части мусульманского духовенства СЗПП значительно укрепил позиции британских властей в полосе «независимых» пуштунских племен.

Другим традиционным для англичан средством обеспечения лояльности местного населения северо-западных районов Британской Индии были субсидии племенам. После начала войны деньги на эти цели отпускались фактически в неограниченном количестве. Губернатор СЗПП Д. Каннингхем лично объездил всю Пограничную провинцию и провел переговоры с

маликами племен. Итог этих встреч был всегда один: за небывало крупные суммы племена гарантировали свою лояльность к Великобритании. После окончания Второй мировой войны, когда была подсчитана общая сумма получаемых племенами субсидий, выяснилось, что на эти цели ежегодно тратилось 35 млн рупий (1 млн 050 тыс. фунтов стерлингов). Таким образом, расходы Англии на подкуп племен выросли за годы войны в 35 раз и в 2 раза превышали ежегодную сумму налогов, собираемых в СЗПП.

В эту сумму входила и плата хассадарам, число которых в зоне пуштунских племен резко увеличилось. Таким способом британские власти подкупали те племена, которые не хотели открыто брать деньги от англичан. Как всегда, больше всего хассадаров было нанято в Вазиристане, где ситуация была самой взрывоопасной. Уже в конце 1939 г. число вазиристанских хассадаров выросло в 2 раза и составило 10 тыс. человек{6}.

Британские власти еще не успели осуществить всех мер, чтобы обеспечить мир в полосе «независимых» пуштунских племен, когда в Хайбарском проходе вспыхнуло восстание афридиев. В сентябре 1939 г. в Кабуле была раскрыта тайная организация аманулистов, которые готовили очередной заговор с целью свержения Захир-шаха. Главой аманулистов был заместитель министра королевского двора Афганистана Гулям Хайдар-хан, который, по словам итальянского посланника П. Кварони, считал соглашение афганского правительства с О. Меткафом «предательством в отношении (пуштунских. – Ю. Т.) племен»{7}. Именно после этой сделки Хашим-хана с Англией Хайдар-хан и встал во главе антиправительственного заговора, который был раскрыт афганской тайной полицией. Спасаясь от ареста, многие аманулисты бежали в «независимую» полосу.

Хайдар-хан укрылся у афридиев, которые, узнав о соглашении с О. Меткафом, сразу же подняли восстание. Чтобы его локализовать и подавить, афганским и английским войскам целый месяц пришлось проводить операции в районе Хайбара{8}. О ходе этих боев до настоящего времени почти ничего не известно, так как с началом Второй мировой войны вся информация о положении в зоне пуштунских племен была засекречена. В британскую прессу все же просочилась информация о том, что силы восставших достигали 3 тыс., эти воины готовились осуществить рейд в Афганистан{9}. Сам факт того, что самый главный и наиболее укрепленный горный проход из Афганистана в Индию был блокирован столь долгое время и англичане своей авиацией не смогли быстро подавить это выступление афридиев, говорил о многом.

Вслед за подавлением восстания афридиев англичанам срочно пришлось проводить карательную операцию против масудов рода шаби-хель. В декабре 1939 г. их территория была блокирована британскими войсками, после чего начались бомбардировки масудских селений{10}. Война в Европе требовала от Великобритании мобилизации всех сил, поэтому английский Генеральный штаб спешил стабилизировать ситуацию на индо-афганской границе, чтобы иметь возможность отправить войска в Северную Африку. Английский историк М. Хаунер точно обрисовал ситуацию, в которой оказалось британское командование в конце 1939 г.: «Постоянное военное присутствие на северо-западной границе (Британской Индии. – Ю. Т.) и нужды внешней обороны поглощали все людские и материальные ресурсы Индии...»{11} Угроза мятежа приграничных племен заставляла английское правительство не только держать крупную группировку своих войск в Северо-Западной Индии, но и постоянно посылать туда подкрепления.

В начале войны британские войска располагались тремя эшелонами вдоль всей индо-афганской границе.

1. «Войска прикрытия» – гарнизоны приграничных фортов, где было сосредоточено 11 усиленных бригад и 5 артиллерийских полков.

2. В тылу «войск прикрытия» находилось еще 4 бригады с 3 артиллерийскими полками. Они являлись оперативным резервом британского командования.

3. На случай общего восстания пуштунских племен на севере Индии был создан «Главный резерв», в состав которого входили еще 3 дивизии, 3 бригады кавалерии и 3 артиллерийских полка.

Таким образом, половина всех британских войск в Индии была задействована против племен пуштунов.

Поэтому английское командование любой ценой решило подавить восстание масудов, которое грозило перерасти во всеобщий мятеж приграничных племен. В начале декабря 1939 г. британские войска начали крупное наступление в Южном Вазиристане. До войны англичане обычно никогда не проводили военных операций в «независимой» полосе зимой. Но сейчас, пренебрегая неблагоприятными погодными условиями, британские войска были вынуждены вести боевые действия в Южном Вазиристане.

Масуды прибегли к своей обычной тактике маневренной партизанской войны. Избегая крупных сражений, они наносили удары по линиям коммуникаций и тыловым объектам англичан. Одновременно масуды вновь окружили Размак, который целый месяц был блокирован{12}. Английские части, пытавшиеся пробиться из окружения, попадали в засады пуштунов и несли тяжелые потери. Так, 7 декабря 1939 г. военная колонна из Размака попала в засаду близ Танги Чина и потеряла убитыми 80 человек. Английский политический агент в Южном Вазиристане майор Дрин после войны написал об этой засаде: «Это был наихудший инцидент за последние годы... Колонна пробилась к Танги Чине только через месяц, хотя в Размак были посланы подкрепления»{13}. Особенно политического агента огорчил тот факт, что английское правительство перебрасывало в Вазиристан новые подкрепления в то время, когда ему «требовалось отправить войска на другие фронты за морями».

Чтобы сломить сопротивление масудов, английское командование прибегло к массированным бомбардировкам пуштунских селений близ Макина, где находился главный центр восстания. К февралю 1940 г. основные очаги сопротивления масудов были подавлены, но восстание все еще продолжалось. Более того, варварские бомбардировки масудских селений вызвали такой гнев у других племен Вазиристана, что для англичан ситуация там еще более ухудшилась.

Так как крупномасштабные карательные операции против племен не приносили желанного результата, в английских политических кругах развернулась дискуссия о том, какую политику должна проводить Великобритания в полосе «независимых» пуштунских племен. Некоторые британские индийские политики предлагали временно прекратить «наступательную политику» против патанов, так как все свои силы Англия должна была сосредоточить для борьбы против фашистской Германии. Наиболее ярко доводы против военной оккупации пуштунских земель сформулировал крупный колониальный деятель Британской Индии У. Бартон: «Немногие (в условиях войны. – Ю. Т.) будут защищать политику полного разоружения и «администрирования» территории племен вдоль «линии Дюранда». Это обойдется в 20—30 млн фунтов стерлингов. В течение нескольких лет придется проводить военные кампании, которые приведут к большим людским потерям. Большая часть индийской армии будет втянута в эти операции»{14}. В связи с этим «наступательная политика», по словам Бартона, в условиях мировой войны была «полным помешательством». Английский политик предлагал предоставить возможность пуштунам «вариться в собственном соку» и отвечать на каждый рейд горцев бомбардировками их селений в «независимой» полосе{15}.

В первый раз против карательных операций в отношении приграничных племен выступило командование британских ВВС в Индии, которое требовало свернуть все военные действия на индо-афганской границе, так как любая вооруженная акция в Вазиристане могла привести к восстанию всех пуштунов СЗПП. Обосновывая свою позицию, штаб ВВС приводил в качестве примера события 1936 г., когда небольшая операция против Факира из Ипи переросла в крупномасштабную кампанию против вазиров и масудов{16}.

Мусульманские политики Индии еще более резко критиковали «новую наступательную политику». Так, член Центрального законодательного собрания Индии Маулана Зафар Али вынес на обсуждение этого влиятельного органа вопрос о боевых действиях английских войск против пуштунских племен. Он заявил: «Налеты племен являются ответом на лишение их исконных и давнишних прав на свободу. Если бы десятая часть тех средств, которые

затрачены на военные цели на границе, была затрачена на школы и больницы – мир давно был бы достигнут»{17}. Далее Маулана Зафар Али ради достижения мира в СЗПП предложил Англии создать «буферное государство с населением 30 лакхов (3 млн. – Ю. Т.) человек и дать этому государству соответствующие субсидии» и гарантировать Факиру из Ипи, что «Англия не настроена враждебно к исламу» и выведет свои войска из «независимой» полосы. Как видим, деятели индийского национально-освободительного движения предлагали свой сценарий умиротворения патанов. Несмотря на его коренное отличие от английских проектов стабилизации ситуации на индо-афганской границе, все они также предусматривали отвод частей британской армии из горных приграничных районов с Афганистаном.

С доводами У. Бартона и противниками «наступательной политики» спорить было невозможно, поэтому в Лондоне приняли компромиссное решение – ограничить военные операции в зоне пуштунских племен и прекратить разоружение пуштунов. Таким образом, британское командование косвенно признало, что при продолжении боевых операций в Вазиристане ситуация в зоне пуштунских племен в любой момент может выйти из-под контроля. Страх перед всеобщим восстанием приграничных племен заставил Великобританию пойти на временные уступки.

Глава 31

Незваный «гость» в Кабуле

Слухи о вероятном вторжении Красной Армии в Индию и сведения о взрывоопасной обстановке в зоне пуштунских племен пугали в Индии далеко не всех. Многие индийцы с детства знали легенду, что с севера придет могущественный враг англичан, который освободит Индостан от британского господства. Кроме того, радикально настроенные националисты и коммунисты Индии готовы были взяться за оружие, чтобы завоевать независимость для своей родины. Одним словом, среди индийцев вновь нашлись деятели, готовые рискнуть и пойти на сотрудничество с врагами Англии. В 1940 г. для многих авантюристов в Центральной Азии такой союз казался наиболее вероятным с СССР, а уж затем с III рейхом и его союзниками.

Среди видных индийских лидеров, готовых заключить союз с враждебными Великобритании державами, самой значимой фигурой был бывший президент Индийского национального конгресса (ИНК) Субхас Чандра Бос. Решившись покинуть Индию, чтобы искать иностранной помощи в борьбе против Великобритании, он рассматривал разные варианты своего пути в СССР. Самым реальным было спрятаться на отходящем из Калькутты в Японию или Китай судне или воспользоваться «афганским коридором», который служил коммунистам Пенджаба для связи с Коминтерном. Первый способ был наиболее опасным, так как британская разведка осуществляла строгий контроль за всеми морскими перевозками. В связи с этим С.Ч. Бос избрал маршрут через Афганистан.

Особенно устойчивые линии связи через афганскую территорию с СССР были у партии «Гадр», а затем у коммунистической группы «Кирти» в Пенджабе. Именно к ней и обратился за помощью С.Ч. Бос. В апреле 1940 г. в Бомбее, по сведениям британской разведки, он попросил представителя «Кирти» Рам Сингха Датта помочь ему тайно уехать в Москву, чтобы «просить Сталина приказать Красной Армии вторгнуться в Индию»{1}. Эта затея показалась Рам Сингху настолько фантастичной, что он даже не сообщил о ней своим товарищам. Впервые он рассказал им о зондаже Боса в Бомбее лишь в июне 1940 г., когда руководство «Кирти» обсуждало практические вопросы отправки своих делегатов и Боса в Москву.

Для установления контактов с посольством СССР в Кабуле «Кирти» направила Рам Кишана, который еще в 1930 г. согласовал с советским военным атташе маршрут переброски индийских коммунистов через Афганистан{2}. В начале июля 1940 г. он под именем Заман-хана прибыл в афганскую столицу. Однако ему долгое время не удавалось выполнить своего задания. В советском посольстве с подозрением отнеслись к связному «Кирти», так как между этой группой и Коминтерном сложились плохие отношения. Однако руководство III

Интернационала выразило заинтересованность в приезде этого индийца в Москву, и посол К. Михайлов получил указания содействовать отправке посланца из Индии и его материалов в СССР{3}.

Не зная, что Рам Кишана скоро отправят в Москву, в Кабул прибыл бывший секретарь пенджабского комитета Коммунистической партии Индии (КПИ) Ачар Сингх, который также намеревался уехать в СССР. Его переброску через границу организовал опытный гадаровец Аббас-хан, который обеспечивал для «Кирти» «линию связи» в Афганистан. Раньше он был шофером и перевозил грузы из Пешавара в Кабул, а затем стал хозяином лавки, которая использовалась индийскими коммунистами как конспиративная квартира.

Люди Аббас-хана успешно, как и Рам Кишана, доставили Ачар Сингха в Афганистан. По воспоминаниям Ачар Сигха, его из Пешавара вывезли на грузовике, а затем, не доезжая английских пограничных постов в Хайбаре, высадили с пуштуном-проводником. Сменив еще двух проводников из местных племен, посланец «Кирти» пешком достиг г. Дакки (Афганистан).

Описывая коминтерновскому представителю И. Козлову этот отрезок своего рискованного путешествия в Кабул, Ачар Сингх дал следующую характеристику горцам Хайбарского прохода: «Патаны, главным образом разбойники, грабители, контрабандисты. Имеют винтовки. Носят их открыто. Англичане не могут их разоружить до сих пор. Дома патанов построены в горах наподобие маленьких крепостей с бойницами, наблюдательными пунктами [...] Друг про друга не доносят англичанам, хотя бы видели у соседа кого-либо постороннего для переброски за кордон. Среди них существует своеобразная племенная солидарность, [так как] все зарабатывают этим. Если бы я пошел один без знакомства с местным жителем, я был бы убит или ограблен»{4}.

В конце августа 1940 г. Ачар Сингх встретился с Рам Кишаном в Кабуле. Из-за незнания пушту он выдавал себя за глухонемого брата Рам Кишана. Последнему удалось все же передать в советское посольство в Кабуле бумаги «Кирти». Однако добираться до советско-афганской границы они должны были сами – без содействия дипломатической миссии в Афганистане.

Меняя транспорт и легенды, индийские коммунисты 13 сентября смогли выйти к условленному «окну» на границе с СССР. К этому времени Рам Кишан был тяжело болен: обострилась болезнь сердца. Поэтому во время переправы через реку он утонул. Ачар Сингх смог с трудом доплыть до берега и сообщил советским пограничникам, что его товарищ утонул. Несколько часов поисков Рам Кишана ничего не дали: его тело унесло бурным течением в главное русло реки.

18 сентября 1940 г., получив известие о прибытии Ачар Сингха, секретарь ИККИ Д. Мануильский приказал сотруднику Восточного сектора отдела кадров Коминтерна И. Козлову срочно отбыть в Таджикистан. 27 сентября, после бесед с индийцем он вернулся в Москву{5}. Через неделю Козлов вернулся за Ачар Сингхом в Сталинабад и увез его в советскую столицу. Вскоре посланец «Кирти» уже работал референтом по Индии в Восточном секторе ИККИ.

Ради исторической объективности следует отметить, что приезд Ачар Сингха в СССР в первую очередь был вызван необходимостью урегулировать отношения «Кирти» с Коминтерном и ускорить ее объединение с КПИ. Вопрос о прибытии С.Ч. Боса в СССР стоял для индийских коммунистов на втором плане. Но руководство «Кирти» намеревалось продолжить и политически выгодное сотрудничество с бывшим президентом ИНК. В связи с этим Ачар Сингх детально информировал Коминтерн о желании С.Ч. Боса бежать из Индии для встречи с И. Сталиным. В ответ И. Козлов заявил индийцу, что приезд Боса в Советский Союз «может привести к нежелательным для советского правительства международным осложнениям»{6}. Одним словом, в Кремле были категорически против «визита» видного индийского политика.

Обстановка на южных границах СССР 1940—1941 гг. была тревожной. Британское правительство, поддавшись на германскую дезинформацию, опасалось мифического

вторжения Красной Армии в Индию. В этих условиях официальный Лондон расценил бы сотрудничество СССР с С.Ч. Босом как враждебный вызов.

При таких неблагоприятных обстоятельствах С.Ч. Бос все же решил бежать из Индии. Скрывшись из Калькутты, он 19 января 1941 г. прибыл в Пешавар. Здесь он явился к Аббас-хану, предоставившему ему укрытие и организовавшему переход через индо-афганскую границу{7}. Для этого был использован традиционный способ, с помощью которого ранее удалось уехать в Афганистан Рам Кишану и Ачар Сингху.

На случай усиленного режима охраны индо-афганской границы (а именно так было при бегстве С.Ч. Боса) грузовик с нужным человеком сопровождал помощник Аббас– хана Бхагат Рам Тальвар, который имел родственников и знакомых среди горцев Хайбара и Читрала. Чтобы избежать новой проверки документов, Бхагат Рам и его спутник высадились в полосе «независимых» пуштунских племен, где их ожидали проводники афридии. С их помощью Бос и Бхагат Рам горными тропами перешли границу и на третий день пути вышли к кабульской дороге. 1 февраля 1941 г. Бос и сопровождающий прибыли в Кабул.

Его пребывание в афганской столице довольно подробно описано в мемуарах Бхагат Рама и Уттам Чанда, в доме которого жил С.Ч. Бос. Однако российские и британские архивные материалы значительно дополняют их воспоминания.

Оказавшись в Кабуле, Бхагат Рам натолкнулся на категорический отказ советского посольства иметь какие-либо контакты с ним и С.Ч. Босом. Такое поведение полпреда К. Михайлова было закономерно, так как ему, вероятнее всего, было строжайше запрещено НКИД вступать с экс– президентом ИНК в контакт. Описанный Тальваром драматический эпизод, когда он безуспешно пытался убедить главу дипломатической миссии СССР встретиться с С.Ч. Босом, стоявшим недалеко от посольской машины, только подчеркивает этот факт.

К. Михайлову прекрасно было известно, кто такой Бос и какова его роль в индийском национально-освободительном движении. Этот дипломат до своего назначения в Афганистан долгое время обучал индийских студентов в Коммунистическом университете трудящихся Востока (КУТВ). Для руководящих сотрудников Коминтерна он составлял секретный информационный бюллетень по Индии{8}. Разумеется, К. Михайлов мог узнать бывшего председателя Индийского национального конгресса, так как был хорошо знаком с индийской прессой, где часто помещались фотографии С.Ч. Боса.

Не получив помощи от советской стороны, С.Ч. Бос был вынужден обратиться за помощью в дипломатическое представительство Германии в Кабуле. Немецкий посланник Г. Пильгер, судя по его высказываниям в беседах с К. Михайловым, отнесся к просьбе индийского лидера переправить его в Германию крайне настороженно. Этот профессиональный дипломат, сделавший успешную карьеру при Веймарской республике, скептически относился к политике нацистского руководства в отношении стран Востока. Фактически его назначение посланником в Афганистан было почетной ссылкой. В связи с этим Г. Пильгер за весь период своего пребывания в Кабуле выполнял только приказы из Берлина, избегая проявлять любую инициативу. Это, как и ряд других причин, также отсрочило отправку С.Ч. Боса в Германию.

Как свидетельствуют документы из центральных архивов Российской Федерации, реальные шаги к организации отъезда индийского лидера в Берлин дипломатические миссии Германии и Италии в Кабуле предприняли лишь в феврале 1941 г. В первых числах этого месяца Г. Пильгер посетил советское посольство и попросил К. Михайлова оформить визу для С.Ч. Боса. Советский посол сообщил о просьбе своего германского коллеги в Москву.

С аналогичной просьбой в НКИД обратилось и немецкое посольство в Москве. Дипломатические миссии Италии и Японии в Кабуле также ходатайствовали за индийского политического деятеля перед советским посольством.

Г. Пильгер делал все возможное, чтобы ускорить получение визы для индийского лидера. Германский посланник сообщил К. Михайлову, что С.Ч. Бос покинет Афганистан с итальянским паспортом, в котором необходимо было поставить въездную визу. Данное

пожелание немецкого дипломата было удовлетворено.

Г. Пильгер также попросил полпреда отправить индийского политика в СССР на советском самолете, который регулярно осуществлял полеты из Кабула в Ташкент. Он заявил, что итальянские специалисты, работавшие на кабульском аэродроме, смогут тайно посадить С.Ч. Боса на борт самолета. Однако К. Михайлов отверг это предложение.

15 марта 1941 г. в дипломатическое представительство СССР прибыл заведующий канцелярией германского посольства Э. Шмидт, привез паспорт итальянского радиста Орландо Мацотты. Немецкая въездная виза в этом документе была уже проставлена. Паспорт был подлинным, но в него была вклеена фотография С.Ч. Боса. Советник В. Козлов сразу же оформил визу № 0640 Видимо, Э. Шмидт понимал, что отправка видного деятеля индийского национально-освободительного движения в Берлин войдет в историю. В связи с этим он довольно много говорил о нестабильном положении Англии и дальнейшей судьбе С.Ч. Боса. Немец заявил В. Козлову: «Положение в Индии в настоящее время для англичан весьма напряженное. Это напряженное положение резко ухудшится с прибытием в Германию Субха Чандра Боса (так в документе. – Ю. Т.), который является очень влиятельным лицом в Индии. Бос будет использован немцами для пропаганды против владычества англичан в Индии, и в конечном счете все будет сделано так, что индусы выступят против своих угнетателей и выгонят прочь их со своей территории»{9}. В заключении Э. Шмидт сообщил, что предполагается использовать для антибританской радиопропаганды с территории Японии.

За день до отъезда лавку Уттам Чанда посетила жена итальянского посланника П. Кварони и сообщила, что виза получена. В ночь на 18 марта немцы вывезли С.Ч. Боса из Кабула на автомобиле, за рулем которого сидел опытный немецкий разведчик Ф. Венгер, отвечавший за контрабанду оружия в Афганистан{10}. 22 марта 1941 г. С.Ч. Бос пересек советско-афганскую границу через пограничный пункт в Термезе.

Такой поворот событий был большим сюрпризом для британской разведки, которая, видимо, меньше всего предполагала, что советское правительство даст разрешение на проезд индийского лидера через территорию СССР. О том, что С.Ч. Бос был в Кабуле, руководство Интеллидженс сервис окончательно убедилось, расшифровав в конце февраля 1940 г. телеграммы итальянского посольства в Афганистане

Ирландский профессор О’Халпин, нашедший в 2005 г. документы британской разведки, подтверждающие этот факт, обнаружил также архивные материалы, свидетельствующие, что «Комитет по специальным операциям» британской разведки 7 марта 1940 г. отдал приказ британской резидентуре в Турции подготовить ликвидацию С.Ч. Боса, если тот попытается проехать через эту страну в Германию{11}. Таким образом, покинув Афганистан через советскую территорию, индийский политик благополучно ушел от облавы, устроенной на него англичанами.

Следует отметить, что открытие О’Халпина в очередной раз привлекло внимание историков к загадке бегства С.Ч. Боса в Германию через Афганистан. Почему Интеллидженс сервис, имея обширную агентуру в восточных странах, дало уйти индийскому лидеру?! К примеру, С.Ч. Боса можно было легко ликвидировать в Северном Афганистане, задействовав обширную английскую агентуру среди басмачества... У англичан было 15 дней(!), чтобы принять необходимые меры для убийства беглеца в Афганистане.

Скорее всего, руководство Великобритании (решения о политических убийствах даже в годы войны в большинстве случаев принимаются на самом высоком уровне) хотело максимально сохранить секретность запланированной операции. Возможно, афганское правительство категорически запретило англичанам предпринимать что-либо против С.Ч. Боса на своей территории, чтобы не дестабилизировать ситуацию на индо-афганской границе. Любой политик, знавший обстановку в Британской Индии, мог без труда предсказать, что первое же известие о гибели бывшего президента ИНК вызовет мощный взрыв гнева против Англии в Британской Индии.

Версий по поводу счастливого бегства С.Ч. Боса в Германию можно строить много. Это еще

раз свидетельствует о том, что английские спецслужбы умеют хранить свои секреты. Пока же неоспоримым фактом является лишь то, что С.Ч. Бос смог благополучно выехать из Афганистана при довольно таинственных обстоятельствах.

До последнего момента в Кабуле при нем находился Бхагат Рам Тальвар, который сделал все от него зависящее, чтобы выполнить приказ «Кирти» по доставке С.Ч. Боса в СССР. Видимо, индийский коммунист до последнего надеялся, что, оказавшись в Москве, его подопечный сможет реализовать свой план. Однако никто в Москве с С.Ч. Босом вести переговоры не собирался, и ему ничего не оставалось, как продолжить свой путь в III рейх.

В Берлине и Риме прибытие С.Ч. Боса восприняли как подарок судьбы. Он сразу же стал ключевой фигурой всех планов фашистских государств в отношении Индии{12}. С.Ч. Бос первым в начале апреля 1941 г. предложил план своего сотрудничества с Германией в Афганистане и полосе «независимых» пуштунских племен Британской Индии. Согласно этому плану Кабул должен был стать главным центром связи между Европой и Индией. В зоне пуштунских племен планировалось развернуть широкомасштабные боевые действия против английских войск. Факиру из Ипи при этом отводилась главная роль. В связи с этим С.Ч. Бос предлагал забросить к нему германских инструкторов и создать у него же пропагандистский центр с радиостанцией и типографией{13}.

4 мая он в дополнение к своему плану предложил Германии осуществить в Кабуле государственный переворот и поставить у власти прогерманское правительство во главе с Аманулой-ханом{14}. План С.Ч. Боса полностью совпадал с планами фашистского руководства Германии и Италии, поэтому он сразу же был подключен к разработке операций абвера и итальянской разведки в Афганистане и Индии.

Глава 32

Британская Индия в прицеле агентуры стран Оси

Развязав Вторую мировую войну, страны фашистского блока попытались спровоцировать мятеж 5 млн восточных пуштунов Британской Индии, чтобы сковать английскую армию в этой колонии и не допустить переброску британских войск в Средиземноморье. Постоянные восстания пуштунских племен на индо-афганской границе вселяли в фашистское руководство Германии и Италии надежду, что их агентура, действуя с территории Афганистана, сможет подтолкнуть пуштунов по обе стороны «линии Дюранда» к всеобщему восстанию против Великобритании.

С самого начала войны самым активным сторонником использования антибританской борьбы приграничных пуштунских племен против Англии был итальянский посланник в Кабуле Пьетро Кварони. Он уже в 1936 г. стал создавать в зоне пуштунских племен итальянскую разведсеть. Итальянский посланник даже лично участвовал в сборе информации о пуштунских племенах, посещая их стоянки близ Кабула{1}. Не менее активно действовал и советник итальянского посольства Энрике Анцилотти, который был переведен в Кабул из Индии, где проработал 3 года. Итальянцам удалось с помощью амануллистов установить надежные каналы связи с зоной племен и собрать обширную информацию о ситуации в ней. Материалы, собранные за 4 года, убедили П. Кварони, что в северо-западной Индии можно спровоцировать крупный мятеж пуштунских племен. Еще до начала Второй мировой войны, в июне 1939 г., он заявил: «Мы не можем победить Великобританию в этом районе, но серьезно навредить ей у нас... есть все возможности»{2}. Таким образом, итальянская сторона была готова к началу антибританских акций в зоне пуштунских племен, но германский посланник Г. Пильгер не спешил действовать в этом же направлении. Он ждал четких инструкций из Берлина, не проявляя никакой личной инициативы.

Чтобы склонить руководство III рейха к совместной подрывной деятельности против Британской Индии, П. Кварони пришлось действовать, минуя Г. Пильгера. В июле 1939 г. итальянец смог передать в Берлин необходимую информацию через Георга Рипкена, возглавлявшего немецкую торговую делегацию. П. Кварони настойчиво предлагал немцам использовать в общих интересах стран оси Аманулу-хана и пуштунские племена с целью «поддержания нестабильности» на северо-западной границе Индии{3}. Итальянец почти

уговаривал Г. Рипкена, так как прекрасно понимал, что после одобрения Берлина итальянское правительство скорее решится осуществить его авантюрный план.

Восстание хайбарских афридиев доказало П. Кварони, что в одиночку итальянцы ничего не смогут сделать в зоне пуштунских племен. Хотя с самого начала вооруженного выступления афридиев Э. Анцилотти и секретарь итальянской миссии в Кабуле Марио Унгаро смогли установить контакт с восставшими. Из-за отсутствия необходимых денежных средств, не говоря уже об оружии, итальянцы так и не смогли оказать никакой помощи пуштунам Хайбара{4}. Потребовался год, чтобы Италия и Германия согласовали свои позиции и стали тесно координировать свои действия в Афганистане и полосе «независимых» племен Британской Индии.

В 1940 г. абвер и СД активно создавали обширную агентурную сеть. Если до этого времени среди немцев в Кабуле преобладали просто специалисты, то теперь строительная «Организация Тодта» превратилась в филиал германской разведки. В течение года в Афганистане было заменено 35 специалистов из 113. Новые «специалисты» обладали крайне низкой квалификацией, в связи с чем афганское правительство вынуждено было предупредить их, что оно понимает, какие политические цели преследует Германия в Афганистане, но за качество строящихся объектов специалисты «Организации Тодта» отвечают своей зарплатой{5}. Все остальные члены германской колонии должны были, как «солдаты фюрера», содействовать кадровым разведчикам в их деятельности.

Абвер и СД уже не ограничивались сбором разведданных об Афганистане, Индии и СССР. С июня 1940 г. началось вооружение всей фашистской агентуры в Афганистане. Только в одной заявке германского посольства в Кабуле от 12 июня содержалась просьба прислать 30 автоматов с боекомплектом 1 тыс. патронов к каждому, 400 ручных гранат, 60 штыков, 2 небольших огнемета, ракетницу и ранцевую радиостанцию{6}. Большое количество запрошенных штыков указывает, что в распоряжении немецкой миссии имелось значительное количество карабинов, ввезенных ранее.

Оружие поступало через СССР дипломатической почтой. Так, в апреле представитель фирмы «Рейнметалл» в Афганистане капитан Оскар Морлок провез в 30 ящиках партию оружия общим весом свыше 2 тонн. Из этих 2 тонн только 470 кг приходилось на 20-мм автоматическую зенитную пушку для афганской армии{7}. Какое оружие (1,5 т) было ввезено еще, можно лишь догадываться. Часть оружия, предназначенного для передачи пуштунам «независимой» полосы Британской Индии, переправлялась в Афганистан с промышленным оборудованием из Германии. Особенно активно ввозом вооружения занималась немецкая транспортная фирма «Шенкер», которая была фактически филиалом абвера.

Главным оплотом германской агентуры в Афганистане было Министерство общественных работ, под контролем которого работала большая часть немцев. Глава «Организации Тодта» в Афганистане Ф. Венгер являлся главным советником этого министерства. Он внес в план строительных работ в Афганистане прежде всего стратегически важные объекты, в сооружении которых Германия была заинтересована. К их числу относились: дорога Кабул – Газни, мосты и дороги в приграничных с Индией районах и аэродромы.

Афганское правительство прекрасно понимало, что немцы стремятся создать сеть современных дорог для будущего наступления на Индию, но до поры не препятствовало этому, так как само было заинтересовано в укреплении своих позиций в районах проживания пуштунских племен. Англия, которая до июня 1941 г. планировала осуществить ввод своих войск в Афганистан в случае советского вторжения, не противодействовала дорожному строительству на юге Афганистана. Правда, меры предосторожности англичане приняли и наложили запрет на экспорт строительного железа, необходимого для возведения мостов. Но эта мера была несколько запоздалой, так как немцы успели построить большой железобетонный мост через р. Гильменд у Герата{8}. В результате деятельности германских инженеров афганские дороги, ведущие к индийской границе, были реконструированы и находились в отличном состоянии. Дорогу от Кандагара до Чамана немцы превратили в

бетонированное шоссе, что было редчайшим явлением для Афганистана с его жутким бездорожьем{9}.

С большой активностью «Организация Тодта» создавала в Афганистане сеть аэродромов. Правительство Хашим-хана расширяло базу афганских ВВС, чтобы иметь, в первую очередь, возможность быстро подавлять восстания мятежных пуштунских племен. У Германии, в свою очередь, были собственные планы на аэродромы в Афганистане.

К середине 1941 г. «Организация Тодта» реконструировала и построила несколько аэродромов, из которых самыми крупными были аэродромы в Кабуле и Герате. Они имели мощные радиостанции, радиус действия которых охватывал и северные районы Индии. Кабульский аэродром располагал 8 действующими и еще 4 готовыми к сдаче в эксплуатацию ангарами. Кроме этого, рядом с ним при немецком содействии сооружался новый аэродром, где были заложены фундаменты для 14 ангаров (каждый для укрытия 2 самолетов) и привезены емкости для хранения горючего{10}. К моменту нападения фашистской Германии на СССР значительная доля строительных работ на новом кабульском аэродроме не была завершена.

Только в Герате могли совершать посадку тяжелые самолеты. Этот город веками считался воротами Индии, и Германия уделяла ему первостепенное значение. Чтобы подобрать ключи к этим воротам, немцы в 1941 г. завершили там постройку аэродрома с бетонной взлетно-посадочной полосой.

В успешном процессе превращения Афганистана в плацдарм для вторжения в Индию случались и крайне досадные для Германии сбои. Так, весной 1941 г. Ф. Венгер стал настаивать на сооружении хорошей дороги Мешхед (Иран) – Герат – Кабул{11}. И тут афганское правительство впервые ответило отказом на германскую просьбу, так как строительство этой дороги создавало благоприятные условия для вторжения извне в Афганистан. Этот случай еще раз доказал, что активность любой иностранной державы в этой стране находилась под бдительным контролем афганцев, которые не хотели быть пешками в чужой игре.

Все дороги и мосты, которые строили немецкие специалисты в Афганистане, предназначались для быстрого продвижения германских войск к горным проходам, ведущим в Индию, а аэродромы – для высадки крупных десантов. Строительство крупного аэродрома в Герате указывает, что германское командование планировало повторить в зоне пуштунских племен десантную операцию, проведенную ранее немцами в Норвегии.

Февраль 1941 г. стал поворотным пунктом в деятельности фашистской дипломатии и разведки в Афганистане. Спланировав блицкриг против СССР, германское руководство намеревалось осенью 1941 г. осуществить вторжение в Индию. К началу наступления вермахта на Индию абвер и итальянская разведка должны были спровоцировать крупное антибританское восстание пуштунских племен.

Без содействия афганского правительства фашистская агентура не могла успешно действовать в полосе «независимых» племен Британской Индии, поэтому в Берлине начались переговоры с афганским министром экономики Абдул Меджидом, который в феврале 1941 г. прибыл на лечение в Германию. Хотя он действительно был серьезно болен, главной его целью было не лечение, а переговоры с целью добиться согласия Германии на присоединение всей зоны пуштунских племен к Афганистану. Он должен был также координировать деятельность афганских дипломатов в Европе и США. Кроме этого, Хашим-хан поручил ему еще одно особое задание: любой ценой вывезти из Германии капиталы афганской королевской семьи. Все это делало Абдул Меджида более влиятельным лицом в афганском правительстве, чем министр иностранных дел{12}. До его приезда в Берлине уклонялись от обсуждения территориальных претензий Афганистана. Но теперь, когда страны Оси собирались поднять мятеж на северо-западной границе Индии, немцы решили удовлетворить эту просьбу и согласиться на будущую афганскую границу по р. Инд. 12 марта 1941 г. И. Риббентроп дал согласие на все просьбы Абдул Меджида по этому вопросу{13}.

Взамен Германия попыталась заручиться поддержкой Кабула в проведении подрывных акций стран Оси в полосе пуштунских племен Британской Индии. Статс-секретарь Министерства иностранных дел Эрнст Вайцзеккер предложил Абдул Меджиду, чтобы формально остающийся нейтральным Афганистан разрешил свободный провоз германского вооружения в полосу «независимых» племен Британской Индии. Афганское правительство также должно было содействовать переброске туда коротковолнового передатчика и разрешить немцам секретно использовать кабульскую радиостанцию. Афганский министр уклонился от обсуждения этих вопросов, заявив, что «дела с племенами требуют большого опыта, иначе оружие может попасть не в те руки»{14}.

13 мая 1941 г. проблема сотрудничества Германии и Италии в Вазиристане обсуждалась на встрече Б. Муссолини с И. Риббентропом. Дуче прямо заявил германскому министру иностранных дел: «Италия установила связь с Факиром из Ипи и пытается с помощью крупных сумм денег использовать (его. – Ю. Т.) активность в интересах стран Оси. Даже если эти акции будут не очень активными, они тем не менее создадут большие нежелательные затруднения для Англии»{15}. После этой встречи Италия выделила для поддержки Факира 6 млн лир, а Германия – 1 млн рейхсмарок «для проведения специальных операций в Афганистане и районе индо-афганской границы»{16}. Все эти деньги предназначались для проведения операции «Пожиратель огня», которая предусматривала заброску в Вазиристан к Факиру из Ипи двух агентов абвера для подготовки восстания пуштунских племен.

Скорее всего, с этой же целью в марте 1941 г. все трофейное английское оружие, захваченное вермахтом в Европе, было поставлено на особый учет, так как оно «было зарезервировано для одной страны»{17}. Когда встал вопрос о поставках вооружения антибританским силам в Ираке и Палестине, начальник штаба Верховного командования вермахта (ОКВ) Вильгельм Кейтель отдал приказ отправить на Ближний Восток польское и французское трофейное вооружение, но английские винтовки, крупнокалиберные пулеметы, противотанковые ружья, минометы и полевые орудия остались неприкосновенным запасом...

В начале 1941 г. абвер и итальянская разведка активизировали свою подрывную деятельность против Британской Индии. Особенно активно и успешно действовали итальянцы. Им удалось в феврале 1941 г. вместе с немцами передать Факиру из Ипи 300 тыс. афгани. В марте 1941 г. еще 2 итальянца посетили Горвехт и вручили Факиру 300 тыс. индийских рупий и 2 ручных пулемета с большим количеством патронов{18}. Как установили позднее англичане, итальянский разведчик Ашири и его коллега проникли в Вазиристан с территории Ирана, куда они после переговоров с лидером восставших вазиров вновь ушли{19}. Возможно, что уже тогда они выяснили условия, на которых Факир был согласен сотрудничать со странами оси.

Прежде всего Факир из Ипи нуждался в деньгах и оружии. Деньги были крайне необходимы вождю вазиров, так как он не мог без них возобновить борьбу против англичан. Турецкий посол Эсендаль 4 июня 1941 г. сообщил советскому послу Михайлову, что недавно посылал своего человека в Вазиристан и выяснил: «Факир из Ипи сидит в своей пещере и не проявляет большой активности в деле объединения вокруг себя племен. Организовать племена он не может по той простой причине, что у него нет на это средств»{20}. Вскоре ситуация изменилась: денег у Факира благодаря помощи итальянцев и немцев стало предостаточно, и он начал подготовку к новому восстанию против Англии.

В марте 1941 г. Факир из Ипи подготовил свой лагерь в Горвехте для размещения новых отрядов горцев. Затем он обратился с письмом к масудам, которых он призвал к новому восстанию против Англии. Одновременно его отряды численностью около 250 человек возобновили партизанскую войну в районе г. Банну. 24—27 марта 1941 г. они разоружили пост племенной милиции, сожгли 2 британских военных пикета, обстреляли отряд английской пограничной полиции{21}. Одним словом, страны Оси смогли убедиться, что их субсидии Факиру из Ипи принесли весомые дивиденды в кратчайшее время. В связи с этим спецслужбы Германии и Италии еще более активизировали свою антибританскую

деятельность в Афганистане.

Запланированный блицкриг против СССР заставили абвер ускорить переброску в Афганистан опытных разведчиков, которые должны были возглавить работу шпионской сети в зоне пуштунских племен. В мае 1941 г. окончательно сформировалась структура германской разведки в Афганистане, где действовало независимо друг от друга 5 разведгрупп{22}. Все они были нацелены на проведение подрывной деятельности в зоне пуштунских племен. Самая главная из них состояла из сотрудников германского посольства. Возглавлял ее резидент германской внешнеполитической разведки торговый атташе Карл Расмус (агентурный псевдоним Карлмай), прибывший 29 мая в Кабул. До этого он 17 лет проработал в Индии и прекрасно знал, что «без внедрения в зону племен невозможно развивать здесь (в Индии. – Ю. Т.) сколько-нибудь серьезную работу в пользу III рейха»{23}. Для финансирования подрывных акций германской агентуры в приграничных районах Индии К. Расмус привез крупную сумму в английской валюте: 400 тыс. фунтов стерлингов банкнотами и 200 тыс. золотом{24}. В состав его группы входили:

1. Курьер посольства старший лейтенант абвера Дитрих Витцель, который в мае 1941 г. был назначен в Кабул военным атташе, но афганское правительство не утвердило его назначение, и он остался «курьером» при посольстве. Д. Витцель (агентурный псевдоним Патан), являясь офицером полка «Бранденбург», был обучен проведению диверсионных акций и, что особенно заслуживает внимания, организации мятежей среди мирного населения. Он хорошо владел фарси, но не знал пушту, а именно этим языком необходимо было владеть для работы с племенами «независимой» полосы{25}.
2. Радист посольства Вильгельм Дох, прибывший вместе с К. Расмусом и Д. Витцелем, приехал в Кабул с необходимой радиоаппаратурой и большим запасом радиодеталей к ней. Должен был обеспечивать устойчивую связь с Берлином.
3. Шифровальщик германской миссии Адольф Цугенбюллер, также прибыл в Афганистан в мае 1941 г. Кроме своих прямых обязанностей, он занимался восстановлением с помощью специальных химикатов текстов документов, добытых немецкими агентами из иностранных миссий в Кабуле{26}.
4. Секретарь посланника Г. Пильгера и машинистка посольства Ирен Галиен, являвшаяся сотрудником абвера.
5. Особое место в этой группе и в германской колонии занимал врач немецкого дипломатического представительства Георг Фишер, который находился в Афганистане уже несколько лет. На германскую разведку он работал еще с Первой мировой войны, после ее окончания издал мемуары{27}. В Кабуле он своей аптечкой держал в страхе всех немцем, так как по городу ходили упорные слухи, что он с ее помощью обеспечивал ликвидацию неугодных нацистам лиц.

Другая разведгруппа действовала под прикрытием «Технического бюро Сименса» в Кабуле. Его возглавлял один из руководителей германской агентуры в Афганистане Эрих Томас, который занимался только разведкой, а всю работу за него выполняли два служащих фирмы Вольфганг Вальтин и Отто Прайс{28}. Фактически Э. Томас контролировал деятельность всех германских специалистов в Афганистане. Ему одному из немцев афганцы разрешали свободно совершать поездки по всей стране.

Весной 1941 г. состав сотрудников «Технического бюро Сименса» пополнился еще одним опытным разведчиком – Ван Мейдереном, который был тестем Г. Пильгера. В поле зрения английской разведки он попал в 1939 г., когда с немецкой миссией прибыл в Египет{29}. Интересно, что сроки поездки Хентига в Египет для контакта с Шами Пиром совпадают по времени с пребыванием в этой стране Мейдерена. Поэтому можно предположить, что и он был связан со «святым человеком» из Сирии.

Не менее важной для абвера была группа, возглавляемая главным германским военным советником в афганской армии майором Вальтером Шенком. В его подчинении находились майор Симон-Эберхард, капитан Морлок и все немецкие техники на афганской службе. В. Шенк лично руководил «Высшими офицерскими курсами» для командного состава

афганской армии. Благодаря работе этой разведгруппы в Берлин поступала обширная информация о вооруженных силах Афганистана и мерах англичан по укреплению северо-западной границы Индии.

Еще одна разведгруппа была создана агентом СД Куртом Брикманном, прибывшим в Афганистан в конце 1940 г. Официально он находился в Афганистане как врач-стоматолог. Его зубоврачебный кабинет был единственным в Кабуле, он был личным врачом премьер-министра Хашим– хана. Миссия этого агента была строго секретной (даже Ф. Венгер не знал, с какой целью он прибыл в Афганистан). Главной задачей К. Брикманна было установить связь с Факиром из Ипи и поднять мятеж пуштунских племен. Деятельность этого ярого фашиста закончилась провалом, так как он, не зная коварного и хитрого нрава пуштунов, быстро истратил все деньги на псевдоэмиссаров от Факира из Ипи, во множестве приезжавших в Кабул{30}.

Пятую группу германской агентуры возглавлял, вероятнее всего, Якуб-хан, который был резидентом абвера с 1936 г. Под его руководством велась работа среди аманулистов и пуштунских племен.

В зоне племен абвер полностью зависел от итальянцев, которые имели обширную агентуру среди пограничного населения, но испытывали острую нужду в деньгах, так как Рим задерживал перевод в Кабул отпущенных для работы с Факиром из Ипи 6 млн лир.

Эти деньги были остро необходимы П. Кварони для финансирования обширной разведсети, якобы созданной в зоне племен Бхагат Рамом (агентурный псевдоним в «Кирти», а затем в абвере – Рахмат-хан). Еще находясь в Афганистане, С.Ч. Бос передал на связь итальянской разведке своего проводника, которому поручил, в свою очередь, передать бывшему бенгальскому террористу с псевдонимом Бакши Бабу, что молодых индийцев, прибывших в Кабул, итальянцы согласились обучать технике проведения диверсий {31}. Бхагат Рам в точности выполнил все указания С.Ч. Боса.

19 апреля 1941 г. Бхагат Рам прибыл в Кабул из Индии. Вместе с ним в афганскую столицу приехали индийцы Гангули (псевдоним Шер Заман) и один из руководителей «Кирти» Хаминдар Сингх Соди (псевдоним Мохаммад– хан). Первый должен был пройти обучение подрывному делу у итальянцев, чтобы потом организовать в Индии подпольную школу диверсантов. Хаминдар Сингх Соди хотел через Афганистан уехать в СССР, так как являлся одним из активных агентов Коминтерна в Пенджабе. Ему необходимо было доложить коминтерновскому руководству о ситуации в Индии и получить четкие инструкции из Москвы.

Случай с Соди в очередной раз продемонстрировал, какой разброд в международное коммунистическое движение внес «Пакт Риббентропа – Молотова». До 22 июня 1941 г. группа «Кирти» фактически была частью фашисткой агентуры в Афганистане и Индии. Так, индийский патриот и коммунист Соди (псевдоним в Коминтерне Шерван Бен) вышел на связь с П. Кварони.

25 мая 1941 г. в Пагмане состоялась встреча индийского и итальянского посланников. Во время этой встречи Соди и Гангули в течение часа получали от М. Унгаро инструкции, каким образом «использовать динамитные шашки с бикфордовым шнуром для взрывов мостов, железных дорог и зданий»{32}. В качестве примера объяснялась возможная схема подрыва моста г. Аттока в Индии.

После этого «урока» Гангули отбыл в Индию создавать нелегальную школу подрывников, Соди по настоянию итальянцев остался в Кабуле. П. Кварони хотел поручить ему «работу среди приграничных племен», но тот отказался, сославшись на незнание языка пушту.

В результате единственным итальянским, а затем и германским резидентом в зоне пуштунских племен остался Бхагат Рам, который весной 1941 г. с помощью индийских националистов создал сеть опорных пунктов между Кабулом и Пешаваром. Главной базой созданной им подпольной организации стала деревня Кудахель в зоне племен{33}. Вероятнее всего, члены этой организации и не подозревали, что они являются пешками в крупной игре разведок.

Осторожный П. Кварони не передал Бхагат Раму итальянскую агентуру в полосе «независимых» племен, а предоставил ему возможность навербовать новые кадры для итальянской разведки. Британская разведка, несмотря на свой богатый опыт и широкие возможности, в то время не смогла поставить под контроль подрывную деятельность итальянцев в зоне пуштунских племен. Большую роль в неудаче британской разведки сыграла и недоверчивость Факира из Ипи. Таким образом, к 1941 г. П. Кварони удалось уберечь результаты своего пятилетнего труда и, как казалось миссиям стран Оси в Кабуле, достичь новых крупных успехов.

В конце 1940 г. к сбору развединформации о британских укреплениях на индо-афганской границе подключилась и японская разведка. Так как Япония еще не вступила в войну против Англии, в Индии действовали японские консульства, где работали опытные разведчики. Собранная ими информация была обширной и достоверной. Поэтому, вероятнее всего, сам К. Расмус попросил руководство абвера, чтобы оно договорилось с японской разведкой об обмене разведданными по Индии. Токио удовлетворило эту просьбу, и германское посольство стало получать столь необходимую ему информацию о силах британской армии и укреплениях англичан в Северной Индии.

Вероятнее всего, по просьбе немцев поверенный в делах Ивасаки в марте 1941 г. совершил поездку из Кабула в г. Кветту. Главной его целью было оценить силу британских укреплений в Боланском проходе. Мощные укрепления, построенные для обороны этого прохода, произвели на японца огромное впечатление. Поэтому, вернувшись в Кабул, он открыто заявил всем иностранным дипломатам в афганской столице, что британские форты в Боланском проходе неприступны. Так, 16 июня 1941 г. Ивасаки сообщил советнику посольства СССР В. Козлову: «Весь этот район можно считать недоступным для неприятельских войск. Однако сравнительно легко войска могут пройти в Белуджистане»{34}. Разумеется, Расмус получил от Ивасаки самое детальное описание английских укреплений в Белуджистане. Координация деятельности разведслужб стран оси позволила абверу иметь довольно точную информацию о ситуации на индо-афганской границе.

В мае 1941 г. в Берлине было решено осуществить заброску агентов абвера к Факиру из Ипи (операция «Пожиратель огня») с целью подготовить антибританский мятеж пуштунских племен к сентябрю 1941 г. (операция «Тигр»), когда после победы над СССР германское командование планировало начать наступление на Индию. Для разработки этих операций еще в марте 1941 г. в Берлин был вызван Ф. Венгер, а в начале мая вслед за ним уехал Э. Томас. Их отъезд встревожил советское посольство, так как свидетельствовал о подготовке Германией какой-то крупной акции в Афганистане. Второй секретарь посольства СССР в Кабуле М. Вавилов, сотрудник советской разведки, отвечающий за сбор информации о зоне пуштунских племен, сообщал в Москву: «Его (Томаса. – Ю. Т.) поездку в Берлин можно рассматривать, по моему мнению, как вызов для личного доклада и получения инструкций. Несомненно, его, как хорошо знающего обстановку в Афганистане, следует снова ожидать здесь и в Иране»{35}. Руководители германской агентуры в Афганистане действительно в июне вернутся назад. Но еще раньше их в Кабул прибыли два агента германской разведки из полка «Бранденбург»: старший лейтенант абвера профессор медицины Манфред Обердорффер и энтомолог Фред Брандт{36}. Именно их предстояло переправить к Факиру в Вазиристан. Чтобы ускорить заброску своих людей в Афганистан, немцы использовали Абдул Меджида, который из Берлина распорядился в обход установленных правил немедленно выдать въездные визы М. Обердорфферу и Ф. Брандту.

Без помощи итальянцев абвер не мог переправить своих агентов в зону племен, поэтому К. Расмус обратился за помощью к П. Кварони. Итальянец устроил германскому резиденту встречу с Бхагат Рамом в афганском городке Пагмане. На ней обсуждался план заброски через г. Банну и Кохат немецких разведчиков к Факиру из Ипи{37}. Кроме Бхагат Рама, П. Кварони передал абверу еще одного своего агента, Шер Афзал-хана, который, по словам Бхагат Рама, был осведомителем афганской разведки{38}.

На переговоры с Факиром П. Кварони, не доверяя никому, послал тайно от всех советника итальянского посольства Э. Анцилотти, который 12 июня 1941 г., переодетым в пуштунскую одежду, скрылся из Кабула. Афганские власти сразу же начали его розыск и объявили награду за его поимку в 150 тыс. афгани. Но Э. Анцилотти удалось благополучно прибыть в Горвехт, где находилась штаб– квартира Факира из Ипи. В ходе его переговоров с лидером вазиров было достигнуто соглашение о сотрудничестве со странами Оси. Факир согласился за ежемесячную субсидию в 12,5 тыс. фунтов стерлингов действовать в интересах Германии и Италии. Если в полосе «независимых» племен вспыхнуло бы всеобщее восстание, эта сумма увеличивалась бы до 75 тыс. фунтов{39}. Кроме денег, Факир попросил срочно прислать ему оружие, но не сбрасывать его с самолетов, так как это вызвало бы английские бомбардировки Горвехта и окружающих селений. Он согласился принять у себя фашистских агентов, в особенности радиста с рацией. Э. Анцилотти, по всей видимости, удалось завербовать нескольких агентов в окружении Факира. С собой итальянец привез для передачи Факиру крупную сумму денег, небольшую партию оружия, включая легкий пулемет, и фашистские листовки{40}.

Еще до возвращения Э. Анцилотти в Кабул англичанам удалось арестовать переводчика итальянского посольства Мухаммада Аслама, когда он неосторожно приехал в родное селение близ г. Кветты. От него британской разведке стало известно о контактах итальянцев с Факиром из Ипи и о визите советника итальянского посольства в Вазиристан, но англичанам не удалось схватить итальянского разведчика.

Незадолго до нападения Германии на Советский Союз в Афганистан прибыло оружие, предназначенное для Факира из Ипи. На этот раз германская разведка не рискнула переправлять такой груз диппочтой через территорию СССР. Чтобы доставить вооружение в Афганистан, немцы организовали автопробег через Турцию и Иран, якобы для испытания «Фольксвагенов» новой модели. Непосредственное руководство переброской оружия взял на себя Ф. Венгер, которому благополучно удалось провезти через три границы около тонны контрабандного груза{41}. После его возвращения операция «Пожиратель огня» вступила в завершающую стадию.

На первом этапе Второй мировой войны фашистская Германия и ее союзники постарались совместными усилиями создать в полосе «независимых» пуштунских племен Британской Индии свою обширную агентуру. Италия благодаря умелой и осторожной деятельности П. Кварони смогла добиться серьезных успехов в этой работе. Главным результатом разведок Италии и Германии было заключение соглашения с Факиром из Ипи о сотрудничестве против англичан. В связи с тем, что Гитлер планировал к сентябрю 1941 г. в ходе блицкрига разгромить Советский Союз, вся фашистская агентура в Афганистане в 1939– 1941 гг. действовала главным образом против Британской Индии.

Глава 33

Крах операции «Пожиратель огня»

После начала агрессии Германии против СССР и первых крупных побед вермахта на восточном фронте руководство абвера приняло решение форсировать подготовку антианглийского восстания пуштунских племен. Уже 24 июня 1941 г. глава абвера II (диверсии) полковник Эрвин фон Лахузен-Вивремонт направил немецкой миссии в Кабуле приказ приступить к осуществлению операции «Пожиратель огня»{1}. Согласно плану этой операции, агентам абвера М. Обердорфферу и Ф. Брандту было приказано доставить Факиру из Ипи первую партию оружия и крупную сумму денег в афганской и индийской валюте. После прибытия в Вазиристан германские разведчики с помощью Факира должны были приступить к осуществлению операции «Тигр», согласно которой в сентябре 1941 г. перед началом наступления немецких войск на Индию планировалось спровоцировать всеобщее восстание приграничных пуштунских племен в тылу британской армии. Э. Лахузен-Вивремонт поставил перед своими агентами задачу: в первую очередь, поднять антибританский мятеж среди вазиров, момандов и афридиев{2}.

В конце июня П. Кварони, вероятно, получив от Э. Анцилотти сообщение о согласии лидера

вазиров принять немецких разведчиков, попытался вывезти их из Кабула на своей машине с дипломатическими номерами, но был задержан в Гардезе афганской полицией и вынужден был вернуться назад{3}.

До возвращения Э. Анцилотти, который должен был сообщить, где и когда люди Факира из Ипи ждут агентов абвера, начинать операцию «Пожиратель огня» не имело смысла. Поэтому итальянское и немецкое посольства с нетерпением ждали возвращения своего агента из Горвехта.

В начале июля 1941 г. из Вазиристана в Кабул пришла долгожданная для стран Оси весть: Факир из Ипи поднял новое восстание против англичан{4}. В одном из нападений вазиров на британские форты в Вазиристане участвовал и Э. Анцилотти, после чего он сразу же вернулся в Афганистан. Чтобы ускорить его возвращение в Кабул, П. Кварони пошел на риск и отправил за ним свою жену на машине итальянского посольства. Ей удалось благополучно доставить итальянского разведчика в посольство Италии{5}.

Переговоры Анцилотти с Факиром из Ипи крайне встревожили англичан, которым было известно, что абвер и итальянская разведка незадолго до нападения фашистской Германии на СССР заключили соглашение с Аманулой, согласно которому бывший король Афганистана обязался помочь странам Оси спровоцировать всеобщее восстание восточных пуштунов. Английские дипломаты и разведчики в Афганистане понимали, что без помощи Советского Союза Великобритания не сможет удержать ситуацию в этой стране под своим контролем. Чтобы предотвратить мятеж приграничных пуштунских племен, Англии было необходимо нейтрализовать прогерманскую группировку в афганском правительстве и ликвидировать фашистскую «пятую колонну» на юге Афганистана.

Английское посольство в Кабуле еще до начала войны между СССР и Германией попыталось наладить контакты с советской миссией в Кабуле. Уже 14 июля 1941 г. (на второй день после исчезновения Э. Анцилотти из Кабула) резидент английской разведки в Афганистане военный атташе подполковник А. Ланкастер встретился со вторым секретарем советского посольства М. Вавиловым. Во время этой встречи англичанин, желая подтолкнуть Вавилова к разговору о проблеме приграничных пуштунских племен, стал рассказывать о маршрутах их летних кочевок в Афганистане. Наш дипломат, опасаясь очередной английской провокации, на которые британская разведка в Афганистане была крайне изобретательна, уклонился от обсуждения ситуации на индо-афганской границе. Трудно было ожидать от М. Вавилова другой реакции на неожиданную откровенность английского резидента, хорошо известного своими связями с басмачами. Видимо, поняв это, А. Ланкастер, как бы оправдываясь, вдруг сказал своему собеседнику, что «он никогда не был на севере Афганистана у ваших границ»{6}. Затем беседа сразу же прекратилась, и англичанин ушел.

После встречи А. Ланкастера с М. Вавиловым больше ни один член британского посольства не попытался вступить в контакт с советскими дипломатами в Кабуле, хотя англичане в июне 1941 г. с каждым днем все больше убеждались в необходимости совместных с СССР действий против фашистской агентуры в Афганистане.

Когда фашистская Германия напала на Советский Союз и Черчилль произнес свою знаменитую речь, в которой он обещал оказать нашей стране помощь в войне с фашизмом, английский посланник В. Фрэзер-Тайтлер, не дожидаясь указаний из Лондона, сразу же предпринял активные шаги для сближения с советской миссией в Кабуле. Хорошо осведомленный о приготовлениях фашистов, он опасался, что Англия в одиночку не сможет удержать афганское правительство от сближения с Германией. Без содействия с советской стороны англичане не могли даже надеяться на высылку немцев и итальянцев из Афганистана.

В связи с этим уже 23 июня 1941 г. дипломатическое представительство СССР в Кабуле посетил первый секретарь британского посольства Флетчер и от имени В. Фрэзер-Тайтлера предложил объединить усилия «по выдворению немцев из Афганистана»{7}. Советский посол К. Михайлов в это время был в поездке по северным районам Афганистана, где тоже

была отмечена активность немцев. В советском посольстве его на время отъезда замещал советник В. Козлов, который немедленно сообщил о предложении англичан в Москву. И 28 июня, получив инструкции из НКИД, он посетил британскую миссию и сообщил В. Фрэзер-Тайтлеру, что «его предложения об организации совместных действий английской миссии и нашего посольства по выдворению немцев из Афганистана... принимаются»{8}. Когда 1 июля посол К. Михайлов вернулся в Кабул, английский посланник сразу же посетил советское посольство. Это был первый визит представителя Англии в Афганистане в советское посольство. За долгие годы противостояния и вражды между СССР и Великобританией в этой стране сформировался устойчивый «образ врага», поэтому на этой встрече оба дипломата вели себя сдержанно{9}.

Лишь 4 июля между ними (по инициативе англичан!) начался обмен информацией о деятельности немцев в Афганистане в предвоенные годы. В этот день британский посланник сообщил советскому послу ранее совершенно секретную информацию об авантюре Шами Пира. Таким образом, преодолевая взаимное недоверие, дипломаты СССР и Англии начали налаживать сотрудничество против фашисткой «пятой колонны» в Афганистане. Британская сторона не скрывала, что крайне заинтересована в этом...

4 июля английской разведке стало известно о планируемой немцами заброске М. Обердорффера и Ф. Брандта в Вазиристан. В резиденцию вице-королей Индии в Симле срочно из Кабула была отправлена разведсводка №27, в которой сообщалось о целях и задачах операции «Пожиратель огня»{10}. После случая с Э. Анцилотти, поездка которого ускорила начало нового восстания вазиров, англичане понимали, что им необходимо любой ценой перехватить агентов абвера.

В свою очередь, Германия стремилась сделать все возможное, чтобы подготовить восстание в зоне пуштунских племен на индо-афганской границе. 29 июня 1941 г. Риббентроп подписал приказ о назначении новым немецким посланником в Кабул В. Хентига, который должен был возглавить фашистскую агентуру в Афганистане. Риббентроп и шеф абвера адмирал Канарис рассчитывали, что он, имея богатый опыт по созданию шпионских организаций и проведению подрывных акций в Афганистане и арабских странах, сможет успешно провести запланированные немецкой разведкой операции в Афганистане и Северной Индии.

Назначение начальника Ближневосточного департамента германского МИДа на пост посланника в Кабуле свидетельствовало о том, что в Афганистане и полосе «независимых» племен скоро должны произойти крупные события. Когда же летом 1941 г. Канарис предложил заменить германского посла в Турции Франца фон Папена на О. Нидермайера, англичанам окончательно стало ясно: немцы хотят нанести им удар в Индии и готовят надежный «коридор» для своих агентов через Турцию, Иран и Афганистан{11}.

В секретном докладе «Барон фон Хентиг. Интриги стран Оси в Афганистане», подготовленном в июле 1941 г. для английского правительства британской разведкой МИ-2, говорилось: «В последние три месяца итальянцы и немцы – немцы, по всей видимости, стали играть решающую роль – активно заняты созданием некой грандиозной организации в Афганистане, целью которой является поднять здесь и на северо-западной границе Индии восстание (пуштунов. – Ю. Т.). Руководить этой организацией должен лидер левого крыла Индийского национального конгресса Субхас Чандра Бос из Рима через своих агентов в Кабуле. Им были даны инструкции войти в контакт с Факиром из Ипи и другими вождями племен с целью поднять мятеж на северо-западной границе Индии и в Пенджабе»{12}. Далее в докладе приводились сведения о связях В. Хентига с Аманулой, Сиддик-ханом и Шами Пиром и подчеркивалось, что все попытки немцев и итальянцев «поднять крупномасштабное восстание приграничных (пуштунских. – Ю. Т.) племен были неудачны, главным образом, благодаря позиции афганского правительства, которое не потворствовало... странам Оси».

В заключение, подводя итог анализа ситуации на индо-афганской границе, МИ-2 указывала, что, по последним данным разведки, наибольшую угрозу для англичан представляет Факир из Ипи. Британская разведка считала необходимым использовать все средства, чтобы

воспрепятствовать приезду в Афганистан В. Хентига, деятельность которого, как указывалось в докладе, «явилась причиной беспорядков в 1916 и 1920 годах на северо-западной границе Индии и в Афганистане».

Реакцию британских властей в Индии на возможность прибытия в Афганистан В. Хентига лучше всего передают слова одного английского офицера разведки в зоне пуштунских племен: «Если это тот самый Хентиг, то нас впереди ждут черные дни»{13}.

Когда афганское правительство под впечатлением побед вермахта на Восточном фронте в начале июля 1941 г. тайно дало согласие на назначение В. Хентига германским посланником в Афганистане, английское правительство немедленно дало В. Фрэзер-Тайтлеру указание заставить премьера Хашим-хана дать гарантии Великобритании, что этот немецкий дипломат никогда не станет главой германской миссии в Кабуле. 9 июля английский посланник сделал свое первое представление в министерство иностранных дел Афганистана, в котором резко высказался против приезда В. Хентига в Кабул{14}. На следующий день В. Фрэзер-Тайтлер встретился с афганским министром иностранных дел Али Мухаммедом, который от имени своего правительства отказался удовлетворить требование Лондона{15}. Если даже подкупленный англичанами Хашим-хан начинал заигрывать с фашистами, британским властям в Индии нужно было готовиться к самому худшему.

Активность фашистской агентуры в странах Среднего Востока вскоре заставила СССР и Англию обсудить этот вопрос на самом высоком уровне. 8 июля 1941 г. Сталин впервые встретился с английским послом Ричардом Криппсом. Перед этой встречей он детально изучил все донесения советских дипломатов в Афганистане и сделал вывод, что англичане готовы на самое тесное сотрудничество с СССР, лишь бы обезопасить границы Индии от фашистской угрозы. Скорее всего, Сталин ознакомился и с данными советской разведки о деятельности «пятой колонны» стран Оси в Иране и Афганистане. Среди этих материалов были документы о попытках Германии и Италии спровоцировать мятеж пуштунов на северо-западной границе Британской Индии. Сталин сразу понял, что, пообещав Великобритании помощь в ликвидации фашистской агентуры на Среднем Востоке, Советское правительство сможет ускорить заключение соглашения между Советским Союзом и Англией о совместных действиях в войне против Германии.

В связи с этим на встрече с Р. Криппсом советский руководитель после упреков в адрес английского правительства, уклоняющегося от подписания соглашения с СССР, «поставил вопрос о большом скоплении немцев как в Иране, так и Афганистане, которые будут вредить и Англии, и СССР»{16}. Поняв из уклончивого ответа Р. Криппса, что он не имеет четких инструкций из Лондона, Сталин сослался на донесение советского посла в Кабуле, в котором приводились слова английского посланника о том, что «необходимо выбросить немцев из Афганистана». В ответ английский посол пообещал запросить Лондон «о принятии мер в Иране, и если имеется опасность, то и в Афганистане». Как показали ближайшие события в Афганистане, предложение Сталина о совместных действиях против фашистской агентуры было своевременным. Это прекрасно понимал и английский министр иностранных дел Энтони Иден, который считал необходимым сотрудничать с СССР, чтобы сохранить британские позиции в странах Среднего Востока{17}.

Пока в Лондоне раздумывали над предложением Сталина, немцы и итальянцы спешно готовились переправить М. Обердорффера и Ф. Брандта в Вазиристан. Э. Анцилотти, вернувшись от Факира из Ипи, сообщил П. Кварони и К. Расмусу время и место, где люди Факира будут ждать агентов абвера.

Самое активное участие в подготовке операции «Пожиратель огня» приняли врач немецкой миссии Г. Фишер и К. Брикманн. Этот факт свидетельствует о тесном взаимодействии абвера (Фишер) и СД (Брикманн) в заброске М. Обердорффера и Ф. Брандта{18}. Именно Г. Фишер предложил, чтобы их к Факиру из Ипи сопровождал брат одного из резидентов абвера в Афганистане полковник афганской армии Мир Саиб-хан, который, в свою очередь, рекомендовал немцам для предстоящей поездки в Вазиристан еще 9 пуштунов из полосы «независимых» племен Британской Индии.

К. Брикманн, вероятнее всего, помогал обеспечить надежную связь между германской миссией и приграничными племенами. Часть его писем к ним была перехвачена советской разведкой, и, возможно, в Москве знали о предстоящей заброске агентов абвера к Факиру из Ипи{19}.

В любом случае операция «Пожиратель огня» была обречена на провал с самого начала, так как немцы неосторожно задействовали для ее проведения слишком большой круг людей, многие из которых оказались агентами британской и афганской разведок.

Переданный итальянцами своим германским коллегам агент Шер Афзал-хан оказался сотрудником афганской полиции, которая получила от него информацию о предстоящей операции абвера и срочно взяла его под колпак{20}. Хашим-хан не хотел портить отношения с Англией и обоснованно опасался, что в случае восстания патанов в Индии в Афганистане также начнется мятеж пуштунов. Поэтому он отдал приказ своей разведке и кабульской полиции схватить агентов абвера с поличным.

Большую помощь в задержании М. Обердорффера и Ф. Брандта афганцам оказала британская разведка. Как докладывал позднее в Берлин Ф. Брандт, все люди, которых предоставил в распоряжение немцев Саиб-хан, оказались сотрудниками кабульской полиции. Сам же Саиб-хан являлся агентом британской разведки, которая дала ему задание заманить абверовцев в засаду.

Не предполагая, что планы германской разведки в Афганистане раскрыты, К. Расмус попытался с помощью итальянцев переправить Факиру партию современного вооружения. 14 июля 1941 г. в Берлин была направлена шифровка за подписью Г. Пильгера, в которой приводился перечень необходимого вазирам вооружения: английские винтовки, ручные гранаты, противотанковые ружья и станковые пулеметы с зенитными прицелами{21}.

Это оружие планировалось доставить итальянскими самолетами с о. Родос. Оно должно было быть доставлено Факиру из Ипи после того, как агенты абвера прибыли бы к нему в Горвехт. Если бы так и произошло, в Вазиристане несомненно вспыхнул бы крупный антибританский мятеж, так как к Факиру присоединилась бы большая часть пуштунских племен северо-западной границы Британской Индии. Но итальянцы отклонили это предложение, сославшись на настоятельную просьбу Факира не сбрасывать ему оружия с самолетов{22}. К. Расмусу и Д. Витцелю оставалось только одно – попытаться с помощью тех же итальянцев переправить небольшую партию оружия вместе с М. Обердорффером и Ф. Брандтом.

Немцы и итальянцы при содействии командующего Центрального корпуса афганской армии принца Мохаммада Дауд-хана предприняли попытку прорваться в Вазиристан. 19 июля 1941 г. с эскортом из 12 вазиров М. Обердорффер и Ф. Брандт на легковом автомобиле по той же дороге, по которой их пытался провезти еще в июне П. Кварони, прибыли на условленное место встречи с проводниками – вазирами. Там они и попали в засаду, организованную афганскими пограничниками.

Место для засады было выбрано очень удачно – узкий мост Пули-Алам. Когда машина с агентами абвера въехала на него, афганцы дали сигнал остановиться, но М. Обердорффер, видимо, не раз попадавший в такие ситуации во время своих прошлых разведывательных экспедиций в Африке, сразу же открыл огонь и попытался прорваться. Риск был оправдан, так как немец уже видел вышедших ему навстречу вазиров. Но афганские пограничники убили его первыми же выстрелами, а его коллегу ранили. Встречавшие и сопровождавшие немцев вазиры быстро скрылись. Афганцы захватили весь груз, предназначавшийся Факиру из Ипи: 7 легких пулеметов, пистолеты, боеприпасы к ним, 300 тыс. афгани и свыше 10 тыс. рупий, а также крупномасштабные карты приграничных районов Афганистана и Индии{23}. Вышеописанные события вошли в историю как «логарский инцидент».

В Кабуле провал фашистских агентов произвел эффект разорвавшейся бомбы. Хашим-хан, узнав об аресте германских агентов, воскликнул: «Я жалею о том, что Анцилотти не был убит, как Обердорффер»{24}. Схваченный Сахиб-хан признался под пытками, что работал на британскую разведку и собирался передать немецких разведчиков в руки англичан сразу

же после перехода индо-афганской границы{25}. Вероятнее всего, во время допросов он назвал лиц, связанных с немцами и итальянцами, так как афганская полиция произвела в Кабуле аресты 48 человек, многие из которых были вазирами{26}. Аресты продолжались до августа 1941 г. и затронули даже командный состав афганской армии. Однако М. Дауд-хан вышел сухим из воды, сохранив свой пост и свободу.

В ходе этих арестов афганская полиция изъяла большое количество оружия, тайно ввезенного в Афганистан немцами. В связи с этим афганские власти установили надзор за Ф. Венгером, который должен был 2 раза в неделю отмечаться в полицейском управлении{27}. Было усилено наблюдение за миссиями стран Оси и сокращена норма выдачи им бензина для посольских машин.

В этой ситуации дипломатические представительства стран Оси в Кабуле решили показать афганскому правительству свое единство. 20 июля 1941 г. на похороны М. Обердорффера демонстративно явились не только представители германского посольства, но итальянские и японские дипломаты. Особенно удивило и вызвало тревогу у афганских властей присутствие японцев. Это свидетельствовало о том, что японская миссия знала о засылке германских агентов к Факиру из Ипи, а возможно, и принимала какое-то участие в этой операции. Не могли не обеспокоить афганцев и угрозы, прозвучавшие в речах немцев, произнесенных над могилой убитого абверовца.

Чтобы не углублять конфликт с Германией и ее союзниками, раненого Ф. Брандта афганские власти поместили под арест в один из санаториев близ Кабула. По афганским законам его надо было судить, но Хашим-хан не хотел портить отношений с немцами, войска которых, по мнению многих афганских политиков, в скором времени должны были разгромить СССР и выйти к афганской границе.

Несмотря на это, Г. Пильгеру потребовалось приложить много усилий, чтобы афганцы разрешили ему и К. Расмусу посетить раненого разведчика. Немецкого резидента интересовали подробности «логарского инцидента». Ф. Брандт, видимо с испугу, сказал ему, что его и М. Обердорффера перехватили не афганские пограничники, а английские командос{28}. Эта информация немедленно была сообщена в Берлин, и руководство абвера поверило ей{29}. В провале своих разведчиков немцы больше всего винили П. Кварони и Э. Анцилотти, так как именно они отвечали за связь с Факиром из Ипи.

Афганская разведка, вероятнее всего, в тесном сотрудничестве с англичанами способствовала ухудшению отношений между итальянской и немецкой миссиями. Так, Ф. Брандту во время его пребывания под арестом капитан полиции Абдул Кадир-хан сообщил: «Анцилотти никогда не был у Факира. Афганская полиция смеется над рассказами Анцилотти о его пребывании у Факира (из Ипи. – Ю. Т.)»{30}. Чтобы немцы поверили этому, сам премьер-министр Хашим-хан встретился с Ф. Венгером и рассказал ему, что «из достоверных источников ему стало известно, что советник... Анцилотти не был у Факира из Ипи»{31}. Версия о коварстве итальянцев, которые подстроили абверовцам ловушку в Логарской долине, устраивала К. Расмуса, Д. Витцеля и Г. Пильгера, так как снимала с них ответственность за крах операции «Пожиратель огня», поэтому они с доверием отнеслись к полученной от афганцев информации.

До 1942 г. К. Расмус и Д. Витцель настойчиво пытались уличить П. Кварони в краже денежных средств, предназначенных для Факира из Ипи. И напрасно: в мае 1942 г. присланный в Кабул связной из Горвехта подтвердил факт поездки Э. Анцилотти к лидеру вазиров{32}. Но это уже не могло улучшить отношения между германским и итальянским посольствами.

Хашим-хан поручил афганскому послу в Берлине Алла Наваз-хану заявить протест правительству III рейха в связи с «логарским инцидентом». 23 июля 1941 г. Алла Наваз-хан посетил германское Министерство иностранных дел, где был принят В. Хентигом, которому в конце встречи заявил: «В Афганистане вы можете делать все, но только с согласия и при содействии афганского правительства»{33}. Тем самым афганский дипломат еще раз предостерег немцев от новых авантюр в Афганистане. Правда, дальнейшие события

показали, что германское руководство отреагировало должным образом на это предупреждение.

Крах операции «Пожиратель огня» стал первым серьезным поражением германской разведки в Афганистане и зоне пуштунских племен. Абверу не удалось забросить своих агентов в Вазиристан и переправить туда оружие. Английская разведка еще раз продемонстрировала большие возможности своей обширной разведсети в Афганистане. События июня – июля 1941 г. в Афганистане также еще раз доказали Великобритании необходимость тесного сотрудничества с СССР на Среднем Востоке. Логикой истории бывшим соперникам в «Большой игре» в Азии предстояло стать союзниками.

Глава 34

Агреман В. Хентига

События на индо-афганской границе заставили Лондон активно добиваться от Москвы совместного демарша в Афганистане с целью выдворения немцев и итальянцев. Англичан крайне насторожил тот факт, что, несмотря на демарш в Берлине, Хашим-хан не отказался принять В. Хентига как посланника в Афганистане. Этот дипломат-разведчик с большим опытом деятельности в странах Востока мог даже с минимальными средствами и небольшим количеством агентов создать большие проблемы для Англии в зоне пуштунских племен.

В свою очередь, в Берлине понимали, что давление Великобритании на Хашим-хана после логарских событий резко возрастет. Если требования англичан поддержит СССР, афганское правительство неизбежно откажет В. Хентигу в агремане. Новому посланнику III рейха надо было очень спешить, чтобы поставить британских дипломатов перед свершившимся фактом. Поэтому летом 1941 г., по сведениям советской разведки, он уже был в Тегеране, откуда готовился отбыть в афганскую столицу. Его приезд мог в значительной степени компенсировать для немцев печальные результаты «логарского инцидента» как в политическим плане, так и при развертывании подрывных акций против Британской Индии. В связи с этим летом 1941 г. вокруг личности В. Хентига разгорелся ожесточенный дипломатический спор.

Уже 20 июля 1941 г. С. Криппс по поручению Идена добился приема у В. Молотова и вручил ему памятную записку, в которой указывалось: «Правительство Его Величества полностью представляет себе ту опасность, о которой идет речь, и время от времени самостоятельно делает усилия – пока безуспешные – с целью убедить афганское и иранское правительства уменьшить количество немцев, проживающих в этих странах. Поскольку вопрос касается Афганистана, правительство Его Величества относится с особым беспокойством к недавнему назначению в Кабул г-на фон Хентига в качестве немецкого посланника, который возглавлял немецкую миссию в Кабуле в период войны 1914—1918 гг. и который в последнее время занимался интригами с Шами Пиром на северо-западной границе Индии. Правительство Его Величества считает это явным признаком, свидетельствующим о подчиненности афганского правительства Германии»{1}.

Далее в английской памятной записке излагался план «экономического давления» на Афганистан, чтобы заставить Кабул пересмотреть его намерения дать агреман В. Хентигу. Великобритания предлагала СССР одновременно свернуть торговлю с Афганистаном и ввести эмбарго на поставку нефтепродуктов в эту страну. В качестве крайних мер в памятной записке С. Криппса предлагалась полная «экономическая блокада» и «радиокампания критики» против правительства Хашим-хана{2}.

Далее в этом документе британское правительство, явно не доверяя своему новому советскому союзнику, предложило проект будущей ноты протеста СССР в Кабуле против пребывания «чрезмерно большой немецкой колонии в Афганистане» и выразило пожелание тесного сотрудничества между Лондоном и Москвой в подготовке общего дипломатического демарша в Афганистане{3}.

В. Молотов заявил, что Советское правительство изучит вопрос об Афганистане и даст ответ. Кремль, видимо, не устраивало, что Англия главной целью совместного демарша ставит вопрос о В. Хентиге и только потом соглашается предпринять шаги для выдворения

подданных Германии и Италии из Афганистана. Англичан можно было понять: В. Хентиг слишком много им навредил в зоне пуштунских племен в годы Первой мировой войны, но для советской стороны было важнее ликвидировать фашистскую агентуру в Северном Афганистане, где в 1915—1916 гг. этот германский разведчик с дипломатическим паспортом активно себя не проявил. Поэтому решение согласиться удовлетворить просьбу британского правительства было принято не сразу, хотя Криппс неоднократно напоминал В. Молотову о своей записке от 20 июля 1941 г.

Совместная борьба против фашистской Германии и ее союзников требовала тесной координации союзников во всех сферах, включая разведку. Потенциальная фашистская угроза Индии, крайне болезненно воспринимавшаяся англичанами, значительно ускорила начало сотрудничества между спецслужбами СССР и Великобритании. В конце июля 1941 г. посол Великобритании обсудил со Сталиным проблему сотрудничества разведок двух стран против фашистской Германии и получил его принципиальное согласие на приезд в Москву представителя британской разведки, который должен был заключить с НКВД соглашение о сотрудничестве{4}.

Английский посланник в Афганистане В. Фрэзер-Тайтлер, как и его коллега в Москве, также получил из Лондона указание предпринять все возможное, чтобы приезд В. Хентига в Кабул не состоялся. Британский дипломат, не медля, 21 июля посетил советское посольство и проинформировал посла К. Михайлова, что при аресте М. Обердорффера и Ф. Брандта у них было обнаружено 7 пулеметов, пистолеты и патроны к ним{5}. После этого он сообщил К. Михайлову о поручении своего правительства С. Криппсу добиться от правительства СССР совместного нажима на Хашим-хана с целью заставить его отказать В. Хентигу в агремане. Далее англичанин пересказал в общих чертах компромат, собранный на Хентига британской разведкой. При этом Фрэзер-Тайтлер особо подчеркнул тесную связь немца с Шами Пиром и аманулистами{6}.

До получения указаний из Кремля К. Михайлов не имел права предпринять какие-либо шаги в поддержку английских требований к афганскому правительству. Поэтому британский посланник вынужден был действовать в одиночку. 26 июля 1941 г. он добился аудиенции у Хашим-хана, который принял его в присутствии начальника политического отдела афганского министерства иностранных дел Наджибуллы-хана и своего заместителя Наим-хана. Их приглашение не сулило В. Фрэзер-Тайтлеру ничего хорошего, так как эти члены афганского правительства были сторонниками воссоединения полосы «независимых» пуштунских племен Британской Индии с Афганистаном. По этой причине они придерживались прогерманской ориентации.

Английский дипломат, сделав в начале беседы заявление от имени своего правительства о враждебной Великобритании деятельности немцев в Афганистане и сославшись на инцидент в Логарской долине, все же постарался убедить Хашим-хана отказать В. Хентигу в агремане. Два часа Фрэзер-Тайтлер пытался добиться своего, но потерпел неудачу.

Через день после этой встречи англичанин с горечью рассказал К. Михайлову, что «он... дружески просил премьера взять обратно выданный афганцами агреман новому немецкому посланнику Хентигу. Приведя компрометирующий материал на Хентига... подчеркнул, что Хентиг, безусловно, разовьет здесь (в Кабуле. – Ю. Т.) враждебную СССР, Англии и Афганистану деятельность. Премьер решительно отказался взять обратно выданный Хентигу агреман, заявив, что афганское правительство не может действовать под диктовку правительств других стран, поскольку-де Афганистан независимая страна»{7}. Потом Хашим-хан заявил: «Афганская полиция убила одного немца и ранила другого, афганское правительство показало, что оно строго придерживается нейтралитета»{8}. В итоге В. Фрэзер-Тайтлер был вынужден пригрозить премьеру экономической блокадой Афганистана, после чего их беседа сразу же закончилась.

Хотя посольство СССР не поддержало демарш британского посланника, советские дипломаты в Кабуле не были сторонними наблюдателями назревавшего англо-афганского конфликта. 28 июля 1941 г. К. Михайлов отправил министру иностранных дел СССР В.

Молотову секретный доклад о деятельности фашистской агентуры в Афганистане. Этот документ был составлен на основе данных советской разведки, точнее, на материалах «особого» архива военного атташе советского посольства полковника Я.В. Карпова. В докладе советского посла говорилось, что афганское правительство радо нападению фашистской Германии на Советский Союз, так как в связи с этим, по мнению афганского руководства, отпала угроза нападения СССР на Афганистан. Кроме этого, в Кабуле были уверены, что Германия в скором времени разгромит Советский Союз, который перестанет существовать как единое государство, что позволило бы Афганистану захватить значительную часть территории Средней Азии{9}.

Уверенность афганской королевской династии в победе Германии была настолько велика, что король Захир-шах и афганский премьер Хашим-хан уже в первые дни войны осуществили ряд антисоветских акций, о которых говорилось в докладе К. Михайлова. Так, Захир-шах после 22 июня 1941 г. из своих средств отпустил 12 тыс. афгани на служение благодарственных молебнов в кабульских мечетях в связи с началом войны между СССР и Германией...

По сведениям советской разведки, Хашим-хан 25 июня 1941 г. заявил: «Это хорошо, что СССР вступил в войну против Германии. СССР как единое государство в результате войны распадется и ослабнет. В Афганистане имеется большое количество эмигрантов из СССР. Они захотят вернуться на родину. Надо будет помочь им в этом. (Эти слова из доклада К. Михайлова дважды подчеркнуты В. Деканозовым. – Ю. Т.) Надо готовить афганцев к войне. Надо широко популяризовать известный исламский тезис о том, что за убийство неверного правоверный мусульманин попадает в рай»{10}. Опираясь на данные разведки, К. Михайлов привел множество примеров подготовки афганского правительства к возможной войне с СССР, подрывной деятельности фашистской агентуры в Афганистане, а также указал на возможность «оживления басмаческого движения».

Особенно настораживал Кремль тот фак Разумеется, в тяжелые для СССР дни лета 1941 г. главное внимание советской разведки в Афганистане было приковано к событиям, происходившим в Кабуле и в Северном Афганистане. Однако и подрывная деятельность разведок стран Оси в полосе «независимых» пуштунских племен Британской Индии оставалась одним из важнейших направлений работы советской разведки в Афганистане. Несмотря на сложную ситуацию в Кабуле, советский военный атташе В. Карпов 29—30 июля 1941 г. все же совершил поездку в Кандагар, чтобы уточнить обстоятельства «логарского инцидента»{12}.

Тревожная обстановка в Афганистане заставила советское руководство в середине лета 1941 г. послать в Кабул разведчиков, имевших опыт работы в Афганистане. 9 августа 1941 г., вероятнее всего, по прямому указанию Сталина в Кабул прибыл новый резидент советской внешней разведки майор Михаил Аллахвердов (агентурный псевдоним Заман), который в годы Гражданской войны налаживал разведку на Памире, а в 1934—1936 гг. успешно работал под «дипломатическим прикрытием» в Афганистане{13}. М. Аллахвердов приехал в Кабул, имея в кармане дипломатический паспорт на имя первого секретаря советского посольства М. Алмазова. Под этой фамилией Заман был известен афганским властям и иностранным дипломатам в Кабуле еще во время своего прошлого пребывания Афганистане... В это же время новым представителем «Востокинторга» в Афганистане был назначен советский разведчик Безруков, которому было поручено осуществлять контроль за фашистскими интригами среди басмачества в Северном Афганистане.

Частые встречи между советскими и английскими дипломатами убедили Хашим-хана в том, что СССР и Великобритания готовят совместный демарш с целью заставить пресечь деятельность фашистской агентуры в Афганистане. Поэтому 31 июля 1941 г. он встретился с Г. Пильгером и настоятельно попросил, чтобы происшествия, подобные инциденту в Логарской долине, больше не повторялись, так как «при незнании местности и людей и огромной английской шпионской сети они обречены на провал»{14}. Далее глава афганского правительства заявил германскому дипломату, что при сложившейся ситуации

приезд В. Хентига в Кабул невозможен. Чтобы смягчить последствия этого отказа в Берлине, премьер-министр пообещал посланнику поднять приграничные пуштунские племена против Англии и стать союзником Германии, когда... вермахт подойдет к афганской границе{15}.

Таким образом, афганское правительство фактически повторяло дипломатическую игру эмира Хабибуллы в период Первой мировой войны: выжидало исхода войны, тайно интригуя с немцами. Если учесть тот факт, что в 1941 г. Абдул Меджид в Германии пытался вывезти капиталы королевской семьи через Швейцарию в США, то тактика, избранная Хашим-ханом, была единственно возможной...

1 августа 1941 г. афганцы сообщили В. Фрэзер-Тайтлеру о своем решении не соглашаться на назначение В. Хентига немецким посланником в Кабул{16}.

Еще не зная о решении афганского руководства, но располагая информацией о деятельности фашистской агентуры в Афганистане, советское правительство решило удовлетворить просьбу Лондона о совместном демарше в Кабуле. 1 августа 1941 г. В. Молотов принял С. Криппса и сообщил ему о принципиальном согласии Кремля поддержать Великобританию в вопросе об агремане В. Хентигу{17}.

На этой же встрече английский посол заявил В. Молотову, что «он пригласил в Москву одного из старших офицеров разведки (Великобритании. – Ю. Т.), который прибудет 3 или 4 августа»{18}. Далее он изложил перечень вопросов, которые представитель британской разведки должен был обсудить со своими советскими коллегами: проведение диверсионных операций против Германии «во всех частях света», обмен информацией между разведками и «установление мест сотрудничества». С. Криппс пояснил: «Стороны не будут обязаны открывать друг другу структуру своих организаций». В целях сохранения секретности было условленно, что при телефонных переговорах между британским посольством и НКИД представитель английской разведки будет именоваться «специальным другом посла».

Понимая, что события на индо-афганской границе ускорили прибытие в Москву «специального друга», В. Молотов 5 августа 1941 г. передал С. Криппсу перехваченные советской разведкой письма К. Брикманна, касающиеся деятельности фашистской агентуры в полосе «независимых» племен Британской Индии. На этой же встрече британский посол сообщил советскому министру иностранных дел о том, что афганское правительство отказало В. Хентигу в агремане, в связи с этим уже не было необходимости в совместном демарше СССР и Англии в Кабуле.

После «логарского инцидента» и отказа афганского правительства принять в качестве германского посланника В. Хентига, в Берлине приняли решение действовать в Афганистане более осторожно, чтобы сохранить до лучших времен свою агентуру в этой стране. Поэтому 9 августа 1941 г. И. Риббентроп направил в немецкую миссию в Кабуле телеграмму: «В настоящее время Англия и Советская Россия оказывают на афганское правительство сильный нажим, побуждая его предпринять действия против подданных рейха в Афганистане. В этой ситуации я прошу вас... воздержаться в дальнейшем (от любых действий. – Ю. Т.), чтобы через какой-либо инцидент не содействовать английским и русским устремлениям»{19}.

Активная деятельность фашистской агентуры в Афганистане создала серьезную угрозу для позиций Великобритании в зоне пуштунских племен, поэтому англичане спешно предприняли шаги для установления сотрудничества с Советским Союзом с целью не допустить прибытия В. Хентига в Кабул. Английская сторона первой предложила наладить тесный контакт между советской и британской разведками в странах Среднего Востока, так как в Лондоне понимали невозможность устранить фашистскую «пятую колонну» в Афганистане без содействия СССР. Сам факт установления тесных контактов между британской и советской миссией в Кабуле напугал афганское правительство и заставил его отменить свой агреман на приезд В. Хентига посланником Германии в Афганистан. В результате этого германская агентура в Индии и Афганистане лишилась руководителя, который обладал большим опытом проведения подрывных операций в странах Востока.

Глава 35

«Тигр» готовится к прыжку

После провала абвера в Логарской долине в Берлине не отказались от планов провоцирования крупного антибританского мятежа на северо-западной границе Индии. Телеграмма И. Риббентропа от 9 августа 1941 г. призывала к осторожности, но не отменяла операцию «Тигр». Более того, военно-политическая обстановка на Восточном фронте, где вермахт приближался к Москве, вызвала оптимизм у руководства III рейха. Кроме этого, в зоне пуштунских племен положение становилось все более взрывоопасным: Факир из Ипи продолжал в Вазиристане борьбу против англичан; моманды и афридии были готовы восстать в любую минуту. А в Афганистане имелась сильная германская «пятая колонна». Все это позволяло Германии надеяться на успех авантюрного плана.

Для успешного проведения подрывных акций против Британской Индии требовалась тесная координация внешнеполитического ведомства Германии с многочисленными спецслужбами. В связи с этим в немецком Министерстве иностранных дел был создан специальный подотдел при Отделе информации. Новый орган получил название «Рабочий кружок по Индии». Возглавил его Адам Тротт цу Зольц{1}. Все вопросы, связанные с деятельностью фашистской агентуры в Афганистане и Индии, в МИДе Германии курировал заместитель И. Риббентропа статс-секретарь Вильгельм Кепплер{2}.

Главную роль в проведении операции «Тигр» должна была сыграть подпольная организация индийских националистов, созданная Бхагат Рамом в Индии. Ее номинальным руководителем считался С.Ч. Бос, но фактическим главой был Бхагат Рам Тальвар. Так как немцы и итальянцы вывезли С.Ч. Боса из Кабула по паспорту радиста– шифровальщика итальянского посольства Орландо Мацотты, то и эта организация в немецких документах проходила под названием «Организации Мацотты», а Бхагат Рам часто, кроме своего главного агентурного псевдонима Рахмат-хан, именовался как «секретарь Организации Мацотты» или «человек Мацотты».

В этих словосочетаниях таилась грубейшая ошибка фашистских спецслужб в оценке личности Бхагат Рама, который был прежде всего индийским коммунистом и агентом Коминтерна, а уж затем проводником и доверенным лицом С.Ч. Боса. Сотрудничество группы «Кирти» с лидером «Форвард блока» было временным и неизбежно должно было прекратиться после нападения Германии на СССР. Должно было, но по какой-то причине не прекратилось... а дипломаты и разведчики стран Оси в Кабуле ничего не заподозрили! Операция «Тигр», как и вся последующая деятельность фашисткой агентуры в зоне пуштунских племен, с самого начала была обречена на провал.

События июня 1941 г. доказали, что за подобные ошибки приходится очень дорого расплачиваться: в Кабуле Хаминдар Сингх Соди установил контакт с советским посольством. Пойдя на этот шаг, он еще не знал, что руководство «Кирти» дало такое же задание Бхагат Раму... Пенджабские коммунисты не хотели работать на врага СССР – фашистскую Германию.

В июне 1941 г. опытный и осторожный Соди пошел на большой риск: он явился переодетым в традиционную пуштунскую одежду в посольство СССР. Ему удалось добиться встречи с атташе Мурадовым, с которым он говорил по-русски. Индиец назвал дипломату свой коминтерновский псевдоним Шерван Бен и оставил для дальнейшей связи адрес лавки Уттам Чанда{3}. Первый шаг к срыву планов абвера в Афганистане и Индии был сделан.

Во время своих следующих визитов в полпредство СССР Соди встретился, скорее всего, с послом К. Михайловым и представителем советской разведки, которым он сообщил о сотрудничестве группы «Кирти» с посольствами стран Оси в Кабуле. Ответную реакцию Москвы на эту ценную информацию нетрудно было предугадать: руководство советской разведки приняло решение использовать членов «Кирти», прежде всего Бхагат Раму, для ликвидации фашисткой разведсети в Афганистане и Индии. Проверка Бхагат Рама и работа с ним была поручена новому резиденту внешней разведки СССР М. Аллахвердову. Им обоим предстояло начать опасную игру с абвером.

Бхагат Рам прибыл в Кабул из полосы «независимых» племен 16 июля 1941 г. Как и в свой

прошлый приезд, он вместе с Соди проживал в доме Уттам Чанда, который оборудовал для своих «гостей» особую, скорее всего потайную, комнату, за которую получал отдельную плату от итальянской разведки{4}. Видимо, по этой причине немцы не хотели использовать данную явочную квартиру для связи с индийцами. К. Расмус хотел, чтобы они поддерживали связь с германским посольством через Лутца Гильхаммера, являвшегося представителем гестапо в Кабуле.

Во время очередного приезда «человека Мацотты» в афганскую столицу произошел «логарский инцидент», и в городе начались повальные аресты лиц, связанных с иностранными посольствами. По этой причине миссии стран Оси усилили конспирацию при связи со своей агентурой: сперва с Бхагат Рамом встретился секретарь итальянского посольства Адольф Крешини и лишь через несколько дней в Пагмане сам П. Кварони, который передал Бхагат Раму указания С.Ч. Боса усилить «работу в зоне племен для организации там сильного антибританского движения»{5}.

После провала операции «Пожиратель огня» К. Расмус и Д. Витцель, не надеясь больше на итальянцев, приложили все силы, чтобы создать собственную разведсеть в Северной Индии и независимый канал связи с Факиром из Ипи. После доклада Бхагат Рама о том, что возглавляемая им организация достигла соглашения с момандами долины Хаджури и племенем усман-хель о совместных действиях против англичан и стала обучать вазиров навыкам подрывного дела, они решили перевербовать «секретаря Организации Мацотты». С его помощью немцы планировали развернуть в полосе «независимых» пуштунских племен активную разведывательно-диверсионную деятельность{6}.

Переманить у своего союзника ценного агента было непросто, поэтому вначале К. Расмус вместе с итальянцами поставил перед Бхагат Рамом задачу восстановить связь с Факиром из Ипи. Но вскоре К. Расмус предложил секретарю «Организации Мацотты» работать только на германскую разведку{7}. И Бхагат Рам сразу же согласился, так как его сотрудничество с итальянской разведкой не дало больших практических результатов для «Кирти».

Уже на первой встрече Бхагат Рам попросил у К. Расмуса оружие для своей организации, но германский резидент ответил, что оружие возможно доставить только в небольшом количестве через Турцию и Иран, поэтому главный упор надо сделать на закупку вооружения в самой зоне пуштунских племен. Немец пообещал передать Бхагат Раму для этих целей крупную сумму в английской и американской валюте{8}. Купить оружие у контрабандистов в полосе «независимых» пуштунских племен не составляло труда. Нужны были только деньги (рупии, афгани, доллары США, а лучше всего золотые монеты), чтобы прибрести партию винтовок и даже пулеметов. Уже в июле-августе 1941 г. К. Расмус передал Бхагат Раму 5,5 тыс. американских долларов{9}. С этого момента финансирование деятельности «Организации Мацотты» значительно возросло.

Банкноты племена «независимой» полосы принимали крайне неохотно, поэтому К. Расмус стал спешно обменивать бумажные фунты стерлингов в Афганистане и Индии на соверены, афгани и рупии. Доставать необходимую валюту для подрывных операций в зоне пуштунских племен германской разведке помогали и итальянцы, которые еще не знали, что их «Рахмат-хан» переметнулся к немцам. Агенты П. Кварони активно скупали в Кабуле по любой цене золотые монеты{10}. Операции по обмену валюты приняли такие крупные размеры, что уже 14 августа 1941 г. афганское правительство направило всем иностранным посольствам ноту с предупреждением, что только Афганский банк и Афганский национальный банк имеют право осуществлять операции с валютой{11}. Хотя германская и итальянская миссии конкретно не упоминались, эта нота была адресована именно им.

Разумеется, германская агентура не прекратила обмен бумажных фунтов и скупку золота. Так, английская разведка установила, что золотые монеты в Герате для Факира из Ипи покупал немец Коттер{12}. А Уттам Чанд приобрел для К. Расмуса 2 тыс. соверенов{13}. Логично предположить, что на германского резидента работали не только эти агенты...

К. Расмусу и его людям было что обменивать, так как перед самым вводом англо-советских войск в Иран пять специальных курьеров доставили через эту страну в немецкое посольство

новую крупную сумму иностранной валюты{14}. Часть этих средств К. Расмус переправил в Индию, так как менять их в Афганистане было опасно. Эти деньги даже при удачном стечении обстоятельств могли вернуться в германскую миссию в Кабуле только через довольно длительный срок, поэтому летом 1941 г. К. Расмус временно испытывал затруднения в своей работе из-за нехватки крупных сумм рупий и афгани.

Однако для начала диверсионных операций в полосе «независимых» пуштунских племен Британской Индии валюты у германской разведки в Афганистане было все же достаточно, хотя надолго этих средств хватить не могло. Бхагат Рам, как представитель подпольной организации С.Ч. Боса в Индии, согласился развернуть подрывную деятельность среди приграничных пуштунских племен, но запросил за это 90 тыс. рупий в месяц. К. Расмус согласился выделить ему только 70 тыс. рупий, половину из которых должны были выплатить итальянцы{15}.

С финансированием Факира из Ипи дело обстояло еще хуже. По заключенному между ним и Э. Анцилотти соглашению страны Оси обязались выплачивать ему ежемесячно 25 тыс. фунтов стерлингов или 500 тыс. рейхсмарок по курсу валют 1941 г.{16}. Курьеры абвера доставили К. Расмусу в августе 1941 г. английской валюты на эту сумму. Правда, если бы связь с Факиром удалось восстановить, этих средств резиденту германской разведки хватило бы только на месяц.

В связи с финансовыми трудностями К. Расмус вручил Бхагат Раму перед его отъездом из Кабула только 20 тыс. рупий. На эти деньги «Организация Мацотты» должна была осуществлять сбор информации о британских войсках в Индии и организовать саботаж на промышленных предприятиях{17}. Выполнить эти задачи при таком скудном финансировании было крайне сложно. К. Расмус это прекрасно понимал, но больше дать в тот момент из-за нехватки валюты не мог.

Когда СССР и Англия ввели свои войска в Иран, активность германской разведки в Афганистане и полосе «независимых» пуштунских племен Британской Индии еще больше возросла. Опасаясь, что Афганистан разделит судьбу Ирана, К. Расмус и Д. Витцель стали готовиться к переброске в зону племен членов германской колонии. Первыми к Факиру из Ипи должны были проникнуть Д. Витцель и радист В. Дох с рацией, а затем добровольцы из членов немецкой колонии в Кабуле. Чтобы обеспечить их всем необходимым для проведения диверсионных актов против британских войск, в приграничных районах Афганистана было заложено 5 тайников с оружием и деньгами.

Одновременно в Берлине велась подготовка к высадке десанта в Вазиристан. В конце августа 1941 г. генерал-лейтенант абвера Харбих встретился с С.Ч. Босом и обсудил с ним вопрос о возможности сброса оружия и парашютистов в северо-западных районах Индии. Индийский лидер одобрил эти планы немцев{18}.

30 августа 1941 г. в немецкое посольство в Кабуле поступила шифровка из Берлина с указанием найти в зоне племен посадочные площадки для приема самолетов «Кондор». Уже на следующий день К. Расмус сообщил в Берлин, что подходящая посадочная площадка в Вазиристане находится в квадрате с координатами 32 градуса 58 минут восточной долготы, 69 градусов 31—32 минуты северной широты{19}. По-видимому, эту взлетную полосу присмотрел еще Э. Анцилотти.

Для проведения десантной операции в Вазиристане и снабжения по воздуху членов немецкой колонии, если бы они скрылись в зоне пуштунских племен, необходимо было установить надежную радиосвязь между полосой «независимых» племен Британской Индии и Германией. Поэтому 5 сентября 1941 г. из Берлина в Кабул пришла шифротелеграмма с инструкциями для К. Расмуса, которому было поручено «использовать (будущее. – Ю. Т.) пребывание Рахмат-хана в Кабуле для подготовки радиосвязи между Берлином и «Организацией Мацотты»{20}. Для этого немецкому резиденту было приказано: «Передать Рахмат-хану из запасов (посольства. – Ю.Т.) мощную портативную рацию... генератор с ножным приводом, материалы для антенны и запасные детали, необходимые для продолжительной работы»{21}. Бхагат Рам сам должен был найти способ перебросить

радиопередатчик в полосу «независимых» пуштунских племен и предоставить своего человека для обучения радиоделу у В. Доха.

В этой же телеграмме подчеркивалось, что рация передается только для связи по схеме: полоса «независимых» племен – германское посольство в Кабуле – Берлин. Лишь в крайнем случае этот передатчик мог работать прямо на Берлин{22}. При повторении иранских событий вместо немецкой миссии связь с «Организацией Мацотты», как было решено адмиралом В. Канарисом, стало бы поддерживать японское посольство в Кабуле{23}.

Активность абвера в Афганистане все больше вызывала страх у англичан, которые знали о планах немцев в отношении Индии. Если бы Германия начала переброску в Вазиристан вооружения и диверсионных отрядов, этому было бы крайне трудно помешать, так как район близ Горвехта, где находилась штаб-квартира Факира из Ипи, не контролировался британскими войсками. Любая карательная экспедиция против Факира могла вызвать всеобщее восстание племен Вазиристана, поэтому такая акция была для Англии крайне нежелательна. В связи с этим любой немецкий «Кондор» мог без помех доставить в этот район диверсионную группу и оружие.

Несмотря на очевидную необходимость, сотрудничество между разведками СССР и Великобритании в Афганистане развертывалось медленно. Сказывалось тяжелое наследство прошлой вражды. Следует также отметить, что обе спецслужбы в Кабуле первое время пытались свести к минимуму контакты между собой. Однако неожиданно деятельность агентов Коминтерна, которая всегда была яблоком раздора между Лондоном и Москвой, ускорила установление прочных деловых контактов между НКВД и ИПР.

В июне 1941 г. через советское посольство в Кабуле Соди – «Шерван Бену» был передан приказ «Центра» обеспечить переброску Ачар Сингха (Ларкина) в Индию{24}. Эмиссар Коминтерна должен был доставить индийской компартии инструкции об изменении характера Второй мировой войны после нападения Германии на Советский Союз, из чего выводилась директива ИККИ о необходимости сотрудничества левых сил Индии с британскими властями.

Видимо, в Москве как в Коминтерне, так и в НКВД не доверяли Соди и его товарищам по «Кирти», так как они скомпрометировали себя сотрудничеством с разведками стран Оси. Поэтому Ачар Сингха попытались перебросить не через Кабул, а через Памир. В итоге в августе 1941 г. он был арестован в Гильгите. Так как Ларкин шел помогать англичанам, то на допросах он раскрыл историю переброски С.Ч. Боса через Афганистан в СССР и поименно назвал лиц, участвовавших в этой операции{25}. Через некоторое время Ачар Сингх был освобожден, но британская разведка начала охоту на Соди и Бхагат Раму.

Одновременно с отправкой Ачар Сингха Коминтерн осуществил проверку «линии связи» через Кабул: вместо Ларкина к Соди прибыл, а затем благополучно перешел индо-афганскую границу некто Турджан. Таким образом, были получены доказательства благонадежности представителей «Кирти» в афганской столице.

Бхагат Рам и Соди, будучи опытными нелегалами, прекрасно поняли, почему им не доверили переброску Ачар Сингха. Поэтому в первом же отчете группы «Кирти», отправленном в Москву, они прямо указали на причину очередного провала Коминтерна на Памире. В этом документе сообщалось: «Допущена большая ошибка, что тов. Ларкин был направлен по кашмирской дороге. Он был арестован при переходе индийской границы, тогда как нами было все подготовлено для переброски через Кабул, где его ожидал наш человек. Другой товарищ – Турджан – прибыл. Мы его уже используем на работе. Если можете послать и остальных товарищей, пожалуйста, посылайте»{26}.

Судя по содержанию отчета «Кирти», пенджабские коммунисты в очередной раз предлагали Коминтерну наладить связь с Индией через «афганский коридор». Может быть, в другое время коминтерновское руководство с готовностью откликнулось бы на это предложение, но после 22 июня 1941 г. главной задачей всех коммунистов стала борьба против фашистской Германии. В связи с этим окончательное решение о том, каким образом использовать «индийских товарищей» в Афганистане, принималось не в Коминтерне, а в советской

внешней разведке, резидент которой М. Аллахвердов планировал осуществить перевербовку Бхагат Рама.

В начале сентября 1941 г. «человек Мацотты» вновь прибыл в Кабул. Вскоре на конспиративной квартире состоялась его встреча с советским разведчиком. На ней он заявил М. Аллахвердову: «Я предан революции в Индии, ее освобождению и Советскому Союзу. Я знаю, что свобода Индии зависит от вашей победы, что гитлеровская Германия и ее союзники – это ваши и наши враги, знаю, как тяжело вам сейчас. Хочу помочь вам делом. Моя партия поручила мне войти в контакт с советским посольством в Кабуле и предложить вам сотрудничество мое и партии. Мы располагаем известным влиянием и имеем сторонников здесь, в Афганистане, особенно в зоне свободных племен и в северо-западной пограничной провинции Индии. Всем этим вы можете располагать во имя вашей победы и нашей свободы...»{27} Чтобы его слова были более убедительными, Бхагат Рам передал Заману письмо в Коминтерн, в котором он и его товарищи пытались убедить руководство этой международной организации в том, что «они лишь использовали германскую разведку в целях своей партии („Кирти“. – Ю.Т.), давали ей (германской разведке. – Ю. Т.) лишь вымышленный материал, сами же остаются преданными делу компартии и ожидают инструкций от ИККИ [...] в связи с нападением фашистской Германии на СССР»{28}.

Перевербовка резидента германской разведки в Афганистане и Британской Индии открывала для советской разведки возможность поставить под свой контроль деятельность фашистской агентуры в этом регионе и оказать серьезную помощь британскому союзнику.

Человека, ранее сотрудничавшего с итальянским и немецким посольствами в Кабуле, необходимо было тщательно проверить и перепроверить, прежде чем начать с ним сотрудничество. Поэтому начальник внешней разведки П. Фитин направил в Коминтерн на имя Г. Димитрова запрос с просьбой проверить автобиографию Бхагат Рама, предоставленную им советской разведке, и собрать сведения о нем у индийцев, проживавших в СССР.

Кроме сведений о Бхагат Раме, Фитин также запросил в Коминтерне сведения, касающиеся С.Ч. Боса, но коминтерновцы не смогли сообщить главе советской внешней разведки никакой ценной информации о бывшем президенте ИНК.

Данные проверки подтвердили информацию, сообщенную о себе Заману Бхагат Рамом. Несмотря на результаты проверки, руководство Коминтерна не рекомендовало внешней разведке использовать Бхагат Рама и его людей в своей работе. Отдел кадров ИККИ подготовил на имя Г. Димитрова докладную записку, в которой указал: «Одного факта связи... с германской разведкой достаточно, чтобы отказаться от всякой связи с Бхагат Рамом, Ультам Чандом (так в документе. – Ю. Т.), которого он рекомендует в качестве надежного связного...»{29} Однако, исходя из интересов дела, П. Фитин все же решил рискнуть и принять предложение Бхагат Рама.

Своему новому агенту Заман дал псевдоним Ром. Было условленно, что главной явкой для встреч с ним будет лавка Уттам Чанда. Более того, Заман отредактировал доклад о работе в полосе «независимых» пуштунских племен, подготовленный Ромом – Рахмат-ханом для немецкой разведки. С этого момента советская разведка через Рома регулярно снабжала абвер дезинформацией.

17 сентября 1941 г. Бхагат Рам встретился с К. Расмусом, которому он сообщил, что главной базой его организации стал Баджаур, где проживало племя момандов. Пуштуны этого племени якобы согласились сотрудничать с «Организацией Мацотты». С афридиями, как указывалось в докладе Бхагат Рама, тоже удалось достигнуть соглашения о сотрудничестве против Англии. В нем же сообщалось, что к партизанским отрядам пуштунов примкнуло 300 индийцев, дезертировавших из британской армии. Среди них 3 офицера, которые приступили к проведению диверсий в полосе «независимых» пуштунских племен. Как пишет в своих мемуарах Бхагат Рам, немец остался доволен деятельностью его организации в зоне пуштунских племен{30}.

Бхагат Рам попытался выяснить у К. Расмуса, на каком участке индо-афганской границе

немецкое командование планирует начать наступление на Британскую Индию. Поэтому он спросил у немца, в каком районе зоны пуштунских племен нужно начать диверсии. На этот вопрос немец ответил, что диверсии нужно проводить по всей Индии. После такого ответа Рахмат-хан предложил свой план проведения диверсионных действий, о котором К. Расмус сообщил в Берлин: «Его идея заключается в том, чтобы при подходе немецких войск к Белуджистану сконцентрировать (диверсионную деятельность. – Ю. Т.) на этом районе»{31}.

В докладе Бхагат Рама ничего не было сказано о ситуации в Вазиристане, что являлось большим его недостатком в глазах К. Расмуса и Д. Витцеля, которые получили из Берлина приказ подготовить все необходимое для высадки немецкой диверсионной группы Факира из Ипи. Поэтому перед своим резидентом в Индии немцы поставили задачу для устройства аэродрома и приема парашютистов, чтобы связаться с Факиром. Бхагат Рам получил от С.Ч. Боса шифровку, в которой вся ответственность за выполнение этого задания возлагалась на него. В связи с этим К. Расмус предложил ему ускорить отъезд в зону племен. Для передачи Факиру Бхагат Рам получил от К. Расмуса 500 фунтов стерлингов золотом, 500 индийских рупий, 550 тыс. афгани и специальное сигнальное ружье с 30 ракетами{32}. Д. Витцель считал, что в состав группы парашютистов обязательно должны входить врач, инженер-радист, механик, топограф, инструктор по военному делу, радист-телеграфист и фотограф. Все члены группы должны были быть похожи на пуштунов{33}.

Инструкции германской разведки Бхагат Раму были согласованы в Берлине с С.Ч. Босом, который поручил ему направить к вождям пуштунских племен его людей, чтобы те организовали антибританское восстание в полосе «независимых» племен. Согласно указаниям С.Ч. Боса, Рахмат-хан должен был «направить в пограничные с Афганистаном районы (Индии. – Ю. Т.) своих делегатов, чтобы убедить племена выступить против английских властей. Делегаты должны дать обязательство руководителям племен по снабжению последних военным имуществом и заверить их, что в программу Свободной Индии входит экономическая помощь племенам, защита их от нападения противников и что на независимость и свободу племен никто покушаться не будет. Делегациям должны быть предоставлены полномочия на заключение договоров с отдельными племенами»{34}. О результатах переговоров с племенами С.Ч. Бос сразу же просил сообщить ему в Берлин. Кроме этого задания, бывший президент Индийского национального конгресса приказал Бхагат Раму установить связь с некоторыми маликами момандов, афридиев и масудов.

В октябре 1941 г. Рахмат-хан в четвертый раз приехал в Кабул. В это время из Афганистана еще не были выдворены германские граждане, не имевшие дипломатического паспорта. Многие из них снимали жилье в Кабуле, что позволяло К. Расмусу и Д. Витцелю контактировать с Бхагат Рамом вне стен германского посольства. Несмотря на это, наиболее важные встречи «человека Мацотты» с резидентами германской разведки проходили в дипмиссии III рейха. На одной из них даже присутствовал посланник Г. Пильгер{35}.

В ходе этих встреч К. Расмус вновь поставил перед своим агентом задачу ускорить подготовку вооруженного мятежа приграничных пуштунских племен. Он сообщил Рахмат-хану, что Германия «очень заинтересована в (взрывоопасной. – Ю. Т.) ситуации среди племен» с целью облегчить себе вторжение в Индию, как только вермахт перейдет Кавказ{36}.

Для успешного выполнения задания Бхагат Раму в немецком посольстве выдали 2 рации с комплектом батарей к ним. Самый мощный передатчик Расмус приказал хранить в доме Уттам Чанда, а портативную рацию предполагалось разместить в полосе «независимых» пуштунских племен Британской Индии{37}. Вместе с ними Рахмат-хану были переданы коды и шифры для связи с германской миссией в Кабуле и новая сумма денег (более 7 тыс. фунтов стерлингов и 500 соверенов). Из нее Ром вручил Заману 5 тыс. фунтов стерлингов и 2 соверена{38}. Таким образом, германские спецслужбы, сами того не подозревая, стали финансировать деятельность советской резидентуры в Кабуле.

Уже на следующий день советское посольство в Кабуле получило ящик с фаянсовой

посудой из лавки Уттам Чанда. В нем Бхагат Рам переслал М. Аллахвердову портативную рацию (второй передатчик также вскоре оказался в распоряжении советской разведки). С октября 1941 г., как пишет историк Ю. Кузнец, «вся работа берлинских радиостанций на Афганистан и Индию оказалась под... надежным контролем» советской разведки{39}.

В конце октября Бхагат Рам покинул Кабул и благополучно прибыл в момандское селение Кудахель в Баджауре. Там он сообщил одному из руководителей «Организации Мацотты» – малику Миран Джану о результатах своих переговоров с представителями германской разведки. Как пишет в своих мемуарах Бхагат Рам, малик «был рад, что немцы оценили нашу политическую и организационную работу в зоне племен»{40}. На этой встрече он, посовещавшись с Миран Джаном, принял решение расширить деятельность своей организации на южные районы полосы «независимых» пуштунских племен. Особое внимание при этом планировалось уделить работе в Вазиристане. От «Организации Мацотты» туда планировалось направить Хушал-хана Хаттака. Вскоре после этого Бхагат Рам убедил членов своей подпольной организации установить связь с княжествами Дир и Сват. Таким образом, «Организация Мацотты» существовала, действовала и якобы готовилась в нужный момент начать диверсии на северо-западной границе Индии, поэтому К. Расмус не мог заподозрить Бхагат Рама в сотрудничестве с советской разведкой, которая в тот период берегла своего нового ценного агента как от врагов, так и от своего британского союзника.

Возможно, сведения Бхагат Рама позволили бы Интеллидженс сервис более трезво оценивать ситуацию в Афганистане. При всей полноте информации о деятельности фашистской агентуры на индо-афганской границе данные о подготовке операции «Тигр» для английской разведки оказались крайне неожиданными. К примеру, 5 сентября советник английской миссии в Кабуле Хэйлей в беседе советником Козловым сообщил, что «немцы в Афганистане изолированы сейчас настолько, что, по его мнению, нецелесообразно требовать (их. – Ю. Т.) выдворения..»{41}. Но когда англичане получили информацию о готовящейся абвером десантной операции в Вазиристане, они поняли, что недооценили своего противника.

Глава 36

Сокрушительный удар по агентуре стран Оси в Афганистане

Осенью 1941 г. обстановка в полосе «независимых» пуштунских племен была крайне взрывоопасной. Восстание в Вазиристане были готовы поддержать многие пуштунские племена. Ненависть пуштунов к англичанам была настолько велика, что даже подкуп наиболее влиятельных вождей приграничных племен не гарантировал сохранения мира. Так, несмотря на подкуп англичанами вождя момандов Бадшах Гуля, в августе 1941 г. это племя подняло восстание. Причиной восстания стало строительство афганскими и английскими властями укреплений на землях момандов.

Чтобы подавить это вооруженное выступление момандов, афганское правительство срочно перебросило из Кабула в Джелалабад войска и в очередной раз одарило Бадшах Гуля бахшишем{1}. С помощью англичан к середине сентября 1941 г. Хашим-хану удалось замирить это племя. Однако никто не мог поручиться, что моманды снова не возьмутся за оружие.

В Хайбарском проходе обстановка была не намного лучше. Афридии предпринимали настойчивые попытки вступить в контакт с миссиями фашистских государств в Кабуле. В сентябре 1941 г. афганская полиция арестовала представителя этого племени Абдуррахман-хана, прибывшего в Афганистан с целью наладить сотрудничество с германским посольством{2}. Британская разведка считала, что афридиям все же удалось установить контакт с немцами.

МИ-2 в том же месяце получила сведения о новом визите двух немецких агентов к Факиру из Ипи. Хотя разведданные о связях Факира с немцами оказались ложными, они крайне напугали британские власти в Индии. Английское правительство решило добиться удаления из Афганистана подданных Германии и Италии, большая часть которых сотрудничала с

фашистскими спецслужбами.

В Москве с готовностью поддержали этот план. Вводить войска в Афганистан англичане категорически отказывались, поэтому Великобритании и СССР предстояло осуществить совместный дипломатический демарш в Кабуле.

Чтобы добиться от Хашим-хана согласия на выдворение немцев и итальянцев из Афганистана, в Кабул прибыл новый посланник Великобритании Фрэнсис Уайли. Этот бывший губернатор одной из провинций Индии не был дипломатом, но его бойцовские качества как нельзя лучше подходили для оказания нажима на афганское правительство.

6 сентября 1941 г. вновь прибывший дипломат был принят афганским королем Захир-шахом, а через день состоялась его первая встреча с фактическим правителем Афганистана – премьер-министром Хашим-ханом. На ней Ф. Уайли потребовал удалить германскую и итальянскую колонии из страны, но получил отказ. Более того, Хашим– хан заявил англичанину, что, если вермахт в ближайшем будущем достигнет границ Афганистана, «афганцы могут объединиться с немцами» и облегчить их проход к Индии{3}.

Возможно, Ф. Уайли своей губернаторской манерой поведения спровоцировал всегда осторожного премьера на этот вызывающий ответ, но это заявление окончательно прояснило позицию афганской стороны: подданные победоносного на тот момент III рейха и его союзников останутся в стране. Хашим-хан прямо дал понять, что его правительство будет ориентироваться в этой войне на сильнейшего...

9 сентября 1941 г. встревоженный английский посланник встретился с К. Михайловым и заявил, что «в условиях нынешней обстановки направит все свои усилия на сотрудничество с нами (СССР. – Ю.Т.), на снабжение нас информацией по всем вопросам, касающимся совместной деятельности по борьбе с немцами в Афганистане. [...] Не может быть и речи о недооценке немецкой опасности...»{4}.

Правда, затем Ф. Уайли сообщил своему советскому коллеге: «...Англичане в борьбе с немецкой опасностью не могут пойти в Афганистане на применение таких же мер, как и в Иране, т.е. на ввод своих войск в Афганистан и на замену нынешнего афганского правительства другим правительством», так как «на территории Индии имеется большое количество хорошо вооруженных афганских племен– патанов, традиционно и религиозно связанных с афганцами, живущими на территории Афганистана. Вступление английских войск в Афганистан, так же как и смещение или замена афганского правительства путем применения внешнеполитического нажима, может привести к выступлению патанов в Индии. Это... нежелательно для англичан, поскольку английские войска в настоящее время в большом количестве переброшены с северо-западной границы Индии в Северную Африку и Ирак»{5}. Таким образом, британская сторона в очередной раз дала понять советскому руководству, что не пойдет на повторение «иранского варианта», хотя Советский Союз был готов ввести свои войска в Северный Афганистан.

Если военный сценарий решения проблемы исключался, Великобритании и СССР пришлось использовать дипломатические и экономические рычаги давления на Афганистан. Великобритания применила следующие экономические санкции против Афганистана.

1. Был сокращен экспорт нефтепродуктов. Эта мера резко ухудшила экономическую ситуацию в стране.

2. Англичане наложили секвестр на афганское золото в Индии стоимостью в 50 млн афгани{6}.

3. Если раньше все закупки членов афганской королевской семьи в Индии оплачивались британским правительством, теперь Захир-шах и его родня лишились таких «подарков»{7}.

4. По требованию командования индийской армии были задержаны на границе 670 грузовиков, закупленных афганским правительством в США. Англичане опасались, что эти машины смогут облегчить переброску германских войск к границе Индии{8}.

В дополнение к экономическим санкциям Великобритания организовала радиопередачи на Кабул из Индии с критикой политики афганского руководства, которое и так было в шоке от ввода советских и английских войск в Иран. Опасаясь за судьбу династии, Хашим-хан стал

склоняться к мысли о высылке немцев и итальянцев из страны.

Кроме этого, англичане, чтобы подтолкнуть афганского премьера к принятию выгодного им решения, щедро увеличили ежегодную субсидию ему до 25 млн рупий{9}. Были подкуплены и многие другие политические деятели афганской правящей верхушки.

Не называя имен, Ф. Уайли 11 октября признался К. Михайлову: «Подарки идут систематически и на довольно крупные суммы. Почти все, что для личных целей закупает правящая династия (Яхья-хель. – Ю. Т.) в Индии, англичане освобождают от оплаты счетов»{10}. В Кабуле, в свою очередь, раздачей бахшишей занимался резидент британской разведки военный атташе подполковник А. Ланкастер.

Однако даже самые дорогие «подарки» не могли уменьшить ненависть афганцев к англичанам. Так, в середине сентябре 1941 г. правительство Хашим-хана демонстративно выслало из страны пресс-атташе британского посольства майора Флетчера, который являлся сотрудником британской разведки. В Кабул он прибыл в августе 1940 г. с заданием пресечь деятельность фашистской агентуры в Афганистане. Имея в своем распоряжении большие денежные суммы, Флетчер успешно противодействовал интригам миссий стран Оси в афганской столице. Интересам Афганистана он не нанес никакого вреда, но, несмотря на все протесты английского правительства, его, к радости немцев, все равно выдворили из страны{11}. Одним словом, афганцы Англии ответили ударом на удар.

Но эту, по словам Ф. Уайли, «войну нервов» Великобритания без помощи СССР выиграть не могла, так как в Кабуле была очень сильна прогерманская группировка. Стремясь обеспечить безопасность северо-западной границы Британской Индии, английское правительство вновь обратилось к СССР с просьбой помочь заставить правительство Афганистана удалить из страны подданных Германии и Италии.

29 сентября 1941 г. в Лондоне состоялась встреча английского министра иностранных дел Э. Идена с советским послом И. Майским, на которой была достигнута договоренность о совместном демарше перед Кабулом с целью выдворения германских и итальянских подданных, не имеющих дипломатического статуса. А. Иден считал, что «настало время оказать давление на афганское правительство с целью избавления от представителей стран Оси в Афганистане»{12}. По его мнению, в качестве первого шага СССР и Великобритания должны были потребовать от Хашим-хана удаления из Афганистана всех граждан Германии и Италии, не имеющих дипломатического статуса, а затем поставить перед афганцами вопрос о ликвидации миссий стран Оси в Кабуле.

В первых числах октября английская и советская миссии в Кабуле получили указания от своих правительств категорически потребовать высылки немцев и итальянцев из Афганистана{13}. Хашим-хан, как и опасались англичане, попытался запугать Ф. Уайли возможностью мятежа патанов на индо-афганской границе. 9 октября 1941 г. английский посланник встретился с главой афганского правительства и заявил ему о «наличии в Афганистане немцев и итальянцев, ведущих опасную для Северо-Западной Индии деятельность»{14}. Никаких конкретных примеров Ф. Уайли не привел, но указал, что «немцы и итальянцы связаны с Аманулой и Шами Пиром». Хашим-хан категорически отказался выполнить английское требование о выдворении германских и итальянских подданных и пообещал передать этот вопрос на обсуждение парламенту. Английский посланник, который был крайне недоволен результатами своего визита к афганскому премьер-министру, вечером того же дня заявил советскому послу К. Михайлову, что передача вопроса о высылке немцев и итальянцев афганскому парламенту является ловким маневром Хашим-хана, который хочет «запугать англичан опасностью антианглийского выступления (пуштунских. – Ю. Т.) племен»{15}. Таким образом, чего больше всего опасалась Великобритания, то и случилось: афганское правительство попыталось разыграть пуштунскую карту.

В этой трудной ситуации СССР пришел на помощь своему союзнику, хотя активность абвера в Северном Афганистане, за отсутствием таковой, советской разведкой не была зафиксирована, а итальянские спецслужбы осуществляли подрывные операции только

против Индии. Несмотря на это, в Москве трезво оценивали обстановку и понимали, что после провала блицкрига страны Оси попытаются реанимировать басмаческое движение, чтобы дестабилизировать обстановку в советских Среднеазиатских республиках. В итоге ослабление фашистской «пятой колонны» в Афганистане было выгодно и СССР. Тревожную тишину на советско-афганской границе в любой момент могли нарушить вооруженные Германией формирования басмачей...

По этой причине 11 октября 1941 г. посол К. Михайлов встретился с афганским премьером и сделал заявление, в котором указывал на активизацию враждебной СССР деятельности немцев и итальянцев, приводил сведения о подрывной деятельности Венгера, Шенка, Фишера и других немецких «специалистов»{16}. Советский посол заявил главе афганского правительства, что «преступная деятельность германо-итальянской агентуры не встречает, к сожалению, должного отпора и не принимаются предупредительные меры со стороны афганского правительства».

Далее, сославшись на положения советско-афганского договора о нейтралитете 1931 г., К. Михайлов от имени советского правительства предложил Хашим-хану «принять меры для того, чтобы в ближайшее время все члены немецкой и итальянской колонии покинули Афганистан и чтобы афганское правительство гарантировало соответствующее наблюдение за германской и итальянской миссиями [...] ». Как и его английский коллега, К. Михайлов получил отрицательный ответ.

Правда, Хашим-хан, как сообщил в Москву советский посол, не стал «пугать нас тем, что он созовет Народный Совет (Лоя Джиргу. – Ю. Т.), зная, что народным обсуждением поставленного нами вопроса о конкретной борьбе с фашистской угрозой нас не запугаешь»{17}. Ситуацию на советско-афганской границе нельзя было сравнивать с обстановкой на «линии Дюранда», где пуштунские племена могли в любой момент начать борьбу против Англии. Поэтому К. Михайлову афганский премьер лишь заявил, что обсудит заявление правительства СССР со своими министрами.

Совместный демарш возымел свое действие: 13 октября в 14.00 Ф.Уайли был вызван к Хашим-хану. Кроме премьер-министра на этой встрече присутствовали военный министр и министр иностранных дел. В их присутствии Хашим-хан заявил английскому посланнику, что «постарается удалить представителей Германии и Италии в течение трех месяцев»{18}. Ф. Уайли потребовал сделать это в месячный срок. Хашим-хан вынужден был согласиться с этим, подчеркнув, что окончательное решение по этому вопросу примет Лоя Джирга.

Англичане, которые знали, с какой ненавистью относятся к ним афганцы, боялись, что Лоя Джирга не одобрит выдворение германских и итальянских граждан. Ее делегаты могли даже принять решение об объявлении джихада против Англии и СССР. Угроза начала «священной войны» была особенно опасна для Великобритании, так как в Кабул прежде всего должны были съехаться вожди пуштунских племен. Поэтому Ф. Уайли приложил все усилия, чтобы добиться от Хашим-хана гарантий, что в Кабул не будут приглашены представители племен «независимой» полосы Британской Индии. Афганский премьер удовлетворил это английское требование.

Эта уступка не означала, что афганское правительство решило отказаться от помощи приграничных племен. В середине октября 1941 г. на юге Афганистана состоялась джирга их представителей{19}. Ее работа проходила в обстановке строгой секретности, но можно с уверенностью предположить, что вожди пуштунских племен по обе стороны «линии Дюранда» вновь согласились оказать помощь Кабулу, если для независимости Афганистана возникнет угроза.

Когда Г. Пильгеру и П. Кварони было сообщено о решении афганского правительства удалить из страны всех немцев и итальянцев, которые не являлись членами дипломатических миссий, абвер предложил тайно перебросить всех здоровых немецких мужчин из Кабула в зону пуштунских племен, где в конце августа началось вооруженное выступление мамандов против афганского правительства{20}. В Берлине не были уверены, что Англия и СССР не потребуют закрыть посольства Германии и Италии в Кабуле.

Чтобы обеспечить надежную переправку Д. Витцеля, В. Доха и «добровольцев» в зону племен, Г. Сиддик-хан Чархи передал немцам на связь своих людей среди момандов{21}. Вероятнее всего, немцы считали, что из Кабула им будет безопаснее бежать к момандам, чем прорываться, как М. Обердорффер и Ф. Брандт, в Вазиристан к Факиру из Ипи. Однако, по словам Бхагат Рама Тальвара, только Д. Витцель был готов перебраться с Рахмат-ханом к момандам, а Г. Пильгер и К. Расмус «оптимизма в части осуществления этого предприятия не высказывали»{22}. Здравый смысл, а может быть, и недоброе предчувствие их не обманывали. Очередная германская авантюра в Афганистане закончилась бы еще более печально, чем «логарский инцидент».

К. Расмус передал людей, рекомендованных Г. Сиддик-ханом, на связь Бхагат Раму и тем самым провалил этих аманулистов. Уже 10 октября 1941 г. П. Фитин получил из Кабула от Замана шифровку, где перечислялись доверенные лица Сиддик-хана, при помощи которых члены германского посольства хотели бежать из Кабула в зону пуштунских племен. К счастью для немцев, они отказались от этой затеи, как только узнали, что дипломатические миссии Германии и Италии в Кабуле не будут закрыты.

Это известие дало Берлину и Риму надежду, что, возможно, им удастся, играя на гордости афганцев, уговорить афганское правительство не высылать граждан фашистских государств или, по крайне мере, отложить их депортацию на неопределенный срок. Немцы также попытались увеличить штат своего посольства в Кабуле, выдав своим наиболее ценным разведчикам-нелегалам дипломатические паспорта. К примеру, дипломатический паспорт был выдан гестаповцу Л. Гильхаммеру{23}.

Хашим-хан отверг все просьбы Г. Пильгера и П. Кварони и пресек их попытки оставить в Афганистане новоиспеченных «дипломатов». 30—31 октября 1941 г. все немецкие и итальянские специалисты были вывезены из Кабула. Перед их отъездом К. Расмус и Д. Витцель изъяли у отъезжающих всю валюту, в которой эти разведчики так нуждались для финансирования своей агентуры в зоне пуштунских племен. Эти средства значительно пополнили фонды Расмуса, который получил наличными только в афганской валюте более 1 млн афгани{24}. Кроме этого, все немецы сдали Д. Витцелю свои пистолеты и фотоаппараты, которые были переданы им на хранение своим агентам среди афганцев{25}.

Как потом установили советские и британские разведчики, абвер, чтобы сохранить хоть часть своей агентуры в Кабуле, завербовал, вероятнее всего, обещая сохранить жизнь их родственникам в Германии, некоторых немецких евреев, которые не подлежали депортации из Афганистана. Эти несчастные люди в дальнейшем использовались для связи германской миссии с посланцами от Факира из Ипи, периодически прибывавшими в Кабул в 1942 году{26}. Этими мерами германская разведка пыталась смягчить тот непоправимый ущерб, который нанесла фашистской агентуре высылка из Афганистана немецких граждан. Так, из 5 разведгрупп у немцев в Афганистане сохранилась лишь группа К. Расмуса, да и та работала под контролем советской разведки.

1 ноября 1941 г. в Кабуле состоялась Лоя Джирга, на которой Хашим-хану удалось уговорить депутатов одобрить выдворение граждан Германии и Италии. Чтобы доводы Хашим-хана были более убедительными, британское посольство передало ему для подкупа делегатов 10 млн афгани{27}. Англия также пообещала выплатить афганскому правительству 500 тыс. фунтов стерлингов сразу же после того, как первая группа немцев прибудет из Афганистана в Индию{28}. Но даже эти меры не давали Англии гарантии, что во время Лоя Джирги не начнутся стихийные антианглийские выступления представителей пуштунских племен.

Английская миссия в Кабуле особенно боялась возможных выступлений перед собравшимися делегатами военного министра Шах Махмуд-хана, который был очень популярен среди пуштунов и не одобрял высылки немцев из Афганистана. Этого же мнения придерживался командующий кабульским гарнизоном принц Дауд-хан. Только незадолго перед началом Лоя Джирги Хашим-хану удалось убедить их не выступать с критикой действий правительства и не призывать пуштунов к джихаду{29}. Когда английская миссия

получила сведения о достигнутом согласии в афганском правительстве, советник Хэйлей с удовлетворением сообщил советнику посольства СССР В. Козлову: «В настоящее время имеется полная уверенность в том, что эти прогермански настроенные лица не рискнут выступить против Хашим-хана... так как это могло бы привести к восстанию (пуштунских. – Ю. Т.) племен против нынешнего правительства»{30}.

Все же избежать антианглийских выступлений представителей приграничных племен на Лоя Джирге не удалось. Особенно напугала англичан речь вождя племени джадран Замрак-хана, который открыто перед всеми делегатами заявил, что в случае необходимости готов выставить против Англии 20 тыс. воинов, которых он сам вооружит и будет содержать на свои средства в течение года{31}. Земли племени джадран граничили с Вазиристаном, и британские власти в Индии понимали, какую опасность для них может представлять объединение сил Замрак-хана с лашкарами Факира из Ипи.

Несмотря на гневные выступления некоторых делегатов, Лоя Джирга одобрила действия Хашим-хана по депортации немецких и итальянских подданных из Афганистана. После этого последняя надежда стран Оси сохранить всю свою агентуру в Афганистане провалилась. После поражения вермахта под Москвой высадка десанта в Вазиристан была отложена, так как технические средства, выделенные для проведения операции «Тигр», были переданы для высадки агентов абвера на территорию Туркмении. Факир из Ипи, в свою очередь, временно прекратил восстание в Вазиристане.

Добившись выдворения из Афганистана граждан Германии и Италии, Великобритания и СССР к концу 1941 г. обеспечили мир на северо-западной границе Британской Индии и значительно затормозили создание германской разведкой разведсети среди басмачества.

Глава 37

Почему абвер не смог установить авиамост Баку – Вазиристан

Готовясь к летнему наступлению на Восточном фронте, руководство фашистской Германии приказало германской разведке усилить подрывную деятельность в Индии и Афганистане. Немецкая «пятая колонна» в этих странах вновь должна была попытаться спровоцировать перед запланированным Гитлером наступлением вермахта на Индию антибританский мятеж пуштунских племен на индо-афганской границе. Поэтому уже в декабре 1941 г. немецкая резидентура в Кабуле приступила к подготовке диверсионных отрядов в полосе «независимых» пуштунских племен Британской Индии.

Как пишет в своих мемуарах Бхагат Рам, на следующий день после его прибытия в афганскую столицу, 9 декабря 1941 г., он встретился с К. Расмусом и Д. Витцелем, которые, беседуя с ним, «больше интересовались зоной (пуштунских. – Ю. Т.) племен, чем Индией»{1}. Рахмат-хану стало ясно, немцы стремятся «использовать антибританские настроения среди пуштунских племен... с целью создания (в „независимой“ полосе. – Ю.Т.) такой ситуации, при которой англичане были бы вынуждены держать там большую армию»{2}.

Вероятно, на этой встрече немецкие разведчики обсудили со своим агентом план действий «Организации Мацотты» перед наступлением германских войск на Индию, так как Д. Витцель сразу же после встречи направил руководству абвера шифровку, в которой детально изложил общую схему проведения диверсионных акций в зоне пуштунских племен. В начале этого документа резидент абвера в Афганистане по-военному четко сформулировал главную задачу, поставленную им перед фашистской агентурой на северо-западной границе Британской Индии: «Целью деятельности (агентуры. – Ю. Т.) абвера II в Северо-Западной Индии (является. – Ю.Т.) дезорганизация английского фронта при подходе германских войск»{3}. Для этого немецкие агенты должны были распространять слухи и фальшивые распоряжения английских властей, указывать цели для бомбардировщиков Люфтваффе, нарушать связь. Кроме этого, Д. Витцель предлагал осуществить крупные диверсии на линиях коммуникаций в Северной Индии с помощью хорошо обученных и оснащенных диверсионных групп, сформированных и обученных в полосе «независимых» пуштунских племен.

Немецкий разведчик особо подчеркнул в своей шифровке, что «на всеобщее восстание в Индии во время наступления германских войск нельзя рассчитывать, если не начать... повсеместно диверсионные акты», которые будут успешны только лишь в случае осуществления «непосредственно в районе боевых действий английских войск»{4}. До этого момента фашистская агентура, по его мнению, должна была ограничиться лишь проведением мелких диверсий.

План Д. Витцеля о проведении массовых диверсий на северо-западной границе Индии в Берлине был одобрен. Но проведение крупных диверсий на северо-западной границе Британской Индии руководство германской разведки хотело начать немедленно, не дожидаясь летнего наступления вермахта. После капитуляции Италии итальянский посланник в Кабуле П. Кварони получил указание правительства Бадольо рассказать британскому посланнику и советскому послу в Кабуле о деятельности в годы войны разведок стран Оси в Афганистане и Индии. И 8 января 1944 г. встретившись с поверенным в делах СССР в Афганистане И. Самыловским, он сообщил ему, что в 1942 г. дорога от Захедана до Мешхеда (Ирана) Г. Пильгером рассматривалась «как одна из возможных коммуникаций для доставки вооружения в СССР из порта Карачи...»{5}. Поэтому, по словам П. Кварони, разведгруппа К. Расмуса «должна была организовать саботаж и диверсии на пути от Карачи через Захедан до Мешхеда»{6}.

С этой же целью в январе 1942 г. в Восточном Иране было десантировано около 100 немецких диверсантов (операция «Баядера»), которым после выполнения своего задания было приказано пробиться в Вазиристан к Факиру из Ипи, уже давно обещавшему итальянцам уничтожить ряд важных железнодорожных объектов в Белуджистане{7}. Возможно, хитрый Факир соглашался на все, даже заведомо невыполнимые, задания итальянской разведки, стремясь выманить у нее как можно больше денег. Однако их у П. Кварони в достаточном количестве не было, и поэтому лидер вазиров не спешил выполнять поручения итальянцев, настойчиво просивших его уничтожить железнодорожный тоннель в Раскухе{8}. Если бы Факиру удалось взорвать этот тоннель, транспортировка военных грузов из Карачи в Иран стала бы невозможна.

Из-за нехватки денег, необходимых для финансирования Факира из Ипи, итальянское правительство было вынуждено обратиться за помощью к Германии. 9 января 1942 г. немецкий посол в Риме Ганс-Георг Макензен отправил в Берлин телеграмму, в которой сообщил И. Риббентропу просьбу итальянцев оказать Факиру финансовую помощь. Обосновывая необходимость срочно выплатить лидеру вазиров 300 тыс. афгани, итальянское Министерство иностранных дел сообщило Г. Макензену, что антибританская пропаганда среди приграничных пуштунских племен проводится успешно и патаны готовы начать восстание против Англии, а Факир из Ипи согласен при финансовой поддержке Италии и Германии сформировать отряд из 2 тыс. пуштунов для проведения диверсий «на железнодорожных объектах в Белуджистане»{9}.

Итальянцы подчеркивали: «Мятеж на северо-западной границе Индии может затруднить переброску индийских войск на Малаккский полуостров»{10}. Поэтому итальянское правительство просило Берлин ускорить доставку по своим каналам в Кабул денег для Факира из Ипи. Половину из этих средств Италия обещала вернуть.

Предложение итальянцев сразу же было принято немцами, и Г. Макензен получил из Берлина краткую телеграмму, подписанную Э. Верманом{11}: «С поддержкой Факира из Ипи совместно с правительством Италии согласны. Посольство в Кабуле получило соответствующие указания»{12}. Выполняя приказ, германское посольство в Афганистане выдало П. Кварони 300 тыс. афгани, которые он успешно переправил Факиру{13}.

Несмотря на новые финансовые поступления из Кабула, никаких крупных диверсий в Белуджистане ему и заброшенным в Иран диверсантам совершить не удалось. Английская разведка арестовала всех немецких парашютистов еще до того, как они успели что-нибудь подорвать. Возможно, из-за повышенных мер безопасности, принятых британскими властями в Белуджистане, Факир из Ипи тоже не смог выполнить задание стран Оси.

Провал операции «Баядера» еще больше повысил для германской разведки ценность сотрудничества с «Организацией Мацотты», которая, по донесениям К. Расмуса и Д. Витцеля, успешно готовилась к проведению диверсий в Индии. Чтобы ускорить этот процесс германская разведка приняла решение наладить нелегальное обучение в Кабуле наиболее ценных своих агентов. Разумеется, первым в этом списке был Рахмат-хан.

В январе—апреле 1942 г. Бхагат Рам жил в Кабуле, в доме врача немецкого посольства Г. Фишера, где его обучили радиоделу и технике проведения диверсий. Радист В. Дох объяснил Рахмат-хану азы обращения с рацией и шифрами (цифровым и буквенным). Вторым учителем индийца стал лично Д. Витцель, который детально раскрыл своему подопечному секреты изготовления бомб и взрывчатых веществ; использования детонаторов к ним (вскоре Бхагат Рам получил от немцев необходимый динамит и целый ящик запалов); проведения диверсий на железнодорожных объектах и т. д. Всего резидент абвера обучил «человека Мацотты» технике подготовки и проведения 12 видов саботажа на различных объектах: от уничтожения железнодорожных станций до поджога автомобилей.

Д. Витцель планировал, что Рахмат-хан передаст полученные знания членам своей организации, поэтому вручил своему агенту 12 брошюр на английском языке, в которых подробно описывался каждый тип диверсионных актов и способы их подготовки. Немец проинструктировал Бхагат Рама, что эти буклеты являются строго секретными и должны храниться в штаб-квартире «Организации Мацотты»{14}.

Искусству сбора военно-политической информации Бхагат Рама обучали как К. Расмус, так и Д. Витцель. Последнего особенно интересовало расположение частей британской армии на индо-афганской границе{15}. Именно этих сведений не было, как полагали немцы из-за неопытности своих агентов, в новом докладе Рахмат-хана.

23 января 1942 г. Д. Витцель отправил в Берлин этот документ. Главное внимание в нем уделялось деятельности «Организации Мацотты» в полосе «независимых» пуштунских племен Британской Индии. Руководству абвера сообщалось, что Бхагат Раму удалось наладить сотрудничество с момандами Баджаура, племенем усман-хель, племенами Бунера и Свата. «С „Пожирателем огня“ (Факир из Ипи. – Ю. Т.), как указывалось в докладе Бхагат Рама, его организация также наладила контакты и передала лидеру вазиров просьбу трех дипломатических миссий стран оси в Кабуле об установлении прямой связи с «Организацией Мацотты»{16}.

Кроме этой информации, Д. Витцель в своей шифровке подробно перечислил достижения германской агентуры в Северо-Западной Индии: «В приграничном районе хранится: 220 кг динамита с необходимым количеством бикфордова шнура и подрывных капсюлей, 3 тыс. галлонов авиабензина... одна переданная нами рация и 3 генератора (к ней. – Ю. Т.), которые достала организация (Мацотты. – Ю.Т.)»{17}.

Для абвера было особенно важно, что в полосу «независимых» пуштунских племен Бхагат Раму удалось якобы переправить не только радиопередатчик, но и трех радистов. Надежная радиосвязь позволила бы немецкой разведке не только получать необходимую ей информацию из Индии, но и значительно облегчила бы для нее доставку диверсионных групп и вооружения в зону пуштунских племен.

Оружие и боеприпасы были крайне нужны Д. Витцелю, который планировал при содействии «Организации Мацотты» сформировать из пуштунов полосы «независимых» племен диверсионные отряды. Чтобы иметь достаточное количество взрывчатки для диверсий, резидент Абвера также хотел наладить производство взрывчатых веществ непосредственно в горных районах вдоль индо-афганской границы{18}.

Д. Витцель так спешил осуществить свой план, что, когда 27 февраля 1942 г. немцы начали «индийскую акцию», вновь предложил руководству абвера разрешить ему и радисту немецкого посольства В. Доху проникнуть в полосу «независимых» пуштунских племен для организации восстания приграничных пуштунских племен против англичан{19}. В Берлине понимали, что, если бы Д. Витцелю и В. Доху удалось исчезнуть из Кабула, афганские власти приняли бы меры для полной изоляции германского посольства в Кабуле. Афганский

премьер Хашим-хан еще не простил итальянцам поездку Э. Анцилотти к Факиру из Ипи, после которой глава афганского правительства демонстративно отказывался встречаться с П. Кварони.

Поэтому Г. Пильгер выступил против предложения резидента абвера. 3 марта 1942 г. командование вермахта прислало в немецкую миссию в Кабуле шифровку с разрешением Д. Витцелю и К. Расмусу «исчезнуть, не давая повода к обострению (ситуации вокруг германского посольства. – Ю. Т.)»{20}. Время «исчезновения» должен был определить Г. Пильгер. Он был против этой авантюры.

Д. Витцель продолжал настаивать на реализации своего плана. Когда дело с его бегством из Кабула в полосу «независимых» пуштунских племен застопорилось, он 11 марта отправил в Берлин телеграмму, в которой просил у руководства абвера разрешить ему, А. Цугенбюллеру и Бхагат Раму совершить поездку к индо-афганской границе с целью на месте разведать площадки для высадки десанта и определить пункт для установки там радиостанции{21}. Вероятнее всего, во время этой поездки Д. Витцель и хотел совершить запланированный побег в Британскую Индию.

В связи с этим Г. Пильгер был вынужден опять отправить в Берлин телеграмму, в которой настаивал на выполнении директивы ОКВ от 3 марта 1941 г. Доказывая свою правоту, он сообщил И. Риббентропу: «Если требование Витцеля скорее начать выступления в пограничных районах (Индии. – Ю. Т.) не встретит в Берлине возражений, опасаюсь, что обусловленное этим обострение положения посольства скажется также и на итальянском и японском посольствах. Поэтому нам необходимо своевременно информировать их о начале мероприятий. Прошу дать по этому вопросу указания телеграфом»{22}.

Немецкий посланник прекрасно понимал, что Д. Витцель и К. Расмус никогда не согласятся сообщить итальянцам дату своего бегства из Кабула, так как они подозревали П. Кварони в провале М. Обердорффера и Ф. Брандта. Настаивая на уведомлении итальянцев и японцев, Пильгер хотел заставить резидентов немецкой разведки отказаться от их планов. Действительно, 15 марта Витцель радировал в Берлин о своем несогласии сообщить итальянцам подробности запланированной им операции, так как «роль итальянского посольства в случае с Обердорффером неясна»{23}.

На следующий день после получения этой радиограммы статс-секретарь В. Кепплер и глава абвера II генерал Э. Лахузен-Вивремонт провели в Берлине совместное совещание представителей Министерства иностранных дел и абвера. На нем было рассмотрено предложение Д. Витцеля о его и радиста В. Доха бегстве в зону пуштунских племен. После детального обсуждения предстоящей операции было принято решение предоставить Г. Пильгеру самому решить, когда наступит удобный момент для ее начала. Принимая это решение, В. Кепплер и Э. Лахузен-Вивремонт учитывали, что афганская полиция после «логарского инцидента» установила строгий надзор за германской миссией в Кабуле и риск очередного провала немецких разведчиков был слишком велик.

В апреле 1942 г. германскому посольству в Афганистане наконец-то Факир из Ипи сам установил контакт с немецким посольством в Кабуле, так как в апреле 1942 г. возобновил боевые действия против английских войск в Вазиристане. Как и прошлые годы, он снова осадил британский форт Датта-хель. Даже бросив против вазиров 40 тыс. войск, авиацию и танки, англичане не смогли нанести лашкарам вазиров поражение.

Восставшие пуштуны крайне нуждались в оружии. Новый представитель Факира, который прибыл в Кабул в мае, во время переговоров с К. Расмусом и Д. Витцелем рассказал им, что силы вазиров насчитывают 20—22 тыс. человек, но «ощущается острый недостаток в боеприпасах»{25}. Далее посланец из Вазиристана сообщил германским разведчикам: «В настоящее время боевые действия ограничиваются окружением различных мест сосредоточения английских войск, настоящие атаки невозможны из-за недостатка оружия. На границе купить боеприпасы почти невозможно, поэтому помощь деньгами не может сделать борьбу более интенсивной»{26}. От него же К. Расмус узнал о коварстве Э. Анцилотти, который, заключив соглашение с Факиром, скрыл от лидера вазиров, что

субсидию ему выплачивает не только Италия, но и Германия{27}. Это известие еще больше обострило и без того непростые отношения между германским и итальянским посольствами в Кабуле.

По вновь установленному каналу связи К. Расмус отправил лидеру вазиров письмо, в котором сообщал Факиру: «При нынешней ситуации мы не можем снабжать вас нужными для ведения военных действий предметами до тех пор, пока не установили с вами воздушную связь. Считаем, что до этого времени не следует увлекаться боевыми столкновениями, необходимо приложить все силы к тому, чтобы объединить пограничные племена.

Вы должны сохранить силы к тому моменту, когда мы сможем оказать вам реальную помощь, а это будет в том случае, когда фронт будет недалеко от вас.

Необходимо готовиться к большой войне, с тем чтобы, когда придет время, этими соединенными силами напасть на англичан и с помощью Всевышнего разбить их» {28}. Одним словом, Факиру из Ипи предлагалось беречь силы до германского наступления на Индию.

Новое восстание в Вазиристане дало Д. Витцелю повод для того, чтобы опять настаивать на своем бегстве к Факиру из Ипи. На этот раз резидент абвера планировал скрыться из Кабула, похитив мощный радиопередатчик авиакомпании «Люфтганза». После начала Второй мировой войны полеты «Юнкерсов-52» по маршруту Кабул – Берлин прекратились и радиоустановка, обеспечивающая связь на этой авиалинии, была законсервирована. С декабря 1941 г. германское правительство стало требовать от афганских властей передачи всей радиоаппаратуры «Люфтганзы» в немецкое посольство в Кабуле. Афганцы были согласны это сделать, но требовали от Берлина гарантий, что радиопередатчик не будет использован в разведывательных целях{29}. Немцы отказывались брать на себя такие обязательства, так как именно для этого он им и был нужен.

Предприимчивый Д. Витцель предложил выкрасть этот передатчик и переправить его в полосу «независимых» пуштунских племен, чтобы, как указывалось в телеграмме Г. Пильгера, «ключ к радиоэфиру в течение нескольких месяцев был бы в наших руках»{30}. До восстания Факира из Ипи в Берлине не соглашались на это предложение Д. Витцеля. Однако после начала мятежа вазиров абвер и германский МИД санкционировали не только бегство Д. Витцеля, но и похищение радиопередатчика «Люфтганзы». Но и на этот раз противодействие Г. Пильгера этой авантюре было таким сильным, что в конце концов И. Риббентроп принял решение отложить проведение данной операции.

Еще одной причиной, заставившей германское руководство отказаться от переброски мощного радиопередатчика к Факиру из Ипи, стал крупный провал немецких агентов в Кабуле. 25 мая 1942 г. афганская полиция по требованию англичан провела аресты фашистских агентов, обеспечивавших связь миссий стран Оси с Факиром.

Самым большим ударом для немцев был арест Уттам Чанда, дом которого был главной явочной квартирой для встреч К. Расмуса с Бхагат Рамом. Поэтому резидент германской внешнеполитической разведки попросил Г. Пильгера добиться от афганцев освобождения своего человека. В тот же день германский посланник попытался убедить афганское правительство не передавать Уттам Чанда британским властям в Индии.

26 мая Г. Пильгер сообщил В. Кепплеру о результатах своих переговоров с афганцами: «Оно (афганское правительство. – Ю. Т.) согласно продлить ему (Уттам Чанду. – Ю.Т.) вид на жительство, если мы сможем доказать... безупречность его убеждений, как индийского националиста»{31}. С этой целью глава немецкого посольства просил В. Кепплера «выяснить вопрос о благонадежности» Уттам Чанда у С.Ч. Боса. 30 мая в германскую миссию в Кабуле поступила шифровка от В. Кепплера: «Мацотта дает очень положительный отзыв об Уттам Чанде. Он просит сделать все возможное, чтобы помешать его высылке в Индию, так как там он будет подвергнут аресту и, возможно, даже пыткам. При всей своей лояльности, в которой... не приходится сомневаться, он недостаточно стоек, чтобы выдержать пытки»{32}. Когда эта телеграмма пришла в Кабул, Уттам Чанд был уже выслан

29 мая из афганской столицы в Индию. Г. Пильгер был в ярости и заявил афганскому министру иностранных дел, что больше не может иметь с ним дела{33}.

Вместе с Уттам Чандом весной – летом 1942 г. в Афганистане было арестовано около 100 агентов, сотрудничавших с миссиями стран оси. Так, в мае был арестован афганский летчик Гулям Амар-хан, который был связным между итальянским посольством и Факиром из Ипи. У итальянского агента было изъято 50 тыс. рупий, которые он не успел передать лидеру вазиров{34}. Повальные аресты в Кабуле нанесли значительный ущерб шпионской разведсети Германии и Италии, поэтому связь между их посольствами и Факиром была прервана до конца июля 1942 г.{35}.

Высылка в Индию Уттам Чанда и других работавших с ним фашистских агентов была воспринята в Берлине как очередное доказательство проанглийской ориентации правительства Хашим-хана. Поэтому К. Расмусу было приказано прекратить переговоры с афганцами о доставке Факиру из Ипи устаревшего оружия и боеприпасов из арсеналов афганской армии.

В середине мая 1942 г., после успехов немецких войск в Крыму, Хашим-хан дал указание министру экономики Абдул Меджиду, который находился в Берлине, возобновить с немцами переговоры об урегулировании афганского долга Германии, сумма которого составляла 225 млн рейхсмарок{36}. Правительство Германии попыталось договориться с Кабулом, чтобы эти деньги были переданы афганским правительством немецкому посольству, которое, располагая такими огромными финансовыми ресурсами, смогло бы широко развернуть подрывную деятельность в полосе «независимых» пуштунских племен Британской Индии.

Вероятнее всего, К. Расмус, который, как торговый атташе Германии, принимал участие в переговорах о ликвидации афганского долга, предложил своему начальству в счет погашения долга договориться с правительством Хашим-хана о передаче германской миссии устаревшего вооружения афганской армии. Это оружие и боеприпасы германский резидент хотел, не медля, переправить Факиру из Ипи. Кроме этого вооружения оружие вазирам должны были сбросить на парашютах в Вазиристан и японские самолеты{37}. Японские войска в то время стояли у границы Индии, трофейного английского оружия у японцев было предостаточно, а дальность полета японских самолетов позволяла им доставить любой груз в Вазиристан. Таким образом, чисто технически предложение К. Расмуса с помощью японцев наладить снабжение лашкаров Факира из Ипи оружием было выполнимо.

Однако в германском Министерстве иностранных дел планы К. Расмуса были отвергнуты. 3 июня 1942 г. начальник Восточного отдела этого ведомства В. Мельхерс направил Э. Верману докладную записку, в которой подверг деятельность Г. Пильгера и К. Расмуса резкой критике. Особенно был недоволен В. Мельхерс попытками Г. Пильгера добиться от афганских властей освобождения Уттам Чанда, так как он считал, что германское посольство в Кабуле, «действуя в подобных случаях таким образом, выдает англичанам и тех немногих агентов, которыми мы там располагаем»{38}.

Далее в своей служебной записке этот немецкий дипломат доказывал необходимость прекратить переговоры К. Расмуса с афганским правительством, которое является проанглийским «хотя бы потому, что через русских ему стал известен наш план 1940 г. об его свержении». Исходя из этого, В. Мельхерс предлагал: «В том случае, если мы заинтересованы в дальнейшем пребывании нашего посольства в Кабуле, дать ему указание не вмешиваться больше в дело Уттам Чанда и прекратить попытки осуществления авантюрного плана доставки оружия Факиру из Ипи самолетами или заключив соглашение с афганским правительством о передаче старого оружия». Кроме этого, он рекомендовал перепроверить надежность связи с Факиром из Ипи, так как немец не поверил сообщению посланца лидера вазиров, что Э. Анцилотти был в Горвехте, и, возможно, его насторожил тот факт, что аресты германских агентов в Кабуле и приезд представителя Факира в афганскую столицу совпали по времени.

Несмотря на это, В. Мельхерс предлагал продолжить финансирование Факира из Ипи не только по немецким, но и итальянским каналам: «Не следует задумываться о том, что

Факиру посылаются двойные суммы денег, и прямым путем, и через итальянцев, если только от этих сумм можно еще ожидать каких-либо выгод...» Руководство германского Министерства иностранных дел согласилось с предложениями В. Мельхерса, и переговоры в Кабуле между К. Расмусом и афганским правительством об оказании помощи восставшим вазирам были прекращены.

Провал попытки Витцеля в июне 1942 г. проникнуть в район индо-афганской границы еще раз доказал немцам, что правительство Хашим-хана стремится сохранить с Англией добрососедские отношения. 3 июня резидент абвера, получив от афганских властей разрешение на поездку в г. Вардак, выехал из Кабула. Но вместо Вардака поехал на юг в г. Газни.

В это время года в Южный Афганистан из Индии перекочевывало со своими стадами скота более 2 млн восточных пуштунов. Д. Витцель надеялся, что ему удастся установить контакт с маликами некоторых кочевых племен. Но доехать до зоны пуштунских племен афганские власти ему не дали. Разгневанный Хашим-хан, минуя Г. Пильгера, потребовал от К. Расмуса, чтобы он приказал Д. Витцелю срочно вернуться в Кабул. Немецкое посольство было вынуждено подчиниться требованию афганского премьера. 10 июня Д. Витцель прибыл в Кабул. После его возвращения министерство иностранных дел Афганистана уведомило Г. Пильгера, что до конца Второй мировой войны ни одному члену немецкой миссии не будет разрешено выехать за пределы Кабула{39}.

Летом 1942 г., когда вермахт вел успешное наступление на Восточном фронте и вышел к Кавказу, среди афганских политиков нашлось много «доброжелателей» Германии. Их помощь позволила германскому посольству прорвать «афганскую блокаду» и вновь наладить связь с Факиром из Ипи, который немедля получил крупную денежную сумму{40}.

На эти деньги лидер вазиров не только продолжил осаду форта Датта-хель, но и осуществил нападения на другие британские укрепления по индо-афганской границе. В конце июля горцы в Вазиристане захватили и разрушили 2 британских укрепленных пункта и мост, построенный англичанами вблизи границы с Афганистаном{41}.

Сравнивая с землей новые британские форты и посты по «линии Дюранда», Факир стремился помешать Англии перерезать пути из Северного Вазиристана в Афганистан для блокады района восстания вазиров. Его действия поддержали приграничные пуштунские племена по обе стороны границы, и большое число афганских подданных влилось в ряды восставших.

В виде контрмеры британское командование приняло решение разбомбить горный кишлак Датта-хель, где находились главные силы Факира из Ипи. Однако это только еще больше ухудшило обстановку в полосе «независимых» племен: 30 июля 1942 г. 60 английских самолетов по ошибке штурмана сбросили бомбы на афганские горные селения Варжала и Наризай близ Хоста. В результате бомбежки 20 домов и мечеть (!) были полностью разрушены. Имелись многочисленные жертвы среди мирного населения{42}.

По сведениям советской разведки, к Факиру из Ипи съехалось около 40 тыс. патанов, которые потребовали немедленно начать восстание против Англии{43}. Все ждали призыва Факира из Ипи о начале джихада, но он лишь пообещал съехавшимся в Вазиристан патанам, что решение о начале боевых действий должна принять джирга{44}. Вероятнее всего, лидер вазиров не хотел начинать восстание приграничных племен, не получив одобрения Кабула. Факир всегда оставался лояльным к афганскому правительству, которое помогало ему и деньгами, и вооружением. Его верность не раз позволяла правящей династии Яхья-хель предотвращать всеобщий мятеж приграничных пуштунских племен. Так произошло и на этот раз.

После инцидента в Хосте Факир также направил своих представителей в Кабул с целью добиться от афганского правительства поддержки вооружением против англичан. Приехавших в афганскую столицу вазиров принял сам король Захир-шах. Им всем были преподнесены ценные подарки, но в помощи отказано. Поэтому Факир из Ипи не рискнул начать всеобщее восстание восточных пуштунов.

Германия и Италия попытались использовать инцидент в Хосте для того, чтобы вызвать мятеж приграничных пуштунских племен. Уже 1 августа 1942 г. итальянская радиостанция «Гималаи» стала транслировать на Афганистан и Индию передачи, в которых призывала пуштунов поднять восстание против Англии. Радиопередачи на фарси также ежедневно передавались из Берлина.

Предусмотрительные немцы еще до войны продали в Афганистан большое количество радиоприемников, произведенных в Германии. В итоге в 1942 г. в Кабуле прекрасно принимались радиопередачи из Берлина, Рима и Токио, но гораздо хуже прослушивались радиотрансляции из Москвы и Лондона. Берлинская станция, несмотря на дальность, своими передачами глушила «Московское радио». Даже радиовещание из Баку забивалась германскими станциями. В связи с этим в одном из докладов советского посольства о немецкой радиопропаганде говорилось: «Сплошь и рядом (на Афганистан. – Ю. Т.) одновременно передают на одной волне три станции – Москва, Лондон и Берлин (так в документе. – Ю.Т.), причем берлинская передача забивает остальные по силе звука и отчетливости»{45}. Чтобы качественно транслировать свои передачи на Кабул, «Радио Москвы» было вынуждено сменить волну, но благодаря этому немецкие передачи стали еще лучше приниматься в Афганистане. Таким образом, в схватке в радиоэфире Германия смогла добиться временного успеха.

Созданная С.Ч. Босом в Германии организация «Свободная Индия», имевшая в своем распоряжении 2 радиостанции, также активно вела антибританскую пропаганду. Один из этих передатчиков выходил в эфир как радиостанция «Вазиристан», которая призывала пуштунов освободиться от «британского ярма» и выполнить свой религиозный долг перед единоверцами на Ближнем Востоке, которых Англия – «враг ислама» жестоко угнетает.

Радиостанция «Гималаи» также пыталась играть на религиозных чувствах мусульман Северо-Западной Индии. 22 августа 1942 г. Великий муфтий Иерусалима, сотрудничавший в годы Второй мировой войны с фашистскими государствами, выступил по итальянскому радио с речью, в которой призвал всех мусульман поддержать Факира из Ипи и начать «священную войну» против Англии. Не ограничиваясь призывами к джихаду, германская и итальянская радиостанции в своих передачах обещали горцам СЗПП, что, когда немецкие войска «освободят» Индию, все плодородные земли Правобережья Инда будут переданы патанам.

В. Кепплер в октябре 1942 г. в своей докладной записке И. Риббентропу четко сформулировал главную задачу радиовещания Германии на Северную Индию: «Особое внимание наша пропаганда уделяет распространению вооруженного мятежа (пуштунов. – Ю. Т.) в Северо-Западной Пограничной провинции»{46}. Далее в этом же документе статс-секретарь с удовлетворением отмечал, что в результате антибританской пропаганды в Вазиристане уже начинается крупное восстание против Англии.

Страны оси не ограничились только радиопропагандой: передатчики, вещавшие из Европы на Афганистан и Индию, передавали также и шифрованные сообщения для фашистских агентов. Хотя обратной связи из «независимой» полосы Британской Индии «Организации Мацотты» наладить не удалось, шифровки из Берлина могли координировать деятельность «пятой колонны» в этой стране.

В июле-августе 1942 г. деятельность германской и итальянской разведок в Афганистане и Индии достигла своего пика. Успехи фашистских войск на Кавказе и под Сталинградом заставили многих поверить в победу Германии в этой войне. В связи с этим у К. Расмуса и П. Кварони появилось много новых агентов в афганских правящих кругах и даже среди дипломатов некоторых восточных государств.

Особенно ценной для немецкой разведки была помощь турецкого посольства в Кабуле. Прогермански настроенный советник турецкой миссии Бач и некоторые турецкие преподаватели помогли немцам связаться с антисоветскими организациями туркменских, узбекских и таджикских националистов. Часть этих организаций имела свои филиалы в Индии, где их в 20—30-е гг. приютили британские власти. Ради помощи в реанимации

басмаческого движения и свержения Советской власти в Туркестане эмигранты из Среднеазиатских советских республик согласились помогать германской разведке и в Северо-Западной Индии. Так, организация «Энджумен Бухари», штаб-квартира которой находилась в Дели, активно сотрудничала с немцами.

С помощью членов этих эмигрантских организаций германское посольство получало информацию о ситуации в Индии и переправляло деньги для «Организации Мацотты»{47}. Через Турцию и Иран К. Расмус получил деньги и рации для фашистской агентуры в полосе «независимых» пуштунских племен.

К августу 1942 г. К. Расмусу удалось обменять на рупии и афгани большую часть иностранной валюты, имевшейся в германском посольстве. Через курьеров абвера он получил из Германии и крупную сумму американских долларов, в которых так нуждался для закупки вооружения Факир из Ипи. С помощью одного из итальянских агентов немцам удалось организовать в Кабуле подделку чеков индийских банков. Полученные таким образом деньги шли на финансирование деятельности «Организации Мацотты».

У германской разведки были и свои счета в банках Британской Индии, так как перед началом Второй мировой войны германские спецслужбы провели в этой стране крупномасштабные операции по обмену фальшивых бумажных фунтов стерлингов. По этому поводу 5 августа 1942 г. первый секретарь британской миссии в Кабуле В. Коннор-Грин, который являлся офицером английской разведки, сообщил послу К. Михайлову, что до войны немцы наводнили Индию большим количеством фальшивых фунтов стерлингов{48}.

Возможно, руководство фашистской Германии только летом 1942 г. приняло решение передать К. Расмусу тайные вклады в индийских банках, так как было уверено в скором начале наступления на Индию. В любом случае, у немецкой разведки в Афганистане имелись валютные средства для того, чтобы организовать серию диверсий против британских войск на северо-западной границе Британской Индии.

Летом 1941 г. обстоятельства складывались для Германии крайне благоприятно, чтобы начать подрывные акций в зоне пуштунских племен и по всей Индии. Еще не был урегулирован конфликт в Хосте и племена Вазиристана готовились начать восстание, когда 9 августа 1942 г. английские власти арестовали Махатму Ганди и других лидеров ИНК. В знак протеста по всей Индии начались антибританские выступления. Джавахарлал Неру вспоминал об этих событиях: «В городах и сельских местностях собирались толпы народа, происходили столкновения с полицией и войсками. Толпы совершали нападения особенно на те объекты, которые казались им символом английского господства и власти, – отделения полиции, почтовые конторы и железнодорожные станции, они перерезали телеграфные и телефонные провода»{49}. В Индии началась так называемая августовская революция 1942 г.

Руководство абвера решило использовать стихийные выступления индийцев в своих интересах и немедленно приступило к проведению диверсий в Индии. 13 августа 1942 г. генерал-лейтенант абвера Путц послал в германское посольство в Кабуле телеграмму: «Пришло время для диверсий на оборонных объектах в Индии. Прошу сообщить о планах и возможностях»{50}.

Британское правительство предвидело реакцию германской разведки на события в Индии. Чтобы нейтрализовать деятельность германской и итальянской разведок в полосе «независимых» пуштунских племен, англичане заставили Хашим-хана возобновить аресты фашистских агентов в Афганистане.

Осенью 1942 г. на индо-афганской границе сложилась столь опасная для Великобритании обстановка, что британские власти в Индии готовились к самому худшему. В Кабул прибывали многочисленные делегации от пуштунских племен «независимой» полосы Британской Индии, которые заявили афганскому правительству о своей готовности поднять восстание против Англии.

Особенно активно добивались от Хашим-хана помощи против англичан вазиры и моманды. Из 150 представителей патанов, прибывших в афганскую столицу в сентябре 1942 г., треть

были вазирами{51}. Они просили Хашим-хана оказать им помощь оружием и боеприпасами, но им было отказано. Афганский премьер-министр лишь пообещал вазирам, что попытается добиться от англичан на время прекратить карательные операции в Вазиристане.

В ходе переговоров с вождями момандов Хашим-хан также отверг все их просьбы о помощи. А один из наиболее антибритански настроенных моманских маликов Мурам Падшах был даже отравлен, вероятнее всего, по тайному приказу главы афганского правительства{52}. Хашим– хан устранил Мурам Падшаха, так как в Кабул из Индии поступила информация о двух немецких оружейниках, при содействии которых момандам якобы удалось наладить выпуск новейших английских винтовок. Мурад Падшах, находясь в афганской столице, подтвердил, что в его владениях стали изготовлять многозарядные винтовки, и тем самым подписал себе смертный приговор{53}.

Чтобы воспользоваться благоприятной для Германии ситуацией в зоне пуштунских племен, руководство абвера и Министерства иностранных дел попытались использовать пребывание Бхагат Рама в Кабуле, куда он приехал 27 августа 1942 г. для подготовки высадки десантов в районы северо-западной границы Британской Индии. 10 сентября 1942 г. Путц приказал Д. Витцелю подготовить посадочные площадки для высадки «Индийского легиона», сформированного в Германии организацией «Свободная Индия».

Создавав из военнопленных индийцев это воинское формирование численностью более 3 тыс. человек, С.Ч. Бос хотел использовать его в момент наступления вермахта на Индию. Осенью 1942 г. немцы предложили ему план десантирования «Индийского легиона» в Вазиристан. Предполагалось, что 3 тыс. хорошо обученных и вооруженных солдат помогут Факиру из Ипи нанести мощные удары по британским войскам. С.Ч. Бос согласился с этим планом, который в абвере по-прежнему называли операцией «Тигр»{54}.

Выброску десанта в полосу «независимых» пуштунских племен Британской Индии немецкое командование планировало осуществить сразу же после захвата Баку. Вероятнее всего, в начале операции «Тигр» предполагалось забросить к Факиру из Ипи передовой отряд, сформированный из мусульман из «Индийского легиона», прошедших специальную подготовку в разведшколе под Франкфуртом-на-Одере. С января 1942 г. там прошли курс обучения около 100 индийцев. Учитывая, что этим диверсантам предстояло действовать в горах, их обучали не только работе с рацией и подрывному делу, но и технике альпинизма и верховой езде{55}. Высадившись в Вазиристане, они должны были обеспечить охрану посадочных площадок для приема основных сил. После успешной высадки авангарда в Вазиристан планировалось перебросить по воздуху и остальную часть «Индийского легиона».

В германской миссии в Кабуле считали, что «Организация Мацотты» уже давно готова обеспечить высадку немецких десантов в полосе «независимых» пуштунских племен. Но Бхагат Рам настаивал на десантировании «Индийского легиона» не в Вазиристане, а в Баджауре, где якобы его люди могли обеспечить успех операции «Тигр». Англичанам было легче ликвидировать немецкий десант в мирном Баджауре, чем в охваченном антибританским восстанием Вазиристане. По этой причине Бхагат Рам категорически возражал против высадки немецкого десанта в Вазиристане. Ему удалось убедить Расмуса и Витцеля изменить план операции «Тигр».

10 сентября 1942 г. Г. Пильгер сразу же после получения шифровки от Путца известил Берлин о полной готовности германской агентуры в Баджауре встретить парашютистов. В этой же телеграмме германский посланник сообщил координаты 3-х посадочных площадок близ Разакая, Свалыкалы и Алингара. Далее Г. Пильгер уведомил руководство абвера об условных сигналах, которыми члены «Организации Мацотты» должны были наводить немецкие самолеты на цель{56}. 16 сентября В. Кепплер дал свое согласие на высадку германских агентов в Баджауре, а не в Вазиристане{57}.

Приняв решение изменить район десантирования «Индийского легиона», Берлин не отказался от мысли создать воздушный мост Кавказ – Вазиристан. На Кавказе даже была установлена специальная радиостанция, которая должна была разработать маршруты

полетов немецких самолетов. Осенью 1942 г. немцам удалось сбросить на парашютах Факиру из Ипи первые партии вооружения{58}. Из-за этого британские войска в боях за форт Датта-хель понесли тяжелые потери. Англичане в сентябре 1942 г. деблокировали этот форт, но при этом потеряли 7 легких танков и 3 самолета{59}.

Абвер планировал спровоцировать мятежи не только в Вазиристане и прилегающих к нему районах. Так, Бхагат Рам сообщил немцам, что его организация якобы уже давно заключила соглашения о совместных действиях против англичан со многими влиятельными лидерами приграничных пуштунских племен. Так, среди лиц, сотрудничавших с «Организацией Мацотты», Бхагат Рам называл имена таких влиятельных патанов мусульманских богословов, как Факир из Алингара и Пир Хадда{60}. Согласие Факира из Алингара сотрудничать с Германией было особенно ценно для немецкой разведки, так как он имел огромное влияние среди племен Баджаура.

К. Расмус и Д. Витцель дали Бхат Раму перед отъездом в Индию задание сделать все возможное для начала крупного антибританского восстания на индо-афганской границе. С этой целью «Организация Мацотты» должна была:

1. Срочно создать в полосе «независимых» племен крупные вооруженные отряды.
2. Организовать свои опорные пункты во всех административных центрах СЗПП и установить надежную связь между ними.
3. Осуществить диверсии на линиях коммуникаций с целью нарушения снабжения британских войск.
4. Найти средства для срыва военных поставок Советскому Союзу. Немцы вновь приказали Бхагат Раму попытаться взорвать ряд железнодорожных туннелей в Северной Индии {61}.

Резиденту германской разведки в зоне пуштунских племен было поручено также принять следующие меры для приема немецких воздушных десантов:

1. Подготовить посадочную площадку.
2. Сделать запасы авиационного бензина для дозаправки германских самолетов. Количество топлива должно было хватить на 2 полета из Баджаура в Европу.
3. Подготовить надежные укрытия для немецких агентов и доставленного самолетами оружия и боеприпасов.
4. Назначить людей, которые будут встречать германские самолеты.

Даже окружение германских войск под Сталинградом не смогло заставить германскую разведку отказаться от плана наладить по воздуху снабжение вооружением восставших вазиров. Но, не имея аэродромов южнее Баку, обеспечить в крупных масштабах переброску оружия и диверсионных групп в Вазиристан было невозможно. Это прекрасно понимало и руководство абвера, и И. Риббентроп.

14 октября 1942 г. состоялась встреча германского министра иностранных дел с С.Ч. Босом, который попытался убедить министра в необходимости ускорения высадки немецких агентов в полосу «независимых» пуштунских племен. Бывший президент ИНК считал, что, десантировав в район индо-афганской границы разведгруппы абвера, можно было «облегчить связь с Германией, а позднее с помощью малых военных операций сковать британские силы (в Индии. – Ю. Т.)»{62}. В ответ И. Риббентроп заявил, что час для подобных операций наступит после захвата Кавказа, который, по его мнению, должен быть занят вермахтом в ближайшее время.

Когда приготовления Германии к высадке крупных десантов в полосу «независимых» пуштунских племен были в самом разгаре, итальянское правительство попыталось тоже принять участие в запланированных немцами операциях. Рим был крайне обеспокоен тем, что Германия, больше не нуждаясь в слабом союзнике, перестала сотрудничать с Италией по вопросам, касающимся Индии.

13 октября 1942 г. советник итальянского министерства иностранных дел Прунас предложил германскому послу в Италии Отто фон Бисмарку (внуку знаменитого канцлера), чтобы во время его визита в Берлин он обсудил «некоторые вопросы нашей политике а Афганистане, Индии и Южной Америке»{63}. И.Риббентроп дал согласие на прибытие итальянского

дипломата в Германию, но вопрос о совместном сотрудничестве с Факиром из Ипи было решено не обсуждать. Деятельность германской разведки в Афганистане также не подлежала обсуждению с Прунасом.

В материалах, подготовленных немцами для переговоров с итальянцем, указывалось: «Все, что делается в Афганистане, как, например, высадка радистов (в полосу „независимых“ пуштунских племен Британской Индии. – Ю. Т.), отправка воинских групп в пограничную область (Индии. – Ю.Т.), связь с Босом через Рахмат-хана, организация саботажа в Северной Индии... находится в секрете от итальянцев»{64}. Поэтому когда 13 ноября 1942 г. Прунас прибыл в Берлин, его переговоры с Э. Вайцзеккером и Э. Верманом закончились безрезультатно.

Ожидая скорого захвата Кавказа, Д. Витцель 14 декабря 1942 г. отправил руководству абвера доклад, в котором подсчитал, сколько необходимо перебросить в Вазиристан оружия и средств, чтобы Факир из Ипи смог вооружить и содержать 50 тыс. воинов. По выкладкам резидента абвера в Кабуле, для этого было необходимо ежемесячно доставлять Факиру 12,5 тыс. патронов, не считая другого вооружения. Кроме оружия и боеприпасов, Д. Витцель просил выделить ему не менее 1 млн рупий, 25 тыс. соверенов и 200 кг золота{65}. Как стало известно советской разведке, немцы во время переговоров в Кабуле с представителем Факира из Ипи обещали также перебросить по воздуху в Вазиристан даже пушки, получив которые лидер вазиров должен был начать атаки на английские форты{66}.

Первый успех Люфтваффе подтолкнул абвер к разработке крупной десантной операции с целью реставрации на кабульском престоле экс-короля Амануллы-хана. 22 января 1943 г. в штабе командования вермахта под председательством генерал-лейтенанта Путца прошло заседание, на котором обсуждался план захвата Кабула осенью 1943 г. Новый вариант операции «Аманулла» предусматривал, что на афганскую столицу будет сброшен крупный десант из 4400 немецких солдат и офицеров. Планировалось, что они смогут захватить важнейшие правительственные центры афганской столицы в течение 8—48 часов. В итоговом документе этого совещания отмечалось, что ее осуществление будет возможным только после утверждения немецкого контроля над западным побережьем Каспийского моря, включая район г. Баку{67}. Тем самым абвер дипломатично указывал нацистскому руководству на невозможность выброски каких-либо крупных десантов в Афганистане.

В любом случае, после появления Амануллы в Афганистане неизбежно восстали бы многие приграничные племена, что резко обострило бы ситуацию на индо-афганской границе. В связи с этим план высадки немецкого десанта на Кабул с целью реставрации Амануллы логично вписывался в осуществление операции «Тигр».

Поражение германских войск на Кавказе и под Сталинградом привело к краху планов Германии завоевать Индию и заставило руководство абвера отказаться от планов высадки крупных десантов в Афганистане и в полосе «независимых» пуштунских племен. По той же причине Люфтваффе не смогло продолжить снабжение вооружением Факира из Ипи по воздуху. Но германская разведка еще долгое время старалась дестабилизировать обстановку на индо-афганской границе, чтобы сковать там британские войска и тем самым помочь японцам захватить Индию.

Летом 1942 г. Япония, готовясь начать наступление на Индию, стала координировать с абвером деятельность своей разведки в зоне пуштунских племен. В сентябре 1942 г. японцы создали 5 разведшкол близ порта Пенанг для подготовки 400 диверсантов из индийских мусульман{68}. Руководил их обучением пуштун, капитан японской армии Дуррани.

Японское командование планировало каждые 3 месяца высаживать с подводных лодок на побережье Белуджистана диверсионную группу из 20 человек, которые должны были проникнуть в полосу «независимых» пуштунских племен и начать там диверсии. Первый отряд японских диверсантов был доставлен в район Мекранского побережья в сентябре 1942 г., но англичане вскоре его обезвредили{69}. После этого провала японцы только весной 1943 г. вновь попытались развернуть подрывные акции в зоне пуштунских племен, но также неудачно.

Германская разведка, которая была уверена в своих крупных успехах в Индии, не могла еще долгое время отказаться от высадки небольшой разведгруппы в полосе «независимых» пуштунских племен. Но афганское правительство, понимая, что Германия войну проиграла, еще более активно стало проводить проанглийскую политику и ликвидировало разведсеть стран оси в Афганистане. После повальных арестов, которые начались в мае 1943 г. в Афганистане, абвер лишился своей последней агентуры в зоне пуштунских племен, и 24 сентября 1943 г. афганское правительство выслало из страны Д. Витцеля и В. Доха.

В столь сложной ситуации руководство абвера продолжало делать ставку на сотрудничество с «Организацией Мацотты». После бегства К. Расмуса в ноябре 1943 г. фашистская разведсеть в Афганистане и Индии оказалась парализованной, и в Берлине решили передать «Организацию Мацотты» японской разведке.

К. Расмус предвидел такое развитие событий и уже в марте 1943 г. стал готовить Бхагат Рама к работе с японцами. Ему были переданы новые шифры для радиосвязи с Германией и явки германской разведки в Индии. Кроме этого, К.Расмус в марте 1943 г. поручил своему резиденту в Индии передать лидеру вазиров 10 тыс. американских долларов, 500 соверенов, 50 тыс. афгани, 5 тыс. индийских рупий и небольшую партию оружия{70}. В июле «человек Мацотты» получил еще 50 тыс. афгани и 250 соверенов{71}.

Эти деньги предназначались для «Организации Мацотты», которая должна была подготовить высадку японских и германских агентов в Белуджистане. Совместная операция германской и японской разведок получила название «Серебряная луна». Однако руководство абвера само отказалось от этой операции.

По той же причине не состоялось прибытие разведгруппы во главе с Д. Витцелем в Баджаур весной 1944 г. Д. Витцель, находясь в Берлине, предложил план установки мощной радиостанции в полосе «независимых» племен для связи между Германией и Бирмой{72}. Но руководство германской разведки не одобрило это предложение, хотя все приготовления для приема немецкого самолета в Баджауре были сделаны. Адмиралу Канарису было ясно, что Германия проиграла войну, и дальнейшая деятельность абвера в зоне пуштунских племен потеряла всякий смысл.

Подводя итоги деятельности разведок стран Оси в зоне пуштунских племен в 1942—1943 гг., необходимо отметить, что поднять всеобщее восстание приграничных пуштунских племен Германии и ее союзникам не удалось, хотя осенью 1942 г. немцы могли добиться этого. Совместными усилиями Великобритания и СССР сорвали этот план абвера. Под давлением Лондона и Москвы афганское правительство не позволило странам Оси превратить территорию Афганистана в плацдарм для подрывной деятельности спецслужб этих государств против Британской Индии. Это помогло Англии и Советскому Союзу предотвратить вооруженный мятеж пуштунов на индо-афганской границе.

Германии все же удалось переправить Факиру из Ипи деньги и небольшие партии оружия. Благодаря этой поддержке вазиры смогли в 1942 г. сковать значительные силы британских войск в Вазиристане. Лишь поражение на Кавказе и под Сталинградом не позволило немцам организовать доставку самолетами вооружения в Вазиристан и осуществить высадку крупных десантов в зоне пуштунских племен. Поэтому в 1942 г., когда по всей северо-западной границе Британской Индии начались стихийные восстания восточных пуштунов, Германия не смогла снабдить их оружием.

Но даже если бы немцам это и удалось, восточные пуштуны не стали бы слепыми исполнителями приказов германского командования. Пример Факира из Ипи показал, что вожди горных племен на индо-афганской границе стремились лишь получить от стран Оси оружие и деньги для борьбы против Англии и вовсе не хотели жертвовать собой и жизнями своих соплеменников ради интересов Германии. Историк А.В. Райков в своей статье о Факире писал, что благодаря помощи Германии и ее союзников лидер вазиров «сумел пережить грозное время без потерь, существенно пополнив свою казну, а также запасы вооружения и боеприпасов» и «не предпринял ничего, что выходило бы за рамки его собственных планов»{73}. Восстание 1944—1945гг., когда приграничные пуштунские

племена без какого-либо содействия стран Оси все же выступили против Кабула и его проанглийской политики, доказало, что восточные пуштуны боролись за свои права и свободу, а не за победу Германии.

Глава 38

Кабул-42: игра на два фронта

Успех подрывных операций абвера в полосе «независимых» пуштунских племен Британской Индии во многом зависел от благожелательного отношения правительства Хашим-хана к деятельности фашистской «пятой колонны» в Афганистане. Группа «молодых» политиков из окружения короля Захир-шаха считала, что победу во Второй мировой войне одержат Германия и ее союзники, поэтому они готовы были сотрудничать с этими странами. Начало войны на Тихом океане и японский блицкриг в Азии еще раз упрочили среди части афганцев уверенность, что СССР и Англия потерпят поражение.

Подобные настроения были настолько ярко выражены в 1942 г. в Кабуле, что многим «друзьям» Германии потом пришлось «каяться» перед советскими дипломатами. Так, 2 декабря 1942 г. министр общественных работ Рахимулла-хан вынужден был признаться послу К. Михайлову: «[Афганцы и он сам] были уверены, что Советский Союз в ходе войны с Германией не только не сможет противостоять германскому оружию и оказать сколько-нибудь серьезное сопротивление немецким войскам, но и быстро и неминуемо подвергнется политическому разложению и распадется. Афганцы ожидали, что каждая советская республика и даже автономная национальная область будут тянуть в свою сторону и постараются выйти из состава СССР. На деле, однако, этого не случилось. Что явилось большой неожиданностью для афганцев»{1}. «Неожиданностью», которая не позволила Афганистану захватить Хиву и Бухару...

Еще большие надежды группировка «молодых» политиков во главе с принцем Дауд-ханом возлагала на Японию, войска которой в начале 1942 г. непреодолимо приближались к Индии. В Кабуле считали, что поражение Англии «может создать условия для присоединения к Афганистану „независимой полосы“ и Белуджистана»{2}. Таким образом, решение «пуштунской проблемы» оставалось одной из главнейших задач внешней политики Афганистана. С этим в афганском правительстве соглашались все, но только «молодые» шли на союз с Германией и ее союзниками, а «старики» все еще выжидали.

В этой ситуации страны Оси решили оказать дипломатический нажим на Захир-шаха и Хашим-хана. В феврале 1942 г. их посольства обратились в министерство иностранных дел Афганистана с заявлением: «Дальнейшее нахождение Афганистана в положении нейтрального государства не устраивает их, и они желали бы, чтобы афганское правительство заняло позицию, которая определила бы более ясно отношение афганцев к странам Оси»{3}. Япония в очередной раз подтвердила обещания своих европейских союзников, что за Афганистаном, если он вступит в войну против Англии, останется вся территория Британской Индии, которую он сможет завоевать{4}. Речь вновь шла о пуштунских землях и выходе к морю, которые в 1941 г. Афганистану обещали фашистские государства в случае их победы во Второй мировой войне.

Колебания в правительственных кругах Афганистана были восприняты Германией как добрый знак. В связи с этим в Берлине решили усилить давление на Хашим-хана, чтобы подтолкнуть его к войне с Великобританией. 23 февраля 1942 г. Г. Пильгер направил в МИД Афганистана антибританскую ноту, в которой утверждалось, что Британская империя потерпит поражение в войне и потеряет Индию. Тем самым немецкий посланник в очередной раз давал понять афганской стороне, что «наступило время, когда нужно пересмотреть свою внешнюю политику, отбросить английскую ориентацию, отказаться от нейтралитета и сотрудничать со странами фашистского блока»{5}.

В начале 1942 г. германский посланник Г. Пильгер вновь заявил афганскому министру иностранных дел Али Мухаммед-хану, что «если бы афганское правительство перешло на сторону стран Оси и начало активную антианглийскую деятельность в полосе патанских племен (так в документе. – Ю. Т.), Германия могла бы в благодарность за это содействовать

Афганистану в деле воссоединения с Афганистаном полосы патанских племен и приобретения порта Карачи, дающего выход в море»{6}. Такое предложение даже осторожный Хашим-хан не мог сразу отвергнуть, и афганское правительство попросило полтора месяца на обдумывание. Несмотря на великий соблазн, Кабул все же ответил странам оси вежливым отказом.

Немцы прямо указали, какого дружественного шага они ждут от афганского правительства: германская миссия обратилась к нему с просьбой «не чинить препятствий работе специального характера, проводимой в Афганистане (германской агентурой. – Ю. Т.)»{7}. По словам П. Кварони, правительство Хашим-хана задолго до этой «просьбы» сообщило миссиям стран Оси в Кабуле, что оно «не будет возражать против действий немцев и итальянцев в Афганистане», но... при условии сохранения правящей династии. Получив заверения афганского правительства, что оно не намерено мешать немецкой миссии, К. Расмус развернул активный сбор информации о ситуации в Индии для подготовки широкомасштабной операции в зоне пуштунских племен.

Когда немецкие войска в 1942 г. начали наступление на Сталинград и Кавказ, в афганском правительстве усилилась группировка Дауд-хана. Советский посол К. Михайлов в одном из своих донесений в Москву писал, что англичане ненавидят Дауда, так как он «является ярым сторонником расширения территории Афганистана, в первую очередь за счет... воссоединения полосы патанских племен с Афганистаном»{8}. Ради достижения этой цели «молодые» были готовы вовлечь Афганистан в войну против Англии.

Понимая, что англичане больше боятся всеобщего восстания приграничных пуштунских племен, чем регулярной афганской армии, Дауд-хан и его окружение стали готовить вооруженный мятеж на индо-афганской границе. Так, в мае 1942 г. близкий к Дауду министр общественных работ Рахимулла-хан заключил с Г. Пильгером соглашение, по которому обещал немцам поднять восстание гильзаев против англичан. Сигналом к началу вооруженного выступления этого племени должно было стать вторжение вермахта в Иран. Германия взяла на себя обязательства поставить восставшим гильзаям необходимое вооружение и боеприпасы. Рахимулла-хан особенно настаивал, чтобы немцы предупредили его заранее о своем наступлении на Индию, так как из-за ограниченных запасов продовольствия гильзаи не могли вести боевые действия более 25 дней{9}.

Благодаря помощи прогерманской группировки немецкое посольство летом 1942 г. стало получать столь нужные абверу разведданные об Индии. Заместитель афганского премьера Наим-хан в июле 1942 г. сообщил Г. Пильгеру и П. Кварони, что афганское правительство готово снабжать страны Оси развединформацией по Индии и Советскому Союзу.

После капитуляции Германии, давая показания в Бутырской тюрьме, Г. Пильгер заявил следователю, что до поражения под Сталинградом афганское правительство снабжало германское посольство информацией о ситуации в Британской Индии. О своих связях в 1942 г. с Наим– ханом немецкий дипломат сообщил: «Однажды при встрече с Наим-ханом он мне заявил, что английская разведка в Афганистане ведет усиленную работу против миссий стран Оси, и предложил мне и остальным сотрудникам немецкой миссии быть осторожными. Тогда же Наим-хан дал согласие систематически информировать меня о всех интересующих вопросах как в отношении англичан, так и в отношении Советского Союза»{10}.

В Берлине и Риме с осторожностью отнеслись к предложению афганского правительства, но японцы с энтузиазмом восприняли известие о готовности Афганистана сотрудничать со странами Оси в области разведки. В Токио считали, что Кабул может поддержать антибританское движение в Индии и помочь Японии наладить авиасвязь с Германией{11}.

Однако афганское правительство соглашалось тайно (!) сотрудничать с Германией, Италией и Японией только в обмене развединформацией. Так, Рахимулла-хан, выполняя просьбу германского посольства, отправил «для обучения строительному делу» в Британскую Индию афганцев-переводчиков, которые раньше работали с германскими специалистами и были завербованы немецкой разведкой{12}. В то же время афганское правительство отправило в Индию начальника промышленного отдела Афганского национального банка Атык-хана,

который, по мнению англичан, занимался шпионажем в пользу Германии{13}.

Даже начальник военной разведки Афганистана Мухаммед Анвар-хан регулярно начал встречаться с К. Расмусом у него дома{14}. Во время этих встреч резидент германской разведки получил информацию о ситуации в Северо-Западной Индии. Так, в одном из документов германской разведки указывалось, что афганское правительство передало ей материалы о борьбе «Мусульманской лиги» во главе с Мухаммадом Али Джинной за создание Пакистана и ситуации в СЗПП{15}.

Особенно ценным для Италии и Германии было сотрудничество с их разведками афганского министра почт и телеграфа Абдул Гусейн-хана, который первый предложил свои услуги странам Оси. Большей удачи для себя спецслужбы фашистских государств не могли даже представить, так как с помощью этого министра можно было наладить бесперебойную связь с Кабулом. Однако в Берлине заподозрили афганского министра в двойной игре. Чтобы избежать возможной ловушки, германское Министерство иностранных дел и абвер устроили проверку Гусейн-хана.

Окончательно сомнения немцев рассеял Г. Сиддик-хан Чархи, который 4 августа 1942 г. был приглашен В. Мельхерсом в МИД Германии. Там Сиддик-хан заявил немецкому дипломату, что Гусейн-хан ранее поддерживал с ним связь и является надежным афганским националистом, хотя и не аманулист. После такой рекомендации Сиддик-хана в Берлине приняли решение пойти на вербовку министра связи, о чем немедленно было сообщено в германские посольства в Риме и Кабуле.

С помощью Гусейн-хана дипломатические миссии Италии и Германии в Афганистане наладили надежную связь с Римом и Берлином. К примеру, когда у итальянского посольства не оказалось средств на оплату телеграмм, П. Кварони было разрешено пользоваться услугами афганского телеграфа в долг.

Таким образом, в 1942 г. успехи вермахта на Кавказе и под Сталинградом привели к сильному крену в проанглийской политике Хашим-хана. В Кабуле росло число политиков, готовых примкнуть к странам Оси.

В августе 1942 г. ситуация в афганской столице накалилась до предела: по городу ходили упорные слухи о предстоящем государственном перевороте, который якобы готовил Дауд-хан. Лето и осень 1942 г. британское и советское посольства пребывали в тревожном ожидании этого события, которое могло произойти в любой момент.

После отстранения Муссолини от власти и объявления Италией войны Германии британское и советское посольства в Кабуле получили в свое распоряжение ценнейший источник информации о деятельности стран Оси в Афганистане: посланник П. Кварони, подчиняясь приказу правительства Бадольо, раскрыл представителям антигитлеровской коалиции в Кабуле много ранее секретных сведений. Так, итальянец подтвердил тот факт, что в 1942 г. в Афганистане назревал военный заговор против правительства Хашим-хана. П. Кварони рассказал следующее: «Он (представитель Дауда. – Ю. Т.) предложил войти с немецкой и итальянской миссиями в такой контакт... что если немцы займут Кавказ и окажутся в Иране, у границ Афганистана, то можно будет сделать правительственный переворот. Предлагалось убрать Хашим-хана и других проанглийски настроенных лиц, создать новое правительство, которое будет содействовать немцам и итальянцам в их движении на Индию. Дауд-хан соглашался при условии, если будет дана гарантия о сохранении в Афганистане существующей династии»{16}. Берлин и Рим отказались брать на себя подобные обязательства, в результате чего заговорщики больше не обсуждали с П. Кварони и Г. Пильгером своих планов.

Германия и Италия отказались гарантировать Дауд-хану сохранность в Афганистане династии Яхья-хель, так как хотели вернуть афганский престол Аманулле-хану, с помощью которого, как полагали в Берлине и Риме, им было бы легче организовать антибританский мятеж пуштунских племен на индо-афганской границе. Фашистские правительства прекрасно понимали: после захвата вермахтом Кавказа уже мало что могло помешать германским войскам вторгнуться в Афганистан и достичь границ Индии, поэтому они не

хотели связывать себя какими-либо обязательствами перед династией Яхья-хель. Возможно, продолжая делать ставку на Аманулу и отказавшись пойти навстречу требованиям Дауд-хана, Германия и ее союзники совершили крупную ошибку.

В августе—октябре 1942 г. Дауд-хан и его сторонники не сидели сложа руки. Так, в августе 1942 г. он, как командующий Центрального корпуса, личным приказом повысил в чине 100 офицеров{17}. Действуя таким образом, Дауд-хан понимал, что Хашим-хан не рискнет отменить его решение, чтобы не вызвать недовольство командного состава гарнизона Кабула. Так оно и получилось: афганский премьер-министр утвердил все приказы командующего Центрального корпуса.

Увеличив число своих сторонников в столичном гарнизоне, прогерманская группировка «молодых» политиков приступила к подготовке вооруженного выступления приграничных пуштунских племен против Англии.

Обстановка на юге Афганистана и в полосе «независимых» пуштунских племен Британской Индии стала еще более взрывоопасной после поездки в октябре 1942 г. к приграничным племенам Дауд-хана. Официально было объявлено, что целью его переговоров с представителями приграничных племен является урегулирование инцидента в Хосте и выдача пострадавшим компенсации от афганского правительства{18}. Но Дауд-хан явно не подходил на роль миротворца. Вероятнее всего, он во время своих переговоров с вождями пуштунских племен призвал их к подготовке всеобщего восстания против Великобритании по сигналу из Кабула.

Почувствовав поддержку афганского правительства и зная об успехах японцев в войне с Англией, приграничные пуштунские племена подняли ряд восстаний против англичан. В сентябре-октябре 1942 г. резидент советской разведки М. Аллахвердов в своих донесениях в Москву сообщил, что пуштуны племен «независимой» полосы совместно с пуштунами из Афганистана атаковали г. Пешавар и несколько дней блокировали Хайбарский проход{19}. Вазиры успешно осуществили несколько нападений на британские войска.

Вазиров поддержали баннучи, которые в октябре попытались вновь поднять восстание против Англии. Но британские власти в Индии решительными действиями подавили этот мятеж в самом начале. Чтобы окончательно усмирить баннучей, англичане взяли в заложники 120 старейшин этого племени{20}.

Английское и афганское правительства считали, что все восстания на северо-западной границе Британской Индии, начавшиеся летом 1942 г., – результат подрывной деятельности разведок стран оси. Англичане и Хашим-хан обвиняли итальянцев в том, что они являются главными виновниками этих событий в зоне пуштунских племен. В действительности же без содействия группировки Дауд-хана Германии и ее союзникам многих вооруженных выступлений могло и не быть, но об этом Хашим-хан предпочитал умалчивать.

Английский посланник Ф. Уайли разгадал двойную игру афганского премьера, о чем был вынужден сообщить советскому послу. 24 августа 1942 г. британский дипломат приехал в посольство СССР, чтобы заявить своему коллеге, что «Хашим-хан вместе с афганским правительством, будучи уверенными, что союзники потерпят поражение, могут, спасая свою шкуру, поддаться на немецкую провокацию»{21}. В связи с этой угрозой Ф. Уайли известил советского посла о своем предстоящем визите к главе афганского правительства, чтобы напомнить Хашим-хану о взятых им летом 1941 г. обязательствах. Тогда афганский премьер клятвенно обещал В. Фрэзер-Тайтлеру: «Английское правительство может быть спокойно: до тех пор пока жив Мухаммед Хашим, он не допустит, чтобы немцы проводили какую-либо враждебную деятельность в Афганистане, направленную против англичан»{22}. Ф. Уайли считал необходимым, чтобы Хашим-хан вновь подтвердил свое обещание.

Как показали дальнейшие события, британский посланник в Кабуле излишне драматизировал ситуацию в афганских правительственных кругах. Да, в 1942 г. Хашим-хан оказался перед реальной опасностью отстранения от власти прогерманской группировкой во главе с Дауд-ханом. Старый опытный политик был вынужден вести сложную игру как у себя в стране, так и на дипломатическом фронте. Однако он ясно осознавал, что для сохранения у

власти династии Яхья-хель необходима стабильность в зоне пуштунских племен.

Помогая англичанам сохранить мир в «независимой» полосе, Хашим-хан действовал так, прежде всего, в своих интересах. Он прекрасно знал, что пуштуны считают его английским ставленником и при первом же удобном случае попытаются свергнуть его правительство. Однако, чтобы противодействовать росту влияния прогерманской группировки во главе с Дауд-ханом на приграничные пуштунские племена, он все же был вынужден вновь оказать помощь Факиру из Ипи, который в тот момент выступал за объединение «независимой» полосы с Афганистаном.

Как только в распоряжении миссии Великобритании в Кабуле оказались сведения об этом, британский посланник 26 сентября 1942 г. встретился с афганским премьер-министром один на один. Ф. Уайли попытался добиться от него обещания, что Афганистан при любых обстоятельствах будет проводить дружественную по отношению к Великобритании политику. Но Хашим-хан не стал вновь брать на себя такие обязательства, чем еще более напугал английского дипломата{23}.

Хашим-хан осенью 1942 г. считал, что настал удобный момент, чтобы добиться от Англии согласия на возвращение Афганистану «независимой» полосы пуштунских племен. Поэтому во время миссии С. Криппса в Индию афганское правительство впервые за годы Второй мировой войны письменно потребовало от Лондона возвращения Афганистану ранее отторгнутых территорий. Английское правительство, стремясь сохранить хорошие отношения с Хашим-ханом и обеспечить мир на индо-афганской границе, было вынуждено ответить, что претензии Кабула «на территорию патанов серьезно рассматриваются»{24}. Эти обещания англичан не удовлетворили афганских политиков, которые по данному вопросу выступали единым фронтом.

В Кабуле ради решения «патанской проблемы» попытались даже сыграть на противоречиях среди участников антигитлеровской коалиции. Действительно, в долгосрочной перспективе США, а тем более СССР, не были заинтересованы в сохранении могущественной Британской империи. После окончания войны это обстоятельство неизбежно должно было привести к возникновению разногласий между бывшими союзниками. На нем и решило сыграть афганское правительство.

30 сентября 1942 г. состоялась встреча Хашим-хана с американским посланником в Кабуле Корнелиусом ван Энгертом и корреспондентом «Чикаго дейли ньюс» Стилом. «Интервью» афганского премьера было настолько резким и неожиданным, что американская сторона лишь «в строго секретном порядке» сообщила К. Михайлову о высказываниях главы афганского правительства, который заявил, что «в военную силу англичан в Индии... не верит»{25}. В связи с этим Хашим-хан попросил США поставить в Афганистан вооружение по ленд-лизу. К. Энгерт благожелательно воспринял просьбу премьера, но выдвинул условие – афганское правительство должно согласиться на «переброску союзных вооружений в СССР» по маршруту Чаман – Кандагар – Герат – Кушка. США планировали доставлять через Афганистан в СССР по 2,5—7,5 тыс. т грузов в месяц.

Смело можно предположить, что американские представители сообщили советской стороне не всю информацию о переговорах с афганцами. Кроме этого, трудно представить, чтобы Хашим-хан осенью 1942 г. не попытался выторговать от США каких-либо уступок по «патанской проблеме».

Хашим-хан попытался заручиться поддержкой и Советского Союза, чтобы обеспечит выгодное Афганистану решение территориального спора с Великобританией. 19 октября 1942 г. доверенное лицо Хашим-хана начальник политического отдела МИДа М. Наджибулла заявил послу К.М. Михайлову: «[Афганское правительство] считает настоящий момент благоприятным для оказания давления на англичан с целью пересмотра действующих афгано-английских договоров, согласно которым определяется нынешняя индо-афганская граница с тем, чтобы перенести эту границу подальше в Индию и воссоединить с Афганистаном территорию Кашмира, Северо-Западной провинции и Белуджистана, населенную патанами и отторгнутую в свое время англичанами от

Афганистана. Одновременно афганское правительство считает, что Англия должна в связи с этим предоставить Афганистану выход к морю»{26}.

Все афганские аргументы, особенно те, в которых звучала замаскированная угроза Англии, сводились к следующему: «Коль скоро англичане собираются отдать индийцам Индию, они должны отдать Афганистану то, что ему принадлежит по праву. Если в Индии будет создано независимое государство, то этому государству не к чему владеть чужой афганской территорией»{27}. В ходе беседы М. Наджибулла сообщил, что к Афганистану должны отойти не только СЗПП, Белуджистан и Кашмир, но и территории Свата, Дира, Баджаура. По афганским данным, там проживало до 7 млн патанов.

В своей докладной записке В.М. Молотову К.М. Михайлов охарактеризовал требования Афганистана как прогрессивные, но рекомендовал Москве в сложной военной и международной обстановке соблюдать в этом вопросе крайнюю осторожность. Советский дипломат также предсказал, что Великобритания не уступит Афганистану северо-западных районов Индии. Одним словом, К. Михайлов логично рекомендовал своему руководству не вмешиваться до окончания Второй мировой войны в англо-афганский территориальный спор.

Американцы также пришли к выводу, что не нужно из-за Афганистана осложнять отношения с Великобританией. В октябре 1942 г. главнокомандующий английскими вооруженными силами в Индии Арчибальд Уэйвелл (с 1943 г. – вице-король Индии) категорически отклонил американский план доставки грузов по ленд-лизу в СССР через Афганистан. Военному атташе США в Кабуле майору Г. Эндерсу «объяснили», что не только ввод 5 американских дивизий в Афганистан, но «даже... ввоз большого количества вооружения может привести к восстанию афганских племен и вызовет необходимость концентрации значительного количества войск на индо-афганской границе, что является... для англичан нежелательным»{28}. Несмотря на то что американские военные в Вашингтоне продолжали настаивать на своем плане, он так и не был реализован. Кроме Великобритании, его отверг и СССР, чтобы невольно не дестабилизировать обстановку в Афганистане.

Американские доводы о том, что после прорыва вермахта в Иран «настроенные враждебно к Кабулу афганцы-патаны, живущие в Индии, могут произвести большие беспорядки в Афганистане», в Лондоне и Москве приняты не были{29}. Таким образом, осенью 1942 г. пуштуны второй раз предотвратили повторение в Афганистане «иранского варианта», хотя большое количество войск США было уже сосредоточено в г. Пешаваре...

Попытки Хашим-хана дипломатическим путем добиться от Великобритании согласия на присоединение северо– западных районов Британской Индии обеспокоили только английские власти в Индии. В Лондоне же их расценили как добрый знак того, что Хашим-хан продолжал придерживаться проанглийского курса.

Страны Оси своей ставкой на реставрацию власти Амануллы-хана постоянно доказывали династии Яхья-хель, кто ее враги, а кто союзники. Уже весной 1942 г. германское посольство оказалось замешанным в заговоре против Захир-шаха. Но афганские власти с помощью англичан арестовали немецкого агента Хабиб-джана, который готовил покушение на афганского короля{30}. Заговор провалился.

Однако этот инцидент был предвестником более грозных событий в Афганистане. В конце августа в Кабуле начались массовые аресты аманулистов, которые с разной интенсивностью продолжались несколько месяцев. Видимо, афганская тайная полиция раскрыла очередной заговор против правящей династии. Только в сентябре около 100 аманулистов были брошены в афганские тюрьмы, где их сразу же подвергли пыткам. На допросах наиболее высокопоставленных заговорщиков присутствовал лично король Захир-шах. Часть аманулистов была выслана в Индию, что свидетельствовало об их связи с миссиями стран Оси в Кабуле.

Сторонники экс-эмира традиционно поддерживали тесные контакты с германским и итальянским посольствами, которые, кроме этого, активно подстрекали приграничные пуштунские племена к мятежу. Британские власти в Индии, к которым потоком шла

информация о фашистских интригах в Афганистане и «независимой» полосе, решили воспользоваться удобным моментом, чтобы добиться от афганского правительства закрытия дипломатических миссий стран Оси.

В ноябре 1942 г. Ф. Уайли, выполняя указания секретаря по иностранным делам Индии Олафа Кэроу, дважды ставил этот вопрос перед афганцами, но каждый раз получал категорический отказ. Британский посланник в Кабуле с сожалением был вынужден констатировать, что «следовало бы ликвидировать дипломатические миссии стран Оси в октябре прошлого года, когда из Афганистана выдворялись неофициальные фашистские разведчики (так в документе. – Ю. Т.)»{31}. Теперь же, по его мнению, данный шаг мог «привести к обострению политической обстановки в Афганистане и падению правительства Мухаммеда Хашим-хана»{32}. На такой риск Великобритания пойти не могла, и посольства Германии и ее союзников остались в Кабуле, хотя против этих дипломатических представительств разведками Англии и СССР был собран обширный компромат.

Разумная осторожность стран антигитлеровской коалиции в Афганистане в 1942 г. и негибкая политика Германии, не желавшей даже для вида отказаться от планов свержения династии Яхья-хель и делавшей ставку на Аманулла, позволили Хашим-хану удержать группировку Дауд-хана от запланированного военного переворота и открытых антибританских акций. После Сталинграда всем афганским политикам стало ясно, старый и больной премьер оказался прав: количество «друзей» Германии резко сократилось. Внутриполитическая обстановка в Афганистане стабилизировалась.

В 1942—1943 гг. поражения стран Оси на всех театрах боевых действий укрепили позиции Великобритании в переговорах с Афганистаном о судьбе пуштунских земель Британской Индии. Англии необходимо было окончательно прояснить этот вопрос, чтобы правительство Хашим-хана, особенно группировка Дауд-хана, не питали никаких иллюзий. В связи с этим 6 апреля 1943 г. Кабул в качестве частного лица посетил секретарь по иностранным делам правительства Индии О. Кэроу, он сообщил Хашим-хану об отказе Лондона удовлетворить афганские территориальные претензии. Наджибулла после визита английского дипломата сообщил К.М. Михайлову, что в данное время «решение этого вопроса исключено»{33}.

Попытки Афганистана вынудить Великобританию передать ему районы правобережья Инда закончились безрезультатно. Однако странам Оси тревожный 1942 г. позволил, спекулируя на «патанской проблеме», добиться наивысшего влияния в Афганистане за весь период Второй мировой войны.

Глава 39

Несостоявшийся поход на Бухару

Главной целью Германии и ее союзников в Афганистане было превращение этой страны в плацдарм подрывных акций не только против Индии, но и против советских Среднеазиатских республик. Самоуверенность Гитлера, верившего в успех блицкрига, роковым образом сказалась на деятельности абвера в Северном Афганистане: вплоть до начала 1942 г. Берлин не отдавал приказа на создание агентурной сети в этом районе. В итоге немцами была упущена возможность использовать басмачество против СССР.

Фашистская Италия, в свою очередь, наотрез отказывалась осуществлять какую-нибудь шпионско-диверсионную деятельность против советского Туркестана. Ее спецслужбы были заинтересованы, в первую очередь, в ослаблении военного потенциала Британской империи, поэтому они так старались спровоцировать вооруженный мятеж в зоне пуштунских племен.

Милитаристская Япония, наоборот, в течение многих лет стремилась взорвать мир на южных рубежах СССР, но еще до начала Великой Отечественной войны получила достойный отпор от советской разведки. В результате, несмотря на широкие связи японцев среди среднеазиатских эмигрантов, спецслужбы Страны восходящего солнца оказались младшим партнером германской разведки в Афганистане. А абвер не спешил создавать немецкую «пятую колонну» на севере этой страны, хотя для этого у него были все условия.

После установления Советской власти в Средней Азии вдоль советско-афганской границы возник так называемый «басмаческий пояс», в котором проживало несколько сот тысяч

среднеазиатских эмигрантов, многие в прошлом активно боролись против большевиков и были готовы при первом удобном случае вновь взяться за оружие.

К моменту заключения между Германией и Японией в 1936 г. Антикоминтерновского пакта лидерам басмачества в Северном Афганистане удалось сохранить свои вооруженные фор В каждом приграничном селении в афганском Туркестане руководителям басмаческого движения и их приближенным афганское правительство выделило участки земли. В результате этого к моменту нападения фашистской Германии на Советский Союз всего вблизи от советско– афганской границы проживало несколько десятков тысяч вооруженных басмачей: в кишлаках к западу от Герата осели сторонники Джунаид-хана; населенные пункты Карамкуль, Алты-Булак, Доулетобад, Андхой, Курган превратились в центры туркменской эмиграции; в районе Файзадаба, Шугнана, Баглана и Бадахшана расселились таджикские, узбекские, киргизские и казахские эмигранты.

В одном из докладов советского консульства в Мазари– Шарифе в Москву сообщалось о тревожной ситуации на советско-афганской границе: «Так или иначе, но банды (басмачей. – Ю. Т.), действовавшие... на советской территории, сохранили и свою организацию, вооружение, руководителей и находятся на прежних своих базах. При желании банды могут быть через 3—4 дня переброшены на советскую территорию»{1}.

Туркменское басмачество было самым многочисленным, наиболее хорошо вооруженным и самым воинственным. В августе 1939 г. советское посольство в Кабуле направило в НКИД доклад о басмачестве в Северном Афганистане, в котором говорилось: «Туркменская эмиграция на границе представляет особо внушительную силу, которая может быть использована нашими антагонистами для диверсий и налетов на прилегающие к Афганистану приграничные округа Туркменской ССР. По скромным подсчетам, вся туркменская эмиграция может выставить в месячный срок не менее 5 тыс. бойцов на лошадях, вооруженных разнокалиберным оружием...»{2} И хотя в результате мер, принятых Москвой и Кабулом, налеты крупных басмаческих банд на советскую территорию к середине 30-х годов прекратились, существование «басмаческого пояса» в Северном Афганистане создавало напряженную обстановку на южных рубежах СССР.

Если противники Великобритании традиционно стремились спровоцировать восстание в Индии, то все враждебно настроенные к СССР страны накануне и в годы Второй мировой войны пытались использовать военный потенциал басмачества против Советского Союза.

Первой в этом преуспела Великобритания, а с середины 30-х гг. натравливанием басмачей на СССР занялась Япония. Сразу же после установления дипломатических отношений между Токио и Кабулом в 1935 г. японская сторона предложила правительству Хашим-хана заключить секретное соглашение, по которому афганские власти брали на себя обязательство не мешать японской разведке проводить шпионско-диверсионную работу среди басмачества против Советского Союза.

Хотя Кабул и отклонил это предложение, Япония все же попыталась создать вдоль советско-афганской границы свою разведсеть. В октябре 1935 г. японский посланник Китада совершил поездку по районам Северного Афганистана, чтобы установить прямые контакты с лидерами басмачества и привлечь их к сотрудничеству с Японией.

Дипломатическая миссия этой страны в Кабуле провела перед поездкой Китады большую подготовительную работу среди проживающих в афганской столице влиятельных среднеазиатских эмигрантов. Поэтому смело можно предположить, что японский посланник, выезжая в Мазари– Шариф, уже знал, когда, где и с кем пройдут его переговоры. В течение месяца Китада и военный атташе Асикачи «путешествовали» по Афганистану. Судя по всему, переговоры Китады с руководителями басмачества прошли вполне успешно.

Афганское правительство, опасаясь обострения отношений с СССР, вынуждено было принять срочные меры в афганском Туркестане. Так, в одном из своих донесений в Москву советский посол в Кабуле Б. Сквирский назвал «чисткой приграничной полосы» попытку в 1935—1936 гг. разоружить часть эмигрантов из Средней Азии и выселить их в южные районы Афганистана. Однако таджики, узбеки и туркмены отказались покинуть обжитые

места и сдать оружие, а афганские власти, не желая обострения обстановки, не стали на этом настаивать{3}.

После заключения Антикоминтерновского пакта и подписания соглашения о сотрудничестве между разведками Японии и Германии дипломатические представительства этих стран в Кабуле попытались наладить между собой сотрудничество, составной частью которого была разведывательная деятельность среди басмачества как в Северном Афганистане, так и в китайской провинции Синьцзян. Япония стремилась объединить силы афганского басмачества с враждебным СССР пантюркистским движением в Синьцзяне, провозгласившим своей целью создание единого Туркестана. Пантюркисты при иностранной помощи планировали подготовить поход на Фергану для «освобождения мусульман от большевистского ига»{4}.

Желая оказать содействие своему союзнику, фашистская Германия в 1936 г. тайно переправила через Афганистан синьцзянским пантюркистам партию оружия. Контроль за этой операцией осуществлял лично германский посланник в Кабуле Курт Цимке. Благодаря успешной работе разведки СССР об этом стало известно советскому правительству, которое, имея в своем распоряжении необходимые доказательства, заявило резкий протест Германии. Разразился дипломатический скандал, после чего в Берлине благоразумно решили отозвать К. Цимке из Афганистана. Германской разведке был дан такой суровый урок, что только в 1942 г. абвер вновь рискнул начать широкомасштабную подрывную работу среди басмачества.

Провал германской разведки в Афганистане не испугал японцев, которые с еще большей энергией продолжали создавать свою разведсеть в Северном Афганистане. Начав в 1937 г. войну против Китая, Япония стремилась «отомстить» Москве за военную помощь этой стране. Кроме этого, готовясь к будущему вооруженному столкновению с СССР, в Токио также стремились спровоцировать налеты банд басмачей на советскую территорию.

Для достижения этой цели японская миссия в Кабуле не жалела сил и средств. Посланник Китада летом 1937 г. попытался даже привлечь к сотрудничеству против СССР турецкого посла Эсендаля. Японец предложил турецкому дипломату развернуть на японские деньги пантюркистскую работу в Афганистане. Возмущенный наглостью японского посла Эсендаль не только отверг это предложение, но и сообщил о нем советскому полпреду Б. Сквирскому. Тогда Китада попытался опорочить турецкого посла перед афганским правительством, чтобы то отказало ему в аккредитации. В разгоревшемся конфликте победил Эсендаль, который пользовался большим влиянием и уважением как в Кабуле, так и в Анкаре. Он был в дружеских отношениях с самим Хашим-ханом...

Турецкий дипломат не только сохранил свой пост, но и начал активно противодействовать японским интригам в Афганистане. Разгневанный Эсендаль стал перехватывать переписку между японской миссией и лидерами басмачества. Вскоре он узнал, что японская разведка создала в Турции из среднеазиатских эмигрантов шпионскую сеть, руководящий центр которой находился в г. Дамаске. Турецкий посол тут же сообщил об этом в Анкару и добился от своего правительства принятия решительных мер для пресечения деятельности японской шпионской организации. Кроме этого, Эсендаль сообщил Б. Сквирскому о вербовке японцами узбекских басмачей, которые концентрировались близ г. Ханабада, где, вероятнее всего, японская разведка создала для своих агентов перевалочный пункт. Еще ранее из турецкого посольства советская сторона также получила сведения о планах Японии в 1937 г. создать шпионскую сеть в советских Среднеазиатских республиках, для чего японцы активно вербовали эмигрантов из Туркестана и отправляли их в Японию для обучения навыкам проведения диверсий{5}.

Информация, переданная Эсендалем, подтверждала сведения советского посольства об активности японской разведки в Северном Афганистане. Поэтому осенью 1937 г., имея неопровержимые доказательства подрывной деятельности против СССР японского военного атташе Асикачи, советское посольство вручило афганскому правительству ноту протеста и потребовало высылки японского разведчика из страны. Афганское руководство так и

сделало.

Однако и в этой ситуации японская миссия с самурайским упорством стремилась продолжать разведывательную деятельность на советско-афганской границе. Даже свой отъезд Асикачи попытался использовать для подрывной работы среди басмачества. Так, 28 сентября 1937 г., получив визу на отъезд, японец, как сообщил в НКИД поверенный в делах СССР в Афганистане И.Сычев, попытался, несмотря на все запреты афганских властей, выехать из Афганистана в Индию по маршруту Мазари-Шариф – Меймене – Герат – Кандагар. Афганское правительство было вынуждено вернуть его в Кабул, а затем кратчайшим путем выслать в Индию{6}. Вместе с ним из Афганистана были высланы еще несколько японских разведчиков, что значительно ограничило возможности японской разведки в Афганистане.

Казалось бы, что, столь серьезно оскандалившись, японская миссия временно свернет свою работу среди басмачества, но этого не произошло. Вероятнее всего, Токио дало приказ своему посланнику в Кабуле форсировать подрывную деятельность против СССР. В связи с этим японцы продолжили создание разведсети по обе стороны советско-афганской границы. Самурайская напористость давала определенные результаты: многие лидеры басмачества согласились сотрудничать с Японией.

Самым крупным успехом японской разведки в Афганистане было согласие на сотрудничество с Японией бывшего эмира Бухары Алим-хана. Скандал с высылкой Асикачи еще не утих, а японцы уже в конце 1937 г. попытались начать с бухарским эмиром переговоры. Однако осторожный Алим-хан уклонился от них, заявив, «что он гость афганского правительства и без его разрешения ничего сделать не может»{7}. Получив отказ, японская миссия усилила натиск на эмира и, вероятно, увеличила сумму денег, которые должен был получить тот за свое согласие сотрудничать с Японией. В итоге в 1938 г. Алим-хан стал получать от Японии крупную субсидию. Как он отрабатывал эти деньги, по рассекреченным на настоящее время документам точно сказать нельзя. Скорее всего, бухарский эмир передал японской разведке своих людей в советских Среднеазиатских республиках.

Кроме Алим-хана, японцам также удалось установить контакт и с другими видными лидерами басмачества. К примеру, глава туркменского басмачества Кызыл Аяк за деньги стал выполнять поручения японской разведки. Его примеру последовали главари узбекских басмачей Курширмат и Махмуд-бек. Благодаря содействию лидеров басмачества Японии в короткие сроки удалось наладить сбор развединформации о ситуации в советском Туркестане. Если учесть, что в Японии ускоренно обучались диверсионной работе завербованные среди басмачей агенты, то японская разведка могла рассчитывать на то, что в ближайшем будущем она сможет использовать басмачество против СССР.

Однако этим планам не суждено было сбыться, так как, форсируя работу среди басмачей, японская разведка действовала в Афганистане грубо и неосмотрительно. Из-за желания получить результаты в кратчайшие сроки японцы провалили свою агентуру как в Афганистане, так и в СССР. В связи с этим уже в 1937 г. советская контрразведка раскрыла японскую агентурную сеть в советском Туркестане и планомерно шаг за шагом ликвидировала ее. В руки советских разведчиков попали новые доказательства подрывной антисоветской деятельности японской миссии в Кабуле.

Вероятно, располагая этими данными, Советское правительство готовилось вручить афганскому руководству очередную ноту протеста, но японцы сами ускорили провал своей агентуры. В 1938 г. Китада предпринял попытку завербовать... нового советского посла в Кабуле К. Михайлова. 30 марта 1938 г. японец нанес визит своему советскому коллеге. В ходе этой встречи Кидата, улучив момент, вполголоса сказал К. Михайлову: «Я был бы очень вам благодарен, если бы вы смогли давать нам (японцам) документы о вашей деятельности в Афганистане»{8}.

Так «нагло», по словам одного из британских дипломатов, в афганской столице ранее еще никто из членов дипломатических миссий не действовал. Разразился очередной

дипломатический скандал, вызванный попыткой японского посланника завербовать посла дружественной Афганистану страны. Афганское правительство было вынуждено объявить Китаду персоной нон грата и выдворить из страны.

Одновременно афганские власти усилили контроль за лидерами басмачества, хотя никого из них не арестовали. Оставшись на свободе, басмаческие главари вскоре восстановили связь с японской разведкой.

Обеспокоенное подрывной деятельностью Японии среди басмачества Советское правительство решило договориться с Афганистаном о совместном пресечении любой враждебной СССР деятельности иностранных разведок в Северном Афганистане. Используя заинтересованность Кабула в скорейшем урегулировании пограничного вопроса с Советским Союзом, послу К. Михайлову удалось в 1938 г. заключить с Хашим-ханом устное джентльменское соглашение, согласно которому афганское правительство обязалось не допускать японских граждан, включая посланника Японии (!), в Северный Афганистан. Хашим-хан также гарантировал СССР, что вдоль всей советско-афганской границы будет создана особая зона, в которую въезд для иностранцев, находившихся в Афганистане, будет закрыт. Кроме этого, Советское правительство получило от Кабула заверения, что ни одна из иностранных держав не получит от афганских властей разрешение на открытие в Северном Афганистане своих авиалиний{9}. Достигнутые между Москвой и Кабулом в 1938 г. договоренности сыграли большую роль в срыве планов стран Оси использовать афганскую территорию как плацдарм для подрывной деятельности против СССР.

После крупных провалов 1936—1938 гг. Германия и Япония не оставили надежду на организацию нападения десятов тысяч басмачей на советскую территорию. В связи с этим сразу же после нападения на Советский Союз фашистская разведка в Афганистане с помощью японцев попыталась установить контакт с наиболее влиятельными лидерами басмачества, справедливо полагая, что многие из них охотно согласятся сотрудничать с Германией.

Действительно, агрессию фашистской Германии против Советского Союза басмачество в афганском Туркестане встретило с радостью. Лидеры среднеазиатской эмиграции, проживающие в Кабуле, объявили Гитлера свои «спасителем». Эмигрантская молодежь из богатых семей спешно начала изучать немецкий язык. Лидеры басмачества уже в июле 1941 г. стали готовиться к возобновлению набегов на советскую территорию.

Афганское правительство не мешало им в этом, так как в Кабуле в то время считали, что Германия в ближайшее время разгромит Советский Союз, и у Афганистана появится возможность захватить земли, ранее входившие в состав Бухарского эмирата и Хивинского ханства. В одном из докладов Средневосточного отдела НКИД от 4 апреля 1942 г. отмечалось, что группа афганских военных во главе с принцем Дауд-ханом разрабатывала план военного похода против СССР. В Кабуле, как указывалось в этом документе, считали, что все части Красной Армии, ранее охранявшие советско-афганскую границу, переброшены, чтобы сражаться против вермахта, поэтому «будет достаточно одной афганской дивизии, чтобы захватить Хиву и Бухару»{10}. Многие члены афганского правительства даже не стремились скрывать своей уверенности в победе Германии.

В августе 1941 г. появилась еще одна причина, по которой афганское правительство решило не препятствовать деятельности антисоветских организаций: в Кабуле боялись, что Англия и СССР повторят «иранский вариант» и введут войска в Афганистан. В этом случае вооруженные формирования басмачей могли оказать ожесточенное сопротивление советским войскам, чем существенно помогли бы афганской армии. Чтобы заручиться поддержкой всех басмаческих формирований в Северном Афганистане, афганский король Захир-шах заключил с Алим-ханом секретное соглашение, согласно которому бывший властитель Бухары обязался оказать вооруженную помощь Кабулу в случае вступления в Афганистан частей Красной Армии{11}.

В этой ситуации лидеры басмачества всеми способами стремились заручиться поддержкой Кабула. В августе 1941 г. один из самых влиятельных руководителей туркменской

эмиграции Кызыл Аяк направил премьер-министру Хашим-хану письмо, в котором просил его взять под покровительство Афганистана Бухару и сообщал главе афганского правительства, что готов предоставить в его распоряжение 40 тыс. вооруженных туркмен. Хашим-хан в ответе Кызыл Аяку попросил его держать свои отряды в полной боевой готовности и дал понять, что только после взятия вермахтом Москвы и Ленинграда наступит удобный момент для начала боевых действий против СССР{12}. Однако афганское правительство летом 1941 г. не помешало японской и германской миссиям укрепить их связи с главарями басмачества.

В августе 1941 г., вероятно, по просьбе германской миссии японский поверенный в делах Кацуби с переводчиком Саито встретился с экс-эмиром Бухары Алим-ханом и провел с ним переговоры о возможном сотрудничестве против СССР{13}. Договориться о чем-нибудь конкретном с Алим– ханом Кацуби не удалось, так как бывший владыка Бухары не хотел рисковать: советско-германская война только началась, дивизии вермахта были еще далеко от Средней Азии. Что особенно важно: оружие, необходимое для успешного вооруженного вторжения басмачей на советскую территорию, страны оси предоставить не могли. Поэтому Алим– хан не решился по просьбе японцев и немцев отдать приказ лидерам басмачества о начале подрывных акций на советско-афганской границе.

Японцам также не удалось уговорить бухарского эмира дать согласие на сотрудничество с Германией. Осторожный Алим-хан не только сам отказался выполнять поручения немецкой миссии в Кабуле, но и строго запретил своим сыновьям участвовать в деятельности различных антисоветских организаций, финансируемых Германией и Японией.

Однако окружение Алим-хана и многие лидеры басмачества были настроены более решительно. После того как Великобритания летом 1941 года прекратила финансирование басмачества, они с готовностью пошли на сотрудничество с Германией и Японией, которые обещали им щедро заплатить за организацию «партизанской работы» в советских Среднеазиатских республиках.

В сентябре 1941 г. германская разведка поручила влиятельному среди басмачей узбекскому эмигранту Махмуд– беку создать по обе стороны советско-афганской границы шпионско-диверсионную сеть. С этого времени Махмуд– бек становится резидентом абвера по работе среди узбекских и туркменских басмачей.

Этот узбек был опытным разведчиком, он сколотил целое состояние на продаже различным разведкам сведений о ситуации в Туркестане. Еще до начала Второй мировой войны Махмуд-бек сотрудничал одновременно с турецкой, японской и германской разведками. Судя по всему, он являлся для спецслужб этих стран ценным источником развединформации. Настолько ценным и необходимым, что, когда после высылки японского посланника Китады афганские власти собирались выслать Махмуд-бека из Кабула, турецкий посол пригрозил Хашим-хану в знак протеста приспустить флаг над посольством Турции в Афганистане. Тогда, не желая обострения отношений с Анкарой, афганское правительство отменило свое решение, и Махмуд-бек остался жить в Кабуле.

Осенью 1941 г. Махмуд-беку резидентом германской внешнеполитической разведки в Кабуле К. Расмусом было приказано в афганском городке Баглан создать опорный пункт для переброски в СССР немецких агентов. Для этого Махмуд-бек получил от немецкой миссии в Кабуле 40 тыс. афгани{14}. Выполнить это поручение, располагая данной суммой денег, было крайне трудно. Но Махмуд-бек, чтобы показать К. Расмусу и Д. Витцелю свои возможности и добиться от них более щедрых денежных субсидий, вскоре доложил, что создал для абвера не один, а два опорных пункта в Северном Афганистане: в г. Баглане и г. Кундузе. Кроме этого, он сообщил в германскую миссию о вербовке им бывшего офицера Хамра Гуль-бека, который с осени 1941 г. возглавил багланский опорный пункт абвера.

В Кундузе в распоряжение немецкой разведки Махмуд– бек предоставил две явки. Результаты его работы полностью удовлетворили в Берлине руководство абвера, которое после столь обнадеживающих известий из Кабула могло надеяться на новые успехи своей агентуры в Афганистане.

В ноябре 1941 г. Махмуд-бек получил из Берлина новое задание ускорить создание шпионской разведсети в Среднеазиатских республиках СССР. С этой целью ему поручалось через своих агентов вербовать советских граждан в Средней Азии, наладить сбор интересующей немцев информации об обстановке в сопредельных Афганистану советских республиках. Он также получил от Расмуса приказ начать подготовку к переброске в СССР диверсионных групп.

Маловероятно, чтобы хоть одна из них была заброшена в Среднеазиатские республики в конце 1941 г., так как создаваемая абвером агентурная сеть в северных районах Афганистана только начала формироваться, а выдворение в конце октября этого же года большей части германских и итальянских агентов сильно затруднило деятельность разведок стран Оси в Афганистане.

В ноябре 1941 г. руководители басмачества, приглашенные Хашим-ханом на Лоя Джиргу в Кабуле, пообещали ему в случае ввода советских войск в Афганистан выставить против частей Красной Армии 200 тыс. вооруженных воинов{15}. В свою очередь, премьер-министр отдал приказ командованию афганских войск, сосредоточенных близ Мазари-Шарифа, при начале наступления Красной Армии в глубь афганской территории немедленно раздать басмачам оружие.

Именно в это время один из лидеров басмачества, Курширмат, предложил афганскому премьеру с вооруженным отрядом перейти советскую границу и начать наступление на г. Андижан, чтобы дестабилизировать положение в Ферганской долине.

В качестве запасного маршрута вторжения басмачей в СССР рассматривался и Таджикистан. Однако конный рейд в этом районе был сопряжен с большими трудностями. В конце концов от этого плана пришлось отказаться{16}.

Перед началом наступления вермахта на Сталинград и Кавказ Д. Витцель получил из Берлина приказ создать в советских Среднеазиатских республиках обширную шпионско-диверсионную сеть. После окончания Второй мировой войны бывший немецкий посланник в Кабуле Г. Пильгер во время допросов в Бутырской тюрьме, давая показания о деятельности абвера в Афганистане, рассказал следующее: «Витцель (в 1942 г. – Ю. Т.) предусматривал насаждение обширной агентуры на территории Советского Союза, в частности в южных районах Туркменской ССР, Таджикской ССР и, насколько помню, в Уз. ССР»{17}. Особое внимание, по словам Г. Пильгера, Д. Витцель уделял созданию в Туркмении подпольной организации, которая должна была бы выполнять задания абвера{18}.

Германия стремилась прежде всего наладить сотрудничество с туркменским басмачеством, так как туркменская эмиграция в Афганистане имела самые многочисленные военные формирования, готовые в удобный момент возобновить нападения на приграничные районы СССР. Д. Витцель считал, что туркменские эмигранты в Афганистане могут вооружить 11 тыс. басмачей{19}. В марте 1942 г. английская разведка, имевшая обширную агентуру среди басмачества, полагала, что туркменская эмиграция может выставить около 10 тыс. воинов{20}. Таким образом, к весне 1942 г. численность банд туркменских басмачей, сконцентрированных в 3—5 км от советской границы, выросла в 2 раза по сравнению с численностью 1939 г.

Это еще раз неоспоримо доказывает: басмачество активно готовилось возобновить налеты на советскую территорию в 1942 г. Так, в декабре 1941 г. самый влиятельный лидер туркменского басмачества Кызыл Аяк собрал своих сторонников и приказал им готовиться к вторжению в советскую Среднюю Азию летом 1942 г.{21}.

В это же время Курширмат заключил с К. Расмусом соглашение о сотрудничестве с Германией против СССР. В нем говорилось: «Добиться независимости тюрков можно только при содействии стран Оси, а посему туркестанцы считают себя их солдатами и готовы выполнить любые задания»{22}. Со слов Курширмата, он и преданные ему люди в обмен на финансовую помощь обещали странам Оси:

1. Подготовить и засылать диверсантов на советскую территорию для уничтожения мостов, линий связи и складов с продовольствием.

2. Организовать партизанские отряды в Среднеазиатских республиках и подготовить площадки для приема немецких десантов.
3. Осуществить диверсии против аэродромов советских ВВС в Туркестане.

Германское посольство в Кабуле обещало также своим новым «союзникам» обеспечение всех басмачей оружием и лошадьми, для чего Д. Витцель и К. Расмус в начале 1942 г. предложили Махмуд-беку подготовить списки среднеазиатских эмигрантов, желающих участвовать в вооруженных налетах на советскую территорию. Резиденты германской разведки в Афганистане гарантировали Махмуд-беку и связанным с ним главарям басмачества, что немецкая миссия в Кабуле выделит денежные средства, необходимые для покупки оружия и лошадей.

Если бы так и произошло, на многих басмаческих шейхов, беков и курбаши пролился бы золотой дождь. Поэтому они, стремясь побольше выманить денег у Германии, отправили через Махмуд-бека К. Расмусу и Д. Витцелю списки, в которых в несколько раз завысили численность своих банд. К примеру, Кызыл Аяк в 1942 г. сообщил немцам, что он подготовил к нападению на СССР 40 тыс. воинов и еще столько же туркмен готово влиться в его отряды, когда получат от Германии оружие или деньги на его покупку{23}. Одним словом, он, имея под руководством не более 10 тыс. вооруженных басмачей, завысил численность своих формирований в 4 раза.

Германия и Япония в 1942 г. вновь предприняли настойчивые попытки привлечь бухарского эмира Алим-хана к сотрудничеству против СССР. Но бывший эмир, находясь под бдительным контролем афганских властей, долгое время не мог решиться на это. В связи с чем до мая 1942 г. фактическим лидером бухарской эмиграции и резидентом абвера в кругах узбекского басмачества был уже известный нам Махмуд-бек, сумевший при помощи немцев к весне 1942 г. создать в Северном Афганистане антисоветскую организацию, которая в абвере получила название «Унион»{24}. Целью этой организации являлось возвращение Алим-хану бухарского престола.

Попытки абвера и японской разведки спровоцировать басмаческие налеты на советскую территорию не были секретом для разведки СССР, которая имела свою обширную агентуру в Северном Афганистане. Поэтому в Москве было принято решение попытаться перевербовать Махмуд-бека, который за деньги был готов сотрудничать с кем угодно.

Из уже рассекреченных документов внешней разведки еще нельзя установить, каким образом была проведена вербовка Махмуд-бека. Но, вероятнее всего, советская разведка предложила ему столь крупную денежную сумму золотом, что жадный узбек согласился продать всю необходимую НКВД информацию об «Унионе». В начале 1942 г. советская разведка поставила под свой контроль деятельность абвера и антисоветских эмигрантских организаций в Северном Афганистане.

Сотрудничество Махмуд-бека с советской разведкой неожиданно закончилось в мае 1942 г., когда его по требованию Великобритании арестовала афганская полиция. Видимо, К. Расмус использовал Махмуд-бека не только для шпионско-диверсионной деятельности против СССР, но и для сбора развединформации о ситуации в Индии. Только этим можно объяснить тот факт, что этот агент-двойник был арестован вместе с наиболее ценными германскими агентами, обеспечивавшими связь между Индией и дипломатическими миссиями стран Оси в Кабуле.

Когда летом 1942 г. немецкие войска успешно наступали на Сталинград и Кавказ, антисоветские круги среднеазиатской эмиграции в Афганистане стали еще более активно готовиться к нападению на СССР. Арест Махмуд– бека лишь на короткий срок дезорганизовал басмачество. В Афганистане летом 1942 г. возникла новая антисоветская организация «Фаал», которую в абвере по-прежнему именовали «Унион»: она ставила перед собой цель восстановить Бухарский эмират{25}.

На этот раз Алим-хан под давлением своего окружения решился пойти на сотрудничество с Германией и Японией и разрешил своему сыну Умар-хану стать одним из членов «Фаал». Более того, чтобы получить необходимые средства для возобновления басмаческих набегов

на советские Среднеазиатские республики, бухарский эмир продал несколько крупных драгоценных камней из своей коллекции. Главой «Фаал» стал сеид Мубашир-хан Тирази (агентурный псевдоним Ханза). Кроме него, в руководящий центр этой подпольной организации входили: известный басмаческий лидер Курширмат, Нурмамад (Нур Мухаммед), Абдул Ахад Кары и личный представитель бухарского эмира Хаджи Бафа{26}.

В сотрудничестве с абвером и японской разведкой Мубашир-хан Тирази стал готовить басмаческие отряды к походу на Бухару. 24 июля 1942 г. Г. Пильгер сообщил в Берлин: «Духовная в своем существе национал-туркестанская тайная антибольшевистская организация „Унион“ и состоящая внутри нее особо тайная структура „Лига“, которая создана специально для восстановления Бухарского эмирата, возглавляется самим эмиром (в дальнейшем Ауди). Но поскольку он опасается неприятностей со стороны афганского правительства, оказавшего ему гостеприимство, то на первый план им выдвинут Ханза, сын которого помолвлен с одной из его дочерей. Сам Ауди держится в тени.

Ханза официально является руководителем «Униона» и «Лиги». «Ханзе», которого мы щедро снабдили денежными средствами, даны указания: [во-первых], сообразуясь с обстановкой, наладить связи между советским Туркестаном и Афганистаном. Во-вторых, сделать приготовления к посылке войсковых подразделений в Туркестан. В-третьих, продолжать укреплять связи организации, чтобы быть готовыми к введению их в действие (точно так же, как и другие связи, ценность которых проявится только при вступлении германских войск (в Туркестан и Афганистан. – Ю. Т.)»{27}.

Согласно плану «Униона» к весне 1943 г., когда откроются горные проходы в Северном Афганистане, планировалось собрать и вооружить 20—30 тыс. басмачей, которые должны были «освободить» Бухару{28}. Германия обязалась оказать «Фаал» помощь не только деньгами, но и вооружением, которое должны были доставить немецкие самолеты. Абвер также планировал высадить в Среднеазиатских советских республиках, в первую очередь в Туркменской ССР, диверсионные отряды, сформированные из солдат и офицеров «Туркестанского легиона». Для подготовки диверсантов в Польше близ Вроцлава была создана секретная тренировочная база, которая называлась «Лесной лагерь СС-20», или «Главный лагерь Туркестан»{29}.

Германия и Япония стремились примирить различные басмаческие группировки и скоординировать их деятельность, чтобы они весной 1943 г. одновременно совершили нападение на советскую территорию. С этой целью «Фаал» создала свой центр в Кундузе и попыталась расширить агентурную сеть в советских республиках Средней Азии. Одновременно были предприняты попытки установить связь с лидером киргизских басмачей Камчи-беком, который с сентября 1941 г. уже совершал нападения на советскую территорию. Посланнику Мубашир-хана Тирази удалось установить связь с ним и договориться о совместных действиях, поэтому Камчи-бек подтянул свои отряды к советской границе{30}. Кызыл Аяк также был готов участвовать в нападении на советский Туркестан.

В конце лета 1942 г. кундузский центр «Фаал» сообщил немецкому посольству в Кабуле, что на севере Афганистана басмаческие формирования, готовые выступить против СССР, насчитывают в своих рядах 70 тыс. человек, но только 15 тыс. из них имеют оружие{31}. Вероятнее всего, сообщив немцам эту явно завышенную цифру о численности своих отрядов на советско-афганской границе, руководители «Фаал» в очередной раз стремились получить от Германии как можно больше денег и вооружения.

Широкомасштабная подготовка басмачества к нападению на советские Среднеазиатские республики не могла долго оставаться тайной как для афганского правительства, так и для разведок СССР и Англии. Поэтому в начале апреля 1943 г. афганские власти арестовали Мубашир-хана Тирази и около ста других членов «Фаал». Чтобы окончательно ликвидировать последние остатки агентуры стран оси в Афганистане, Англия предложила советскому правительству предпринять новый совместный демарш в Кабуле и добиться от Хашим-хана ликвидации «Фаал» и выдворения из страны германских и японских

разведчиков. Москва и Лондон смогли быстро договориться между собой по этому вопросу.

В мае 1943 г. британский посол Ф. Уайли вручил афганскому правительству ноту с требованием пресечь деятельность германской разведки в Афганистане и выдворить японских агентов из г. Кандагара. 8 июня 1943 г. советский посол К. Михайлов был также принят по его просьбе Хашим-ханом и заявил ему протест в связи с враждебной СССР деятельностью посольств Германии и Италии в Афганистане (об интригах Японии среди басмачества в ноте не упоминалось по дипломатическим соображениям...).

Советская нота протеста была составлена с использованием достоверных данных о деятельности «Фаал», полученных Внешней разведкой СССР от ее агентов в среде среднеазиатских эмигрантов. Обилие фактов и документов о подрывной деятельности германской разведки среди басмачества, имевшихся у советской резидентуры в Кабуле, позволило послу К. Михайлову отказаться от использования в тексте своего заявления информации, содержавшейся в письмах Тирази, фотокопии которых были предоставлены советской стороне британской миссией в Кабуле.

В ноте протеста посольства СССР в Кабуле указывалось, что советское правительство располагает достоверными сведениями о враждебной Советскому Союзу деятельности германской миссии среди басмачества, и приводился список лиц, возглавлявших «Фаал», хотя само название этой антисоветской организации не упоминалось. Далее в ноте пересказывалось содержание письменного обращения к Германии одного из лидеров узбекского басмачества, входившего в руководство «Фаал», Курширмата. В этом письме, перехваченном резидентом советской разведки в Афганистане М. Аллахвердовым, говорилось, что «весной 1943 года эмигранты намерены организовать восстание в Советской Средней Азии и развернуть диверсионную деятельность на советской территории, обратив свое внимание (так в документе. – Ю. Т.), в первую очередь, на разрушение железных дорог, линий связи и т. п. Эмигрантский центр наметил районами организации повстанческого и басмаческого движения ряд областей Узбекской и Таджикской ССР». В документе, зачитанном послом Михайловым Хашим-хану, также перечислялись многочисленные примеры антисоветской деятельности басмачества в Северном Афганистане и приводились факты, свидетельствующие о том, что дипломатические миссии Германии и Италии ведут подрывную работу против СССР. По этому поводу в ноте говорилось: «Германская миссия финансирует и руководит враждебной Советскому Союзу деятельностью эмигрантов из СССР в Афганистане. Активную работу в этом направлении ведут кроме... Расмуса члены и сотрудники германской миссии: Шмидт, Фишер, Витцель, Дох и др. [...] Германская и итальянская миссии в Кабуле совместно с некоторыми афганскоподданными (так в документе. – Ю. Т.) из числа белоэмигрантов намечали распределение среди туркменских, узбекских и киргизских басмаческих организаций на Севере Афганистана вооружения, которое по их плану должно сбрасываться немецкими самолетами в Афганистане. Это вооружение предназначалось к использованию против Советского Союза. Имеются также сведения о наличии в Афганистане организованных немцами радиоточек, получающих... указания непосредственно из Берлина для организации враждебной СССР подрывной работы». Далее, сославшись на советско-афганский договор о нейтралитете, согласно которому афганское правительство взяло на себя обязательство не допускать подрывной деятельности против СССР, К. Михайлов от имени советского правительства потребовал:

1. Ликвидировать организацию среднеазиатских эмигрантов и предать суду ее руководство (Хашим-хану был вручен список с именами членов «Фаал»).
2. Срочно ограничить состав германской миссии, так же как и итальянской, посланником и одним секретарем.

Премьер-министр Хашим-хан спокойно выслушал заявление советского посла и заверил его, что в течение двух лет афганское правительство делало все возможное, чтобы не допустить любой акции, враждебной СССР. Он усомнился в том, что у К. Михайлова имеются данные, подтверждающие правоту советской стороны, которые Москва могла бы «сообщить всему миру».

В ответ на это советский посол сказал Хашим-хану, что посольство СССР готово предоставит афганскому правительству все необходимые документы о враждебной Советскому Союзу деятельности миссий стран Оси в Афганистане. Это заявление К. Михайлова крайне смутило афганского премьер-министра, и он был вынужден принять советскую ноту{32}.

Афганское правительство было вынуждено удовлетворить советские и английские требования{33}. В мае—июне 1943 г. афганская полиция вновь провела массовые аресты среди эмигрантов из Средней Азии в Кабуле, в результате чего деятельность «Фаал» фактически прекратилась, хотя на свободе и осталось несколько сот ее членов.

В ходе допросов членов этой антисоветской организации выяснилось, что Алим-хан оказывал ей покровительство и финансовую помощь. Разгневанный король Захир– шах приказал доставить его к нему во дворец. Когда слепой старик был привезен к афганскому монарху, король обвинил Алим-хана в сотрудничестве со странами Оси. Бывший эмир Бухары, не находя аргументов в свою защиту, расплакался и заявил, что был втянут в интриги Германии и ее союзников против своей воли. Вряд ли Захир-шах этому поверил, но никаких репрессивных мер против Алим– хана не принял, чтобы избежать недовольства среднеазиатских эмигрантов.

Таким образом, благодаря совместной акции СССР и Великобритании деятельность японской и германской разведок в Северном Афганистане к 1943 г. была парализована. Попытки Германии и Японии превратить Афганистан в плацдарм для подрывной деятельности против СССР потерпели крах.

Из-за того что вермахт потерпел неудачу под Сталинградом, германские войска не смогли вторгнуться в Среднюю Азию, была сорвана доставка самолетами Люфтваффе вооружения басмачам.

Большую роль в провале антисоветских организаций в период Второй мировой войны сыграла продажность лидеров басмачества, которые за деньги были готовы на любое предательство.

Афганское правительство после побед Советской Армии под Сталинградом и Курском окончательно убедилось, что Германия и ее союзники войну проиграли, и ликвидировало агентуру стран Оси в своей стране.

Необходимо учесть и психологический фактор: все годы Великой Отечественной войны среднеазиатские эмигранты жили в страхе перед возможным вторжением частей Красной Армии в Афганистан, поэтому и басмачи не рискнули самостоятельно возобновить вооруженную борьбу в Средней Азии.

Глава 40

Союз дипломатов и разведчиков в «тайной войне» в Кабуле

Начало войны на Тихом океане и активизация подрывной деятельности фашистских разведок в полосе «независимых» пуштунских племен заставили Англию принять срочные меры, чтобы сохранить мир на индо-афганской границе. Британские власти понимали, что весной 1942 г. восстание в Вазиристане начнется с новой силой и вазиров могут поддержать другие пуштунские племена. Английскому правительству были известны планы Гитлера о том, что он собирается начать летом 1942 г. наступление на Кавказ, а после его захвата через Иран и Афганистан выйти к границам Индии.

В начале 1942 г. по всей северо-западной границе Британской Индии англичане приступили к строительству оборонительных укреплений и аэродромов. Поверенный в делах СССР в Афганистане И. Самыловский в одном из своих донесений в НКИД сообщил, что «линию Дюранда» англичане превратили «в линию Мажино»{1}.

Одновременно британские власти постарались обезопасить себя от возможных мятежей приграничных пуштунских племен. Чтобы убрать из зоны пуштунских племен как можно больше мужчин, в конце 1941 г. англичане приступили к новому набору пуштунов в британскую армию. На этот раз Англия стремилась удалить потенциальных мятежников не только из полосы «независимых» племен, но и из Южного Афганистана. В конце декабря

1941 г. в Кабул тайно прибыли полковники Ноэль и Пикин. Они заключили соглашение с афганским правительством, согласно которому Кабул обязался не препятствовать рекрутским наборам пуштунов в британскую армию{2}. Вероятнее всего, тогда же была достигнута договоренность о посредничестве правительства Хашим-хана в переговорах по данному вопросу между англичанами и пограничными племенами, многие из которых отказывались посылать своих воинов сражаться за интересы Великобритании.

Имея цель уговорить восточных пуштунов не поднимать восстание против Англии и не саботировать рекрутский набор в британскую армию, в феврале 1942 г. военный министр Афганистана Шах Махмуд-хан совершил поездку на юг Афганистана{3}. Для подкупа вождей племен англичане передали Махмуд-хану 5 млн рупий{4}. Располагая такими средствами, ему удалось склонить представителей большинства приграничных племен к сотрудничеству с Англией.

Для принятия окончательного решения о наборе пуштунов в английские войска в середине марта 1942 г. в Джелалабаде состоялась джирга племен «независимой» полосы Британской Индии. Но достигнуть согласия по всем вопросам, связанным с оплатой воинской службы пуштунов, не удалось. Поэтому в апреле в Пешаваре состоялась вторая джирга, на которой англичане, приняв все условия восточных пуштунов, смогли получить согласие вождей пуштунских племен «независимой» полосы послать своих соплеменников на службу в британскую армию. Заручившись поддержкой вождей племен, англичане сразу же начали набор солдат среди момандов, афридиев, юсуфзаев и ряда других племен СЗПП{5}.

Губернатор СЗПП Д. Каннингхем обратился к племенам «независимой» полосы с воззванием, в котором просил их «предоставить все средства для борьбы против гитлеровской Германии»{6}. Присутствуя на джирге афридиев, он даже призвал патанов начать джихад против японцев{7}. Но все старания англичан и Махмуд-хана добиться от вазиров согласия на службу в войсках Великобритании закончились провалом{8}.

В апреле 1942 г. Факир из Ипи поднял вазиров на новое восстание против Англии. Британские власти были крайне обеспокоены сведениями о связи Факира с итальянским и германским посольствами в Кабуле. Английская разведка в событиях в Вазиристане видела, прежде всего, интриги итальянцев и немцев. Как выяснилось после войны, значительная часть сведений, полученных англичанами о сотрудничестве Факира со странами Оси, была ложной.

Вероятнее всего, британские осведомители в полосе «независимых» пуштунских племен, стараясь получить от своих хозяев побольше денег, часто просто выдумывали различные истории о фашистской подрывной деятельности в Вазиристане. Так, по сведениям британской разведки, перед началом восстания вазиров зимой 1942 г. Факира из Ипи посетили 2 немецких агента и передали ему крупную сумму в афганской валюте. «Враг № 1» Британской империи получил в дар и 2 печатных станка для изготовления фальшивых афгани и рупий{9}.

У англичан также имелись сведения, что немцам удалось уговорить Факира из Ипи предоставить Германии взлетно-посадочные полосы в районе долины Лвары. Кроме этого, британские спецслужбы располагали данными, что в начале марта 1942 г. Горвехт посетил еще один германский разведчик, который составил донесение о Северном Вазиристане. Английская агентура в Вазиристане сообщила также в Симлу о двух немецких оружейниках, которые якобы организовали у Факира мастерскую по ремонту вооружения и установили связь с германским посольством в Кабуле. В марте этими немцами были проведены переговоры с вождями племен Вазиристана о начале восстания против Великобритании{10}.

Большую тревогу у англичан вызвало известие о том, что Факир из Ипи получил от немцев радиостанцию для связи с миссиями стран Оси в Кабуле. Данная информация оказалась достоверной, но из-за отсутствия радиста в своем окружении лидер вазиров использовал рацию лишь в качестве радиоприемника.

Без содействия афганского правительства ликвидировать немецкую агентуру в полосе «независимых» племен было невозможно. Поэтому англичане стали передавать

подкупленному ими Хашим-хану сведения о подрывной деятельности разведок стран Оси в Афганистане и зоне пуштунских племен. С помощью этой информации афганской разведке удалось в феврале 1942 г. арестовать несколько крупных немецких агентов.

Чтобы эффективно бороться с подрывной деятельностью германской агентуры на индо-афганской границе, британские власти в Индии выдали распоряжение: один экземпляр всех донесений английских политических офицеров в «независимой» полосе должен пересылаться из Дели в английское посольство в Кабуле{11}. Туда же направлялись еженедельные обзоры английской разведки о ситуации в зоне пуштунских племен{12}. Вся эта информация предназначалась для посланника Ф. Уайли и еще 3-х английских разведчиков, работавших в британском посольстве: военному атташе подполковнику А. Ланкастеру, первому секретарю В. Коннору-Грину и восточному секретарю Сикандер-хану, который занимал эту должность с 1930 г. и был даже в хороших отношениях с Хашим-ханом.

В одном из своих донесений в Москву советский посол К. Михайлов писал о восточном секретаре британской миссии: «В Кабуле Сикандер-хан, с одной стороны, выполнял роль разведчика-резидента, особенно тесно связанного с афганскими (пуштунскими. – Ю. Т.) племенами, живущими на территории Афганистана, и с афганскими чиновниками различных министерств, с другой – он должен был отвлекать внимание афганской разведывательной службы от действительных руководителей английской разведки, в частности от таких личностей, как военный атташе подполковник Ланкастер»{13}.

В обязанности В. Коннора-Грина входило поддержание связи с посольством СССР и передача советским разведчикам, работавшим там, разведданных о деятельности фашистской агентуры в Северном Афганистане, который по достигнутой между Москвой и Лондоном договоренности являлся сферой деятельности советской разведки.

Долгое время А. Ланкастер и В. Коннор-Гринн не обменивались со своими советскими коллегами никакой информацией по зоне пуштунских племен, полагая, что британская разведка сможет сама, без посторонней помощи пресечь подрывную деятельность разведок стран Оси в Индии и Южном Афганистане. Но в начале 1942 г. англичане узнали о сотрудничестве басмаческих организаций в Афганистане с абвером. Выяснилось, что одни и те же фашистские агенты действуют как против СССР, так и против Великобритании. Эта новость была крайне неприятна для британской разведки, которая до этого момента не хотела помогать СССР в разгроме басмаческого движения в Северном Афганистане.

После выдворения германских и итальянских подданных англичане вообще прекратили обмен информацией о деятельности спецслужб стран Оси в Афганистане. В докладе советского посольства в Кабуле за 1942 г. по этому поводу говорилось: «Британская миссия на все наши конкретные вопросы о том, что известно о враждебной деятельности немецкой и итальянской миссий, стандартно отвечала, что по этому вопросу ничего нового сообщить не может»{14}. Однако англичане вскоре осознали свою ошибку и возобновили сотрудничество с советской разведкой в Афганистане.

Руководство советской разведки, располагая обширной и достоверной информацией о планах стран оси в Афганистане, своевременно поняло, что Германия и ее союзники хотят превратить немецкое посольство в Кабуле в штаб для координации подрывной деятельности фашисткой разведки не только в Афганистане, Индии, в Среднеазиатских республиках СССР, но даже в Китае.

Из донесений Бхагат Рама – Рома в Москве знали, что немцы главной своей задачей в Афганистане считают организацию мятежа приграничных пуштунских племен. В связи с этим военная и Внешняя разведки СССР пристально следили за обстановкой в зоне пуштунских племен, так как безопасность советско-афганской границы полностью зависела от политической стабильности во всем Афганистане.

Разведывательное управление Красной Армии в начале 1942 г. решило направить в Кабул своего опытного сотрудника для фактической замены военного атташе Я. Карпова, работой которого, видимо, не были довольны в Москве. Я. Карпов был под благовидным предлогом

отозван в СССР, а в феврале 1942 г. в Кабул прибыл «помощник» военного атташе советского посольства Владимир Алексеевич Райцев{15}.

В январе 1942 г. штат советского посольства в Афганистане пополнился еще одним разведчиком, которым являлся новый второй секретарь Денисов.

О том значении, которое руководство разведки Советского Союза придавало ликвидации фашистской агентуры в зоне пуштунских племен, говорит тот факт, что сразу же после прибытия в Афганистан Денисов начал собирать информацию о приграничных пуштунских племенах. Логично предположить, что и В. Райцев также имел задание совместно с Заманом держать деятельность К. Расмуса и Д. Витцеля в Индии под контролем.

В середине марта 1942 г. В. Коннор-Гринн прислал Денисову письмо, в котором содержалась информация о деятельности германской разведки в Северном Афганистане{16}. 23 марта 1942 г. британский военный атташе А. Ланкастер посетил советскую миссию и передал Михайлову информацию о немецкой агентуре в афганском правительстве и деятельности германской разведки среди басмачества.

О ситуации в полосе «независимых» пуштунских племен Британской Индии А. Ланкастер по вполне понятным причинам «забыл» сообщить, хотя именно там германская агентура была наиболее активной. Поэтому советский посол, желая вызвать английского разведчика на откровенность, рассказал ему о пребывании Э. Анцилотти у Факира из Ипи в 1941 г. Англичанин попытался опровергнуть факт пребывания Э. Анцилотти в Вазиристане, заявив, что, по его сведениям, «Вазиристан посещал и виделся с Факиром из Ипи другой итальянец по имени Аширi. Последний весной 1941 года прибыл в Вазиристан через Афганистан и Иран и ушел обратно в Иран». Больше к вопросу о деятельности фашистских разведок в Вазиристане К. Михайлов и А. Ланкастер не возвращались.

Сообщив информацию о деятельности разведок стран Оси в Афганистане, А. Ланкастер порекомендовал К. Михайлову передать эти сведения премьер-министру Хашим-хану в устной форме, как это делали англичане. Резидент британской разведки в Афганистане в связи с этим постарался доказать советскому послу, что «Хашим-хан будет от своего имени пресекать враждебную (СССР. – Ю. Т.) ... активность стран Оси». Чтобы его совет был более убедительным, англичанин привел для примера события, связанные с «логарским инцидентом», после которого афганский премьер заявил, что «в результате хорошо поставленной им работы афганской разведывательной системы ему удалось обнаружить враждебные происки иностранцев и пресечь их». Когда К. Михайлов постарался выяснить, какую роль в провале М. Обердорффера и Ф. Брандта сыграла английская разведка, А. Ланкастер опять уклонился от ответа и заявил: «Хашим-хану самостоятельно удалось раскрыть дело о двух немцах».

В конце встречи с А. Ланкастером советский посол спросил о ситуации на индо-афганской границе и отношениях между Кабулом и пуштунскими племенами. На этот раз англичанин не стал уклоняться от ответа и сообщил: «Среди племен сейчас сравнительно тихо. Афганцам удалось добиться спокойной обстановки». Кроме этого, он рассказал К. Михайлову, что наиболее враждебно к Кабулу относится племенной союз гильзаев, в первую очередь племя сулейман-хель, но гильзаи не выступят против афганского правительства, так как у них нет оружия. Говоря о враждебности гильзаев к династии Яхья-хель, английский разведчик подчеркнул: «Аманулла ведет свою подрывную работу против Кабула, опираясь на гильзаев». Далее А. Ланкастер добавил, что амануллисты являются «наиболее прочной опорой немцев и итальянцев». Уезжая из посольства СССР, он пообещал Михайлову вскоре сообщить ему новые данные об антисоветской деятельности немцев в Афганистане. Визит Ланкастера и сведения, полученные от него, свидетельствовали о желании британской разведки установить более тесные связи с советской разведкой.

Вся информация от А. Ланкастера была тщательно проверена. 26 апреля 1942 г. заместитель Л. Берии В. Меркулов отправил на имя В. Деканозова заключение о результатах проверки материалов, полученных от английской разведки в Кабуле. В этом документе говорилось: «...Все эти сведения, за небольшим исключением, соответствуют действительности и

своевременно были нам известны. Некоторые факты имеют трех-четырехлетнюю давность и ряд существенных неточностей, за которыми, по нашему мнению, скрываются какие-то интересы англичан. Однако прямой дезинформации в этих сведениях мы не находим. Поэтому дальнейшее получение подобной информации от англичан в Кабуле считаем целесообразным...»{17}

Советская разведка не осталась в долгу: в апреле 1942 г. она стала снабжать англичан разведданными, полученными от Бхагат Рама{18}. А в июне 1942 г. нарком госбезопасности СССР санкционировал предложение П. Фитина «договориться с английской разведкой о совместном использовании возможностей Рома (Бхагат Рама. – Ю. Т.)»{19}. Таким образом, был сделан первый шаг к началу совместной операции спецслужб СССР и Великобритании по ликвидации фашистской агентуры в Афганистане.

Для советской и британской разведок из-за длительного периода вражды между ними это было непростым решением. Особенно в Афганистане! Однако объективная необходимость заставила бывших противников тесно сотрудничать во имя общей победы над врагом.

Индийская политическая разведка (ИПР) в начале 1942 г., арестовав Соди, узнала, что Бхагат Рам является двойным (или даже тройным!) агентом и работает на СССР{20}. Перспектива взять деятельность абвера в Индии под двойной контроль спецслужб стран антигитлеровской коалиции была, очевидно, главной причиной, заставившей англичан возобновить сотрудничество с советской разведкой в 1942 г. В июне 1942 г. Бхагат Рам был передан на связь британской разведке{21}. Совместная борьба спецслужб Великобритании и Советского Союза против фашистской агентуры в Индии успешно продолжалась.

Руководство Внешней разведки СССР приняло такое решение из-за резкого обострения ситуации в полосе «независимых» племен Британской Индии, где при содействии разведок стран Оси Факир из Ипи успешно боролся против англичан. Британский Генеральный штаб в мае 1942 г. считал, что «из-за непредсказуемой реакции племен» на северо-западной границе Индии сложилась угрожающая обстановка{22}.

Британские власти в Индии были крайне обеспокоены участием в восстании вазиров пуштунов из Афганистана. Поэтому английский посланник Ф. Уайли 4 мая 1942 г. встретился с афганским министром иностранных дел Мухаммед-ханом и заявил ему протест, в котором говорилось о связях афганского гражданина Абдул-хана с Факиром из Ипи{23}.

В мае Ф. Уайли опять был вынужден заявить афганскому правительству протест по поводу участия афганских подданных в «беспорядках, организованных на территории Индии известным Факиром из Ипи»{24}. Английский посланник сообщил К. Михайлову, что после его демарша афганские власти провели в Кабуле аресты немецких агентов. Он особенно был рад аресту Уттам Чанда, который, по его словам, был связан с немцами и содействовал С.Ч. Босу во время его бегства из Индии.

Как английская, так и советская разведка также предпринимала все возможное, чтобы пресечь деятельность агентуры стран оси в Афганистане. После прибытия в конце апреля 1942 г. в афганскую столицу Бхагат Рама М. Аллахвердов получил от него самые подробные данные о планах Д.Витцеля и К. Расмуса развернуть против англичан подрывную работу в зоне пуштунских племен. Срочно были приняты меры к тому, чтобы арестовать и вывезти резидента абвера в Москву, если он попытается скрыться из Кабула в полосу «независимых» племен Британской Индии{25}. С уверенностью можно предположить, что захват Д. Витцеля готовили и англичане, так как они были в курсе всех планов германской разведки в Афганистане и Индии. Только осторожность Г. Пильгера уберегла абвер от крупного провала.

Пока советские разведчики в Афганистане вели охоту на Д. Витцеля, в Москве П. Фитин принял решение о разработке операции по вербовке К. Расмуса. 11 мая 1942 г. начальник советской внешней разведки на полях донесения М. Аллахвердова написал: «Отрощенко составить план вербовки Расмуса»{26}. Из этого видно, что уже в мае 1942 г. советская разведка стремилась полностью поставить под свой контроль деятельность германской разведки в Афганистане.

Взрывоопасная обстановка на индо-афганской границе заставила руководство Министерства иностранных дел СССР и советской разведки пристально следить за ситуацией в зоне пуштунских племен. 30 мая 1942 г. Деканозов направил Меркулову запрос, в котором просил предоставить в его распоряжение материалы, «характеризующие историю и современное состояние племен в Афганистане, в особенности племен патанов»{27}. В связи с этим Заман получил указание собрать необходимые сведения о пуштунских племенах. В инструкциях, присланных ему из Москвы, указывалось: «Для нас в настоящее время особенно большой интерес представляет деятельность племен в стране Вашего пребывания. Используйте все возможности как Ваши, так и военных соседей (военной разведки. – Ю. Т.) для получения наиболее полных данных...»{28}

Выполнить это задание Центра было крайне сложно, так как любая информация о приграничных пуштунских племенах была в Афганистане строго секретной. К тому же советский резидент-нелегал был обязан сообщить в своей справке об этих племенах не только о деятельности германской и итальянской разведок на индо-афганской границе, но и дать обзор политики афганского правительства и Англии в полосе «независимых» племен Британской Индии. Трудная задача была М. Аллахвердовым успешно решена.

У советского резидента был свой почерк проведения особо сложных операций: он всегда концентрировал все силы на вербовке одного, зато очень ценного «источника», который обладал исчерпывающей информацией по интересующему советскую разведку вопросу. Иными словами, Заман действовал по восточной пословице: «Бей по голове, а остальное само отвалится». Так получилось и на этот раз.

М. Аллахвердов смог за крупную сумму денег купить у одного своего агента в правительственных кругах Афганистана годовой доклад афганской разведки о ситуации в полосе «независимых» пуштунских племен Британской Индии. Вероятнее всего, с 1942 г. сведения, добытые спецслужбами Афганистана, стали регулярно поступать в Москву, после чего фактически вся разветвленная агентурная сеть афганцев в Британской Индии, не ведая того, стала поставлять советской разведке ценнейшую информацию. В результате этого сведения, добытые афганской разведкой в полосе «независимых» племен Индии, уходили в Москву. О ценности этой информации свидетельствует тот факт, что советская внешняя разведка получила от своего высокопоставленного «источника» даже список британских агентов, работавших среди племен на индо-афганской границе{29}.

В июне обстановка на индо-афганской границе еще более обострилась. Факир из Ипи, опираясь на помощь пуштунов из Афганистана, начал боевые действия против англичан в Южном Вазиристане{30}. Стараясь лишить Факира помощи из Афганистана, английское правительство усилило нажим на Кабул, требуя запретить афганским подданным оказывать поддержку вазирам. В середине июня 1942 г. Ф. Уайли вновь заявил протест афганскому министру иностранных дел в связи с участием афганских граждан в «беспорядках в Вазиристане»{31}. После своей встречи с Мухаммед-ханом британский посланник сообщил послу К. Михайлову: «..Эти беспорядки... приносят большое беспокойство индийскому правительству»{32}. Ф. Уайли не стал скрывать от советского посла, что афганский министр иностранных дел принял его крайне сухо, «не проявив никакого желания пойти навстречу английской просьбе»{33}.

Не считаясь с временным ухудшением англо-афганских отношений, Лондон был вынужден в течение 1942 г. раз за разом усиливать давление на правительство Хашим-хана. В конце июня 1942 г. Ф. Уайли опять был вынужден, выполняя указание кабинета Его Величества, отправить МИД Афганистана письмо, в котором говорилось, что «афганские подданные продолжают участвовать в беспорядках, организуемых Факиром из Ипи в полосе патанских племен»{34}. Но даже после этого афганское правительство не поспешило выполнить английские требования.

В этой ситуации, стремясь получить поддержку от своего советского союзника, британская миссия в Афганистане во второй половине 1942 г. предоставляла посольству СССР в Кабуле подробную информацию об англо-афганских отношениях. По своей инициативе английская

разведка также стала предоставлять в распоряжение советского посольства информацию не только по Северному Афганистану, но и по зоне пуштунских племен. 4 июля 1942 г. А. Ланкастер сообщил Михайлову основные положения своего доклада о деятельности разведок стран Оси в Афганистане.

Резидент британской разведки вместе с данными о сотрудничестве лидеров басмачества с немцами передал советскому послу также сведения о подрывной деятельности немцев и японцев в Индии. Так, он информировал К. Михайлова об аресте в Кабуле афганского пилота Гулям Амар-хана, являвшегося связным между итальянским посольством и Факиром из Ипи, и индийского торговца Канширана, который был связан с Уттам Чандом. При этом англичанин добавил: «Немцы в последнее время усиливают свою враждебную связь с Факиром из Ипи, не удовлетворяясь той работой, которая ведется... итальянцами»{35}. Кроме этой информации А. Ланкастер довел до сведения советского посла, что японская разведка также активизировала свою деятельность против Индии с территории Афганистана. От него же К. Михайлов узнал, что в СЗПП дислоцирована крупная группировка английских войск из 7 дивизий.

После инцидента в Хосте, оказавшись перед угрозой всеобщего восстания приграничных пуштунских племен, Великобритания сделала все возможное, чтобы избежать мятежа на индо-афганской границе. В связи с этим британская разведка стала более решительно бороться против деятельности фашистской агентуры среди басмачества. Как установили англичане, многие члены антисоветских басмаческих организаций в Афганистане выполняли задания германской разведки в Индии. С их помощью немецкое посольство наладило контакт с Факиром из Ипи.

Так как по совместной договоренности между Лондоном и Москвой пресечение сотрудничества антисоветских организаций в Афганистане являлось прерогативой НКВД, англичане, чтобы ликвидировать фашистскую агентуру среди басмачества, были вынуждены обратиться за помощью к советской разведке.

5 августа 1942 г. В. Коннор-Грин посетил советское посольство и сообщил К. Михайлову, что ему удалось установить: в Кандагаре немцы организовали явку для переправки своих агентов из Ирана в Индию. Хозяином пересылочного пункта является эмигрант из Ташкента муфтий Сатруддин, к которому за последние 3 месяца под видом паломников из Мешхеда прибыло 5 фашистских агентов: Номан-хан, Омар-джан, Сафтар-хан, Султан и Муртаза. Один из них, контрабандист Омар-джан, доставил в германское посольство 2 письма и карту, на которой была отмечена дислокация советских и британских войск в Иране. Английский разведчик далее рассказал, что после выполнения этого задания Омар-джан по заданию немцев выехал в Вазиристан.

Сообщив эти сведения, В. Коннор-Грин высказал пожелание, чтобы советская разведка не производила арестов немецких связных, о которых он сообщил советскому послу, так как этот арест лишит англичан возможности следить за их деятельностью{36}. Через некоторое время после этой встречи Коннора-Грина с К. Михайловым англичане обратились к советской разведке с просьбой предоставить им сведения о муфтии Сатруддине и вскоре получили из посольства СССР в Кабуле интересующие их материалы.

Передавать советскому посольству информацию о деятельности разведок стран Оси близ индо-афганской границы английские разведчики в Кабуле стали под нажимом посланника Ф. Уайли, который был встревожен положением в зоне пуштунских племен и стремился заручиться поддержкой советского посла, чтобы в крайнем случае вновь предпринять совместный демарш перед афганским правительством.

В одиночных, хотя и яростных, «атаках» на афганское правительство Ф. Уайли терпел постоянные неудачи. Британский посланник по своей инициативе проинформировал К. Михайлова о его трудных переговорах с Хашим-ханом. 14 августа 1942 г. англичанин сообщил советскому послу, что он 8 августа 1942 г. встречался с афганским премьер-министром и заявил ему протест по поводу той помощи, которую итальянское посольство в Кабуле оказывает Факиру из Ипи. Хашим-хан, по словам английского дипломата, отказался

этому верить. Премьер попытался убедить Ф. Уайли, что «все афганцы, которые были связаны с итальянской миссией... арестованы и... никаких денег итальянская миссия Факиру из Ипи послать не может...»{37}.

Глава афганского правительства высказал предположение, что Факир получает деньги не из Кабула, а из Индии. В ответ Ф. Уайли еще раз заявил Хашим-хану, что восставшие вазиры получают помощь от итальянцев из Кабула. После этого Хашим-хан перевел разговор на другую тему, дав понять, что не желает далее обсуждать этот вопрос.

Посол К. Михайлов, который всегда перепроверял полученную от англичан информацию, с помощью советских разведчиков через некоторое время выяснил: британский посланник скрыл от него, что во время своей встречи с Хашим-ханом он попытался скомпрометировать лидера вазиров. С этой целью Ф. Уайли заявил премьер-министру Афганистана, что он должен быть доволен бомбардировками в Вазиристане, так как «англичанам известно, что вазиры и... их вождь Факир из Ипи на итальянские деньги пытался... не только причинить некоторые неприятности англичанам, но и собирался выступить против Кабула»{38}. Афганский премьер-министр не поверил этим измышлениям.

Чтобы опорочить Факира из Ипи перед населением Афганистана, англичане распустили по Кабулу слухи о сотрудничестве лидера вазиров с британскими властями в Индии. Подобного рода вымыслы распространялись ими и в 1943—1945 гг., когда все попытки британской разведки убить Факира из Ипи не увенчались успехом.

К слухам, да еще к таким упорным, на Востоке всегда относились Располагая информацией о подрывной деятельности фашистской агентуры в зоне пуштунских племен и среди басмачества и видя, что афганское правительство готово перейти на сторону Германии, английская и советская разведки стали более тесно сотрудничать в Афганистане и Индии. В первой половине 1942 г. во время встреч британского посланника С. Криппса с заместителем министра иностранных дел СССР Я. Вышинским были обсуждены основные вопросы о координации деятельности спецслужб СССР и Великобритании в Афганистане{40}.

В конце 1942 г. обмен развединформацией о деятельности фашистской агентуры стал осуществляться по двум главным каналам: через представительство британской разведки в Москве, возглавляемое полковником (затем генералом) Джорджем Хиллом, а также во время встреч М. Аллахвердова с А. Ланкастером в Кабуле{41}. Когда в октябре 1942 г. в афганскую столицу прибыл Бхагат Рам, он был извещен Заманом, что теперь он будет работать и на британскую разведку.

Благодаря полученным от него сведениям, СССР и Англия знали все о планах стран Оси в Индии. Но ИПР, которую возглавлял Ч. Сильвер, настолько засекретила Бхагат Рама, что 29 ноября 1942 г. он был арестован в Индии британскими контрразведчиками. Бхагат Рам сообщил им, кем является, но они не поверили, что «человек Мацотты» является агентом ИПР, и ему пришлось некоторое время пробыть под арестом{42}.

Через Бхагат Рама англичане знали о планах немцев о высадке десанта в Вазиристане. Поэтому они решили убить Факира из Ипи. 12 января 1943 г. британские агенты совершили покушение на лидера вазиров. Однако тяжело раненный в результате взрыва ручной гранаты Факир выжил{43}. Попытка англичан ликвидировать самого известного и авторитетного вождя пуштунов Вазиристана только вновь накалила обстановку в полосе «независимых» племен. Даже ранее лояльные к британским властям приграничные племена послали деньги Факиру из Ипи{44}.

Пока лидер вазиров был прикован к постели, британская разведка могла не опасаться, что немцы высадят свою разведгруппу в Вазиристане. Но в феврале 1943 г. британская разведка получила достоверную информацию о подготовке разведками стран Оси нового восстания в Вазиристане. На этот раз активную помощь германской разведке в полосе «независимых» пуштунских племен оказывала антисоветская организация «Фаал»{45}. Чтобы получить всю информацию о планах этой организации, британская разведка использовала в качестве приманки для фааловцев и абвера организацию бухарских эмигрантов в Индии «Энджумен Бухари». С помощью своих агентов в ее руководстве английские спецслужбы смогли

перехватить письма Тирази, в которых лидер «Фаал» сообщал о планах содействия Германии в организации очередного британского восстания в Вазиристане весной 1943 г.

«Фаал» сотрудничала с германской разведкой как против Англии, так и против СССР. Поэтому 15 мая 1943 г. английский посол в Москве А. Керр вручил В. Молотову памятную записку, в которой англичане сообщали советскому правительству о подрывной деятельности фашистской агентуры в зоне пуштунских племен и Бухаре. В этом документе указывалось на стремление немцев «способствовать беспорядкам на территориях, населенных индийскими племенами, через Факира из Ипи. Британские власти имеют в своем распоряжении список 36 афганских подданных, участвующих в этом замысле»{46}. В записке А. Керра подчеркивалось, что организация Тирази помогает немцам «в обмен на германскую помощь против советских властей в Бухаре»{47}.

В качестве приложения к памятной записке А. Керр вручил В. Молотову инструкции своего правительства посланнику Ф. Уайли. В них от него требовался немедленный арест 33 фашистских агентов, связанных с Факиром из Ипи. Для пресечения деятельности разведок стран Оси в зоне пуштунских племен британский посланник должен был добиться от афганского правительства:

1. Высылки из страны разведчиков Германии и Италии, работающих в посольствах этих стран в Кабуле.
2. Выдворения из Афганистана 4-х японцев, работающих в Кандагаре.
3. Прекращения продажи афгани дипломатическим миссиям стран оси в Кабуле, чтобы они не могли финансировать Факира из Ипи{48}.

Чтобы доказать правительству СССР необходимость совместного демарша, британское посольство в Кабуле по указанию из Лондона передало советской стороне фотокопии писем Тирази. Москва 19 мая 1943 г. дала свое согласие на совместные с англичанами действия в Афганистане{49}. Однако было решено, что советский посол вручит Хашим– хану ноту протеста только после Ф. Уайли и отдельно от него. На этот раз такая предосторожность с советской стороны была вызвана тем, что Англия требовала выдворения из Афганистана не только фашистских разведчиков, но и агентов Японии, с которой СССР в то время еще не воевал.

26 мая 1943 г., выполняя полученные инструкции из Лондона, Уайли встретился с Хашим-ханом и потребовал от него ареста фашистских агентов и высылки из Афганистана Э. Анцилотти, Д. Витцеля, В. Доха и 4-х японцев. Афганский премьер-министр отказался выполнить требования англичан. После этой встречи Ф. Уайли сообщил послу Михайлову, что афганский премьер-министр при этом заявил: «Немецкий посланник Пильгер не ведет себя в Афганистане хуже, чем Папен в Турции»{50}.

Столь резкая реакция со стороны Хашим-хана была вызвана требованием Англии выслать из Афганистана членов посольств стран Германии и Италии. Что они являются разведчиками, афганский премьер знал уже давно, но требование об их выдворении считал нарушением суверенитета Афганистана.

Однако сразу же после визита Ф. Уайли Хашим-хан вызвал к себе Г. Пильгера и потребовал от него, чтобы тот от имени правительства Германии, а не от своего, дал ему гарантии, что немецкие разведчики прекратят свою деятельность в Афганистане. В начале июня 1943 г. Г. Пильгер сообщил Хашим-хану, что германское правительство согласно взять на себя такие обязательства{51}.

Получив эти заверения, Хашим-хан попытался убедить Ф. Уайли не добиваться высылки членов германского и итальянского посольств, но это ему не удалось. Даже начавшиеся в Афганистане аресты фашистских агентов не заставили англичан снять свои требования о выдворении Э. Анцилотти, Д. Витцеля, В. Доха и 4 японских разведчиков.

8 июня 1943 г. советский посол Михайлов вручил Хашим-хану ноту протеста правительства СССР. После этого афганскому правительству стало ясно, что оно будет вынуждено выполнить требования Великобритании и СССР.

В конце июня 1943 г. афганские власти вручили Э. Анцилотти, Д. Витцелю и В. Доху

паспорта для выезда из Афганистана{52}. Из-за проволочек германского посольства В. Дох и Д. Витцель покинули Афганистан только в сентябре 1943 г., а Э. Анцилотти остался в Кабуле, так как к тому времени Италия уже вышла из войны{53}. По фашистской агентуре в Афганистане был нанесен еще один сокрушительный удар, который предвещал скорый конец всей деятельности германской разведки в этой стране. Главная часть работы в этом направлении была уже сделана.

Следует отметить, что эта победа была достигнута ценой ухудшения англо-афганских отношений. Видимо, Ф. Уайли в общении с Хашим-ханом перешел допустимую для дипломата грань. В связи с этим в июле 1943 г. он был отозван английским правительством с поста посланника в Кабуле, хотя и выполнил возложенную на него задачу выдворить из Афганистана главных разведчиков стран Оси.

Англии в 1943 г. в Кабуле уже не был нужен «сильный человек», способный оказывать давление на афганского премьер-министра. Когда Ф. Уайли 26 июля 1943 г. улетал в Индию, в нарушение всех дипломатических правил правительство Хашим-хана устроило ему на прощание демарш: никто из представителей МИДа Афганистана его не проводил. Английский дипломат мог утешить себя лишь тем, что он уезжал победителем{54}.

Чтобы не осложнять отношений с Кабулом, английское правительство заменило «плохого» Ф. Уайли на «хорошего» Джеймса Сквайра, который 5 августа 1943 г. вручил свои верительные грамоты королю Захир-шаху. В лучших традициях Британской империи посланником в Афганистан был назначен человек с большим опытом разведчика и детальным знанием «патанской проблемы». Д. Сквайр длительное время служил в Пенджабе, Пешаваре, Белуджистане, Иране. С 1941 г. он был «дополнительным советником» английского посольства в г. Тегеране... Следует признать, что новый посланник был удачной заменой Ф. Уайли, которому афганцы дали многозначительную кличку Губернатор.

Вскоре и в советском посольстве произошли кадровые перестановки: К. Михайлов был назначен послом СССР в Иране. Разумеется, это была не только награда за 5 лет сверхтрудной деятельности в Кабуле, но еще и перевод на более спокойное место службы. К. Михайлов, как и многие советские дипломаты в годы Великой Отечественной войны, к 1943 г. в результате работы на износ подорвал свое здоровье. Даже в Иране он смог проработать всего несколько месяцев, после чего его срочно отозвали в Москву на лечение.

Афганское правительство с радостью встретило отъезд К. Михайлова. Ему тоже не могли простить высылки в 1943 г. членов дипломатических миссий Германии и Италии. В связи с этим афганцы устроили ему такие же «холодные» проводы, как и Ф. Уайли.

Новым поверенным в делах СССР в Кабуле был назначен И. Самыловский, которому пришлось вновь налаживать сотрудничество с британским посольством в Афганистане, чтобы окончательно пресечь деятельность фашистской агентуры в этой стране. В конце 1943 г. новым советским послом в Афганистане был назначен кадровый дипломат Иван Николаевич Бакулин{55}. Более до конца Второй мировой войны кадровые перестановки в миссиях антигитлеровской коалиции в Кабуле не производились.

10—11 августа 1943 г. Д. Сквайр и И. Самыловкий обсудили направления и тактику дальнейших действий в Кабуле. Англичанин сообщил своему советскому коллеге, что немецкая миссия все еще финансирует Факира из Ипи. В связи с этим Д. Сквайр предлагал продолжать добиваться от Хашим-хана ограничения «отпуска средств миссиям стран Оси через Афганбанк», но при этом подчеркивал, что «нажимать на афганцев не следует, дабы не вызвать осложнений в Афганистане»{56}. В 1944—1945 гг. эта фраза, можно сказать, стала девизом всей дальнейшей политики Великобритании и Советского Союза в отношении этого государства.

В Лондоне и Москве видели, что III рейх неизбежно приближался к своему краху, и афганское руководство, чтобы ему потом не вспомнили тайные контакты со странами оси в 1941—1942 гг., готово было к более тесному сотрудничеству с СССР и Великобританией. В этих условиях необходимость в совместных советско-английских демаршах в Кабуле отпала.

В сентябре 1943 г. начавшийся распад германского блока принес весомый подарок

дипломатам и разведчикам Англии и СССР в Афганистане. После отстранения Муссолини от власти и объявления Италией войны Германии британское и советское посольства в Кабуле получили в свое распоряжение ценнейший источник информации о деятельности стран оси в Афганистане: итальянский посланник П. Кварони и советник Э. Анцилотти, подчиняясь приказу правительства Бадольо, были вынуждены вести многочасовые «беседы» с представителями Англии и США, а затем и СССР.

Надо отдать должное дальновидности итальянского посланника, который, получив из Рима сообщение о свержении Муссолини, сразу же опубликовал в афганских газетах заявление о своей верности итальянскому королю Виктору-Эммануилу III, а не фашистскому режиму. Однако на какие-либо контакты с дипломатическими миссиями стран антигитлеровской коалиции в Кабуле П. Кварони до последней возможности не шел, боясь, что ему придется ответить за его подрывную деятельность в зоне пуштунских племен.

Понимая, что по своей воле итальянский посланник не расскажет о сотрудничестве разведок Оси в Афганистане, английское правительство заключило с правительством Бадольо соглашение, согласно которому Великобритания взяла на себя все расходы по содержанию итальянской миссии в Кабуле. Взамен Лондон потребовал, чтобы связь П. Кварони с итальянским правительством осуществлялась через британское посольство, а сам посланник сообщил английским представителям все о своей работе с немцами в Афганистане. Одним словом, итальянского дипломата загнали в угол. Проигнорировать приказ руководства он не мог и стал активно раскрывать Великобритании и СССР тайны бывших союзников по Оси.

29 сентября 1943 г. британский посланник Д. Сквайр посетил советское посольство и сообщил И. Самыловскому, что недавно получил из Лондона 2 телеграммы, в которых ему приказывалось привлечь членов итальянской миссии к сотрудничеству с целью «получения от них всех сведений, которые могут быть полезными для союзников в войне против Германии»{57}.

Далее английский дипломат уведомил поверенного в делах СССР о своей предстоящей первой встрече с П. Кварони, которая должна была состояться вечером этого же дня. Д. Сквайр отметил: «Афганцы всем этим очень напуганы и боятся, что союзники установят хорошие связи с итальянцами. Итальянцы могут, очевидно, многое рассказать об афганском правительстве и отдельных афганцах»{58}.

В течение трех недель после этой встречи с К. Михайловым британский посланник 3 раза встречался с П. Кварони, которому задал более ста вопросов о деятельности миссий стран Оси в Афганистане и Индии в годы Второй мировой войны. Но наиболее детально с итальянским дипломатом (почти каждый день) в сентябре-октябре 1943 г. «беседовал» первый секретарь британского посольства В. Коннор-Грин.

П. Кварони во время этих встреч с англичанами подробно рассказал им о подрывной деятельности германской и японской разведок в Афганистане, но постарался принизить свою роль в создании разведсети стран Оси в Афганистане и Индии. Он также долго не соглашался назвать имена тех членов афганского правительства, которые сотрудничали с Германией и Италией. Только получив от Д. Сквайра гарантии, что Англия не будет преследовать этих лиц, П. Кварони сообщил англичанам их имена. Британская разведка провела проверку информации, поступившей от П. Кварони, и сделала вывод, что итальянский посланник говорит правду.

Советское посольство стремилось как можно быстрее узнать от англичан, что им рассказал итальянец, но те не спешили поделиться со своими союзниками полученной информацией. Поэтому 19 октября 1943 г. поверенный в делах СССР в Афганистане И. Самыловский посетил британское посольство, чтобы выяснить содержание бесед Д. Сквайра с П. Кварони.

Английский посланник проинформировал советского дипломата, что в его беседах с итальянцем «затрагивались только вопросы, касающиеся антибританской работы... в Индии»{59}. Далее Д. Сквайр, пользуясь своими записями, в общих чертах пересказал И. Самыловскому наиболее интересные сведения, полученные от П. Кварони. Так, он сообщил, что, по словам Кварони:

1. «Итальянская миссия свою работу в Индии вела через Факира из Ипи», передав лидеру вазиров 1 млн 900 тыс. афгани.

2. «Субхас Чандра Бос по фальшивому паспорту, который выдала итальянская миссия, уехал (из Афганистана. – Ю. Т.) в Германию. [...] Когда у немцев была перспектива захвата Сталинграда и Кавказа, а в дальнейшем возможность движения на Средний Восток и Индию, они не хотели, чтобы (антибританской. – Ю.Т.) работой в Индии занимались одни японцы». После поражения вермахта под Сталинградом Германия передала С.Ч. Боса японцам, которые с помощью бывшего президента ИНК хотели организовать подрывную деятельность против Британской Индии с территории Афганистана и Бирмы;

3. Между итальянской и германской миссиями в Кабуле были разногласия по вопросу о работе с бухарскими эмигрантами, так как П. Кварони предупреждал Г. Пильгера, что ставка на их массовую вербовку без серьезной проверки «приведет к провалу всего дела».

Ничего нового в информации П. Кварони для британской и советской разведки не содержалось. Более того, итальянский посланник явно занизил сумму, потраченную Италией на поддержку Факира из Ипи. Но для англичан было важно, что П. Кварони подтвердил их информацию о сотрудничестве некоторых афганских политиков со странами Оси.

Этими сведениями Д. Сквайр не захотел делиться с советской стороной. Поэтому И. Самыловскому в ноябре 1943 г. пришлось принять меры, чтобы англичане предоставили ему возможность самому встретиться с П. Кварони. После различных проволочек британская миссия все же «порекомендовала» итальянскому посланнику посетить советское посольство.

30 ноября 1943 г. П. Кварони нанес визит И. Самыловскому{60}. В ходе их первых бесед никакой ценной информации от итальянца советская сторона не получила. П. Кварони долгое время не хотел сообщать информацию о подрывной деятельности стран Оси на севере Афганистана.

Так, 21 декабря 1943 г. итальянский посланник посетил советское посольство и более двух с половиной часов беседовал с И. Самыловским. П. Кварони охотно поделился с ним сведениями об Аманулле-хане и попытках Дауд-хана и Наим-хана в 1942 г. заключить тайное соглашение с Германией и Италией о создании в Афганистане нового правительства, готового «содействовать немцам и итальянцам в их движении на Индию»{61}.

Когда же И. Самыловский сказал, что его интересуют «некоторые вопросы о бухарских эмигрантах», итальянский посланник заявил, что «он с этим вопросом в деталях не знаком, непосредственно им не занимался и сказать дополнительно ничего не имеет»{62}. Однако уже на следующей встрече с советским поверенным, которая состоялась 8 января 1944 г., итальянский дипломат все же сообщил И. Самыловскому сведения о бухарском эмире Алим-хане и его окружении, а также о попытках германской разведки использовать узбекских и туркменских эмигрантов в Афганистане в своих интересах{63}.

12 и 17 февраля 1944 г. итальянский посланник уже встретился с резидентом М. Аллахвердовым и рассказал ему о сотрудничестве итальянской разведки с немецкими спецслужбами в Афганистане. П. Кварони также перечислил Заману имена тех афганцев, которые тайно работали на фашистскую Италию. Среди этих лиц П. Кварони назвал министра экономики Абдул Меджида и министра здравохранения Яхья-хана, о сотрудничестве которых с итальянцами советская разведка ничего не знала{64}.

Подводя итоги бесед советских представителей с итальянским посланником, следует отметить, что почти все сообщенное им было уже известно внешней разведке. В связи с этим ценность его информации для СССР была минимальна. Но в Москве оценили готовность П. Кварони к сотрудничеству, а также тот факт, что он «активной работы против СССР не проводил»{65}. В связи с этим в 1944 г. итальянец, после всех согласований с Кремлем был назначен итальянским правительством послом в Советский Союз.

В своих беседах с английскими и советскими разведчиками П. Кварони неоднократно указывал, что резидентом германской разведки в Афганистане является К. Расмус. Но, к удивлению афганского правительства, Англия и СССР не требовали выдворения из страны этого разведчика, хотя он возглавлял всю германскую агентуру в Афганистане и Индии.

Секрет заключался в том, что британская и советская разведки были заинтересованы в его пребывании в Кабуле. ИПР было выгодно, чтобы К. Расмус продолжал руководить работой Бхагат Рама, так как между ним и немецким разведчиком установились дружеские отношения. Британский историк М. Хаунер, который подробно изучил документы английской разведки по Афганистану и северо-западной границе Британской Индии, по этому поводу пишет: «Английская разведка придавала важное значение тому, чтобы К. Расмус продолжал находиться в Кабуле... из-за ровных рабочих отношений, установившихся между ним и Бхагат Рамом»{66}.

Внешняя разведка СССР также не хотела выдворения К. Расмуса из Афганистана, но по другой причине: советские разведчики в Кабуле еще не были готовы к вербовке германского резидента, которому в НКВД присвоили псевдоним Магистр{67}. В октябре 1943 г. в Кабул с этой целью прибыл советский разведчик А. Коротков, который был большим мастером вербовки немецких офицеров высокого ранга.

24 октября советским разведчикам удалось заманить К. Расмуса на одну из своих конспиративных квартир. Там А. Коротков (полковник Михайлов) и М. Аллахвердов (советник посольства СССР Алмазов) предъявили ему документы на все деньги, переданные Бхагат Рамом в советское посольство, шифры и коды для радиосвязи между Берлином и Индией и 2 рации{68}. После этого «полковник Михайлов» заявил немцу: «Прежде всего ознакомьтесь с этими уликами. Вдумайтесь. Спокойно и серьезно оцените обстановку и свое положение. Видите: вот документы на деньги, которые благодаря вашей неосторожности и ошибкам поступили в фонд обороны СССР. Вот рации. Вот шифры, коды, благодаря которым расшифрованы все ваши радиообмены с Берлином и Дели. Это тоже результат ваших просчетов. Поймите, ошибаться может каждый. Но если из-за ваших ошибок и просчетов вся ваша работа оказалась использованной в наших интересах, то это уже хуже, чем ошибка. Это фактическая измена. Это прямая помощь врагам Германии. И эту помощь мы регулярно получали от вас все это время. Мы можем разоблачить вас перед Берлином, переслать туда подлинные документы. Ваше руководство не простит вам этого никогда»{69}.

Чтобы советские разведчики выпустили его живым, К. Расмус пообещал встретиться с ними и дать ответ на предложение работать на советскую разведку 26 октября. На встречу он не явился.

А 5 ноября 1943 г. английский посланник Д. Сквайр сообщил И. Самыловскому, что германское правительство отзывает К. Расмуса. Через три недели немецкий резидент тайно выехал из Афганистана и через некоторое время был уже в Берлине. Таким образом, вербовка Расмуса провалилась.

Его бегство, как это ни удивительно, не скомпрометировало Бхагат Рама, так как беглец обвинил в своем провале одного из руководителей басмачества в Афганистане, Махмуд-бека, который действительно сотрудничал с советской разведкой{70}. Поэтому немцы, уверенные в надежности своего резидента в полосе «независимых» пуштунских племен Британской Индии, передали его японцам и тем самым обрекли на провал все попытки японской разведки развернуть подрывную работу среди восточных пуштунов. Одним словом, все закончилось благополучно, а могло быть и совсем наоборот...

Здесь следует отметить, что случай с К. Расмусом в очередной раз проявил скрытое соперничество между советской и британской спецслужбами в Афганистане. Неоднократно действия английской стороны осложняли работу нашей разведки. Так, весной 1942 г. по требованию Ф. Уайли среди прочих немецких шпионов был арестован Махмуд-бек, который был агентом-двойником. Судя по архивным документам, это стало для англичан неприятным сюрпризом. Но факт остается фактом: британская сторона невольно подложила свинью своему советскому партнеру или, используя современную натовскую терминологию, попала под дружественный огонь.

Порой этот огонь велся прицельно! Больший урон работе кабульской резидентуры НКВД нанес арест Уттам Чанда. В данном случае англичане хорошо знали, что этот индиец

работает не только на абвер, но и на советскую разведку. Его дом являлся местом встреч Бхагат Рама с Заманом... Уттам Чанд даже посещал советское посольство! Ему настолько удавалась эта двойная игра, что после его ареста сложилась довольно пикантная ситуация: сперва его освобождения у афганского правительства требовал Г. Пильгер, а после высылки Уттам Чанда в Индию за него стало хлопотать НКВД, чтобы вернуть своего человека в Кабул. Англичане отклонили эту просьбу Москвы...

В 1943 г. пришел черед советской разведки преподнести ИПР неприятный сюрприз. Неудачная вербовка К. Расмуса, видимо, заставила британскую разведку внести серьезные коррективы в свою деятельность...

Несмотря на эти досадные инциденты, СССР и Великобритании в Афганистане удалось сорвать все попытки стран Оси спровоцировать мятеж в зоне пуштунских племен в 1941—1943 гг. и реанимировать басмаческое движение в Средней Азии. Таким образом, Германии и ее союзникам не удалось в годы Второй мировой войны использовать Афганистан в качестве плацдарма в «тайной войне» против стран антигитлеровской коалиции.

Глава 41

Восстание пуштунских племен вспыхнуло, но III Рейх от этого ничего не выиграл

Выдворение немецких и японских разведчиков из Афганистана произошло как нельзя вовремя: в начале 1944 г. в Восточной провинции Афганистана началось вооруженное выступление пуштунов против правительства Хашим– хана. В восстании активное участие приняли аманулисты и патаны «независимой полосы» Британской Индии, в результате чего афганские и британские власти в течение 2-х лет не могли стабилизировать ситуацию в зоне пуштунских племен.

Бесспорно, что, если бы Германия в тот момент не терпела поражение за поражением, она бы постарались реализовать операцию «Тигр», а немецкие разведчики в Кабуле попытались хоть чем-нибудь навредить Великобритании. Однако активное ядро германской резидентуры к 1944 г. было устранено совместными усилиями СССР и Англии из Афганистана, а Берлину в 1944 г. было уже не до Индии. В связи с этим восстание приграничных племен 1944—1945 гг. осталось традиционной проблемой Англии и Афганистана, а не превратилось в дуэль спецслужб противоборствующих коалиций.

Вооруженное выступление приграничных племен было вызвано сугубо внутренними причинами и опиралось лишь на собственные силы. События в зоне пуштунских племен в конце Второй мировой войны стали в очередной раз демонстрацией военной силы приграничных племен. И слава богу, что Германия в тот момент не могла перебросить по воздуху в район восстания оружие и десантные части... Если бы это случилось, в Афганистане и северо-западных районах Индии пролилась бы «большая кровь», а сами восставшие, несмотря на свои справедливые требования, оказались бы скомпрометированы сотрудничеством с фашистской Германией.

Оценивая ход событий в Афганистане в 1941—1943 гг., следует признать, что антиправительственные и антибританские выступления пуштунских племен были неизбежны. Для всего простого афганского населения война стала временем суровых испытаний. В эти годы цены на продовольствие и товары первой необходимости, включая ткани, резко выросли. Однако афганское правительство ничего не предпринимало для того, чтобы улучшить бедственное положение своих подданных.

Наоборот, почти вся правящая верхушка, включая самого Хашим-хана, активно участвовала в спекуляции дефицитными товарами, получая от сделок на черном рынке сотни процентов чистой прибыли. Чтобы увеличить свои доходы, клан Яхья-хель ввел в стране систему принудительной закупки продовольствия по довоенным ценам, которые были в несколько раз ниже рыночных. С той же целью правительство Хашим-хана постоянно повышало натуральные налоги и вводило новые государственные торговые монополии на экспортные афганские товары, пользовавшие спросом на мировом рынке. Злоупотребления членов королевской семьи и государственных чиновников вызвали всеобщее недовольство среди афганцев.

Пуштуны, как и все население Афганистана, страдали от различных грабительских поборов, но до поры мирились с этим, так как у них была возможность осуществлять контрабандную торговлю со своими соплеменниками из «независимой» полосы. Для многих племен в 1943 г. из-за сильного неурожая эта торговля была единственной возможностью не умереть с голода, так как афганское правительство ничего не сделало, чтобы оказать помощь бедствующему населению.

Преступное бездействие кабульских властей было особенно очевидным на фоне обстановки в северо-западных районах Британской Индии, которые тоже пострадали от засухи, но благодаря мерам, принятым английской администрацией, не испытывали трудностей с продовольствием. Пуштуны из Афганистана, продавая в Индию дрова и сухофрукты, сами покупали в «независимой» полосе продукты. Однако в 1943 г. вся торговля лесом и дровами была монополизирована государством.

Эта фискальная мера вызвала резкое недовольство среди пуштунских племен, проживающих близ г. Хоста. В связи с этим зимой 1943 г. в пуштунских племенах Южного Афганистана, как отметил в своем донесении один из агентов советской разведки, «усилилось антиправительственное движение, принявшее всенародный характер». Тот же источник сообщил в Москву, что племена «независимой» полосы Британской Индии созвали в конце 1943 г. джиргу, на которой решили порвать все связи с Хашим-ханом и пригрозили выступить с оружием в руках против афганского правительства, если оно «не урегулирует затруднения (с продовольствием. – Ю. Т.)»{1}.

Столкнувшись с угрозой всеобщего восстания пуштунов, Хашим-хан в ноябре 1943 г. направил для переговоров с их вождями (маликами) популярного в Афганистане военного министра Шах Махмуд-хана, которому много раз удавалось мирными средствами улаживать вооруженные конфликты между Кабулом и кочевыми племенами. Эта поездка военного министра закончилась безрезультатно, так как представители населения Восточной провинции единодушно требовали отмены государственной монополии на торговлю лесом.

Вернувшись в Кабул, Шах Махмуд-хан немедленно доложил о результатах своей миссии королю Захир-шаху и Хашим-хану. Однако те не поняли всей опасности ситуации в южных районах Афганистана и не захотели идти на уступки пуштунам. Посовещавшись с королем, Хашим-хан ограничился тем, что от своего имени направил лидерам приграничных племен письма с приглашением приехать в Кабул на джиргу, чтобы на ней урегулировать все спорные вопросы{2}.

Приглашение премьер-министра, как показали дальнейшие события, не смогло успокоить пуштунские племена. За годы войны их вожди неоднократно встречались с королем Захир-шахом и Хашим-ханом, но не добились удовлетворения своих просьб. Пуштуны уже не верили афганскому правительству. В начале 1944 г. в Южном Афганистане началось мощное антиправительственное восстание.

Первыми выступили воинственные вазиры. В декабре 1943 г. они послали в Кабул своих представителей для переговоров с Хашим-ханом. Как и следовало ожидать, эта поездка закончилась безрезультатно. Тогда в феврале 1944 г. горцы ограбили государственные склады с зерном в районе г. Ургуна{3}.

Эта акция послужила сигналом к бунту соседних племен. Вслед за вазирами восстало многочисленное и хорошо вооруженное племя джадран, для которого торговля лесом и дровами с Британской Индией была традиционным промыслом. В начале февраля 1944 г. командир пограничного отряда Таза Гуль попытался с несколькими жандармами перехватить один джадранский караван с дровами. В ходе перестрелки он и еще несколько пограничников были убиты.

На следующий день к месту происшествия с пехотным полком и артиллерией прибыл командующий войсками Южной провинции генерал Файз Мухаммед-хан, который потребовал выдать виновных. Получив отказ, он начал артиллерийский обстрел пуштунских селений, которые вскоре были взяты без боя правительственными войсками. Спасаясь от карателей, большая часть джадранов укрылась в горах Вазиристана. Однако многие горцы не

покинули своих кишлаков, в которых солдаты Файз Мухаммед-хана стали бесчинствовать, не считаясь с обычаями племенных пуштунов и нормами шариата.

Зверства, творимые правительственными войсками, вынудили вождя племени джадран Замрак-хана возглавить мощное вооруженное восстание, которое поддержали соседние пуштунские племена мангал, тини и сафи. Общая численность ополчений этих племен достигла 10 тыс. воинов{4}.

Уже в первых боях с восставшими правительственные войска понесли большие потери, и Файз Мухаммед-хан срочно запросил Кабул о присылке значительных подкреплений.

Как сообщил один из агентов советской разведки в правительственных кругах Кабула, известие из Южной провинции «произвело удручающее впечатление на правительство». Для обсуждения сложившейся ситуации 12 февраля 1944 г. король Захир-шах срочно созвал совещание, на котором присутствовали наиболее влиятельные члены афганского правительства и королевской семьи: премьер-министр Хашим-хан, военный министр Шах Махмуд-хан, командующий кабульского гарнизона и королевской гвардии Дауд-хан и заместитель премьера Наим-хан.

Военный министр, который лучше других знал обстановку в зоне проживания пуштунских племен, настаивал на том, чтобы правительство попыталось мирными средствами ликвидировать восстание пуштунских племен. Захир-шах и Хашим-хан были готовы согласиться с этим предложением. Однако Дауд-хан выступил категорически против любых уступок восставшим, заявив, что антиправительственные действия племен не должны остаться безнаказанными. Он потребовал немедленной отправки войск в район Хоста для подавления восстания.

Спор между военным министром и Дауд-ханом закончился победой последнего. Король и премьер-министр, хотя и не без колебаний, приняли решение об отправке той же ночью трех полков с артиллерией и шестью бронемашинами в Хост. Общее руководство карательной операцией было поручено Дауд-хану, хотя фактически ее осуществлял более опытный и осторожный Шах Махмуд-хан{5}.

Действия регулярной армии против джадранов и поддержавших их племен, как и предвидел военный министр, только усилили враждебность пуштунов к Кабулу. Они саботировали спешно объявленный в стране призыв в армию. Более того, потребовали отменить принудительные государственные закупки продовольствия и понизить налоги. Шинвари, сафи, хугияни, тини направили своих представителей к соседним племенам с предложением о совместных действиях против афганского правительства. Чтобы не дать им объединиться, Шах Махмуд-хан приказал властям Восточной провинции схватить всех членов делегации этих племен. Однако такая акция еще больше озлобила пуштунов, и военный министр был вынужден освободить арестованных.

Не имея полномочий на ведение переговоров с вождями племен, Шах Махмуд-хан срочно проинформировал Хашим-хана, что ликвидация конфликта в Восточной провинции военными средствами невозможна, так как по численности и стрелковому вооружению отряды пуштунов значительно превосходили правительственные войска в Южном Афганистане.

Афганский премьер перед угрозой расширения восстания Замрак-хана поручил в начале марта 1944 г. военному министру провести переговоры с пуштунскими вождями об урегулировании конфликта. Хашим-хан дал согласие пойти на серьезные уступки племенам: правительство отменило государственную монополию на торговлю лесом, разрешило закупать хлеб по рыночным ценам и уменьшить набор в армию пуштунских воинов. Кроме этого, Шах Махмуд-хану из Кабула было послано несколько миллионов афгани для подкупа племенных лидеров. С помощью этих денег, снижения всех налогов, взимаемых с кочевников, и заверений, что Кабул прекратит вмешательство в дела племен, Шах Махмуд-хан смог предотвратить всеобщее антиправительственное выступление племен Восточной провинции весной 1944 г.

Прибегая к обещаниям и подкупам, Кабул попытался ликвидировать и восстание Замрак-

хана. К вождю джадранов была направлена делегация, которая от имени Шах Махмуд-хана обещала ему и всем его воинам амнистию, а также возмещение ущерба от карательных операций правительственных войск. Замрак-хану также было обещано, что он останется вождем племени. Однако тот отказался сложить оружие, заявив: «Нынешнее правительство не заслуживает никакого доверия, и поэтому его словесные заверения, рассчитанные на обман народа, желательных результатов не дадут. [...] Оно (правительство. – Ю. Т.) является предательским, не имеющим ни чести ни совести, обдирающим свой народ и абсолютно не думающим о его положении»{6}.

Получив такой ответ, Шах Махмуд-хан на следующий день приказал войскам штурмом взять гору Альмару, где располагались главные силы джадранов. Утром разгорелся ожесточенный бой между восставшими и карателями. На помощь Замрак-хану пришли лашкары мангалов, они общими усилиями разбили пехотный полк правительственных войск.

Весть о победе восставших быстро распространилась среди пуштунских племен, проживавших по обе стороны индо-афганской границы. Племя сулейман-хель заявило о своей поддержке Замрак-хана. К джадранам примкнули и вазиры, включая род мада-хель из Северного Вазиристана (Британская Индия), а также афганские племена, проживавшие в районе Тани и Дараги. Общая численность лашкаров восставших племен превышала 180 тыс. воинов.

В любой момент к Замрак-хану могли присоединиться и другие приграничные племена «независимой» полосы Британской Индии. Так, вазиры и масуды Вазиристана созвали джиргу, чтобы решить вопрос о совместном вооруженном выступлении против афганского правительства. Только угроза британских властей немедленно начать бомбардировку селений Вазиристана заставила эти племена временно отказаться от помощи джадранам.

Обстановка в Афганистане становилась все более критической: антиправительственное выступление пуштунских племен грозило перерасти во всеобщее восстание афганского населения против династии Яхья-хель. Таджики Гардеза были готовы примкнуть к Замрак-хану. Взрывоопасная обстановка сложилась в Хазаре и Северном Афганистане.

Воспользовавшись кризисной ситуацией, вновь взялись за оружие сторонники свергнутого короля Аманулы-хана. В апреле—мае 1944 г. аманулисты во главе с Гулям Мухаммед-ханом при поддержке шинвари и афридиев создали лашкар численностью две тысячи человек. В нескольких сражениях правительственным войскам удалось разбить отряд Гулям Мухаммад-хана{7}. Самостоятельное выступление аманулистов потерпело крах, поэтому они присоединились к Замрак-хану, который охотно принял их у себя.

Обеспокоенный нарастанием внутриполитического кризиса в стране, Хашим-хан приказал срочно отправить в район Хоста и Гардеза две дивизии и 12 боевых самолетов. В Кабуле осознавали, что этих сил может не хватить для подавления восстания, поэтому в стране была объявлена мобилизация.

Помня о неоднократных попытках пуштунских племен совершить поход на Кабул, премьер-министр распорядился сконцентрировать вновь сформированные части вокруг афганской столицы. Он же отдал приказ Шах Махмуд-хану немедленно начать боевые действия против отрядов Замрак-хана. Военный министр, выполняя этот приказ, сосредоточил в Ургуне, Гардезе и Хосте значительные силы войск для наступления на джадранов. В апреле 1944 г. афганская авиация начала бомбардировку кишлаков этого племени.

С началом широкомасштабных боевых операций Шах Махмуд-хан не спешил, так как уже в ходе первых боев с джадранами стало ясно: афганские солдаты не хотят воевать против своих соотечественников. Существовала также угроза, что племена Вазиристана все же объединятся с Замрак-ханом. Поэтому афганское правительство отправило в Вазиристан генерала Пир Мухаммед-хана с большой суммой денег для подкупа вождей вазиров. В первую очередь, он попытался с помощью взятки в 1 млн афгани добиться от влиятельного вождя вазиров Занги-хана изгнания лидера джадранов со своей территории. На это предложение кабульского эмиссара вазир гордо ответил, «что ради денег он не намерен ронять свое достоинство и вставать на путь предательства и бесчестия»{8}. Тогда Пир

Мухаммед-хан предложил Занги-хану 2 млн афгани, но получил тот же ответ. Никогда за голову одного мятежника афганское правительство не предлагало столь большую сумму...

Впервые королевский клан Яхья-хель столкнулся со столь всеобщим осуждением своей политики. Даже ранее дружественные афганскому правительству вожди и духовные лица отказывались помогать Кабулу подавлять восстание в Южном Афганистане. К примеру, Министерство иностранных дел Афганистана направило в Северный Вазиристан своих представителей для переговоров с Факиром из Ипи, который всегда лояльно относился к правительству Хашим-хана. Афганская сторона обратилась к Факиру с просьбой, чтобы он захватил сыновей Замрак-хана в заложники. Разумеется, что кабульские посланцы готовы были щедро заплатить за услугу. Однако участвовать в похищении детей вождя джадранов Факир отказался{9}.

Стремясь предотвратить объединение сил восставших пуштунов Южного Афганистана с племенами Вазиристана, Хашим-хан обратился к британским властям Индии с просьбой заставить вазиров не оказывать помощь Замрак-хану. Английская миссия в Кабуле от имени своего правительства дала Хашим-хану обещание, что племена «независимой» полосы не будут помогать джадранам.

Великобритания пошла на этот шаг, так как хотела сохранить у власти проанглийское правительство Хашим-хана. Британский посланник в Кабуле Д. Сквайр в одной из своих бесед с послом СССР в Афганистане И. Бакулиным в июле 1944 г. довольно точно охарактеризовал обстановку, сложившуюся на индо-афганской границе в результате восстания Замрак-хана: «Сейчас имеются среди племен две фигуры: Замрак-хан в Афганистане и Факир из Ипи в Индии. Факир из Ипи борется против английского правительства. Замрак борется против афганского правительства. [...] Факир и Замрак могут объединиться в борьбе против афганского правительства, и тогда племена окажутся сильнее, чем правительственные войска. Сила племен... хорошо известна, так как этой силой Надир-шах сверг Бачаи Сакао. Аманулла не удержался на троне только потому, что племена восстали против него»{10}.

Спасая дружественное Англии правительство Хашим– хана, губернатор Северо-Западной Пограничной провинции Индии созвал вождей вазиристанских племен в г. Банну и с помощью угроз и подкупов заставил их гарантировать невмешательство своих племен в афганские события. Однако вазиры все же предоставили убежище семьям джадранов.

Изолировав мятежные племена Южного Афганистана от их сородичей в Индии, афганское правительство не пожалело денег на подкуп некоторых влиятельных лидеров джадранов, чтобы спровоцировать междоусобицу в лагере восставших. Подкупленные Шах Махмуд-ханом вожди Миру и Мухаммед Сарвар собрали отряд из тысячи воинов и выступили против Замрак-хана, который, не желая братоубийственной войны в своем племени, в апреле 1944 г. уехал в Вазиристан.

После его отъезда джадраны отправили в г. Хост свою делегацию для примирения с правительством, но все парламентеры были вероломно арестованы. В нарушение своих обещаний афганские власти стали проводить репрессии среди джадранов, арестовав большое количество сторонников Замрак-хана. Афганское руководство в июне 1944 г. поспешно объявило о подавлении восстания племен Южного Афганистана.

Фактически положение в приграничных с Вазиристаном районах Афганистана продолжало оставаться критическим, так как джадраны, возмущенные действиями афганских властей, решили поднять новое восстание. Поэтому в июне 1944 г. афганские власти предприняли попытку убить вождя джадранов, который, приняв меры предосторожности, дал свое согласие на личную встречу с Шах Махмуд-ханом у горы Альмары. Когда лидер мятежного племени со своими воинами в назначенное время прибыли на переговоры с военным министром, афганские солдаты по приказу последнего открыли шквальный пулеметный огонь по Замрак-хану и его сопровождению. В бою, понеся большие потери, победу одержали джадраны, захватившие в качестве трофеев 500 винтовок и три пулемета.

Своей акцией Махмуд-хан лишь еще больше накалил обстановку в зоне пуштунских

племен. Возмущенное таким коварством мусульманское духовенство Южного Афганистана демонстративно не приняло из его рук «подарки» от афганского короля и отказалось издать фетву против восставших{11}.

Военный министр, оказавшись во враждебной изоляции со стороны всех слоев местного населения, вынужден был прибегнуть к самым жестоким мерам, чтобы устрашить приграничные племена. С этой целью афганские ВВС сровняли с землей неприступную калу Замрак-хана, не пощадив еще 20 укрепленных жилищ его соратников. Одновременно с этим правительственные войска развернули наступление на позиции джадранов. Однако уже в первом бою афганские солдаты отказались стрелять в восставших, заявив, что «не будут сражаться против своих мусульман»{12}. Таким образом, правительство Хашим-хана не только не смогло разбить главные силы повстанцев, но и оказалось перед угрозой мятежа в армии.

В середине июня 1944 г. в Кабул пришло известие, что вазиры «независимой» полосы, несмотря на все угрозы британских властей, договорились с Замрак-ханом сразу же после уборки урожая вместе с джадранами выступить против афганского правительства. С этой же целью тесть вождя восставших Занги-хан начал переговоры с масудами. В Южной провинции Афганистана в любой момент могло вспыхнуть восстание племени сафи.

В этой опасной обстановке афганское руководство вновь попыталось заманить в ловушку Замрак-хана: ему было обещано вернуть все его земли и имущество, если он сложит оружие и вернется в Афганистан. Однако мятежный вождь не попался на эту уловку.

Все лето 1944 г. правительство Хашим-хана усиливало войска в Южном Афганистане и тратило миллионы афгани на подкуп племенных вождей. С помощью золота Кабулу в очередной раз удалось склонить на свою сторону часть лидеров джадранов, для которых король Захир-шах в своем дворце 2 сентября 1944 г. устроил пышный прием. Чтобы окончательно замирить племена Восточной провинции, афганское правительство пошло на значительные уступки.

1. Была отменена государственная монополия на торговлю лесом, которая являлась важным источником доходов приграничных племен.
2. Кабул дал гарантии того, что натуральные налоги будут взиматься по рыночным ценам.
3. Джадранам была предоставлена привилегия формирования из своих воинов отряда племенной милиции, средства на содержание которого предоставляло правительство{13}.

Эти меры помогли примирить значительную часть родов джадранов и отколоть их от Замрак-хана. Однако его продолжали поддерживать вазиры «независимой» полосы, что заставило Хашим-хана вновь обратиться за помощью к Англии, которая искала способ расправиться со своим давним врагом.

По просьбе афганского правительства британская авиация подвергла бомбардировке все селения в Вазиристане, где мог бы находиться вождь джадранов. Губернатор Северо-Западной Пограничной провинции предупредил вазиров о предстоящих авианалетах на их населенные пункты. Для большей эффективности ударов своих бомбардировщиков английское командование координировало свои операции с афганским Генеральным штабом{14}. Совместными усилиями они вынудили Замрак-хана на время прекратить деятельность среди племен Северного Вазиристана, в результате чего ситуация в Восточной провинции Афганистана к декабрю 1944 г. стабилизировалась.

Хашим-хан и его окружение понимали: главные причины, подтолкнувшие джадранов и союзные племена к восстанию, не ликвидированы, нехватка продовольствия и непосильные налоги неминуемо должны были вызвать весной 1945 г. новое вооруженное противостояние между пуштунами и Кабулом. Однако под давлением группировки «молодых» политиков во главе с Дауд-ханом король Захир-шах сделал ставку на применение силы.

Бедственное положение пуштунов Восточной провинции Дауд-хан хотел использовать для того, чтобы в короткий срок подчинить непокорные пуштунские племена Южного Афганистана центральному правительству. Более опытные и осторожные Хашим-хан и Шах Махмуд-хан понимали всю опасность этого курса, но были вынуждены подчиниться. Скорее

всего, афганский премьер-министр, алчность которого была известна всей стране, и не стремился решительно противодействовать Дауд-хану, так как отмена монополий и понижение натуральных налогов нанесли бы большой ущерб его доходам.

В начале 1945 г. Кабул готовился к вооруженному подавлению ожидаемого вооруженного выступления пуштунов: на юг Афганистана были переброшены новые войска и авиация. Кроме этого, Хашим-хан в феврале—марте 1945 г. в Джелалабаде лично провел переговоры с вождями племен Восточной провинции. Дипломатический талант премьера и подкупы наиболее влиятельных среди пуштунов лиц позволили несколько разрядить обстановку в районе Сурхунда{15}.

Правда, племена сафи и шинвари «примирить» с политикой Хашим-хана не удалось, и с наступлением теплой погоды они намеревались поднять восстание. Им не нужны были разовые подачки Хашим-хана, правительство которого, несмотря на все ранее данные заверения, продолжало в голодное время изымать у населения хлеб за бесценок. Кроме этого, племена протестовали против нового призыва в армию своих наиболее боеспособных воинов, так как это лишало их возможности оказывать вооруженное сопротивление грабительской политике центральных властей.

Хотя в сложившихся условиях возобновление боев между правительственными войсками и приграничными племенами было неизбежным, события в Южном Афганистане весной 1945 г. стали развиваться по непредусмотренному Кабулом сценарию: в Вазиристане эмиссар Аманулла-хана организовал восстание пуштунских племен по обе стороны индо-афганской границы. В Южной провинции начались бои между отрядами вазиров и масудов, которые провозгласили своей целью восстановление на афганском престоле Аманулла-хана. Сторонники свергнутого афганского монарха вели активную пропаганду среди правительственных войск, призывая офицеров и солдат присоединиться к ним и не служить правительству Хашим-хана, которое «продалось англичанам»{16}.

Перебросив в район Хоста подкрепления и применив против аманулистов авиацию, Кабул смог быстро разбить силы восставших. Опасность совместного антиправительственного выступления племен Южной и Восточной провинций была значительно ослаблена.

Захир-шах и его окружение, напуганные событиями в Хосте, постарались успокоить население Южного Афганистана. С этой целью всем пуштунским вождям, которые находились с начала Второй мировой войны в афганской столице под предлогом несения военной службы, а фактически были заложниками, было дано разрешение вернуться в родные места. Возможно, что тем самым правительство Хашим-хана допустило ошибку, так как лишь угроза расправы над их маликами удерживала многие племена от вооруженной борьбы с Кабулом.

В июне 1945 г. началось вооруженное восстание пуштунов Восточной провинции. С оружием в руках против правительственных войск выступили сафи, шинвари, хугияни и моманды, которые выбрали своим предводителем сафийца Султана Мухаммеда. Требования этих племен были самыми умеренными: они вновь настаивали на отмене принудительных государственных закупок зерна. В знак своей лояльности династии Яхья-хель сафи были даже готовы приступить к переговорам с представителями властей.

Однако афганское правительство решило утопить в крови очередное неповиновение населения Восточной провинции. Руководство карательными операциями на юге Афганистана было поручено Дауд-хану. 1 июля 1945 г. он прибыл в г. Джелалабад. После ознакомления с обстановкой разработал общий план наступления против повстанцев, согласно которому несколько бригад афганской армии должны были отрезать сафи и их союзников от племен Южной провинции, после чего скоординированными ударами подавить главные очаги сопротивления в Кунарской долине. Уже к 6 июля эти задачи карательной операции были успешно решены, так как племена, не оказывая серьезного сопротивления, спешно отступили в горы{17}.

Понимая бесперспективность преследования нескольких десятков тысяч вооруженных горцев, Дауд-хан решил расколоть ряды восставших и хитростью пленить их вождей. С этой

целью он вступил в переговоры с Султан Мухаммадом, которому пообещал полную амнистию для всех участников антиправительственного выступления. Учитывая, что оно было уже почти подавлено, лидер сафи обязался уговорить своих бойцов сложить оружие.

Поверив клятвам Дауд-хана, сафи, шинвари, хугияни прекратили сопротивление. Сразу же после этого против них начались массовые репрессии. Только заложниками в афганскую столицу было отправлено 450 ханов этих племен. В Кабуле праздновали победу.

Правящая верхушка Афганистана недооценила боевой дух и сплоченность пуштунских племен. 16 июля 1945 г. сафи, получив помощь от пуштунов «независимой» полосы Британской Индии, перешли в контрнаступление против правительственных войск. Силы повстанцев постоянно увеличивались благодаря подходу новых лашкаров из «независимой» полосы. К сафи присоединился с 4-тысячным отрядом Замрак-хан. Вместе с ними сражались моманды, которым оказывал поддержку хан Дира. Наваб Свата прислал сражавшимся горцам несколько пулеметов. Мусульманское духовенство зоны пуштунских племен благословило восставших на борьбу против центральных властей.

Правительственные войска оказались не готовы к боям с такой сильной коалицией приграничных племен. Действуя небольшими отрядами, горцы окружили карателей и нанесли им большие потери. Первыми были разбиты милицейские формирования, созданные Дауд-ханом из местных жителей. После этого восставшие переключились на части регулярной афганской армии. В боях с сафи правительственные войска потеряли более 4 тыс. человек и начали отступление, переросшее в паническое бегство. Повстанцы захватили многочисленные военные трофеи. Располагая необходимым вооружением, включая пулеметы и орудия, они смогли захватить города Кунар, Асмар, Чагасарай и все населенные пункты к северу от них. Возникла угроза захвата отрядами пуштунов г. Джелалабада{18}.

Чтобы остановить наступление приграничных племен, афганское правительство вынуждено было принять экстренные меры. В район боев были стянуты шесть бригад регулярных войск, вся авиация, артиллерия и бронетехника. Дауд-хан железной рукой восстановил дисциплину среди отступивших воинских частей. Некоторых офицеров, поддавшихся панике, расстрелял лично. Свежие подкрепления и волевая тактика Дауд-хана смогли стабилизировать обстановку под Джелалабадом. Однако в Кабуле уже не надеялись на быстрое подавление восстания в Южном Афганистане. Для этого афганская армия не имела достаточных запасов оружия и боеприпасов, значительная часть которых начиная с весны 1944 г. была утрачена в боях с мятежными племенами.

В этой критической ситуации Хашим-хан настойчиво пытался закупить столь необходимое вооружение у СССР и Англии. В Москве эти просьбы встретили вежливый отказ, хотя афганская сторона соглашалась приобрести даже трофейное германское оружие. Советское руководство не желало участвовать в подавлении народного восстания.

Великобритания, наоборот, была заинтересована в поддержании спокойствия на индо-афганской границе. Поэтому 13 сентября 1945 г. в Кабул прибыла первая крупная партия английского вооружения: 10 тыс. винтовок, 5 тыс. автоматов, 900 тыс. патронов, 25 орудий и 15 тыс. снарядов к ним{19}. Благодаря этим военным поставкам Дауд-хан получил возможность вновь начать активные боевые действия против сафи.

Однако, даже имея современное вооружение и авиацию, правительственные войска в течение двух месяцев не могли нанести повстанцам поражение. Пуштуны Восточной провинции оказывали яростное сопротивление карателям. Теперь они уже не верили обещаниям афганского правительства и сражались до последнего патрона. В октябре 1945 г. сафи отвергли даже личное обращение к ним короля Захир-шаха с предложением прекратить боевые действия.

Приближалась зима, и ведение военных действий в горах становилось затруднительным как для повстанцев, так и для правительственных войск. В конце октября 1945 г. Дауд-хан смог нанести сафи ряд серьезных поражений, но их сопротивление не было сломлено. В этой ситуации афганское правительство было вынуждено удовлетворить все требования пуштунов Восточной провинции. Правительство Хашим-хана пошло на уступки

приграничным племенам и отменяло принудительные поставки продовольствия государству. Всем повстанцам была дарована амнистия.

Дальнейшие события показали, что наученное горьким опытом афганское руководство строго соблюдало эти обязательства, чем обеспечивало долгожданную стабильность в Южном Афганистане.

Восстания 1944—1945 гг. стали серьезным испытанием для Афганистана. К сожалению, до сих пор не опубликованы данные об ущербе, который был нанесен экономике этой страны боевыми действиями между правительственными войсками и пуштунскими племенами. С уверенностью можно предположить, что на карательные операции против Замрак-хана и сафи была израсходована большая часть государственных доходов Афганистана за эти годы.

Главным виновником постигших страну потрясений был Хашим-хан. Более 12 лет этот политик был всесильным главой афганского правительства. Будучи родным дядей короля и главой клана Яхья-хель, он реально управлял государством, а Захир-шах был вынужден мириться с этим. Однако в Афганистане никто не мог удержаться у власти, если его возненавидели пуштунские племена. В апреле 1946 г. Хашим-хан вынужден был уйти в отставку.

Афганский министр королевского двора в связи с этим заявил послу СССР И.Бакулину следующее: «Своим диктаторским режимом он (Хашим-хан. – Ю. Т.) озлобил все население Афганистана, и особенно афганские кочевые племена, которые почти ежегодно выступают против правительства с оружием в руках»{20}. Далее царедворец сообщил советскому дипломату, что новым главой правительства назначен Шах Махмуд-хан, так как «его любят и уважают афганские кочевые племена».

Бурные события 1944—1945 гг. имели значительные последствия для дальнейшей судьбы Афганистана. Стойкое сопротивление пуштунов Южной и Восточной провинций грабительской политике Хашим-хана заставило короля Захир-шаха отменить наиболее тяжелые налоги и ограничить произвол крупных торговых компаний (ширкетов), что отвечало интересам всего афганского населения. Кроме этого, восстание 1944—1945 гг. еще раз доказало, что без помощи «третьей силы» мятежным племенам по «линии Дюранда» Афганистан и Великобритания совместными действиями могли локализовать, а затем и подавить любое мощное восстание пуштунов.

Глава 42

Московский эпилог

После капитуляции фашистской Германии перед Англией, США и СССР встала задача определить дальнейшую судьбу архива и сотрудников германской миссии в Кабуле. При решении этого вопроса между СССР и Великобританией возникли серьезные разногласия: каждая из стран упорно стремилась арестовать и вывезти оставшихся немцев и документы из Афганистана на свою территорию. Подобное «упрямство» было вызвано вескими причинами: предстоявшие допросы Г. Пильгера и его сотрудников фактически завершали совместную операцию советских и английских спецслужб, каждая из которых имела веские основания не доверять друг другу. Кроме этого, в Москве и Лондоне понимали, что немцы должны были оказаться в том государстве, разведка которого внесла наибольший вклад в разгром абвера в Афганистане. У каждого из союзников были свои заслуги в этом, поэтому пальму первенства никто не хотел уступать.

В данной ситуации американский посланник в Кабуле К. Энгерт стал посредником между И. Бакулиным и Дж. Сквайром, что позволило всем заинтересованным сторонам найти компромисс.

30 апреля 1945 г. К. Энгерт получил указания от Госдепартамента США об изъятии содержимого сейфов германской миссии в Кабуле{1}. В начале мая 1945 г. британский и американский посланники (без советского посла!) сделали совместное заявление афганскому Министерству иностранных дел о необходимости опечатать сейфы и служебные помещения посольства Германии. Афганские власти оперативно выполнили это требование. В результате Дж. Сквайр и К. Энгерт опередили своего советского коллегу. Данный случай

доказал, что англичане оказывают на американскую миссию в Кабуле сильное давление, чтобы заполучить и сотрудников, и документы бывшего представительства III рейха.

8 мая 1945 г. К. Энгерт посетил немецкую миссию и «осмотрел все опечатанные шкафы, сейфы и комнаты. Его „гидом“ был секретарь германского посольства Э. Шмидт. Он не без злорадства сообщил американцу, что „секретные архивы, которые могли бы интересовать союзников, уже давно уничтожены“{2}. Немцы сохранили лишь документы о деятельности германских фирм в Афганистане.

Во время этого визита К. Энгерт первый раз встретился с Г. Пильгером, который дал согласие рассказать представителям антигитлеровской коалиции об интересующих их «моментах работы миссии» III рейха в Афганистане. Союзники, имея опыт работы с П. Кварони, могли надеяться, что немецкий посланник начнет давать показания уже в Кабуле. Однако Г. Пильгер, надеясь на покровительство афганских властей, вскоре отказался от своего обещания сотрудничать с посольствами стран-победительниц. Этим он только ускорил свою отправку в Москву на Лубянку.

Уже 9 мая И. Бакулин обсудил с К. Энгертом вопрос «об осмотре частных домов, в которых живут немцы в Кабуле»{3}. Дипломаты пришли к решению, что разрешение на это в МИДе Афганистана получит американец, а осмотр проведут представители СССР и Великобритании в сопровождении афганских чиновников. В День Победы был окончательно решен вопрос и о времени изъятия архива германского посольства.

12 мая 1945 г. К. Энгерт в сопровождении советского атташе Орлова, секретаря Кузнецова и британского дипломата Скотта посетили немецкую миссию и изъяли документы и деньги. Материалы архива, опечатанные тремя печатями, по общему согласию были помещены на временное хранение в посольство США, а деньги на сумму, эквивалентную 0,5 млн. золотых рублей, – в полпредство СССР{4}.

В тот же день американский посланник попытался получить от Г. Пильгера информацию о сотрудничестве немцев с японцами в Афганистане. Германский дипломат категорически отказался отвечать на вопросы К.Энгерта, из чего тот сделал вывод, что «Пильгер, оправившись от первых потрясений, видимо, добровольно ничего не расскажет нам (СССР, Англии, США. – Ю. Т.) о своей работе против нас, тем более Пильгер не расскажет о своих связях с афганцами»{5}. В связи с этим 14 мая 1945 г. К. Энгерт предложил советскому послу И. Бакулину решить спорные вопросы с англичанами и «как можно скорее забрать немцев из Кабула в какое-либо другое место... в Индию или, может быть, даже в Россию».

И. Бакулин, чтобы не упустить благоприятный момент, сразу после беседы с американцем нанес визит в британскую миссию. Как и ожидалось, Д. Сквайр стал настаивать на вывозе немцев в Индию. Он даже согласился, чтобы они пробыли в Индии лишь неделю, а затем были отправлены в СССР. Более того, англичанин предложил И. Бакулину отправить вместе с ними советского представителя.

Когда Д. Сквайр понял, что «индийский» вариант не пройдет, он рекомендовал вывезти сотрудников германского посольства в Тегеран, где их допросили бы представители стран антигитлеровской коалиции. И. Бакулин отверг и это предложение.

В конечном счете собеседники пришли к компромиссному решению: передать вопрос о месте допроса немцев на рассмотрение своих правительств. 14 мая вечером в британском посольстве на дипломатическом приеме Д. Сквайр и И. Бакулин сообщили американскому коллеге о достигнутой договоренности{6}.

Решение дальнейшей судьбы членов германской миссии в Кабуле уже обсуждалась на самом высоком уровне в Москве, Лондоне и Вашингтоне. Очевидно, что американская сторона поддержала своего победоносного советского союзника. В итоге после коллективной ноты СССР, Великобритании, США и Франции афганское правительство согласилось выдворить немецких дипломатов. 14 августа их вывезли из Кабула. 17 августа 1945 г. Г. Пильгер и его подчиненные были доставлены в Ташкент, где их арестовали. Вскоре они были уже во Внутренней тюрьме НКВД{7}.

Вместе с ними в Москву было доставлены 344 папки документов из германского посольства

в Кабуле, а также 61 794 доллара США, 3222 фунта стерлингов, 10 999 индийских рупий, 251 140 афгани и 151 старинная монета{8}.

Из полученных из Афганистана документов советское Министерство иностранных дел больше всего заинтересовали досье о рейсах «Люфтганзы», подборки выступлений афганских политиков о войне, копии договоров Афганистана с другими странами и т. д. Эти материалы в Москве первоначально даже хотели опубликовать, но потом передумали{9}.

В НКВД наиболее часто допросам подвергался радист А. Цугенбюллер, так как он после бегства К. Расмуса выполнял функции резидента абвера в Кабуле. Ему пришлось также расшифровывать ту часть депеш германской разведки, которые оставались «не взломаны» советскими специалистами. Видимо, ему пришлось работать не только с материалами радиоперехвата, но и трофеями «Смерша», полученными из Германии.

Члены германского посольства в Кабуле и архив миссии в конце концов были переданы советской стороной в распоряжение Союзного Контрольного совета для Германии, после чего с Г. Пильгером и его сотрудниками смогли «побеседовать» представители английских спецслужб.

С 1945 г. «Смерш» предпринял в Германии энергичные меры, чтобы задержать офицеров абвера и вермахта, а также мидовских чиновников, связанных с фашистскими интригами в Афганистане. Однако К. Расмуса, несмотря на все усилия советских контрразведчиков, схватить не удалось. Не обнаружился его след и через десятилетия после окончания Второй мировой войны{10}.

Повышенная активность советской разведки в Германии дала свои результаты: в Москву один за другим стали прибывать лица, связанные с афганскими авантюрами III рейха. Так, в 1945 г. в СССР был доставлен Сиддик-хан Чархи. В конце войны он и его семья, спасаясь от бомбардировок и штурма Берлина Красной Армией, жили в небольшом немецком городке Либерозе, который оказался в советской зоне оккупации Германии.

К встрече с офицерами «Смерша» лидер аманулистов подготовился основательно: была уничтожена вся его переписка и все деловые бумаги. Тщательной ревизии подверглись фотографии, на которых Сиддик-хан был запечатлен со многими политическими деятелями Европы и Востока. Снимки, где он был снят вместе со Сталиным, Молотовым и Ворошиловым, Сиддик-хан постоянно носил при себе, так как они служили ему своеобразной охранной грамотой.

Доказательств сотрудничества афганца со спецслужбами III рейха у советских контрразведчиков не было, поэтому его с семьей вывезли в Москву как гражданина иностранного государства, временно проживавшего в Германии.

25 мая 1945 г. Сиддик-хан с семьей оказался в бараке военно-пересылочного пункта Москвы. Он сразу же стал требовать переселить его в гостиницу. Его вновь выручили снимки... Вскоре он уже жил в гостинице «Савой».

Как и любой иностранец в то время, Сиддик-хан находился под негласным надзором НКВД, но он не был под домашним арестом. Лидер аманулистов свободно передвигался по Москве, переписывался с оставшимися в Германии родственниками и даже встречался с иностранными дипломатами.

В июне 1945 г. Сиддик-хан несколько раз посещ Зная Сиддик-хана, клан Яхья-хель не питал никаких иллюзий по поводу его клятв и раскаяний. Захир-шаху и Хашим-хану был важен факт публичного покаяния злейшего врага правящей династии, чтобы окончательно сломить волю к борьбе у приверженцев Амануллы-хана как внутри страны, так и за рубежом. Справедливо опасаясь, что лидер аманулистов, вернувшись на родину, вновь возобновит свою антиправительственную деятельность, афганская сторона попросила советское правительство поскорее вернуть Чархи в Германию{12}.

Позднее Сиддик-хан на допросах в НКВД откровенно признал, что примирение между ним и надиритами невозможно. Во время допроса 1 апреля 1946 г. следователь коснулся эпизода присяги Сиддик-хана на Коране королю Захир-шаху. В ответ подследственный заявил: «Священный Коран учит, что, если две стороны примиряются, то каждая из сторон обязана

искренне и до конца выполнить свои обязательства. В противном случае, по учению Корана, они теряют всякую силу. Между тем король Афганистана Захир-шах использовал мое бедственное положение в своих пропагандистских целях, объявил в газетах, что я просил у него помилования и он даровал мне прощение, а фактически оставил по-прежнему в тюрьме всех моих родственников и детей от первой жены, убитой его сторонниками, то есть остался моим прежним врагом. Следовательно, в соответствии с учением Корана, я считаю свою клятву односторонней и недействительной и оставляю за собой свободу действий»{13}.

Арест Сиддик-хана в Москве еще раз продемонстрировал, что заговорщику международного масштаба необходимо всегда быть готовым к крутым поворотам судьбы. До конца 1945 г. ему и его семье в СССР ничего не угрожало, так как доказательств его сотрудничества с германской разведкой у советских спецслужб не было. Более того, у руководства НКВД были определенные планы по использованию лидера аманулистов. Так, министр госбезопасности В. Меркулов полагал, что Чархи «из числа аманулистов является наиболее авторитетной и крупной политической фигурой и может в будущем при подходящей обстановке оказаться нам полезным, несмотря на наличие некоторых отрицательных и неясных моментов в его деятельности за время пребывания в Германии». Судя по некоторым данным, с Сиддик-ханом за период его вынужденного проживания в советской столице установили контакты представители НКВД и Министерства иностранных дел.

Однако тот же В. Меркулов, когда в руки советских контрразведчиков попал единственный документ, из которого явствовало, что Сиддик-хан предоставил в распоряжение германского посольства в 1941 г. список верных ему людей, направил 10 ноября 1945 г. Л. Берии рапорт с предложением пересмотреть первоначальный план использования афганского эмигранта, а его самого «арестовать как немецкого шпиона, а его семью, состоящую из жены и троих детей, передать афганскому посольству в Москве для отправки в Афганистан». 6 марта 1946 г. Сиддик-хан был арестован{14}.

Уже на следующий день его жена Хурия-ханум написала письмо на имя Сталина с просьбой освободить ее супруга. Разумеется, этого не произошло, но условия содержания Сиддик-хана в тюрьме стали более сносными. Жена смогла передать ему теплые вещи, крайне дефицитные в 1946 г. консервы и даже ватное одеяло. Самое главное: во время допросов из него не пытались выбить признательные показания, а стремились получить как можно больше достоверной информации о его прошлом.

В заключении Сиддик-хан упорно отрицал сотрудничество с германской разведкой и при любом удобном случае подчеркивал, что в своей деятельности Аманулла-хан и он всегда ориентировались на Советский Союз, которому они не принесли никакого вреда. Продуманное и стойкое поведение афганца во время следствия сыграло определенную роль в его спасении.

Окончательно его дальнейшая судьба определилась летом 1946 г., когда афганское правительство твердо решило урегулировать с СССР пограничный вопрос. В связи с этим 6 июня 1946 г. И. Сталин наконец-то принял посла Ахмат-хана по его просьбе. Впервые с 1938 г. афганский дипломат смог встретиться с главой Советского правительства лично. Данная встреча означала, что в советско-афганских отношениях наметился важный поворот к лучшему. Чтобы ускорить этот процесс, необходимо было окончательно избавиться от груза прошлых ошибок.

В связи с этим И. Сталин во время беседы с Ахмат-ханом подверг резкой критике Амануллу-хана за его непродуманные реформы в Афганистане. Афганский посол с готовностью согласился с тем, что бывший монарх был «глупым человеком». Таким образом, И. Сталин дал понять афганской стороне, что Советское правительство окончательно отказывается от какой-либо поддержки Амануллы.

В свою очередь, афганский посол выразил готовность ускорить «решение пограничного вопроса». Сталин пообещал, что «переговорит с Молотовым и выяснит, сколько времени потребуется для решения этого вопроса»{15}. Территориальная проблема, несколько десятилетий осложнявшая советско-афганские отношения, в принципе была решена за

несколько минут.

После этого Ахмат-хан стал настойчиво просить Сталина освободить Сиддик-хана и «разрешить ему выехать куда он хочет». Сталин пообещал освободить Сиддик-хана. В итоге 14 июля 1946 г. Сиддик-хан был освобожден и выслан с семьей в Восточную Германию, где за ним и его окружением был установлен постоянный надзор. Ему вернули собственность, которую он сохранил даже после образования ГДР, что позволило семье жить в достатке на собственной вилле. После долгих лет борьбы и интриг он признал свое поражение и, вероятно, обрел покой. Даже с Аманулой он больше не поддерживал отношений. Сиддик-хан Чархи, забытый как бывшими соратниками, так и могущественными врагами, умер в 1962 г. в ГДР.

В 1946 г. в Москве оказался и Ф. Гроббе, который курировал аманулистов, включая родственников самого Аманулы-хана, в период Второй мировой войны. Вместе с ним в СССР был доставлен и его личный архив. Большого интереса к этому немецкому дипломату советская разведка не проявила, но до середины 50-х гг. он находился в СССР, а затем был освобожден{16}.

Трагичнее всех закончилось пребывание в СССР для О. Нидермайера, которого в 1942 г. против воли назначили в Туркестанскую дивизию, сформированную из восточных националистов, перешедших на сторону Германии. Формально к этой дивизии был причислен и «Индийский легион».

В 1944 г. О. Нидермайер принял участие в неудачном заговоре против Гитлера. Покушение на Гитлера не удалось. Начались повальные аресты заговорщиков. 24 января 1945 г. он был арестован гестапо и получил длительный срок заключения. Очевидно, что доказательств у гестапо против О. Нидермайера не было, а признательные показания из него выбить не удалось.

Оказавшись благодаря американским войскам в 1945 г. на свободе, он, опасаясь мести англичан за его деятельность в Иране и Афганистане в период Первой мировой войны, перешел в советскую зону оккупации и сдался представителям Красной Армии. С его стороны это был крайне рискованный и, как выяснилось позднее, ошибочный шаг, который нельзя было делать бывшему командиру Туркестанской дивизии. Особым совещанием при министре госбезопасности СССР он был приговорен к 25 годам тюрьмы и до самой смерти в 1948 г. находился в заключении во Владимирском централе.

Будь О. Нидермайер здоров, у него был бы шанс выжить и вернуться в Германию. Смертность среди пленных офицеров вермахта в СССР была довольно низкой: многие немецкие генералы в середине 50-х г. были переданы советской стороной властям ГДР. Однако во время экспедиции на Средний Восток в годы Первой мировой войны О. Нидермайер заболел туберкулезом, который обострился уже в застенках гестапо и продолжал прогрессировать в фашистском концлагере, а затем и в советском плену{17}. К настоящему времени О. Нидермайер реабилитирован.

Советская разведка довела отдельные «афганские» дела, начатые в годы Второй мировой войны, до конца 40-х гг., а потом они были закрыты. Дольше всех под наблюдением внешней разведки СССР, разумеется, находились «пуштунская проблема» и Факир из Ипи, так как после распада Британской Индии между Пакистаном и Афганистаном с новой силой вспыхнул старый спор из-за полосы «независимых» пуштунских племен. Обе страны балансировали на грани войны. В этих условиях главная нагрузка по добыче информации о положении на афгано-пакистанской границе вновь легла на плечи разведчиков, действовавших в Кабуле... Но это уже были обычные «рабочие будни» спецслужб в мирное (!) время.

Заключение

В XX в. человечество столкнулось с феноменом активного соперничества великих держав в различных районах Азии и Африки. Процесс глобализации превратил локальные конфликты и различные повстанческие движения в восточных странах в важный элемент международных отношений. Наиболее ярко эта тенденция проявилась в период двух

мировых войн в Афганистане. Будучи «перекрестком» Центральной Азии, эта страна была (и будет) объектом пристального внимания дипломатических ведомств и спецслужб многих государств.

Длительное соперничество в Афганистане осуществлялось различными государствами с целью получить плацдарм для проникновения в приграничные области Российской империи – СССР и Британской Индии. Вакуум власти, большое количество вооружения у населения и сепаратизм местной элиты создавали благоприятные условия для проведения в этих районах подрывных акций. После бурных событий в Чечне нет необходимости доказывать пагубность, включая внешнеполитический фактор, для любого государства наличия подобных приграничных «горячих точек».

С конца XIX в. одной из самых значительных зон повстанческого движения в мире стали районы проживания пуштунских племен на индо-афганской границе. Пуштуны оказали мужественное вооруженное сопротивление любым попыткам Великобритании установить военный и административный контроль над их землями. Вплоть до 1947 г. граница между Индией и Афганистаном была «имперской мигренью» для английского правительства: постоянные вооруженные восстания горцев требовали огромных финансовых и людских жертв, а соперники Англии предпринимали энергичные попытки использовать борьбу пуштунов в своих интересах.

За полстолетия существования «болевой точки» Британской империи сложилась устойчивая схема, с помощью которой враждебные Англии державы пытались использовать Афганистан в качестве плацдарма для подрывных акций против Британской Индии.

1. Использование территориального спора между Лондоном и Кабулом с целью подтолкнуть афганское правительство к поддержке антибританских акций.

2. Участие в реформировании афганской армии (поставки оружия, направление советников, обучение афганских курсантов в военных училищах). Через некоторое время значительная часть стрелкового вооружения правительственных войск оказывалась в руках пуштунских племен.

3. Установление через дипломатические представительства, в составе которых всегда имелось значительное число разведчиков, контактов с лидерами мятежных приграничных пуштунских племен. Предоставление им помощи деньгами и оружием.

4. Создание обширной агентурно-диверсионной сети в Афганистане и северо-западных районах Британской Индии.

5. Организация каналов связи на территории самого Афганистана и соседних государств. Попытки установления устойчивой радиосвязи и авиамостов для переброски вооружения и диверсионных групп.

Все вышеуказанные способы спецслужбы стран оси активно использовали в годы Второй мировой войны. Однако советской и британской разведкам удалось сорвать все афганские планы III рейха.

Зона пуштунских племен, где сейчас проводятся операции международных сил против боевиков движения «Талибан», продолжает оставаться одной из «горячих точек» нашей планеты. В связи с этим становится очевидным, что в XXI в. ведущим мировым державам предстоит приложить общие усилия для нормализации ситуации в Центральной Азии. В связи с этим всем заинтересованным сторонам было бы крайне полезно учесть уроки «тайной войны» в этом регионе в период двух мировых войн.

Примечания

Глава 1. Общая характеристика пуштунских племен

{1} Афганистан. Справочник. М., 2000. С. 31—32.

{2} Темирханов Л. Восточные пуштуны в новое время (этно-социальная характеристика). М., 1984. С. 5.

{3} Джабборов Т.Д. Северо-Западная пограничная провинция Пакистана. М., 1977. С. 8—15.

{4} Gupta A. North-West Frontier Province Legislature and Freedom Struggle 1932—1947. New Delhi, 1976. P. 5.

{5} The Pakhtun question. Hove, 1951. P. 3.
{6} Hauner M. India in Axis Strategy. Germany, Japan and Indian Nationalists in Second World War. Stuttgart, 1981. P. 83.
{7} Данные штаба РККА на 1929 г. // Архив Службы внешней разведки Российской Федерации (далее – Архив СВР). Дело № 1225 «Кабаиль». Л. 27.
{8} Катков И.Е. Социальные аспекты племенной структуры пуштунов // Афганистан: история, экономика, культура. М., 1989, с. 41—42.
{9} Жехак Л. Кодекс чести пуштунов // Афганистан: история, экономика, культура. М., 1989. С. 67—68.
{10} Запись беседы советского посла в Афганистане Бакулина с афганским послом в Москве Султан Ахмед-ханом от 8.02.1945 г. // Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВП РФ). Ф 071. 1945. Оп. 27. П 208. Д. 2. Л. 30.
{11} Джабборов Т.Д. Указ. соч. С. 11—13.
{12} Архив СВР. Дело № 1225 «Кабаиль». Л. 15.

Глава 2. Кровавая граница

{1} Халфин Н.А. Английская экспансия в Афганистане и освободительная борьба афганского народа в первой половине XIX в. // Независимый Афганистан. М., 1958. С. 183—188.
{2} История Афганистана. М., 1982. С. 152.
{3} Новицкий В. Военные очерки Индии. СПб., 1901. С. 142—144.
{4} Аристов Н.А. Англо-индийский «Кавказ». Столкновение Англии с афганскими пограничными племенами. СПб., 1900. С. 52. В пограничных фортах вдоль северо-западной границы Британской Индии английское командование в последней трети XIX в. держало 46 тыс. войск.
{5} Тизенгаузен А. Военно-статистический очерк Британской Индии. СПб., 1887. С. 147.
{6} Эдай Дж. Отношение англо-индийских владений к северо-западным соседям. СПб., 1874. С. 57.
{7} Там же. С. 22.
{8} Грулев М.В. Очерк восстаний пограничных племен Индии за последние 10 лет. СПб., 1909. С. 218.
{9} Робертс Кандагарский. Сорок один год в Индии. Т.II. СПб., 1903. С. 33.
{10} История Афганистана. М., 1982. С. 154.
{11} Халфин Н.А. Провал британской агрессии в Афганистане. М., 1959. С. 88.
{12} Халфин Н.А. Английская колониальная политика на Среднем Востоке. Ташкент, 1957. С. 83—84.
{13} Аристов Н.А. Указ. соч. С. 55—58.
{14} Ромодин В.А. Афганистан во второй половине XIX – начале XX вв. М., 1990. С. 74—76.
{15} Jansson E. India, Pakistan or Pakhtunistan. Uppsala, 1981. P. 25.
{16} Халфин Н.А. Победные трубы Майванда. М., 1990. С. 311.
{17} Аристов Н.А. Указ. соч. С. 65.
{18} Ромодин В.А. Указ. соч. С. 69.
{19} Морфи Э. Хайбарский проход. СПб., 1901. С. 31.
{20} Razwak R. An Article on Pukhtunistan. N.Y., 1960. P.14.
{21} Аристов Н.А. Указ. соч. С. 67.
{22} Темирханов Л. Восточные пуштуны: основные проблемы новой истории. М., 1987. С. 67—68.
{23} Там же. С. 78.
{24} Парфенов И.Д. Колониальная экспансия Великобритании в последней трети XIX века. М., 1991. С. 90.
{25} Грулев М.В. Указ. соч. С. 215.
{26} Evolution of India and Pakistan. 1858—1947. Selected Documents. L., 1962. P. 466.

{27} Шеманский А. Значение английских горных экспедиций на северо-западной границе Индии // Средняя Азия. Т.II. Ташкент, 1911. С. 63.
{28} Массон В.М., Ромодин В.А. История Афганистана. Т. II. М., 1965. С. 307.
{29} Грулев М.В. Указ. соч. С. 215—216.
{30} Adamec L.W. Afghanistan's Foreign Affairs to the Mid-Twentieth Century. Tucson (Arisona), 1974. P. 187.
{31} Adamec L.W. Afghanistan 1900—1923. A Diplomatik History. Berkeley, 1967. P. 79.
{32} Темирханов Л. Указ. соч. С. 144.
{33} Elliot J. The Frontier 1839—1947. The Story of NWF of India. L., 1968. P. 144.
{34} Темирханов Л. Указ соч. С. 145.
{35} Грулев М.В. Указ. соч. С. 221.
{36} Rittenberg S.A. Ethicity, Nationalism and the Pakthan: the Independence Movement in India's North-West Frontier Province. Carolina, 1988. P. 52—53.
{37} Elliot J. Op. cit. P. 115.
{38} Симонов К.В. Англо-русские разногласия по афганскому вопросу и проникновение германо-турецких агентов в Афганистан летом 1915 г. // Азиатский Восток в новое и новейшее время: Сборник статей межрегиональной научной конференции. Липецк, 2004. С. 53.

Глава 3. Миссия Нидермайера – Хентига: первые успехи германской разведки в зоне пуштунских племен

{1} Переписка Вильгельма II с Николаем II. М., 1923. С. 79.
{2} Халфин Н.А. Заря свободы над Кабулом. М., 1985. С. 22.
{3} Seidt H. Berlin, Kabul, Moskau. Oskar Ritter von Niedermayer und Deutschlands Geopolitik. Munchen, 2002. S. 70.
{4} Халфин А.Н. Указ соч. С. 23.
{5} Seidt H. Op. cit. S. 81.
{6} Халфин Н.А. Указ соч. С. 34.
{7} Симонов К.В. Указ. соч. С. 58—59.
{8} Adamec L.W. Afghanistan 1900—1923. A Diplomatic History. Berkeley, 1967. P. 181.
{9} Sykes P. A History of Afghanistan. Vol. II. L., 1940. P. 259.
{10} Темирханов Л. Восточные пуштуны: основные проблемы новой истории. М., 1987. С. 176—177.
{11} Донесение О. Нидермайера в германский Генеральный штаб // Adamec L. W. Afghanistan 1900—1923. Appendixes I. Dok. № 9. P. 181; Темирханов Л. Указ. соч. С. 177.
{12} Adamec L.W. Afghanistan 1900—1923. P. 97.
{13} Обзор англо-индийской прессы // Российский государственный архив социально политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 544. Оп. 3. Д. 102. Л. 96.
{14} Adamec L.W. Afghanistan 1900—1923. P. 97.
{15} Дрейер Г.В. Операции против афридиев в 1930 г. // Бюллетень зарубежной военной прессы по Востоку. Ташкент, 1933. № 1. С. 20.
{16} Губар М. Афганистан на пути истории. М., 1987. С. 68—69.
{17} Adamec L.W. Afghanistan 1900—1923. P. 97.
{18} Центральный архив ФСБ (далее – ЦА ФСБ). Дело Р-47474. Л. 23 (об).
{19} Там же. Л. 23—23 (об).
{20} Adamec L.W. Afghanistan 1900—1923. Appendixes I. Dok. № 9.
{21} Темирханов Л. Указ. соч. С. 178.
{22} Губар М. Указ. соч. С. 69.
{23} ЦА ФСБ. Дело Р-47474. Л. 72.
{24} Рыбичка Э. В гостях у афганского эмира. М., 1935. С.85—87.
{25} Симла – резиденция вице-королей Британской Индии.
{26} Adamec L.W. Op. cit. P. 98.
{27} Ibid. P. 100.

{28} Adamec L.W. Historical and Political Who's Who of Afghanistan. Graz, 1975. P. 232.
{29} Watteville H. Waziristan 1919—1920. Campaigns and their Lessons. L., 1925. P. 35.
{30} Темирханов Л. Указ соч. С. 178.
{31} Elliot J. Op. cit. P. 176.
{32} Adamec L.W. Afghanistan 1900—1923. P. 98.
{33} Ibid. P. 99.
{34} Watteville H. Op. cit. P. 38—42.
{35} Elliot J. Op. cit. P. 176; Sykes P. Op. cit. P. 263.

Глава 4. Третья англо-афганская война: пуштуны наносят Англии тяжелое поражение

{1} Adamec L.W. Afghanistan 1900—1923. P. 104—105.
{2} Губар М. Афганистан на пути истории. М., 1987. С. 92.
{3} Fraser-Tytler W.K. A Afghanistan. A Study of Political Developments in Central and Souther Asia. L., 1957. P. 191.
{4} Heathcote T.A. The Afghan's War 1839—1919. L., 1980. P. 177.
{5} Халфин Н.А. Заря свободы над Кабулом. М., 1985. С. 185.
{6} Там же. С. 164.
{7} Heathcote T.A. Op. cit. P. 172.
{8} Ibid. P. 179—180.
{9} Ibid. P.187—188.
{10} Гордон-Полонская Л.Р. Война Афганистана за независимость и участие в ней пограничных пуштунских племен (1919—1921) // Независимый Афганистан. М., 1958. С. 256—258.
{11} Халфин Н.А. Указ. соч. С. 189.
{12} Watteville H. Waziristan 1919—1920. Campaigns and their Lesson. L., 1925. P. 25, 66.
{13} Гордон-Полонская Л.Р. Указ. соч. С. 259, 267.
{14} Watteville H. Op. cit. P. 112—113.
{15} Miller C. Khyber: British Indian's North-West Frontier. N.Y., 1977. P. 331; Гордон-Полонская Л.Р. Указ. соч. С. 266.
{16} Там же. С. 267.
{17} Обзор англо-индийской прессы // РГАСПИ. Ф. 544. Оп. 3. Д. 102. Л. 38.
{18} Miller C. Op. cit. P. 332.
{19} Доклад военного атташе первой советской миссии в Афганистане Б.Н. Иванова // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 154. Д. 26. Л. 153 (об). В годы Первой мировой войны российское правительство немецких и австрийских военнопленных отправляло в Туркестан, где их скопилось 110 тыс. Некоторые из них бежали в Афганистан и поступили на службу к эмиру, который охотно принимал европейских военных специалистов в свою армию. Так, в 1915 г. в Кабуле было около сотни бывших солдат и офицеров австро-венгерской армии. См.: Рыбичка в гостях у афганского эмира. М., 1935. С. 87; Seidt H. Berlin, Kabul, Moskau. Oskar Ritter von Niedermayer und Deutschlands Geopolitik. Munchen, 2002. S. 88.

Глава 5. Новая угроза Британской Индии

{1} Биографию Н.З. Бравина см. подробнее: Генис В. Вице-консул Введенский. Служба в Персии и Бухарском ханстве (1906– 1920 гг.). М., 2003. С. 71—83, 159; Доклад тов. Иванова о первом советском посольстве Российской Социалистической Федеративной Советской и Туркестанской Республик в Афганистане в 1919 году // Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 25859. Оп. 2. Д. 110. Л. 1.
{2} РГВА. Ф. 25859. Оп. 2. Д. 110. Л. 2.
{3} Доклад Б.Н. Иванова Туркомиссии // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 154. Д. 26. Л. 148.
{4} Доклад тов. Иванова о первом советском посольстве Российской Социалистической Федеративной Советской и Туркестанской Республик в Афганистане в 1919 году // РГВА. Ф. 25859. Оп. 2. Д. 110. Л. 8 (об).
{5} О первых дипломатических контактах между Советской Россией и Афганистаном см. подробнее: Теплинский Л.Б. История советско-афганских отношений. М., 1988. С. 33—42;

Панин С. Б. Советская Россия и Афганистан. 1919—1929. М., 1998. С. 14—32.
{6} Записка № 1 Баракатуллы «Центральному российскому правительству. О целях и задачах афганской делегации» от 22.04.1919 г. // АВП РФ. Ф. 090. 1919. Оп. 2. П. 1. Д. 1. Л. 7—9.
{7} Там же. Л. 22.
{8} АВП РФ. Ф. 071. 1919. Оп. 1. П. 101. Д. 4. Л. 53.

Глава 6. Афганистан и «восточный фронт» мировой революции

{1} Теплинский Л.Б. История советско-афганских отношений. М., 1988. С. 42.
{2} Советско-афганские отношения. 1919—1969. М., 1971. С. 13—14.
{3} Письмо Л. Троцкого в ЦК РКП(б) о подготовке элементов «азиатской» ориентации от 5.08. 1919 г. // Коминтерн и идея мировой революции. Документы. М., 1998. С. 145—149.
{4} Письмо Л. Троцкого в ЦК РКП(б) от 20.09.1919 г. // Там же. С. 149.
{5} Письмо М. Баракатуллы Аманулле-хану от 26.05.1920 г. // АВП РФ. Ф. 090. Оп. 3. П. 1. Д. 3. Л. 11 (об).
{6} Цит. по: Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Коминтерн. 1919 – 1943. Документы. М., 2004. С. 31.
{7} Докладная записка уполномоченного НКИД в Туркестане Д. Гопнера «Наши очередные задачи в Средней Азии» от 18.10. 1920 г. // АВП РФ. Ф.04. 1920. Оп. 51. П. 327. Д. 55030. Л. 2.
{8} РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 210. Л. 7.
{9} Там же. Л. 5.
{10} Цит. по: Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Коминтерн. 1919—1943. Документы. М., 2004. С. 31.

Глава 7. Советский «всеазиатский сверхуполномоченный» в Кабуле

{1} Докладная записка «Революционно-индийская ассоциация» (без подписи) // АПВ РФ. Ф. 090. 1921. Оп. 4. П. 2. Д. 4. Л. 9.
{2} О хитросплетениях дипломатических интриг в Кабуле в 1919 – 1920 гг. см. подробнее: Панин С. Б. Советская Россия и Афганистан. 1919—1929. М., 1998. С. 34—43.
{3} АПВ РФ. Ф. 071. 1919—1920. Оп. 1. П. 101. Д. 4. Л. 56.
{4} Существует несколько версий гибели Н. Бравина, каждая из которых имеет свои сильные и слабые стороны. К примеру, см.: Панин С. Б. Указ. соч. С. 31—32; Коргун В.Г. История Афганистана. XX век. М., 2004. С. 66—67. Необходимо отметить, что многие свидетели событий с советской стороны не обвиняли Бравина в предательстве. Так, бывший военный атташе первой советской миссии в Кабуле Б.Н. Иванов, враждебно относившийся к этому бывшему царскому дипломату, даже много лет спустя говорил, что ликвидация Бравина «дело темное», хотя мог бы обвинить покойного, как это часто практиковалось среди туркестанских коммунистов, во всех грехах и шпионаже в пользу Англии.
{5} АВП РФ. Ф. 071. 1919—1920. Оп. 2. П. 102. Д. 2. Л. 17.
{6} Телеграмма Я. Сурица в Туркомиссию и НКИД от 17.01.1920 г. // Там же. Л. 18.
{7} Там же. Л. 19.
{8} «Справка по русско-афганским переговорам», составленная И.М. Рейснером // АВП РФ. Ф. 071. 1920. Оп. 2. П. 102. Д. 3. Л. 106.
{9} Там же.
{10} РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2116. Л. 4.
{11} Панин С. Б. Указ. соч. С. 37.
{12} Телеграмма Я. Сурица в НКИД от 31.03.1920 г. // АВП РФ. Ф. 071. 1919—1920. Оп. 2. П. 102. Д. 2. Л. 54.
{13} Там же. Л. 55.
{14} Панин С. Б. Дипломатическая борьба держав в Афганистане. 1919—1921 гг. // Страницы истории и историографии Индии и Афганистана. К столетию со дня рождения И.М. Рейснера. М., 2000. С. 301.
{15} РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 154. Д. 26. Л. 188—188 (об).

{16} Нетрудно заметить, что основные пункты советских требований совпадали с «планом Бравина». В связи с этим можно с уверенностью предположить, что гибель этого опытного дипломата значительно затормозила реализацию антибританских планов Советской России в Афганистане и Индии.

{17} См. подробнее: Генис В. «С Бухарой надо кончать...» К истории бутафорских революций. М., 2001.

{18} Доклад Д.Ю. Гопнера в НКИД «Наши очередные задачи в Средней Азии» от 18.10. 1920 г. // АВП РФ. Ф. 04. 1920. Оп. 51. П. 327. Д. 55030. Л. 8.

Глава 8. «Лев Ислама» – советский агент в Кабуле

{1} АВП РФ. Ф. 071. 1920. Оп. 4. П. 101. Д. 5. Л. 18.

{2} Заки Валиди Тоган (Ахмет-Заки Валидов). Воспоминания. М., 1997. С. 298.

{3} Цит. по: Генис В. «С Бухарой надо кончать...» К истории бутафорских революций. М., 2001. С. 34.

{4} Равич Н. Молодость века. М., 1960. С. 274.

{5} Цит. по: Гиленсен В.М. Энвер-паша и Джемаль-паша в Советской России // Восток. 1996. № 3. С. 49.

{6} Телеграмма № 249 Я. Сурица в НКИД // АВП РФ. Ф. 071. 1920. Оп. 2. П. 102. Д. 2. Л. 221.

{7} Телеграмма № 252 Я. Сурица в НКИД от 16.11.1920 // Там же. Л. 225.

{8} Телеграмма Я. Сурица в НКИД от 28.02. 1921 г. // РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2179. Л. 35.

{9} Докладная записка Я. Сурица в НКИД от 6.04. 1921 // АВП РФ. Ф. 090. 1921. Оп. 4. П. 2. Д. 1. Л. 16.

{10} Письмо Джемаля-паши Д. Гопнеру от 8.03.1921 г. // Там же. Л. 5.

{11} Телеграмма Я. Сурица в НКИД от 29.01.1921 г. // АВП РФ. Ф.071. 1921. Оп. 3. П. 103. Д. 1. Л. 8.

{12} Телеграмма Я. Сурица в НКИД от 4.03. 1921 г. // РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2179. Л. 36.

{13} АВП РФ. Ф.090.1921. Оп. 4. П. 2. Д. 1. Л. 23.

{14} АВП РФ. Ф.071. 1921. Оп. 3. П. 103. Д. 1. Л. 17.

{15} Докладная записка Я. Сурица в НКИД от 6.04.1921 // АВП РФ. Ф. 090. 1921. Оп. 4. П. 2. Д. 1. Л. 15.

{16} Там же.

{17} Там же. Л. 17.

{18} Секретное письмо Г. Чичерина В. Ленину от 14.10.1921 // Казанджян Р. Большевики и младотурки. Новые документы о российско-турецких отношениях (1920—1922). М., 1996. С. 15—16. В конце своего письма Чичерин указал: «Он (Джемаль. – Ю. Т.) просит оружия и 400 000 р. зол[отом] для своей «образцовой дивизии» в Афганистане и 700 000 р. зол. для агитации среди пограничных племен Индии. Не надо его резко разочаровывать».

{19} РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 3. Д. 577. Л. 27.

{20} Там же. Л. 38.

{21} И. Сталин – Л. Троцкому. 2.11.1921 // Большевистское руководство. Переписка. 1912—1927. М., 1996. С. 214.

{22} Там же.

{23} Там же. С. 215.

{24} Spain J. W. The Pathan Borderland. Hague, 1963. P. 254.

Глава 9. Коминтерн вступает в «Большую игру»

{1} РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 3. Л. 45 (об).

{2} РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2155. Л. 1.

{3} РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 68. Д. 11. Л. 24.

{4} О «Временном правительстве Индии» в Кабуле и его контактах с советским правительством см. подробнее: Райков А.В. Национально-революционные организации Индии в борьбе за свободу. М., 1979. С. 112—118.

{5} АВП РФ. Ф. 090. Оп. 4. П. 2. Д. 4. Л. 10.

{6} Докладная записка «Революционно-индийская ассоциация» (без подписи) // АПВ РФ. Ф. 090. 1921. Оп. 4 .П. 2. Д. 4. Л. 11.
{7} История Коммунистического Интернационала. 1919—1943. М., 2002. С. 13
{8} ЦА ФСБ. Дело Р-41036. Л. 24.
{9} Райков А.В. Последние индийские миссии в царскую Россию // Анналы. Выпуск III. М., 1996. С. 73.
{10} Цит. по: Персиц М.А. Революционеры Индии в стране Советов. 1918—1921. М., 1973. С. 35.
{11} Там же. С. 42—44.
{12} Хейфец Л.С. Латинская Америка в орбите Коминтерна (опыт биографического словаря). М., 2000. С. 149; Адибеков Г.М., Шахназарова Э.Н., Шириня К.К. Организационная структура Коминтерна. 1919—1943. М., 1997. С. 31; Documents of the History of the Communist Party of India. Vol. I. New Delhi, 1972. P. 140—149.
{13} АВП РФ. Ф. 071. 1919—1920. Оп. 1. П. 101. Д. 1. Л. 121—122. О миссии Бородина – Роя также см. подробнее: Панин С.Б. Советская Россия и Афганистан. 1919—1929. М., 1998. С.83—85.
{14} РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 3. Д. 577. Л. 21.
{15} М. Бородин – Л. Карахану от 15.09.1920 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 154. Д. 26. Л. 166—167.
{16} М. Рой – Л. Карахану // АВП РФ. Ф. 090. 1920. Оп. 3. П. 1. Д. 2, Л. 8.
{17} ЦА ФСБ. Дело Р-48991. Т. 2. Л. 402.
{18} «Положение революции в Бухаре и ее задачи в Средней Азии» // РГАСПИ. Ф. 544. Оп. 4. Д. 20. Л. 50.
{19} РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 154. Д. 98. Л. 61.
{20} Цит. по: Панин С. Б. Указ. соч. С. 80.
{21} РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 154. Д. 98. Л. 66.

Глава 10. Первые успехи и неудачи Коминтерна в «афганском коридоре»

{1} Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. М., 1987. С. 609, 612—613.
{2} «Схема аппарата Туркестанского Бюро Коммунистического Интернационала и его связей с закордонными революционными организациями». // РГАСПИ. Ф. 544. Оп. 4. Д. 3. Л. 2.; «Список служащих Туркбюро Коминтерна....» // РГАСПИ. Ф. 544. Оп. 4. Д. 5. Л.65—67. В этом списке по какой-то причине не упомянуты Сокольников, Сафаров и Рой. Вместе с ними в Туркбюро работало 157 сотрудников. Некоторые стороны деятельности данной организации осветил в своей статье В.М. Гиленсен (см.: Гиленсен В.М. Туркестанское бюро Коминтерна (осень 1920 – осень 1921) // Восток. 1999. № 1. С. 59—77).
{3} М. Рой – заместителю председателя РВСР Э.М. Склянскому. 10.11. 1920 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 68. Д. 11. Л. 6.
{4} «Краткий план организации военной школы для подготовки комсостава из индусских революционеров» от 5.10.1920 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 68. Д. 34. Л. 5—7.
{5} Письмо М. Роя Л. Карахану. 17.11.1920 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 68. Д. 11. Л. 8.
{6} Служебная записка заведующего информационным отделом представительства РСФСР Фраткина «Жизнь иностранных колоний и революционных секций в Бухаре и работа Коминтерна» // РГАСПИ. Ф. 544. Оп. 4. Д. 20. Л. 46—47.
{7} Там же. Л. 47.
{8} РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 154. Д. 98. Л. 61.
{9} Тезисы к докладу члена коллегии отдела внешних сношений Туркомиссии А. Машицкого «Борьба за революцию в Бухаре» // РГАСПИ. Ф. 544. Оп. 4. Д. 21. Л. 131.
{10} Доклад № 13 заведующего Тахтабазарским пунктом Совинтерпропа И. Михайлова в Туркбюро Коминтерна // РГАСПИ. Ф. 544. Оп. 4. Д. 1. Л. 33; Гиленсен В.М. Указ соч. С. 62; Бойко В.С. Советская Россия и афганские леворадикальные группы начала 1920-х годов // Анналы. М., 1995. Вып. 2. С. 77.

{11} Письмо М. Роя Л. Карахану № 60 (без даты) // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 68. Д. 18. Л. 8. Автор был удивлен, с какой легкостью «бакинские товарищи» отдали Рою 2 млн рупий (!), да еще и извинились, что больше у них не было.

{12} РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 68а. Д. 3. Л. 75.

{13} См. подробнее: РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 213. Д. 243.

{14} Письмо М. Роя Л. Карахану от 2.11.1920 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 68. Д. 18. Л. 5; Documents of the History of the Communist Party of India. Vol. I. New Delhi, 1972. P. 222.

{15} «Письмо к Председателю РСФСР от индийской колониальной реворганизации, находящейся в Ягистане, с изложением истории организации и просьбы о моральной и материальной поддержке. Август 1920 г.» // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 68а. Д. 1. Л. 33.

{16} РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 154. Д. 98. Л. 58.

{17} Материалы по делу Абдул Хака // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 68. Д. 35. Л. 16—19. Закрытость коминтерновского архива привела к тому, что во многих советских исследованиях Абдул Хак фигурировал в качестве честного индийского революционера, а не британского шпиона.

{18} Телеграмма Я. Сурица в представительство НКИД в Ташкенте от 6.06.1921 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 68. Д. 35. Л. 20—21; Телеграмма советского полпреда в Кабуле Ф. Раскольникова наркому Г.В. Чичерину от 6.06.1922. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 68. Д. 78. Л. 18.

{19} Докладная записка сотрудника Туркбюро КИ М. Шульмана «Некоторые информационные факты о индусской работе» // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 68а. Д.3. Л. 85.

{20} РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 3. Д. 105. Л. 145.

{21} РГАСПИ. Ф. 544. Оп. 4. Д. 60. Л. 41.

Глава 11. Кабульский нелегальный центр в действии

{1} Инструкция для Кабула тов. Магомет Али // РГАСПИ. Ф.495. Оп. 68а. Д.2. Л. 12.

{2} Там же.

{3} ЦА ФСБ. Дело Р-41036. Л. 16.

{4} Доклад об индийской работе с 1 августа по 10 сентября 1921 г. советского полпреда Ф. Раскольникова // АВП РФ. Ф. 090. 1921. Оп. 4. П. 2. Д. 7. Л. 269.

{5} Протокол заседания малого бюро ИККИ от 5.04.1921 г. // Коминтерн и идея мировой революции. М., 1998. С. 247.

{6} Доклад об индийской работе с 1 августа по 10 сентября 1921 г. советского полпреда Ф. Раскольникова // АВП РФ. Ф. 090. 1921. Оп. 4. П. 2. Д. 7. Д. 271.

{7} Там же.

{8} Докладная записка М. Али «О пограничных племенах» // АВП РФ. Ф. 090. 1921. Оп. 4. П. 2. Д. 7. Л. 275.

{9} Там же.

{10} Материалы «Комитета сподвижников священной войны» см. подробнее: АВП РФ. Ф. 090. 1920. Оп. 3. П. 2. Д. 7.

{11} Доклад об индийской работе за полугодие с 1 декабря [1921 г.] по 1 мая 1922 г. советского полпреда Ф. Раскольникова // РГАСПИ. Ф. 544. Оп. 3. Д. 105. Л. 142.

{12} Доклад об индийской работе с 1 августа по 10 сентября 1921 г. советского полпреда Ф. Раскольникова // АВП РФ. Ф. 090. 1921. Оп. 4. П. 2. Д. 7. Д. 269.

{13} Девяткина Т. Ф., Егорова М. Н., Мельников А. М. Зарождение коммунистического движения в Индии. М., 1978. С. 157.

{14} Доклад Ф. Раскольникова в ИККИ от 10. 11. 1922 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 68. Д. 63. Л. 15.

{15} Письмо М. Шафика Ф. Раскольникову от 18. 07. 1922 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 68. Д. 63. Л. 44—45.

{16} См. подробнее: РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 213. Д. 19.

{17} Доклад об индийской работе за полугодие с 1 декабря [1921 г.] по 1 мая 1922 г. советского полпреда Ф. Раскольникова // РГАСПИ. Ф. 544. Оп. 3. Д. 105. Л. 138.

{18} Там же. Л. 134.

{19} ЦА ФСБ. Дело Р-41036. Л. 25(об).
{20} Spain J. W. The Pathan Borderland. Hague, 1963. P. 254.
{21} Доклад ЦК компартии Индии о работе в северо-западной Индии и Вазиристане за март—декабрь 1924 г. // L/P&J/12/251. P. 11—13.
{22} Доклад об индийской работе за полугодие с 1 декабря [1921 г.] по 1 мая 1922 г. советского полпреда Ф. Раскольникова // РГАСПИ. Ф. 544. Оп. 3. Д. 105. Л. 144.
{23} Письмо Г. Чичерина Цукерману от 19. 10. 1921 г. // АВП РФ. Ф. 071. 1921. Оп. 3. П. 103. Д. 1. Л. 15—16.
{24} Доклад об индийской работе за полугодие с 1 декабря [1921 г.] по 1 мая 1922 г. советского полпреда Ф. Раскольникова // РГАСПИ. Ф. 544. Оп. 3. Д. 105. Л. 144.
{25} Там же. Л. 145.
{26} Анкета Ф. Раскольникова, составленная по указанию руководства Восточной секции Коминтерна от 28. 05. 1922 г. // РГАСПИ. Ф. 544. Оп. 3. Д. 105. Л. 172—175.
{27} Там же. Л. 173.
{28} Докладная записка Ф. Раскольникова в Исполком Коминтерна от 11. 05. 1922 г. // РГАСПИ. Ф. 544. Оп. 3. Д. 105. Л. 170.
{29} Докладная записка референта по Индии И. Рейснера от 21. 03. 1923 г. // АВП РФ. Ф. 090. 1923. Оп. 6. П. 5. Д. 2. Л. 29.
{30} Там же. Л. 33.
{31} Очевидно, речь идет о территориальных претензиях Амануллы-хана на часть территории бывшего Бухарского эмирата.

Глава 12. Памирский форпост

{1} РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2179. Л. 34.
{2} О ситуации на Памире в 1921 г. см. подробнее: Харюков Л. Н. Англо-русское соперничество в Центральной Азии и исмаилизм. М., 1995. С. 120—122.
{3} Рапорт командира Памирского военно-пограничного отряда от 2. 01. 1919 г. // РГВА. Ф. 25859. Оп. 1. Д. 190. Л. 2.
{4} Samra Chattar Singh. India and Anglo-Soviet Relations. 1917 – 1947. Bombay, 1959. P. 52—53.
{5} Доклад Э. Пумпура, Е. Петровского и их заместителей о ситуации на Памире и в отряде от 21. 01. 1922 г. // РГАСПИ. Ф. 544. Оп. 4. Д. 8. Л. 106.
{6} Харюков Л. Н. Указ. соч. С. 174.
{7} РГАСПИ. Ф. 544. Оп. 4. Д. 8. Л. 108.
{8} АВП РФ. Ф. 04. 1921—1922. Оп. 51. П. 330. Д. 55072. Л. 36.
{9} Биографию И. Д. Ягелло см.: Люди и судьбы. Библиографический словарь востоковедов – жертв политического террора в советский период (1917—1991). М., 2003. С. 439—440.
{10} АВП РФ. Ф. 04. 1921—1922. Оп. 51. П. 330. Д. 55072. Л. 59.
{11} Там же. Л. 43.
{12} АВП РФ. Ф. 090. 1920. Оп. 3. П. 2. Д. 9. Л. 41.
{13} Телеграмма Н. Гольдберга в ИККИ от 9. 07. 1922 // РГАСПИ. Ф. 544. Оп. 4. Д. 8. Л. 139.
{14} Смета на отправку 10 индусов на родину в Индию // РГАСПИ. Ф. 544. Оп. 4. Д. 15. Л. 39.
{15} Documents of the History of the Communist Party of India. Vol. II. New Delhi, 1972. P. 33—41.

Глава 13. «Ультиматум Керзона»: Британская империя дает отпор

{1} См. подробнее: Bailey F. M. Mission to Tashkent. Oxford, 1946; Голинков Д. Л. Крушение антисоветского подполья в СССР. Кн. I. М., 1986. С. 251—254.
{2} АВП РФ. Ф. 071. 1921. Оп. 1. П. 101. Д. 5. Л. 29.
{3} См. подробнее: ГАРФ. Ф. 5903. Оп. 1. Д. 427.
{4} Цит. по: Анин Б., Петрович А. Радиошпионаж. М., 1996. С. 188—189.
{5} АВП РФ. Ф. 071. 1921. Оп. 3. П. 105. Д. 20. Л. 13.

{6} О'Коннор Т. Э. Георгий Чичерин и советская внешняя политика. 1918—1930. М, 1991. С. 169; Ulman H. R. The Anglo-Soviet Accord. Vol. III. Princeton, 1972. P. 121—122.
{7} Ulman H. R. Op. cit. P. 122.
{8} Документы внешней политики СССР (далее – ДВП СССР). Т. III. М., 1959. С. 608.
{9} Ulman H. R. Op. cit. Appendix. P. 479—482.
{10} Конт Ф. Революция и дипломатия. М., 1991. С. 90.
{11} Трухановский В. Г. Новейшая история Англии. М., 1958. С. 94—95.
{12} РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 338. Л. 1, 8.
{13} ДВП СССР. Т. VI. М., 1962. С. 298—299.

Глава 14. «Новая наступательная политика»

{1} Губар М. Афганистан на пути истории. М., 1987. С. 121.
{2} Там же. С. 121—122.
{3} Цит. по: Коргун В. Г. История Афганистана. XX век. М., 2004. С. 81.
{4} РГАСПИ. Ф. 544. Оп. 4. Д. 8. Л. 128.
{5} Adamec L. W. Afghanistan's Foreign Affairs to the Mid-Twentieth Century. Tucson (Arisona), 1974. P. 90—91.
{6} Elliot J. The Frontier 1839—1947. The Story of NWF of India. L., 1968. P. 167.
{7} Ibid.
{8} Ibid.
{9} Бюллетень зарубежной военной прессы по Востоку. Ташкент, 1933. № 1. С. 14.
{10} Там же. С. 42.
{11} Обзор англо-индийской прессы // РГАСПИ. Ф. 544. Оп. 3. Д. 102. Л. 34, 36.
{12} Elliot J. Op. cit. P. 268.
{13} Swinson A. H. North-West Frontier. L., 1967. P. 305.
{14} Barton W. Indian's North-West Frontier. L., 1939. P. 241.
{15} Spain J. W. The Pathan Borderland. Hague, 1963. P. 152.
{16} Elliot J. Op. cit. P. 269.
{17} Elliot J. Op. cit. P. 94; Spain J. Op. cit. P. 152.
{18} Spain J. Op. cit. P. 152.
{19} Обзор англо-индийской прессы // РГАСПИ. Ф. 544. Оп. 3. Д. 100. Л. 280.
{20} Spain J. Op. cit. P. 152.
{21} Adamec L. W. Afghanistan's Foreign Affairs. P. 93.
{22} Fraser-Tytler W. K. A Afghanistan. A Study of Political Developments in Central and Souther Asia. L., 1957. P. 203.
{23} РГАСПИ. Ф. 544. Оп. 3. Д. 100. Л. 28.
{24} Fraser-Tytler W. K. Op. cit. P. 224.
{25} Adamec L. W. Afghanistan's Foreign Affairs. P. 95.
{26} Miller C. Khyber: British Indian's North-West Frontier. N. Y., 1977. P. 336.
{27} Spain J. Op. cit. P. 155.
{28} Miller C. Op. cit. P. 336.
{29} Хейфец А. Н. Советская дипломатия и народы Востока. 1921—1927. М., 1968. С. 270.
{30} Конт Ф. Революция и дипломатия. М., 1991. С. 125.
{31} Adamec L. W. Afghanistan's Foreign Affairs. P. 95.
{32} Andrew C. Secret service: The making of the British Intelligence Community. L., 1985. P. 327.
{33} Elliot J. Op. cit. P. 269.
{34} Ibid.
{35} Rittenberg S. A. Ethicity, Nationalism and the Pakthan: the Independence Movement in India's North-West Frontier Province. Carolina, 1988. P. 52—53.

Глава 15. Мятеж в Хосте: пуштуны против реформ Амануллы

{1} О реформах Амануллы и ситуации в Афганистане в период его правления см. подробнее: Poulanda B. P. Reform and Rebellion in Afghanistan. 1919—1929. L., 1973.

{2} РГВА. Ф. 25895. Оп. 1. 897. Л. 3 (об).
{3} Губар М. Афганистан на пути истории. М., 1987. С. 155.
{4} Коргун В. Г. История Афганистана. XX век. М., 2004. С. 120.
{5} Губар М. Указ. соч. С. 160.
{6} РГВА. Ф. 25895. Оп. 1. 897. Л. 5.
{7} Документальных свидетельств о том, что за Абдул Каримом стояла Англия, не найдено, но Леон Пуланда пишет, что в устной форме разрешение британских властей сын Якуб-хана все же получил. См.: Poulanda B. P. Op. cit. P. 250.
{8} Adamec L. W. Afghanistan's Foreign Affairs to the Mid-Twentieth Century. Tucson (Arisona), 1974. P. 88.
{9} Шах Вали. Мои воспоминания. М., 1960. С. 42—43.
{10} РГВА. Ф. 25895. Оп. 1. 897. Л. 6.
{11} РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 1. Л. 53.
{12} РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 2. Л. 25—26.
{13} Там же. Л. 28—29. Афганские ВВС перед мятежом в Хосте состояли из 2 советских, 2 итальянских и 1 британского самолетов. До осени 1924 г. по различным причинам, включая отсутствие летчиков и технического персонала, в боевых действиях против антиправительственных сил они участия не принимали // Adamec L. W. Afghanistan's Foreign Affairs. P. 107.
{14} Adamec L. W. Afghanistan's Foreign Affairs. P. 107.
{15} Губар М. Указ. соч. С. 153.
{16} ЦА ФСБ. Дело Р-48558. Л. 13—14.
{17} Губар М. Указ. соч. С. 158.
{18} Adamec L. W. Afghanistan's Foreign Affairs. P. 89.
{19} РГВА. Ф. 25895. Оп. 1. 897. Л. 6 (об).
{20} Коргун В. Г. Указ. соч. С. 129.
{21} Докладная записка штаба Среднеазиатского военного округа «К событиям в Афганистане» от 15(?) декабря 1928 г. // РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 1342. Л. 145.

Глава 16. Дерзкое «турне» разведчика Лосева

{1} См. подробнее: Отчет о поездке в Индию 1-й Туркестанской артиллерийской бригады поручика Лосева // Секретное добавление к «Сборнику материалов по Азии» № 9. Издание Главного управления Генерального штаба. СПб., 1908. С. 1—144.
{2} Алексеев М. Военная разведка России. Первая мировая война. Т. III. 1. М., 2001. С. 445.
{3} Докладная записка В. Лосева об изучении военно-политической ситуации в регионе вблизи от восточных границ СССР от 4. 06. 1925 г. // L/P@ J/12/251. P. 4—9.
{4} Ibid. P. 9.

Глава 17. Несостоявшийся реванш Коминтерна в «афганском коридоре»

{1} Адибеков Г. М, Шахназарова Э. Н., Шириня К. К. Организационная структура Коминтерна. 1919—1943. М., 1997.
{2} Среди таких организаций можно назвать «Иранское культурно-просветительское общество», «Студенческую организацию иранцев» и т. д.
{3} Скорее всего, это не подлинные фамилии, а псевдонимы.
{4} Справка британской разведки «Советская восточная пропаганда: активность бакинского центра» от 26. 01. 1925 // L/P@ J /12/ 177/ P. 3.
{5} Панцов А. В. Тайная история советско-китайских отношений. М., 2001. С. 128.
{6} Видимо, этот псевдоним принадлежал Борису Семеновичу Фрайеру.
{7} Письмо М. Роя в Оргбюро ИККИ от 13. 03. 1925 // L/P@ J /12/ 251/ P. 16.
{8} Ринк Иван Александрович, сотрудник Разведупра с 1922 г.; в 1924—1926, 1928—1929 гг. – советский военный атташе в Кабуле // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 100. Д. 63031.
{9} Справка британской разведки «Советский план по организации активности приграничных племен в Индии» от 7. 07. 1925 // L/P@ J /12/ 251/ P. 18.
{10} Ibid. P. 19.

{11} Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Коминтерн. 1919—1943. Документы. М., 2004. С. 303.
{12} Секретарь ИККИ Д. Мануильский – зам. наркома иностранных дел СССР М. Литвинову. 23. 04. 1925 // L/P@ J /12/ 251/ P. 21.
{13} Драбкин Я. С. Идея мировой революции и ее трансформации // История Коммунистического Интернационала. 1919—1943. Документальные очерки. М., 2002. С. 51.
{14} Примечания британской разведки к письму Д. Мануильского от 23. 04. 1925 // L/P@ J /12/ 251/ P. 21.
{15} Справка британской контрразведки (SIS) от 2. 02. 1926 // L/P@ J /12/ 251/ P. 58.
{16} Письмо Н. Бухарина и Сен Катаямы члену ЦК компартии Франции и ИККИ Ж. Дорио от 3. 06. 1925 // L/P@ J /12/ 177/ P. 7.
{17} Справка британской разведки «Активизация советской восточной пропаганды: военная конференция в Баку» от 4. 08. 1925 г. // Ibid. P. 8.
{18} Справка Индийской политической разведки (ИПИ) «Коммунистическая военная конференция в Баку в июле (1925)» от 7.09.1925 г. // Ibid. P. 10.
{19} Справка ИПИ «Коммунистическая деятельность в Индии, направляемая из Кабула» от 6. 11. 1925 г. // Ibid. P. 13—14.
{20} Справка ИПИ «Коммунистическая деятельность против Индии, направляемая из Кабула» от 14. 12. 1925 г. // Ibid. P. 17—18.
{21} Девяткина Т. Д., Егорова М. Н., Мельников А. М. Зарождение коммунистического движения в Индии. М., 1978. С. 272.
{22} Докладная записка советского посольства в Кабуле «Партия „Гадр“. 1926 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 68. Д. 191. Л. 2а.
{23} Там же. Л. 3.

Глава 18. Свержение Амануллы-хана

{1} РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 2. Л. 86.
{2} Там же. Л. 91.
{3} Там же. Л. 176.
{4} Решение об участии СССР в строительстве стратегических дорог в Афганистане было принято с большим опозданием. Лишь накануне свержения Амануллы-хана в октябре 1928 г. между Москвой и Кабулом удалось урегулировать все вопросы по строительству шоссе Термез – Кабул. См. Теплинский Л.Б. История советско-афганских отношений. М., 1988. С. 99—100.
{5} Панин С. Б. Советская Россия и Афганистан. 1919 – 1929. М., 1998. С. 191.
{6} Там же. С. 190; Протокол № 14 заседания Политбюро ЦК ВКП (б) от 11. 03. 1926 // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 3. Л. 31.
{7} РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 4. Л. 75. К сентябрю 1927 г. советская сторона все еще вела переговоры с Амануллой о поставках вооружения. При этом в счет субсидии Афганистану уже предлагалось оружия на сумму не 3 млн, а 2 млн 150 тыс. рублей.
{8} История вооруженных сил Афганистана. 1747—1977. М., 1985. С. 94.
{9} Губар М. Афганистан на пути истории. М., 1987. С. 163.
{10} Файз Мухаммад. Книга упоминаний о мятеже. М., 1988. С. 35.
{11} Коргун В. Г. История Афганистана. XX век. М., 2004. С. 163.
{12} Файз Мухаммад. Указ. соч. С. 36.
{13} Справка «Гражданская война в Афганистане в 1928 – 1929 гг.» // РГАСПИ. Ф. 532. Оп. 4. Д. 110. Л. 46.
{14} Файз Мухаммад. Указ. соч. С. 71.
{15} Панин С. Б. Указ. соч. С. 197.
{16} «Сводка поступивших сведений о восстании племен на индо-афганской границе». 1928 // РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 1342. Л. 129.
{17} Сводки штаба Среднеазиатского военного округа (САВО) // РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 1805. Л. 15.

{18} Там же. Л. 16.
{19} РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 715. Л. 68.
{20} Доклад начальника ВВС САВО Золотарева от 9. 01. 1929 // РГВА. Ф. 25895. Оп. 1. Д. 670. Л. 6.
{21} Справка «К событиям в Афганистане» начальника 7-го отдела штаба САВО Сокольского. 25. 12. 1928 г. // РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 1342. Л. 159.
{22} Там же. Л. 176.
{23} Доклад начальника ВВС САВО Золотарева от 9. 01. 1929 г. // РГВА. Ф. 25895. Оп. 1. Д. 670. Л. 5 (об).
{24} РГВА. Ф. 25895. Оп. 1. Д. 897. Л. 25 (об).
{25} Сводки штаба САВО // РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 1805. Л. 70.
{26} Справка «К событиям в Афганистане» начальника 7-го отдела штаба САВО Сокольского. 25. 12. 1928 г. // РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 1342. Л. 155.
{27} Справка «Гражданская война в Афганистане в 1928—1929 гг.» // РГАСПИ. Ф. 532. Оп. 4. Д. 110. Л. 46.
{28} Сводки штаба Среднеазиатского военного округа (САВО) // РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 1805. Л. 17—18.
{29} РГАСПИ. Ф. 532. Оп. 4. Д. 110. Л. 40.
{30} Цит. по: Файз Мухаммад. Указ. соч. С. 180.

Глава 19. Новый виток борьбы за афганский престол

{1} РГАСПИ. Ф. 532. Оп. 4. Д. 110. Л. 48—49.
{2} Кухдаман (Кухедаман) – горный район к северо-западу от Кабула.
{3} Файз Мухаммад. Книга упоминаний о мятеже. М., 1988. С. 46.
{4} Докладная записка поверенного в делах Э. Рикса заместителю наркома иностранных дел СССР Л. Карахану от 5. 09. 1929 г. // АВП РФ. Ф. Личный архив Л. Старка. 1930. Оп. 13. П. 4. Д. 5. Л. 286.
{5} РГВА. Ф. 25895. Оп. 1. Д. 897. Л. 13 (об).
{6} Stewart R. T. Fire in Afghanistan. 1914—1929. N. Y., 1973. P. 495.
{7} Ibid. P. 498.
{8} Ibid.
{9} Файз Мухаммад. Указ. соч. С. 52.
{10} РГВА. Ф. 25895. Оп. 1. Д. 897. Л. 14; Stewart R. T. Op. cit. P. 499.

Глава 20. Война двух «эмиров»: Аманулла-хан против Хабибуллы-хана

{1} РГВА. Ф. 25895. Оп. 1. Д. 897. Л. 14.
{2} Материал о пребывании Амануллы-хана в Кандагаре, подготовленный исполняющей делами уполномоченного НКИД в Узбекистане А. Виноградовой. 9. 07. 1929 г. // РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 1806. Л. 131.
{3} Там же.
{4} РГВА. Ф. 25895. Оп. 1. Д. 897. Л. 14 (об).
{5} Stewart R. T. Fire in Afghanistan. 1914—1929. N. Y., 1973. P. 505—507.
{6} Телеграмма ТАСС из Кабула от 8. 02. 1929 г. // РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 1807. Л. 26—27.
{7} РГВА. Ф. 25895. Оп. 1. Д. 897. Л. 14 (об).
{8} Бойко В. С. Советско-афганская военная экспедиция в Афганистан 1929 года // Азия и Африка сегодня. 2001. № 7. С. 32.
{9} РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 7. Л. 53.
{10} Файз Мухаммад. Книга упоминаний о мятеже. М., 1988. С. 60.
{11} РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 1805. Л. 109 (об).
{12} Там же. С. 110.
{13} О причинах недовольства кабульцев см. подробнее: Файз Мухаммад. Указ. соч. С. 53—55, 77.
{14} РГВА. Ф. 25895. Оп. 1. Д. 897. Л. 15 (об).

{15} Там же. Л. 16.
{16} Губар М. Афганистан на пути истории. М., 1987. С. 193.
{17} О советском вторжении в Афганистан весной 1929 г. см. подробнее: Агабеков Г. Секретный террор. М., 1998. С. 270—272; Аптекарь П. Первая кровь. Примаков берет штурмом Мазари-Шариф // Родина. 1999. № 2. С. 17—21; Панин Б. С. Советская Россия и Афганистан. 1919—1929. М., 1998. С. 207—211; Бойко В. С. Указ. соч. С. 33—36.
{18} РГВА. Ф. 25895. Оп. 1. Д. 897. Л. 16 (об).
{19} Poulanda B. P. Reform and Rebellion in Afghanistan. 1919—1929. L., 1973. P. 126—129.
{20} Цит. по: Stewart R. T. Op. cit. P. 557.
{21} Файз Мухаммад. Указ. соч. С. 98.
{22} РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 1805. Л. 140.
{23} РГВА. Ф. 25895. Оп. 1. Д. 897. Л. 15 (об).
{24} Там же.
{25} РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 1805. Л. 140.
{26} РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 1806. Л. 133.
{27} Там же. Л. 126.
{28} Письмо Г. Чичерина И. Сталину от 20. 06. 1929 г. // Советское руководство. Переписка. 1928—1941. М., 1999. С. 77.

Глава 21. Приграничные племена захватывают Кабул: Надир-хан становится королем

{1} РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 1806. Л. 127.
{2} Протокол допроса Гуляма Сиддик-хана от 18. 03. 1946 г. // ЦА ФСБ. Д. 8234. Л. 47.
{3} Цит. по: Шах Вали. Мои воспоминания. М., 1960. С. 49.
{4} Файз Мухаммад. Книга упоминаний о мятеже. М., 1988. С. 267.
{5} Там же.
{6} Stewart R. T. Fire in Afghanistan. 1914—1929. N. Y., 1973. P. 517.
{7} АВП РФ. Личный архив Старка. 1929. Оп. 13. П. 4. Д. 5. Л. 288.
{8} Сводка штаба САВО № 15 // РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 1805. Л. 115.
{9} РГАСПИ. Ф. 532. Оп. 4. Д. 110. Л. 50.
{10} Шах Вали. Указ. соч. С. 57.
{11} Архив СВР. Д. 1225 «Кабаиль» (Афганские племена). Л. 27.
{12} Докладная записка советского посольства в Кабуле «Краткий обзор по афганским (внутренним) племенам Южного Афганистана, не включая дуррани» от 15. 01. 1930 г. // АВП РФ. Личный архив Старка. Оп. 14. П. 4. Д. 1. Л. 12.
{13} Там же. Л. 11; Gregorian V. The Emergence of Modern Afghanistan. Stanford, 1969. P. 284.
{14} Шах Вали. Указ. соч. С. 60.
{15} Справка советского посла Л. Старка в НКИД «О членах афганского правительства и лицах, занимающих высшие правительственные должности в Афганистане на 31 мая 1931 года» // АВП РФ. Личный архив Старка. 1931. Оп. 15. П. 5 Д. 1. Л. 87.
{16} Файз Мухаммад. Указ. соч. С. 63.
{17} Там же.
{18} РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 1805. Л. 146.
{19} РГВА. Ф. 25895. Оп. 1. Д. 897. Л. 21 (об).
{20} Шах Вали. Указ. соч. С. 62.
{21} Файз Мухаммад. Указ. соч. С. 129.
{22} РГВА. Ф. 25895. Оп. 1. Д. 897. Л. 21 (об).
{23} Там же. Л. 22 (об).
{24} Сводка штаба САВО № 16 // РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 1805. Л. 141.
{25} Там же; РГВА. Ф. 25895. Оп. 1. Д. 897. Л. 22(об)—23.
{26} Файз Мухаммад. Указ. соч. С. 213.
{27} РГВА. Ф. 25895. Оп. 1. Д. 897. Л. 23 (об).
{28} Stewart R. T. Fire in Afghanistan. 1914—1929. N. Y., 1973. P. 572.
{29} РГВА. Ф. 25895. Оп. 1. Д. 897. Л. 24.

{30} Справка заведующего афганским сектором 7-го отдела штаба САВО Буряченко «К событиям в Афганистане» от 8. 10. 1929 г. // РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 1806. Л. 171.
{31} Сводка штаба САВО № 17 «Афганистан. Политическое положение» // РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 1805. Л. 165.
{32} РГВА. Ф. 25895. Оп. 1. Д. 897. Л. 25.
{33} Там же. Л. 25 (об).
{34} Коргун В. Г. История Афганистана. М., 2004. С. 215.
{35} Панин С. Б. Советская Россия и Афганистан. 1919 – 1929. М., 1998. С. 212.
{36} РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 1805. Л. 165.

Глава 22. Новая кровь в «независимой» полосе Британской Индии

{1} Rittenberg S. A. Ethicity, Nationalism and the Pakhtan: the Independence Movement in India's North-West Frontier Province. Carolina, 1988. P. 73.
{2} Adamec L. W. Afghanistan's Foreign Affairs to the Mid-Twentieth Century. Tucson (Arisona), 1974. P. 188.
{3} Rittenberg S. A. Op. cit. P. 74.
{4} Ibid. P. 63—64.
{5} Ганковский Ю. В. Национальный вопрос и национальное движение в Пакистане. М., 1967. С. 164, 166.
{6} 13. 04. 1919 г. британские войска под командованием генерала Дайера расстреляли мирный митинг индийцев в г. Амритсаре. Около 2 тыс. человек было убито и ранено. Об этих событиях см. подробнее: Райков А. В. Амритсарская трагедия 1919 г. и освободительное движение в Индии. М., 1985.
{7} См. подробнее: Горев А. Махатма Ганди. М., 1989; Паничкин Ю. Н. Образование Пакистана и пуштунский вопрос. М., 2005.
{8} Swinson A. H. North-West Frontier. L., 1967. P. 311.
{9} Rittenberg S. A. Op. cit. P. 77—78; Swinson A. H. Op. cit. P. 311.
{10} Ibid.
{11} Rittenberg S. A. Op. cit. P. 84.
{12} Ibid. P. 87.
{13} Архив СВР. Д. 1225 «Кабаиль» (Афганские племена). Л. 27.
{14} Elliot J. Op. cit. P. 211.
{15} По данным Разведупра, общая численность племени африди равнялась 200—250 тыс. человек. На вооружении этого племени было около 50 тыс. винтовок // Архив СВР. Д. 1225 «Кабаиль» (Афганские племена). Л. 27.
{16} Swinson A. H. Op. cit. P. 314.
{17} Ibid. P. 313.
{18} Rittenberg S. A. Op. cit. P. 87.
{19} Swinson A. H. Op. cit. P. 314.
{20} Ibid.
{21} Rittenberg S. A. Op. cit. P. 88—89.
{22} Elliot J. Op. cit. P. 212.
{23} Swinson A. H. Op. cit. P. 317.
{24} Elliot J. Op. cit. P. 212.
{25} Маздур И. Аграрный вопрос и крестьянское движение на северо-западе Индии. М., 1933. С. 43.
{26} Архив СВР. Д. 1225 «Кабаиль» (Афганские племена). Л. 27.
{27} Swinson A. H. Op. cit. C. 319; Elliot J. Op. cit. P. 214.
{28} Rittenberg S. A. Op. cit. P. 120.
{29} Elliot J. Op. cit. P. 180.
{30} Ibid.
{31} Донесение поверенного в делах СССР в Кабуле С. Сычева от 20. 04. 1936 г. // АВП РФ. Ф. 071. 1936. Оп. 18. П. 178. Д. 3. Л. 15.

{32} Elliot J. Op. cit. P. 181—188.

Глава 23. Заговор Наби-хана

{1} История вооруженных сил Афганистана. М., 1985. С. 98.

{2} Выдержки из доклада английского военного атташе в Кабуле за июль 1930 г. / /РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 184. Л. 125.

{3} История вооруженных сил Афганистана. М., 1985. С. 100.

{4} РГВА. Ф. 25895. Оп. 1. Д. 884. Л. 5.

{5} РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 184. Л. 124.

{6} АВП РФ. Личный архив Старка. 1932. Оп. 16. П. 5. Д. 2. Л. 83.

{7} Донесение советского посла Л. Старка заместителю наркома иностранных дел Л. Карахану от 31. 12. 1932 г. // АВП РФ. Ф. 08. 1932. Оп. 16. П. 154. Д. 25. Л. 38.

{8} РГВА. Ф. 25895. Оп. 1. Д. 884. Л. 8.

{9} Там же. Л. 7.

{10} АВП РФ. Ф. 08. 1932. Оп. 16. П. 154. Д. 25. Л. 38.

{11} Там же. Л. 35.

{12} Обзор прессы советского посольства в Кабуле за ноябрь 1932 г. // АВП РФ. Личный архив Старка. 1932. Оп. 16. П. 5. Д. 2. Л. 108.

{13} РГВА. Ф. 25895. Оп. 1. Д. 884. Л. 8.

{14} Там же. Л. 6.

{15} Справка военного атташе советского посольства «Возвращение военного министра из Гардеза в Кабул» от 28. 12. 1932 г. // РГВА. Ф. 25895. Оп. 1. Д. 884. Л. 80.

{16} АВП РФ. Личный архив Старка. 1932. Оп. 14. П. 4. Д. 1. Л. 15.

Глава 24. Последняя победа Надир-шаха

{1} Доклад советского военного атташе Васильева «Общий обзор военно-политического положения в Афганистане» (за второе полугодие 1932 г.) // РГВА. Ф. 25895. Оп. 1. Д. 884. Л. 9.

{2} Ahmed A. S. Tribes and States in Waziristan // The Conflict of Tribe and State in Iran and Afghanistan. L.; N. Y., 1983. P. 205.

{3} Tendulkar D. G. Abdul Gaffar Khan. Bombay, 1967. P. 57.

{4} АВП РФ. Ф. 08. 1932. Оп. 16. П. 154. Д. 25. Л. 43—44.

{5} РГВА. Ф. 25895. Оп. 1. Д. 884. Л. 67—68.

{6} Рапорт Гуль Мир-хана военному министру Махмуд-хану от 2. 02. 1933 г. // Там же. Л. 66.

{7} Справка советского военного атташе в Кабуле Васильева «О событиях в Южной провинции» (март 1933 г.) // РГВА. Ф. 25895. Оп. 1. Д. 884. Л. 85.

{8} Там же.

{9} Доклад Разведупра «Восстание на юге Афганистана и совместная операция афганцев и англичан» от 4. 04. 1933 г. // АВП РФ. Ф. 08. 1933. Оп. 16. П. 153. Д. 9. Л. 67—68.

{10} Там же. Л. 68.

{11} Обзор англо-индийской прессы советского посольства в Кабуле // РГАСПИ. Ф. 532. Оп. 4. Д. 129. Л. 46—47.

{12} Там же. Л. 32.

{13} Там же. Л. 48—49.

{14} Справка советского военного атташе в Кабуле Васильева «Общий обзор положения в Афганистане» (июль 1933 г.) // РГВА. Ф. 25895. Оп. 1. Д. 884. Л. 140.

{15} Там же.

{16} Там же. Л. 141.

{17} Обзор англо-индийской прессы советского посольства в Кабуле // РГАСПИ. Ф. 532. Оп. 4. Д. 132. Л. 35.

{18} РГАСПИ. Ф. 532. Оп. 4. Д. 131. Л. 121.

{19} Elliot J. Op. cit. P. 79.

{20} Доклад Л. Старка в НКИД «Сведения о Южной провинции» от 25. 07. 1933 г. // АВП

РФ. Ф. 08. 1933. Оп. 16. П. 154. Д. 25. Л. 200.
{21} Там же.
Глава 25. Афганская вендетта и СССР
{1} АВП РФ. Ф. 08. 1933. Оп. 16. П. 154. Д. 20. Л. 5.
{2} Там же. Л. 6.
{3} Обзор афганской и англо-индийской прессы // АВП РФ. Ф. 08. 1933. Оп. 16. П. 154. Д. 30. Л. 55.
{4} Справка НКИД «Борьба Надир-шаха против аманулистов» // РГАСПИ. Ф. 532. Оп. 4. Д. 110. Л. 54.
{5} РГАСПИ. Ф. 532. Оп. 4. Д. 132. Л. 107.
{6} Справка Индийской политической разведки (ИПР) «Афганские дела» от 19. 01. 1934 г. // L/P@ J. 12 /121. P. 5.
{7} L/P@ J. 12 /121. P. 18. Следует отметить, что личность Б. Муссолини вызвала у Аманулы неприязнь, поэтому отношения между итальянским диктатором и экс-эмиром были сдержанными.
{8} АВП РФ. Ф. 071. 1934. Оп. 16. П. 170. Д. 3. Л. 9.
{9} Там же. Л. 26.
{10} АВП РФ. Ф. 10. 1934. Оп. 9. П. 36. Д. 19. Л. 25.
{11} АВП РФ. Ф. 071. 1939. Оп. 21. П. 189. Д. 6. Л. 61.
{12} Протокол №10 заседания Политбюро ЦК ВКП (б) от 15.07.1934 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 16. Л. 110.
{13} L/P@ J. 12 /121. P. 49.
{14} АВП РФ. Ф. 071. 1935. Оп. 17. П. 177. Д. 29. Л. 77.
{15} Донесение английского вице-консула в Джидде от 21. 03. 1935 г. // L/P@ J. 12 / 122. P. 15.
{16} L/P@ J. 12 /122. P. 31—33.
{17} Обзор индийской прессы // АВП РФ. Ф. 56б. 1936. Оп. 14. П. 139. Д. 15. Л. 96.
Глава 26. Звездный час Факира из Ипи
{1} Mitchell N. Sir Georg Cunningham. Edinburg, 1968. P. 60.
{2} Hauner M. One Man against the Empire // Journal Contemporary History. 1981. № 1. P. 189.
{3} АВП РФ. Ф. 56б. 1937. Оп. 14. П. 139. Д. 16. Л. 207.
{4} Warren A. Waziristan, the Faqir of Ipi and the Indian Army. The North-West Frontier Revolt of 1936—1937. Oxford, 2000. P. 84—85.
{5} Mitchel N. Op. cit. P. 61.
{6} Hauner M. One Man... P. 189.
{7} Swinson A. H. Op. cit. P. 327; Elliot J. The Frontier 1839—1947. The Story of NWF of India. L., 1968. P. 264.
{8} Elliot J. Op. cit. P. 275.
{9} Spain J. People of the Khyber. N. Y., 1963. P. 131—132.
{10} Miller C. Khyber: British Indian's North-West Frontier. N. Y., 1977. P. 358.
{11} Barton W. India's North-West Frontier. L., 1939. P. 235.
{12} Swinson C. North-West Frontier. L., 1967. P. 328.
{13} Elliot J. Op. cit. P. 275.
{14} Ibid.
{15} Jansson E. India, Pakistan or Pakthunistan. Uppsala, 1981. P. 62.
{16} Mitchell N. Op. cit. P. 61.
{17} Barton W. Op. cit. P. 228.
{18} Warren A. Op. cit. P. 161, 205.
{19} Elliot J. Op. cit. P. 266, 276, 279.
{20} Ibid. P. 277.
{21} Jansson E. Op. cit. P. 86.
{22} Barton W. Op. cit. P. 230.

{23} Mitchell N. Op. cit. P. 66.
{24} Barton W. Op. cit. P. 231—234.
{25} Информационное письмо штаба САВО «События в Вазиристане» (май 1937 г.) // РГВА. Ф. 25895. Оп. 1. Д. 910. Л. 83.
{26} Warren A. Op. cit. P. 204.
{27} Swinson A. H. Op. cit. P. 330.
{28} Barton W. Op. cit. P. 237.
{29} Mitchell N. Op. cit. P. 66; Barton W. Op. cit. P. 237—238.
{30} Miller C. Op. cit. P. 363.
{31} Jansson E. Op. cit. P. 86.
{32} Barton W. Op. cit. P. 238.
{33} Swinson A. H. Op. cit. P. 331.
{34} Донесение поверенного в делах СССР в Афганистане С. Сычева заместителю наркома иностранных дел В. Деканозову от 3. 10. 1939 г. // АВП РФ. Ф. 071. 1939. Оп. 21. П. 189. Д. 4. Л. 171.

Глава 27. Авантюра Шами Пира: первая операция спецслужб III рейха в зоне пуштунских племен

{1} Hauner M. India in Axis Strategy. Germany, Japan and Indian Nationalists in the Second World War. Stuttgart, 1981. P. 313.
{2} Краткую биографию Шами Пира см.: Adamec L. W. Historical and Political Who's Who of Afghanistan. Graz, 1975. P. 175—176.
{3} Наваб – княжеский титул в некоторых восточных странах.
{4} Станишевский А. Афганистан. М., 1940. С. 82.
{5} Донесение советского посла в Кабуле К. Михайлова заместителю наркома иностранных дел СССР Б. Стомонякову от 21. 06. 1938 // АВП РФ. Ф. 071. 1938. Оп. 20. П. 185. Д. 4. Л. 184.
{6} Особенно сильное недовольство британских властей в Индии вызвало предоставление Германии концессий на юге Афганистана и прибытие в 1938 г. в Кабул итальянских авиатехников // АВП РФ. Ф. 071. 1938. Оп. 20. П. 185. Д. 4. Л. 260.
{7} Доклад, составленный на базе показаний Шами Пира, во время его допроса офицерами английской разведки в октябре 1945 г. // L/P@J/12/615. P. 55.
{8} Mitchell N. Sir Georg Cunningham. Edinburg, 1968. P. 67.
{9} Донесение посла К. Михайлова наркому иностранных дел СССР М. Литвинову от 23. 06. 1938 // АВП РФ. Ф. 071. 1938. Оп. 20. П. 185. Д. 4. Л. 171—172.
{10} Доклад, составленный на базе показаний Шами Пира // L/P@J/12/615. P. 56.
{11} Caroe O. The Pathans, 550 B. C. to A. D. 1957. L., 1958. P. 408– 409; Mitchell N. Op. cit. P. 67.
{12} АВП РФ. Ф. 071. 1938. Оп. 20. П. 185. Д. 4. Л. 259.
{13} Там же. Л. 235.
{14} Adamec L. W. Afghanistan's Foreign Affairs to the Mid-Twentieth Century. Tucson (Arisona), 1974. P. 230.
{15} Доклад военного атташе советского посольства в Афганистане Я. Карпова «О внешней политике афганского правительства» от 14. 08. 1940 г. // АВП РФ. Ф. 071. 1941. Оп. 23. П. 195. Д. 2. Л. 161.
{16} Доклад старшего референта отдела Среднего Востока НКИД СССР Ершова «Политическое положение Афганистана в начале 1942 г. » // АВП РФ. Ф. 071. 1942. Оп. 24. П. 200. Д. 8. Л. 17.
{17} Запись беседы советского посла К. Михайлова с В. Фрэзер-Тайтлером от 4. 07. 1941 г. // АВП РФ. Ф. 071. 1941. Оп. 23. П. 196. Д. 5. Л. 164.
{18} Телеграмма британского посланника в Кабуле В. Фрэзер-Тайтлера в министерство иностранных дел Англии. 8. 09. 1939 г. // L/P@J/12/615. P. 11.
{19} L/P@J/12/615. P. 17.

Глава 28. Операции «Аманулла» и «Тибет»

{1} Hillgruber A. Staatsmanner und Diplomaten bei Hitler. Bd. II. Frankfurt, 1970. S. 40.

{2} Miller C. Khyber: British Indian's North-West Frontier. N. Y., 1977. P. 364.

{3} Сардары – феодальная знать.

{4} АВП РФ. Ф. 071. 1943. Оп. 26. П. 206. Д. 4. Л. 13.

{5} Hauner M. India in Axis Strategy. Germany, Japan and Indian Nationalists in the Second World War. Stuttgart, 1980. P. 160.

{6} ЦА ФСБ РФ. Дело Р-48558. Л. 84.

{7} Там же. Л. 239.

{8} Glasneck J., Kircheisen I. Turkei und Afghanistan – Brennpunkte der Orientpolitik im Zweiten Weltkrieg. Berlin, 1968. S. 211.

{9} Ibid.

{10} Glasneck J., Kircheisen I. Op. cit. S. 215.

{11} Hauner M. Op. cit. P. 162.

{12} Ibid.

{13} Архив ФСБ РФ. Д. 8234. Л. 92.

{14} АВП РФ. Ф. 071. 1939. Оп. 21. П. 189. Д. 6. Л 61.

{15} Справка Индийской политической разведки (ИПР) «Экс-король Аманулла и Сиддик-хан» от 4. 11. 1939 г. //L/P@J/12/ 123. P. 54.

{16} Архив ФСБ РФ. Д. 8234. Л. 98.

{17} Запись беседы Молотова с Шуленбургом от 2. 11. 1940 г. // АВП РФ. Ф. 06. 1939. Оп. 1. П. 1. Д. 4. Л. 7.

{18} Запись беседы В. Молотова с Ф. Шуленбургом от 13. 11. 1939 г. // Там же. Л. 47—48.

{19} Там же.

{20} Запись беседы В. Молотова с Ф. Шуленбургом от 17. 11. 1939 г. // Там же. Л. 50—52.

{21} Hauner M. Op. cit. P. 163—164.

{22} Фляйшхауэр И. Пакт. Гитлер, Сталин и инициатива германской дипломатии. 1938—1939. М., 1990. С. 199, 392, 402.

{23} Hauner M. Op. cit. P. 163.

{24} Ibid. P. 164.

{25} Akten zur deutschen auswartigen Politik 1918—1945. Serie D. Bd. VIII. Bonn, 1969. S. 434

{26} Ibid. S. 435.

{27} Glasneck J., Kircheisen I. Op. cit. S. 217.

{28} Ibid. S. 216.

{29} Запись беседы наркома иностранных дел СССР В. Молотова с послом Германии в СССР Ф. Шуленбургом // ДВП СССР. М., 1995. Т. XXIII. 1. С. 131.

{30} Телеграмма заместителя наркома иностранных дел СССР В. Деканозова полномочному представителю СССР в королевстве Афганистан К. Михайлову // ДВП СССР. М., 1995. Т. XXIII. 1. С. 80.

{31} Справка Индийской политической разведки (ИПР) «Экс-король Аманулла и Сиддик-хан» от 4. 11. 1939 г. //L/P@J/12/123. P. 55.

{32} Справка ИПР «Афганские интриги» от 27. 2. 1940 г. // Ibid. P. 84.

{33} Hauner M. Op. cit. P. 171.

{34} Запись беседы наркома иностранных дел СССР В. Молотова с послом королевства Афганистан в СССР // ДВП СССР. М {35} АВП РФ. Ф. 071. 1941. Оп. 23. П. 195. Д. 2. Л. 113.

{36} АВП РФ. Ф. 082. 1940. Оп. 23. П. 95. Д. 5. Л. 117.

{37} АВП РФ. Ф. 082. 1940. Оп. 23. П. 95. Д. 5. Л. 139.

{38} Там же. Л. 62.

Глава 29. Кризис доверия 1940—1941 гг. в Центральной Азии

{1} История Второй мировой войны. 1939—1945. Т. III. М., 1974. С. 46.

{2} Доклад штаба ВВС 4-й армейской группы от 7. 07. 1940 г. // РГВА. Ф. 25895. Оп. 1. Д. 808. Л. 25—26.

{3} Донесение советского посла в Кабуле К. Михайлова В. Молотову от 11. 10. 1940 г. // АВП РФ. Ф. 071. 1940. Оп. 22. П. 192. Д. 4. Л. 301.
{4} Записка начальника Штаба САВО о плане действий отдельной среднеазиатской армии // РГВА. Ф. 25895. Оп. 1. Д. 730. Л. 1—2.
{5} Там же. Л. 2.
{6} Hauner M. The Soviet Threat to Afghanistan and India 1938– 1940 // Modern Asian Studies. Vol. XV. 2. P. 292—293.
{7} Агентурная сводка по Афганистану от 27. 03. 1940 г. // РГВА. Ф. 25895. Оп. 1. Д. 951. Л. 39.
{8} Донесение резидента советской военной разведки в Кабуле от 05. 04. 1940 г. // РГВА. Ф. 25895. Оп. 1. Д. 951. Л. 156.
{9} «Политико-экономический доклад по Афганистану за 1940 г.» // АВП РФ. Ф. 071. Оп. 23. П. 195. Д. 2. Л. 129.
{10} Там же. Л. 445.
{11} Hauner M. India in Axis Strategy. Germany, Japan and Indian Nationalists in the Second World War. Stuttgart, 1981. P. 149.
{12} Ibid.
{13} Обзор индийской и афганской прессы за 1940 г. // АВП РФ. Ф. 071. 1940. Оп. 22. П. 193. Д. 12. Л. 44.
{14} Кальдар – монета достоинством в 5 афгани.
{15} АВП РФ. Ф. 071. 1941. Оп. 23. П. 196. Д. 8. Л. 9.
{16} Донесение советского посла в Афганистане К. Михайлова заместителю наркоминдел В. Деканозову от 15. 05. 1940 г. // АВП РФ. Ф. 071. 1940. Оп. 2. П. 192. Д. 4. Л. 132.
{17} «Политико-экономический доклад по Афганистану за 1940 г.» // АВП РФ. Ф. 071. 1941. Оп. 23. П. 195. Д. 2. Л. 81.
{18} АВП РФ. Ф. 071. 1940. Оп. 22. П. 192. Д. 4. Л. 228.
{19} АВП РФ. Ф. 071. 1941. Оп. 23. П. 195. Д. 2. Л. 85.
{20} АВП РФ. Ф. 071. 1941. Оп. 23. П. 195. Д. 2. Л. 84.
{21} Там же.
{22} Hauner M. India... P. 149.
{23} АВП РФ. Ф. 071. 1941. Оп. 23. П. 195. Д. 2. Л. 85.
{24} Доклад советского военного атташе Я. Карпова «О внешней политике афганского правительства» от 15. 08. 1941 г. // АВП РФ. Ф. 071. 1941. Оп. 23. П. 195. Д. 2. Л. 198.
{25} РГВА. Ф. 25895. Оп. 1. Д. 951. Л. 716—717.
{26} Справка резидента советской военной разведки «Приезд в Кабул ханов „независимой“ полосы. Поездка премьер-министра по Афганистану» от 31. 08. 1940 г. // РГВА. Ф. 25895. Оп. 1. Д. 951. Л. 485.
{27} Там же.
{28} Запись беседы К. Михайлова с П. Кварони 26. 01. 1941 г. // АВП РФ. Ф. 071. 1941. Оп. 23. П. 196. Д. 4. Л. 70.
{29} Jansson E. India, Pakistan or Pakthunistan. Uppsala, 1981. P. 121.
{30} Запись беседы посла СССР К. Михайлова с итальянским посланником П. Кварони от 1. 05. 1941 г. // АВП РФ. Ф. 071. 1941. Оп. 23. П. 196, Д. 4. Л. 278.
{31} Запись беседы К. Михайлова с германским посланником Г. Пильгером от 3. 04. 1941 г. // АВП РФ. Ф. 071. 1941. Оп. 23. П. 196. Д. 4. Л. 176.
{32} АВП РФ. Ф. 071. 1941. Оп. 23. П. 196. Д. 4. Л. 185.
{33} Там же. Л. 319.

Глава 30. Тревожные годы

1. Warren A. Waziristan, the Faqir of Ipi and the Indian Army. The North-West Frontier Revolt of 1936—1937. Oxford, 2000. P. 241.
{2} Hauner M. India in Axis Strategy. Germany, Japan and Indian Nationalists in the Second World War. Stuttgart, 1981. P. 91.

{3} Jansson E. India, Pakistan or Pakthunistan. Uppsala, 1981. P. 119.
{4} АВП РФ. Ф. 071. 1941. Оп. 23. П. 196. Д. 4. Л. 98, 206.
{5} Jansson E. Op. cit. P. 120.
{6} Barton W. India's North-West Frontier. L., 1939. P. 269.
{7} Запись беседы поверенного в делах СССР в Афганистане С. Сычева с итальянским посланником П. Кварони от 29. 10. 1939 г. // АВП РФ. Ф. 071. 1939. Оп. 21. П. 189. Д. 6. Л. 69.
{8} Сообщение агентства Рейтер из Пешавара от 15. 10. 1939 г. // АВП РФ. Ф. 071. 1939. Оп. 21. П. 190. Д. 17. Л. 36; Akten zur deutschen auswartigen Politik 1918—1945. Serie D. Bd. VIII. Bonn, 1969. S. 434.
{9} Обзор прессы советского посольства в Кабуле // АВП РФ. Ф. 90. 1941. Оп. 8. П. 49. Д. 1. Л. 67—68.
{10} АВП РФ. Ф. 56-б. 1940. Оп. 14. П. 141. Д. 25. Л. 8.
{11} Hauner M. Op. cit. P. 125.
{12} Mitchell N. Sir Georg Cunningham. Edinburg, 1968. P. 76.
{13} Ibid.
{14} Barton W. Op. cit. P. 256—257.
{15} Ibid. P. 199.
{16} Hauner M. Op. cit P. 128.
{17} Обзор прессы советского посольства в Кабуле // АВП РФ. Ф. 90. 1940. Оп. 14. П. 141. Д. 141. Л. 46—47.

Глава 31. Незваный «гость» в Кабуле

{1} L/P@J/12/218. P. 24. К 1942 г. члены «Кирти», участвовавшие в переброске Боса в Афганистан, были арестованы и дали показания английским властям, каким образом индийский лидер смог бежать из Индии. В указанном деле из архива Индийской политической разведки собраны эти материалы.
{2} Письмо Рам Кишана советскому послу К. Михайлову от 19.08.1940 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 16. Д. 57а. Л. 5.
{3} Справка отдела кадров Коминтерна от 26. 07. 1940 г. // АВП РФ. Ф. 013а. Секретариат заместителя министра иностранных дел СССР С. А. Лозовского. 1940. Оп. 2. П. 2. Д. 20. Л. 19; Материалы Рам Кишана, отправленные им в Коминтерн // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 16. Д. 57а.
{4} РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 213. Д. 9. Л. 57.
{5} Там же. Л. 30.
{6} L/P@J/12/218. P. 30.
{7} Докладная записка Г. Димитрову начальника отдела кадров Коминтерна Гуляева. Октябрь 1941 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 16. Д. 59. Л. 229.
{8} Материалы личного дело К. Михайлова // РГАСПИ Ф. 495. Оп. 65а. Д. 1303.
{9} АВП РФ. Ф. 071. 1941. Оп. 23. П. 196. Д. 4. Л. 161.
{10} АВП РФ. Ф. 071. 1941. Оп. 23. П. 196. Д. 6. Л. 151.
{11} Times of India. 16. 08. 2005.
{12} О пребывании С. Ч. Боса в Германии см. подробнее: Райков А. В. Опаснейший час Индии. Липецк, 1999.
{13} Akten zur deutschen auswartigen Politik 1918—1945. Serie D. Bd. XII. 1. Bonn, 1969. S. 415—416.
{14} Schnabel R. Tiger und Schakal. Wien, 1968. S. 65.

Глава 32. Британская Индия в прицеле агентуры стран оси

{1} Запись беседы советского посла К. Михайлова с П. Кварони от 8. 04. 1941 г. // АВП РФ. Ф. 071. 1941. Оп. 23. П. 96. Д. 4. Л. 31.
{2} Цит. по: Hauner M. One Man against the Empire // Journal of Contemporary History. 1981. N 4. P. 197.
{3} Hauner M. India in Axis Strategy. Germany, Japan and Indian Nationalists in Second World

War. Stuttgart, 1981. P. 228.
{4} Беседа К. Михайлова с военным атташе британского посольства в Кабуле подполковником А. Ланкастером от 25. 03. 1942 г. // АВП РФ. Ф. 06. 1942. Оп. 4. П. 16. Д. 163. Л. 32.
{5} Adamec L. W. Afghanistan's Foreign Affairs to the Mid-Twentieth Century. Tucson (Arisona), 1974. P. 242.
{6} Glasneck J., Kircheisen I. Turkei und Afghanistan – Brennpunkte der Orientpolitik im Zweiten Weltkrieg. Berlin, 1968. S. 231.
{7} Mader J. Hitlers Spionagegenerale sagen aus. Berlin, 1971. S. 329.
{8} Справка, составленная вторым секретарем советского посольства М. Вавиловым, «Фашисты в Афганистане» от 8. 08. 1941 г. // АВП РФ. Ф. 071. 1941. Оп. 23. П. 197. Д. 9. Л. 54.
{9} Отчет К. Михайлова о его поездке в Кандагар 28—31 октября 1940 г. // АВП РФ. Ф. 071. 1940. Оп. 22. П. 192. Д. 4. Л. 292.
{10} Доклад советского военного атташе В. Карпова начальнику Разведупра генерал-лейтенанту Ф. Голикову от 30. 8. 1940 г. // РГВА. Ф. 25895. Оп. 1. Д. 951. Л. 628.
{11} Справка М. Вавилова «Фашисты в Афганистане» // АВП РФ. Ф. 071. 1941. Оп. 23. П. 197. Д. 9. Л. 113.
{12} Hauner M.Op. cit. P. 324.
{13} Akten zur deutschen auswartigen Politik 1918—1945. Serie D. Bd. XII. 1. Bonn, 1969. S. 233.
{14} Ibid. S. 808.
{15} Kirk G. The Middle East in the War. L., 1954. P. 143.
{16} Akten... Serie D. Bd. XIII. 1. Bonn, 1970. S. 116; Schnabel R. Tiger und Schakal. Wien, 1968. S. 91.
{17} Докладная записка Ф. Гроббы «Поставка оружия для иракского правительства» на имя помощника статс-секретаря германского МИДа Эрнста Верманна от 27. 03. 1941 г. // ЦА ФСБ. Дело Р-48558. Л. 179.
{18} Hauner M. Op. cit. P. 228, 331.
{19} Запись беседы К. Михайлова с британским военным атташе А. Ланкастером // АВП РФ. Ф. 06. 1942. Оп. 4. П. 16. Д. 163. Л. 50.
{20} АВП РФ. Ф. 071. 1941. Оп. 23. П. 196. Д. 5. Л. 93.
{21} АВП РФ. Ф. 90. 1941. Оп. 8. П. 4а. Д. 1. Л. 94—95.
{22} Adamec L. W. Op. cit. P. 260.
{23} Кузнец Ю. Л. «Мародеры» выходят из игры. М., 1992. С. 17.
{24} Запись беседы поверенного в делах СССР в Афганистане И. Самыловского с П. Кварони от 1. 12. 1943 г. // АВП РФ. Ф. 071. 1943. Оп. 25. П. 203. Д. 6. Л. 164.
{25} Hauner M. Op. cit. P. 233—234; Kurowski F. Deutsche Kommandotrupps 1939—1945. Die «Brandenburger» im weltweiten Einsatz. Bd. II. Stuttgart, 2000. S. 133.
{26} Запись беседы поверенного в делах СССР в Афганистане И. Самыловского с П. Кварони // АВП РФ. Ф. 071. 1943. Оп. 25. П. 203. Д. 6. Л. 164.
{27} Сопроводительные документы на высылаемых из Афганистана немцев и итальянцев // АВП РФ. Ф. 071. 1942. Оп. 24. П. 200. Д. 9. Л. 76; Hauner M. Op. cit. P. 234—235.
{28} Справка М. Вавилова «Фашисты в Афганистане» // АВП РФ. Ф. 071. 1941. Оп. 23. П. 197. Д. 9. Л. 57.
{29} Там же. Л. 18.
{30} Hauner M. Op. cit. P. 312, 231—232.
{31} Докладная записка ИПИ о «заговоре Боса», основанная на показаниях арестованного Хаминдара Сингха Соди // L/P@ J/12/218. P. 39.
{32} Там же.
{33} Talwar B. R. The Talwars of Patan Land. New Delhi, 1976. P. 130—131, 141.
{34} АВП РФ. Ф. 071. 1941. Оп. 23. П. 196. Д. 5. Л. 40—41.

{35} Справка «Фашисты в Афганистане» // АВП РФ. Ф. 071. 1941. Оп. 23. П. 197. Д. 9. Л. 123.
{36} Mader J. Op. cit. S. 359.
{37} Talwar B. R. Op. cit. P. 135, 139.
{38} Ibid. P. 140. К мемуарам Бхагат Рама надо относиться очень осторожно, так как он о многом умалчивает.
{39} Akten... Serie D. Bd. XIII. 1. Bonn, 1970, S. 116.
{40} Hauner M. Op. cit. P. 229—230.
{41} АВП РФ. Ф. 071. 1941. Оп. 23. П. 196. Д. 6. Л. 151.

Глава 33. Крах операции «Пожиратель огня»

{1} Mader J. Hitlers Spionagegenerale sagen aus. Berlin, 1971. S. 357—358.
{2} Hauner M. India in Axis Strategy. Germany, Japan and Indian Nationalists in Second World War. Stuttgart, 1981. P. 236.
{3} Запись беседы советского посла в Афганистане К. Михайлова с британским посланником Ф. Уайли от 1. 11. 1941 г. // АВП РФ. Ф. 071. 1941. Оп. 23. П. 196. Д. 6. Л. 220.
{4} Справка 2-го секретаря советского посольства в Афганистане М. Вавилова «Фашисты в Афганистане и их подрывная деятельность» // АВП РФ. Ф. 071. Оп. 23. П. 197. Д. 9. Л. 137.
{5} Донесение Фреда Брандта от 7. 02. 1942 г. // Архив СВР. Дело № 2437 «Индия». Л. 2—3.
{6} Запись беседы М. Вавилова с А. Ланкастером // Архив СВР. Дело № 1225 «Кабаиль». Л. 3—5.
{7} Запись беседы советника посольства СССР в Кабуле В. Козлова с Флетчером // АВП РФ. Ф. 071. 1941. Оп. 23. П. 196. Д. 5. Л. 120.
{8} Запись беседы В. Козлова с В. Фрэзер-Тайтлером // Там же. Л. 118.
{9} Запись беседы К. Михайлова с В. Фрэзер-Тайтлером // Там же. Л. 167.
{10} Hauner M. Op. cit. P. 236.
{11} Румянцев Ф. Я. Тайная война на Ближнем и Среднем Востоке. М., 1972. С. 86.
{12} Выдержки из доклада английской разведки см.: Hauner M. Op. cit. P. 313.
{13} Adamec L. W. Afghanistan's Foreign Affairs to the Mid-Twentieth Century. Tucson (Arisona), 1974. P. 243.
{14} Запись беседы К. Михайлова с В. Фрэзер-Тайтлером от 28. 07. 1941 г. // АВП РФ. Ф. 071. 1941. Оп. 23. П. 196. Д. 5. Л. 193.
{15} Hauner M. Op. cit. P. 311.
{16} Англо-советские отношения во время Великой Отечественной войны. Т. I. М., 1983. С. 72.
{17} Lawlor S. Britain and Russian entry into the War // Diplomacy and Intelligence during the Second World War. Cambridge, 1985. P. 177.
{18} Glasneck J., Kircheisen I. Turkei und Afghanistan – Brennpunkte der Orientpolitik im Zweiten Weltkrieg. Berlin, 1968. S. 244.
{19} Hauner M. Op. cit. P. 330.
{20} Talwar B. R. The Talwars of Patan Land. New Delhi, 1976. P. 140.
{21} Akten zur deutschen auswartigen Politik 1918—1945. Serie D. Bd. XII. 1. Bonn, 1969. S. 116.
{22} Hauner M. Op. cit. P. 230.
{23} Записи бесед К. Михайлова с В. Фрэзер-Тайтлером от 21 и 28. 07. 1941 г. // АВП РФ. Ф. 071. 1941. Оп. 23. П. 196. Д. 5. Л. 195, 204.
{24} АВП РФ. Ф. 071. Оп. 23. П. 196. Д. 5. Л. 203.
{25} Hauner M. Op. cit. P. 317.
{26} Запись беседы К. Михайлова с военным атташе британского посольства А. Ланкастером от 16. 08. 1941 г. // АВП РФ. Ф. 071. Оп. 23. П. 196. Д. 5. Л. 295.
{27} Запись беседы М. Вавилова с польским вице-консулом Телятицким от 20. 09. 1941 г. // АВП РФ. Ф. 071. Оп. 23 П. 196. Д. 6. Л. 96.
{28} Командос – части особого назначения в британской армии.

{29} Mader J. Op. cit. S. 359.
{30} Донесение Фреда Брандта // Архив СВР. Дело № 2437 «Индия». Л. 2—3.
{31} Там же.
{32} Телеграмма Д. Витцеля в Берлин от 30. 05. 1942 г. // Архив СВР. Дело «Индия». Л. 11—12.
{33} Hauner M. Op. cit. P. 317.

Глава 34. Агреман В. Хентига

{1} Памятная записка, врученная С. Криппсом В. Молотову 20. 07. 1941 г. // Документы внешней политики СССР. Т. XXIV. М., 2000. С. 574.
{2} Там же. С. 575.
{3} Там же. С. 576.
{4} АВП РФ. Ф. 06. 1941. Оп. 3. П. 8. Д. 82. Л. 1.
{5} Запись беседы К. Михайлова с В. Фрэзер-Тайтлером от 28.07.1941 г. // АВП РФ. Ф. 071. 1941. Оп. 23. П. 196. Д. 5. Л. 197.
{6} Там же.
{7} Запись беседы К. Михайлова с В. Фрэзер-Тайтлером от 28. 07. 1941 г. // АВП РФ. Ф. 071. 1941. Оп. 23. П. 196. Д. 5. Л. 197.
{8} Там же.
{9} Доклад К. Михайлова В. Молотову от 28. 07. 1941 г. // АВП РФ. Ф. 012. 1941. Оп. 2а. П. 25. Д. 241. Л. 1—8.
{10} Там же. Л. 1—2.
{11} Там же. Л. 5.
{12} АВП РФ. Ф. 071. 1941. Оп. 23. П. 196. Д. 5. Л. 242.
{13} Биографию М. А. Аллахвердова см. подробнее: Ветераны внешней разведки России. М., 1995. С. 10—12.
{14} Akten zur deutschen auswartigen Politik 1918—1945. Serie D. Bd. XIII. 1. Bonn, 1970. S. 223—224.
{15} Ibid.
{16} Hauner M. India in Axis Strategy. Germany, Japan and Indian Nationalists in Second World War. Stuttgart, 1981. P. 316.
{17} Ibid. P. 314.
{18} Запись беседы В. Молотова с С. Криппсом от 1. 08. 1941 г. // АВП РФ. Ф. 06. 1941. Оп. 3. П. 8. Д. 82. Л. 1.
{19} Телеграмма И. Риббентропа немецкому послу Г. Пильгеру от 9. 08. 1941 г. // Akten... Serie D. Bd. XIII. 1. Bonn, 1970. S. 249.

Глава 35. «Тигр» готовится к прыжку

{1} Schnabel R. Tiger und Schakal. Wien, 1968. S. 25.
{2} Ibid. S. 67.
{3} Справка ИПР «Сообщение Хаминдара Сингха Соди о „заговоре Боса“» от 24. 03. 1942 г. // L/P@ J /12 /218. P. 41.
{4} Ibid. P. 40
{5} Talwar B. R. The Talwars of Pathan Land. New Delhi, 1976. P. 139.
{6} Телеграмма К. Расмуса В. Кепплеру и руководству абвера от 28. 07. 1941 г. // Schnabel R. Op. cit. S. 93.
{7} Talwar B. R. Op. cit. P. 142—144.
{8} Ibid. P. 144.
{9} Справка ИПР «Сообщение Хаминдара Сингха Соди о „заговоре Боса“ от 24. 03. 1942 г. // L/P@ J /12 /218. P. 42.
{10} Запись беседы В. Козлова с Телятицким от 6. 12. 1941 г. // АВП РФ. Ф. 06. 1941. Оп. 4. П. 16. Д. 166. Л. 32.
{11} АВП РФ. Ф. 071. 1941. Оп. 28. П. 39. Д. 1. Л. 26.
{12} Запись беседы К. Михайлова с Ф. Уайли от 10. 11. 1941 г. // АВП РФ. Ф. 071. 1941. Оп.

23. П. 196. Д. 6. Л. 267.
{13} Справка ИПР «Рассказ Бхагат Рама» (ноябрь 1942 г.) // L/P@ J /12 /218. P. 77.
{14} Hauner M. India in Axis Strategy. Germany, Japan and Indian Nationalists in Second World War. Stuttgart, 1981. P. 331.
{15} Телеграмма Расмуса в Берлин от 3. 08. 1941 г. // Schnabel R. Op. cit. S. 95.
{16} Hauner M. Op. cit. P. 223.
{17} Телеграмма К. Расмуса в Берлин от 3. 08. 19 41 г. // Schnabel R. Op. cit. S. 95.
{18} Mader J. Hitlers Spionagegenerale sagen aus. Berlin, 1971. S. 363.
{19} Schnabel R. Op. cit. S. 98—99.
{20} Ibid. S. 100.
{21} Ibid.
{22} Ibid. S. 101.
{23} Hauner M. Op. cit. P. 329.
{24} См. подробнее личное дело Соди в Коминтерне: РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 213. Д. 1.
{25} Справка ИПР, основанная на показаниях Ачар Сингха Чины, от 5. 12. 1941 г. // L/P@ J/12/218. P. 17—32.
{26} «Отчет коммунистической группы „Кирти“ за время с 1 сентября по 1 декабря 1941 г.» // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 16. Д. 57а. Л. 255.
{27} Цит. по: Кузнец Ю. Л. «Мародеры» выходят из игры. М., 1992. С. 9.
{28} РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 16. Д. 59. Л. 229.
{29} Там же. Л. 230.
{30} Телеграмма К. Расмуса в Берлин от 22. 09. 1941 г. // Schnabel R. Op. cit. S. 113—114; Talwar B. R. Op. cit. P. 146.
{31} Телеграмма К. Расмуса в Берлин от 22. 09. 1941 г. // Schnabel R. Op. cit. S. 113—114.
{32} Справка Замана о его встрече с Бхагат Рамом // Архив СВР. Дело «Мародеры». Т. I. Л. 401—402.
{33} Там же.
{34} Там же.
{35} Соцков Л. Неизвестный сепаратизм на службе СД и абвера. Из секретных досье разведки. М., 2003. С. 241.
{36} Справка ИПР «Рассказ Бхагат Рама» (ноябрь 1942 г.) // L/P@ J /12 /218. P. 78.
{37} Ibid.
{38} Справка ИПР «Сообщение Хаминдара Сингха Соди о „заговоре Боса“ от 24. 03. 1942 г. // L/P@ J /12 /218. P. 42—43.
{39} Кузнец Ю. Л. Указ. соч. С. 46.
{40} Talwar B. R. Op. cit. P. 147.
{41} Запись беседы К. Михайлова с Ф. Уайли от 9. 09. 1941 г. // АВП РФ. Ф. 071. 1941. Оп. 23. П. 196. Д. 6. Л. 104; Hauner M. Op. cit. P. 323.

Глава 36. Сокрушительный удар по агентуре стран оси в Афганистане

{1} Запись беседы советского посла К. Михайлова с британским посланником Ф. Уайли от 9. 09. 1941 г. // АВП РФ. Ф. 071. 1941. Оп. 23. П. 196. Д. 6. Л. 110.
{2} Запись беседы К. Михайлова с Ф. Уайли от 11. 09. 1941 г. // АВП РФ. Ф. 071. 1941. Оп. 23. П. 196. Д. 6. 115.
{3} Hauner M. India in Axis Strategy. Germany, Japan and Indian Nationalists in Second World War. Stuttgart, 1981. P. 321.
{4} Запись беседы К. Михайлова с Ф. Уайли от 9. 09. 1941 г. // АВП РФ. Ф. 071. 1941. Оп. 23. П. 196. Д. 6. Л. 103—104.
{5} Там же. Л. 105—106.
{6} Доклад советского посольства в Афганистане «Внешняя политика афганского правительства в 1941 г. – начале 1942 г.» // АВП РФ. Ф. 071. 1942. Оп. 24. П. 199. Д. 2. Л. 12.
{7} Запись беседы посла СССР в Афганистане К. Михайлова с посланником Великобритании Ф. Уайли от 11. 10. 1941 г. // Документы внешней политики СССР. Т.

XXIV. M., 2000. С. 361.
{8} Hauner M. Op. cit. P. 315.
{9} Доклад советского посольства в Афганистане «Внешняя политика афганского правительства в 1941 г. – начале 1942 г.» // АВП РФ. Ф. 071. 1942. Оп. 24. П. 199. Д. 2. Л. 146.
{10} Запись беседы посла СССР в Афганистане К. Михайлова с посланником Великобритании Ф. Уайли от 11. 10. 1941 г. // Документы внешней политики СССР. Т. XXIV. М., 2000. С. 361.
{11} Hauner M. Op. cit. P. 118.
{12} Доклад советского посольства в Афганистане «Внешняя политика афганского правительства в 1941 г. – начале 1942 г. // АВП РФ. Ф. 071. 1942. Оп. 24. П. 199. Д. 2. Л. 36.
{13} Запись беседы К. Михайлова с Ф. Уайли от 9. 10. 1941 г. // АВП РФ. Ф. 071. 1941. Оп. 23. П. 197. Д. 9. Л. 24.
{14} Там же.
{15} Там же.
{16} Запись беседы К. Михайлова с Ф. Уайли от 9. 10. 1941 г. // АВП РФ. Ф. 071. 1941. Оп. 23. П. 196. Д. 6. Л. 171.
{17} Запись беседы посла СССР в Афганистане К. Михайлова с премьер-министром Афганистана Хашим-ханом от 11. 10. 1941 г. // Документы внешней политики СССР. Т. XXIV. М., 2000. С. 356—359.
{18} Доклад советского посольства в Афганистане «Внешняя политика афганского правительства» // АВП РФ. Ф. 071. 1942. Оп. 24. П. 199. Д. 2. Л. 40.
{19} Запись беседы К. Михайлова с Ф. Уайли от 13. 10. 1941 г. // АВП РФ. Ф. 071. 1941. Оп. 23. П. 196. Д. 6. Л. 129—130.
{20} Запись беседы М. Вавилова с польским инженером Малиновским от 21. 10. 1941 г. // АВП РФ. Ф. 071. 1941. Оп. 23. П. 196. Д. 6. Л. 267.
{21} Запись беседы посла К. Михайлова с британским военным атташе А. Ланкастером от 1. 09. 1941 г. // АВП РФ. Ф. 071. 1941. Оп. 23. П. 196. Д. 6. Л. 67.
{22} Телеграмма В. Кепплера К. Расмусу // Schnabel R. Tiger und Schakal. Wien, 1968. S. 124.
{23} Соцков Л. Неизвестный сепаратизм на службе СД и абвера. Из секретных досье разведки. М., 2003. С. 241.
{24} Запись беседы посла СССР в Афганистане К. Михайлова с министром иностранных дел Афганистана Али Мухаммед-ханом от 16. 10. 1941 г. // Документы внешней политики СССР. Т. XXIV. М., 2000. С. 372.
{25} Запись беседы поверенного в делах СССР в Афганистане И. Самыловского с П. Кварони от 1. 12. 1943 г. // АВП РФ. Ф. 071. 1943. Оп. 25. П. 203. Д. 6. Л. 164.
{26} Протоколы допросов Г. Пильгера в Бутырской тюрьме // Архив СВР. Дело «Мародеры». Т. I. Л. 120.
{27} Запись беседы К. Михайлова с А. Ланкастером от 4. 07. 1942 г. // АВП РФ. Ф. 06. 1942. Оп. 4. П. 16. Д. 164. Л. 58.
{28} Доклад советского посольства «Внешняя политика афганского правительства в 1941 г. – в начале 1942 г.» // АВП РФ. Ф. 071. 1942. Оп. 24. П. 199. Д. 2. Л. 46.
{29} Hauner M. Op. cit. P. 328.
{30} Запись беседы В. Козлова с советником английского посольства Хэйлеем // АВП РФ. Ф. 071. 1941. Оп. 23. П. 196. Д. 6 Л. 249.
{31} Архив СВР. Дело «Кабаиль». Т. I. Л. 276.

Глава 37. Почему абвер не смог установить авиамост Баку – Вазиристан

{1} Talwar B. R. The Talwars of Pathan Land. New Delhi, 1976. P. 150.
{2} Ibid.
{3} Телеграмма Д. Витцеля в Берлин от 9. 12. 1941 г. // Schnabel R. Tiger und Schakal. Wien, 1968. S. 160.
{4} Ibid. S. 161.

{5} АВП РФ. Ф. 071. 1944. Оп. 26. П. 206. Д. 4. Л. 30.
{6} Там же.
{7} Румянцев Ф. Я. Тайная война на Ближнем и Среднем Востоке. М., 1972 С. 91; Hauner M. India in Axis Strategy. Germany, Japan and Indian Nationalists in Second World War. Stuttgart, 1981. P. 577.
{8} Телеграмма Г. Пильгера и Д. Витцеля («Патана») 14. 04. 1942 г. // Schnabel R. Op. cit. S. 223.
{9} Schnabel R. Op. cit. S. 180—181.
{10} Ibid. S. 181.
{11} Э. Верман в Министерстве иностранных дел Германии был заместителем статс-секретаря Эрнста фон Вайцзеккера и курировал все вопросы, связанные со странами Востока // Архив СВР. Дело «Индия». Л. 24.
{12} Schnabel R. Op. cit. S. 182.
{13} Архив СВР. Дело «Индия». Л. 43.
{14} Справка ИПР «Рассказ Бхагат Рама» (ноябрь 1942 г.) // L/P@ J /12 /218. PP. 82—83.
{15} Ibid. P. 81.
{16} Телеграмма Д. Витцеля в Берлин от 23. 01. 1942 г. // Schnabel R. Op. cit. P. 163.
{17} Ibid.
{18} Телеграмма Д. Витцеля в Берлин от 23. 01. 1942 г. // Schnabel R. Op. cit. P. 164.
{19} Glasneck J., Kircheisen I. Turkei und Afghanistan – Brennpunkte der Orientpolitik im Zweiten Weltkrieg. Berlin, 1968. S. 263.
{20} Телеграмма Г. Пильгера в Берлин от 13. 03. 1942 г. // Архив СВР. Дело «Индия». Л. 6.
{21} Hauner M. Op. cit. P. 530.
{22} Телеграмма Г. Пильгера в Берлин от 13. 03. 1942 г. // Архив СВР. Дело «Индия». Л. 6.
{23} Телеграмма Д. Витцеля в Берлин от 15. 03. 1942 г. // Schnabel R. Op. cit. S. 209.
{24} Телеграмма К. Расмуса в Берлин от 14. 04. 1942 г. // Schnabel R. Op. cit. S. 221.
{25} Телеграмма Д. Витцеля в Берлин от 30. 05. 1942 г. // Архив СВР. Дело «Индия». Л. 11.
{26} Там же.
{27} Там же. Л. 13
{28} Соцков Л. Неизвестный сепаратизм на службе СД и абвера. Из секретных досье разведки. М., 2003. С. 242—243.
{29} Телеграмма Г. Пильгера в Берлин от 18. 03. 1942 г. // Schnabel R. Op. cit. S. 210.
{30} Ibid. S. 211.
{31} Телеграмма Г. Пильгера В. Кепплеру от 26. 05. 1942 г. // Архив СВР. Дело «Индия». Л. 18.
{32} Архив СВР. Дело «Индия». Л. 19.
{33} Справка начальника II Управления Главразведупра Генштаба КА полковника Ратова В. Деканозову от 20. 08. 1942 г. // АВП РФ. Ф. 071. 1942. Оп. 24. П. 200. Д. 9. Л. 139.
{34} Запись беседы К. Михайлова с А. Ланкастером от 4. 07. 1942 г. // АВП РФ. Ф. 06. 1942. Оп. 4. П. 16. Д. 164. Л. 58.
{35} Телеграмма К. Расмуса в Берлин от 6. 07. 1942 г. // Архив СВР. Дело «Индия». Л. 14.
{36} Докладная записка К. Михайлова В. Молотову от 22. 07. 1942 г. // АВП РФ. Ф. 071. Оп. 24. П. 199. Д. 2. Л. 171.
{37} Докладная записка В. Мельхерса Э. Верману от 3. 06. 1942 г. // Архив СВР. Дело «Индия». Л. 23—24.
{38} Там же. Л. 22.
{39} Справка начальника II Управления Главразведупра Генштаба КА полковника Ратова В. Деканозову от 20. 08. 1942 г. // АВП РФ. Ф. 071. 1942. Оп. 24. П. 200. Д. 9. Л. 139.
{40} Материалы для переговоров с посланником Прунасом относительно Афганистана // Архив СВР. Дело «Индия». Л. 43.
{41} Справка «Инцидент в Хосте» // Архив СВР. Дело «Кабаиль». Т. I. Л. 116.
{42} Там же; АВП РФ. Ф. 06. 1942. Оп. 4. П. 16. Д. 165. Л. 1.

{43} Справка «Волнения в Вазиристане» // Архив СВР. Дело «Кабаиль». Т. I. Л. 118.
{44} Там же. Л. 118.
{45} Доклад советского посольства «Фашистская пропаганда в Афганистане и задачи усиления нашей пропаганды» // АВП РФ. Ф. 071. 1942. Оп. 24. П. 200. Д. 14. Л. 31.
{46} Zur Lage in Indien // Selter G. Zur Indienpolitik der faschistischen deutschen Regierung wahrend des zweiten Weltkrieges. Leipzig, 1965. Anlage 7.
{47} Запись беседы К. Михайлова с В. Коннором-Грином от 22. 10. 1942 г. // АВП РФ. Ф. 071. Оп. 25. П. 203. Д. 5. Л. 34.
{48} АВП РФ. Ф. 06. Оп. 4. П. 16. Д. 165. Л. 25.
{49} Неру Д. Открытие Индии. М., 1955. С. 531.
{50} Цит. по: Glasneck J., Kircheisen I. Op. cit. S. 264.
{51} Запись беседы К. Михайлова с Ф. Уайли от 19. 09. 1942 г. // АВП РФ. Ф. 06. Оп. 4. П. 16. Д. 165. Л. 62.
{52} Сообщение Замана из Кабула от 11. 09. 1942 г. // Архив СВР. Дело «Кабаиль». Т. I. Л. 136—137.
{53} Справка «Афганские племена и их политическое и военно-стратегическое значение» // Архив СВР. Дело «Кабаиль». Т. I. Л. 153.
{54} Hauner M. Op. cit. P. 577.
{55} Ibid. P. 583.
{56} Schnabel R. Op. cit. S. 258—259.
{57} Glasneck J., Kircheisen I. Op. cit. S. 266.
{58} Гове А. Внимание, парашютисты! // Воздушные десанты Второй мировой войны. М., 2003 С. 213.
{59} Кузнец Ю. Л. «Мародеры» выходят из игры. М., 1992. С. 50.
{60} Glasneck J., Kircheisen I. Op. cit. S. 244.
{61} Talwar B. R. Op. cit. P. 165—166.
{62} Verabschiedung Boses. 16. 10. 1942 // Selter G. Zur Indienpolitik der faschistischen deutschen Regierung wahrend des zweiten Weltkrieges. Leipzig, 1965. Anlage 15.
{63} Телеграмма О. Бисмарка Э. Верману от 13. 10. 1942 г. // Архив СВР. Дело «Индия». Л. 31.
{64} Материалы для переговоров с посланником Прунасом от 11. 11. 1942 г. // Архив СВР. Дело «Индия». Л. 43.
{65} Hauner M. Op. cit. P. 550.
{66} Справка «О положении в Вазиристане» от 5. 10. 1942 г. // Архив СВР. Дело «Кабаиль». Т. I. Л. 192.
{67} Glasneck J., Kircheisen I. Op. cit. S. 268.
{68} Hauner M. Op. cit. P. 593.
{69} Ibid.
{70} Кузнец Ю. Л. Указ. соч. С. 68.
{71} Там же. С. 69
{72} Там же. С. 72—73.
{73} Райков А. В. Факир из Ипи – борец за свободу Вазиристана // Восток. 1995. № 3. С. 90.

Глава 38. Кабул-42: игра на два фронта

{1} АВП РФ. Ф. 071. 1942—1943. Оп. 25. П. 203. Д. 5. Л. 9—10.
{2} Доклад старшего референта отдела Среднего Востока НКИД СССР Ершова «Политическое положение Афганистана в начале 1942 г.» от 4. 04. 1942 г. // АВП РФ. Ф. 071. 1942. Оп. 24 П. 200. Д. 8. Л. 17.
{3} Кузнец Ю. Л. «Мародеры» выходят из игры. М., 1992. С. 39.
{4} Там же. С. 40.
{5} Доклад старшего референта отдела Среднего Востока НКИД СССР Ершова «Политическое положение Афганистана в начале 1942 г.» от 4. 04. 1942 г. // АВП РФ. Ф. 071. 1942. Оп. 24 П. 200. Д. 8. Л. 15.

{6} Запись беседы советского посла К. Михайлова с британским посланником Ф. Уайли от 4. 09. 1942 г. // АВП РФ. Ф. 06. 1942. Оп. 4. П. 16. Д. 163. Л. 92—93.
{7} Кузнец Ю. Л. Указ. соч. С. 39.
{8} АВП РФ. Ф. 06. 1941. Оп. 4. П. 16. Д. 165. Л. 84.
{9} Hauner M. India in Axis Strategy. Germany, Japan and Indian Nationalists in Second World War. Stuttgart, 1981. P. 516.
{10} Протоколы допросов Г. Пильгера в Бутырской тюрьме // Архив СВР. Дело «Мародеры». Т. 1. Л. 121.
{11} Hauner M. Op. cit. P. 516.
{12} Доклад старшего референта отдела Среднего Востока НКИД СССР Ершова «Политическое положение Афганистана в начале 1942 г.» // АВП РФ. Ф. 071. 1942 Оп. 24. П. 200. Д. 8. Л. 13—14.
{13} Запись беседы К. Михайлова с Ф. Уайли 24. 08. 1942 г. // АВП РФ. Ф. 06. Оп. 4. П. 16. Д. 165. Л. 42.
{14} Кузнец Ю. Л. Указ. соч. С. 33.
{15} Материалы для переговоров с посланником Прунасом относительно Афганистана // Архив СВР. Дело «Индия». Л. 42.
{16} Запись беседы поверенного СССР в Афганистане И. Самыловского с итальянским посланником П. Кварони от 21. 12. 1943 г. // АВП РФ. Ф. 071. 1943. Оп. 26. П. 206. Д. 4. Л. 14.
{17} Запись беседы посла К. Михайлова с британским посланником Ф. Уайли от 19. 09. 1942 г. // АВП РФ. Ф. 06. Оп. 4. П. 16. Д. 165. Л. 60.
{18} АВП РФ. Ф. 071. 1942. Оп. 25. П. 203. Д. 5. Л. 35.
{19} Архив СВР. Дело «Кабаиль». Т. I. Л. 191.
{20} Там же. Л. 189—190.
{21} Запись беседы К. Михайлова с Ф. Уайли от 24. 08. 1942 г. // АВП РФ. Ф. 06. Оп. 4. П. 16. Д. 165. Л. 142.
{22} Там же. Л. 143.
{23} АВП РФ. Ф. 06. 1942. Оп. 4. П. 16. Д. 165. Л. 79.
{24} Гуревич Н. М. Внешняя торговля Афганистана в новейшее время. М., 1981. С. 102.
{25} Запись беседы К. Михайлова с американским военным атташе майором Г. Эндерсом от 1. 10. 1942 г. // АВП РФ. Ф. 06. Оп. 4. П. 16. Д. 165. Л. 85—88.
{26} Донесение К. Михайлова В. Молотову от 27. 10. 1942 г. // АВП РФ Ф. 071. 1942. Оп. 24. П. 199. Д. 2. Л. 181—182.
{27} Там же. Л. 182—183.
{28} Запись беседы К. Михайлова с американским военным атташе майором Г. Эндерсом от 28. 10. 1942 г. // АВП РФ. Ф. 071. 1942—1943. Оп. 25. П. 203. Д. 5. Л. 37.
{29} Там же. Л. 38.
{30} Доклад старшего референта отдела Среднего Востока НКИД СССР Ершова «Политическое положение Афганистана в начале 1942 г.» от 4. 04. 1942 г. // АВП РФ. Ф. 071. 1942. Оп. 24. П. 200. Д. 8. Л. 20.
{31} Запись беседы К. Михайлова с Ф. Уайли от 20. 11. 1942 г. // АВП РФ. Ф. 071. 1942—1943. Оп. 25. П. 203. Д. 5. Л. 17.
{32} Там же.
{33} Запись беседы М. Наджибуллы с И. Самыловским от 18. 05. 1943 г. // АВП РФ. Ф. 071. 1943. Оп. 25. П. 203. Д. 5. Л. 151.

Глава 39. Несостоявшийся поход на Бухару

{1} АВП РФ. Ф. 071. 1935. Оп. 16. П. 173. Д. 20. Л. 67.
{2} АВП РФ. Ф. 071. 1939. Оп. 21. П. 189. Д. 4. Л. 102.
{3} АВП РФ. Ф. 05. 1937. Оп. 17. П. 129. Д. 30. Л. 19.
{4} Доклад посла СССР в Афганистане Л. Старка «Записка о положении в Кашгарии» // АВП РФ. Ф. 071. 1936. Оп. 16. П. 170. Д. 3. Л. 5.

{5} О контактах турецкого посла с советскими дипломатами в 1937 г. см. подробнее: АВП РФ. Ф. 071. 1937. Оп. 17. П. 129. Л. 30.

{6} АВП РФ. Ф. 071. 1937. Оп. 20. П. 185. Д. 3. Л. 3.

{7} Сообщение в НКИД поверенного в делах СССР в Афганистане С. Сычева // АВП РФ. Ф. 071. 1938. Оп. 20. П. 185. Д. 3. Л. 52.

{8} Донесение советского военного атташе в Афганистане майора Н. Рубенко («Энвера») от 18. 04. 1938 г. // РГВА. Ф. 25895. Оп. 1. Д. 930. Л. 16.

{9} Запись беседы К. Михайлова с премьер-министром Хашим-ханом, министром иностранных дел Али Мухаммедом и министром экономики Абдул Меджидом от 28. 02. 1939 г. // АВП РФ. Ф. 012. 1939. Оп. 1. П. 3. Д. 28. Л. 4—5.

{10} «Политическое положение Афганистана в начале 1942 г.» от 4. 04. 1942 г. // АВП РФ. Ф. 071. 1942. Оп. 24. П. 200. Д. 8. Л. 9.

{11} Справка советского посольства в Кабуле «Деятельность немецко-фашистских агентов в Афганистане и белоэмигрантов» // АВП РФ. Ф. 071. 1941. Оп. 23. П. 197. Д. 9. Л. 142.

{12} АВП РФ. Ф. 071. 1941. Оп. 23. П. 197. Д. 9. Л. 18—19.

{13} Запись посла К. Михайлова с британским военным атташе в Кабуле А. Ланкастером от 21. 03. 1942 г. // АВП РФ. Ф. 06. 1942. Оп. 4. П. 16. Д. 163. Л. 53.

{14} Там же. Л. 47.

{15} Доклад советского посольства в Кабуле «Внешняя политика афганского правительства в 1941 г. – начале 1942 г.» // АВП РФ. Ф. 071. 1942. Оп. 24. П. 199. Д. 2. Л. 53.

{16} Соцков Л. Неизвестный сепаратизм на службе СД и абвера. Из секретных досье разведки. М., 2003. С. 232.

{17} Протокол допроса Г. Пильгера от 31. 01. 1946 г. // Архив СВР. Дело «Мародеры». Т. I. Л. 105.

{18} Там же. Л. 106.

{19} Glasneck J., Kircheisen I. Turkei und Afghanistan – Brennpunkte der Orientpolitik im Zweiten Weltkrieg. Berlin, 1968. S. 249.

{20} Запись беседы посла СССР в Афганистане К. Михайлова с военным атташе британской миссии в Кабуле Ланкастером от 21. 3. 1942 г. // АВП РФ. Ф. 06. 1942. Оп. 4. П. 16. Д. 163. Л. 48.

{21} На рубежах тайной войны. Ашхабад, 1985. С. 77.

{22} Соцков Л. Указ. соч. С. 236.

{23} Кузнец Ю. Л. «Мародеры» выходят из игры. М., 1992. С. 81.

{24} Там же. С. 80.

{25} Запись беседы поверенного в делах И. Самыловского с итальянским посланником П. Кварони от 1. 12. 1943 г. // АВП РФ. Ф. 071. 1943. Оп. 25. П. 203. Д. 6. Л. 163—164.

{26} Запись беседы К. Михайлова с афганским премьер-министром Хашим-ханом от 8. 6. 1943 г. // АВП РФ. Ф. 06. 1943. Оп. 25. П. 203. Д. 5. Л. 174.

{27} Цит. по: Соцков Л. Указ. соч. С. 249.

{28} Запись беседы поверенного в делах И. Самыловского с итальянским посланником П. Кварони от 1. 12. 1943 г. // АВП РФ. Ф. 071. 1943. Оп. 25. П. 203. Д. 6. Л. 163

{29} На рубежах тайной войны. Ашхабад, 1985. С. 25, 68.

{30} Запись беседы К. Михайлова с первым секретарем английской миссии Коннором-Грином от 5. 8. 1942 г. // АВП РФ. Ф. 06. 1942. Оп. 4. П. 16. Д. 165. Л. 4—5.

{31} Там же. Л. 4.

{32} Запись беседы К. Михайлова с афганским премьер-министром Хашим-ханом от 8. 06. 1943 г. // АВП РФ. Ф. 071. Оп. П. 203. Д. 5. Л. 174—179.

{33} См. подробнее переписку английского посла в СССР А. Керра с В. Молотовым в мае—августе 1943 г.: АВП РФ. Ф. 06. 1943. Оп. 5. П. 20. Д. 215 «Фашистские интриги в Афганистане».

Глава 40. Союз дипломатов и разведчиков в «тайной войне» в Кабуле

{1} Докладная записка И. Самыловского В. Деканозову «Об укреплении англичан в

„независимой“ полосе племен» от 18. 06. 1943 г. // АВП РФ. Ф. 071. Оп. 25. П. 205. Д. 30. Л. 30.

{2} Доклад старшего референта отдела Среднего Востока НКИД СССР Ершова «Политическое положение Афганистана в начале 1942 г.» // АВП РФ. Ф. 071. 1942. Оп. 24. П. 200. Д. Л. 18.

{3} Справка советского посольства в Кабуле «Английская политика в Афганистане» от 2. 07. 1942 г. // АВП РФ. Ф. 071. 1942. Оп. 24. П. 199. Д. 2. Л. 147.

{4} Доклад старшего референта отдела Среднего Востока НКИД СССР Ершова «Политическое положение Афганистана в начале 1942 г.» // АВП РФ. Ф. 071. 1942. Оп. 24. П. 200. Д. Л. 13.

{5} Донесение посла К. Михайлова «О созыве джирги в Восточной провинции» от 2. 06. 1942 г. // АВП РФ. Ф. 071. 1942. Оп. 24. П. 199. Д. 2. Л. 100—101.

{6} Справка советского посольства в Кабуле «Английская политика в Афганистане» от 2. 07. 1942 г. // АВП РФ. Ф. 071. 1942. Оп. 24. П. 199. Д. 2. Л. 149.

{7} Там же.

{8} Донесение К. Михайлова «О созыве джирги в Восточной провинции» от 2. 06. 1942 г. // АВП РФ. Ф. 071. 1942. Оп. П. 199. Д. 2. Л. 101.

{9} Hauner M. India in Axis Strategy. Germany, Japan and Indian Nationalists in Second World War. Stuttgart, 1981. P. 332.

{10} Доклад британской разведки по Афганистану и СЗПП, захваченный немцами в Тобруке // Schnabel R. Tiger und Schakal. Wien, 1968. S. 246—247.

{11} Запись беседы К. Михайлова с Ф. Уайли от 4. 05. 1942 г. // АВП РФ. Ф. 06. 1942. Оп. 4. П. 16. Д. 163. Л. 92.

{12} Hauner M. Op. cit. P. 320.

{13} АВП РФ. Ф. 071. 1943. Оп. 25. П. 203. Д. 4. Л. 29.

{14} Доклад советского посольства «Внешняя политика афганского правительства в 1941 г. – в начале 1942 г.» // АВП РФ. Ф. 071. 1942. Оп. 24. П. 199. Д. 2. Л. 137.

{15} АВП РФ. Ф. 071. 1943. Оп. 26. П. 41. Д. 5. Л. 22.

{16} Запись беседы К. Михайлова с А. Ланкастером от 21. 03. 1942 г. // АВП РФ. Ф. 06. Оп. 4. П. 16. Д. 163. Л. 46—56.

{17} Справка заместителя народного комиссара внутренних дел СССР В. Меркулова В. Деканозову от 26. 04. 1942 г. // АВП РФ. Ф. 071. 1942. Оп. 24. П. 200. Д. 8. Л. 2.

{18} Кузнец Ю. Л. «Мародеры» выходят из игры. М., 1992. С. 57.

{19} Соцков Л. Неизвестный сепаратизм на службе СД и абвера. Из секретных досье разведки. М., 2003. С. 239.

{20} Справка ИПР «Сообщение Хаминдара Сингха Соди о „заговоре Боса“ от 24. 03. 1942 г. // L/P@ J /12 /218. P. 43.

{21} Кузнец Ю. Л. Указ. соч. С. 57.

{22} Hauner M. Op. cit. P. 500.

{23} Запись беседы К. Михайлова с Ф. Уайли от 4. 05. 1942 г. // АВП РФ. Ф. 06. 1942. Оп. 4. П. 16. Д. 163. Л. 92.

{24} Запись беседы К. Михайлова с Ф. Уайли от 29. 05. 1942 г. // АВП РФ. Ф. 06. 1942. Оп. 4. П. 16. Д. 163. Л. 131.

{25} Кузнец Ю. Л. Указ. соч. С. 53.

{26} Справка № 131 // Архив СВР. Дело «Мародеры». Т. I.

{27} Архив СВР. Дело «Кабаиль». Т. I. Л. 71.

{28} Там же. Л. 72.

{29} Там же. Л. 138—164.

{30} Запись беседы К. Михайлова с Ф. Уайли от 14. 08. 1941 г. // АВП РФ. Ф. 06. 1942. Оп. 4. П. 16. Д. 165. Л. 28.

{31} Запись беседы К. Михайлова с Ф. Уайли от 22. 06. 1942 г. // АВП РФ. Ф. 06. 1942. Оп. 4. П. 16. Д. 164. Л. 34.

{32} Там же.
{33} Там же.
{34} Запись беседы К. Михайлова с Ф. Уайли от 27. 06. 1942 г. // Там же. Л. 37.
{35} Запись беседы К. Михайлова с А. Ланкастером от 4. 07. 1942 г. // АВП РФ. Ф. 06. 1942. Оп. 4. П. 16. Д. 164. Л. 59.
{36} Запись беседы К. Михайлова с В. Коннором-Грином от 5. 08. 1942 г. // АВП РФ. Ф. 06. Оп. 4. П. 16. Д. 165. Л. 3—8.
{37} Запись беседы К. Михайлова с Ф. Уайли от 14. 08. 1942 г. // Там же. Л. 27.
{38} Донесение К. Михайлова в НКИД от 7. 09. 1942 г. // АВП РФ. Ф. 06. Оп. 4. П. 16. Д. 165. Л. 29—30.
{39} Архив СВР. Дело «Кабаиль». Т. I. Л. 135.
{40} Автор благодарит профессора М. Хаунера за эти сведения.
{41} Кузнец Ю. Л. Указ. соч. С. 58.
{42} Hauner M. Op. cit. P. 555.
{43} Schreder B. P. Deutchsland und der Mittelere Osten im Zweiten Weltkrieg. Guttingen, 1975. S. 266.
{44} Mitchell N. Sir Georg Cunningham. Edinburg, 1968. P. 106.
{45} Меморандум английского правительства, врученный послом А. Керром В. Молотову 15. 05. 1943 г. // АВП РФ. Ф. 06. 1943. Оп. П. 20. Д. 215. Л. 2.
{46} Там же. Л. 1.
{47} Там же. Л. 2.
{48} Там же. Л. 4—5.
{49} Памятная записка В. Молотова от 19. 05. 1943 г. // АВП РФ. Ф. 06. 1943. Оп. 5. П. 20. Д. 215. Л. 8.
{50} Запись беседы К. Михайлова с Ф. Уайли от 9. 06. 1943 г. // АВП РФ. Ф. 06. 1943. Оп. 25. П. 208. Д. 6. Л. 5.
{51} Памятная записка А. Керра В. Молотову от 3. 06. 1943 г. // АВП РФ. Ф. 06. 1943. Оп. 5. П. 20. Д. 215. Л. 9.
{52} Mader J. Hitlers Spionagegenerale sagen aus. Berlin, 1971. S. 386.
{53} Ibid. S. 388.
{54} АВП РФ. Ф. 071. 1943. Оп. 25. П. 203. Д. 6. Л. 24.
{55} Дипломатический словарь. Т. I. М., 1985. С. 108.
{56} АВП РФ. Ф. 071. 1943. Оп. 25. П. 203. Д. 6. Л. 51.
{57} Запись беседы поверенного в делах СССР в Афганистане И. Самыловского с английским посланником Д. Сквайром от 29.09.1943 г. // АВП РФ. Ф. 071. 1943. Оп. 25. П. 203. Д. 6. Л. 96.
{58} Там же. Л. 97.
{59} Запись беседы И. Самыловского с британским посланником Д. Сквайром от 19. 10. 1943 г. // АВП РФ. Ф. 071. 1943. Оп. 25. П. 203. Д. 6. Л. 112—116.
{60} АВП РФ. Ф. 071. 1943. Оп. 25. П. 203. Д. 6. Л. 169.
{61} АВП РФ. Ф. 071. 1943. Оп. 26. П. 206. Д. 4. Л. 14.
{62} Там же. Л. 21.
{63} Запись беседы И. Самыловского с П. Кварони от 8. 01. 1944 г. // ВП РФ. Ф. 071. 1943. Оп. 26. П. 206. Д. 4. Л. 28—32.
{64} Кузнец Ю. Л. Указ. соч. С. 34—35.
{65} Очерки истории российской внешней разведки. Т. IV. М., 1999. С. 352.
{66} Hauner M. Op. cit. P. 525.
{67} Гладков Т. К. Лифт в разведку. «Король нелегалов» Александр Коротков. М., 2002. С. 354.
{68} Кузнец Ю. Л. Указ. соч. С. 86.
{69} Цит. по: Очерки истории российской внешней разведки. Т. IV. М., 1999. С. 351.
{70} Schreder B. P. Op. cit. S. 262.

Глава 41. Восстание пуштунских племен вспыхнуло, но III рейх от этого ничего не выиграл

{1} Справка от 3. 12. 1943 г. // Архив СВР. Дело «Кабаиль». Т. I. Л. 246.

{2} Там же. Л. 247.

{3} Донесение Замана от 8. 02. 1944 г. // Архив СВР. Дело «Кабаиль». Т. I. Л. 247.

{4} Справка резидента советской разведки в Кабуле от 26. 02. 1944 г. // Там же. Л. 250.

{5} Там же.

{6} Справка кабульской резидентуры «Положение на Юге» от 21. 05. 1944 г. // Там же. Л. 252.

{7} Агентурное донесение из Кабула (май 1944 г.) // Там же. Л. 262.

{8} Справка кабульской резидентуры «О положение на Юге» от 22. 06. 1944 г. // Там же. Л. 281.

{9} Архив СВР. Дело № 31 252 «Племена Афганистана». Л. 65.

{10} Запись беседы советского посла в Афганистане И. Бакулина с британским посланником Дж. Сквайром от 27. 07. 1944 г. // АВП РФ. Ф. 071. 1944. Оп. 26. П. 206. Д. 5. Л. 47.

{11} Архив СВР. Дело «Кабаиль». Т. I. Л. 259. Фетва – решение высших мусульманских богословов о соответствии какого-либо действия правительства Корану.

{12} Агентурное донесение из Кабула от 15. 06. 1944 г. // Архив СВР. Дело «Кабаиль». Т. I. Л. 285.

{13} Агентурное донесение из Кабула от 8. 10. 1944 г. // Архив СВР. Дело № 31 252 «Племена Афганистана». Л. 138.

{14} Запись беседы советского поверенного в делах СССР в Афганистане И. Самыловского с британским посланником Дж. Сквайром от 6. 12. 1944 г. // АВП РФ. Ф. 071. 1944. Оп. 26а. П. 208. Д. 2. Л. 82.

{15} Агентурное донесение из Кабула от 9. 02. 1945 г. // Архив СВР. Дело «Кабаиль». Т. I. Л. 337.

{16} Запись беседы советского посла в Афганистане И. Н. Бакулина с британским посланником Дж. Сквайром от 24. 04. 1945 г. // АВП РФ. Ф. 071. 1945. Оп. 27. П. 208. Д. 2. Л. 84.

{17} Справка «Обзор событий в Восточной провинции» от 25. 08. 1945 г. // Архив СВР. Дело № 31 252 «Племена Афганистана». Л. 239.

{18} Докладная записка П. Фитина заместителю министра иностранных дел СССР А. Вышинскому от 10. 11. 1945 г. // Там же. Л. 265.

{19} Агентурное донесение из Кабула от 13. 09. 1945 г. // Архив СВР. Дело «Кабаиль». Т. I. Л. 407.

{20} АВП РФ. Ф. 071. 1946. Оп. 28. П. 210. Д. 2. Л. 54.

Глава 42. Московский эпилог

{1} Запись беседы советского посла И. Бакулина с американским посланником К. Энгертом от 8. 05. 1945 г. // АВП РФ. Ф. 071. 1945. Оп. 27. П. 208. Д. 2. Л. 91.

{2} Запись беседы И. Бакулина с К. Энгертом от 9. 05. 1945 г. // Там же. Л. 94.

{3} Там же. Л. 94—95.

{4} Там же. Л. 95. И. Бакулин сделал примечание к своему донесению от 9. 05. 1945 г.

{5} Запись беседы И. Бакулина с К. Энгертом от 14. 05. 1945 г. // Там же. Л. 93.

{6} Запись беседы И. Бакулина с британским посланником Д. Сквайром от 14. 05. 1945 г. // Там же. Л. 97—98.

{7} См. подробнее дела Г. Пильгера (дело № К-547707) и А. Цугенбюллера (дело № К-547736) в Центральном архиве ФСБ.

{8} Кузнец Ю. Л. «Мародеры» выходят из игры. М., 1982. С. 91.

{9} АВП РФ. Ф. 071. 1946. Оп. 28. П. 210. Д. 4. Л. 36—37.

{10} Очерки истории российской внешней разведки. Т. 4. М., 1999. С. 351—352.

{11} ЦА ФСБ. Д. 8234. Л. 87.

{12} АВП РФ. Ф. 015. 1945. Оп. 3. П. 4. Д. 1. Л. 79.

{13} ЦА ФСБ. Дело 8234. Л. 87.
{14} Там же. Л. 12.
{15} РГАСПИ. Ф. 588. Оп. 11. Д. 251. Л. 3.
{16} См. подробнее дело Ф. Гроббы: ЦА ФСБ. Д. Р-48 558.
{17} См. подробнее дело О. Нидермайера: ЦА ФСБ. Д. Р-47474.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

ДОКУМЕНТ № 1

ВОЗЗВАНИЕ АФГАНСКОГО ЭМИРА АМАНУЛЛЫ-ХАНА К ПОГРАНИЧНЫМ ПЛЕМЕНАМ[1]

О мои храбрые, мужественные, доблестные, славные братья с границ. Совершенные вами доблестные дела во время борьбы с врагом вашей религии и страны еще живы в моей памяти. Ваша клятва поддерживать вашу собственную честь и честь вашей страны, которую вы спасли ценой ваших жизней, приводит меня в умиление и восхищение. Главным яблоком раздора между мною и другой страной (Англией. – Ю. Т.) было разрешение пограничного вопроса. После долгого времени мы заключили временный мир на три года, причем противная сторона была принуждена признать мое превосходство. Я самым ясным и недвусмысленным образом дал понять противной стороне, что народы, населяющие пограничную полосу, являются моими кровными родственниками; их нельзя никакими способами оторвать от меня: и до тех пор пока они не будут удовлетворены поведением противной стороны, мир немыслим. В течение следующих трех лет наш враг должен дать доказательство, хочет ли он серьезно и искренно жить в мире со мной. Если враг будет верен своим словам и будет честно выполнять предъявленные мною ему желания, мир будет длительным. В противном же случае мы снова созовем конференцию для решения вопроса о наших дальнейших действиях.

Поэтому я вас прошу установить мирные отношения с врагом в течение этих трех лет. Сами же вы относитесь друг к другу как любящие братья. Я молю Аллаха о вашем благополучии и прогрессе и т. д. Моей пожизненной заботой и задачей является стремление к улучшению ваших жизненных условий. Да здравствует черное знамя Афганистана![2]

С английского перевел Минлос[3].

РГАСПИ. Ф.544. Оп. 4. Д. 8. Л. 128. Машинописная заверенная копия.

Примечания

1. Текст воззвания был опубликован на пушту, а затем переведен для советского полпредства на английский язык.
2. Оригинал документа был скреплен афганской государственной печатью.
3. Минлос Бруно Робертович (1989—?). По национальности немец. Родился в С.-Петербурге. В 1915 – январе 1917 г. – студент историко-филологического ф-та Санкт-Петербургского университета. Январь – июнь 1917 г. – закончил курсы Михайловского артиллерийского училища и стал прапорщиком. До мая 1918 г. служил в артдивизионе в Царском Селе. В этом же месяце был демобилизован. В 1919—1920 гг. – служил в РККА. Март 1920 г. – откомандирован в НКИД. До ноября 1920 г. – сотрудник Отдела стран Согласия и Скандинавии. Ноябрь 1920—январь 1923 гг. – работа в полпредстве РСФСР в Кабуле: второй секретарь, референт Бюро печати, зав. Бюро печати, и.о. первого секретаря посольства. С 1921 г. член РКП(б). 1923 г. – в центральном аппарате НКИД: референт по Афганистану в Отделе Ближнего Востока. До июля 1929 г. – сотрудник Отдела печати и информации НКИД. 1930 г. – закончил аспирантуру при МГУ I. В 1930—1931 гг. – работал в ВОКСе: референт по США, референт по печати. 1936 г. – защитил кандидатскую диссертацию. До 1938 г. – старший научный сотрудник МАИ // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 65 А. Д. 4010.

ДОКУМЕНТ № 2

СПРАВКА ЗАВЕДУЮЩЕГО ВОСТОЧНЫМ ОТДЕЛОМ НКИД А. Н. ВОЗНЕСЕНСКОГО[1]. 20. 05. 1920 г.

Из донесений тов. Сурица[2] и нашего уполномоченного (НКИД. – Ю. Т.) в Ташкенте

выясняется своевременность оказания афганцам военной и материальной помощи, предусмотренной нами еще в прошлом году.

Официальные сообщения англо-индийского правительства говорят, что новые мирные переговоры начались с Афганистаном в Муссури (около Симлы), но что английское правительство снова воздерживается от заключения окончательного мира, пока Афганистан не даст доказательства своей лояльности. Одно из условий этой лояльности – изгнание большевистского посольства из Кабула. Переговоры в Муссури уже на днях были прерваны ввиду наступления пограничных афганских племен на Индию. В английской печати ведется кампания за окончательное покорение пограничных афганских племен на северо-западной границе Индии и присоединение этих территорий к индийским владениям какой угодно ценой.

Тов. Суриц указывает на необходимость срочной помощи этим пограничным племенам (масудам и вазирам).

При создавшихся условиях и принимая во внимание крутой перелом в Кабуле в нашу пользу, когда наш престиж достиг небывалой высоты, а неисполнение данных нами обещаний о помощи может разрушить всю нашу работу целого года, Наркоминдел полагает оказать обещанную поддержку Афганистану и пограничным племенам на следующих основаниях, выработанных тов. Сурицем с эмиром Аманулой-ханом и министром иностранных дел Мамед Тарзи[3].

МЫ ДАЕМ:

1. 1 000 000 рублей золотом.
2. 12 аэропланов.
3. Радиостанцию, остающуюся под нашим контролем.
4. Оборудование телеграфной линии Кушка – Герат – Кандагар – Кабул в течение трех лет.
5. Зенитные орудия.
6. Материалы и инженеров для сооружения в Кабуле фактории по производству бездымного пороха.
7. Необходимых военных техников и спецов.
8. 5000 винтовок для Афганистана и 10 000 винтовок для пограничных племен.
9. В случае переговоров с Бухарой об уступке ей пограничной с Афганистаном железной дороги (ныне разрушенной) Керки – Термез допускаем с совещательным голосом на конференцию афганского представителя.

МЫ ТРЕБУЕМ:

1. Свободного пропуска и содействия транзиту на границу Индии и территории независимых племен нашей литературы, снаряжения и других материалов.
2. Свободного пропуска и транзита на границу Персии и того же через Герат и в Белуджистан через Кандагар.
3. Разрешения держать своих консульских агентов, кроме уже открытых пунктов в Мазари-Шарифе, Меймене и Герате, в Кандагаре, Джалалабаде и Дакке (на путях в Индию).
4. Разрешения открыть собственную типографию для нашего издательства, имеющего в виду Индию.
5. Права личного снабжения пограничных племен оружием не через посредство Афганистана, а через посредство наших агентов.
6. Официальной гарантии, что Афганистан не будет участвовать ни в какой военно-политической комбинации, направленной против нас. Вопросы торгово-экономические разрешены в принципе согласно нашей инструкции (Радио № 61 от 25-го января 1919 года), в изменение проекта Туркомиссии (Радио № 41 от 12 января 1919 года).

Необходимо отметить следующее:

15-го сентября мы обратились в Реввоенсовет с указанием на неотложность посылки в Ташкент поезда с аэропланами, оружием и техническими принадлежностями на случай немедленной помощи Афганистану. Мы получили ответ, что поезд с условленными материалами, в том числе с аэропланами, орудиями, снаряжением и т. д., отправлен. Ныне

выясняется, что такого поезда до сих пор в Ташкент не прибыло и Туркомиссия не знает вообще ничего о его судьбе.

При таком темпе выполнения наших обещаний мы рискуем превратить Афганистан из фактического союзника во врага и окончательно вернуть его в орбиту британской политики.

А. В.

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 154. Д. 26. Л. 188—189. Машинописный текст. Подпись в виде инициалов – автограф.

Примечания

1. Вознесенский Арсений Николаевич (1881—1937) – родился в Кронштадте. Востоковед. 1913—1915 гг. – вице– консул в Шанхае. 1917—1920 гг. – зав. отделом Востока НКИД. Первый полпред Советской России в Китае. В начале 20-х гг. – зав. информационным отделом Азербайджанского ревкома. Сотрудник Крестинтерна. До 1937 г. – зам. директора Московского института востоковедения. Репрессирован.

2. Суриц Яков Захарович (1882—1952) – советский дипломат. В 1918—1919 гг. – представитель РСФСР в Дании; в 1919—1921 гг. – полпред РСФСР в Афганистане. В 1921/1922 гг. – уполномоченный НКИД по Туркестану и Средней Азии. В 1922—1923 гг. полпред в Норвегии. В 1923—1934 гг. – посол в Турции. В 1934—1937 гг. – посол в Германии. В Стамбуле и Берлине поддерживал тайные контакты с аманулистами. С 1937 г. советский посол во Франции. После фашистской оккупации этой страны был отозван в Москву и работал в аппарате НКИД. В 1946—1947 гг. был послом в Бразилии. В 1948 г. вышел в отставку.

3. Махмуд-бек Тарзи (1865—1933) – министр иностранных дел Афганистана в 1919—1927 гг.

ДОКУМЕНТ № 3

СЕКРЕТНАЯ РАДИОГРАММА СОВЕТСКОГО ПОЛПРЕДА В АФГАНИСТАНЕ Я. З. СУРИЦА. 22. 05. 1920 г.

Из Кушки № 177

Ташкент – Туркомиссии; Москва – Наркоминдел

Получена переданная шифровка Карахана [от] 12 мая. Шифровкой №137 я уже сообщил о возобновлении мною переговоров. До заключения соглашения из всех видов помощи считаю наименее желательной передачу оружия. Размеры испрашиваемой афганцами помощи вы знаете по ноте и протоколам январских переговоров. Размеры [партий вооружения], которые мы можем дать, тщетно добиваюсь ответа от Вас в течение пяти месяцев. В случае неполучения ясного указания вынужден буду в соглашение входить из обещанного уже мною в январе. Чтобы не повторять прежних ошибок, прошу за период ведения переговоров:

1) не принимать по афганскому вопросу соответственных решений без меня;

2) создать благоприятный тыл для переговоров, согласно моими указаниям в шифровке № 136;

3) переслать [в полпредство] полностью обменную переписку [между] Ташкентом и Москвой;

4) не задерживать моих шифровок и ответов.

Срочно сообщите: имеется ли договор с Бухарой, признана ли [ее] независимость?

Из Кабула 22 мая, № 1140. Суриц.

РГАСПИ. Ф. 544. Оп. 4. Д. 12. Л. 30. Заверенная машинописная копия.

ДОКУМЕНТ № 4

ПИСЬМО М. БАРАКАТУЛЛЫ[1] В. И. ЛЕНИНУ. 10. 06. 1920 г.

Гор. Ташкент

Дорогой товарищ Ленин!

Прошло уже более года с того времени, как я имел честь и удовольствие представить в Наркоминдел в Москве в письменной форме предложение, которое им было сразу же принято, по поводу заключения союза между Российской Советской Республикой и Афганским правительством, как ключа к разрешению всего восточного вопроса в пользу

Советской России.

Кроме того, я имел счастливую возможность изложить Вам это предложение во время любезно предоставленного мне интервью с Вами 7 мая 1919 года. В числе многих положений, выдвинутых в пользу претворения этой идеи в конкретную форму, основным из них являлось посылка помощи Афганистану в виде денег, оружия и снаряжения. По поводу этого высказанного предложения также было выражено согласие и как бы закрепление моего предложения. К счастью, вскоре было получено из Кабула адресованное Вам лично письмо от Его Величества эмира Аманулла-хана, датированное 7 апреля, и в Вашем лице адресованное всей Советской России, в котором Его Величество протягивал руку дружбы Советской России.

В качестве показателя дружбы ранним летом 1919 года в Ташкент из Афганистана прибыл Чрезвычайный Посол генерал Мухаммад Вали-хан. В ответ на это тов. Бравин приблизительно в то же время был отправлен в Кабул. После этого Чрезвычайно Уполномоченный Советского Правительства тов. Яков Суриц также прибыл в Кабул осенью 1919 года. Таким образом, были, к счастью, установлены дружественные сердечные отношения между двумя соседними странами. Всем известно, что англичане – хозяева Индии со времени введения своего суверенитета в этой стране избрали линией своего поведения всегда держать на троне в Кабуле лицо, являющееся persona grata для них, и путем фиксированной ежегодной субсидии эмиру и одарения ценными подарками привязать его исключительно к английскому правительству, изолируя его самого и его народ от остального мира. Но с момента вступления на престол в последней неделе февраля 1919 года эмира Аманулла-хана последний декларировал афганскую независимость и, как правитель свободной страны, он прежде всего послал своего Политического Представителя в Советскую Россию. Этот акт вызвал casus belli у англичан, и они объявили Афганистану войну весной 1919 года. Естественно, что Афганистан – небольшая страна с ограниченными ресурсами, будучи внезапно атакована наимощной и победоносной в отношении Германии страной, обратил нетерпеливые взоры на Советскую Россию, ожидая от нее моральной и материальной поддержки, так как война становилась бешено ожесточенной.

Но Советское правительство не могло оказать возможной помощи Афганистану во время его войны с Англией в силу того, что была прервана железнодорожная связь между Москвой и Туркестаном, а также по другим причинам. Этот печальный факт неоказания поддержки и являлся аргументом в руках англофильской партии в Кабуле. Неизвестно также, передавал ли когда-нибудь тов. Суриц эмиру какие-либо суммы на пропаганду популяризации в Афганистане идеи русско-афганского соглашения, несмотря на то что он прибыл уже в Кабул более семи месяцев [тому назад]. Ведь это факт, что несколько тысяч винтовок и несколько аэропланов были действительно направлены из Москвы в Ташкент в ноябре с целью переправы их в Кабул. Но никаких военных материалов в Афганистан не было отправлено до сих пор, вопреки определенному обещанию, данному афганскому послу в Москве. [...] Задержка в передаче афганцам крепости Кушки усилила положение англофильской партии при афганском дворе. К счастью, симпатии индийского народа и факт выступления объединенных северо-западных пограничных племен послужили к спасению Афганистана во время последней войны с Англией [...].

Несомненно, что эмир Аманулла-хан является искренним другом Советской России, не идущим на компромиссы с ее врагом – Англией, но, считаясь с тем, что он использовал все оставленные ему отцом суммы на последнюю войну с англичанами и принимая во внимание то, что он отказался принять огромные суммы денег, следуемые Афганистану от английского правительства в Индии, его положение среди развращенного круга официозных афганцев несколько пошатнулось. Возможно даже, согласно указаниям последних донесений из Кабула тов. Сурица, движение против Аманулла-хана может начаться путем крайне обильного снабжения (его врагов. – Ю. Т.)деньгами из средств казны английского правительства в Индии. Таким образом, объединение роялистского Афганистана, империалистических Турции и Персии с Англией под лозунгом объединения стран Ислама

может стать реальным фактом, будучи вместе с тем направлено против возрастающего влияния большевиков в России.

Сама мысль об этой возможности открывает перед нашими глазами ужасные перспективы азиатского нашествия на Советскую Россию, усугубляя уже создавшееся тяжелое положение, вызванное поддержкой союзниками Польши против Советской России в Европе.

Достаточно ли обоснованы все эти наши опасения или они просто являются должным предостережением? Несомненно, что основания возможности такого выступления действительно существуют, так как в течение прошлого года произошло много инцидентов (конечно, вопреки искренне добрым намерениям центрального советского правительства), очевидно, могущих дать пищу для подозрения афганцам, в смысле безусловной искренности советского правительства по поводу выполнения сделанных им в прошлом году обещаний и до сих пор еще не выполненных.

Товарищ Ленин, мы верим, что Ваше личное вмешательство может спасти положение от разрушения дружбы между Советской Россией и Афганистаном. Больше того, Ваше личное вмешательство в разрешение этого тяжелого кризиса может обратить направленный удар в сторону врагов Советской России и положить конец бедствиям, так тяжело отражавшимся на России, благодаря продолжавшейся в ней войне в течение последних трех лет.

Если Вы предназначите 10 миллионов фунтов стерлингов на помощь друзьям Советской России в Индии, в пограничной полосе между Индией и Афганистаном, в самом Афганистане, а также таковым в Персии и Турции, сделаете распоряжение об отправке с максимальной быстротой денег в соответствующих направлениях, там одновременно поднимутся силы против английского империализма на всем протяжении от Анатолии в Турции до долины Ганга в Индии, которые в известный срок могли бы расстроить планы английской политики, обанкротить их в финансовом отношении и разрушить величие на Востоке.

У них тогда не будет времени возбуждать против Советской России Польшу или других. Им придется заботиться о собственном самосохранении, и Вам только нужно будет обратиться непосредственно по радио к эмиру Аманулле-хану, уверить его в искренней дружбе Советской России к Афганистану, написать тов. Сурицу, заключить союз Советской России с Афганистаном и дать два миллиона фунтов стерлингов эмиру для подготовки армии и всей страны к дружбе с Россией и к войне с англичанами в Индии. Два миллиона фунтов стерлингов следует вручить Комитету в составе тов. Сурица, Махмуд-хана Тарзи, раджи Махендры Пратапа[2], Моулави Обейдуллы[3] и Ходжи Абдур Разака[4]. Под покровительством самого эмира Амануллы-хана этот Комитет организует пограничные племена от Кветты до Читрала для ведения одновременной и постоянной партизанской войны с англичанами.

Два миллиона фунтов должны быть пожертвованы на революционную пропаганду среди индийских солдат для возбуждению к мятежу, для понуждения фермеров к отказу от уплаты налогов, среди рабочих для подготовки их к забастовке в определенный момент. Эта работа может быть отлично выполнена тов. Пратапом среди индийцев и Обейдуллой – среди мусульман во всей Индии. Тов. Суриц должен быть снабжен деньгами, и ему должно быть предложено выполнить вышеуказанные инструкции, не теряя времени, так как момент теперь самый выгодный.

Два миллиона фунтов стерлингов должны быть посланы Мустафе Кемаль-паше[5] с личным письмом от Вас, с выражением сочувствия ему в борьбе за дело бедных и угнетенных. Следует объяснить ему, что он не должен обманываться уступкой англичан, выразившейся в сохранении Константинополя за султаном и святых мест Ислама – за мусульманами, так как Дарданеллы будут в руках союзников. Турции будут навязывать капитуляции, султан будет таким же пленником, как папа в Ватикане, а турецкий народ будет рабом космополитической клики финансистов всего мира.

Два миллиона фунтов должны пойти в Персию на пропаганду и вербовку крестьян в армию освобождения Персии от британского ига под руководством тов. Гайдар-хана[6] в

сотрудничестве с Кучук-ханом[7]. Персия является центром британской активности в Средней Азии. Мешхед представляет собой главную ставку английской армии в Персии, туда они свезли тяжелую артиллерию из Индии.

Принимая во внимание тот факт, что Сеистанская железная дорога, которая связывает или свяжет в скором времени Мешхед с железнодорожной сетью Индии, становится ясно как день, что англичане в Мешхеде занимают позицию, дающую им возможность завоевать русский Туркестан, как только политические условия и международная конъюктура станут благоприятными для англичан и позволят им перебросить индийские войска в Персию. Однако пять лет последней войны лишили их всякого аппетита начинать новую завоевательную войну, когда они в результате своих побед получили пространство около двух миллионов квадратных миль под свой контроль. Более того, бешеные взрывы революционных вспышек, доносящихся из Индии, не умиротворившиеся северо-западные пограничные племена, дипломатические связи и дружественная политика в отношениях Афганистана и Советской России, чувствующееся недовольство большинства персидского народа к английской оккупации Персии и всевозрастающая мощь Мустафы Кемаля в Турции с приобретенными им симпатиями мусульманского мира – все эти обстоятельства в совокупности заставили застрельщиков британской политики в Индии на это время сократиться и не дали им возможности повести полки гуркхов и сикхов на русский Туркестан.

Все же эти планы овладения миром англосаксонской расой не лежат без движения. Они заняты теперь подготовкой выгодных условий для овладения в близком будущем Туркестаном путем наводнения всех туркестанских провинций их фаворитами – армянскими эмиссарами для пропаганды в пользу англичан и против большевиков.

Они посылают из Мешхеда деньги и оружие в Бухару и Фергану и подготовляют их к восстанию против большевистского правительства.

Так как английское правительство «из уважения» к религиозным побуждениям индийских мусульман по вопросу о халифате решило оставить Константинополь в руках султана и святые места мусульманам, то для английской дипломатии настало время умиротворить народы Индии, Афганистана, Персии и Турции, добиться расположения к себе мусульманского мира и утилизировать их против своих врагов – российских большевиков.

Мы горячо верим, товарищ Ленин, что Ваше личное вмешательство, согласно вышесказанному, может предотвратить надвигающиеся бедствия. Расход 10 миллионов фунтов в предложенной пропорции при существующих в данное время умонастроениях в Азии может сказаться более действительны, нежели 100 миллионов фунтов, затраченных теперь англичанами в свою пользу. Каждая невнимательность со стороны советского правительства, которая позволила бы Афганистану, пограничным племенам, Индии, Персии и Турции очутиться в лапах англичан, была бы равносильна допущению претворения чудовищной возможности в ужасную действительность.

Я надеюсь, что Вы с картой в руке проведете совещание по вопросу о ситуации с тов. Троцким и, должным образом убедившись, отдадите распоряжение о быстром выполнении этого плана.

Желаю Вам здоровья, радости и долгой жизни.

С сердечным приветом, искренне Ваш Баракатулла.

РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 24418. Л. 1—3(об). Машинописный текст. Перевод с английского. На документе резолюция В. И. Ленина: «т. Чичерину на отзыв».

1. Баракатулла, Мухаммад (1868—1927) – деятель индийского национального-освободительного движения, панисламист. Родился в г. Бхопале. Образование получил в Бомбее и Лондоне. С 1907 г. в эмиграции. В 1909– 1914 гг. – профессор Токийского ун-та. В годы Первой мировой войны один из руководителей революционной партии «Гадр». С 1915 г. – премьер-министр «Временного правительства Индии» в Кабуле. В 1919 г. по поручению Амануллы-хана уехал в Советскую Россию, чтобы добиться помощи против Великобритании.

2. Пратап, Махендра (1886—1976) – деятель индийского национального освободительного движения. Сын раджи. В 1914 г. уехал из Индии. В 1914 г. встречался с кайзером Вильгельмом II, а в следующем году – с турецким султаном Мехмедом V. Как и Баракатулла, входил в состав миссии Нидермайера – Хентига. В 1915 г. стал президентом «Временного правительства Индии». В 1918– 1919 гг. был в Советской России. Встречался с Лениным. После Второй мировой войны вернулся в Индию.
3. Обейдулла (Убайдулла) Синдхи, маулана (1872– 1944) – деятель индийского национально-освободительного движения и мусульманский теолог. Из семьи сикхов, но в 1887 г. принял ислам. Учился, а затем преподавал в религиозном центре Деобанде. В годы Первой мировой войны, находясь в Афганистане, активно участвовал в борьбе против Англии. Член «Временного правительства Индии».
4. Хаджи Абдул Разак (? —?) – в 1920—1922 гг. руководитель антибританского вооруженного восстания пуштунских племен масудов и вазиров.
5. Мустафа Кемаль Ататюрк, гази (1881—1938) – руководитель национально-освободительной революции 1918—1923 гг. в Турции. Первый президент Турецкой республики (1923—1938 гг.).
6. Гайдар-хан (Гейдар Алекперович Таривердиев) (1880—1921) – лидер иранской компартии («Адалет»). Активный участник «Гилянской революции» 1920—1921 гг. в Иране.
7. Кучук-хан (1881—1921) – предводитель повстанцев-«джангалийцев» в Гиляне в 1915—1921 гг.

ДОКУМЕНТ № 5

ПЛАН ВОЕННЫХ ОПЕРАЦИЙ НА ГРАНИЦЕ И В ИНДИИ

Введение

Положение в И Недостаток оружия – единственная причина, которая не дала вспыхнуть общей революции в Индии в последние два года. Конечно, окончательный успех пролетарской революции в Индии во многом зависит от организации сильной, хорошо дисциплинированной партии, которая могла бы вести массы рабочих и бедных безземельных крестьян к их экономической и социальной эмансипации через различные стадии революционного опыта. До последнего времени революционная пропаганда в Индии была главным образом буржуазно-национального характера. Но Европейская война[1] сильно изменила экономические условия страны, и результатом этого изменения было то, что революционная энергия индийского народа не выражается больше деклассированной интеллигенцией. Она нашла свое выражение в могучей массовой деятельности рабочего класса. Уже признано, что надлежащая пропаганда и организационная работа должны вестись среди рабочих, крестьян и средней интеллигенции раньше, чем вспыхнет общее вооруженное восстание.

Здесь нужно указать, что современные политические условия страны исключают возможность пропаганды в широких размерах. Так как почти 90% населения безграмотно, то подпольная печатная пропаганда не может иметь больших результатов. Эта отсталость в образовании народа является следствием политики Великобританского правительства, и до тех пор, пока последнее будет властвовать в Индии, нет никакой надежды на перемену этой политики. Право публичных собраний уничтожено с 1909 г. [2] В течение последних одиннадцати лет невозможно было для кого бы то ни было говорить публично в группе более трех человек без того, чтобы не быть арестованным и посаженным в тюрьму на срок от 5 до 10 лет. Но это не останавливало и не остановит то, что может продолжить пропаганду при таких условиях. Остается тот факт, что, несмотря на все эти трудности, большинство эксплуатируемого класса Индии настроено революционно. Совершенно верно, что это революционное чувство является возмущением против экономического угнетения, но это не есть чисто классовое сознание. Сумма и род пропаганды, которые нужны для того, чтобы образовать необразованные Индийские массы в принципах Социальной Революции, не могут одержать верх до тех пор, пока страна находится в настоящем политическом положении. Иными словами, политический и социальный замок в Индии должен быть сломан таким

образом, чтобы накопленные революционные силы могли иметь неограниченное поле действия. Это может быть достигнуто только путем ниспровержения или серьезного ослабления Британского правительства. При условии, что необходимое оружие будет получено, настоящее революционное положение в Индии может быть легко использовано для восстания, которое откроет громадное поле для революции. При настоящих условиях вооруженное восстание, имеющее целью свержение Британского владычества, возможно только путем атаки страны в тщательно выбранных стратегических пунктах при помощи достаточно сильной армии, организованной вне границ. Организация вооруженного восстания при помощи контрабандного оружия, розданного революционерам, как это уже неоднократно было доказано, невозможна. Громадное большинство индийских войск недовольно своим положением. Они готовы примкнуть к революции для свержения Британского владычества. Согласно секретным официальным отчетам, около 80% Британских Индийских войск не могут считаться надежными в случае революции. Это было доказано поведением Индийских частей на северо– западной границе в продолжении последней Афганской войны и различных походов против [пуштунских] племен. Положение индийских войск таково, что, несмотря на наличие их в Месопотамии в количестве около 40 000, Британское военное командование решило отступать и отступать.

Но, несмотря на эту склонность к мятежу индийских войск, на них нельзя положиться, что они возьмут на себя инициативу в восстании. Это обуславливается двумя причинами: 1) несчастный опыт 1857 г.[3], когда народ не примкнул к военному восстанию, заставляет солдат ждать, пока настанет народное восстание; 2) индийские войска держатся в крепостях на квартирах и в казармах безоружными. Они не имеют доступа к магазинам и арсеналам, которые тщательно охраняются английскими войсками. В настоящее время во всей стране имеется около 250 000 индийских солдат, между тем как в одной только провинции Пенджаб не менее 200 000 демобилизованных солдат с практическим опытом по обращению с современным оружием. Эти отставные солдаты полны революционного духа.

Предлагаемый план

Чтобы сделать революцию, свергнуть или серьезно ослабить британское владычество, индийский народ нуждается в помощи оружием, амуницией и другим военным снаряжением. Это оружие должно быть введено в страну силой. Вне границ страны должна быть организована достаточно сильная армия, чтобы атаковать страну в известный момент и принести с собой достаточно оружия, чтобы снабдить народ. Эта атакующая армия должна быть достаточно могущественна для быстрого действия, имея целью захватить и удерживать некоторую часть страны вдоль границ при хорошей связи с внешней базой снабжения. Рабочий класс занятой территории сразу будет снабжен оружием, что увеличит революционные силы, которые будут продвигаться в страну пропорционально их увеличению.

Раньше чем начнутся открытые операции атакующей армии, в страну должно быть доставлено в виде контрабанды достаточное количество мелкого оружия, бомб, взрывчатых материалов различного рода и т. д., которые должны быть розданы среди различных революционных групп в целях уничтожения железных дорог, телеграфных и телефонных линий, взрыва мостов и т. п., чтобы тем самым парализовать быструю мобилизацию военных сил. В то же время должны организоваться местные вспышки, чтобы отвлечь внимание военных властей. Должны быть приняты меры к тому, чтобы восстающие индийские войска поднялись одновременно и постарались захватить склады оружия всюду, где только можно. Таким образом, правительству будет устроено препятствие к концентрации всех своих сил против атакующей армии. Военные операции должны быть поддержаны всеобщей забастовкой внутри страны.

Для успешного проведения этого плана требуются следующие практические приготовления и материалы.

I. Ввиду своей близости к России и антибританского настроения настоящего властителя Афганистана план лучше всего может быть выполнен на северо-западной границе Индии,

имея в виду Пенджаб, как зону, которая должна быть занята атакующей армией. Присутствие в провинции Пенджаб 200 000 демобилизованных солдат делают ее особенно подходящей для этой цели.

II. Всякая существенная военная помощь индийским революционным силам должна проходить через Афганскую территорию, почему нам должна быть обеспечена дружба Афганского правительства. Британское правительство прекрасно признает это стратегическое значение Афганистана. Оно делает и сделает все, что возможно, чтобы подкупить Афганское правительство. Если индийский вопрос рассматривается серьезно, предохранительные меры в Афганистане должны быть быстро приняты. Всякая военная помощь в виде оружия и проч., поданная быстро, привлечет на нашу сторону Афганское правительство.

III. Различные полунезависимые племена в пограничных областях от Памира до Белуджистана доставят людей для первой атакующей армии. Кроме того, значительное количество бывших солдат может быть приведено из Индии для организации армии. В Кабуле имеется большое количество эмигрантов. Согласно произведенному исследованию и переговорам с главарями различных племен установлено, что на границе можно собрать армию в 100 000 человек. Это все хорошие бойцы, привыкшие к обхождению с оружием, их легко научить обращению с пулеметами, с легкой горной артиллерией, ручными гранатами и т. д. в самое короткое время. Конечно, эта армия, собранная среди этих племен, должна быть нанятой, поэтому особенно тщательным нужно быть при выборе офицеров. Вся линия границы должна быть разделена на несколько участков, каждый под командой надежного революционера (коммуниста). Штаб каждого из этих офицеров участка должен состоять также из надежных революционеров, специально выбранных и подготовленных для этой цели. Эти унтер-офицеры могут быть легко набраны из числа пенджабских и афганских, не состоящих на службе офицеров и солдат, которые участвовали в Европейской войне. Дезертиры из индийской армии, Персии, Месопотамии и Турции также могут быть приспособлены для этой цели. Командирами участков должны быть или офицеры Красной Армии, или должны быть выбраны среди индийской революционной интеллигенции, сотни которых могут быть обучены. В Кабуле и в Ташкенте должны быть организованы школы для обучения этих офицеров.

IV. Численность атакующей армии должна быть не менее 25 000 человек, хорошо снабженных современным снаряжением (пулеметами, легкой горной артиллерией, аэропланами, ручными гранатами, радиостанциями, полевыми телефонами, средствами для транспорта, инженерными, медицинскими отрядами и т. д.).

V. Кроме оружия, необходимого для вооружения атакующей армии, большое количество военного снабжения должно находиться в известных местах на русско-афганской границе, откуда они могут быть легко перевозимы в Индию, как только известная часть страны будет захвачена атакующими силами. Это военное снабжение должно быть предназначено для вооружения масс в занятой территории. Организованная таким образом на занятой территории пролетарская армия будет представлять главную опору революционных сил, которые будут продвигаться внутрь страны.

VI. Должна быть организована хорошая связь и средства для сообщения, чтобы оружие и снабжение могли быть легко и быстро доставляемы из базы (находящейся на туркмено-афганской границе)[4] революционным силам, оперирующим на индийской границе и в Индии. Конечно, везде, где возможно, восставшие индийские войска должны захватывать снабжение. Но положение индийских солдат будет редко доставлять им возможность этого до тех пор, пока революционные силы не станут достаточно велики и сильны, чтобы окружать или захватывать целые армии или укрепленные места врагов.

VII. Немедленно должно быть предпринято улучшение железнодорожной линий и сообщения вдоль афганской границы и в Туркестане, сооружение новых стратегических линий и линий снабжения, исправление транспортных и караванных дорог через Афганскую территорию.

VIII. Достаточное количество снабжения и военных материалов должно быть постепенно и тайно перевезено и сложено в таких местах, как пост Кушка, Самарканд, Термез, Андижан, Памирский пост, согласно указаниям военных экспертов, прикомандированных к Советской Миссии в Кабуле и к Бюро Коммунистического Интернационала в Ташкенте[5]. Оружие для армии по крайней мере в 50 000 человек и достаточное количество амуниции, которого хватило бы на несколько месяцев, должны быть собраны в этих местах до начала военных операций. В то же время должно быть послано оружие на границу (индо-афганскую), для раздачи среди независимых [пуштунских] племен, которые должны быть обучены и военно-организованы (так в документе. – Ю. Т.) революционными офицерами, посланными туда для этой цели.

IX. Если возможные политические осложнения и риск открытой войны с Англией не воспрепятствуют этому, Красная Армия (русская), достаточно сильная, должна быть сконцентрирована в Туркестане для помощи, в случае надобности, революционным силам, действующим в Индии. Конечно, в то же время в Индии должна вестись усиленная пропаганда, чтобы такое действие Красной Армии не рассматривалось индийским народом как чужеземное нашествие, но как дружеская помощь.

X. В продолжение подготовлений (так в документе. – Ю. Т.) к выполнению этого плана должно быть послано достаточное количество оружия (список приложен), как можно быстрее, для поддержки пограничных операций. Такие операции будут содействовать практической организации племен в военные единицы под действующим систематическим командованием, они (операции. – Ю.Т.) будут иметь сильное моральное действие в Индии, поощряя народ в его революционной деятельности. Искусно проводимые операции даже при сравнительно небольших силах ввергнут индийское правительство в состояние паники, которое является всегда благоприятным для роста революционного духа.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Перечень оружия и снабжения, которое должно быть послано для поддержки пограничных операций в продолжение к подготовке и исполнения этого плана.

5 тысяч винтовок с достаточным снабжением.

50 пулеметов со снабжением.

500 револьверов с 500 патронами для каждого.

4000 ручных гранат.

6 аэропланов с авиаторами.

8 переносных радиостанций с операторами.

Это должно быть привезено в Ташкент или Термез в распоряжение Миссии Кабула.

Штат, необходимый для немедленных пограничных операций.

5 красноармейских офицеров (Генерального штаба).

5 пулеметчиков инструкторов.

M. N. Roy

РГАСПИ. Ф. 5. ОП. 3. Д. 577. Л. 19—24. Машинописный текст. Подпись – автограф.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Имеется в виду Первая мировая война 1914—1918 гг.

2. Видимо, в этом отрывке из документа речь идет об административной реформе в Индии, которая значительно расширила полномочия британских властей.

3. Народное восстание 1857—1859 гг. в Индии началось в сипайских частях Бенгальской армии и было жестоко подавлено Англией.

4. М. Н. Рой, вероятнее всего, имеет в виду крепость Кушку.

5. Туркестанское бюро Коминтерна (Ташкентское, Ближневосточное бюро ИККИ).

ДОКУМЕНТ № 6

РСФСР. ЗАМЕСТИТЕЛЬ НАРОДНОГО КОМИССАРА ПО ИНОСТРАННЫМ ДЕЛАМ ПОЛНОМОЧНОМУ ПРЕДСТАВИТЕЛЮ РСФСР В АФГАНИСТАНЕ ТОВ. БОРОДИНУ[1]

14 СЕНТЯБРЯ 1920.

№10/344,

гор. МОСКВА

Настоящим предлагаю Вам полученный Вами аванс в сумме ТРИ МИЛЛИОНА ПЯТЬСОТ ТЫСЯЧ (3. 500. 000) рублей и золотой запас в ДВА МИЛЛИОНА (2. 000. 000) рублей передать Секретарю Полномочного Представительства в Афганистане тов. Г. А. Иванову[2] для отвоза их тов. Сурицу с правом расходования тов. Ивановым необходимых для Миссии в дороге сумм из аванса 3,5 миллиона рублей на территории России[3].

ЗАМЕСТИТЕЛЬ НАРОДНОГО КОМИССАРА
ПО ИНОСТРАННЫМ ДЕЛАМ Л. КАРАХАН[4]
СЕКРЕТАРЬ (подпись неразборчива)

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 154. Д. 26. Л. 162. Машинописный текст. Подписи – автографы. Имеется круглая печать НКИД.

Примечания

1. Бородин Михаил Маркович (настоящая фамилия Грунзберг, он же Англичанин, Александр Хумберг, Майкл Берг, Георг Браун, М. Браун, Яков, Никифоров) (1884– 1951). Член РСДРП с 1903 г. С 1919 г. – сотрудник ИККИ. В 1923—1927 гг. был представителем ИККИ в Китае. После 1927 г. работал на различных руководящих постах в советском госаппарате. Репрессирован.
2. Сведений о данном лице у автора нет.
3. В конце последнего предложения вычеркнута фраза «из золотого запаса – на территории Афганистана».
4. Карахан Лев Михайлович (настоящая фамилия Караханян) (1889—1937) – видный советский дипломат. В 1918—1921; 1922—1923; 1925—1934 гг. являлся заместителем наркома иностранных дел РСФСР (СССР). В 20—30-х гг. курировал «восточное направление» в работе НКИД.

ДОКУМЕНТ № 7

ВЫДЕРЖКА ИЗ ПИСЬМА ПРЕДСТАВИТЕЛЯ НКИД В СРЕДНЕЙ АЗИИ
Д. Ю. ГОПНЕРА[1] В. И. ЛЕНИНУ

Москва, 14. 10. 1920.

Гопнер
М.-Харитоновский, 10
Тел. 50—47

Тов. Ленину.

Посылаю Вам: 1) письмо т. Сокольникова[2] и 2) карту Патанских племен (сев.-зап. Индии), изготовленную в Научно-справочной части Отдела внешних сношений (г. Ташкент).

Записка «Главные независимые племена Патанов», заказанная мною проф. Андрееву[3] (востоковед), еще не готова. Как только эта работа будет проредактирована, она будет тотчас же Вам выслана. [...]

РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2155. Л. 1. Подлинник. Автограф.

Примечания

1. Гопнер Давид Юльевич (1884—1925) – в 1920—1921 гг. уполномоченный НКИД в Туркестане. Пользовался большим доверием Г. В. Чичерина. В ноябре – декабре 1921 г. был советников советского полпредства в Иране. По причине плохого здоровья был уволен из НКИД. В 1924– 1925 гг. – заместитель наркома юстиции и прокурор Туркменской ССР.
2. Сокольников Григорий Яковлевич (наст. фамилия Бриллиант) (1888—1939). В 1919—1920 гг. – член ЦК РКП (б). С 1920 г. – председатель Туркестанской комиссии ВЦИК и СНК РСФСР. С августа 1920 г. – представитель ИККИ в Ташкенте (для работы в странах Востока).
3. Андреев Михаил Степанович (1873—1948) – выдающийся исследователь культуры народов Средней Азии, этнограф. Совершил ряд путешествий по Центральной Азии. В 1905—1914 гг. был российским вице-консулом в Бомбее, где изучил языки хинди и пушту. В 1918—1920 гг. – один из организаторов и первый ректор Восточного института в г.

Ташкенте. В 1926 г. драгоман советского полпредства в Афганистане.

ДОКУМЕНТ № 8

ПИСЬМО ИНДИЙСКОГО КОММУНИСТА АБАНИ МУКЕРДЖИ[1] ЗАВЕДУЮЩЕМУ ВОСТОЧНЫМ СЕКРЕТАРИАТОМ КОМИНТЕРНА

Тов. Сафарову[2]

В настоящее время я один из членов Ревкома нахожусь в Ташкенте, и что касается плана работы в будущем, то он составлен лично мною и отражает лишь мою личную точку зрения. Ввиду того что тов. Рой ожидается в 1-х числах мая месяца (1921 г. – Ю. Т.), необходимо ждать его приезда, дабы принять во внимание его дополнения и приступить к более широкой разработке плана работы.

Индусская работа должна быть разделена на 3 части:

1. Пропагандистская.
2. Информационная.
3. Военная.

1. Пропагандистская р[абота]. Главной задачей в этой области является создание 1) индусской коммунистической партии и 2) индусской революционной националистической партии. Все рабоче-крестьянское движение в Индии должно быть руководимо Индусской коммунистической партией со своей программой. Необходимо принять все меры к тому, чтобы сконцентрировать все националистическое движение (все национ[альные] партии, организации, группы, отдельные революционеры-националисты, мелкая буржуазия и интеллигенция) в центральную революционную националистическую партию. Для достижения ближайшей цели – свержения английского правительства в Индии – обе партии должны быть до поры до времени в полном контакте. Для этого необходимо создание общего центрального революционного комитета, куда входили бы националисты и коммунисты (работа должна протекать под влиянием коммунистов). Программой этого комитета должна быть программа минимума социал-демократической партии с националистическим оттенком под лозунгом: «Земля народу». Всячески оградить партию от монархических и панисламистских элементов. Для осуществления этого плана первой необходимостью является созыв I Всеиндийского революционного конгресса, на котором лежит обязанность выдвинуть националистическую часть центрального ревкома. Коммунистическая же часть должна быть выдвинута исполкомом III Интернационала, во избежание захвата влияния националистов на ход работы (т. к. коммунисты до сих пор не имели возможности предстать перед массами, благодаря чему массы до сих пор не знают требования коммунистов).

На мой взгляд, необходимо Индусскую коммунистическую партию перенести в подполье, и чтобы коммунисты официально состояли членами националистической партии. Думаю, что II Всеиндийский революционный конгресс при выборе ревкома выдвинет уже сам коммунистов и назначение их III Интернационалом в ревком уже будет излишним. Я это предлагаю на том основании, что религия в Индии всецело овладела рабочими и крестьянскими массами, которые благодаря антикоммунистическим и религиозным пропагандам избегают коммунистов, не будучи знакомы с их требованиями. Мы, коммунисты, уверены, что при устранении искусственно привитых религиозных предрассудков массы перейдут на нашу сторону. Вышеизложенное является моим личным убеждением, причем должен сказать, что этот вопрос в нашей партии недостаточно дискутировался, почему я и предложил подождать с моим планом до приезда остальных членов партии.

Мы должны отобрать лучшие элементы среди индусов, политически их просветить и сделать из них хороших агитаторов. Их надо послать в Индию в существующие там профессиональные союзы, чтобы их путем пропаганды привлечь на нашу сторону и создать новые союзы. Особое внимание также уделить крестьянскому движению, организовать их (крестьян. – Ю. Т.) под лозунгом: «земля земледельцам». Вести также пропаганду среди интеллигенции и мелкой буржуазии, так как они находятся под сильным влиянием

землевладельцев и крупной буржуазии.

Для этой цели необходимо открыть специальные пропагандистские школы и типографии в пограничных местностях между Афганистаном и Индией (Баджаур, Чамарканд, Вазиристан и др.) Необходимо установление тайной связи с Индией (через Бадагжан [Бадахшан], Бухару или Читрал, Памир или Гилгид [Гильгит], Малый Памир, Фергану).

II. Военная раб[ота]. Необходимо способным революционерам дать военную подготовку (особенно в артиллерии, авиации, телеграфии и сигнализации) и для этого путем пропаганды привлечь революционную молодежь [из] самой Индии.

Часть индусских войск недовольна английским режимом. Их легко настроить в нашу пользу и вызвать вооруженное восстание в стране. Для этого нужно снабдить оружием рабочих, крестьян, интеллигенцию и мелкую буржуазию. Надо устроить тайные ружейные базы в Кабуле, Кандахаре [Кандагаре], Газни, Памир-посте и Чамарканде и, если возможно, в Зебаке (в Афганистане). В пограничных местностях многие элементы настроены против Англии. Нужно их использовать для военных целей, несмотря на то что они наемники. Для их контроля могут быть назначены свои люди. При посылке военного атташе в Афганистан нужно выбирать такое лицо, которое, как коммунист, было бы заинтересовано в индусской революции. При посольстве должны быть также лица, которые бы умели организовать производство оружия. Также необходима концентрация значительного количества золота в Афганистане. Вкратце наша работа должна сводиться к тому, чтобы пробудить классовое сознание рабочих и крестьян и свергнуть английское правительство в Индии.

Итак, сделаю следующие конкретные предложения:

1. Принимая во внимание протест министра Хорна[3], врученный тов. Красину[4], думаю, что индусский ревком должен работать неофициально.

2. На мой взгляд, для лучшей конспирации целесообразно было бы организовать индусскую коммуну колонистов их революционеров, которые бы вели всю конспиративную работу и имели бы связь с органами Советской Республики.

3. Необходимо расформировать Индусские Командные Курсы. Авиационное отделение передать в Ташкентскую школу авиации, пехотно-пулеметное отделение в школу имени Ленина.

4. С тов. Раскольниковым[5] надо послать полмиллиона рублей золотом, 1000 английских винтовок и 500 пудов патронов к ним, 1000 английских бомб и 20 ящиков с литературой, одну типографию и несколько ротаторов. Нетрудно все эти вещи с ним послать, так как он везет с собой три аэроплана, автомобили и др. вещи. Только организация этого должна быть весьма конспиративна.

5. Было бы важно регулярное снабжение дипломатических курьеров, следующих в Афганистан с известным количеством аммуниции и литературы.

6. Тов. Абдул-Хамид[6] (националист), пришедший сюда из Чамарканда как представитель организации Мудяхидин[7], должен быть отправлен назад совместно с тов. Дилдар[8]. (Мудяхидин – организация уже существует 100 лет. Она имеет хорошую связь со всей Индией). Для них легко можно достать паспорта в Афганистан.

7. Тов. Усмани[9] и Манзур[10] (националист) должны быть отправлены через Афганистан в Индию. Усмани был 3 месяца в Москве интересовался и занимался по социализму и профессиональному движению, и ему можно вполне доверять. Он может выдавать себя в Афганском консульстве [Великобритании], таким образом, легко без преследований со стороны англичан достать паспорт.

8. Тов. Али-ша[11] (коммунист и член Исполкома коммунистического союза молодежи Востока) должен быть отправлен в Индию через Анатолию. Он был националистом-революционером и приехал с религиозным калифатскими эмигрантами, и ему легко пробраться через Анатолию в Индию.

9. Тайно послать комиссию для эксплуатации секретной дороги из Памира через Читрол [Читрал] в Чамарканд.

Информация. К этой части я отношу издание легкой литературы[12] агитационного

характера для посылки в Индию. Организацию сети типографий в самой Индии. Организацию ряда секретных агентов для выслеживания находящихся в России английских шпионов и для работы в Индии.

Заканчиваю свой доклад несколькими словами о национально-революционном движении вне Индии.

Революционно-национальное движение индусов широко поставлено в Сан-Франциско и в Японии. Кроме того, Информационное Бюро открыто в Берлине. Далее нами в Англии организована Индусская Секция при Английской Коммунистической Партии под руководством тт. (фамилия в тексте неразборчива. – Ю. Т.) и Галлакера[13]. Мы командировали т. Марфи[14] открыть Бюро там. Со всеми этими организациями мы находимся в связи за исключением Японии. Все они оповещены об имеющемся в недалеком будущем... создании Всеинд[ийского] Револ[олюционного] Конгресса, на котором и установим при их содействии тесную связь с Индией.

Mukherji

27. 4. 21.

РГАСПИ. Ф. 544. ОП. 4. Д. 5. Л. 101—102(об). Машинописный текст. Подпись – автограф.

Примечания

1. Мукерджи Абани (1891—1937) – деятель национального и коммунистического движения в Индии. Весной 1917 г. за участие в «немецком заговоре» приговорен британским судом к смертной казни. Бежал на о. Суматра. В 1920 г. с паспортом на имя Рамиса Сахира Мухарджи через Голландию и Германию прибыл в Советскую Россию. Приехал вместе с М. Н. Роем в Ташкент, где стал его заместителем (включая финансовые вопросы). В 1922—1924 гг. – выполнял задание Коминтерна в Индии. Репрессирован.

2. Сафаров Георгий Иванович (1891—1942) – член партии большевиков с 1908 г. В 1920—1922 гг. – член Туркбюро ИККИ. В 1921—1922 гг. – заведующий Восточным отделом ИККИ.

3. Речь идет о ноте протеста британского министра торговли Р. Хорна в связи с нарушением советской стороной условий торгового соглашения от 16 марта 1921 г.

4. Красин Леонид Борисович (1870—1926) – в 1921– 1923 гг. советский полпред в Великобритании.

5. Раскольников Федор Федорович (1892—1939) – советский полпред в Афганистане с 16. 07. 1921 г. по 6. 02. 1924 г. Его назначение в Кабул означало, что советское правительство постепенно отказывалось от планов экспорта революции в Индию.

6. Абдул Хамид I (Мастер) (1893—?) – родился в г. Лудхиане. В Лахоре закончил английскую гимназию, а затем два курса медицинского института. Как участник халифатистского движения уехал из Индии в Афганистан и в 1920 г. прибыл в Туркестан. Был одним из первых членов созданной М. Н. Роем в Ташкенте Компартии Индии (билет № 9). В 1921 г. с группой индийцев поступил в КУТВ, но учебу в нем не закончил, так как Коминтерн хотел его переправить через Памир на родину. Эта попытка потерпела неудачу. В августе 1923 г. Абдул Хамид вернулся в Москву и продолжил учебу в КУТВ // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 213. Д. 219.

7. Правильнее Джамиат-и муджахеддин (Братство борцов за веру) – мусульманская организация ваххабитского толка, основанная в Индии в XIX в. Сайидом Ахмадом. Под лозунгом джихада активно участвовала в борьбе против британских властей. В начале XX в. штаб-квартирой этой организации было горное селение Чамарканд (севернее г. Пешавара).

8. Автор публикации не имеет биографических сведений о данном человеке.

9. Шаукат Усмани (Шевкет Усман) (1905—?) – индийский революционер; в 1920—1921 гг. – по заданию Коминтерна (КИ) на нелегальной работе в Афганистане; в 1921 г. – выполнял поручения КИ в Иране; 1921 г. – недолгое время учился в КУТВе; 1922 г. – вернулся в Индию и через год был арестован британскими властями; 1923—1927 гг. отбывал тюремное заключение в Индии; 1928 г. – был в Москве, а затем вернулся на родину; 1929—1935 гг. – в Индии вновь осужден в ходе Мирутского процесса и заключен в тюрьму; после

освобождения по состоянию здоровья прекратил коммунистическую деятельность и вышел из рядов Компартии Индии; с 1946 г. – член Революционно-социалистической партии Индии // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 213. Д. 19.

10. Мансур (?) – член Берлинского комитета индийских националистов, созданного в годы Первой мировой войны; 1920 г. – входил в состав делегации от этого Комитета к В. И. Ленину; 1920—1921 гг. – курсант «индусских командных курсов всех родов оружия» в Ташкенте; один из организаторов компартии Пакистана.

11. Масуд Али Шах (1900—1938) – индийский националист. Из семьи помещика. В 1920 г. с группой халифатистов из 40 человек прибыл в Афганистан, чтобы участвовать в вооруженной борьбе против Англии. Осознав нереальность этих планов, Али Шах с группой индийцев из Кабула уехал в Советскую Россию, чтобы затем переправиться в Турцию. В Туркестане присоединился к частям Красной Армии и участвовал в боевых действиях против басмачей. Под влиянием агитации Мукерджи остался в г. Ташкенте для создания из индийцев военной группы. В 1920 г. участвовал в работе Первого съезда народов Востока в Баку. В 1920—1921 гг. курсант «Индусских командных курсов всех родов оружия» в Ташкенте. В этом же городе вступил в созданную М. Н. Роем Коммунистическую партию Индии (партбилет № 8). После закрытия военной школы уехал в Москву. Делегат III Конгресса Коминтерна. В ноябре 1921 г. по указанию М. Н. Роя прибыл в Индию для создания нелегальных каналов доставки коммунистической литературы (задание выполнил). В 1922 г. арестован британскими властями и сослан под надзор полиции в г. Мирут. В том же году был завербован британской разведкой. В июле 1922 г. приехал в г. Москву, откуда отбыл в Берлин для встречи с М. Н. Роем. В 1923 г. вернулся в СССР и был арестован за шпионаж в пользу британской разведки. Заключение отбывал в Соловецком лагере. В 1923 г. бежал. В 1924 г. вернулся в Индию. В 1924—1926 гг. в Иране работал механиком в авиакомпании «Юнкерс». В 1928 г. участвовал в организации отправки в СССР делегатов от компартии Индии на VI Конгресс Коминтерна. В июле 1928 г. в Москве явился в Исполком Коминтерна с повинной и был приговорен к 10 годам тюремного заключения. 23. 11. 1938 г. незадолго до освобождения умер от туберкулеза в Мариинской тюрьме. 21. 04. 1992 г. – реабилитирован // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 213. Д. 227; Центральный архив ФСБ. Д. Р. – 48991.

12. Имеются в виду листовки и брошюры, напечатанные на особо тонкой бумаге (папиросной, кальке и т. д.).

13. Вероятно, речь идет о У. Галлахере (1889—1965), активисте британской компартии. С 1921 г. член ЦК Коммунистической партии Великобритании (КПВ); с 1924 г. член ИККИ; с 1935 г. член Президиума ИККИ; в 1943—1956 гг. – председатель Исполкома КПВ; с 1956 г. – председатель КПВ.

14. Марфи – вероятно, английский коммунист; делегат Первого съезда народов Востока в Баку в 1920 г.; работал в Профинтерне.

ДОКУМЕНТ № 9

МЕМОРАНДУМ ДЖЕМАЛЬ-ПАШИ ЛЕНИНУ И ТРОЦКОМУ

I – ВАЖНОСТЬ ИНДИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ МИРОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Я убежден, что ключ к мировой революции находится в Индии. Я думаю, что отнять Индию у англичан, являющихся невыносимым бичом для всего мира, народов и даже [отдельных] личностей и отнимающих у них все вплоть до свободы действовать и мыслить вне того, что составляет сферу [британских] желаний и интересов, даст другим народам преимущества, для понимания которых не нужно быть большим дипломатом.

Отсечь Индию от тела Британской империи означало бы переломить ей хребет, и Англия, похожая на паралитика, была бы лишена возможности наносить вред другим народам.

Если, с другой стороны, мы рассмотрим это событие с точки зрения революционного мышления, мы увидим, что потеря Индии, которая служит жизненным источником для 30—40 миллионов жителей Великобритании, обрекает их на ужасный голод. Английское правительство, которое уже [сейчас] не знает, что предпринять, чтобы прокормить два

миллиона безработных, [почувствует] себя схваченным за горло и задушенным 10—12 миллионами безработных, которые к ним присоединятся, и человечество окажется, таким образом, освобожденным от одного из своих самых больших врагов, от этого зловещего правительства, беспощадного и бесспорного суверена империалистического и капиталистического мира.

Как следствие, для революционеров не может быть сейчас более значимого вопроса и долга, чем осуществление индийской революции[1]. Отказаться лишь на минуту от этого долга означало бы, возможно, совершить непоправимую ошибку.

II – ЗНАЧЕНИЕ АФГАНИСТАНА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ИНДИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Можно работать двумя различными способами над реализацией индийской революции:

А. Внутри Индии.

Б. Извне Индии.

А – Так как посол Суриц в докладе советскому правительству детальным образом описал работу, выполняемую в настоящий момент в Индии, ее сущность, ее организацию, ее мощь и агитационную деятельность индийских революционеров, я буду говорить в этом меморандуме о предстоящей работе за пределами Индии.

Б – Вне Индии Афганистан является [именно тем] центром деятельности, который необходим для осуществления индийской революции.

К тому же Афганистан представляет собой единственную и самую естественную из стратегических баз для любой военной операции против Индии, он также рассматривается как образующий единственную территории, где можно сконцентрировать всю работу по руководству и укреплению революционного движения в Индии.

Революционер, который имел бы [своей] целью осуществление такого события, как Индийская революция, имеющей значимость поворотного события в истории человечества, и который располагал бы всем необходимым, был бы абсолютно уверен в достижении своей цели. Было бы трудно найти на всей Земле более удобный уголок, чем Афганистан, чтобы работать [против британских властей] за пределами Индии.

III – АФГАНИСТАН: ДРУГ ИЛИ ВРАГ

Исходя из географической и политической ситуации Афганистана, для индийского революционера не может быть более значимого долга, чем достижение дружбы с этой страной. Дружба с Афганистаном может обеспечить индийскому революционеру любое содействие. Оно позволит создать пункты связи с Индией, чтобы оттуда вызывать нужных людей и туда переправлять средства для диверсий. Одним словом, оно поможет быстро осуществить [все] революционные действия [в Индии]. В то же время как враждебность Афганистана может парализовать любые действия индийского революционера и может возвести между ним и Индией непреодолимую китайскую стену. Как следствие, наша самая главная задача состоит в том, чтобы постоянно поддерживать дружбу с Афганистаном и прибегать к любым средствам для каждодневного ее укрепления. Я считаю, что не только неприязнь, но и нейтралитет Афганистана является враждебным для нас, так как нейтралитет Афганистана нам помешал бы распространить наше влияние среди приграничных [пуштунских] племен, которые являются душой вооруженной революции в Индии, и мы не смогли бы воспользоваться в борьбе этой важной поддержкой [пуштунов].

IV – ПРИГРАНИЧНЫЕ ПЛЕМЕНА

Страна, в основном известная под названием Ягистан и расположенная на границе между Афганистаном и Индией, населена очень храбрым и воинственным мусульманским народом, почти целиком афганского происхождения[2]. В течение многих лет он находится в состоянии войны с англичанами и благодаря этому смог сохранить некоторую независимость. На севере есть [племена] Читрала и в центре – Корума, принадлежащие к секте шиитов, которые являются друзьями и сторонниками англичан, в то время как все другие [племена] в полном смысле этого слова их враги.

Если в настоящий момент афридии и моманды спокойны, напротив, вазиры и масуды продолжают сражаться против англичан. Хаджи Абдул Разак, мусульманский ученый,

зрелый и необыкновенно умный, с исключительно твердым характером стоит во главе этого племени [масудов] и, несмотря на то что он оказался лишен всякого рода средств, использует любую возможность, чтобы атаковать английские конвои. Афридии, моманды и далее к Югу племена белуджей ждут только существенных [средств] и знака с нашей стороны, чтобы начать совместное выступление.

Нашим наиценнейшим средством для [осуществления] руководства вооруженным революционным движением на границах Индии являются люди этих племен. Не имея до сих пор никакой помощи с нашей стороны, их доверие к нам уменьшается с каждым днем, и они начинают задумываться о том, что готовит им будущее. Серьезно заняться этими приграничными племенами, которые могут в случае необходимости предоставить нам вооруженные революционные силы от 150 до 200 тысяч человек, является нашей особо важной задачей.

Я дал послу Сурицу копии разных писем, которые получил от Хажди Абдул Разака, и он должен был, естественно, передать их в Комиссариат иностранных дел. Из этих писем, а также писем, полученных от вождей племен африди и момандов, можно легко понять, что в день, когда я подам знак, они выступят [против Великобритании], при условии подготовки и поставки им необходимых средств. Эти средства, которые мы должны им выделить, заключаются лишь в деньгах, в патронах для английских ружей и в нескольких турецких офицерах. В приложении к этому меморандуму я упомянул сумму средств и количество патронов, которые им необходимы. Если учесть, насколько малозначительными являются эти требования, можно понять, что отказ от этой небольшой жертвы может послужить причиной глубоких сожалений в будущем. (Приложение А, страница 1.) [3].

Хажди Абдул Разак является одним из наших больших друзей, это один из самых влиятельных мулл Афганистана, который может вызывать чувство враждебности против англичан. Нельзя, чтобы мы потеряли этого человека, и надо предоставить ему вовремя все, что он просит. Перед моим отъездом из Кабула я ему сообщил, что привезу все, что он просит; я ему пообещал самым серьезным образом. Если бы я теперь вернулся с пустыми руками, я бы тем самым поставил его в очень трудное положение среди племен, и никто бы отныне не поверил бы моим словам. Нетрудно понять все то, что мы теряем при этом.

V – МЕРЫ, ПРИНЯТЫЕ АНГЛИЧАНАМИ ДЛЯ СОХРАНЕНИЯ ИНДИИ И СИТУАЦИИ В АФГАНИСТАНЕ

Чувство свободы, рожденное в Индии после мировой войны, в последнее время широко распространилось. Так как эти события прекрасно известны Комиссариату иностранных дел, я воздержался бы здесь говорить об этом. До сего времени англичане думали защищать Индию от нападений извне со стороны таких же империалистических правительств, как они сами, и не придавали никакого значения индийскому населению, привыкшему в течение веков жить в нищете и безразличии.

Утопив в крови в 1857 г. восстание в Пенджабе[4], англичане не сочли нужным принять других мер, кроме предназначенных помешать набегам племен северо-западной границы [Британской Индии].

В настоящее время ситуация полностью изменилась, и солнце «свараджа»[5], которое поднимается теперь в сердцах народа, считавшегося униженным и презренным, начинает слепить глаза англичан. Они пытаются внушить, что не придают никакого значения этому удивительным образом растущему движению и продолжают обдумывать меры, которые следует предпринять, чтобы отразить возможную атаку против Индии. Все английские военные специалисты считают, что это вторжение может иметь место лишь с Северо-Запада, и ратуют за укрепление этого участка [границы], чтобы сделать ее неприступной.

Говоря о Северо-Западе, они, естественно, подразумевают Афганистан. Англичане уверены, что Афганистан в его теперешнем состоянии не может и помышлять о нападении на Индию. Но было бы совсем иначе, если бы Афганистану, воспользовавшись реальной помощью Советской России, удалось бы в короткое время привести в порядок свои внутренние дела и организовать свою армию. И особенно, если бы приступили к организации вооруженных сил

в мусульманских странах Центральной Азии, находящихся на севере Афганистана и на юге Советской России, усилили бы тем самым армию Афганистана, которая могла бы тогда думать о [возможном] военном нападении на Индию, даже если бы революция и большие волнения не имели бы место внутри [этой] страны. Именно поэтому, чтобы предупредить такую большую опасность, Англия пытается прежде всего, уничтожить воинственный дух вышеупомянутых племен, чтобы они в будущем даже не могли шевельнуться. Затем она пытается достичь дружбы с Афганистаном, соглашаясь на разного рода жертвы.

Две основные причины мешают англичанам действовать с помощью силы и захватить Афганистан. Первой является возможность русской интервенции, а второй – опасность общего восстания в Индии.

Английской хитрости присуще заполучить с [помощью] дипломатии то, что не может быть получено силой. Именно с этой целью англичане хотят теперь прежде всего убедиться в дружбе Афганистана и прилагают все усилия для достижения этой цели.

Нужно отдавать себе отчет, что миссия Доббса[6], прибывшая в Кабул в январе 1921 г., не смогла до настоящего момента достичь какого-либо результата и продолжает дипломатические переговоры. Таким образом, в течение 10 месяцев английская миссия безрезультатно находится в Кабуле. Когда я говорю безрезультатно, не нужно думать, что эта миссия абсолютно ничего не сделала. Она ведет такие мощные интриги, что из-за пустяка Афганистан мог бы быть для нас потерян. Если бы я не был в прошлом году в Кабуле и своевременно с большой отвагой не сражался бы против интриг, которые англичане там вели, русско-афганский договор был бы разорван и Афганистан перешел бы на сторону наших врагов. Именно благодаря давлению, которое я смог оказать на эмира и различных афганских влиятельных лиц, а также благодаря моему личному влиянию мы имеем сегодня в руках русско-афганский договор и можем считать Афганистан нашим другом.

Однако это [произошло] не только благодаря моему личному влиянию, но и потому, что я объяснил Афганистану преимущества, которые ему принесла бы дружба России и которую мне удалось бы удерживать в своих руках, именно для этого я [хочу] привлечь Ваше внимание к тому, о чем настоятельно прошу в моем докладе по Афганистану. Найдите возможность рассмотреть эти предложения, внесенные Англией, [имеющие целью] оторвать от нас Афганистан. Вот эти предложения.

VI – ПОСЛЕДНИЕ АНГЛИЙСКИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ АФГАНИСТАНУ И ПРЕСЛЕДУМАЯ ПРИ ЭТОМ ЦЕЛЬ

На последних этапах переговоров в Кабуле миссия сделала следующие предложения правительству Афганистана:

– английских винтовок с боеприпасами;

– снаряжение, необходимое для формирования 20 артиллерийских батарей, включая горные, с боеприпасами;

– пулеметы, снаряжение и боеприпасы для формирования 20 пулеметных рот;

– 24 военных аэроплана;

– телеграфное и телефонное оборудование;

– ежегодные ассигнования в размере 4 миллионов индийских рупий (приблизительно 2 млн золотых рублей);

– выплата в течение 25 лет 40 миллионов рупий, обещанных во время всеобщей войны[7], чтобы обеспечить нейтралитет Афганистана (приблизительно 20 миллионов золотых рублей);

– всеобщая амнистия для приграничных племен, восставших против англичан. Возвращение этим [приграничным] областям довоенного статуса;

– разрешение Афганистану импортировать через Индию любое снаряжение.

За все эти материальные выгоды Афганистан должен был обязаться не ратифицировать русско-афганский договор[8], выслать русскую дипломатическую миссию, а также людей, действовавших против интересов Англии (речь шла именно обо мне), иметь с Россией

только торговые отношения, вести антисоветскую пропаганду среди населения Центральной Азии.

Мне удалось побудить отказаться от британских предложений, которые кажутся очень выгодными, такую бедную и лишенную всяких средств страну, как Афганистан, и я смог склонить его к ратификации афгано-русского договора, я смог доказать эмиру, что за этими блестящими предложениями скрывается цель привести в будущем к рабству как Афганистан, так и все народы Центральной Азии в целом; я добавил: «Я располагаю средствами, которые смогут обеспечить Афганистану одновременно как свободу и независимость, так и условия лучшие, чем те, которые Вам предлагают [англичане]».

Этим обещанием и последовавшим успехом мы – Советское правительство и я – взяли на себя ответственность действовать таким образом, чтобы Афганистан не был раздавлен англичанами. Как следствие, на нас лежит обязательство вытащить Афганистан из состояния немощи и слабости, в котором он сейчас пребывает. Это одновременно наш долг и наш интерес.

VII – АФГАНИСТАН СИЛЬНЫЙ ИЛИ СЛАБЫЙ

Это наш долг, так как мы заставили Афганистан отвергнуть значительный дар, казавшийся очень выгодным. Из-за нас он оказался в ситуации, всего его лишающей.

В наших интересах нам нужен скорее сильный Афганистан, чем слабый.

Используя любую возможность, Англия всегда может напасть на слабый Афганистан. В случае, когда она не захотела бы его атаковать, она, используя самые малые наши разногласия, могла бы ему сказать: «Видишь, в какое положение вовлекли тебя твои друзья. Веря их обещаниям, ты отверг все выгоды, которые тебе предлагали. Теперь я предлагаю тебе другое», сделав это, она оторвет от нас Афганистан, а мы все еще не будем в состоянии ответить тем же самым оружием на подобный маневр. В то время как сильный Афганистан будет всегда внушать уважение Англии и, когда он и мы будем считать это необходимым, он будет готов говорить в полный голос. Особенно в случае когда Афганистан будет обязан [нам] своей силой, он сможет удержаться от разного рода интриг, постоянно надеясь извлечь из нашей дружбы больше выгод.

Я могу уверить Вас со всей ответственностью, что нам нечего бояться организованного и усиленного нашими стараниями Афганистана, и пока нынешний эмир будет у власти, не следует ждать никакого предательства по отношению к людям, полезных его стране. Наша самая долговременная политика заключается в консолидации власти теперешнего эмира и не [следует] экономить на всякого рода помощи Афганистану.

VIII – МЕРЫ ПО УСИЛЕНИЮ АФГАНИСТАНА

Нет других мер для укрепления Афганистана, чем модернизация его внутреннего устройства, организация его армии и обеспечение его экономического прогресса. Сегодня можно утверждать, что [в Афганистане] начали работать над всеми этими тремя пунктами. Прежде всего Афганистан особенно нуждается в людях. Я же, используя все свои способности, работаю над тем, чтобы вызвать в Афганистан турецких и немецких специалистов. Я очень активно начал работать над реорганизацией армии. Фотографии, приложенные к этому меморандуму, продемонстрируют, что образцовый полк, созданный мною в качестве первого опыта, начинает давать очень осязаемые результаты[9]. Я хочу теперь создать из этого подразделения образцовую дивизию численностью от 15 до 20 тысяч человек, способных под моим руководством противостоять, в случае необходимости, любой [опасности].

К сожалению, Афганистан не располагает средствами, позволяющими экипировать и вооружить такой личный состав. Как следствие, абсолютно необходимо, чтобы снаряжение и материалы, указанные в приложении к этому докладу, были даны Афганистану и, таким образом, мое положение в этой стране будет также упрочено.

Необходимо вызвать для меня 64 турецких офицера, направляемых как для этой дивизии, так и для общей организации афганской армии и службы среди приграничных племен. В этом же самом приложении указаны суммы, которые я считаю необходимым ассигновать

этим офицерам, а также моему штабу. Таковы незначительные суммы, которые мне необходимы, чтобы сделать из Афганистана вечного друга и здесь активно работать. Если эта сумма мне будет предоставлена, то мы сможем прямо идти к нашей цели. Если эти средства нам не будут предоставлены, вы сможете убедиться в том, что Афганистан рано или поздно ускользнет от нас и мы будем в этом раскаиваться.

В случае, если предложения, которые я выдвигаю, в принципе принимаются, предлагаю собрать комиссию, состоящую из представителей от каждого из комиссариатов (по одному человеку) – военного и иностранных дел – и меня, чтобы это обсудить и окончательно определить детали.

IX – БУДУЩАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И НЕОБХОДИМОСТЬ ПОДГОТОВКИ К НЕЙ

Я полагаю, что мы [живем] в период подготовки новой мировой войны. Капиталистический и империалистический мир не может вынести существования Советской и Коммунистической России, которая является его самым грозным врагом. Он будет прибегать ко всевозможным средствам, чтобы ее уничтожить. Провал штурмов [с момента] появления Советской России их не обескуражил, а, напротив, смог увеличить их нервозность и научил необходимости действовать с большой осторожностью в этом огромном разрушительном деянии. В настоящий момент они работают над тем, чтобы дополнить свои мероприятия. Если не в этом году, то в следующем или через 3—5 лет, но наверняка не в очень отдаленном будущем, Советская и Коммунистическая Россия испытает сплоченную и планомерную атаку со стороны капиталистической и империалистической Антанты.

Как следствие, чтобы иметь возможность упорно сопротивляться этому натиску, вам необходимо найти сильных и надежных союзников, чьи интересы были бы едины и согласованы с вашими. Этими союзниками, вашими самыми естественными союзниками, являются самые обездоленные среди народов Вселенной, которых вы хотите спасти, которые более всего достойны уважения и человечности, – это народы Востока. Среди них турки Анатолии, которые в течение ряда лет храбро борются за их право на жизнь, занимают первое место. Правительство Анатолии является самым верным, самым искренним и самым естественным союзником Советской России и останется всегда таковым[10]. После него необходимо упомянуть Афганистан, а затем Бухару, Хиву, Фергану и Персию, Туркестан и Туркменистан, [которые] уже принадлежат к большой советской русской семье, а также республики Закавказья, которые [тоже] следует упомянуть. Если можно было бы найти возможность добавить к этим естественным союзникам Германию, которая из-за реванша, который она должна взять, и тяжелых выплат, которые она должна сделать, имеет интерес быть с нами, тогда можно было бы противопоставить союз Востока союзу Запада или, более точно, сформировать против группы тиранов группу угнетенных и избавителей. С могуществом, которое дает право, таким образом, дойти, возможно, до создание равновесие существующих сил.

В то время как Россия и Германия дают отпор мощным силам Антанты, народы Востока также выполнят свой долг и предпримут атаку на Индию – хребет Англии, являющейся наиболее упрямой из империалистических стран.

Я не буду здесь распространяться об основах, на которых возможно сближение и дружба между Германией и Россией. Тем более я не могу говорить о формах и способах, коими было бы уместно подготовить республики Закавказья к будущей мировой войне. Я выражу только лишь мое мнение относительно достижения подлинной дружбы с другими народами Востока и способа побудить их служить достижению нашей цели. Из объяснений, которые я уже дал, моя точка зрения на Афганистан известна, как следствие я закончу свой доклад, последовательно говоря о Бухаре, Хиве, Фергане, Туркестане и Туркменистане.

XI – БУХАРА И ХИВА

Наш долг направлять две маленькие советские мусульманские республики Бухару и Хиву в той мере, чтобы сохранить их независимость, признанную по их договорам с Россией после революции, приобщившей в прошлом году их к свободным нациям Азии[11]. Помогая им обеспечить их экономическую жизнь и прогресс, Советская Российская Республика сможет

извлечь из этого многочисленные выгоды, особенно в период будущей мировой войны. Она получит в их лице двух очень верных союзников, если создаст им армию. В настоящее время занятие некоторых районов Бухары красными частями, подчиненными Туркфронту[12], дает пищу для дискуссий о форме независимости Бухары. Каждый человек в Афганистане рассматривает присутствие русских войск в Бухаре как аргумент против независимости этого государства. Но наличие в восточной части Бухары басмаческого движения мешает Туркфронту вывести русские войска. Положить конец этой временной оккупации, которая является предметом толков, дающих почву для тысяч интриг наших врагов, является единственным средством вызвать высочайшее доверие и веру народов Центральной Азии к Советской России. Скорейшее освобождение Бухары, естественно, может произойти только после создания [бухарской] армии пока немногочисленной, но сильной и хорошо организованной.

В настоящее время в Бухаре есть несколько турецких офицеров, но они не обладают необходимыми способностями для организации армии. Как следствие, если бы сюда вызвали турецкого офицера Генерального штаба, очень способного и достойного доверия, с несколькими офицерами из разных родов войск, было бы возможно достичь намеченные цели в очень короткие сроки. Полная независимость Бухары может предоставить нам самые большие преимущества с точки зрения операций в Персии, о которых я скажу ниже.

Не считая вопрос о Хиве крайне важным в настоящий момент, мы можем им заняться после моего возвращения из Берлина.

XII – ФЕРГАНА

Так как я в своем докладе, отправленном из Кабула в декабре 1920 г., уже высказывал свое мнение об этом. Проблема Ферганы с точки зрения революции в Индии представляет собой самый важный и деликатный вопрос. Становится возможным заняться в горных районах Ферганы, простирающихся до Памира, различными операциями для революции в Индии. Но для этого нужно прежде всего найти общий язык с басмачами и достичь с ними дружбы.

При посредничестве офицера, которого я отправил к ним в прошлом году, я предложил курбаши[13] примириться с Советской Россией. Это предложение в принципе ими было принято. Во время моего проезда через Ташкент я обсуждал этот вопрос с товарищем Петерсом[14] и изложил ему свою точку зрения.

Не нужно забывать, что часть Ферганы, которая граничит с Памиром, является крайне важной оперативной зоной, которая позволяет совершать рейды в Индию со стороны Гильгита, Кашмира и Читрала[15] и установить контакты с местными правителями, а также [проводить] разного рода операции внутри Кашгарии[16].

Военные отряды, которые должны быть организованы из населения Ферганы, составят нашу основную ударную силу.

XIII – ТУРКЕСТАН И ТУРКМЕНИСТАН

Я поздравляю Советскую Россию с тем, что она в последнее время предпочла в Республике Туркестан политику, в значительной мере близкую к той политической форме, за которую я ратовал и которую советовал. Искренне и последовательно проводя нынешнюю политику, Россия добьется в сердце народов Республики Туркестан дружбы, растущей с каждым днем.

Единственную вещь, которую я теперь могу вам посоветовать: создать регулярную армию в Туркестане и работать над повышением интеллектуального уровня населения. Многое мне позволяет понять, что татарских офицеров[17] недостаточно для организации армии Туркестана. Я полагаю было бы целесообразным вызвать миссию турецких офицеров, которая находилась бы под руководством Туркфронта и действовала бы согласно его инструкциям.

Настоящий момент благоприятствует нам, чтобы начать организацию регулярных кавалерийских корпусов в Туркмении, и здравый смысл подсказывает не упустить эти возможности.

Для повышения интеллектуального уровня Туркестана надо, чтобы часть из 400 или 500 молодых туркестанцев могли получить бесплатное образование в Московском университете,

а часть их смогла бы поехать за государственный счет учиться в Германию. Многие молодые люди уже обращались ко мне по этому поводу. Я им посоветовал потерпеть, пообещав привлечь ваше внимание к этой теме. Кроме этого, несколько молодых людей, достойных всякого доверия, желают издавать журнал, который будет заниматься исключительно лингвистикой и литературой, и просят, чтобы им для этого предоставили типографию с достаточным количеством необходимого оборудования и бумаги. Я рассматриваю интеллектуальный прогресс в Туркестане как дело, к которому следует отнестись с благосклонностью.

XIV – ПЕРСИЯ

Вот вопрос, в котором я недостаточно компетентен, чтобы говорить о нем в деталях. Товарищ Гопнер, с которым я беседовал во время моего последнего пребывания в Ташкенте, говорил мне об этом с тревогой.

Но каким бы ни было состояние души народа Персии, каким бы испорченным придатком не была бы правительственная машина, своим географическим положением и своим именем, всегда фигурирующим среди независимых мусульманских наций, для нас является первостепенно важным, чтобы правительство [Персии] было бы на нашей стороне и чтобы нам было возможно использовать [персидские] недра, как мы это сочтем нужным. Как следствие абсолютно необходимо, чтобы мы сделали что-то для Персии. Но что, как, где??? Из этих трех вопросов я едва могу лишь ответить на третий. Нужно сделать из Бухары центр, откуда возможно было бы вблизи наблюдать и руководить делами в Персии. Создать в Бухаре Революционный комитет Персии и осуществлять давление на Хоросан, а затем позднее обосноваться прочно в Хоросане и попытаться урегулировать напрямую все дела.

Я считаю, что Энвер-паша[18] создан для того, чтобы осуществить этот план. Я ему направил телеграмму, чтобы он вернулся в Москву. Если он вернется на днях, станет возможным более детально и с большим интересом вникнуть в этот вопрос.

В любом случае, в будущей всеобщей войне Месопотамия станет одной из наших военных целей. Дорога, ведущая туда, проходит через Персию, и именно с этой точки зрения я придаю большое значение этой стране.

Я не хочу быть более многословным.

Если вы найдете, что мои предложения, касающиеся Бухары, Хивы, Туркестана, Ферганы и Персии, представляют для Вас интерес, Вы можете передать их в комиссию, создание которой я предложил в разделе VIII, и которая их изучит детально.

В качестве заключения хочу сказать, что, если вы считаете мою работу в Афганистане полезной с точки зрения [подготовки] будущей войны, надо, чтобы вы дали в мое распоряжение снаряжение, которое я прошу в приложениях. [...] Но, если вы не предоставите мне это снаряжение, моя деятельность в Афганистане не принесет никакой пользы и в конце концов Афганистан, отойдя от нас окончательно, перейдет на сторону англичан.

Я должен также со всей ясностью и откровенностью добавить, чтобы избежать всяких кривотолков, что все действия и контакты в Афганистане, касающиеся революции в Индии, должны осуществляться только при моем посредничестве, а не официальными представителями российского правительства. Эмир и афганское общественное мнение не потерпели бы вмешательства посольства и консульств [РСФСР], и рано или поздно русское правительство оказалось бы перед лицом энергичных протестов Англии.

Это условие представляет собой отправную точку всей нашей афганской политики.

Москва 18 октября 1921.

ПРИЛОЖЕНИЕ А

ПОМОЩЬ, КОТОРУЮ НУЖНО ОКАЗАТЬ ПРИГРАНИЧНЫМ ПЛЕМЕНАМ ПО ПРОСЬБЕ ХАДЖИ АБДУЛ РАЗАКА

Финансы

Ассигнуемая сумма не должна быть меньше 10 тысяч золотых рублей в месяц. Расходы на

информационное бюро и переводчиков включены в эту сумму.
Среди предметов, просимых мною для приграничных племен и Индии, вооружение и снаряжение должно быть доставлено непосредственно мне в [Афганистан] и будет распределено мною по договоренности с [советским] послом. Деньги должны быть отправлены лично послу и будут распределены при моем посредничестве после согласования с ним, расписки в получении [средств] будут переданы в посольство.
ПРИЛОЖЕНИЕ Б
СОСТАВ ОБРАЗЦОВОЙ ДИВИЗИИ, КОТОРАЯ ДОЛЖНА БЫТЬ СОЗДАНА В АФГАНИСТАНЕ
(Боевое расписание)

СОСТАВ ОБРАЗЦОВОЙ ДИВИЗИИ

СОСТАВ ОБРАЗЦОВОЙ ДИВИЗИИ (продолжение) МАТЕРИАЛЬНАЯ ЧАСТЬ
Оборудование для двух полевых госпиталей.
Материалы, необходимые для санитарной роты.
1 станция беспроволочного телеграфа.
Телефонное и телеграфное оборудование.
Взрывчатые вещества и динамитные шашки для инженерного батальона.
10 000 ручных гранат.
15 000 комплектов верхней одежды и обуви.
15 000 вещевых сумок.
30 000 комплектов нижнего белья.
15 000 переносных палаток.
10 000 кирок
5000 ручных лопаток
ЖАЛОВАНЬЕ ДЛЯ ТУРЕЦКИХ ОФИЦЕРОВ, ЧЬЕ ПРИБЫТИЕ ПРЕДПОЛАГАЕТСЯ ДЛЯ СОЗДАНИЯ ОБРАЗЦОВОЙ ДИВИЗИИ И ОРГАНИЗАЦИИ АФГАНСКОЙ АРМИИ

Расходы на мой главный штаб:

Состав моего штаба будет следующий:
Бедри-бей[19]
Исмет-бей[20]
1 офицер генштаба – турок
1 личный секретарь – турок
1 личный секретарь – русский
Специалисты и офицеры (русские, турецкие и индийские), необходимые для учреждения бюро.
Жалованье российским офицерам, специалистам и секретарям будет выплачиваться отдельно российским посольством.
Финансовая комиссия, состоящая из Бедри-бея, турецких и русских офицеров генштаба и моего личного русского секретаря, будет осуществлять выплаты турецким офицерам и вручать ежемесячно счета в обмен на расписки в посольстве России.
10 000 рублей, запрашиваемых для моей ставки, будут также распределяться комиссией, состоящей из Бедри– бея, Исмет-бея, а счета будут храниться у меня.
Я должен иметь полномочия вносить в жалованье турецких офицеров такие изменения,

которые я сочту необходимыми, т. е. я должен обладать правом увеличивать или уменьшать им [плату] при условии непревышения общих годовых расходов.

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Я хочу издавать в Кабуле военную и политическую газету. Я уже получил на это разрешение эмира. Газета будет еженедельно публиковаться и временно выходить в виде журнала на персидском языке и языке урду. Для этого я хотел бы иметь прежде всего технически совершенную типографию. Она должна печатать книги, карты, разного рода гравюры. Типография должна располагать турецким, персидским, урду и английским шрифтами. Большое количеством бумаги и типографской краски, предназначенных для печати газет и книг, должно прилагаться к типографии, а также высокого качества наборы для цинкографии, литографии и картографии в первую очередь.

Персонал необходимо набрать из турок, татар и туркестанских мусульман. Специалистами по цинкографии, литографии, картографии могут быть русские.

Годовая сумма заработной платы для [сотрудников] типографии и газет[21] должна быть выдана мне заранее, а расходы будут осуществляться вышеупомянутой финансовой комиссией, которая ежемесячно будет предоставлять квитанции [о них] в посольство.

Русские офицеры и служащие, которых ко мне прикомандируют, должны будут с железной дисциплиной выполнять мои приказы. Тех [из них], кого я сочту необходимым отправить назад, не должны ни под каким предлогом [иметь возможность] проживать в Кабуле или в Афганистане.

ОТНОШЕНИЯ

Я должен быть единственным посредником между посольством и индийскими революционерами, в составе образцовой дивизии и в моей ставке в Афганистане при Хадже Абдул Разаке или в приграничных племенах. Обсуждение всех этих дел может иметь место только между послом и мной, и, если возникнет необходимость, мы должны иметь возможность привлечь к нашим обсуждениям турецких офицеров генерального штаба и русских офицеров моей ставки или же моих личных турецких и русских секретарей, или же первых лиц посольства, присутствия которых желал бы посол. Решения, которые мы выработаем, будут незамедлительно приняты мною к исполнению. Подводя итог, я хочу сказать, что все эти действия в Афганистане, касающиеся индийской революции, вооружения, волнений приграничных племен, будут осуществляться исключительно мною. Посольство не должно вмешиваться в эти дела своими особыми способами, а должно всегда пользоваться моим посредничеством. Естественно, я не имею никакого права вмешиваться в отношения между посольством и афганским правительством. Если посол захочет прибегнуть к моему мнению, я всегда готов удовлетворить его желания.

Необходимо, чтобы для продолжения контактов, которые я установлю в Москве, был назначен влиятельный сотрудник Комиссариата иностранных дел, а также для того, чтобы информировать меня о принятых решениях и передавать предназначенные мне сообщения. Со своей стороны я также назначу кого-нибудь для работы с этим сотрудником.

Такое же лицо должно быть назначено в Ташкент, и для этого я предлагаю товарища Петерса. Мною к нему также будет назначен турецкий офицер.

Если это в принципе принимается, я предлагаю создать комиссию, состоящую из представителей Комиссариата иностранных дел, товарища Склянского[22] из Военного комиссариата и меня, чтобы уточнить детали.

A. Dj.

РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 3. Д. 577. Л. 25—44. Подлинник. Перевод с французского. Машинописный текст. Подпись – автограф.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Так в документе. В «Меморандуме» в ряде мест словосочетание «индийская революция» написано с заглавной буквы.

2. Речь идет о полосе «независимых» пуштунских (афганских, патанских) племен Британской Индии.

3. Текст в скобках приписан от руки Джемаль-пашой.
4. Речь идет о народном освободительном восстании (сипайском) 1857—1859 гг. в Индии.
5. «Сварадж» (свое правление) – лозунг партии Индийский национальный конгресс (ИНК) в борьбе за независимость Индии. В программе ИНК «сварадж» трактовался как предоставление Индии самоуправления, существовавшего «в Англии и в самоуправляющихся странах Британской империи».
6. Генри Доббс – британский дипломат, прибывший в 1921 г. в Кабул с целью заключения окончательного англо-афганского мирного договора, который был заключен в ноябре 1921 г.
7. Первой мировой войны 1914—1918 гг.
8. Первый советско-афганский договор был подписан в Кабуле 13 сентября 1920 г.
9. Указанные фотографии автором этой публикации в центральных российских архивах не обнаружены.
10. Речь идет о национальном турецком правительстве во главе с Кемалем Ататюрком, который в 1920—1922 гг. возглавил вооруженную борьбу турецкого народа против стран Антанты за независимость и территориальную целостность Турции // Миллер А. Ф. Краткая история Турции. М., 1948. С. 177—186.
11. В январе и сентябре 1920 г. в Хиве, а затем в Бухаре с помощью частей Красной Армии были совершены военные перевороты («революции») и созданы: в Хиве – Хорезмская народная советская республика, в Бухаре – Бухарская народная советская республика.
12. Туркфронт – Туркестанский фронт, существовавший с 1919 по 1926 г.
13. Командиры басмаческих отрядов.
14. Петерс Яков Христофорович (1886—1938) – советский партийный и государственный деятель. В 1920– 1922 гг. был членом Туркестанского бюро ЦК РКП(б) и полномочным представителем ВЧК в Туркестане.
15. Перечислены северные районы Британской Индии, куда вели пути из Памира и Афганистана.
16. Кашгария – В 17. В годы Гражданской войны советские государственные и армейские структуры в большом количестве направляли служить в Туркестан татар и башкир, которые были более, чем славяне, немцы, евреи и т. д., подготовлены к работе в «восточных» условиях.
18. Энвер-паша (1881—1922) – видный турецкий политический и военный деятель. Один из руководителей партии «Единение и прогресс». В годы Первой мировой войны военный министр Османской империи. В 1918 г. бежал в Германию. В 1920 г. прибыл в Советскую Россию. Большевистское руководство хотело использовать Энвера для «антиимпериалистической» пропаганды среди народов Востока. В конце 1921 г. возглавил басмаческое движение в Восточной Бухаре. Убит в бою с частями Красной Армии.
19. Бедри-бей – доверенное лицо Джемаль-паши, при котором он фактически был начальником штаба и личным представителем в Москве и Ташкенте.
20. Исмет-бей – адъютант Джемаль-паши.
21. В документе во множественном числе.
22. Склянский Эфраим Маркович (1892—1925) – советский партийный, государственный и военный деятель. С 9.11.1917 г. член Совета Народных Комиссаров по военным и морским делам. С 6 декабря 1917 г. – заместитель наркома по военным делам. С 19 марта 1918 г. входил в состав Высшего военного совета. В октябре 1918 – марте 1924 г. – заместитель председателя РВСР, член Совета рабочей и крестьянской обороны.

ДОКУМЕНТ № 10

ОБРАЗЕЦ ПОДПИСКИ СОТРУДНИКА ТУРКБЮРО КОМИНТЕРНА О НЕРАЗГЛАШЕНИИ СЛУЖЕБНОЙ ТАЙНЫ

Нижеподписавшийся сотрудник Туркбюро Коминтерна _____ дает настоящую подписку в том, что обязуется беспрекословно сохранить тайну существования Туркбюро Коминтерна и не оглашать ни под каким видом угрозы известную мне работу его; не раскрывать организации и сотрудников, имеющих связь с последним, даже самым близким

мне лицам. В случае нарушения данной подписки, хотя бы и без корыстных намерений, я признаю себя виновным и подлежу, как за нарушения тайны международного значения, высшей меры наказания – расстрелу, в чем и подписываюсь.

1. 12. 1921 г.

РГАСПИ. Ф. 544. Оп. 4. Д. 63. Л. 15. Машинописный текст.

ДОКУМЕНТ № 11

ПИСЬМО Н. М. ГОЛЬДБЕРГА[1] В ВОСТОЧНЫЙ ОТДЕЛ ИККИ. 9. 06. 1922 г. [2]

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ТУРКЕСТАНСКОЕ БЮРО
КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА
УПРАВЛЯЮЩИЙ ДЕЛАМИ

Ташкент, 1922 года 9 июля

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

Уважаемый товарищ,

Сегодня, 9. VII. Получил Вашу телеграмму о присылке денег на содержание индусов и о валюте т. Раскольникова. Пока что ни того, ни другого не получено. Между тем обстоятельства изменились, и крайне необходимо в самом срочном порядке получить средства, дабы воспользоваться благоприятными условиями, создавшимися для отправки индусов.

Моей сегодняшней... запиской через штаб Туркфронта Вы уже поставлены в известность о том, что экспедиционный Памиротряд, ежегодно отправляющийся на Памиры, уходит из г. Ош (Фергана) 28 июля.

К этому времени в Ош прибудут индусы и совместно со следующей с отрядом миссией полпред[ставительства] НКИД (т. Пумпур[3]) отправятся дальше через Памирский пост к укреплению Хорог. Не доезжая последнего (в три партии с промежутками в две недели), будут направлены с агентом т. Пумпура через узкий Вахан на Индтерриторию, а далее последуют уже одни, через Гильгит, к желдороге. За ними негласно будет установлена слежка, дабы удостовериться, что они действительно беспрепятственно достигли желдороги. Т. Пумпур гарантирует безопасный проезд по Вахану в пределы Индии и, кроме того, снабжает всех англопропусками, выдающимися на право выезда из Индии в сопредельные страны и возвращения обратно. Таким образом, индусы объективно поставлены в сравнительно хорошие условия, и можно надеяться, что они благополучно прибудут на родину.

О валюте. В нашем распоряжении имеется 750 руб. (разн [ых] монетн[ых] сист[ем]) НКИД имеет для нас 1500 руб. От т. Раскольникова пока еще ничего не прибыло.

Советдензнаков буквально ни рубля. Перебиваемся мелкими займами и продажей имущества. Денег на рынке, тем более в учреждениях, совершенно нет.

Для отправки индусов, по самому скромному расчету, необходимо на одного человека 325 руб. (расходы на содержание в пути, прокорм лошадей, теплая одежда для горных перевалов, билет на желдорогу, срок всего путешествия полтора месяца). В эту сумму, кроме того, включены 50 руб. для проживания на первое время по прибытию (в Индию. – Ю. Т.). В общем, на десять человек требуется 3250 руб., из которых я имею, как сообщалось выше, 2250 руб. Если Вы не пришлете недостающие 1000 руб. (лучше 1500), то может произойти неожиданная задержка, могущая стать фатальной в виду кратковременной проходимости указанного мной пути.

Что касается совдензнаков, то мне необходимо по меньшей мере 750 000 000, дабы расплатиться с долгами, содержать индусов до их отъезда, снабдить их всем необходимым до Оша и выдать задержанное мною жалованье оставшимся сотрудникам.

Ответ на это письмо пошлите боевой запиской, так как Ваши депеши приходят на 12-й день. Сообщите, прибыл ли Магер[4] с коврами.

Здесь находится индус Абдул Каюм[5], каким-то образом попавший из кремлевской военшколы в распоряжение местного УВУЗа[6]. Он, вероятно, получит назначение в одну из

пехотных частей, нестоящих на фронте. Недавно он выразил желание ехать в Индию. Посылать его я не намерен, так как его приезд произошел без ведения Коминтерна. Если найдете нужным, могу присоединить его к партии. Парень этот, по-видимому, жуликоватый; с ним жена, русская, которую он в случае отъезда оставляет на произвол судьбы.

Уважаемый товарищ, сегодня же я получил письмо из Востбухары от нашего бывшего сотрудника т. Гарфункеля[7]. Его положение весьма серьезное, так как он вновь заболел тропической малярией. Он был бы весьма ценным работником в ИККИ и, если бы Вы могли его вызвать через ЦК или ПУР[8], то не только избавили бы его от крайне тяжкой болезни, но приобрели бы безусловно хорошего помощника в работе. Адрес его. Востбухара, Дербент, Выездная сессия РВТ[9], т. Гарфункелю.

Что касается меня, то выеду три недели спустя после отправки индусов.

С товарищеским приветом, Н. Гольдберг

РГАСПИ. Ф. 544. Оп. 4. Д. 8. Л. 139—139 (об). Машинописный текст. Подпись – автограф.

Примечания

1. Гольдберг Николай Максимович (1891—1961) – родился в Москве в еврейской купеческой семье (II гильдии). Окончил реальное училище, а затем уехал изучать филологию в Лозаннский университет. Через год перевелся в МГУ. В 1910—1911 гг. был моряком: посетил Бразилию, Аргентину, Уругвай, Испанию, Ирландию, Англию, Францию. В 1911—1913 гг. учился на филфаке Гайдельбергского университета. В 1913 г. поступил в Петровскую (Тимирязевскую) сельскохозяйственную академию. 1914 г. – в Туркестане изучал хлопководство. 1916—1918 гг. – рядовой вольноопределяющийся 52-й дивизии III Кавказского корпуса. В марте 1918 г. демобилизован и вернулся в г. Москву. Осенью 1918 г. поступил на службу в НКИД, где был переводчиком и техническим секретарем. Май 1919 г. – сотрудник НКИД Украины: редактор секретных бюллетеней. В августе 1919 г. эвакуировался из Киева в Москву, откуда командирован в Уфу и Самару. По приказу М. Фрунзе отправлен в г. Ташкент в Отдел внешних сношений. Май 1920 г. – зам. уполномоченного НКИД в Закаспийской области. Июнь 1920 г. – служебная командировка в Иран. В конце 1920 г. перешел на работу в Туркбюро КИ: курировал компартии Бухары и Индии. Между М. Н Роем и ним установились дружеские отношения. Июль – октябрь 1920 г. в ИККИ работал переводчиком. Октябрь 1920– сентябрь 1922 г. – один из руководящих сотрудников Туркбюро КИ: зав. Информационным отделом. 1922– 1925 гг. – работал в Восточном отделе ИККИ. 1926– 1927 гг. – корреспондент ТАСС в Турции. С ноября 1927 по май 1928 г. – редактор в Спортинтерне. С мая 1928 г. – сотрудник в Редиздате ИККИ // РГАСПИ. Ф. 495. Д. 65а. Д. 669.

2. Письмо написано на типовом бланке Туркбюро КИ.

3. Точные биографические данные об этом человеке автору неизвестны.

4. То же самое.

5. Абдул Каюм (1898—?) – пуштун. Родился в г. Пешаваре в семье офицера. В 1917 г. закончил колледж в г. Лахоре. 1918 г. – служил в британской армии. 1919 г. – закончил Институт железнодорожных инспекторов. 1920 г. активно ключился в халифатское движение и бежал на «независимую» полосу СЗПП Индии. В июле 1920 г. через Афганистан с партией халифатистов прибыл в г. Термез. В декабре 1920 г. вступил в Красную Армию и был направлен на командные курсы в г. Москву. Воевал на польском фронте. Февраль 1921 г. – отправлен в г. Ташкент в распоряжение «индийского революционного комитета». В том же году вступил в индийскую компартию, созданную в г. Ташкенте М. Н. Роем (билет № 1). Уполномоченный Особого разведывательного отдела по Бухаре. 1921 г. – вышел из компартии. Сентябрь 1921 г. – из Ташкента отправлен в распоряжение Коминтерна в г. Москву, где 4 месяца проучился в КУТВе. Учебу прервал, так как его готовили к переброске в Индию. Гольдбергом был оставлен в Туркестане. В 1922 г. – в г. Ташкенте с отличием закончил Коммунистическую школу и был направлен на работу в разведку. Вскоре переведен на службу в Тверскую стрелковую дивизию. 1923 г. – откомандирован в Бухару. Все это время продолжал работу в разведке. 1924 г. – окончил Военно-политическую школу.

В 1924—1925 гг. – завершил учебу в КУТВе. 1925—1929 гг. – сотрудник Полномочного представительства ОГПУ в Средней Азии.
6. УВУЗ —?
7. О Гарфункеле биографических данных у автора нет.
8. ПУР – Политическое управление Реввоенсовета.
9. ВРТ – Военно-революционный трибунал (?).

ДОКУМЕНТ № 12

ТЕЛЕГРАММА ЗАВЕДУЮЩЕГО ВОСТОЧНЫМ ОТДЕЛОМ ИККИ Г. И. САФАРОВА И СЕКРЕТАРЯ ЭТОГО ЖЕ ОТДЕЛА А. Ю. ТИВЕЛЯ[1]

Шифр
Ташкент
Средазбюро ЦК РКП(б) т. Гусеву [2]
17/7. Копия тов. Гольдбергу

Прошу отправить индийских курсантов по проекту Гольдберга в его письме в Востотдел ИККИ от 9 июля. Сегодня посылаем для этой цели 400 миллионов рублей советскими [дензнаками]. Дополнительной валюты к той сумме, которая имеется для отправки индийцев, выслать не можем. Имеем сведения, что Раскольников деньги выслал. Сегодня запросил НКИД. В крайнем случае, отправьте лучшую часть курсантов. После отправки Гольдберга откомандировать в Востокотдел ИККИ №239 (4627). Сафаров. Тивель.

Дешифровала А. Глаголева.

РГАСПИ. Ф. 544. Оп. 4. Д. 8. Л. 145. Машинописный текст.

Примечания

1. Тивель Александр Юльевич (1889—?) – родился в г. Баку в еврейской буржуазной семье. 1915—1918 гг. член молодежной сионистской организации. После октября 1917 г. – сотрудник НКИД. 1919 (?) – 1921 гг. секретарь Туркбюро КИ. 27. 09. 1921 г. командирован Туркбюро в распоряжение ИККИ. 1921—1922 гг. – секретарь Восточного отдела КИ. 1922—1923 гг. – зав. секретариатом Г. Е. Зиновьева. 1923—1924 гг. секретарь редакции «Коммунистический Интернационал». 1924—1925 гг. – помощник секретаря К. Б. Радека. Май 1925 г. – уволился из ИККИ «по собственному желанию»: работал на заводе «АМО». Октябрь 1925 г. – зав. Иностранным отделом. 1926 г. – секретная заграничная командировка. В этом же году принят в члены ВКП(б). 1926—1930 гг. – сотрудник Секретного отдела ЦК ВКП (б). 1927—1928 гг. – сотрудник журнала «Революционный Восток» (по совместительству). 1932 г. – сотрудник Особого отдела ЦК ВКП (б). 1934—1935 гг. – доцент МЛШ.

2. Гусев Сергей Иванович (Драбкин Яков Давыдович) (1874—1933) – в январе 1921 г. – январе 1922 г. – начальник ПУР, председатель Туркбюро ЦК РКП(б). В феврале 1922 г. – апреле 1924 г. – член РВС Туркестанского фронта.

ДОКУМЕНТ № 13

КОПИЯ ПИСЬМА Н. М. ГОЛЬДБЕРГА КОМАНДОВАНИЮ ПАМИРСКОГО ОТРЯДА О НЕЛЕГАЛЬНОЙ ПЕРЕБРОСКЕ «ИНДУСОВ» НА РОДИНУ

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО.
УНИЧТОЖИТЬ ПО ОЗНАКОМЛЕНИИ.
УВАЖАЕМЫЙ ТОВАРИЩ,

Согласно распоряжению Исполкома Коммунистического Интернационала мною в Памиротряд посланы для дальнейшего следования в Индию 10 индусов (из них 8 коммунистов) с документами Представительства НКИД в Средней Азии, в которых лишь кратко указано, что означенные лица возвращаются к себе на родину. Ввиду того, что необходимо обеспечить этим 10 т.т. возможную безопасность и максимум конспирации, Вам, на основании переговоров с Реввоенсоветом Туркфронта, поручено руководить этой переправой, передав техническое ее выполнение комиссару Памиротряда. Мною, одновременно с этим письмом, посылается в Регистрпункт на Памирах письмо от памирского уполномоченного Представительства НКИД тов. Пумпура. Оно должно дать

исчерпывающие указания в смысле нахождения и подбора проводников. Цель настоящих строк – сообщить Вам наиболее важные соображения и указания относительно индийской группы, с которой будет иметь непосредственную связь комиссар отряда.

Эта группа сама по себе не вполне однородна. Ввиду этого надлежит перед самой отправкой через границу разделить ее на части, причем совершенно необходимо первым послать т. Абдул Маджида[1] и его трех товарищей, которых он укажет комиссару. Этих 4 т. т., и по возможности всех вместе, нужно отправить в первую голову, потому что они являются наиболее сознательными в революционном отношении. Это условие ни в коем случае не должно быть нарушено и, если бы пришлось отправлять их по двое, так все же, чтобы, в конечном счете, эти 4 т. т. были отправлены раньше других. Разумеется, что остальные не должны и подозревать о предпочтении, оказываемом группе Абдул Маджида.

Этих остальных 6 т. т. после отправки группы Абдул Маджида по истечении известного срока, который определите по [Вашему] усмотрению, комиссар должен отправить в наиболее подходящем для него порядке.

Относительно технической стороны переправы не откажите передать комиссару следующее:

Всех индийцев надлежит проводить ЧЕРЕЗ ВАХАН В САМЫЕ ПРЕДЕЛЫ ИНДТЕРРИТОРИИ ДО ПЕРВОГО НАСЕЛЕННОГО ПУНКТА, проверив затем, действительно ли выполнена задача, возложенная на агентов по переправе. Об исполнении задания необходимо сообщить помимо Вас еще копиями Уполномоченному в Средней Азии НКИД тов. Леграну[2] и в Москву в Исполком Коминтерна в Восточный отдел.

На Хороге или там, где поместят индусов в ожидании постепенной переправки, необходимо найти им такое местопребывание, которое бы вполне гарантировало секретность их присутствия, особенно от пограничных афганских властей.

Относительно денежных сумм и валюты, присланных для отправки и передачи индусам, на имя комиссара отряда имеется особая инструкция от Представительства НКИД, через посредство которого переводятся эти деньги.

В случае маловероятных, но все же допустимых недоразумений среди индусов рекомендую советоваться с Абдул Маджидом, который всегда сможет дать нужные справки.

С товарищеским приветом,

Вридответсекретаря

б. Полпредставительства

ИККИ в Средней Азии Николай Гольдберг

Ташкент 4-го августа.

РГАСПИ. Ф. 544. Оп. 4. Д. 15. Л. 1—2. Машинописная копия. Подпись – автограф.

Примечания

1. Абдул Маджид (1899 (1896?)—?) – родился в Пенджабе. Сын торговца. В годы Первой мировой войны вел антибританскую агитацию среди приграничных пуштунских племен, связь с которыми поддерживал из Кабула. В 1920 г. прибыл из Афганистана в г. Ташкент по поручению «Временного правительства Индии». Один из лидеров индийской группы при Интерпропе. 1921 г. – в Ташкенте вступил в компартию Индии (билет № 16). В 1921—1922 гг. учился в КУТВ. В сентябре 1922 г. «отбыл» в Индию, но был арестован англичанами. 1926 г. – вступил в новую компартию Индии (КПИ). В 1929 г. на Мирутском процессе за коммунистическую деятельность осужден на 4,5 года тюрьмы. В 1934 г. его предполагалось ввести в состав ЦК КПИ // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 213. Д. 230; РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 68. Д. 11. Л. 24

2. Легран Борис Васильевич (1884—1936) – представитель НКИД в Туркестане до ноября 1922 г.

ДОКУМЕНТ № 14

СМЕТА РАСХОДОВ, СОСТАВЛЕННАЯ Н. М. ГОЛЬДБЕРГОМ, ДЛЯ ОТПРАВКИ ПЕРВОЙ ГРУППЫ ИНДИЙСКИХ КОММУНИСТОВ ИЗ ТАШКЕНТА НА РОДИНУ

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО.

СМЕТА

на отправку десяти индусов на родину в Индию (в Калькутту)
В соврублях до границы:

В афганских рупиях от границы:

РГАСПИ. Ф. 544. Оп. 4. Д. 15. Л. 1—2. Заверенная машинописная копия. Подпись – автограф (неразборчив). Скреплена круглой печатью Представительства НКИД в Средней Азии.

Примечания

1. Скобелев – ныне киргизский г. Фергана.

2. В Афганистане в начале XX в. национальная валюта называлась кабульской рупией. После денежной реформы 1924—1926 гг. старые рупии были изъяты из обращения и введена новая денежная единица – афгани.

ДОКУМЕНТ № 15

ПРОТОКОЛ ЗАСЕДАНИЯ КОМИССИИ ИНСТАНЦИИ ПО ВОПРОСАМ АФГАНИСТАНА. 2. 09. 1927 г.

(Утверждено Политбюро ЦК ВКП(б) 15. 09. 1927 г.)

Приложение № 2

К п[ункту] 7 пр[отокола] ПБ №124.

1. На основании договора 1921 г. 28 февраля ст. 10 и двух приложений к нему СССР обязался представить Афганистану следующую помощь:

а) ежегодно безвозмездное пособие в размере одного миллиона рублей золотом или серебром в чеканке или слитках;

б) оборудование телеграфной линии Кушка – Герат – Кандагар – Кабул;

в) СССР выражает готовность командировать в распоряжение Афганпра технических и других специалистов;

г) двенадцать аэропланов и школу авиации;

д) две батареи зенитных орудий (8 орудий);

е) пять тысяч пятизарядных винтовок с необходимым запасом патронов;

ж) завод для изготовления бездымного пороха.

2. Всего к осени 1927 г. следовало передать в счет безвозмездного пособия шесть миллионов рублей.

3. К 1 сентября 1927 г., на основании договора, Афганпра передано в счет субсидии:

а) валютой.....1. 250. 000 р.

б) артимущества (постановл[ение]
инстанции от 20. 03. 25 г.).....750. 000 р.

в) артимущества во время хостинского
восстания (пост[новление] инстанции
от 24. 09. 25 г.).....607. 378 р. 75 к.

г) недополучение за переданные
в разное время запасные части
авиации.....59. 424 р. 84 к.

Всего передано в счет субсидии.....2. 666. 803 р. 59 к.

Из имущества передано 8 самолетов, 6 зенитных орудий и пять тысяч винтовок с необходимым запасом патронов. Заканчивается оборудование телеграфной линии Кушка – Кабул.

4. За вычетом переданных в счет субсидии 2. 666. 803 р. 84 к. остается к осени 1927 г. передать еще 3. 333. 196 р. 41 к. Кроме того, необходимо передать четыре самолета и два зенитных орудия на сумму 420. 000 руб., оборудовать завод для изготовления бездымного пороха и авиашколу.

5. Решением инстанции от 10-го марта 1927 г. признано необходимым отпустить Афганпра оружия на четыре млн рублей в два срока. На два млн в начале года и на остальные два – в конце текущего года. Из этих четырех млн рублей на три миллиона должно быть передано в счет субсидии, а миллион должно уплатить Афганпра. Выдача оружия обусловлена подписанием гарантийного договора. О передаче оружия ведутся переговоры, причем афганцам сообщено, что в счет субсидии будет дано оружия только на 2. 150. 000 рублей.

После передачи оружия на указанную сумму к январю 1928 г. задолженность (в счет субсидии) СССР, на основании договора 1921 г., составит 1. 183. 196 р. 41 к. плюс недоданные 2 зенитки, 4 самолета и обязательство построить пороховой завод и создать авиашколу.

6. Ввиду того что намеченные Комиссией инстанции от 24. 09. 1925 г. мероприятия финансово-экономического характера, подтвержденные постановлением инстанции от 10. 03. 27 г. в отношении усиления нашего влияния в Афганистане, не выполнены, а именно: а) торговый договор и таможенное соглашение не заключены; б) смешанные общества не созданы; в) афганский национальный банк и транспортно-экспортное смешанное общество не организованы, Комиссия считает необходимым безотлагательно приступить к выполнению всех указанных мероприятий финансово-экономического характера.

Для проведения всего этого Комиссия считает необходимым произвести известную затрату денежных ресурсов в 1927/1928 бюджетном году. Точный размер необходимых ассигнований установлен особой комиссией инстанции.

7. Поручить тов. Карахану использовать соглашение о выдаче на 4. 300. 000 руб. имущества для давления при переговорах по экономическим вопросам.

8.

а) считать необходимым выдать обусловленные договором 1921 г. 4 самолета и 2 зенитных орудия;

б) НКФ ассигновать Военведу на восстановление указанного имущества в первой половине 1927/1928 бюджетного года 420. 000 рублей.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 5. Л. 104—106. Заверенная машинописная копия.

ДОКУМЕНТ № 16

ИЗ ПРОТОКОЛА № 69 ЗАСЕДАНИЯ ПОЛИТБЮРОЦК ВКП(б) от 21. 03. 1929 г.РЕШЕНИЕ ПОЛИТБЮРО от 20. 03. 1929 г.

31. Об Афганистане.

1. Предложение Ворошилова принять.

2. Отряд на Мазари-Шариф должен фигурировать как афганский отряд такого-то хана.

3. Помощь оружием на Кандагар через Герат обещать, но потребовать как предварительное условие военное укрепление Герата.

4. Разрешить Старку ввиду болезни выехать в Россию, поручив Риксу заменить его.

5. Потребовать эквивалент за оружие в виде хлопка, шерсти, ценностей, кожи.

Выписка послана: Ворошилову

Секретарь ЦК И. Сталин

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 7. Л. 53. На правах подлинника. Подпись – факсимиле. Круглая печать ЦК ВКП(б). Машинописный текст.

ДОКУМЕНТ № 17

РЕШЕНИЕ ПОЛИТБЮРО ЦК ВКП(б) от 7. 05. 1929 г.

Об Афганистане.

1. Дать в печать ряд сообщений о том, что банды Ибрагим-бека проникли на территорию СССР и грабят население.

2. Дать в печать сообщение о том, что банды таких-то «вождей» лишили воды Мазар, запрудив реку, ввиду чего Наби-хан бомбардировал банды и их расположение с аэроплана, а также о том, что у банд имеются английские винтовки.

3. Продать аэропланы афганцам за наличные. Дать аэропланам афганские наименования и сделать соответствующие надписи на них. Немедля начать обучение афганцев летному делу

с тем, чтобы через месяц наших летчиков могли заменить афганские.
4. Устроить так, чтобы не было больше на телеграммах по радио русских подписей (Дыбенко, Ворошилов, Сокольский и т. п.), а были бы лишь соответствующие афганские или турецкие имена (Асан, Ибрагим, Садык и т. д.).
5. Дать воззвание от имени Гулям Садыка или Аманулллы об исламе, независимости, борьбе с агентами Англии, развитии торговли, снятии (временно) налогов с крестьян и т. п. и разбросать его с аэроплана, а потом опубликовать его.
6. Вейзагера отозвать.
7. Послать информаторов к Надир-хану и Аманулле.
8. Отряд в 500 человек отозвать немедля по взятии Дейдади.
9. Наших войск в Герат не посылать, поручив Ворошилову обдумать вопрос о Герате.
10. Наблюдение за исполнением этих решений возложить на тов. Ворошилова.
Секретарь ЦК И.Сталин
РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 7. Л. 77—78. На правах подлинника. Подпись – факсимиле. Круглая печать ЦК ВКП(б). Машинописный текст.

ДОКУМЕНТ № 18
ВЫПИСКА ИЗ ПИСЬМА Л. Н. СТАРКА НА ИМЯ В. И. СОЛОВЬЕВА
31. 12. 1928 г.
СОВ. СЕКРЕТНО
[...] Положение у нас, в общем, весьма неважное. Основное Вы знаете их моих телеграмм. По-прежнему трудно сказать, удержится ли Аманулла у власти или нет. Напор очень силен и, возможно, еще более усилится. В ближайшие дни должны начаться новые бои за Кабул. Обе стороны готовятся и подтягивают силы.
Очень может быть, что предстоящие бои решат судьбу Кабула в отрицательную сторону. Правительственные войска очень ненадежны. К Баче-и-Сакау подходят подкрепления из Тагао и Лагмана. Кроме того, им установлен контакт с джелалабадскими повстанцами. В случае падения Кабула будем отходить на Кандагар, если только это окажется возможным.
Мне представляется, что падение Кабула может явиться началом распада современного афганского государства. Если Аманулла должен будет эвакуироваться в Кандагар, то в Кабуле будет создано новое правительство. В таком случае часть провинций будет на стороне Аманулллы, а часть на стороне нового правительства или новых правительств, так как их может быть несколько. Отдельные, хотя пока и неясные, признаки этого уже имеются. Кугистан уже признал власть Баче-и-Сакау[1]. Восточная и Южная провинция его не признают. Идет много разговоров о том, что они предложат (а по некоторым сведениям, уже предложили) принять власть Али Ахмед-хану, который как раз сейчас ведет переговоры в Джелалабаде. Он пользуется, кстати сказать, весьма большой популярностью среди племен этих провинций, особенно Восточной. В данный момент он на это не пойдет, но, если власть Аманулллы в Кабуле будет ликвидирована, это весьма вероятно.
В общем, мне начинает представляться, что англичане ведут линию на распад Афганистана. Эта линия начинает, мне кажется, выявляться со все большей и большей реальностью. Здесь может быть такое возражение: вовсе не в интересах англичан подчинить себе южный Афганистан (притом в раздробленном состоянии), оставляя «на произвол судьбы» северный Афганистан. В их интересах создание в Кабуле англофильского правительства с послушным себе главой государства, причем Афганистан должен сохранить свои нынешние границы. Это, конечно, так. Но это, так сказать, программа максимум. Однако едва ли есть возможность сохранить Афганистан в его нынешнем виде в случае падения Аманулллы или даже оставления им Кабула. Начнется длительная гражданская война. Она неизбежно повлечет за собой распад государства на отдельные враждующие друг с другом части. Англичане, вероятно, это предвидят. Но другого выхода нет. Сговориться с Аманулллой им не удалось. Ликвидировать его необходимо. И тут является программа-минимум: отрыв юга от севера, подчинение юга своему влиянию и граница по Гиндукушу и Гильменду. Эту границу

можно хорошо закрепить. И иметь ее все же лучше, чем иметь Афганистан Аманулллы, относительно которого даже нельзя быть уверенным в его нейтралитете в случае войны с СССР.

Мне кажется, что все вышеизложенные соображения заслуживают, во всяком случае, того, чтобы их обдумать. И подумать также о тех выводах, которые нам следовало бы сделать со своей стороны.

Каждый день приносит все больше подтверждения того, что англичане играют весьма активную роль в событиях, роль не только «вспомогательную», но именно направляющую. И у меня все больше слагается впечатление, что мы присутствуем уже при начале мировой войны, что первый прямой шаг англичанами делается уже теперь, и этот шаг имеет целью захват части Афганистана для закрепления передовой линии обороны, создания необходимого плацдарма и обеспечения безопасности Индии от покушений со стороны Аманулллы или СССР.

Все вышесказанное – лишь предварительная наметка, так сказать, в дискуссионном порядке [...]

РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 1806. Л. 2—4. Машинописный текст.

Примечания

1. Так в документе.

ДОКУМЕНТ № 19

СПРАВКА НКИД СССР О МУХАММЕДЕ НАДИР-ХАНЕ

СЕКРЕТНО

Отпрыск одной из ветвей (Шир Али-хана – по женской линии) афганского династического рода, ведущего происхождение от эмира Дост Мохаммада и через Абдуррахман-хана и Шир Али-хана, разделившегося на две соперничавших за трон семьи. Брат одной из жен Хабибуллы– хана, от которой последний имел сына Асадуллу (единокровного брата Аманулллы-хана). Родился и получил воспитание в Индии, где его отец во времена Абдуррахман-хана был в эмиграции.

Считается одним из образованнейших афганцев и чуть ли не единственный среди деятелей Аманулллы, разбирающийся в военном деле и знакомый, в некоторой степени, с современной военной наукой. Пользуется значительным влиянием среди племен по обе стороны границы – в Вазиристане и южных областей Афганистана (Гардез и Хост, населенные племенами мангалов, джаджи и др.); в особенности сильны у него связи с духовенством этих районов. Племенные связи Надир-хана объясняются также отчасти каким-то кровным родством с одним из племен, отчасти получены им от отца, занимавшего крупные посты при Хабибулле и имевшего большое влияние среди пограничных племен.

Эти связи Надир-ханом были потом значительно укреплены, в особенности во время третьей англо-афганской войны, когда он, командуя вазиристанской группой, состоящей из иррегулярных племенных частей, провел удачные операции, занявши ряд пунктов в Вазиристане и в долине Курама. После заключения афганпра с англичанами мирного договора, предоставившего племена их собственной судьбе, эти племена видят в Надире естественного противника Аманулллы, предавшего, в глазах племен, племенные интересы англичанам. Отказ Надира от командования правительственными войсками, действовавшими против хостинских повстанцев в 1924 г., престиж Надира среди племен укрепил еще сильнее.

С Аманулллой он сблизился еще до переворота 1919 г. на почве общего враждебного отношения к эмиру Хабибулле, но, сблизившись с Аманулллой, Надир-хан, можно полагать, работал не в его интересах, а в интересах своего племянника Асадуллы-хана, сына эмира Хабибуллы от четвертой жены (родной сестры Надира), вернее – в своих интересах.

Надир-хан является главным виновником переворота 1919 г.: Хабибулла был убит братом Надира Ахмад Шах– ханом в присутствии самого Надира; таким образом, переворот был совершен при ближайшем участии самого Надир-хана, но привел не к тем результатам, которых он добивался. Не рискуя выступить против Аманулллы открыто, он, сделавшись после войны 1919 г. ближайшим сотрудником Аманулллы в качестве военного министра,

начал подготовку нового переворота. Можно полагать, что некоторые подозрения Амануллы он возбудил еще до хостинского восстания.

В 1921 г. Надир был назначен главою комиссии по проведению реформ в Каттагано-Бадахшанской провинции, где держал связь с Энвером и оказывал ему помощь: существуют предположения, что, назначая Надира в провинцию, которая служила базой для бухарского басмачества, Аманулла имел в виду добиться компрометации Надира в наших глазах.

В 1924 г. вследствие отказа от командования правительственными войсками, действовавшими против повстанцев (т. е. против племен, близких Надиру), он с должности военного министра был снят и назначен посланником в Париж. Само предложение Надиру поста командующего истолковывается как намеренный шаг Амануллы, предпринятый им для испытания лояльности Надира к нему; отказ Надира от этого поста раскрыл якобы его планы и явился благовидным предлогом для удаления его из Афганистана. После окончательного разрыва с Амануллой в 1926 г., Надир-хан жил в Швейцарии вместе с братьями Шах Вали-ханом и Мухаммад Хашим-ханом, также, как и вообще вся семья надировцев, постепенно удаленными Амануллой с руководящих постов (Шах Вали-хан: после 1919 г. – начальник гвардии и один из близких друзей эмира; в 1924 г. с этого поста был снят и назначен адъютантом эмира, но никакой работы не вел; в 1926 г. выехал в Швейцарию. Мухаммад Хашим-хан: до 1924 г. командовал войсками в Джелалабаде; с 1924 г. по 1926 г. – посланник в Москве; также, как и братья, до Хоста был близок к эмиру, но после 1924 г. попал в опальное состояние и с 1926 г. живет в Швейцарии. Шах Махмуд-хан – 3-й брат Надира: командовал войсками в Хосте, затем – в Каттагано-Бадахшане: во время Хоста с этого поста отставлен и после этого или находился «за штатом», или занимал несоответственные и легко контролируемые должности).

Во время поездки в прошлом году в Европу Аманулла... предпринимал шаги для примирения с Надиром, но последний от этого уклонился.

Надир-хан в Кабуле выдавал себя и считался нами за сторонника сближения с СССР; этой характеристике как будто соответствовала и его активная и положительная роль в делах независимых племен и его позиция в вопросе об отношениях с нами в первый период после войны 1919 г., когда он якобы стоял за военный союз с нами. Но содействие Энверу и близость всей семьи надировцев к англофильской группировке Шир Ахмад-хана (бывший председатель Госсовета) говорит о внешнеполитических тенденциях иного порядка.

Во всяком случае, нынешняя поездка Надира через Индию еще не может служить доказательством его англофильской ориентации, поскольку политическая база Надира в Афганистане находится в районе южной границы; вернее, в вопросе об ориентации Надира следует исходить из учета конкретной обстановки.

РЕФЕРЕНТ ОТДЕЛА СРЕДНЕГО ВОСТОКА (ИВАНОВ)

РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 1806. Л. 52—52(об). Машинописный текст. Копия.

ДОКУМЕНТ № 20

ТЕЗИСЫ ВОСТОЧНОГО СЕКРЕТАРИАТА ИККИ «К ПОЛОЖЕНИЮ В АФГАНИСТАНЕ». 12. 12. 1931 г.

1. Национально-освободительное движение в Афганистане, обусловленное, в первую очередь, Октябрьской революцией и начавшейся вслед за ней полосой национально–освободительной борьбы на всем Востоке, приняло ярко выраженные формы революционной борьбы против империализма (война против англичан 1919 г.)[1]. Слабость и неорганизованность крестьянства, почти полное отсутствие пролетариата в стране поставили во главе движения феодально-буржуазные элементы страны и придали революции верхушечный характер.

2. Имея основной социальной базой феодально-помещичьи слои страны (главным образом, из числа тех, которые стояли за независимость Афганистана), срастаясь и блокируясь все более и более с верхушкой торговой буржуазии, Аманулла-хан под давлением антиимпериалистических настроений широких масс крестьянства проводил независимую внешнюю политику, получившую свое наиболее четкое выражение в дружбе с СССР, что,

главным образом, и восстановило против правления Аманулллы реакционные англофильские элементы феодалов и духовенства.

С точки зрения борьбы между империализмом и СССР приход к власти в Афганистане в 1919 г. независимого национального правительства в лице Аманулллы целиком и полностью оправдывал политику поддержки его Советским Союзом. Эта политика, намеченная еще в 1919 г. Владимиром Ильичем, целиком и полностью себя оправдала, так как существование независимого Афганистана на подступах к британским владениям в Индии объективно приводило к ослаблению английского империалистического влияния во всем Среднем Востоке и тем самым к усилению авторитета и значения там СССР.

3. Феодальная эксплуатация крестьянства в условиях бурного роста денежного хозяйства; произвол, а подчас и прямой грабеж деспотического аппарата власти, особенно в налоговой политике (увеличение налогов на 300—400%); быстрый рост крупного землевладения на Севере, наряду с массовым разорением и обезземеливанием крестьянства; на фоне общего роста торгово-ростовщического капитала – обострил и чрезвычайно ускорил необходимость аграрной революции, вместе с тем восстановило против Аманулллы-хана обнищавшее крестьянство.

4. Национальный вопрос имеет первостепенное значение в судьбах Афганистана, как целостного государства и в значительной мере лежит в основе непрекращающегося и по сей день крестьянского движения в стране. Нынешние границы страны, установленные империалистическими договорами царской России и Англии, создали лоскутное по национальному составу государство, ничего общего не имеющее с национальными, хозяйственными и правовыми интересами населяющих нынешний Афганистан национальностей и народностей.

Так называемая северо-западная полоса «независимых» племен, населенная чистокровными афганцами, составляющими по количеству большую половину афганского народа (4 100 000 чел.), захвачена империалистической Англией, превратившей эту полосу в блиндированный барьер северной границы Индии. Афганские племена этой полосы, выступающие непрерывно против британского владычества (особенно резко за последние месяцы)[2], буквально истребляются англо-индийскими войсками при полной поддержке нынешнего правительства Афганистана.

Великодержавное господство патанцев[3] в стране, которым принадлежит вся верховная власть, превратило север Афганистана, населенный таджиками, узбеками, хазарейцами и туркменами, составляющими в общей сложности большую часть населения страны, в колонию бесправных париев, в базу грабительской наживы феодального государства, афганского помещичьего слоя и ростовщичества. Потребительский племенной афганский Юг систематически опустошает целые районы производительного Севера. Нашествие афганских племен в северные районы для усмирения крестьянских восстаний, а чаще всего для прямого грабежа культивируется и поощряется нынешним эмиром Афганистана Надир-ханом.

5. Лавируя между империализмом и крестьянской революцией, Аманулла-хан был выброшен двойным ударом – крестьянскими восстаниями с Севера и использованным и руководимым английским империализмом восстанием племен Юга, обусловленным вырождением племенно-родового строя; превращением родовой верхушки в чиновничества в феодалов и развивающейся на этой основе феодальной эксплуатации крестьянства.

Армия Аманулллы, состоявшая в своем большинстве из добровольцев северных районов, могла еще в той или иной мере драться с племенами Юга и Юго-Востока страны, но при первом же соприкосновении с повстанческими крестьянскими отрядами северных провинций перешла на сторону восставших.

6. После бегства Аманулллы из страны (лето 1929 г.) гражданская война в Афганистане вступает в новую фазу, существенно отличную от прежней. Силы борющихся сторон резко и четко вырисовываются.

На одной стороне: объединяющее весь Север страны, заселенный таджиками, узбеками,

туркменами и др., и часть крупных племен Юго-Запада (гильзаи) крестьянское движение, охватывающее по мере роста все новые и новые районы, содержанием которого (движения) была борьба против феодальной торгово-ростовщической эксплуатации крестьянства, главным образом, в лице государственного аппарата власти, переросшая в дальнейшем и в борьбу против помещиков-крепостников на Севере (патанцев), зачастую прикрытая лозунгами защиты «чистоты ислама и шариата». Политическое настроение широких масс крестьян-патанцев характерно как резко антибританское и дружественное к СССР.

Это движение, обостренное борьбой нацменьшинств Севера против экономического и политического гнета афганского (патанского) великодержавия, порой носило характер национальной войны.

Движение, не руководимое пролетариатом, подчас принимало реакционные черты, главным образом благодаря лозунгам приставшего к движению и добивавшегося своих целей духовенства.

На другой стороне: Надир-хан – ставленник английского империализма, опирающийся на крепостников-феодалов, ханов, реакционное англофильское духовенство и верхушечные слои торговой буржуазии (главным образом, индийской).

Основную боевую силу надировской армии составляют вазиры и масуды с индийской стороны границы, в большей части из числа служивших ранее в англо-индийской армии. Движение и армия, руководимые Надир-ханом, политически вдохновлялись и организационно-технически оформлялись английским империализмом, острием своим направленным против Советского Союза, против попыток крестьян ПО-СВОЕМУ [4] разрешить свои наболевшие вопросы, против «бунта водоносов»[5] из «презренных» таджиков и узбеков.

7. Кратковременное существование правительства Бače-Сакао не разрешило коренные вопросы крестьянского движения, на гребне которого оно пришло к власти. Ряд мероприятий тем не менее значительно облегчил положение крестьянства, главным образом, северного. Существенные из них следующие:

Налоги, являющиеся одной из основных форм феодальной эксплуатации для целого ряда центральных районов Афганистана (Кугистан[6] и др.), были значительно снижены. Недоимки не взимались.

Была проведена решительная борьба со взяточничеством. Характерно, что Надир-хан в своем фирмане говорит, что «основной причиной только что закончившейся революции и гибели 150-летней афганской монархии было ЕДИНСТВЕННО ВЗЯТОЧНИЧЕСТВО»... «чтобы народ и правительство вновь не сцепились друг с другом в борьбе»... «Поэтому надо бороться со взяточничеством».

Угнетенные и бесправные народности Севера были уравнены во всех правах. Помещики патанцы были выселены из северных районов и земли были захвачены крестьянством с одобрением правительства. Бače-Сакао, проводя ряд мероприятий, облегчивших положение крестьянства, к концу своего правления стал все более и более сближаться с ханами, сеидами и духовенством, организуя «советы сановников» как форму власти на местах (Герат).

8. В первые шесть месяцев существования правительства Бače повстанческие войска, плохо вооруженные, необученные, будучи фактически окружены с Севера отрядами Гулям Наби-хана, с Юго-Запада остатками войск Амануллы и дуранны[7], Юго-Востока Надир-ханом и его братьями, проявили большую выдержку и боеспособность, заставив Гулям Наби-хана бежать из страны, выбросив Амануллу из Кандагара и разбив наголову войска племен Надир-хана у Гардеза и Лагора. Только благодаря открытому вмешательству английского империализма – вооружению и отправке в Афганистан отрядов из вазиров и масудов, финансовой помощи, главным образом, через мусульманский комитет в Индии, разоружению гильзаев и т. п. оказался возможным захват Кабула Надир-ханом.

9. Годичное правление Надир-хана характеризуется:

а) тем, что Афганистан фактически лишен своей независимости, попав под английское империалистическое влияние;

б) рядом враждебных актов против Советского Союза, в частности организацией и финансированием басмаческих организаций;
в) активной помощью, оказанной английскому империализму в его борьбе с крестьянскими восстаниями на севере Индии;
г) жесточайшими расправами за малейшую попытку крестьян улучшить свои кабальные условия существования;
д) привлечением к руководству страной реакционной верхушки духовенства, прямых агентов английского империализма (Хозрет Шур-Базара, Шир-Ага и др.).

Недостаточная информация о целом ряде закулисных переговоров и заключенных договоров между Надир-ханом и английским правительством не дает возможности полностью установить условия, на основании которых английский империализм получил возможность свободно хозяйничать в Афганистане. Но уже имеющиеся сейчас данные в достаточной мере рисуют господство английского империализма в стране.

Это подтверждается следующим:

А. Надир-хан был вызван из Парижа (где он проживал) по прямому указанию английского правительства. Началу боевых действий племен под начальством Надира предшествовали длительные переговоры с представителями английского правительства в Пешаваре, где были выработаны условия помощи оружием, людьми и деньгами со стороны англо-индийских властей для борьбы с правительством Баче-Сакао.

Вся английская и англо-индийская печать открыто писала, что Надир-хан является другом и помощником Англии в борьбе с «красной опасностью». В частности, лорд Крю, бывший посол Англии в Париже, в своем письме в «Таймс» прямо говорит, что с приходом к власти Надир-хана «английское и индийское правительства окажутся счастливыми, получив ВЕРНОГО СОЮЗНИКА И ПРЕКРАСНОГО СОСЕДА».

Этот же лорд Крю откровенно разбалтывает, что Надир-хан регулярно информировал английское посольство о «действии и возможных замыслах русского правительства».

Б. Племенные войска Надир-хана, при помощи которых он в октябре 1929 г. пришел в Кабул, формировались и вооружались открыто англо-индийским правительством на индийской стороне границы. Более того, имеются точные данные, что большая часть командного состава была взята из лиц, служивших ранее в англо-индийской армии. Финансовая помощь Надир-хану, помимо прямых ассигнований, была организована через различного рода реакционные англофильские мусульманские комитеты. Сбор денег производился открыто при полном поощрении и содействии властей.

В. С приходом к власти Надир-хан установил дружественные отношения с главарями басмачества, особенно с бывшим бухарским эмиром, который даже вселен во дворец. Главарям басмачества были вручены крупные денежные суммы для организации бандитской деятельности против СССР.

Начавшееся крупное крестьянское движение на Севере задерживает реализацию этих планов.

Надир-ханом принят ряд мероприятий для организации и объединения разрозненной басмаческой эмиграции в Афганистане в качестве сплоченного ядра для будущей диверсионной деятельности против СССР. По имеющимся данным, им для этой цели вызван в Афганистан платный агент английского империализма и «специалист» по басмачеству Мустафа Чокаев[8].

Г. Наиболее ярко деятельность Надир-хана в качестве орудия английского империализма выявилась во время восстания афганских племен в северо-западной полосе (Индия) против английского владычества (продолжающееся и по сей день). Надир-ханом были приняты все меры помощи англичанам по подавлению этого движения. Разосланы фирманы (декреты), в которых племена призываются покорно служить английскому империализму и запрещаются всякого рода выступления. Генерал-губернаторам южных провинций было приказано всячески преследовать и арестовывать вождей повстанцев, препятствовать посылке добровольческих отрядов (стихийно возникающих) из афганских племен, вплоть до того, что

англо-индийским войскам было предоставлено право расправы с афганскими племенами на территории Афганистана.

Вся империалистическая английская пресса вплоть до Гендерсона[9] с величайшей похвальбой отзывается о дружеских услугах, оказанных Надир-ханом английскому империализму в подавлении восстания племен в северо-западной полосе. «Надир-хан сделал все, что было в его силах, чтобы помешать выступлению племен», – сообщает в октябре этого года «Бомбей Кроникель» и «Сивиль энд Милитергазет».

Д. Английский империализм, со своей стороны, всем (людьми, деньгами, вооружением) помогает Надир-хану расправляться с крестьянскими восстаниями в Афганистане.

Надир-хан, будучи не в силах только своими войсками подавлять крестьянские восстания в стране, обращается в критические моменты за помощью к англо-индийскому правительству. Так было во время восстания в Кугистане в декабре 1929 г., тоже повторилось во время крупного восстания в Кухедемене[10] в августе 1930 г. Англо-индийское правительство высылало вооруженные отряды племен из северо-западной полосы Индии в распоряжение Надир– хана для подавления восстания.

Только благодаря помощи англо-индийского правительства Надир-хану удалось до сих пор подавлять непрекращающиеся крестьянские восстания против него.

Е. Хозяйственные мероприятия в стране проводятся под углом зрения английских империалистических интересов – для борьбы с Советским Союзом. Так, например, проектирующаяся (по некоторым данным, строительство уже началось) постройка ж. д. между Кабулом и Пешаваром поставит под полную английскую зависимость всю хозяйственную жизнь страны и нанесет значительный удар нашим хозяйственным связям в Афганистане. Постройка этой дороги имеет также крупнейшее стратегического значение для английских военных планов против СССР. По словам «Таймс», «заветной мечтой» Надир-хана является «наложение ж. д. сообщения с Индией». Не было другого вопроса, о котором бы он так часто говорил.

Ж. Надир-хан всячески расправляется по указке англичан с теми представителями национальной буржуазии и крупными государственными деятелями аманулластского правительства, которые известны в качестве людей, боровшихся за независимость Афганистана против английского империализма (Вали-хан и др.). Чиновники и министры правительства Аманулы, известные своим англофильством и враждой к СССР, привлечены к руководству страной в качестве ответственнейших чиновников государства.

З. Надир-хан открыто демонстрирует свое подчиненное положение английскому империализму. Раболепски принимая нового английского посла, оказывая ему почести, неслыханные для Афганистана со времен Хабибуллы[11] (до освободительной войны с англичанами), Надир-хан демонстративно игнорирует советское представительство в элементарных правилах дипломатической вежливости. Вместо советников из СССР для афганской армии, авиации и др. сейчас приглашаются англичане или агенты от англичан.

Внешнюю политику Надир-хана более или менее правдоподобно излагает орган нац. Конгресса в Калькутте «Либерти»: «Отношения с соседними государствами дружественное, но король УМНО ПРЕПЯТСТВУЕТ ВСЯКОМУ ПРИТОКУ РУССКИХ. Надир-шах хорошо знает, что высшие интересы его страны должны быть связаны с прогрессивным и научным миром Запада» (4 октября 1930 г.).

Все эти данные (далеко не полные) дают достаточное основание уже теперь рассматривать Афганистан не как буфер между СССР и английским империализмом, а как плацдарм последнего для борьбы против Советского Союза.

10. Занятие Кабула Надир-шахом не принесло «успокоения» стране. Через несколько недель после воцарения Надир-хана вспыхнуло восстание в Кухидаманском округе. В Кабул доставлено и казнено 20 человек главарей. «Таймс», 12. XII.

Восстание в районе Джебель-ус-Сирадж. По сообщениям «Анис» от 6. XII. 29 г., нападение повстанцев «после 3—4-часового боя было отбито с тяжелыми потерями. Во время преследования большая часть зачинщиков была или убита, или захвачена». «30 ноября 1929

г. был захвачен Чарикар... шайкой оставшихся в живых последователей эмира Хабибуллы (Бача-Сакао). „Таймс“, 14. XII.

22. XI. – 29 г. «Ислах» сообщает, что «В Мазари-Шарифе до последнего времени все еще находились мятежники Бача-Сакао, нарушавшие общественную безопасность и причинявшие беспокойство поселению».

В 20х числах июля в Кухидемене Чарикарской долины вспыхнуло крупное крестьянское восстание, охватившее, по некоторым данным, 12 000 человек, с требованиями освободить арестованных кугистанцев, сторонников Бача– Сакао, убить Надир-хана, вернуть якобы живого Бача-Сакао. Правительство послало для уговоров мулл.

«Группа благочестивых мулл отправилась для проповеди в Дакку и к даудзаям, чтобы удержать население от участия в мятеже. К сожалению, вожаки мятежников допустили насмешки и глумление над божественной проповедью. Больше того, мятежники намеривались мучить и даже лишить жизни этих подлинных слуг Аллаха»... «мулла Хафизулла-хан... принял мученическую смерть от повстанцев». «Ислах», 2 августа 1930 г.

Одновременно Надир-хан вызывает из Индии племена вазиров и масудов и ставит им краткое условие: «Головы наши – имущество ваше». В правительственной газете «Ислах» 25 июля 1930 г. сообщается приказ Надир-хана о методах расправы с повстанцами – крестьянами: «Я отдал сегодня приказ, чтобы семьи и их детей уничтожили и чтобы кишлаки и жилища их были подвергнуты бомбардировке».

В августе с неслыханной даже для афганских эмиров жестокостью восстание было подавлено. «Калакан и Дакку сожжены огнем. Были разграблены Сарай Ходжа, Даулет-шахи, частично гор. Чирикар и другие пункты. Артиллерии помогали пехотинцы и племена... » (сообщение правительственной газеты «Ислах» от 28 июля 1930 г.).

11. Ряд крестьянских восстаний против правительства Надир-хана в различных районах страны не прекращается и по сей день (гильзаи[12], Ханабад), несмотря на жесточайшие феодальные расправы. Новая колонизация Севера изгнанными оттуда афганскими помещиками; выкачивание всеми доступными способами налогов у крестьян; захват и скупка крестьянских земель в Кугистане и др. районах крестьянских восстаний чиновниками правительства и, наконец, постепенное превращение Афганистана в британскую колонию, т. е. превращения Афганистана в плацдарм для войны против СССР, – еще с большей остротой, чем это было в 1928—1929 гг., ставит... для Афганистана задачи антиимпериалистической борьбы на основе развертывания крестьянского движения против феодальной эксплуатации.

Все это создало предпосылки для политического и организационного объединения разрозненной борьбы и спорадических выступлений трудящихся крестьян против нынешнего режима в Афганистане.

Объединить борьбу трудящегося крестьянства и мелкой буржуазии городов (кустарей, ремесленников) может НАРОДНАЯ РЕВОЛЮЦИОННАЯ ПАРТИЯ АФГАНИСТАНА, которая должна вовлечь в свои ряды лучшую часть крестьянства, НЕЗАВИСИМО ОТ НАЦИОНАЛЬНОСТИ И НАРОДНОСТИ, зарекомендовавших себя в качестве стойких борцов против английского империализма и правительства Надир-хана, в первую очередь, крестьян Кугистана и Кухадемана.

НАРОДНАЯ РЕВОЛЮЦИОННАЯ ПАРТИЯ Афганистана должна положить в основу своей деятельности следующие положения:

А. Повсеместная и последовательная борьба против английского империализма, превращающего при помощи своего ставленника Надир-хана в прошлом независимый Афганистан в полуколонию английского империализма и в плацдарм для войны против рабочих и крестьян советского Таджикистана, советского Узбекистана и Туркменистана.

Б. Борьба против налоговой системы и чиновничьего полицейского произвола (взятки, поборы, порки и т. д.) правительства Надир-хана и феодально-крепостнической эксплуатации помещиков, ханов и ростовщиков. Захват земли помещиков, ханов, маликов и купцов-ростовщиков и уравнительный ее раздел между трудовым крестьянством; передача всей системы искусственного орошения в руки местных самоуправлений, выбираемых из

представителей местного трудового крестьянства, – являются единственным путем разрешения насущных нужд крестьянства.

Задачами этой партии являются борьба за снижение налогов, ликвидация кабальных арендных и ростовщических договоров, упразднение всех недоимок за прошлое время за землю и скот, выборность чиновников, их ответственность перед избирателями – местным крестьянством.

В. Установление полного равноправия – экономического и политического – для всех без исключения населяющих нынешний Афганистан народностей и племен. Отмена всяких привилегий для отдельных племен и родов, выполнение общественных повинностей (уплата налогов, равноправие языка).

Г. Свободное оформление афганского государства может быть достигнуто лишь при условии присоединения к Афганистану коренной афганской территории с 4-миллионным афганским населением так называемой северо-западной полосы «независимых» племен, грабительски захваченной английским империализмом. Угнетенные и бесправные национальности Севера – таджики, узбеки, туркмены и др. должны получить полную свободу самоопределения, свободу по-своему определять дальнейшие формы их национального и государственного объединения.

Д. Действительная независимость Афганистана может быть достигнута лишь в результате общенародной революции против режима Надир-хана, опирающегося при помощи английского империализма на феодалов страны и на верхушку торгово-ростовщической буржуазии. Поэтому конечной целью афганской народно-революционной партии является свержение правительства Надир-хана и установление НЕЗАВИСИМОЙ АФГАНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ. Эта задача может быть разрешена лишь в органической связи с победоносной революцией индийского пролетариата и крестьянства против империализма и феодализма[13].

РГАСПИ Ф. 495. Оп. 154. Д. 417-а. Л. 60—71. Подлинник, машинописный текст.

Примечания

1. Третья англо-афганская война 1919 г.
2. В 1930 г. в Северо-Западной Пограничной провинции (СЗПП) Индии начался ряд крупных восстаний пуштунских племен.
3. Правильно – патаны.
4. Так в документе. Далее будут еще встречаться фразы напечатанные заглавными буквами.
5. Имеются в виду сторонники лидера антиправительственного восстания 1928 г. Бачаи Сакао, прозвище которого переводится как «сын водоноса».
6. Кугистан (Кухистан) – горный район к северу от г. Кабула.
7. Правильно дурани – крупнейшее пуштунское племя, населяющее юго-восточные районы Афганистана.
8. Мустафа Чокаев (в эмиграции – Чокай-оглы) (1890– 1941) – уроженец Сырдарьинской области, потомок знатного казахского рода. До 1917 г. окончил юрфак Петербургского университета. После Февральской революции под влиянием А. Ф. Керенского вступил в партию эсеров. Член Всероссийского Учредительного собрания. В 1918 г. после разгрома большевиками «Кокандской автономии» и разгона Колчаком «Комуча» уехал в Грузию. В грузинской столице издавал две газеты «Новый мир» и «Заря». В 1919 г. призвал западные державы оккупировать Туркестан. В 1920 г. эмигрировал во Францию. Один из руководителей антисоветской организации «Туркестанское Национальное Объединение» («Туркестанский комитет»). Был тесно связан с западными спецслужбами, которые финансировали его деятельность. «Туркестанский комитет» поддержал Надир-шаха.
9. Гендерсон Артур (1863—1935) – британский государственный и политический деятель. В 1929—1931 гг. – министр иностранных дел.
10. Так в документе. Кухедаман – горный район к северо-западу от Кабула.
11. Хабибулла-хан – эмир Афганистана с 1901 по 1919 г. Отец Амануллы-хана.
12. Составитель документа, видимо, хотел указать на то, что среди племен южных районов

Афганистана были сильны антиправительственные настроения.
13. Выделен текст, составленный в качестве приложения, Г. Сафаровым.

ДОКУМЕНТ № 21
ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА ЗАВЕДУЮЩЕГО ОТДЕЛОМ КАДРОВ КОМИНТЕРНА П. ГУЛЯЕВА ГЕНЕРАЛЬНОМУ СЕКРЕТАРЮ Г. ДИМИТРОВУ
Октябрь 1941 г.
Сов. секретно
ГЕНЕРАЛЬНОМУ СЕКРЕТАРЮ ИККИ
тов. ДИМИТРОВУ Г. М.
По поводу лиц, упомянутых в документе, полученном от тов. Фитина, считаем необходимым сообщить следующее: индиец, находящийся в Кабуле и добивающийся связи с ИККИ не Погатарам, а Бхагат Рам, проживающий в настоящее время в дер. Галла Дхер, около Мардана в Северо-Западной Пограничной Провинции в Индии. Сведения, указанные им о себе в приложенной к документу биографии, совпадают с данными о нем, полученными нами от ЛАРКИНА[1].
Бхагат Рам является помощником Аббас Хана, проживающего в Пешаваре. По поручению Аббас Хана[2] Бхагат Рам организовал переброску Ларкина в Кабул в 1940 г. Он же по поручению группы Кирти, в документе всюду именуемой ЦК компартии Лагора, перебросил в Кабул Боса, затем в мае 1941 г. он сопровождал в Кабул Шервана (он же Хармохендар Содди)[3] – бывш. студента КУТВа и, наконец, еще раз сам приехал к Кабул для установления связи с нами.
Из показаний Бхагат Рама видно, что один из руководителей группы «Кирти» – Шерван (Хармохендар Содди) вместе с Бхагат Рамом вступили в связь с германской разведкой и получили от разведки большую в индийских условиях сумму денег на организацию диверсионной деятельности, а также оружие.
Шерван и Бхагат Рам пытаются представить дело так, что они лишь использовали германскую разведку в целях своей партии, давали ей только вымышленные материалы, сами же остаются преданными делу компартии и ожидают инструкций от ИККИ, ожидая тактических указаний в связи с нападением фашисткой Германии на СССР.
Все это неслучайно. В поступках Шервана и Бхагат Рама истинная сущность политической линии руководства «Кирти», по сути, не отличающейся от линии мелкобуржуазной, путчиской, не разборчивой ни в методах борьбы, ни в союзниках Гадар-партии. Гадар-партия в 1915 г. пользовалась услугами германской разведки и сама служила ей, поэтому и теперь германская разведка так щедро и так легко дает большие суммы и оружие.
Одного факта связи руководящего работника «Кирти» с германской разведкой достаточно для того, чтобы отказаться от всякой связи с Бхагат Рамом, Ультам Чандом[4], которого он рекомендует в качестве надежного связного, а также и с группой «Кирти» в целом, пока она не будет реорганизована в соответствии с указаниями, данными Ларкину.
В отношении Боса никакими дополнительными материалами Отдел Кадров не располагает. После того, как он скрылся из-под домашнего ареста и уехал из Индии, он публично нигде не выказывался, поэтому неизвестно ни его местопребывание, ни его точка зрения по важнейшим вопросам современной международной обстановки.
ЗАВ. ОТДЕЛОМ КАДРОВ ИККИ (ГУЛЯЕВ)
СТ. РЕФЕРЕНТ (КОЗЛОВ)[5]
РГАСПИ. Ф. 495. ОП. 16. Д. 59. Л. 229—230. Машинописная копия.
* В конце документа приписка: «Бхагат Рам имеет кличку в группе „Кирти“, партклички – как от написал – Рахмат Хан.».
Примечания
1. Ачар Сингх (Ларкин) (1899—?) – родился в крестьянской семье в деревне Чина близ Амритсара. В 1921 г. эмигрировал в США, где сначала трудился сельскохозяйственным рабочим, а с 1923 по 1930 г. работал на заводе Форда в г. Детройте. В 1924 г. вступил в

партию «Гадр». В 1928 г. создал отделение этой партии в г. Детройте. В 1931—1932 гг. являлся членом Президиума «Гадр» и редактором ее журнала «Хиндустани Гадр». В 1932—1933 гг. учился в Коммунистическом университете трудящихся Востока. В 1932 г. вступил в Коммунистическую партию Индии (КПИ). С 1933 по 1935 г. работал по заданию Коминтерна в Калифорнии. В 1935—1937 гг. был секретарем пенджабского комитета КПИ. С марта 1938 г. находился на нелегальном положении в Индии. По решению КПИ должен был организовать бегство С. Ч. Боса в СССР, но из-за ареста последнего не смог выполнить это задание. В октябре 1940 г. перешел советско-афганскую границу. В Коминтерне работал референтом по Индии. В конце 1941 г. послан Коминтерном через Памир в Индию, но был арестован в Читрале. В 1942 г. освобожден британскими властями из тюрьмы. В 1942—1947 гг. являлся членом Объединенного комитета КПИ по работе среди крестьян в Пенджабе // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 213. Д. 9.

2. Автор не имеет сведений об этом человеке.

3. Харнам Сингх Соди (Шерван) (1905—?) – один из лидеров коммунистической группы «Кирти» в Пенджабе. Сын мелкого помещика. В 1922—1923 гг. был членом Индийского национального конгресса (ИНК), а также участвовал в движении «Акали». В 1924 г. эмигрировал в Калифорнию. В 1925 г. в США вступил в партию «Гадр». До 1933 г. входил в руководящую «тройку» этой партии в Детройте. В 1934—1935 гг. обучался в Москве в Коммунистическом университете трудящихся Востока. В 1937 г. из СССР уехал в Индию и активно участвовал в национально-освободительном движении. В 1942—1947 гг. был членом Комитета КПИ в Пенджабе. Несколько лет находился на нелегальном положении // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 213. Д. 1.

4. Правильно – Уттам Чанд.

5. Козлов Иван Иванович (1902—?) – родился в д. Закоменье Суздальского уезда. 1919—1922 гг. – политработник в Красной Армии. В 1933 г. закончил Восточный институт в г. Ленинграде. В 1933—1936 гг. – преподаватель КУТВа. 1936—1938 гг. – сотрудник Научно-исследовательского института национальных и колониальных проблем (НИИНКП). 1938—1942 г. – сотрудник Восточного сектора Отдела кадров ИККИ. В 1942 г. откомандирован ИККИ в Иран.

ПРИЛОЖЕНИЕ II

ДОКУМЕНТ № 1ПРОТОКОЛ ДОПРОСА В НКВД БЫВШЕГО КОМАНДУЮЩЕГО ДОБРОВОЛЬЧЕСКИМИ СИЛАМИ ЗАПАДНОГО ФРОНТА НЕМЦЕВ ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА ФОН НИДЕРМАЙЕРА ОСКАРА[1]

от 30 сентября 1946 года

Нидермайер Оскар, 1885 года рождения,
уроженец города Фрайсинг, немец,
происходит из семьи служащих,
член НДСДАП с 1933 по 1935 год,
доктор географических наук,
генерал-майор

Вопрос: Покажите о Вашей службе в германской армии?

Ответ: В 1905 году, по окончанию гимназии, я добровольно поступил на службу в германскую армию в качестве юнкера. До лета 1912 года командовал взводом 10-го Баварского артиллерийского полка и одновременно со службой в армии с 1907 по 1912 год проходил курс обучения на вечернем отделении университета по факультету географии, этнографии и геологии. С 1912 по 1914 год был в научной экспедиции в Иране, после чего совершил путешествие по Индии, Аравии, Египту, Палестине, Сирии и Турции.

В Первую мировую войну в составе 10-го артиллерийского полка в должности командира батареи участвовал в боях на Западном фронте. С ноября 1914 года по 1916 год руководил экспедицией в Иране и Афганистане, предпринятой по заданию германского генштаба с целью организации там повстанческого движения против англичан. С конца 1916 года [...] являлся помощником начальника штаба фронта на Ближнем Востоке, а затем до весны 1919

года офицером связи германского генштаба при 8-й Баварской дивизии и 3-м Баварском корпусе.

Являясь офицером-ординарцем в чине капитана штаба Эппа[2], весной 1919 года в составе добровольческого корпуса Эппа участвовал в подавлении революционных войск в Мюнхене.

С начала 1920 до конца 1921 года был адъютантом военного министра Гесслера[3]. В конце 1921 года назначен на должность референта по германо-советскому военному сотрудничеству при Главнокомандующем германскими войсками генерале Секте[4].

С начала 1924 по 1931 год являлся представителем германского командования в Советском Союзе.

По возвращении в Германию в январе 1932 года я был зачислен во 2-й артиллерийский полк, а фактически по заданию отдела кадров генерального штаба вел преподавательскую работу по военным дисциплинам при кафедре военных наук Берлинского университета. Преподавательской деятельностью занимался до мая 1941 года, а затем в чине полковника был переведен в «Особый штаб Ф», где служил до сентября 1941 года. В 1941 г. поступил на курсы переподготовки высшего командного состава, по окончанию которых в мае 1942 года был назначен командиром 162-й дивизии. В мае 1944 года назначен на должность командующего добровольческими соединениями при штабе вооруженных сил Западного фронта, который дислоцировался в Париже.

В сентябре 1944 года я был арестован по доносу и обвинен в высказываниях против Гитлера. Под стражей содержался в тюрьме города Торгау до конца апреля 1945 года. При эвакуации тюрьмы в Баварию из-под стражи совершил побег и перешел на сторону англо-американских войск.

Вопрос: Вы показали, что в период 1912—1916 годов находились на Ближнем Востоке. Для какой цели Вы выезжали?

Ответ: С сентября 1912 по май 1914 года я находился в Иране в составе научной экспедиции Мюнхенской и Венской академий наук. Экспедиция состояла из научных работников и обслуживающего персонала. В состав экспедиции кроме меня входил профессор Венского университета Дитц[5], работавший по истории искусства ислама. Я лично работал по географии и геологии.

Нам удалось пересечь среднюю часть Ирана с запада на восток, и при этом мы собрали большое количество материалов, характеризующих географические, этнографические и геологические особенности Ирана. Результаты экспедиции с научной точки зрения, согласно оценке, данной Академией наук, были успешными.

Вопрос: В момент Вашего отъезда в экспедицию в Иран Вы являлись кадровым офицером германской армии?

Ответ: Да, я являлся командиром взвода 10-го артиллерийского полка 5-й пехотной дивизии в звании лейтенанта.

Вопрос: Тогда каким образом Вас могли направить в экспедицию?

Ответ: Находясь на службе в армии, я все время поддерживал связь с университетом и Академией наук, где мне покровительствовали видные академики-географы и геологи, по научной работе, с которыми я был связан. В экспедицию я был отпущен командованием баварской армии по ходатайству моей знакомой – баварской принцессы Терезии[6], являвшейся тогда почетным президентом Мюнхенской академии наук.

Вопрос: Какое задание Вы получили от германского Генштаба перед отъездом в Ответ: Никаких заданий военного характера я не получал, и никто по этому вопросу со мной не беседовал.

Вопрос: Кому Вы докладывали о результатах экспедиции?

Ответ: Мой письменный доклад о результатах проделанной экспедицией научной работе был передан академику Дригальскому[7], возглавлявшему кафедру географии в Мюнхенском университете.

Вопрос: А кому еще?

Ответ: Во время моего возвращения в 1914 году из экспедиции через Турцию я был на

приеме у начальника германской военной миссии в Турции генерала Лимана фон Сандерса[8], которому сообщил ряд интересовавших его сведений о влиянии русских и англичан и о взаимоотношении между ними.

Вопрос: Следовательно, экспедиция в Иран преследовала и военно-политические цели?

Ответ: Я информировал Лимана фон Сандерса о противоречиях, существующих в Иране между русскими и англичанами. Это я подтвердил на фактах, показавших наличие враждебных отношений между русскими и английскими генеральными консулами, у которых я часто бывал на приемах.

Вопрос: Из документов, изъятых у Вас при обыске, видно, что в 1912 году экспедиция в Иран преследовала военно-политические цели. Дайте об этом подробные показания.

Ответ: За исключением приведенных фактов я ничего следствию сообщить не могу, так как экспедиция была предпринята, главным образом, в научных целях.

Вопрос: Покажите о Вашем участии в другой экспедиции на Ближний Восток?

Ответ: Вторично на Ближнем Востоке я был с ноября 1914 года по март 1917 года, где участвовал в военной экспедиции. Эта военная экспедиция была предпринята германским и турецким генеральными штабами по инициативе военного министра Турции Энвер-паши[9] с целью вовлечения Ирана и Афганистана в войну на стороне Германии и Турции. Практически экспедиция должна была поднять повстанческое движение в Иране и Афганистане против англичан с целью отвлечения английских войск от основных фронтов.

Вопрос: Кто являлся начальником экспедиции?

Ответ: Германский Генеральный штаб назначил начальником этой военной экспедиции меня – Нидермайера.

Вопрос: Почему выбор пал на Вас?

Ответ: Германский Генштаб, назначив меня начальником этой военной экспедиции, учитывал мои знания Ближнего Востока, результаты предшествовавшей экспедиции, знания арабского, турецкого и персидского языков.

Вопрос: А не руководствовался ли германский Генштаб при назначении Вас начальником экспедиции тем, что Вы достаточно опытный разведчик, оправдавший себя во время проведения прошлой экспедиции, предпринятой в Иран с военно-политическими целями?

Ответ: На этот вопрос я затрудняюсь ответить.

Вопрос: Из каких групп состояла экспедиция, предпринятая в Иран и Афганистан?

Ответ: Личного состава в штабе экспедиции было около 350 человек. Из этого числа до 50 офицеров германской армии, владевших персидским и турецким языками. Экспедиция состояла из трех групп: Белуджистанской, Персидской и Афганской, каждая из которых имела свои особые задачи.

Белуджистанская:

Проникнуть в иранский Белуджистан, поднять повстанческое движение местных племен против англичан. Руководителем этой группы был профессор Мюнхенского университета Цугмайер[10].

Персидская:

Должна была проникнуть в Южную Персию, где в это время находились английские войска, и поднять там на борьбу против англичан враждебные по отношению к ним племена. Руководителем этой группы являлся бывший германский консул в Багдаде Сайлер[11].

Афганская:

Проникнуть в Афганистан, путем подкупа и обещаний склонить эмира к объявлению войны союзникам, организовать в Афганистане, а также в западной части Индии повстанческое движение против англичан. Непосредственное руководство этой группой осуществлял я.

Вопрос: Покажите, что было практически достигнуто Вашей экспедицией?

Ответ: В конце июня 1915 года я с группой 150 человек моего штаба направились из Исфагана в Афганистан. Двигались мы в течение полутора месяцев и в августе оказались в городе Герате. Однако со мной прибыло только 26 человек из 150, а остальные погибли в пути от жары и налетов арабов. В Афганистане я пробыл до июня 1916 года в резиденции

эмира. За время нахождения в Афганистане я имел неоднократные встречи и переговоры с эмиром и другими представителями афганских правительственных кругов. От имени кайзера я обещал эмиру в случаи его согласия вступить в войну на стороне Германии оказать помощь в создании так называемого «Великого Афганистана» путем присоединения к нему английского и персидского Белуджистана. Эмир выражал согласие объявить войну, однако боялся, что своими силами он не сможет противостоять войскам союзников, и потребовал направить в Афганистан несколько немецких дивизий. Так как Германия этого выполнить не могла, эмир отказался открыто выступить против союзников, заявив о своем нейтралитете, который по существу им выполнялся формально.

Мне удалось в Афганистане провести ряд мероприятий, вызвавших беспокойство англичан, заставивших их держать в Индии на афганской границе войска в количестве до 80 тыс. человек.

Вопрос: Какие мероприятия Вы имеете в виду?

Ответ: Эти мероприятия заключались в следующем. В юго-западной и западной части Персии мы организовали повстанческое движение отдельных племен путем насаждения среди них немецкой агентуры, которая разжигала ненависть к англичанам. За время моего пребывания в Афганистане я нелегально встречался с вождями наиболее крупных племен, проживавших в северо-западной части Индии. При переговорах с вождями я склонял их к войне против англичан. Моим нелегальным встречам с ними способствовал брат эмира – председатель совета министров Насрулла, который был исключительно сочувственно настроен к нам.

Деятельности по организации повстанческого движения в Персии помогало и то, что вся персидская жандармерия работала на нас, так как ее руководителями являлись шведские офицеры, которые в начале войны германским военным атташе в Персии графом Канитцом[12] были зачислены в германскую армию, командование которой присвоило им воинские звания в соответствии с имевшимися у них в иранской армии и выплачивало им жалованье.

По согласованию с эмиром я организовал в Афганистане курсы усовершенствования высшего командного состава и курсы артиллерийских офицеров. Преподавателями являлись военнослужащие германской армии и австрийские офицеры, бежавшие в Афганистан из русского плена. Под руководством германских офицеров была построена показательная оборонительная линия по защите Кабула. Летом 1916 года, убедившись в том, что Афганистан не вступит в войну на стороне Германии, я счел необходимым выехать в Иран, где созданные моим штабом повстанческие группы находились под угрозой уничтожения их англичанами. По прибытии в Иран мне сообщили, что повстанческие группы уже разбиты.

Находясь в Иране при штабе турецких войск, я получил телеграмму от имени императора Вильгельма II, в которой мне предлагалось явиться к нему для доклада в штаб-квартиру в городе Вадкройцнахе. В конце марта 1917 года я докладывал императору о результатах экспедиции, проведенной в Иране и Афганистане, которыми он остался доволен, и наградил меня высшим военным орденом.

Вопрос: Какие задачи поставил перед Вами император?

Ответ: В апреле – мае 1917 года по указу императора Вильгельма II я был назначен помощником начальника штаба фельдмаршала Фалькенхайна[13] – главнокомандующего турецкими войсками в Сирии и Иране. В сентябре 1917 года я вместе с Фалькенхайном прибыл в Стамбул. Мы имели задачу отбить у англичан город Багдад и защищать Палестинский фронт.

Из Стамбула штаб Фалькенхайна переехал в город Халеб (Сирия), стоящий на перекрестке дорог Багдад – Палестина. На Палестинском фронте в это время англичане предприняли большое наступление, в силу чего мы вынуждены были все немецкие и турецкие войска бросить на этот фронт и отказаться от мысли захватить Багдад.

На Палестинском фронте я пробыл до начала марта 1918 года, откуда был отозван в Германию и назначен начальником отдела «I-Ц» штаба 3-го Баварского корпуса. Вместе с

этим корпусом выбыл на Западный фронт в город Лилль (Франция), где принимал участие в боях против англичан.

Вопрос: Вы показали о своей службе в «Особом штабе Ф». С какой целью был создан этот штаб?

Ответ: «Особый штаб Ф» (военная миссия) был создан с целью развертывания войны на Ближнем Востоке и возглавлялся генералом Фельми[14]. Штаб состоял из 30 германских офицеров.

Вопрос: Покажите о практической деятельности «Особого штаба Ф».

Ответ: Намеченные цели осуществить не удалось в силу того, что в момент нахождения нашей миссии в Греции, где мы были после прибытия из Германии месяца полтора-два, английские войска заняли Ирак и Сирию. В связи с таким положением встал вопрос об изыскании возможностей для ведения работы по организации повстанческого движения против англичан.

В августе 1941 года по распоряжению Фельми я выехал в Константинополь с целью установления связей с профашистскими элементами в Иране и Сирии, бежавшими в Турцию в момент прихода в Ирак и Сирию английских войск. Через эти связи я должен был выяснить возможности ведения из Турции нелегальной работы в Ираке и Сирии.

В Турции я пробыл около двух недель, где имел переговоры с германским послом фон Папеном[15] и военным атташе генералом Роде[16].

За время нахождения в Турции при содействии военного атташе Роде состоялись встречи с представителем Великого муфтия[17]. В результате переговоров с фон Папеном, Роде и представителем Великого муфтия я выяснил, что возможности к проведению повстанческой работы среди арабов затруднены, и от намеченной цели пришлось отказаться. Из Турции я вылетел на самолете в Грецию, где доложил генералу Фельми о результатах моей поездки. Через несколько дней я вместе с генералом Фельми вылетел в Берлин для доклада.

Вопрос: Вы не показали о деятельности «Особого штаба Ф» за время пребывания в Греции.

Ответ: За время двух месяцев пребывания в Греции первые три недели мы находились в Афинах, а затем на мысе Сунион (65 км от Афин) и в этот период фактически сделать ничего не успели. Мы выжидали момента, когда сможем осуществить наши цели, но события развивались явно не в нашу пользу, и в конце концов англичане успели занять Ирак и Сирию. Это обстоятельство привело к тому, что наши планы были сорваны.

Вопрос: Кому и о чем вы докладывали в Берлин?

Ответ: По прибытии в Берлин генерал Фельми лично доложил о деятельности миссии руководству Генерального штаба. Я же обратился в отдел кадров ОКХ для получения назначения, так как генерал Фельми перед нашим убытием из Греции в Берлин дал мне понять, что в связи с создавшейся обстановкой я остаюсь пока не у дел. Через две-три недели отделом кадров ОКХ я был направлен на курсы высшего командного состава германской армии. Таким образом, моя дальнейшая связь со штабом Фельми прекратилась.

Центральный архив ФСБ. Дело Р-47474. Л. 65—74. Машинописный текст.

Примечания

1. Данный документ помещен первым в приложение, так как в нем идет речь о деятельности немцев в Афганистане в период Первой мировой войны.

2. Эпп Франц Риттер фон (1868—1946) – германский военный и государственный деятель. С 1887 г. служил в одном из баварских пехотных полков. Обучался в Мюнхенской военной академии. В 1900—1901 гг. участвовал в составе германского экспедиционного корпуса в подавлении народного восстания в Китае. С 1904 по 1906 г. руководил германской карательной операцией в Юго-Западной Африке. В годы Первой мировой войны командовал Баварским гвардейским пехотным полком: воевал во Франции, в Южном Тироле, Сербии и Румынии. В феврале 1919 г. стал командующим Добровольческим корпусом и руководил подавлением революции в Баварии, а в 1920 г. восстанием рабочих в Гамбурге. Одним из первых среди военных поддержал Гитлера. В 1923 г. в чине генерал-лейтенанта был уволен из рейхсвера. С 1926 г. руководил отрядами СА в Баварии. В 1928—1945 гг. – депутат

рейхстага от нацистской партии. С 1933 г. – штатгальтер Баварии. Умер 31. 12. 1946 г. в американском лагере для интернированных.

3. Гесслер Отто (1875—1955) – германский государственный и политический деятель. Юрист по образованию. Доктор права. С 1902 по 1910 г. служил в разных городах в органах юстиции. В 1913—1919 г. – обер-бургомистер г. Нюрнберга. Один из создателей Немецкой демократической партии. 1920—1928 гг. – военный министр. Совместно с Г. Сектом проводил политику превращения рейхсвера в боеспособную армию. 1928—1933 гг. – одновременно являлся президентом Союза возрождения рейха. С приходом Гитлера к власти Гесслер отошел от политической деятельности. В октябре 1944 г. арестован в связи с делом о покушении на Гитлера и заключен в концлагерь Равенсбрюк. 1949 г. – президент баварского Красного Креста. 1950—1952 гг. – входил в руководство Красного Креста ФРГ.

4. Сект Ганс, фон (1866—1936) – германский военный деятель. С 1885 г. – на военной службе в прусской армии. Окончил Академию Генерального штаба. В период Первой мировой войны воевал на Восточном фронте, Балканах и в Турции. В начале 1919 г. командовал немецкими частями в Прибалтике. 1920—1926 гг. – начальник военного управления рейхсвера. Много сделал для возрождения вооруженных сил Германии в обход Версальского договора. Активный сторонник тайного военного сотрудничества с СССР. В 1930—1932 гг. – депутат рейхстага. В 1934—1935 гг. – военный советник при Чан Кайши.

5. Автор не располагает биографическими сведениями о данном человеке.

6. Принцесса Тереза Шарлотта Марианна Аугуста (1850—1925) – видный немецкий исследователь в области зоологии, ботаники, антропологии. Известная путешественница, которая посетила все страны Европы, Северную Африку, Северную и Южную Америку. Собранные ею во время путешествий научные коллекции стали основой для создания некоторых новых экспозиций музеев Германии. Член многих научных обществ Европы. Автор ряда научных работ.

7. Дригальский Эрих (1865—?) – известный немецкий полярный исследователь. 1899 г. – профессор географии в Берлине. В 1901—1903 гг. – руководил полярной экспедицией. С 1901 г. профессор географии Мюнхенского университета.

8. Лиман Сандерс фон (1855—1929) – германский военный деятель. На военной службе с 1874 г. В 1913 г., будучи генерал-лейтенантом, был направлен в Турцию во главе германской военной миссии для реорганизации армии Османской империи. Турецким султаном был назначен командующим Центральным корпусом, оборонявшим Черноморские проливы. После резкого протеста России фон Сандерс был переведен на должность генерального инспектора турецкой армии. С 1914 г. – командующий Первой турецкой армией в районе Босфора. В 1915 г. осуществлял общее руководство турецких войск во время отражения англо-французского десанта на п-ове Галиполи. 1918 г. – командовал германо-турецкими войсками на Палестинском фронте; руководил эвакуацией германских войск из Турции. В 1919 г. был арестован по подозрению в совершении военных преступлений, но вскоре освобожден.

9. Энвер-паша (1881—1922) – видный турецкий политический и военный деятель. Сыграл видную роль в организации и осуществлении младотурецкой революции 1908– 1909 гг. В 1911 г. руководил обороной Триполитании в ходе итало-турецкой войны 1911—1912 гг. Один из создателей и руководителей партии «Единение и прогресс». В годы Первой Балканской войны возглавил оборону Адрианополя и спас Стамбул от захвата болгарскими войсками. Активный сторонник военного союза с Германией. В период Первой мировой войны – военный министр Османской империи. Начальник турецкого Генерального штаба. Главный виновник поражения турецких войск на Кавказе в 1914 г. В 1915 г. был одним организаторов геноцида армян в Османской империи. Одной из главных целей Турции в войне считал «включение» всех тюркских народов России в состав Османской империи. В 1918 г. приказал турецким войскам захватить г. Баку. После капитуляции Турции бежал в Германию. В 1920 г. Энвер, заручившись поддержкой Секта, прибыл в Советскую Россию. Большевистское руководство хотело использовать Энвер-пашу для

«антиимпериалистической» пропаганды среди народов Востока. В конце 1921 г. возглавил басмаческое движение в Восточной Бухаре. Убит в бою с частями Красной Армии.

10. Цугмайер Эрих (1879—?) – известный германский зоолог. Специализировался на изучении морских обитателей Мекранского побережья Белуджистана.

11. Автор не располагает биографическими сведениями о данном человеке.

12. Канитц (?—1916) в 1915 г. с помощью активного подкупа местной знати и умелой пропаганды организовал мятеж бригады персидских казаков близ Тегерана. В 1916 г. попытался организовать партизанскую войну местных племен против наступающих русских войск. Осознав свое поражение, в январе 1916 г. покончил жизнь самоубийством.

13. Фалькенхайн Эрих фон (1861—1922) – германский военный деятель. В 1906—1915 гг. – военный министр. До августа 1916 г. начальник германского Генерального штаба. После неудачи немецких войск под Верденом смещен с этого поста. В 1916 г. – командовал германскими войсками в Румынии. С 1917 г. – находился на Палестинском фронте.

14. Фельми Гельмут (1885—1965) – германский генерал ВВС. В 1939—1940 гг. – командующий Вторым флотом Люфтваффе. 20. 5. 1941 г. – 20. 6. 1941 г. – глава миссии вермахта в Ираке; начальник «Особого штаба Фельми». 21. 6. 1941 г. – 11. 9. 1942 г. – командующий немецкими войсками в Греции. 11. 9. 1942 г. – 27. 3. 1943 г. – командующий «Корпусом Ф», задачей которого был прорыв после взятия вермахтом Кавказа в страны Среднего Востока, прежде всего в Иран и Афганистан. В ходе битвы за Кавказ «Корпус Ф» понес большие потери и был расформирован. В конце Второй мировой войны командовал XXXIV армейским корпусом. За военные преступления в Греции осужден Нюрнбергским международным трибуналом к длительному сроку заключения. Освобожден досрочно.

15. Папен Франц фон (1879—1969) – германский политический деятель, дипломат. До Первой мировой войны служил в Генштабе. В 1913—1915 гг. – военный атташе в США. С 1921 по 1932 г. был депутатом прусского ландтага. В июле – ноябре 1932 г. – возглавлял правительство Веймарской республики. Принимал активное участие в установлении фашистской диктатуры в Германии. В 1933 г. – вице-канцлер в кабинете Гитлера. В 1934—1938 гг. – посол в Австрии. В 1939—1944 гг. – посол в Турции. В 1946 г. в Нюрнберге приговорен к восьми месяцам тюрьмы.

16. У автора нет сведений о данном лице.

17. Эмин Эль Хуссейн (?) – Великий муфтий Иерусалима; один из лидеров арабских националистов; использовался Германией и Италией для проведения антибританской пропаганды в мусульманских странах в годы Второй мировой войны.

ДОКУМЕНТ № 2ПРОТОКОЛ ДОПРОСА В НКВД ГУЛЯМА СИДДИК-ХАНА[1]
от 5-го апреля 1946 года.

Вопрос: Следствие вновь возвращается к вопросу о ваших связях с разведывательными органами и предлагает дать об этом откровенные показания.

Ответ: Я откровенно показал на предыдущих допросах, что в сотрудничестве с разведками никогда не состоял и не мог заниматься шпионской работой, так как это противоречит моим взглядам и религиозным убеждениям, а заодно и возможностям.

Последние 12 лет я прожил в Германии в качестве частного лица – эмигранта и, кроме единственного вызова в 1935 году в гестапо по поводу моих связей с афганскими студентами, о чем мною уже даны показания, мне не приходилось соприкасаться с разведывательными или полицейскими учреждениями. Мало того, после вызова в гестапо в 1935 году я обратился в германское министерство иностранных дел с ходатайством оградить меня от подобных неприятностей или дать разрешение на вывоз из Германии моих денежных средств и имущества с тем, чтобы переселиться в другую страну. Существенную помощь мне тогда оказал начальник восточного отдела германского Министерства иностранных дел – доктор ПРУФЕР[2], докладывавший обо мне их министру фон НЕЙРАТУ[3], со стороны которого поступило заверение, что впредь меня никто беспокоить не будет.

Вопрос: Чем объясняется такое внимание к вам со стороны руководящих лиц из

Министерства иностранных дел Германии?
Ответ: Это была простая любезность со стороны доктора ПРУФЕРА, как моего старого друга. С фон НЕЙРАТОМ я не имел ничего общего и, в другом случае, кроме официального заверения с его стороны, никакой помощи от него не имел. Близкие отношения с ПРУФЕРОМ, а также с его помощником – доктором ГРОБЕ [4], у меня установились еще с момента моего приезда в Берлин посланником в 1922 году. С этого времени мы посещали друг друга на дому, взаимно делали подарки, в частности от меня ПРУФЕР и ГРОББЕ получали подарки коврами, каракулем, серебром и другими предметами.
Вопрос: Не хотите ли вы этим сказать, что ПРУФЕР и ГРОББЕ были задарены вами и поэтому оказывали всякие услуги?
Ответ: Я этого не утверждаю, но с течением времени наши отношения на этой почве еще более углубились, и в необходимых случаях они охотно оказывали мне те или иные услуги. К примеру, ПРУФЕР, вскоре после моего переселения в 1934 году в Германию, дал мне хорошую личную рекомендацию, которая мне во многом помогла при устройстве личных и коммерческих дел.
Были случаи, когда ПРУФЕР даже звонил в районные финансовые учреждения и ходатайствовал о снижении налогов с принадлежащих мне двух домов и подоходного налога. Некоторые личные услуги оказывал мне и доктор ГРОББЕ.
Вопрос: Следствие располагает данными, что вам оказывались услуги со стороны ПРУФЕРА, ГРОББЕ и других сотрудников Министерства иностранных дел, вследствие ваших связей с ними по линии разведывательной работы. Об этой стороне вашего сотрудничества с ними вы и покажите сейчас.
Ответ: Я это отрицаю. Кроме личной дружбы и взаимных услуг на этой почве, у меня никаких прочих связей с ПРУФЕРОМ и другими сотрудниками не было. Министерство иностранных дел или другие германские органы никогда не привлекали меня к сотрудничеству и не делали никаких предложений, за исключением переговоров в 1939 году о государственном перевороте в Афганистане, закончившихся безрезультатно.
Вопрос: С кем из немцев и какие переговоры вели вы в 1939 году?
Ответ: В 1939 году, после захвата Германией Польши и заключения договора с Советским Союзом, меня по телефону пригласил к себе в германское Министерство иностранных дел фон ХИНТИГ[5].
Вопрос: Кто такой фон ХИНТИГ?
Ответ: Фон ХИНТИГ в то время возглавлял восточный отдел Министерства иностранных дел, вместо уехавшего послом в Бразилию ПРУФЕРА. С фон ХИНТИГОМ я познакомился впервые во время своего первого приезда в 1921 году в Германию с афганской миссией. В течение месяца он тогда сопровождал нас как представитель Министерства иностранных дел, и мы сблизились с ним. Вторично мне пришлось встретиться с ним во время приезда вместе с АМАНУЛЛОЙ-ХАНОМ в Германию в 1928 году, когда он опять около 2 недель сопровождал нас в поездках по стране. Затем после долгого перерыва мы вновь, как старые знакомые, встретились с фон ХИНТИГОМ в 1937 году, после назначения его на должность начальника восточного отдела Министерства иностранных дел. К тому же ПРУФЕР перед своим отъездом в Бразилию дал ему хорошую рекомендацию обо мне и просил оказывать в нужных случаях помощь. В результате этого мы быстро подружились с фон ХИНТИГОМ семьями, часто бывали друг у друга, ездили вместе на охоту и проводили вместе свободное время.
Вопрос: Продолжайте свои показания о деловых переговорах с фон ХИНТИГОМ в 1939 году.
Ответ: Пригласив меня к себе в 1939 году, фон ХИНТИГ поставил передо мной вопрос о том, смогу ли я взять на себя инициативу по подготовке восстания в Афганистане для свержения господствующей там династии НАДИР-ШАХА и возвращения в Кабул бывшего короля АМАНУЛЛЫ-ХАНА, при условии, если Германия окажет мне всю необходимую помощь вооружением и военными инструкторами.

Вопрос: Уточните, почему фон ХИНТИГ сделал такое предложение вам, и не исходила ли его инициатива от вас?

Ответ: Постановка этого вопроса исходила целиком от фон ХИНТИГА, без всякой инициативы с моей стороны и была даже неожиданной для меня.

Выдвигая передо мной такое предложение, фон ХИНТИГ безусловно действовал от имени германских правительственных кругов, стремившихся путем переворота укрепить свое влияние в Афганистане.

Вопрос: И для этой цели они избрали вас, как своего человека?

Ответ: Я не был сторонником фашистского строя и не имел никакого касательства к германским правительственным или другим органам, хотя и вынужден был проживать в Германии из-за запрещения вывезти свое имущество. В этом смысле я не был для немцев своим человеком, но для осуществления своих планов у них не было другой, более известной и авторитетной в Афганистане фигуры, почему они и пригласили меня. Таково мое личное мнение, так как фон ХИНТИГ со мной на эту тему не говорил, и для меня осталось неизвестным, по чьим непосредственно указаниям он действовал. Во всяком случае, фон ХИНТИГУ были хорошо известны моя прошлая деятельность и враждебное отношение к существующему в Афганистане режиму династии НАДИР-ШАХА, что давало ему основание рассчитывать на привлечение меня к этому делу.

Вопрос: Как вы отнеслись к предложению фон ХИНТИГА?

Ответ: Предложение фон ХИНТИГА соответствовало моим давним желаниям, и поэтому я положительно отнесся к нему, но тут же заявил, что смогу приняться за это дело только с согласия и при помощи со стороны Советского Союза. Фон ХИНТИГ ответил мне, что этот переворот мыслится германским правительством произвести в контакте с Советским правительством. После этого я высказал свои соображения, что восстание может быть успешным только в том случае, если предварительно удастся организовать в Советском Союзе несколько частей из числа проживающих в Средней Азии афганцев, хорошо вооружить и подготовить их, а затем проникнуть с ними через афганскую границу и захватить гор. Мазари-Шариф. Одновременно с этим следует поднять при помощи своих людей, проживающих в Афганистане, восстание племен в других провинциях страны и потом захватить Кабул.

Вопрос: Кого из своих людей в Афганистане вы имели в виду привлечь для участия в восстании?

Ответ: Фон ХИНТИГ спросил меня об этом, и я назвал ему несколько преданных мне руководителей племен моманд, среди которых я, а в прошлом мой отец и братья пользовались большим авторитетом и доверием. По первому зову эти племена во главе со своими руководителями в любой момент поднялись бы за мной против ЗАХИР-ШАХА и его войск. Я полагал, что в дальнейшем, наряду с подготовкой захвата Мазари-Шарифа со стороны афгано-советской границы, с этими руководителями должна быть установлена связь и обусловлено время начала восстания племен внутри страны.

Вопрос: Вы с фон ХИНТИГОМ разрабатывали подробный план подготовки восстания и переворота в Афганистане?

Ответ: Нет, конкретного плана мы не намечали, и я не имел в виду разрабатывать его без участия Советского Союза. В разговоре с фон ХИНТИГОМ я только высказал свои предварительные соображения и, по его просьбе, назвал нескольких руководителей племен, на которых мог бы рассчитывать во время восстания.

Вопрос: Кого из них, персонально, вы указали фон ХИНТИГУ?

Ответ: Я назвал ему надежных людей из руководителей племен моманд, проживающих в восточной провинции Джелял-Абад[6], возле индийской границы, а именно:

1. МОГАМЕД-ХАСАН-ХАНА, сына САРДАР-ХАНА
2. МОГАМЕД-ЮСУФ-ХАНА, родного брата МОГАМЕД– ХАСАН-ХАНА
3. МАГОМЕД-АМИН-ХАНА, сына МЕСЕЛЬ-ХАНА[7]

Я также мог назвать фон ХИНТИГУ очень авторитетного и именуемого «святым

человеком» – ШИРИН-ДЖЯНА, проживающего в местечке Чарбаки-Сафа, или других из преданных мне лиц, но сейчас точно не помню.

Вопрос: Вы также сообщили фон ХИНТИГУ характеристики и адреса этих лиц и договорились с ним об установки связи с ними?

Ответ: Кроме имен и названия провинции, я ничего не говорил о них фон ХИНТИГУ и не давал никаких характеристик. О связи с этими людьми мы также не договаривались, и этот вопрос меня в то время совершенно не занимал, поскольку до проведения всей подготовки к восстанию вне Афганистана не было никакой необходимости устанавливать с ними связь, тем более что такая преждевременная связь могла привести к провалу всего восстания.

Вопрос: Следствию известно, что вы договаривались с фон ХИНТИГОМ об установлении связи с руководителями племен, и немецкими разведывательными органами были приняты конкретные меры в этом направлении. Почему вы умалчиваете об этом?

Ответ: Я показываю так, как было в действительности, и ничего не скрываю. Никакой договоренности с фон ХИНТИГОМ об установлении связи с названными руководителями племен у меня не было. Припоминаю, что в процессе разговора со мной фон ХИНТИГ мимоходом делал какие-то заметки на бумаге и, возможно, он записал имена этих лиц, а затем передал в разведывательные органы для установления с ними связи, но мне ничего об этом не известно.

Вопрос: Чем же закончились тогда ваши переговоры с фон ХИНТИГОМ?

Ответ: В заключение я высказал фон ХИНТИГУ свое желание лично выехать в Москву для переговоров, против чего он принципиально не возражал, заявив, что поездка состоится по окончании переговоров по этому вопросу их посла с Советским правительством. С фон ХИНТИГОМ мы условились вновь встретиться сразу же по получении согласия Советского Союза.

В конце беседы я поставил его в известность о своем намерении выехать в ближайшие дни в Италию для встречи и обсуждения всех этих вопросов с АМАНУЛЛА-ХАНОМ.

Вопрос: Состоялась ваша встреча с АМАНУЛЛА-ХАНОМ?

Ответ: Прежде чем встретиться с АМАНУЛЛА-ХАНОМ, я решил обратиться в советское посольство в Берлине, чтобы лично объясниться с советским послом и попросить его разрешения на выезд для переговоров в Москву.

Вопрос: На этот счет вы получили установку от фон ХИНТИГА или кого другого?

Ответ: Нет, я установок о посещении советского посольства от фон ХИНТИГА или кого-либо другого не получал. Я предпринял это по собственной инициативе, решив скрытно от немцев вступить в личные переговоры с Советским правительством. Мною руководила мысль, что успех всего этого дела зависит только от Советского Союза, с которым я, как и во время мятежа БАЧЕ-САКАО[8] в 1929 году, сумею полностью договориться и обеспечить подготовку переворота в Афганистане, помимо немцев, не имеющих общей границы с Афганистаном.

После беседы с фон ХИНТИГОМ, если не ошибаюсь, в тот же день я направился в советское посольство. Меня приняли в комнате для посетителей три человека, из которых один назвался советником посольства. Обрисовав свою прошлую деятельность и сославшись на личное знакомство с рядом руководителей Советского Союза, я сообщил им о своем намерении переговорить с послом и получить разрешение на выезд в Москву для переговоров с Советским правительством по вопросу об изменении существующего в Афганистане государственного режима. При этом я сослался, что по данному вопросу мною в свое время велись переговоры с советскими представителями – ЛИТВИНОВЫМ[9] и СУРИЦЕМ[10]. Мне ответили, что о моем ходатайстве будет сообщено в Москву и о результатах я буду поставлен в известность.

Вопрос: Вы продолжаете скрывать свою настоящую связь с немцами и путаетесь в противоречиях. Несколько выше вы показали, что намеревались в советском посольстве рассказать о своих переговорах с немцами, а на самом деле скрыли это от принимавшего вас советника посольства. Требуем говорить правду.

Ответ: Я подтверждаю, что не был полностью откровенен во время указанного приема в советском посольстве. Но это произошло потому, что меня принимали трое неизвестных для меня сотрудников посольства, которым я побоялся сообщить о переговорах со мною немцев из опасений, что это не останется в тайне от последних. Целью своей беседы с указанными сотрудниками посольства я ставил добиться приема у посла или его разрешения на выезд в Москву для встречи со знающими меня руководителями Советского правительства, которым я мог все откровенно рассказать и детально изложить план подготовки переворота в Афганистане.

Вопрос: Несостоятельность вашей версии видна из того, что если бы вы искренне намеревались вести какие-то переговоры только с Советским Союзом, то вам незачем было вести двойную игру, скрывать в советском посольстве свои связи с немцами и в то же время продолжать их. Не так ли?

Ответ: Мои показания полностью соответствуют действительности. Такое поведение с моей стороны объясняется тем, что в этот момент между Германией и СССР установилась общая граница на территории бывшей Польши, был заключен договор в Москве и установились, как мне казалось, особо дружественные отношения. Поэтому, ориентируясь в своих планах на Советский Союз, я в то же время не исключал возможности, что вопрос о перевороте в Афганистане уже предрешен между Советским правительством и Германией и будет осуществляться ими только совместно, как мне заявил об этом фон ХИНТИГ. В таком неясном для меня положении я не решался порвать переговоры с немцами, тем более что инициатива исходила от них.

Вопрос: Вы далеко не откровенны, и к этому вопросу следствие еще вернется. Сейчас покажите, что в дальнейшем практически было предпринято вами в порядке осуществления предложений немцев?

Ответ: Я ничего не предпринимал и не собирался предпринимать до личной поездки и переговоров в Москве. После посещения советского посольства я созвонился по телефону из Берлина с АМАНУЛЛА-ХАНОМ в Риме и, ввиду спешности и желания выиграть во времени, вызвал его для встречи в приграничный итальянский городок Бользано, возле итало-немецкой границы. Во время этой встречи в одной из гостиниц г. Бользано мы с АМАНУЛЛА-ХАНОМ обсудили предложение немцев и приняли решение, что в дальнейшем мы должны иметь дело и ориентироваться только на Советский Союз, и я, во что бы то ни стало, должен добиться поездки в Москву и окончательно договориться там об оказании нам помощи, как и в 1929 году[11], оружием и специальными частями из проживающих в СССР афганцев, при помощи которых можно было бы захватить Мазари-Шариф, а затем поднять всеобщее восстание в Афганистане против ЗАХИР-ШАХА.

Предполагалось, что АМАНУЛЛА-ХАН, по получении мною в Москве согласия Советского правительства, переедет в Ташкент, а по занятии Мазари-Шарифа обратится как король Афганистана с призывом к населению о всеобщем восстании и вслед за войсками двинется на Кабул.

Мы также решили, что, в случае положительного разрешения наших планов в Москве, дальнейший контакт с немцами будем поддерживать лишь в том случае, если это сочтет необходимым Советское правительство. От всякой помощи со стороны немцев специальными инструкторами или офицерскими кадрами мы должны были отказаться под благовидным предлогом, что это вызовет недовольство к нам со стороны населения.

О результатах предполагавшейся поездки в Москву и моих там переговорах я должен был незамедлительно поставить в известность АМАНУЛЛУ-ХАНА.

По возвращении в Берлин я немедленно позвонил в советское посольство в надежде попасть на прием к послу или советнику, [чтобы] изложить перед ними наши с АМАНУЛЛА-ХАНОМ планы и получить разрешение на выезд в Москву. Однако в течение нескольких дней мне по телефону из посольства давали уклончивые ответы, а затем заявили, что советский посол меня не примет.

Вопрос: После этого вы решили действовать только в контакте с немцами?

Ответ: Я был обескуражен ответом советского посольства, отлично сознавая, что любые планы немцев без участия Советского Союза будут носить авантюрный характер и заранее неосуществимы. Но получилось так, что в то время, как я добивался ответа из советского посольства, меня вновь вызвал к себе в Министерство иностранных дел фон ХИНТИГ и сообщил, что Советское правительство дало официальное заверение о своем согласии на осуществление переворота в Афганистане при моем участии.

В подтверждение этого фон ХИНТИГ показал мне телеграмму от германского посла в Москве фон ШУЛЕНБУРГА, в которой говорилось, что он был на приеме у Председателя Совнаркома Молотова и получил его согласие на оказание Советским правительством совместно с Германией необходимой помощи мне и АМАНУЛЛЕ-ХАНУ для подготовки восстания в Афганистане, в связи с чем в ближайшее время предполагается мой вызов в Москву для переговоров. Прочитав телеграмму, я заявил фон ХИНТИГУ о своем намерении немедленно отправиться в Москву, на что он ответил, что сейчас туда выехал для переговоров их представитель, а моя поездка состоится, мол, через несколько дней.

Спустя некоторое время фон ХИНТИГ сообщил мне, что из Москвы поступило указание временно отложить мой выезд туда, так как переговоры между правительствами затянулись и еще не закончились. А вскоре фон ХИНТИГ, по неизвестным мне причинам, был уволен из восточного отдела германского Министерства иностранных дел, и вопрос о моей поездке в Москву, а также и всякие переговоры в отношении переворота в Афганистане на этом прервались.

Вопрос: А кроме фон ХИНТИГА, с вами никто не вел переговоров по этим вопросам?

Ответ: Нет. Правда, во время моего посещения фон ХИНТИГА в министерстве, в связи с указанной выше телеграммой фон ШУЛЕНБУРГА, он познакомил меня с ГАБИХТОМ[12], которого я до этого и после не встречал и не знаю его должностного положения. Судя по отношению к нему фон ХИНТИГА, у меня сложилось впечатление, что ГАБИХТ занимал какой-то высокий пост и имел отношение к переговорам с Москвой по этому делу.

Вопрос: В связи с чем состоялось знакомство ГАБИХТА с вами?

Ответ: Я сам не смог уяснить этого. Зайдя в кабинет фон ХИНТИГА во время нашей беседы с ним, ГАБИХТ, познакомившись со мной, высказал в коротком разговоре свою осведомленность о наших переговорах и, подтвердив содержание телеграммы фон ШУЛЕНБУРГА о скором вызове меня в Москву, пожелал успеха в предстоящих переговорах с Советским правительством и тут же распростился и ушел.

Я полагаю, что ГАБИХТ являлся одним из видных инициаторов замышлявшегося переворота в Афганистане и, зная об отводившейся мне роли в нем, зашел к фон ХИНТИГУ затем, чтобы лично познакомиться со мной. Больше ни с кем из немцев я никаких переговоров не вел.

Вопрос: Во время своих встреч с фон ХИНТИГОМ и ГАБИХТОМ вы поставили их в известность о результатах своих попыток связаться с советским консульством?

Ответ: О своем посещении советского посольства и попытках связаться с ним по телефону я, ни до ни после, никому из немцев, в том числе фон ХИНТИГУ и ГАБИХТУ, не говорил.

Вопрос: Кому из немцев вы сообщили о своих переговорах с Советским правительством по поводу оказания помощи АМАНУЛЛЕ-ХАНУ в 1929 году?

Ответ: Об этом я говорил с фон ХИНТИГОМ, но для него тогдашние переговоры не были секретом. В 1929 году я приезжал в Германию и вел в министерстве иностранных дел переговоры об оказании нам помощи оружием со ШТРЕЙЗЕМАНОМ[13] и РИХТГОФЕНОМ[14]. При их содействии я закупил тогда в Германии и отправил в Советский Союз большую партию оружия, и немцы с тех пор были осведомлены о моих переговорах и контакте с Советским правительством по оказанию помощи АМАНУЛЛЕ-ХАНУ в 1929 году, а также знали о моих старых симпатиях к Советскому Союзу.

Вопрос: Покажите, на каких условиях немцы предлагали вам помощь для подготовки восстания против ЗАХИР– ШАХА в Афганистане и какие цели они при этом преследовали?

Ответ: Для меня было ясно, что в данном случае немцы действовали прежде всего в своих,

нежели в моих и АМАНУЛЛА-ХАНА интересах. Однако во время переговоров со мной они никаких условий еще не выдвигали, видимо, потому что наши переговоры носили предварительный характер и не получили конкретного завершения.

Протокол записан с моих слов правильно и
прочитан мне на понятном для меня русском языке:

ГУЛЯМ СИДДИК-ХАН

Центральный архив ФСБ. Д. 8234. Л. 90—101. Машинописный текст. Подпись – автограф на немецком языке.

Примечания

1. В этом документе освещены события 1941 г., поэтому он помещен вторым.
2. Автор не имеет биографических сведений о данном дипломате.
3. Нейрат Константин фон (1873—1956) – германский политический деятель и дипломат. С 1903 г. был генеральным консулом Германии в Лондоне. В годы Первой мировой войны служил в германском посольстве в Стамбуле. С 1919 г. – посланник в Дании. В 1922—1930 гг. был послом в Риме. С июня 1932 г. по февраль 1938 г. являлся министром иностранных дел Германии. В 1939—1943 гг. – протектор Богемии и Моравии. В Нюрнберге приговорен к 15 годам тюрьмы. В 1954 г. досрочно освобожден.
4. Фриц Гроббе (1886—?) – германский дипломат. В 1913 г. поступил на дипломатическую службу: служил переводчиком в консульстве в Иерусалиме. В 1914 г. призван в армию. В 1916 – 1918 гг. прикомандирован к германской военной миссии в Турции. В 1921 г. вновь поступил на дипломатическую службу. 1923 г. – сотрудник восточного отдела МИД. В 1923—1926 гг. – германский консул в Кабуле. С 1926 г. работал в аппарате Министерства иностранных дел. В 1930—1939 гг. – посланник в Багдаде. С 1941 г. курировал вопросы, связанные с пропагандой в восточных странах. В октябре 1944 г. переведен из МИДа в Министерство вооружения Германии. После окончания Второй мировой войны несколько лет находился в советском плену.
5. Так в тексте.
6. В документе ошибка из-за неправильного перевода: Сиддик-хан имел в виду Восточную провинцию, административным центром которой является г. Джелалабад.
7. Автор данной публикации не располагает информацией об указанных лицах.
8. Так в тексте.
9. Максим Максимович Литвинов (Макс Валлах) (1876—1951) – советский дипломат и партийный деятель. В 1930—1939 гг. – нарком иностранных дел СССР. Член ЦК ВКП(б) в 1934—1941 гг.
10. Яков Захарович Суриц (1882—1952) – советский дипломат. В 1918/1919 гг. – представитель РСФСР в Дании; в 1919—1921 гг. – полпред РСФСР в Афганистане. В 1921—1922 гг. – уполномоченный НКИД по Туркестану и Средней Азии. В 1922—1923 гг. полпред в Норвегии. В 1923—1934 гг. – посол в Турции. В 1934—1937 гг. – посол в Германии. В Стамбуле и Берлине поддерживал тайные контакты с аманулистами. С 1937 г. – советский посол во Франции. После фашистской оккупации этой страны был отозван в Москву и работал в аппарате НКИД. В 1946—1947 гг. был послом в Бразилии. В 1948 г. вышел в отставку.
11. Речь идет об отряде под командованием В. М. Примакова.
12. Теодор Хабихт (?) – с 1939 г. был начальником политического отдела германского Министерства иностранных дел. Доверенное лицо и выдвиженец И. Риббентроппа.
13. Штреземан Густав (1878—1929) – государственный и политический деятель Германии. Лидер Немецкой народной партии. 1923 г. – глава коалиционного правительства. В 1923—1929 гг. – министр иностранных дел Германии.
14. Вероятно, речь идет о Вольфраме фон Рихтхофене (1895 – 1945) – немецком летчике, который был привлечен Штреземаном к переговорам с представителем Амануллы, так как в 1929 г. афганская сторона просила срочно продать ей несколько самолетов «Юнкерс». Эта просьба была удовлетворена германским правительством.

ДОКУМЕНТ № 3СЛУЖЕБНАЯ ЗАПИСКА НАЧАЛЬНИКА ВОСТОЧНОГО ОТДЕЛА МИДа ГЕРМАНИИ МЕЛЬХЕРСА

Господин министр иностранных дел выделил для проведения специальных операций в Афганистане и районах на индо-афганской границе один миллион рейхсмарок.

В настоящий момент из этой суммы переправлено через:

торгового атташе Расмуса

7000 фунтов стерлингов золотом = 143 220 рейхсмарок,

25 000 американских долларов = 62 500 рейхсмарок;

советника по строительству Венгера

(Организация Тодта)

6000 фунтов стерлингов золотом

= 122 760 рейхсмарок.

Итого: 328 480 рейхсмарок.

Неиспользованных средств 672 520 рейхсмарок.

Предполагается в субботу 31 мая передать в Кабул с отъезжающим туда радистом посольства Дохом еще два мешка с 2000 фунтов стерлингов золотом = 40 120 рейхмарок.

Я прошу приготовить эту сумму для Доха через VII политический отдел.

Берлин, 27 мая 1941 г.

Подлинник подписал: Мельхерс

Schnabel R. Tiger und Schakal. Wien, 1968. Dokument 1.

ДОКУМЕНТ № 4СООБЩЕНИЕ НЕМЕЦКОГО РАЗВЕДЧИКА ВЕНГЕРА[1]

Берлин, 7 февраля 1942 г.

Венгер сообщает, что афганский премьер-министр рассказал ему, что из достоверных источников ему стало известно, что советник миссии Анцилотти не был у Факира из Ипи[2].

Архив СВР. Перевод с немецкого, заверенная машинописная копия.

Примечания

1. Факт, приведенный в данном документе, относится к лету 1941 г.

2. Подчеркнуто в тексте карандашом.

ДОКУМЕНТ № 5ДОНЕСЕНИЕ ФРЕДА БРАНДТА[1]

Берлин, 7 февраля 1942 г.

О передаче денег факиру из Ипи[2]

через итальянское посольство в Кабуле.

Через несколько дней после того, как д-р Обердорффер и я прибыли в Кабул, советник миссии Анцилотти[3] выехал из Кабула для того, чтобы передать от немцев и итальянцев факиру из Ипи крупные денежные суммы. Из Кабула к южной границе Афганистана он был доставлен в машине женой итальянского посланника госпожой Кварони. Примерно через 14 дней госпожа Кварони одна поехала за ним к границе и привезла его обратно. Советник миссии Анцилотти рассказывал много подробностей о своей поездке к факиру из Ипи. Он даже хвастался тем, что принимал участие в одном бою факира из Ипи.

Афганский полковникМир Саиб, родом из Банну (Индия), которого рекомендовал нам врач посольства д-р Фишер и который является братом афганского резидента, находящегося на связи у Расмуса и Витцеля, оказался осведомленным о всех подробностях поездки Анцилотти. (Мир Саиб и его брат дали д-ру Обердорфферу и мне девять человек, которые якобы принадлежали к племенам пограничного района и позднее оказались работниками кабульской полиции. Правда, и Мир Саиб был арестован вместе со мной и при моем отъезде из Кабула все еще находился в тюрьме. Как я слышал, факир якобы прислал к афганскому правительству курьера с тем, чтобы добиться освобождения Мир Саиба и его брата)[5].

Капитан полиции Абдул Кадир-хан, охранявший меня в тюрьме в Кабуле, рассказал мне, что советник миссии Анцилотти никогда не был у факира. Афганская полиция смеется над рассказами Анцилотти о его пребывании у Факира.

Анцилотти находился у афганских знакомых в Южной провинции, откуда жена посланника и привезла его обратно.

О госпоже Кварони следует сказать еще следующее: по происхождению она русская татарка. Она покинула Россию лишь в 1928 г. и настроена чрезвычайно положительно к России и даже к большевикам.

Расмус по книге входящей почты итальянского посольства, где он должен был однажды расписаться, установил, что итальянское посольство неоднократно обменивалось с английским посольством в Кабуле письмами; последний раз еще в июне 1941 г.

Английский капитан из индийской разведывательной службы, допрашивавший меня в Пешаваре, услышав имя Анцилотти, заявил мне, что этот господин его не интересует!!!

Я полностью разделяю мнение господина Расмуса и господина Витцеля, которые считают, что советник Анцилотти не был у факира из Ипи, а деньги, данные ему для передачи, поделил с госпожой Кварони, а может быть, и с господином Кварони.

Архив СВР. Перевод с немецкого, заверенная машинописная копия.

Примечания

1. Этот документ, как и сообщение Венгера, помещен в начале приложения, так как в нем изложены события лета 1941 г.
2. Так в документе: «факир» со строчной буквы.
3. Здесь и далее подчеркнуто в тексте карандашом.
4. Подчеркнуто дважды.
5. На полях против этого абзаца проведена вертикальная черта и поставлен восклицательный знак.

ДОКУМЕНТ № 6В НЕМЕЦКОЕ ПОСОЛЬСТВО В КАБУЛЕ

Верховное командование вермахта

Заграница/абвер Абвер II/SOS № 1068 / 8. 41

Касаемо: Мацотты

Берлин, 30. 8. 41

В Министерство иностранных дел

В соответствии с договоренностью обер-лейтенанта Харбиха[1] и доктора Ленца с его превосходительством Мацоттой и господами фон Зитцевитцем и доктором Вертом[2] получены необходимые данные о технических параметрах посадочной площадки для операции «Тигр» по высадке десанта в районе северо-западной границы Индии.

Необходимые размеры взлетно-посадочной площадки для самолетов «Кондор»[3]: 1500 на 1500 метров;

очень ровная, без гальки, без борозд,

не мягкая, твердая почва

(овечье пастбище, горное пастбище).

Лучше всего твердый суглинок

или твердое травяное покрытие,

без песка.

Близость воды нежелательна. Площадка для самолета не должна находиться на склоне горы. Площадке следует иметь равные стороны. Она может находиться и в лесу, в котором нет высоких деревьев.

Самолетная площадка также может быть у подошвы горы, но с условием, что горные склоны не будут слишком крутыми. Длина: 3000 метров. Ширина: как минимум 300 метров.

Склоны гор должны возвышаться вдоль ширины площадки. Боковые стороны не должны ограничиваться, если это возможно, горами или холмами.

Schnabel R. Tiger und Schakal. Wien, 1968. Dokument 7.

Примечания

1. Харбих – офицер абвера, отвечал за подготовку диверсантов из взятых в плен индийцев.
2. Фон Зитцевитц и А. Верт были в германском Министерстве иностранных дел сотрудниками «Специального бюро по Индии».
3. «Фокке-Вульф» 200 «Кондор» (FW 200) – сверхдальний бомбардировщик и разведчик. Максимальная дальность полета типового «Кондора» доходила до 4400 км. Однако

самолеты, использовавшиеся абвером для своих целей, имели дополнительные бензобаки, что значительно повышало их радиус действия.

ДОКУМЕНТ № 7ТЕЛЕГРАММА РЕЗИДЕНТА АБВЕРА В КАБУЛЕ ВИТЦЕЛЯ

Кабул, 9 декабря 1941 г.

Секретное дело рейха!

Для Верховного командования вермахта в абвер II:

На телеграмму № 409 от 29 ноября

Цель деятельности абвера II в Северо-Западной Индии при наступлении немецких войск: дезорганизация тыла английского фронта через:

1. Интеллектуальное (geistige) вредительство: слухи, дезорганизация торговли, распространение фальшивых распоряжений властей, ложных сведений о мнимых воздушных десантах, саботаж деятельности государственного аппарата через насаждение шпиономании, распространение которой облегчит нашу работу в дальнейшем. Развертывание кампании по организации бесцельных передвижений потоков беженцев для создании заторов на транспортных артериях.
2. Диверсии: разрушение телефонных линий, поджог военных складов в тылу, блокирование дорог с помощью местных диверсионных групп, не имеющих спецсредств.
3. Запланированные крупные диверсионные акты: воинских спецчастей с необходимыми средствами на линиях коммуникаций и против баз снабжения.
4. Наведение с помощью световых сигналов самолетов люфтваффе на цели и площадки для высадки десантов.
5. Передачу разведсведений в случаи необходимости через установленный в Пограничной провинции немецкий радиопередатчик.
6. [.... .][1]

Способ достижения: так как на начало всеобщего восстания в Индии при подходе немецких войск рассчитывать нельзя, необходимо будет начать массовые диверсии, которые могут быть успешными только в районе боевых действий британской армии. В областях, незатронутых военными операциями, без подхода немецких войск результаты этих диверсий быстро устранены, а S-организация[2] с легкостью ликвидирована. Таким образом, зона диверсионной деятельности должна возникать лишь по мере отступления английского фронта в глубь Индии. В любом случае, уже сейчас крупные диверсионные акты на жизненно важных объектах в британском тылу могут иметь успех.

После возобновления временно прерванной связи с организацией Мацотты ей поручено: в каждом населенном пункте создать группы или завербовать отдельных лиц для выполнения заданий под № 1, 2, 4, 5, 7... и агенты действуют отдельно друг от друга и должны выполнять только одно[3] задание.

Сигналом для проведения диверсий будет приближение немецких войск или пароль организации Мацотты.

После выполнения задания целью дальнейшей деятельности является: по возможности вредить англичанам. При определенных обстоятельствах передача приказов о дальнейшем ведении разведки возможна через организацию Мацотты.

Вместе с этим создание в полосе «независимых» пуштунских племен особых военных отрядов для проведения крупных диверсий с использованием спецсредств.

Главный упор все же должен делаться на небольшие акты саботажа на местах.

План организации восстания приграничных племен может быть осуществлен только в определенный момент. Его реализация обеспечит полный военный успех, но лишь в тылу англичан.

Витцель Пильгер

Примечание:

Доклад следует.

Schnabel R. Tiger und Schakal. Wien, 1968. Dokument 41.

Примечания

1. В документе указано, что эта часть донесения Витцеля не была принята полностью из-за радиопомех.
2. S (Sabotage) – диверсионная организация; здесь: «Организация Мацотты».
3. Выделено в тексте Витцелем.

ДОКУМЕНТ № 8ТЕЛЕГРАММА ГАНСА ПИЛЬГЕРА В МИД ГЕРМАНИИ

Кабул, 13 марта 1942 г.

Если требование Витцеля скорее начать выступления в пограничных районах[1] не встретит в Берлине возражений, опасаюсь, что обусловленное этим обострение положения посольства скажется также и на итальянском и японских посольствах. Поэтому нам необходимо своевременно информировать их о начале мероприятий. Прошу дать по этому вопросу указание телеграфом.

Рассмотрев дело еще раз, считаю, что директива ОКВ (в телеграмме № 73 от 3 марта), согласно которой выступление должно произойти только тогда, когда положение посольства будет, по моему мнению, подходящим для того, чтобы Витцель и Расмус могли исчезнуть, не давая повода к обострению, является наилучшим разрешением вопроса.

Пильгер.

Архив СВР. Перевод с немецкого, заверенная машинописная копия.

Примечания

1. Имеется в виду зона пуштунских племен вдоль индо-афганской границы.

ДОКУМЕНТ № 9ШИФРОТЕЛЕГРАММА Г. ПИЛЬГЕРА СТАТС-СЕКРЕТАРЮ МИДа ГЕРМАНИИ В. КЕППЛЕРУ

26 мая 1942 г. Весьма срочно

Афганское правительство лишило Уттам Чанда права вести торговлю и намеривалось выслать его в Индию. Однако оно согласно продлить ему вид на жительство, если мы сможем доказать афганскому правительству безупречность его убеждений, как индийского националиста. Правительство утверждает, что он является английским агентом. Уттам Чанд является... посредником Расмуса, для которого чрезвычайно важно, чтобы он оставался здесь. В беседе с Босом, которому Уттам Чанд известен, можно было бы выяснить вопрос о его благонадежности и, не упоминая Боса, предпринять дальнейшие шаги перед афганским правительством.

Убедительно прошу телеграфировать Ваши указания.

Пильгер.

Архив СВР. Перевод с немецкого, заверенная машинописная копия.

ДОКУМЕНТ № 10ТЕЛЕГРАММА В. КЕППЛЕРА Г. ПИЛЬГЕРУ

Берлин, 30 мая 1942 г.

Мацотта дает очень положительный отзыв об Уттам Чанде. Он просит сделать все возможное, чтобы помешать его высылке в Индию, так как там он будет подвергнут аресту и, возможно, даже пыткам. При всей своей лояльности, в которой вообще не приходится сомневаться, он недостаточно стоек, чтобы выдержать пытки.

Кепплер.

Архив СВР. Перевод с немецкого, заверенная машинописная копия.

ДОКУМЕНТ № 11ТЕЛЕГРАММА Г. ПИЛЬГЕРА В МИД ГЕРМАНИИ

Кабул, 30 мая 1942 г.

Афганское правительство вопреки обещанию подождать сведений, запрошенных из Берлина, вчера выслало Уттам Чанда к индийской границе. Как сообщил мне министр иностранных дел, правительство распознало в нем диверсанта, имеющего отношение к английской Интеллидженс сервис[1]. Установлено якобы также, что он занимался распространением слухов, направленных против интересов Афганистана[2].

В связи с этим, перепроверив все сведения, правительство также и в наших интересах приняло решение о его немедленной высылке. Все попытки оставить Уттама здесь до получения просимых сведений не имели успеха, так министр иностранных дел заявил, что эта высылка не имеет никакого отношения к англичанам, так как в противном случае он

поставил бы меня об этом в известность. Все же возникает серьезное подозрение, что в этом замешаны англичане, так как афганскому правительству, в том случае если оно самостоятельно приняло это решение, было бы не трудно отложить высылку Уттама до получения ответа. Расмус подготавливает другие связи.

Пильгер.

Архив СВР. Перевод с немецкого, заверенная машинописная копия.

Примечания

1. Афганское правительство в 1941—1942 гг. неоднократно проводило массовые аресты лиц, сотрудничавших с иностранными разведками. В ходе этих мероприятий в тюрьме или высланными за пределы страны оказывались как агенты оси, так и граждане, работавшие на спецслужбы СССР и Англии.

2. В 1941—1943 гг. из-за сокращения импорта из Британской Индии и прекращения торговли с Советским Союзом в Афганистане возникла большая нехватка товаров первой необходимости. Многие афганские чиновники, включая премьер-министра Хашим-хана, спекулировали дефицитными товарами из государственных запасов. Действительно, Уттам Чанд в беседе с тайным полицейским осведомителем неосторожно проронил несколько гневных фраз по поводу злоупотреблений афганских властей.

ДОКУМЕНТ № 12ТЕЛЕГРАММА РАСМУСА В БЕРЛИН

Кабул, 30 мая 1942 г.

Прибыл с письмом первый курьер непосредственно от Факира. Это неизвестно итальянцам, которые получали информацию от курьеров старым путем. Как мы и опасались, Факир до сего времени предполагал, что его якобы поддерживают деньгами только итальянцы. Этим объясняется тот факт, что итальянцы никогда не соглашались на наши просьбы связать нас непосредственно с людьми Факира. Курьер – близкий родственник Факира, будет приезжать в Кабул два раза в месяц. Кроме того, мы оставляем здесь запасного курьера, с помощью которого была установлена связь. Курьер передал сердечные приветы фюреру и рейху. Он сообщил о финансовых затруднениях, из-за которых испытывается недостаток в боеприпасах, сказывающийся на боях, происходящих в данный момент.

Деньги Факиру буду направлять через свою связь, несмотря на то что итальянцы, наверное, предъявят нам требования о совместном финансировании Факира.

Прошу указаний относительно требований итальянцев.

Расмус.

Архив СВР. Перевод с немецкого, заверенная машинописная копия.

ДОКУМЕНТ № 13ТЕЛЕГРАММА ВИТЦЕЛЯ

Кабул, 30 мая 1942 г.

О результатах беседы с прибывшим в Кабул по нашему требованию новым представителем Факира (Пожиратель огня) сообщаю.

...Факир располагает 20—22 тыс. человек, вооруженных винтовками (90% английских, 5% французских, 5% русских), как и все племена. Ощущается сильный недостаток в боеприпасах. Число бойцов быстро возрастет до 100 тыс., когда начнется настоящая борьба против англичан.

В настоящее время боевые действия ограничиваются окружением различных мест сосредоточения английских войск, настоящие атаки невозможны из-за недостатка оружия.

На границе купить боеприпасы почти невозможно, поэтому помощь деньгами не может сделать борьбу более интенсивной. Боеприпасы можно получить только самолетами дальнего действия, в данном случае японскими, или купить у афганского правительства старые запасы на выгодных для него условиях. Прошу дать указания.

Большой груз Кейль-Армада якобы не прибыл.

О Сперайте или других немцах никогда не слышал[1].

Радиоустановка 76/15 и изготовленный здесь агрегат благополучно прибыли, но нет людей для их обслуживания (подготавливается направление радистов Мацотты после прохождения подготовки).

Витцель, Пильгер.
Архив СВР. Перевод с немецкого, заверенная машинописная копия.
Примечания
1. Вероятно, речь идет о депортированных в Индии немцах, некоторые из которых бежали из плена. Однако возможно, что Витцель по заданию абвера проверял информацию о том, что в Вазиристан из Ирана проникают германские агенты.
ДОКУМЕНТ № 14ТЕЛЕГАММА В. КЕППЛЕРА Г. ПИЛЬГЕРУ
Берлин, 2 июня 1942 г.
В связи с... донесением за № 377 прошу дать справку, исходила ли инициатива в переговорах об Уттам Чанде от местного правительства или от посольства. По мнению Мацотты, это несомненно является фактом проявления недоброжелательного отношения и является нажимом британской стороны. Прошу телеграфировать ответ [...].
Кепплер.
Архив СВР. Перевод с немецкого, заверенная машинописная копия.
ДОКУМЕНТ № 15ТЕЛЕГРАММА Г. ПИЛЬГЕРА В. КЕППЛЕРУ
Кабул, 3 июня 1942 г. (ответ на телеграмму от 2 июня 1942 г.)
Инициатива исходила от нас после того, как Уттам сообщил Расмусу, что афганцы предложили ему покинуть Афганистан. При первой беседе с генерал-директором[1], который сказал, что он сам дал распоряжение о высылке, Расмус подчеркнул, что Уттам очень ценен для нас, так как через него мы получаем информацию из Индии. У Расмуса сложилось впечатление, что до получения сведений, запрошенных из Берлина, никаких дальнейших шагов предприниматься не будет. Когда же, несмотря на это, высылка все же должна была состояться, то я обратился к министру иностранных дел, но все же не смог предотвратить высылки.
Высылка Уттама совпадает с арестом более чем ста индусов афганской национальности[2], которых афганское правительство считает диверсантами. [...]
Тем временем афганское правительство было поставлено в известность о положительном отзыве Боса, причем вопрос о том, что германское правительство ни в каком случае не оставит без ответа высылку полезного нам Уттама, был оставлен открытым.
Генерал-директор тем временем снабжает нас индийскими газетами и журналами, получаемыми в министерстве иностранных дел, с тем, чтобы возместить нам отсутствие Уттама, и обещал регулярно снабжать нас индийскими материалами.
Предлагаю устно информировать министерство иностранных дел о содержании телеграммы № 186[3], а также выразить недовольство моего правительства по поводу случившегося.
Пильгер.
Архив СВР. Перевод с немецкого, заверенная машинописная копия.
Примечания
1. Так в документе. Скорее всего, речь идет о начальнике Общеполитического отдела в афганском МИДе Наджибулле-хане.
2. Пуштунов. Здесь Пильгер допустил неточность, так как не все арестованные были пуштунами.
3. Что это за телеграмма, автору установить не удалось.
ДОКУМЕНТ № 16ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА МЕЛЬХЕРСА ВЁРМАНУ[1]
Берлин, 3 июня 1942 г.
Полученные в последнее время от посольства в Кабуле телеграммы свидетельствуют о том, что посольство все еще убеждено в том, что лояльное и искреннее сотрудничество с афганским правительством вполне возможно. Эта точка зрения, по мнению VII политического отдела, является совершенно неприемлемой. Телеграммы из Кабула за №№ 368, 377, 380, а также 375 и 378[2] показывают, что может быть причинен большой ущерб, если посольство не убедится, наконец, окончательно в неблагонадежности афганского правительства.
Случай с индийским купцом Уттам Чандом, у которого в свое время скрывался Бос, ясно

показывает метод, который применят афганцы и англичане в их совместной игре против нас, в данном случае неважно, является ли это сотрудничество добровольным или вынужденным, Уттам Чанд, агент Расмуса, о котором Бос отзывается очень положительно, был выслан афганским правительством под тем предлогом, что он является английским агентом. Посольство доказало афганцам, что Уттам находится на немецкой службе, поскольку оно упорно хлопотало о нем и отрицало его симпатии к англичанам. Возникают опасения, что посольство, действуя в подобных случаях таким образом, выдает англичанам и тех немногих агентов, которыми мы располагаем.

К телеграмме № 380 следует заметить, что угрозы с нашей стороны едва ли могут привести к такому положению, при котором наша работа в Афганистане не будет встречать препятствий. Во втором абзаце указывается на то, что существует опасность, что правительство установит связь с англичанами. Это можно предположить с полной уверенностью.

В связи с этими обстоятельствами непонятно предложение, сделанное в телеграфном донесении 378, абзац 6, согласно которому делаются попытки добиться у афганского правительства передачи старого оружия Факиру из Ипи. Здесь возникло подозрение, что новый представитель, упомянутый в телеграмме 378, является ненадежным, поскольку он сообщает, что Анцилотти был у Факира. Сердечные приветы Факира фюреру и Германии кажутся мне не совсем правдоподобными.

Следует еще раз подчеркнуть... настоящее афганское правительство более или менее добровольно является орудием в руках англичан. Само собой разумеется, что оно будет пытаться возможно дольше избегать разрыва отношений с нами. Но можно с полной уверенностью сказать, что нажим англо-русской стороны на него все время усиливается. Для англичан и русских недопустимо иметь представительства стран Оси в тылу их восточно– и западноазиатских фронтов. Поскольку японское посольство в Иране должно было закрыться, без сомнения, они будут стремиться к тому, чтобы закрыть посольства держав Оси и в Афганистане. Может быть, это проводится постепенно, и сначала обезвреживается их агентура. В позиции афганского правительства не приходится сомневаться хотя бы потому, что через русских ему стал известен наш план 1940 г. о его свержении. Поскольку афганский народ в своей массе относится к правительству враждебно и большинство желало бы возврата Аманулы или его семьи, то современное афганское правительство может опираться только на англичан. С той стороны, конечно, и исходят слухи о том, что державы Оси имеют с Аманулой общие планы.

Предлагается, в том случае, если мы заинтересованы в дальнейшем пребывании посольства в Кабуле, дать ему указание не вмешиваться больше в дело Уттам Чанда и прекратить попытки осуществить авантюрный план доставки оружия Факиру из Ипи самолетами или путем соглашения с афганским правительством о передаче старого оружия. Далее предлагается указать посольству на необходимость вновь перепроверить благонадежность связи с Факиром. Не следует задумываться о том, что Факиру посылаются двойные суммы денег, и прямым путем и через итальянцев, если только от этих сумм можно еще ожидать каких-либо выгод, считая, что они попадают по назначению.

Г-ну младшему статс-секретарю Верманну

Мельхерс

Архив СВР. Перевод с немецкого, заверенная машинописная копия.

Примечания

1. Внизу текста записки Мельхерса приводится резолюция Вермана: «Г-ну статс-секретарю Кепплеру. Согласен с этим мнением и хотел бы поговорить с Вами по этому вопросу».

2. Указанные в тексте документа телеграммы № 368, 377, 380 относятся к делу о высылке Уттам Чанда (см. документы № 7, 9, 13), а телеграммы № 375 и 378 являются донесениями Расмуса и Витцеля от 30. 05. 1942 г. (см. документы № 10, 11).

ДОКУМЕНТ № 17ТЕЛЕГАММА ВЁРМАННА В КАБУЛ

Берлин, 15 июня 1942 г.

Верманн.
Архив СВР. Перевод с немецкого, заверенная машинописная копия.
ДОКУМЕНТ № 18ТЕЛЕГРАММА Г. ПИЛЬГЕРА В МИД ГЕРМАНИИ
Кабул, 6 июля 1942 г.
Дело с итальянцами урегулировано. В дальнейшем будем действовать совместно, как только будет налажена связь с Факиром, прерванная в настоящее время. Буду телеграфировать.
Пильгер.
Архив СВР. Перевод с немецкого, заверенная машинописная копия.
ДОКУМЕНТ № 19ТЕЛЕГРАММА В НЕМЕЦКОЕ ПОСОЛЬСТВО В КАБУЛЕ
Берлин, 14 июля 1942 г.
На телеграмму от 30 мая № 375
Прошу продолжать финансирование Факира через итальянцев. При любых условиях следует избегать недовольства итальянцев. Финансирование при помощи своей связи прошу проводить без ведома итальянцев только в том случае, если имеется гарантия, что связь надежна и об этом ничего не известно ни итальянцам, ни афганцам. Так как здесь сомневаются в возможности сохранить связь с Факиром в тайне от итальянцев, мы предпочли бы, чтобы итальянцы знали от нас самих о наших связях.
Эрмансдорф[1].
Архив СВР. Перевод с немецкого, заверенная машинописная копия.
Примечания
1. Принадлежность этого лица к абверу или к МИДу Германии автору этой книги установить не удалось.
ДОКУМЕНТ № 20ШИФРОТЕЛЕГРАММА Г. ПИЛЬГЕРА
Кабул, 19 июля
Известно, что связной, поддерживавший связь между итальянским посольством и Факиром из Ипи, арестован примерно 5 недель назад.
Итальянский посланник не был информирован нами о деле Уттам Чанда. Примерно через 10 дней после высылки он сообщил мне, вместе со многими арестован также как агент коммунистов и Уттам Чанд. Предполагаю, что с итальянской стороны все время предпринимались попытки удостовериться в продолжении нашей связи с Уттам Чандом, которая, согласно указаниям, держалась в тайне. Может быть, высылка итальянцев[1], которые сообщили нам, что Уттам Чанд является советским агентом, была не так уж нежелательна, так как их порвавшиеся в результате этого связи с Р. Х. [2] усложняют работу с нами.
Пильгер.
Архив СВР. Перевод с немецкого, заверенная машинописная копия.
Примечания
1. Речь идет о выдворении из Афганистана граждан фашистских государств в октябре 1941 г.
2. Рахмат-хан.
ДОКУМЕНТ № 21ОТРЫВОК ИЗ ТЕЛЕГРАММЫ Г. ПИЛЬГЕРА
Кабул, 21 июля 1942 г.
К сожалению, итальянское правительство снова не имеет средств, таким образом Факир теперь будет обеспечиваться только нами. Просьба итальянцев одолжить им денег должна быть отклонена, так как перевод просимых 50 тыс. марок еще не получен.
Из писем Факира, адресованных нам, не ясно, переслали ли итальянцы сами деньги и если переслали, то какие суммы. Попытаемся выяснить это у итальянцев здесь. [...]
Пильгер.
Архив СВР. Перевод с немецкого, заверенная машинописная копия.
ДОКУМЕНТ № 22ВЫДЕРЖКА ИЗ ТЕЛЕГРАММЫ КЕППЛЕРА В КАБУЛЕ
Берлин, 16 сентября 1942 г.
В ежемесячном докладе британской разведки в Индии содержатся следующие факты,

достоверность которых я Вас прошу проверить, используя имеющуюся информацию:
I. Афганский король послал Факиру из Ипи письмо с предложением обязательно оказать помощь англичанам против японцев, потому что японцы являются идолопоклонниками.
II. Несколько коммунистов ездили в Москву для получения там инструкций, они вернулись с приказом помогать Англии, чтобы поддержать Россию.
III. Факир из Ипи готов предоставить по просьбе германского правительства площадки для высадки десантов в долине Лвары.
IV. В начале марта 1942 г. в Горвехт прибыл немецкий агент, который произвел топографическую съемку и составил донесение о долине Лвары.
V. Два немца были до 21 марта в Горвехте, откуда отправились в германское посольство в Афганистане, затем к тани и мангалам.
VI. Эти двое немцев 9 и 16 марта провели переговоры со следующими лицами: Паком, маликом Данде, Абдуллой Джаном и Хаятом (масуд). [...]
Schnabel R. Tiger und Schakal. Wien, 1968. Dokument 98.
ДОКУМЕНТ № 23ВЫДЕРЖКА ИЗ ТЕЛЕГРАММЫ ПОСЛА В ИТАЛИИ БИСМАРКА
Рим, 13 октября 1942 г.
Прунас хотел бы «... во время своей поездки в Германию и пребывания в Берлине обсудить с Вами и господином Вайцзеккером, в частной беседе, некоторые вопросы нашей политики в Афганистане, Индии и Южной Америке, а также побеседовать на общеполитические темы».
Бисмарк.
Архив СВР. Перевод с немецкого, заверенная машинописная копия.
ДОКУМЕНТ № 24МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ПЕРЕГОВОРОВ С ПОСЛАННИКОМ ПРУНАСОМ ОТНОСИТЕЛЬНО АФГАНИСТАНА
В конце июля афганцы обратились к посланнику Пильгеру с предложением о сотрудничестве. Поводом для этого послужило то, что британцы тщательно наблюдали за связями посольств оси, а афганцы ввиду этого опасались инцидентов и вмешательства англичан. Поэтому афганцы потребовали от нас соблюдения крайней осторожности и предоставили себя в наше распоряжение в вопросе передачи информации. Они заявили, что хотят препятствовать любой деятельности англичан.
Министерство иностранных дел Италии, которое было осведомлено об обстоятельствах дела своим посланником, предложило не отклонять в категорической форме предложения афганского правительства, но, с другой стороны, не слишком много обещать нынешнему афганскому правительству, чтобы не лишить себя возможности сотрудничать с находящимися сейчас в оппозиции афганскими кругами – сторонниками Аманулы. Поэтому посольству в Кабуле было дано указание: приняв предложение афганского правительства относительно передачи текущей информации, отсрочить пока что принятие предложения афганцев по другим вопросам.
Между тем афганское правительство приступило к аресту германских агентов, мотивируя это сперва тем, что они якобы были связаны с англичанами, а потом тем, что оно якобы рассматривает их как сторонников Аманулы. Такое положение вещей, а также повторное стремление афганского правительства к сотрудничеству, еще более усиливает подозрение, что для афганского правительства прежде всего является важным: ослабить деятельность наших агентов, но, с другой стороны, успокоить нас предоставлением якобы ценной информации.
Однако, судя по приложенным донесениям, итальянский и германский посланники считают афганские предложения относительно сотрудничества вполне серьезными.
Министерство иностранных дел Италии 11 сентября сообщило нашему посольству в Риме, что афганское правительство снова передало итальянскому посланнику в Кабуле предложение о военном сотрудничестве, во всяком случае, при условии, если военные действия на Кавказе и на Среднем Востоке будут закончены, начато переустройство исламистских государств на Среднем Востоке, а также будет предпринят поход против Индии. Условия, которые доказывают, что это предложение несерьезно.

В соответствии с предложением итальянского Министерства иностранных дел мы дали в Кабул указание – приветствовать предложения афганцев о военном сотрудничестве, но пока что это дело отложить и заявить афганскому правительству, что державы оси были бы рады видеть понятыми те намерения, которые они имеют к народам, исповедующими ислам. Между тем афганское правительство передало нам определенные сведения о позиции Джинны относительно идей Пакистана и относительно Абдул Джафура, которые усилили подозрение, что они из нашей реакции в отношении этих вопросов смогли бы сделать необходимые выводы о наших намерениях или намерениях Боса в отношении Индии.

Из позиции Министерства иностранных дел вытекает, что там питают недоверие к афганскому правительству.

Вопреки мнению германского и итальянского посланников в Кабуле мы придерживаемся того мнения, что англичане сделали афганское правительство послушным себе тем, что они пугают его Аманулой и внушают ему, что наши агенты работают на Амануллу. Страх афганского правительства перед Аманулой является обоснованным, так как поскольку здесь известно число его сторонников и недовольство теперешним афганским правительством постоянно увеличивается, а также потому, что оно подвергается кровной мести со стороны Амануллы. К этому присоединяется еще и то, что правящий дом был возведен на престол англичанами и что он рассматривается народом как незаконная и послушная англичанам династия. Перемена взглядов афганского правительства считается исключенной, так как оно поддерживается только англичанами, так как оно из-за своего прошлого никогда не сможет найти поддержки в народе. Поступившие из Кабула донесения, в которых указывается, что в королевской фамилии, которая держит власть в своих руках, предполагаются разногласия и образование группировок, кажутся нам не убедительными, так как действующие в Кабуле лица (принц Наим, принц Дауд) являются родными племянниками и прямыми наследниками подлинного властелина – премьер-министра Хашим-хана.

Беседа с посланником Прунасом относительно такого нашего мнения способствовала бы выяснению дела. Мы должны еще раз попросить наши посольства в Кабуле соблюдать крайнюю осторожность.

Господин министр иностранных дел в первый раз в феврале 1942 г. по ходатайству нашего посольства в Кабуле, которое по финансовым вопросам находилось в контакте с итальянским посольством, оказал денежную поддержку Факиру из Ипи в сумме 50 тыс. рейхсмарок. Дальнейшее оказание денежной помощи производилось в январе и июле 1942 г. (немцами и итальянцами) при содействии итальянского в Кабуле (пай немцев 300 тыс. афгани, приблизительно 54 тыс. рейхсмарок). Это соответствует итальянским желаниям продолжать связь. Наряду с этим германское посольство в Кабуле имеет непосредственную связь с Факиром, которая поддерживается втайне от итальянцев.

Поэтому рекомендуется с нашей стороны не упоминать о Факире из Ипи.

Вся остальная деятельность, проводимая в Афганистане, как, например, высадка радистов, отправка воинских групп в пограничную область, связь Боса через Рахмат-хана, организация саботажа в Северной Индии, связь с туркменскими кругами, находится в секрете от итальянцев.

Берлин, 11 ноября 1942 г.

Архив СВР. Перевод с немецкого, заверенная машинописная копия.

ДОКУМЕНТ № 25СЛУЖЕБНАЯ ЗАПИСКА КЕППЛЕРА РИББЕНТРОПУ[1]

Берлин, 8 марта 1943 г.

Секретное дело рейха

Записка

Касаемо: Индии

Вернувшийся из Индии в Кабул агент Боса Рахмат-хан предоставил в кабульскую миссию материал для особо подробного донесения о политическом развитии Индии с начала мятежа прошлым летом, и особенно об успехах организованных Берлином диверсий. Этот доклад в настоящий момент полностью передан и дает превосходный обзор, который дополняет и

поясняет уже известную картину.

Арест Ганди сперва вызвал спонтанное массовое движение в основном с незапланированными актами насилия, в которых, само собой разумеется, активное участие принимали радикальные круги активистов[2]. По мере того как массовое движение понемногу стихло, активисты все же отделились от него и перешли к планомерным актам саботажа, тем самым становясь настоящими носителями антибританской борьбы. С «Форвард блоком», организацией Боса, объединились в «индийский революционный комитет» различные группы: Конгресс-социалистическая партия, Бенгальские волонтеры и Кисан, т. е. радикальная крестьянская организация. Недавно стала возможной, что очень важно, совместная работа между этим Комитетом и тайным руководящим органом Конгресса. Возможности организации Боса, в плане руководства пропагандой и саботажем, значительно возросли.

Усиление антибританских настроений, которое в значительной степени можно объяснить деятельностью радикальных групп, нанесло большой ущерб коммунистам. Их пробританская позиция, их вызывающие действия с целью подавления гандиского движения создали впечатление, что они, возможно, подкуплены правительством. Особенно среди студентов их огромное влияние сломлено, и учащаяся молодежь борется в первых рядах активистов. В профсоюзах коммунисты также потеряли свои позиции, особенно в Бенгалии и Бихаре, которые являются важными индустриальными районами Индии.

Активное участие исламских элементов в освободительной борьбе будет рассмотрено в специальной записке.

Далее на основе доклада из Кабула будут в краткой форме приведены сведения о некоторых основных успехах диверсионной деятельности в провинциях. Таким образом, как было уже отмечено, речь не идет о полном списке. Как дают понять приложенные наброски карты, центр тяжести диверсионной деятельности находился в восточных и южных областях Индии, где активисты рассчитывали на японское вторжение. В Северо-Западной Индии, напротив, работа согласно плану ограничивалась в основном пропагандой с целью деморализации.

На достоверность нижеприведенной картины бросает свет недавно появившаяся в лондонском «Экономисте» статья, в которой рассказывалось о чрезмерно затянувшейся постановке английской цензурой дымовой завесы над событиями в Индии и требовалось снять покров со всех индийских секретов.

1. Северо-Западная Пограничная провинция и Пенджаб

Пропаганда среди индийских войск с помощью листовок и бесед. Огромное количество дезертиров. Взорвано: 1 железнодорожный мост, 1 водопровод, 2 автомобильных моста. Подожжено: 24 полицейских грузовика, 1 здание суда, 1 почтамп, 1 склад продовольствия, 1 арсенал, 2 деревообрабатывающих предприятия, 1 зернохранилище.

2. Синд

Кампания «Работай медленно». Два месяца из-за многочисленных разрушений была парализована стратегически важная железнодорожная линия Карачи – Кветта (в связи с одновременным разрушением шоссе в результате взрыва плотины на Инде снабжение Кветты осуществляется только с помощью самолетов). Железная дорога Ларкана – Дадапур еще не функционирует, постоянные диверсии с применением бомб, особенно в Карачи, где сработала бомба с часовым механизмом в полицейском участке и взорвана одна текстильная фабрика.

3. Дели

Сильно повреждены бомбам и взрывами: главный железнодорожный вокзал, 5 полицейских участков, секретариат центрального правительства, казарма американских войск (убитые!).

4. Объединенные провинции

С начала широкого массового движения только полицейских убито 1331, многочисленные разрушения правительственных зданий и учреждений. Через некоторое время диверсионная деятельность принесла следующие успехи: повреждено 6 железнодорожных путей,

подожжено 14 железнодорожных вокзалов, диверсии на линиях телефонной связи; подожжены или взорваны: арсенал в Канпуре, сахарный завод, обувная фабрика (оборонное предприятие!), сахарный завод в Гарахпуре, деревообрабатывающее предприятие в Шахджаханпуре. Небольшие стычки с полицией и войсками с применением огнестрельного оружия.

5. Бихар и Орисса

Самое сильное массовое движение во всей Индии. Часть округов в течение недели, некоторые целый месяц, после отстранения правительственного аппарата от власти были под национальным индийским правлением. С середины сентября начался организованный саботаж. 50% промышленности не работает из-за забастовок, закрытия предприятий с выплатой зарплаты рабочим и саботажа. Пропаганда в армии с помощью листовок и через агитаторов. Успехи саботажа: разрушено 10 железнодорожных путей (железная дорога между Калькуттой и Дели в декабре еще не действовала). Разрушение путей в индийском Руре[3] вызвало нехватку угля в Калькутте. Нарушена телефонная связь. Повсеместно разрушения на улицах и уличные баррикады. Поджоги и повреждения: колледж в Патне, сахарный завод, железнодорожное предприятие (оборонное производство!) в Джамалпуре.

6. Бенгалия

Широкомасштабное обучение партизанских банд. 25% индустрии бездействует. Около 25 диверсий на железных дорогах с целью парализации путей сообщений Восточной армии, находящейся в Ассаме.

7. Ассам

Очень успешная деятельность, несмотря на политическую отсталость провинции, среди прочего, благодаря специалистам по саботажу из других провинций. Работа в войсках через сикхских дезертиров. Три разрушения железнодорожных путей, 1 крушение воинского эшелона, многочисленные поджоги железнодорожных вокзалов, диверсии на телефонных и телеграфных линиях связи.

8. Бомбей. Гуджарат. Катхиявар

Забастовка с августа по декабрь на текстильных предприятиях Ахмадабада. Промышленность почти полностью парализована. Еще ранее были организованы налеты на полицейские и армейские части. Обучение партизанских банд. Многочисленные повреждения транспортных путей, среди них важная дорога из Бомбея в глубь страны. Многие железнодорожные вокзалы разрушены, уличные баррикады, саботаж на узлах телефонной связи, ограбление почтовых поездов, машин и ящиков. Это привело к тому, что возле каждого из почтовых ящиков выставлено по одному полицейскому. Бомбы с часовым механизмом и зажигательные устройства замедленного действия использованы в большом количестве в 6 городах против размещенных там британских войск, в бомбейском отеле «Majestic» и регистратуре Верховного суда. В 8 городах на промышленных предприятиях взорваны бомбы.

9. Мадрас и остальная Южная Индия

Массовое движение, главным образом в равнинных районах, крестьян, которые, разбирая рельсы, повредили железнодорожное полотно во многих местах. Обучение партизанских банд, но их выступление произойдет только незадолго перед японским наступлением. Успехи в саботаже: 11 разрушений железнодорожных путей (участок дороги Мадрас – Калькутта до середины декабря не будет работать); уличное вредительство (прежде всего крестьян) еще более успешно, чем на железных дорогах, сотни случаев. Как и в Бомбее, саботаж почты и вредительство на узлах телефонной связи. В Мадрасе разрушены здания главпочтампта и Верховного суда; обычные и с часовым механизмом бомбы в полицейских участках. Взорвано 3 фабрики.

10. Центральные провинции

Сильное массовое движение, как и в Объединенных провинциях. Многочисленные поджоги железнодорожных вокзалов и общественных зданий. Многочисленные разрушения телефонных узлов связи. На железных дорогах: 3 повреждения полотна, взорвано 3 моста.

Большое количество подрывов небольших мостов. До сих пор взрывы бомб с часовым механизмом в почтовых отделениях и полицейских участках. Массовый грабеж продовольственных товаров. Для обучения новобранцев используются дезертиры из Пенджаба. Подготовка партизанских банд. Фабрика индийского революционного комитета по производству диверсионных средств.

Подлинник подписал: Кепплер.

In: Selter G. Zur Indienpolitik der faschistischen deutschen Regierung wahrend des zweiten Weltkrieges. Leipzig, 1965, Anlagen 14.

Примечания

1. В данном документе в сжатой форме приведена дезинформация, которой советская и британская разведки через Бхагат Рама снабжали абвер в 1943 г.
2. Речь идет о членах «Организации Мацотты».
3. Бихар в Германии часто именовали «индийским Руром».

ДОКУМЕНТ № 26ВЫДЕРЖКИ ИЗ ПРОТОКОЛА ДОПРОСА НЕМЕЦКОГО ПОСЛА Г. ПИЛЬГЕРА В БУТЫРСКОЙ ТЮРЬМЕ ОТ 31. 1. 1946 ГОДА[1]

ПИЛЬГЕР Ганс Адольфович, 1886 г. рождения, уроженец Германии, гор. Кельн, по национальности немец, с высшим образованием, член фашистской партии с 1937 года и с того же времени занимал должность германского посланника в Афганистане до момента капитуляции Германии.

Вопрос: Какую шпионскую и подрывную работу вы совместно с сотрудниками абвера проводили с территории Афганистана против Советского Союза?

Ответ: Не буду скрывать, что с моего ведома прикомандированные к германской миссии в Кабуле сотрудники военной разведки абвер – старший лейтенант ВИТЦЕЛЬ и унтер-офицер ДОУ [2], помимо шпионской работы против англичан в Индии, также проводили активную разведывательную работу и против Советского Союза. В этих целях ВИТЦЕЛЬ и ДОУ подготовляли агентуру из числа эмигрантов из России: туркмен, узбеков и других, при содействии которых намечали проводить на территории Советского Союза шпионскую работу. В частности, на территории Туркменской ССР. [...] Поскольку я имел указание из Берлина о том, чтобы по возможности помогать ВИТЦЕЛЮ в его работе, я, конечно, не стал препятствовать ему в этом, к тому же должен заявить, что ВИТЦЕЛЬ информировал меня о начале своей разведывательной работы против Советского Союза в начале 1942 года, тогда как эту работу он начал задолго до этого, так что мне ничего не оставалось, как только согласиться с ним. Тогда же я предупредил ВИТЦЕЛЯ, чтобы он свою шпионскую работу против Советского Союза проводил исключительно осторожно, соблюдая все правила конспирации. После этого ВИТЦЕЛЬ периодически стал информировать меня о том, как проходит у него работа в этом направлении и что им разрабатывается план, в котором он предусматривает конкретные цели и задачи для немецкой агентуры на случай ее переброски на территорию Советского Союза.

Вопрос: Расскажите об этом более подробно.

Ответ: В 1942 году ВИТЦЕЛЬ разновременно рассказал мне о том, как идет у него работа в отношении вербовки агентуры, а затем подробно информировал о своем плане, который им был разработан в том же году. В этом плане ВИТЦЕЛЬ предусматривал насаждение обширной агентуры на территории Советского Союза, в частности в Южных районах Туркменской ССР, Таджикской ССР и, насколько помню, в Уз. ССР.

Немецкая агентура, как мне говорил ВИТЦЕЛЬ, предназначалась для сбора шпионских сведений военного и экономического характера, о политико-моральном настроении населения СССР. Кроме этого, ВИТЦЕЛЬ и ДОУ имели намерения создать на территории Туркменской ССР антисоветское националистическое подполье [...]

Но, судя по сообщениям ВИТЦЕЛЯ в абвер, им в этом направлении велась только подготовительная работа, в связи с чем он испрашивал в Берлине санкцию для дальнейшего осуществления своей разведывательной работы, в частности в отношении переброски немецкой агентуры на территорию СССР. Кроме этого, в последней своей телеграмме

ВИТЦЕЛЬ указывал, что работа в Советском Туркестане только начинается.

Вопрос: Что этим вы хотите сказать?

Ответ: Я хочу сказать, что ВИТЦЕЛЬ лишь только вел подготовительную работу, которая заключалась в приобретении им агентуры, установлении связи, а также были намечены им пункты перехода немецкой агентуры с территории Афганистана в Советский Союз.

Последнее сообщение от ВИТЦЕЛЯ исходило в январе 1943 года, а спустя месяца 2—3 после этого разведывательная работа ВИТЦЕЛЯ была раскрыта афганской полицией, часть агентуры была подвергнута репрессии, а ВИТЦЕЛЮ и ДОУ было предложено покинуть Афганистан. Несмотря на мои переговоры с афганским правительством, в которых я пытался доказать «невиновность» ВИТЦЕЛЯ и ДОУ в отношении их шпионской работы против Советского Союза, мне все же не удалось отстоять эту точку зрения, и осенью 1943 года ВИТЦЕЛЬ и ДОУ были вынуждены выехать в Берлин.

Вопрос: Как часто ВИТЦЕЛЬ информировал руководителей абвера о своей разведывательной работе?

Ответ: На этот вопрос я затрудняюсь ответить, так как ввиду давности времени не могу сейчас припомнить, сколько конкретно телеграмм ВИТЦЕЛЕМ было отправлено в абвер. Припоминаю, что в одной из телеграмм ВИТЦЕЛЬ указал о том, что он через агента германской разведки под кличкой Фиат пытается установить связь с участниками турецкой организации «Младо-Турок»[3].

Вопрос: Для какой цели?

Ответ: Как мне говорил ВИТЦЕЛЬ, ему через агента Фиата было известно об обширной связи последнего с участниками организации «Младо-Турок». Учитывая сложность военного времени, ВИТЦЕЛЬ предполагал, что не исключена возможность, что наша связь из Кабула с Берлином будет прервана, поэтому он решил на этот случай осуществлять свою связь с Берлином через Турцию при помощи немецкого агента Фиата, который в то время выезжал из Афганистана в Турцию.

Если мне не изменяет память, агент Фиат имел связь с лицами, проживавшими в Туркменской ССР, и как будто бы по договоренности с ВИТЦЕЛЕМ дал свое согласие информировать о всех сведениях, добытых им о Советском Союзе.

Вопрос: Кто такой Фиат, кем и когда он был завербован в немецкую агентуру?

Ответ: Если я не ошибаюсь, Фиат по фамилии САИД АТОДОМИР, по национальности турок, профессор химии, около 6 лет проживал в Афганистане, где занимался якобы своей научной работой. САИД АТОДОМИР впервые познакомился с ВИТЦЕЛЕМ и ЦУГЕНБЮЛЛЕРОМ в 1941 году и с этого времени поддерживал с ними тесную связь. Как мне говорили ЦУГЕНБЮЛЛЕР и ВИТЦЕЛЬ, САИД АТОДОМИР являлся профашистски настроенным человеком, был связан с организацией «Младо-Турок» и как будто бы через эту организацию имел связь с антисоветски настроенными лицами, проживавшими в Туркменской ССР. САИД АТОДОМИР очень хорошо знал географическое положение Таджикской и Туркменской ССР, быт и нравы местного населения и что он имел много знакомых на территории Туркменской ССР. В этой связи ЦУГЕНБЮЛЛЕР приблизил к себе САИДА АТОДОМИРА и предложил ему работать в пользу немецкой разведки. Судя по телефонным сообщениям ВИТЦЕЛЯ из Берлина, САИД АТОДОМИР, уезжая в 1942 году из Афганистана в Турцию, дал свое согласие сотрудничать с немецкой разведкой, причем перед выездом в Турцию ЦУГЕНБЮЛЛЕР договорился с САИДОМ АТОДОМИРОМ поддерживать связь посредством турецких врачей, которые периодически должны были приезжать из Анкары в Кабул в турецкую миссию. Было ли это впоследствии осуществлено, мне об этом неизвестно. О работе САИДА АТОДОМИРА может дать подробные показания ЦУГЕНБЮЛЛЕР, так как последний непосредственно поддерживал связь с САИДОМ АТОДОМИРОМ. Насколько мне известно, САИД АТОДОМИР должен был при приезде в Анкару установить связь со своим личным другом зятем ЭМИРА-ХОТА, работавшим в военной академии, и через него получать сведения, интересующие немецкую разведку о Советском Туркестане.

Вопрос: Вам предъявляются телеграммы, из которых видно, что вы, находясь на посту германского посланника в Кабуле, систематически информировали МИД Германии о своей подрывной работе в Афганистане против союзников. Дайте подробные показания по существу предъявленных вам телеграмм.

Ответ: Ознакомившись с предъявленными мне телеграммами, показываю следующее: в телеграмме № 258 я сообщил МИДу Германии в отношении ХАСАНА и ГУЛЬ МУХАММЕД-ХАНА. ГУЛЬ МУХАММЕД-ХАН являлся руководителем антиправительственной партии в Афганистане, а ХАСАН, министр почт, вел борьбу против этой партии, причем в одной из бесед с бывшим итальянским посланником в Кабуле КВАРОНИ последний мне заявил, что ХАСАН является итальянским агентом и периодически информирует КВАРОНИ о всех разногласиях внутри афганского правительства.

Вопрос: Вы лично с ХАСАНОМ по шпионской работе были связаны?

Ответ: Нет, не был, так как в этом не было необходимости, ибо все сведения, передаваемые ХАСАНОМ КВАРОНИ, мне были известны от последнего. В 1942—43 гг. ХАСАН был назначен на дипломатическую работу в Америку.

В телеграмме № 380 мною было сообщено МИДу Германии, что сотрудники немецкой колонии перед выездом из Афганистана по предложению ВИТЦЕЛЯ все имеющиеся у них деньги, фотоаппараты и оружие передали на хранение немецким агентам «Рабочему» и «Племяннику».

Вопрос: А почему вы не приняли указанные выше вещи на хранение в немецкую миссию?

Ответ: По сложившейся в то время ситуации я стремился избежать лишних разговоров по отношению к немецкой миссии. Кроме этого, у ряда сотрудников немецкой миссии сложилось мнение о том, что в скором времени немецкая миссия в Афганистане будет расформирована.

Вопрос: Уточните, кто такие «Рабочий» и «Племянник»?

Ответ: Агент немецкой разведки по кличке «Рабочий» в то время служил в Министерстве труда, является сыном высшего муллы, фамилия этого агента АБДУРАХМАН ХАН. Что же касается агента «Племянника», то я о нем ничего не знаю.

Вопрос: Какая сумма денег была передана вышеуказанным вами агентам, количество оружия и фотоаппаратов?

Ответ: Примерно около 30 пистолетов, несколько фотоаппаратов, что же касается денег, то я не помню, какая сумма была передана этим лицам.

Вопрос: В телеграмме № 502 вы сообщаете МИДу Германии о ваших тесных связях с НАИМ ХАНОМ и ХАШИМ ХАНОМ. Скажите в чем конкретно выражалась ваша связь с этими лицами?

Ответ: ХАШИМ ХАН был афганским премьер-министром и НАИМ ХАН его заместителем. Оба они исключительно лояльно относились к фашистскому гитлеровскому правительству, отсюда и к немецкой миссии в Афганистане. Как я уже показал, Наим Хан, будучи у меня на приеме в 1942 году, сообщил мне, афганское правительство на случай продвижения немецких войск в глубь советской страны имеет намерение помочь немецкому правительству вооруженной силой, и тогда же он мне заявил, Афганское правительство готово выставить хорошо вооруженную армию с тем, чтобы ударить в тыл Красной Армии, о чем я информировал Министерство иностранных дел Германии. Однако после разгрома немецких войск под Сталинградом Афганское правительство изменило свою тактику и перестало вести переговоры в отношении вооруженной помощи Германии.

Однажды при встрече с НАИМ ХАНОМ он мне заявил, что английская разведка в Афганистане ведет усиленную работу против миссий стран Оси и предложил мне и остальным сотрудникам немецкой миссии быть осторожными.

Тогда же НАИМ ХАН дал мне согласие систематически информировать меня о всех интересующих вопросах, как в отношении англичан, так и в отношении Советского Союза.

[...]

Архив СВР. Подлинник, машинопись.

Примечания

1. Г. Пильгера допрашивали в 1945—1946 гг. в Бутырской тюрьме шесть раз.
2. Правильно не Доу, а Дох.
3. Подразумеваются проживавшие в Афганистане турки из окружения младотурецких деятелей Энвер-паши и Джемал-паши.

ПРИЛОЖЕНИЕ III

ДОКУМЕНТ № 1

КРАТКАЯ СПРАВКА о деятельности немцев в Афганистане. 1930—1940 гг.

СОВ. СЕКРЕТНО

Проникновению немцев в Афганистане предшествовала их большая деятельность, направленная к созданию прочной экономической базы в Афганистане.

В 1937 г. немцы представили афганцам кредит в 27 млн марок на 8 лет. В счет этого кредита Германия обязалась предоставить афганцам промышленное оборудование, необходимое для создания собственной афганской промышленности. Завоз промышленного оборудования в Афганистан вызвал необходимость привлечения большого числа квалифицированных специалистов, которых немцы и направили в Афганистан.

Таким образом, в Афганистан прибыло много специалистов, среди которых: инженеры-дорожники, горняки по строительству гидростанций, городскому строительству, коммерсанты, монтеры, врачи, землемеры, агрономы, преподаватели и др.

По далеко неполным данным, немцев в Афганистане насчитывается до 185 человек. Однако немцы не ограничились установлением торговых связей и оказанием технической помощи Афганистану: в Афганистане, как и в соседних странах Востока, немцам нужна была твердая база для осуществления своих широких агрессивных планов.

Пользуясь своим экономическим влиянием на Афганистан и представленными ей афганским правительством широкими возможностями, Германия стала создавать в Афганистане нужные и ненужные технические и торговые представительства и конторы вроде «бюро по координации действий всех немецких промышленных и торговых фирм в Афганистане». Все это дало возможность немцам вести разведывательную работу, агитацию и пропаганду в самых широких масштабах.

Немцы в курсе дела всех мероприятий, проводимых афганским правительством. Они проводят активную работу среди государственных деятелей, склоняя их на свою сторону.

Особенно надо подчеркнуть влияние немцев в Министерстве общественных работ (министр РАХИММУЛЛА-ХАН), где свили себе гнездо такие колоритные фигуры фашистской колонии в Афганистане, как ВЕНГЕР, КНЕРЛЯИН, ЛИВЭН, БАЛЬК, ГЕРЛАХ, ВЕЙСЕЛЬ, ЧЕКАН и др. По протекции ВЕНГЕРА(см. ниже) устраиваются на работу в Министерство общественных работ такие немецкие агенты, как ПЕНЕР, направленный для руководства строительством мелких мостов в Аргендат (Кандагарская провинция), или эмигрант ШИШКИН – люди совершенно некомпетентные и неимеющие специального образования.

Установлено, что организующим центром разведывательной работы в Афганистане и работы среди государственных деятелей на стороне Германии является немецкая миссия.

В деле создания авторитета и популярности немцам в Афганистане немалую роль играют такие крупные деятели государственного аппарата Афганистана, как министр общественных работ, министр здравоохранения, заведующий промышленным отделом Нац. банка, генеральный директор по строительству дорог и др.

Немцы возобновляют связи с находящимися на севере Афганистана представителями эмиграции с целью подбора людей для посылки в Среднюю Азию. Особый интерес для немцев представляет духовный вождь туркмен Ишан Халифа КЫЗЫЛ-АЯК, располагающий большими возможностями и якобы большой вооруженной силой.

Приехавший недавно из Турции немецкий инженер ВАЛЬТЕР установил связь с братом известного басмаческого главаря Курширмата Нурмамата.

Кроме того, немцы намечают широко использовать для разведывательной и подробной

работы в СССР кадры, подготовляемые из взятых в плен на Восточном фронте туркмен, узбеков и др. восточных национальностей.

Все это говорит за то, что немцы активизируют свою работу среди пап. к. р. [1] эмиграции с целью подготовки опытных агентов-разведчиков для заброски в Среднюю Азию.

Руководителем немецкой разведки в Афганистане является коммерческий атташе немецкой миссии РАСМУС.

Архив СВР. Подлинник, машинописный текст.

Примечания

1. к. р. – контрреволюционной.

ДОКУМЕНТ № 2

ОТРЫВОК ИЗ ОПЕРАТИВНОГО ПИСЬМА «СЕМЕНА»[1]

№3 от 31. 03. 1941 г. [2]

[...] Вам еще в своем первом письме Леон сообщал о неком индусе, бежавшем из Индии в Афганистан и нашедшем прикрытие у «пивоваров»[3]: как позднее выяснилось, этот индус оказался никем иным, как известным политическим деятелем, бывшим руководителем индийского национального конгресса Субхи Чандра Босом.

В первых числах февраля в полпредство прибыл возглавляющий немецкую миссию в Кабуле Пильгер, который в беседе с полпредом заявил о том, что к нему явился известный индус Субхи Чандра Бос, который заявил ему, что бежал от англичан из Индии и просит у немцев покровительства. Далее якобы Пильгер связался со своим правительством по этому вопросу и получил указание направить его транзитом через СССР в Германию. Полпред обещал по этому поводу в свою очередь запросить Москву. После непродолжительной переписки полпред получил личное указание т. Вышинского выдать визу, требующуюся для проезда Ч. Б. транзитом через СССР в Германию без права остановки.

Спустя несколько дней Пильгер явился вновь и прямо заявил полпреду, что от своего правительства он получил сообщение о том, что из Москвы по нашей линии указание полпредству о выдаче Чандра Босу визы уже дано, и просил ускорить оформление документа, т. к. ему якобы с Ч. Б. заниматься надоело. При этом Пильгер спросил, нельзя ли Ч. Б. перебросить в Союз самолетом (нашим), и что, если мы согласие на это дадим, он организует с помощью итальянских инструкторов на аэродроме негласную посадку в наш самолет Ч. Б. Получив категорический отказ, Пильгер заявил, Ч. Б. будут направлять через Афганистан в Союз с итальянским паспортом, и просил его не подвергать по существующему у нас порядку вызову в полпредство для оформления документов, а выдать визу заочно. Полпред распорядился оформить документ в порядке, требуемом немцами.

Для оформления документов Ч. Б. явился советник немецкого посла, он же зав. канцелярией, Шмидт. Он представил итальянский паспорт на имя инженера Орландо Мацотта (с фиктивной фотокарточкой). На паспорте имелась въездная виза немцев. После выдачи нашей визы № 064033 от 15/III 1941 г. для проезда через п. п. Термез – Заремба, они получили афганскую визу, и таким образом Ч. Б. в сопровождении немца Венгера 18/III выехал на машине из Кабула к границе, которую перешел 22/III. с. г.

Архив СВР. Заверенная копия, рукопись.

Примечания

1. Кому из советских разведчиков в Кабуле принадлежал псевдоним Семен, автору этой книги установить не удалось.
2. В верхнем правом углу этого документа сделана пометка: «В д[ело] „Мародеры“.
3. «Пивовары» – немцы.

ДОКУМЕНТ № 3

ВЫДЕРЖКА ИЗ ДОНЕСЕНИЯ ЗАМАНА[1]

Сентябрь 1941 г.[2]

[...] Помимо связи с Факиром из Ипи, немцы поставили перед БХАГАТ РАМОМ задачу устройства аэродрома и приема парашютистов. В подтверждение заданий, полученных БХАГАТ РАМОМ от РАСМУСА, несколько дней тому назад на имя БХАГАТ РАМА

поступила из Берлина от БОСА телеграмма, в которой БОС подчеркивает важность и серьезность организации аэродрома, вся ответственность за которую возлагается на БХАГАТ РАМА. В связи с этим РАСМУС предложил БХАГАТ РАМУ форсировать свой отъезд в район расположения племен. Ориентировочно отъезд намечен на 2 октября с. г.

ВИТЦЕЛЬ, о котором упоминалось в самом начале, после получения телеграммы от БОСА в свою очередь телеграфировал в Берлин свои соображения об организации высадки парашютистов в районе расположения племен. По его мнению, в состав группы должны входить:

1. Врач.
2. Инженер-радист и электрик.
3. Механик.
4. Специалист топограф.
5. Инструктор по военному делу.
6. Радист-телеграфист.
7. Фотограф.

Группа должна быть снабжена оружием, патронами, деньгами, топографическими приборами и картами, инструментами, медикаментами, радиоаппаратурой, гримом.

Люди должны подбираться с расчетом на сходство с местными жителями.

Высадка должна быть произведена только ночью, поэтому площадка должна быть точно обозначена кострами.

БХАГАТ РАМУ предложено сообщить о готовности к приему парашютистов, а также принять меры к охране площадки и высадившихся парашютистов с последующим укрытием их в надежных местах.

БХАГАТ РАМ получил от РАСМУСА для вручения ФАКИРУ из Ипи 500 фунтов золотом, 500 индийских рупий и 55 тысяч афгани.

Для принятия самолета им же получено сигнальное ружье и 30 штук сигнальных ракет.

На случай если будет необходимость осуществить устройство такого аэродрома, организовать захват немецких парашютистов и десантников, БХАГАТ РАМ предложил использовать для этого местность в районе Баджаура, между населенными пунктами Бандагай и Джар и между Хор и Рамакая, которая ему лично хорошо известна и которую он считает удобной для этой цели.

Одновременно ЧАНДРА БОС передал для БХАГАТ РАМА следующие поручения:

1. Единомышленникам БХАГАТ РАМА поручается направить в пограничные с Афганистаном районы своих делегатов для того, чтобы убедить племена выступить против английских властей. Делегаты должны дать обязательство руководителям племен по снабжению последних военным имуществом и заявить им, что в программу Свободной Индии входит экономическая помощь племенам и защита их от нападения противников и что на независимость и свободу племен никто покушаться не будет. Делегациям должны быть предоставлены полномочия на заключение договоров с отдельными племенами.

О результатах переговоров с племенами и о том, с какими из племен будут заключены договоры о совместных действиях против английских властей, БОС просит ему сообщить.

2. Организовать встречу с председателем «Дженнет Оль Улам» Муфтием Кифаетулла, секретарем данной организации Моулана Ахмед Саид и активистом Моулана Гуссейн Ахмед... и передать им приветствие от РАШИДА АЛИ ГАЙЛАНА[3] и Муфтия Иерусалимского, при этом заявить, что настал момент встать на защиту ислама и отечества, так как другого такого времени, удобного для борьбы за освобождение Индии от ига англичан, возможно, не наступит. Для успешной борьбы нужно действовать сообща с последователями БОСА.

БОС просит БХАГАТ РАМА передать от своего имени этим лицам, что предшествующие встречи с ними БОС расценивает, как благоприятные в смысле общности точек зрения по вопросам борьбы с английскими угнетателями. Подтвердить, что в данное время наиболее целесообразно и своевременно выступить против англичан, так как если этого сделано не

будет, то после вряд ли представится возможность для этого.

БОС также просит передать о том, что взгляды его, БОСА, РАШИДА АЛИ ГАЙЛАНИ и Муфтия Иерусалимского в отношении борьбы с англичанами вполне совпадают.

3. Проверить, насколько хороша слышимость двух коротковолновых широковещательных станций, находящихся в Германии (в Берлине).

Эти радиостанции умышленно распространяют слухи о том, что они находятся и работают на индийской территории. Первая станция работает от имени индийского национального конгресса и производит передачу в 6.30 (кабульское время). Вторая станция представляет Мусульманскую лигу, начинает передачи за 30 минут до конца радиопередач станции «Азад Индустан»[4].

БОС, кроме этого, просит проверить и сообщить, какова эффективность работы этих станций, подчеркивая, что радиопропаганда в настоящих условиях является самым важным видом пропаганды.

Для того чтобы население Индии поверило в факт существования этих станций непосредственно в Индии, РАШИД АЛИ ГАЙЛАНИ и сам БОС произносили речи в Берлине через германские радиостанции. В своих речах они приветствовали Конгресс за организацию радиостанций, работающих нелегально в Индии.

4. БОС получил в Берлине сведения о том, что в Индии скрываются несколько немцев, бежавших из-под стражи. БХАГАТ РАМУ поручено установить, где эти немцы, если удастся выяснить их местонахождение, связаться с ними и привлечь их к работе против английских властей.

5. БОС подчеркнул крайнюю необходимость поддержания связи с японцами и посылки людей в Рангун, если они еще не посланы. Для этой цели БОСОМ был предложен другой пароль [...] . Этот пароль был сообщен японцам. Однако РАСМУС предложил БХАГАТ РАМУ пользоваться прежним паролем... впредь до особых указаний. [...]

Архив СВР. Подлинник, машинопись.

Примечания

1. Аллахвердов Михаил Андреевич(Заман) (1900—1968) – родился в г. Шуша (Степанакерт). Армянин. В 1918 г. ушел добровольцем в Красную Армию. Участвовал в боях с белогвардейцами в составе 3-го Туркестанского стрелкового полка. В 1919 г. рекомендован на работу в органы ВЧК, вел борьбу с бандитизмом в Средней Азии.

В июне 1921 г. М. А. Аллахвердов в качестве заместителя начальника Особого отдела Памирской военно-политической экспедиции направлен на Памир. В течение полутора лет активно ведет борьбу с басмачеством и английской агентурой, засылаемой из Афганистана.

В 1923 г. переведен на работу в Восточный отдел ОГПУ. Работая в нем, в 1925 г. без отрыва от оперативной деятельности оканчивает восточный факультет Военной академии РККА им. Фрунзе. В 1925 г. направляется в служебную командировку в Иран. До 1928 г. был оперативным работником резидентуры. Приобрел необходимые источники информации в интересующих внешнюю разведку кругах, вел активную работу по проникновению в эмигрантские антисоветские организации.

В 1928—1930 гг. – руководитель резидентуры внешней разведки в Иране: ведет кропотливую работу по приобретению квалифицированной агентуры для проникновения в спецслужбы противника, принимает активные меры по разложению антисоветской эмиграции. В 1930—1933 гг. – сотрудник центрального аппарата разведки.

С приходом Гитлера к власти в Германии и обострением обстановки руководство внешней разведки направляет его на нелегальную работу в Европу. В 1933—1934 гг. возглавлял нелегальные резидентуры в Австрии, Швейцарии и Франции.

В 1934—1936 гг. – резидент внешней разведки в Афганистане. Из Афганистана был переведен на ту же должность в Турцию, где находился до 1938 г. В 1938—1941 гг. работал в центральном аппарате внешней разведки.

С началом Великой Отечественной войны вновь назначается резидентом в Афганистан. В этой должности проработал до 1944 гг. В 1944—1945 гг. – начальник самостоятельного

отдела в 1-м Управлении КГБ СССР (внешняя разведка). В 1945 г. выезжал в Швейцарию для выполнения специального разведывательного задания.

В ноябре 1947 г. М. А. Аллахвердов переводится на работу в Высшую разведывательную школу Комитета информации заместителем начальника школы по учебной и научной части. В 1955 году вышел в отставку по выслуге лет.

За достигнутые успехи в разведывательной работе полковник Аллахвердов награжден орденами Ленина, Красного Знамени, «Знак Почета», Отечественной войны I степени и многими медалями. Ему был также вручен нагрудный знак «Почетный чекист».

2. Донесение датировано по его содержанию.

3. Руководитель антибританского восстания в Ираке в 1941 г.

4. Название радиостанции, созданной С. Ч. Босом в 1941 г. в Германии организацией индийских националистов «Свободная Индия».

ДОКУМЕНТ № 4

ВЫДЕРЖКА ИЗ ДОНЕСЕНИЯ ЗАМАНА ИЗ КАБУЛА от 3. 05. 1942 г.[1]

1-го мая состоялась встреча с Ромом совместно с Сашей[2]. Беседа продолжалась шесть часов. Рому было заявлено, что Саша приехал из Москвы и является представителем советской разведки, к которой имеет отношение и Заман. Ром на это ответил, что доволен приездом товарища и рад обсудить с ним все вопросы, связанные с его работой. Передаю содержание беседы в сокращенной стенографической записи.

1. Вопрос: Прежде чем приступить к обсуждению вопросов, я бы хотел выяснить обстоятельства вашего знакомства с БОСОМ, выезда последнего из Индии.

Ответ: Еще до ареста БОСА в Индии последний обратился к партии Кирти-Кисан с заявлением, что дальнейшее пребывание его в Индии невозможно, так как он будет арестован, и хотел бы перебраться в Москву. Руководство Кирти-Кисан поручило ЛАРКИНУ (Ачар-Синг) и мне организовать переброску БОСА. Когда в Пешавере было уже все приготовлено для этой цели, ЛАРКИН выехал в Калькутту за Босом. Но последний к этому времени был уже арестован. [...][3]

Архив СВР. Подлинник, машинопись.

Примечания

1. Внизу первой страницы этого документа начальник внешней разведки П. Фитин сделал пометку: «Мария Отрощенко составить план вербовки Расмуса. 11. V. 42 г. Фитин».

Фитин Павел Михайлович (1907—1971) родился в с. Ожогино Курганской области. В 1920 г. после окончания начальной школы работал в сельхозкоммуне в родном селе. В 1928—1932 гг. учился в Сельскохозяйственной академии им. Тимирязева. 1932—1934 гг. – заведующий редакцией «Сельхозгиза». 1934—1935 гг. – служба в Красной Армии. 1935—1938 гг. – заместитель главного редактора «Сельхозгиза».

В марте 1938 г. направлен по партнабору на учебу в Высшую школу НКВД. После окончания специальных ускоренных курсов в Школе особого назначения, готовившей кадры для внешней разведки, в ноябре того же года направляется стажером в Пятый отдел ГУГБ НКВД СССР (внешняя разведка). В связи с острой нехваткой разведывательных кадров в конце 1938 г. П. М. Фитин назначается заместителем начальника того же отдела.

В 1939—1946 гг. возглавляет внешнюю разведку органов безопасности. Его высокий интеллект и выдающиеся организаторские способности особенно ярко проявились в годы Великой Отечественной войны.

После войны Берия рассчитался со строптивым начальником разведки, который оказался прав в отношении сроков нападения Германии на СССР. В конце июня 1946 г. по его распоряжению генерал-лейтенант Фитин был освобожден от занимаемой должности.

В декабре 1946 г. П. М. Фитина направляют заместителем уполномоченного МГБ в Германию, где он находился до 1947 г. В 1947 г. его вновь понижают в должности: П. М. Фитин назначается на пост заместителя начальника Управления госбезопасности по Свердловской области. В сентябре 1951 года Берия перебрасывает его в Алма-Ату. В 1951 г. Берия распорядился уволить его из органов госбезопасности «по неполному служебному

соответствию» без военной пенсии.

Лишь после суда над Берией в 1953 г. П. М. Фитину удалось устроиться директором фотокомбината Союза советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами, где он работал до конца жизни. Умер П. М. Фитин 24 декабря 1971 г.

За большие заслуги в деле обеспечения государственной безопасности нашей страны генерал-лейтенант П. М. Фитин награжден двумя орденами Красного Знамени, орденом Красной Звезды, орденом Красного Знамени Тувы и многими медалями.

Отрощенко Андрей Макарович (1902—?). 1924—1931 гг. – сотрудник органов государственной безопасности Узбекистана. 1931—1933 гг. – представительство ОГПУ в Средней Азии направило его в генеральное консульство в иранском г. Мешхед заместителем резидента внешней разведки. В 1934—1936 гг . – резидент в г. Мешхеде. В 1936 г. перешел на работу в ИНО НКВД в сектор Ближнего и Среднего Востока. В 1937—1939 гг. резидент внешней разведки в Тегеране. Вел активную разведывательную работу против Германии и Японии, которые в тот же период представляли главную опасность для нашей страны.

В 1939—1941 гг. работал начальником контрразведывательного отдела НКВД Одесской области. С началом Великой Отечественной войны он участвовал в обороне Одессы. За участие в боевых операциях награжден орденами Красного Знамени и Красной Звезды, а также медалью «За оборону Одессы».

В 1941—1946 гг. был начальником отдела 1-го Управления КГБ, а затем – начальником управления во внешней разведке МГБ СССР.

В 1943 г. в связи с подготовкой Тегеранской конференции «Большой тройки» А. М. Отрощенко был направлен в иранскую столицу в составе специальной группы с целью обеспечения безопасности участников конференции. Во время этой командировки А. М. Отрощенко также провел проверочное мероприятие в отношении источника резидентуры, которое показало, что источник работает под контролем британских спецслужб против советских представителей в стране.

В 1947—1952 гг. – начальник управления в Комитете информации при Совете Министров СССР, объединявшем в то время политическую и военную разведки. В 1953 году он был назначается начальником ПГУ МГБ СССР. В 1953– 1955 гг. – резидент внешней разведки в Тегеране. В 1955 г. в связи с болезнью А. М. Отрощенко был вынужден прервать служебную командировку в Иран. В 1956 г. вышел в отставку по состоянию здоровья.

За заслуги в деле обеспечения государственной безопасности полковник Отрощенко награжден орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденами Отечественной войны I степени и Красной Звезды, многими медалями.

2. Саша – Коротков Алексей Михайлович(1909—1961) – с 1933 г. сотрудник Иностранного отдела (ИНО) ОГПУ (внешняя разведка) и в том же году направлен по линии нелегальной разведки в Париж. В Париже А. М. Коротков выдавал себя за чехословацкого студента Районецкого, изучающего антропологию в Сорбонне. Вновь возвратился в Париж в 1934 г. Во Франции работал до 1938 г. В 1938 г. в связи с организованной Берией чисткой органов госбезопасности был отозван в Москву. В 1939 г. уволен из Пятого отдела ГУГБ НКВД СССР без объяснения причин, но вскоре восстановлен. В 1939—1941 гг. – в Берлине был заместителем резидента «легальной» разведки с целью восстановления контакта с агентом Корсиканцем (государственный советник Министерства хозяйства Германии Арвид Харнак).

В годы Великой Отечественной войны А. М. Коротков работал в центральном аппарате разведки. Он осуществляет операции по организации связи с агентурой внешней разведки в Германии и оккупированных ею странах, руководит подготовкой агентов-нелегалов и их выводом на территорию противника.

В 1946—1953 гг. – заместитель начальника внешней разведки. В 1953—1954 гг. исполнял обязанности начальника 1-го Главного управления КГБ при СМ СССР (внешней разведки). До 1957 г. вновь работал заместителем начальника внешней разведки.

В 1957 г. А. М. Коротков был направлен в Берлин в качестве представителя КГБ СССР при Министерстве госбезопасности ГДР. В этой должности работал до 1961 г. А. М. Короткову

принадлежит важная роль в укреплении сотрудничества спецслужб обеих стран. В 1961 г. А. М. Коротков скончался в Москве от сердечного приступа.

За большие заслуги в деле обеспечения государственной безопасности генерал-майор Коротков был награжден орденом Ленина, орденом Отечественной войны I степени, шестью орденами Красного Знамени, двумя орденами Красной Звезды и многими медалями. Ему был также вручен нагрудный знак «Почетный сотрудник органов госбезопасности».

3. Этот абзац подчеркнут вертикальной чертой П. Фитиным.

ДОКУМЕНТ № 5

КРАТКАЯ СПРАВКА О ХАДЖИ МИРЗА СЕИД АЛИ-ХАНЕ (ФАКИР ИЗ ИПИ) РУКОВОДИТЕЛЕ ВАЗИРИСТАНА НЕЗАВИСИМОЙ ПОЛОСЫ[1]

Перевод с персидского

ХАДЖИ МИРЗА СЕИД АЛИ-ХАН известен больше под именем ФАКИР МАЛЕНГ или ФАКИР из Ипи. Около 45 лет, среднего роста, смуглое лицо, слабого телосложения. Имеет родство с племенем Юсуф-Хейль. Впервые его имя стало известно в Вазиристане во время прихода к власти АМАНУЛЛЫ. Имеет хорошее духовное образование[2].Он стал известен с того момента, когда в местечке Давер, в Вазиристане, где находится английский политический агент, одна индуска в доме английского политического агента выпила вино, ругала в возбужденном состоянии мусульман, чем скомпрометировала себя, как мусульманку. Политический агент поручил индусам увезти ее[3].

Племя вазиров единодушно выступило под руководством ФАКИР МАЛЕНГА, напало на индусов. Английский политический агент направил отряд в количестве ста человек пограничников, чтобы разогнать бунтарей. В перестрелке было убито 26 человек из английского отряда. Забрав вооружение убитых, вазиры скрылись в горах. С того времени, уже 15 лет, идет непрерывная вражда Хаджи МАЛЕНГА с англичанами. В течение 15 лет им было совершено 80 налетов на англичан, во время которых было убито свыше 800 солдат и офицеров из английской регулярной армии и в числе их 14[4] полковников. Эта борьба продолжается с прежней силой и в настоящее время.

Итальянская миссия в Кабуле имеет непосредственную связь с ХАДЖИ МИРЗА СЕИД АЛИ-ХАНОМ, руководителем племени вазиров независимой полосы.

Эту связь миссия осуществляет через своего садовника по имени МУХАММЕД ОМАР, который совершает поездки к хаджи Мирза АЛИ-ХАНУ в конце каждого месяца.

Слышимая в Кабуле широковещательная радиостанция под названием «Свободная радиостанция», является радиостанцией системы Маркони и находится в Вазиристане в полосе «независимых» племен. Она была послана туда итальянской миссией через МУХАММЕД ОМАРА и установлена в районеТар-Гази (в переводе означает гора борца за мусульманскую веру)... который является местом пребывания указанного выше ХАДЖИ МИРЗА АЛИ-ХАНА.

Архив СВР. Подлинник, машинопись.

Примечания

1. Донесение советского агента Яра.

2. Подчеркнуто А. Отрощенко.

3. Яркий образец, какими небылицами в восточных странах обрастают реальные события. Об инциденте с Чанд Биби см. в данной книге главу «Звездный час Факира из Ипи».

4. Жирным шрифтом выделен текст, который после А. Отрощенко еще раз были подчеркнут П. Фитиным.

ДОКУМЕНТ № 6

ДОНЕСЕНИЕ РЕЗИДЕНТА СОВЕТСКОЙ ВНЕШНЕЙ РАЗВЕДКИ В КАБУЛЕ М. АЛЛАХВЕРДОВА «О ФАКИРЕ ИЗ ИПИ И СВЯЗИ ЕГО С ИТАЛЬЯНЦАМИ»

9. 09. 1942 г.[1]

ЯР[2] дает нам некоторые установочные данные на ФАКИРА из Ипи и данные о связи его с итальянцами.

У нас пока нет каких-либо данных о личности ФАКИРА из Ипи, чтобы дать оценку этой

части сведений ЯРА. О ФАКИРЕ из Ипи имеются у нас в архиве сведения, относящиеся к периоду 1934—37 гг. (посылались во время моего первого пребывания здесь).

Связь итальянцев с ФАКИРОМ из Ипи подтверждается имеющимися у нас данными по линии РОМА и ДЖИМА[3].

Садовник МУХАММЕД ОМАР проходит впервые. Проверяем через АХМЕДА, т. к. жена последнего работала в итальянской миссии и должна знать слуг ее.

Что касается радиостанции, работающей в полосе «независимых» племен, то речь, по-видимому, идет о широковещательной радиостанции, выступавшей под названием «Гималаи». Она, как нам известно из донесений РОМА, находится в Риме. В данном случае ЯР, очевидно, сообщает сведения, распространявшиеся здесь англичанами о том, что итальянцы перебросили в район «независимых» племен радиостанцию. Англичане нам заявили, что сначала они предполагали, что эта станция находится на территории Индии, но потом пришли к выводу, что она находится на территории итальянской миссии в Кабуле[4].

Мы полагаем, что эта радиостанция находится скорее всего в Риме, как указывал РАСМУС, т. к. переброска широковещательной установки в район племен независимой полосы представляет технически известную трудность.

Заман

Архив СВР. Подлинник, машинопись.

Примечания

1. В верхнем левом углу приведенной справки имеется резолюция начальника Средневосточного отдела 1-го Управления НКВД СССР (внешней разведки) А. Отрощенко: «т. Аллахвердову к делу Факира. 2/X (подпись)».

2. См. документ № 5.

3. Джим – агентурный псевдоним Уттам Чанда.

4. Подчеркнуто карандашом в тексте А. Отрощенко.

ДОКУМЕНТ № 7

СТОЛКНОВЕНИЯ ПЛЕМЕН С АНГЛИЧАНАМИ В ПОЛОСЕ «НЕЗАВИСИМЫХ» ПЛЕМЕН

27 октября 1942 г.

Недели две тому назад в полосе «независимых» племен (Северо-западная Пограничная Провинция Индии) произошел ряд столкновений между англичанами и племенами.

Племена (моманды, юсуфзаи, афридии) напали на Мардан (близ Пешавара), разграбили и сожгли несколько домов. Убито и ранено около 30 англичан и примерно такое же количество из числа нападавших.

Англичане послали для переговоров с племенами известного английского человека крупного помещика АРБАБА АБДУЛ ГАФУРА.

Вторая стычка произошла возле Банну. Англичане арестовали 120 старейшин племен и увезли их в Равалпинди.

Англичане направили в Вазиристан для переговоров двоих знатных людей: АНИФ НАВАБ КОРМА и ХОШХАЛЬ ХАНА АФРИДИ.

В некоторых столкновениях между англичанами и племенами принимали участие афганские подданные. Трупы троих убитых афганцев (гильзаи) привезли для похорон на родину, в Джелалабад, и труп одного убитого афганца привезли для похорон в Кабул.

Н/ПРИМЕЧАНИЕ:

Сведения эти телеграфировались вам. ХОШХАЛЬ-ХАНА АФРИДИ не следует смешивать с известным ХОШХАЛЬ– ХАНОМ, руководителем земляческой организации в Северо-Западной Пограничной Провинции. [...] ХОШХАЛЬ– ХАН АФРИДИ является одним из влиятельных лиц в племени африди, но состояния большого не имеет. Одно время он выступал против англичан, но потом последние прибрали его к рукам.

Заман.

Архив СВР. Подлинник, машинопись.

ДОКУМЕНТ № 8

ДОНЕСЕНИЕ СОВЕТСКОГО АГЕНТА В РУКОВОДСТВЕ БРИТАНСКОЙ РАЗВЕДКИ. 10. 07. 1943 г. [1]

Перевод с английского

ПРОЕКТ

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

ДЕЛО БАГХАТ РАМА (он же РАМАТ ХАН, он же Р. Х.)[2]

Ниже следует сводка сведений, полученных о БАГХАТ РАМЕ на совещании представителей I. P. I., S. I. S и M. I. 5[3] в Оксфорде 12-го марта 1943 г. Она основана на заметках, сделанных в течение несколько сбивчивого изложения всего этого дела и подробностей, и поэтому нельзя ручаться за полную ее точность. Я надеюсь, что мне удастся добыть длинный доклад, изготовленный I. P. I. по этому поводу.

БАГХАТ РАМ – близкий друг и сторонник Субхаза БОЗЕ и поэтому связан с блоком «ФОРУОРД» и РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОЙ ПАРТИЕЙ. В конце 1940 г. БАГХАТ РАМ помогал БОЗЕ бежать из Калькутты, через Кабул в Берлин. Он смог сделать это благодаря тому, что, хотя и будучи индусом, он очень хорошо знает пограничные провинции и может сойти за магометанина. Поэтому ему и удалось перебросить БОЗЕ через границу. Перед тем как уехать из Индии, БОЗЕ заявил, что намерен связаться с МОСКВОЙ для продвижения разработки своих антибританских планов. Но когда он попал в Кабул, то в действительности он отправился в германскую миссию, а не в русскую и предложил там свои услуги, заявив, что хочет поехать в БЕРЛИН. Однако встретились затруднения в смысле получения транзитной визы через СССР, и случайно этот вопрос разрешили итальянцы, которые выдали БОЗЕ итальянский паспорт на фамилию МАЦОТТА (который фактически являлся итальянским радиоспециалистом в итальянской миссии), и по этому паспорту русские выдали транзитную визу. Из всей этой истории неясно, имели ли они хоть какое-нибудь представление о том, что этот паспорт был фальшивым.

19. III. 41 БОЗЕ выехал из Кабула в Берлин, через Россию. БАГХАТ РАМ остался в Кабуле в качестве представителя БОЗЕ и принял имя РАМАТ ХАНА, которое начало появляться в итальянских D. J. s[4] из Кабула. Вскоре он вернулся в Бенгалию вместе с Гангули, который должен был готовить диверсионные акты. Затем БАГХАТ РАМ вернулся в Кабул в сопровождении ГАНГУЛИ и человека по имени СОДИ и разговаривал с послом КВАРОНИ.

Тогда БАГХАТ РАМ впервые узнал о том, что БОЗЕ отправился в БЕРЛИН, а не в МОСКВУ. Его это поразило, но поскольку тогда Германия и Россия еще не находились в состоянии войны друг с другом, он не стал принимать никаких положительных мер. После еще одной поездки в Индию, во время которой СОДИ оставался в Кабуле, БАГХАТ РАМ вернулся и опять имел беседу с итальянцами. При этом присутствовал также германский торговый атташе в кабуле РАСМУСС, который до войны был в Калькутте и был послан в Кабул, очевидно, просто для ведения там разведки и пропаганды. БАГХАТ РАМУ было приказано развивать дальше связи, которые немцы имели раньше с племенами на северо-западной границе, в частности с Иппским ФАКИРОМ. Он вернулся в Индию и имел совещание со своим друзьями из РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОЙ ПАРТИИ в Калькутте. Они согласились с тем, что, когда он вернется в Кабул, он должен будет связаться также с русскими, как с немцами, поскольку РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКАЯ ПАРТИЯ была прежде всего лояльна по отношению к Москве и не стремилась работать для немцев без согласия русских. Он вернулся в Кабул вскоре после 22-го июня, привезя с собой длинный доклад, изготовленный для отвода РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОЙ ПАРТИЕЙ. Он был вручен итальянцам, и сама его суть появилась в выдержках в D. J.'s.

БАГХАТ РАМУ было очень трудно связаться с русской миссией, но случайно он смог это сделать, повстречавшись со старым своим другом УТАМЧАНДОМ, индусом из левого крыла, с которым он познакомился в тюрьме. УТАМЧАНДУ удалось связать БАГХАТ РАМА с русскими, которым было изложено все положение.

Тем временем было решено, чтобы немцы взяли на себя целиком от итальянцев руководство БАГХАТ РАМОМ. Для этого имелись две причины: во-первых, жена КВАРОНИ была

русская, и немцев это несколько расстраивало, во-вторых, благодаря поддержке итальянцами АМАНУЛЛЫ нужно было считаться с возможными политическими осложнениями.

Русские тогда решили, чтобы БАГХАТ РАМ ехал обратно в Индию, потому что положение в Кабуле становилось все напряженнее, и во время схватки афганцы убили двух германских агентов. Но перед отъездом ему были даны инструкции ни в коем случае не чинить препятствий военной работе англичан. Ему было велено также представить по своем возвращении донесение русским, прежде чем отправиться к немцам или итальянцам. Поэтому БАГХАТ РАМ и СОДИ отправились в Лагору в сентябре 1941 г., получив от немцев и итальянцев очень крупную сумму денег. Они встретились со своими друзьями из РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОЙ ПАРТИИ в Калькутте и рассказали им, что русские одобрили их план.

В октябре БАГХАТ РАМ вернулся в Кабул с большим фальшивым докладом, сфабрикованным РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОЙ ПАРТИЕЙ. Русские одобрили этот доклад, который был затем передан устно и в чрезвычайно сгущенных красках РАЗМУССУ, пришедшему от него в восторг. Суть его была затем передана по телеграфу итальянцами и появилась в D. J.'s. БОЗЕ прислал инструкции продолжать работу, но приказал БАГХАТ РАМУ оставаться пока в Кабуле.

Еще одна поездка в Индию, в конце 1941 г., дала еще один фиктивный доклад, который попал к немцам в январе 1942 г. На этот раз БАГХАТ РАМ виделся с германским военным атташе ВИТЦЕЛЕМ. ВИТЦЕЛЬ передал ему тогда список военных командований, дислокаций и т. д. по Индии, составленный еще до войны, и велел ему исправить его соответственно настоящему времени. Его проинструктировали относительно кода и шифра и сказали, чтобы он пользовался радиопередачами станции АЗАД-ХИНДУСТАНИ из БЕРЛИНА для пересылки инструкций в Индию. Он получил также инструкции в отношении диверсионной работы.

Он совершил еще одну поездку в Индию в мае мес. и по своем возвращении в Кабул узнал, что УТАМЧАНД был арестован афганцами и выслан в Пешавар, где его арестовали англичане. Ни его отъезд, ни его арест не были непосредственно связаны с настоящей его деятельностью, относительно которой не были осведомлены ни афганцы, ни мы сами. Он был выслан в связи с общей чисткой Кабула от нежелательных и революционных элементов и был арестован в Индии по тем же причинам[5].

Арест УТАМЧАНДА означал потерю БАГХАТ РАМОМ своей единственной связи с русской миссией. Он не отважился пойти туда открыто, но случайно встретил другого своего друга, которого и попросил связать его с русскими. Тогда БАГХАТ РАМ предложил русским, чтобы они связались с англичанами, после чего они смогли бы снабжать его военными сведениями, которых просили немцы и которые БАГХАТ РАМУ было бы чрезвычайно трудно добывать нормальным путем. Русские заявили, что обсудят этот вопрос. Тем временем... послали его обратно в Индию готовить возможное вторжение немцев. В частности, он должен был выбрать подходящие пункты для спуска парашютистов.

Когда он вернулся в Кабул, ему сказали, что русские разговаривали с англичанами, и теперь ведутся переговоры. Ему было также сказано, что в случае, если бы его арестовали, он должен попросить свидания с британским офицером, сказать ему, кто он такой, и просить его снестись с главным штабом в Дели.

Мотивы обращения русских к англичанами не вполне ясны. Отчасти ими, кажется, руководило искреннее желание использовать это дело как следует против немцев, причем они теперь понимали, что для этого им понадобится сотрудничество англичан; но на них повлиял также арест УТАМЧАНДА, освобождения которого они стремились добиться.

БАГХАТ РАМ затем вернулся в Индию с инструкциями развивать свою работу вообще и в частности попытаться найти двух засуживающих доверия агентов для поездки в Бирму.

29. 11. 42 г. БАГХАТ РАМ был арестован в Индии во время самого обыкновенного налета, вместе с четырьмя или пятью другими лицами. Он последовал данным ему инструкциям, и было послано предупреждение в Дели. Когда обнаружилось, что он в действительности

работал для русских, а не для немцев, его отпустили на свободу и после тщательного рассмотрения дела послали обратно в Кабул с инструкциями рассказать обо всем русским, что он, кажется, и сделал. Немцам же он рассказал следующую выдуманную историю: он сказал им, что его арестовали вместе с шестьюстами другими лицами, кажется, в Пешаваре, после совершения удачного диверсионного акта, но что «благодаря какой-то оплошности» ему удалось бежать. Насколько видно из D. J.'s, немцы, по-видимому, вполне согласились со всем этим, вместе с фантастическим донесением, которое было привезено им, относительно его обширной диверсионной организации в Индии, работающей через БЛОК «ФОРУОРД» (по-видимому, теперь деятельность БЛОК В добавок к этому рассказу I. P. I. упомянула также о других пунктах, касающихся этого дела.

БАГХАТ РАМ убежден в том, что у немцев нет другого квалифицированного агента, работающего в Индии. Нет никакого сомнения, что у них очень много членов племен ездит взад и вперед через границу с самыми незначительными поручениями, но он уверен в том, что не существует ничего другого, подобного его национальной организации.

Русские добровольно передали англичанам некоторое количество сведений по этому делу, хотя из заявлений I. P. I. было крайне непонятно – что именно они передали, когда это было передано, как они это сделали. Когда послом был КРИППС, ему передавались некоторые документы о немецких агентах в Кабуле, но они, по-видимому, не были связаны с делом БАГХАТ РАМА. В мае 1942 г. русский посланник в Кабуле передал англичанам некие сведения относительно РАМАТ ХАНА, которого мы смогли установить как БАГХАТ РАМА. Впервые же мы как следует узнали обо всем этом деле из заявлений УТАМЧАНДА и БАГХАТ РАМА.

Теперь оказывается, что русские очень добиваются освобождения УТАМЧАНДА, которого они намерены послать обратно в Кабул. Это кажется совершенно непонятным, поскольку УТАМЧАНД будет арестован сейчас же по своем прибытии; но, вероятно, тут имеется какая-нибудь более тонкая причина, которую I. P. I. не понимает.

Давая нам сведения по делу БАГХАТ РАМА, русские попросили у нас также взамен имеющиеся у нас сведения об их дальневосточной границе. Мы заявили им, – кажется, совершенно правильно, – что у нас таких сведений не имеется. Русские, видимо, остались чрезвычайно недовольны таким ответом.

Самым серьезным в нынешнем положении является то обстоятельство, что БОЗЕ находится сейчас на германской подводной лодке на пути в Японию[6]. Полагают, что если он попадет в Японию, то ему, возможно, удастся связаться со своей собственной партией в Индии, БЛОКОМ «ФОРУОРД», и он, таким образом, прежде всего, обнаружит, что всей колоссальной организации БАГХАТ РАМА... на деле не существует, что поэтому все дело чистый шантаж. Адмиралтейство, кажется, хочет изъять его в момент, когда японское судно будет брать его с подводной лодки. Если он осуществим, то это очень хороший план, в особенности поскольку он не подвергнет опасности всю организацию БАГХАТ РАМА, которой немцы смогут заправлять без БОЗЕ[7].

13. 3. 43.

Примеч. переводч.: Последние две фразы, видимо, зачеркнуты в тексте.

Архив СВР. Перевод с английского, заверенная машинописная копия.

Примечания

1. В левом верхнем углу этого документа имеются две рукописные пометки: «Сводка английской контрразведки, полученная агентурным путем», «Сопроводительное письмо написано нач. 5 отд. I Упр. полк. Отрощенко». Ознакомиться с документом, подготовленным А. М. Отрощенко, автор этой книги не смог.

2. Так в сводке, правильно: Бхагат Рам, Рахмат-хан. Перевод многих имен и фамилий в тексте искажен: Субхаз Бозе – правильно Субхас Бос, Утамчанд – Уттам Чанд.

3. Подразделения британской разведки: I. P. I. – индийская политическая разведка, S. I. S. – Секретная разведывательная служба (разведка), M. I. 5 – контрразведка.

4. D. J.'s – сводки итальянской дипломатической разведки.

5. Жирным шрифтом выделен текст, подчеркнутый дважды.
6. Справа от этого предложения на полях рукой П. Фитина сделана пометка: «Начало марта!?!»
7. Выделенный курсивом текст был вычеркнут.

ДОКУМЕНТ № 9

ПОЯСНЕНИЕ К НОВЫМ ШИФРАМ, ПОЛУЧЕННЫЕ РОМОМ ОТ НЕМЦЕВ ВО ВРЕМЯ ВСТРЕЧИ С НИМИ 4-го сентября 1943 г.

I. Общие данные.

РОМ получил от ВИТЦЕЛЯ два шифра: буквенный и цифровой. В принципе только цифровой шифр отличается от того, что РОМ раньше получил от ВИТЦЕЛЯ. Новый цифровой шифр предназначен исключительно для связи между МЭРИ[1] и ТОМОМ[2]. Новый буквенный шифр в принципе мало чем отличается от прежнего, внесены некоторые изменения, касающиеся, главным образом, составления показательных групп. Кроме этого, перешифровальной книгой должна служить брошюра Германского информационного бюро «The Case of the Athenia», экземпляр которой в свое время был послан Вам.

Новый буквенный шифр должен служить для связи между ОЛИВЕРОМ[3] и МЭРИ, а также при переписке курьерским путем. Он войдет в силу по прибытии РОМА в Индию и по ознакомлению с кодом руководящего состава Комитета. Старый буквенный шифр не совсем отменен. Поэтому при расшифровании телеграмм необходимо обращать внимание на расположение показательных групп, так как при шифровании новым буквенным шифром они будут занимать в телеграммах другое место (об этом ниже).

II. Объяснения к буквенному шифру.

1. Как мы уже отметили, изменения касаются в основном показательных групп. Принцип шифрования остается тот же, что был указан в ранее посланном вам пояснении к буквенному шифру, а также в дополнительном пояснении в связи с введением брошюры «The Case of the Athenia» как перешифровального кода.

2. Так как в новом буквенном шифре книгой для перешифрования служит брошюра «The Case of the Athenia», то заглавие ее используется для составления перешифровальной таблицы. Вследствие того, что в словах приведенного заглавия не достает 26 букв, соответствующих числу букв английского алфавита, то дополнительно впереди заглавия ставится слово SERVICE для заполнения этого количества. Таким образом мы получим название книги в следующем виде: «Service the Case of the Athenia».[...]

Кузнец Л. Ю. «Мародеры» выходят из игры. М., 1992. С. 65.

Примечания

1. Мэри – Дели.
2. Том – Берлин.
3. Оливер – Кабул.

ДОКУМЕНТ № 10

ПИСЬМО ПРЕДСТАВИТЕЛЯ БРИТАНСКОЙ РАЗВЕДКИ В МОСКВЕ ПОЛКОВНИКА ХИЛЛА

MOST SECRET.
FROM: Colonel G. A. Hill, D. S. O.,
TO: Colonel Ossipov [1].
Moscow, 11th. December, 1943.
Re: Bhagat Ram.

As you are aware, the Government of India has granted, a safe-conduct to both Rasmuss and. Witzel of the German Legation in Kabul, who have teen recalled, to Germany by their Government.

While their travelling arrangements will be subject to considerable delay, the disappearance of these two from the Kabul scene has entirely altered the situation. The Government of India are by no means confident that Pilger will be able to handle Bhagat Ram without risk to the latter’s own safety.

The Government of India therefore advise against sending Bhagat Ram back at present. Subject to

the approval of your Departments concerned, India proposes to send an interim report by messenger which will reply to questions asked by Chandra Bose. The report will also include observations which are necessary to correct any impression which may have been created in Berlin by the joint efforts of Witzel and Bhagat Ram, to the effect that the Central Committee is prepared to bring about a general revolt in India in the near future.

I further beg to inform you that the Departments concerned in India have despatched a very long report dealing with various aspects of the Bhagat Ram matter. It is hoped that this report will reach Moscow about the 26th/30th. of December, when it will be transmitted to you immediately on receipt.

СОВ. СЕКРЕТНО

Москва, 11 декабря 1943 г.

ПО ВОПРОСУ БХАГАТ РАМ

Как Вам известно, правительство Индии предоставило «Сейф-кондукт» (документ на выезд) как РАСМУССУ, так и ВИТЦЕЛЮ, из германского посольства в Кабуле, которые отозваны в Германию их правительством. Хотя их приготовления к отъезду будут длительными, уход ВИТЦЕЛЯ и РАСМУССА с кабульской сцены основательно изменил ситуацию. Правительство Индии никоим образом не уверено в том, ПИЛЬГЕР сможет руководить БХАГАТ РАМОМ без риска для безопасности последнего.

Поэтому правительство Индии против посылки обратно в данное время БХАГАТ РАМА. При согласии заинтересованных Ваших учреждений Индия предлагает пока послать с специальным человеком доклад, который ответит на вопросы, ЧАНДРА БОС. В этом докладе также будет дана оценка положения, необходимая, чтобы исправить любое впечатление, которое могло создаться в Берлине благодаря совместным усилиям ВИТЦЕЛЯ и БХАГАТ РАМА о том, что центральный комитет готов поднять общее восстание в Индии в ближайшем будущем.

Далее я хочу сообщить Вам, что заинтересованные учреждения в Индии отправили весьма обстоятельный доклад, касающийся различных сторон дела БХАГАТ РАМА. Надо надеяться, что этот доклад прибудет в Москву примерно 26—30 декабря. Он будет немедленно по получении передан Вам.

С английского перевел[2]:

ОПЕР. УПОЛ. 1 ОТД. 5 ОТДЕЛА 1 УПР. НКГБ СССР

СТ. ЛЕЙТЕНАНТ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ:

/СЛАВИН/

Архив СВР.

Примечания

1. Под псевдонимом «полковник Осипов», в рамках заключенного между разведками СССР и Великобритании соглашения о сотрудничестве, с полковником Ниллом поддерживал контакты генерал-майор госбезопасности Овакимян Гайк Бадалович.

Овакимян Гайк Бадалович(1898—?). Армянин. После окончания средней школы в 1917—1920 гг. работал на железной дороге. 1920—1922 гг. – сотрудник Совнаркома Армении. 1922—1929 гг. – студент МВТУ им. Баумана. В период учебы в течение трех месяцев находился на стажировке в Италии и Германии. 1930—1931 гг. – аспирант МВТУ.

В 1931 г. мобилизован в ОГПУ и направлен по линии внешней разведки в Германию, где находился до 1932 года. В 1932—1933 гг. – адъюнкт Военно-химической академии РККА. В 1933—1941 гг. – работал в США, являясь до 1939 г. заместителем, а в 1939 – 1941 гг. резидентом по линии научно-технической разведки. В стране находился под прикрытием инженера Амторга. В 1940 г. стал аспирантом Нью-Йоркского химического института и защитил докторскую диссертацию в области химии. Свободно владел английским, немецким и итальянским языками. В 1940 г. за плодотворную работу в научно-технической разведке ему был вручен нагрудный знак «Почетный чекист».

В апреле 1941 г. был арестован ФБР. С началом Великой Отечественной войны освобожден по распоряжению президента Ф. Рузвельта и уехал в СССР, где ему было присвоено

воинское звание генерал-майор.

В 1941—1943 гг. – начальник отдела в центральном аппарате разведки. В 1943 г. Г. Б. Овакимян повышен в должности до заместителя начальника внешней разведки. Ему принадлежит важная роль в получении атомных секретов США и Великобритании и создании ядерного оружия в СССР.

В 1947 г. в связи с реорганизацией внешней разведки и созданием Комитета информации при СМ СССР Г. Б. Овакимян находился в распоряжении этой организации. Однако назначения на должность не получил. В том же году уволился из внешней разведки и работал в НИИ химической промышленности.

2. Вверху русского перевода письма Хилла сделана рукописная пометка: «Мародеры».

ДОКУМЕНТ № 11ВЫДЕРЖКА ИЗ ДОНЕСЕНИЯ «ЗАМАНА». 6. 07. 1944 г. [1]

Совершенно секретно

П О Д Р О Б Н О С Т И пребывания Рома в Кабуле с 1 по 24 мая 1944 года

Ром прибыл в Кабул 1 мая, в тот же день вышел на контрольную явку, а вечером состоялась с ним встреча. На вопрос, почему он опоздал с приездом, Ром сказал, что он выехал из Дели 13 апреля и должен был прибыть в Кабул не позднее 22 апреля, но он задержался на территории племен в связи с болезнью Санга[2], и он вынужден был оставить его там и взять вместо него в качестве сопровождающего ГУЛЯМ ОЛЬ-РАХМАНА, коммуниста, работающего на территории племен по заданию компартии Индии. ГУЛЯМ ОЛЬ-РАХМАН ранее в Афганистане не бывал. Затем Ром передал копию дезы, составленной англичанами для немцев, а также изложенную на бумаге легенду, составленную также англичанами, как памятка, на основании которой Ром должен сообщить японцам о судьбе заброшенных ими девяти агентов в Индию. Кроме того, Ром передал мне фотокарточку своего брата, о котором сообщил в свой последний приезд и которого он хотел также использовать по связи с нами и по линии немцев и итальянцев.

Я спросил Рома, чем было вызвано вообще его долгое отсутствие. Ром объяснил, что был очень нужен в Индии, а после установления англичанами радиосвязи с Томом (Берлин) и Оливером (Кабул) они и Ром решили, что нет особой необходимости в поездке в Кабул. Однако два месяца назад Москва просила направить Рома в Кабул, на что нач. английской разведки ДЖЕНКИН ответил, что в Роме имеется большая нужда в проведении ряда мероприятий по японцам. После этого Москва просила сообщить, что это за дела. Тогда ДЖЕНКИН решил отправить Рома в Кабул, тем более, что англичане хотели разгадать странное поведение Тома и Оливера, проявлявших непонятное равнодушие к работе и не дававших указаний и ответов на запросы[3].

У ДЖЕНКИНА, по словам Рома, возникло подозрение, не догадались ли немцы о характере работы Рома. Это подозрение подкреплялось еще тем, что японцы заслали на подводных лодках свою агентуру в Индию без всякого на то предупреждения по линии Рома и несмотря на то, что в прошлом году, в декабре м-це, англичане сообщили Тому адреса для передачи их БОСУ. По этому делу, т. е. по заброске японцами агентуры, Рому поручено объяснить немцам и японцам, что о заброске последней агентуры ему стало известно от своих людей (Ром должен руководствоваться указанной выше легендой, составленной англичанами, копию которой он передал нам и которая прилагается).

Ром опять затронул вопрос об арестованном афганцами АМИР-ЗАДА (см. мое предыдущее сообщение). Ром по этому поводу говорил с ДЖЕНКИНОМ, прося принять меры к его освобождению. Последний сообщил, что английская миссия в Кабуле обратилась с просьбой к афганскому правительству выдать его, мотивируя тем, что АМИР-ЗАДА работал против британского правительства. Афганцы отказали, заявив, что АМИР-ЗАДА афгано-подданный. Ром заметил ДЖЕНКИНУ, что следовало обосновать просьбу тем, что родители и родственники АМИР-ЗАДА находятся в Индии, а потому его следует перевести туда. На этом и застрял вопрос об АМИР-ЗАДА, заявил Ром. Я не реагировал на это его сообщение.

Ром сообщил, что АБДУЛ ШУКУР обратился к нему с просьбой прекратить с ним связь, обосновывая это тем, что связь с Ромом представляет для него большую опасность и он не

хотел бы подвергать себя риску. Одновременно АБДУЛ ШУКУР просил выдать ему годовое содержание вперед. Ром согласился на предложение АБУЛ ШУКУРА и выдал ему 6000 афгани[4].

Ром сообщил, что в Кабуле он в этот приезд встретился на улице с мальчиком-индусом ОМАРОМ, работавшим в лавке Джима. В свое время, когда Ром останавливался у Джима, они использовали этого мальчика для связи с немцами, передавая и получая через него письма. Сейчас ОМАР занимается разносной торговлей. Ром дал ему 100 афгани и просил никому об этом не говорить.

Ром обусловил следующие контрольные явки с немцами и японцами на случай своего будущего приезда в Кабул.

Немцы будут выходить по воскресеньям, вторникам и четвергам в 13 ч. 15 м. на мост у мечети «До Шамшире».

Японцы будут выходить туда же по понедельникам и средам в 13 часов.

Я спрашивал Рома, было ли ему известно о проезде РАСМУСА через Индию. Ром ответил утвердительно, добавив, что РАСМУСА от Пешавара до Карачи сопровождал офицер английской разведки, который до этого находился на руководящей разведывательной работе в Иране, в частности в Мешеде. Ром забыл его фамилию. Этот офицер имел разговор с РАСМУСОМ, который стремился убедить офицера в том, что англичане напрасно связались с большевиками, это приведет их к гибели, как и всю Европу[5]. [...]

Архив СВР. Подлинник, машинопись.

Примечания

1. В верхнем левом углу первой страницы этого документа рукой неизвестного сотрудника советской разведки написано: «т. (фамилия неразборчива), доложите, есть ли расхождения с документом, по этому же вопросу переданным нам здесь англичанами».

2. Санг – некто Касым, который был доверенным лицом Бхагат Рама Тальвара.

3. Этот абзац трижды выделен вертикальной чертой.

4. Абзац выделен двойной вертикальной чертой и рядом на полях стоит знак вопроса.

5. Часть текста, в которой содержится информация о Расмусе, обведена на полях фигурной скобкой.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

АРХИВ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (АВП РФ)

Фонд Г. Чичерина

АВП РФ. Ф. 04. 1920. Оп. 51. П. 327. Д. 55030.

АВП РФ. Ф. 04. 1921/1922. Оп. 51. П. 330. Д. 55072.

Фонд М. Литвинова

АВП РФ. Ф. 05. 1937. Оп. 17. П. 129. Д. 30.

Фонд В. Молотова

АВП РФ. Ф. 06. 1939. Оп. 1. П. 1. Д. 4.

АВП РФ. Ф. 06. 1941. Оп. 3. П. 8. Д. 82.

АВП РФ. Ф. 06. 1942. Оп. 4. П. 16. Д. 163—166.

АВП РФ. Ф. 06. 1943. Оп. 5. П. 20. Д. 215.

АВП РФ. Ф. 06. 1943. Оп. 25. П. 208. Д. 6.

Фонд Л. Карахана

АВП РФ. Ф. 08. 1933. Оп. 16. П. 153. Д. 9.

АВП РФ. Ф. 08. 1933. Оп. 16. П. 154. Д. 25.

Фонд Н. Крестинского

АВП РФ. Ф. 10. 1934. Оп. 9. П. 36. Д. 19.

Фонд В. Деканозова

АВП РФ. Ф. 012. 1939. Оп. 1. П. 3. Д. 28.

АВП РФ. Ф. 012. 1941. Оп. 2а. П. 25. Д. 241.

Фонд С. Лозовского

АВП РФ. Ф. 013а. 1940. Оп. 2. П. 2. Д. 20.

Фонд С. Кавтарадзе
АВП РФ. Ф. 015. 1945. Оп. 3. П. 4. Д. 1.
Личный архив посла Л. Старка
АВП РФ. Ф. Личный архив Л. Старка. 1929. Оп. 13. П. 4. Д. 5.
АВП РФ. Ф. Личный архив Л. Старка. 1930. Оп. 13. П. 4. Д. 5.
АВП РФ. Ф. Личный архив Л. Старка. 1932. Оп. 14. П. 4. Д. 1.
АВП РФ. Ф. Личный архив Л. Старка. 1931. Оп. 15. П. 5. Д. 1.
АВП РФ. Ф. Личный архив Л. Старка. 1932. Оп. 16. П. 5. Д. 2.
Референтура по Афганистану
АВП РФ. Ф. 071. 1919—1920. Оп. 1. П. 101. Д. 1, 4.
АВП РФ. Ф. 071. 1919—1920. Оп. 2. П. 102. Д. 2, 3.
АВП РФ. Ф. 071. 1921. Оп. 3. П. 103. Д. 1.
АВП РФ. Ф. 071. 1921. Оп. 3. П. 105. Д. 20.
АВП РФ. Ф. 071. 1934. Оп. 16. П. 170. Д. 3.
АВП РФ. Ф. 071. 1936. Оп. 16. П. 170. Д. 3.
АВП РФ. Ф. 071. 1935—1936. Оп. 16. П. 173. Д. 20.
АВП РФ. Ф. 071. 1936—1937. Оп. 17. П. 129. Л. 30.
АВП РФ. Ф. 071. 1935. Оп. 17. П. 177. Д. 29.
АВП РФ. Ф. 071. 1936. Оп. 18. П. 178. Д. 3.
АВП РФ. Ф. 071. 1937—1938. Оп. 20. П. 185. Д. 3.
АВП РФ. Ф. 071. 1938. Оп. 20. П. 185. Д. 3, 4.
АВП РФ. Ф. 071. 1939. Оп. 21. П. 189. Д. 4, 6.
АВП РФ. Ф. 071. 1939. Оп. 21. П. 190. Д. 17.
АВП РФ. Ф. 071. 1940. Оп. 22. П. 192. Д. 4.
АВП РФ. Ф. 071. 1940. Оп. 22. П. 193. Д. 12.
АВП РФ. Ф. 071. 1941. Оп. 23. П. 195. Д. 2.
АВП РФ. Ф. 071. 1941. Оп. 23. П. 196. Д. 4, 5, 6, 8.
АВП РФ. Ф. 071. 1941. Оп. 23. П. 197. Д. 9.
АВП РФ. Ф. 071. 1941. Оп. 28. П. 39. Д. 1.
АВП РФ. Ф. 071. 1942—1943. Оп. 25. П. 203. Д. 5.
АВП РФ. Ф. 071. 1942. Оп. 24. П. 199. Д. 2.
АВП РФ. Ф. 071. 1942. Оп. 24. П. 200. Д. 8, 9, 14.
АВП РФ. Ф. 071. 1942—1943. Оп. 25. П. 203. Д. 5.
АВП РФ. Ф. 071. 1943. Оп. 25. П. 203. Д. 5, 6.
АВП РФ. Ф. 071. 1943. Оп. 25. П. 205. Д. 30.
АВП РФ. Ф. 071. 1943. Оп. 26. П. 206. Д. 4, 5.
АВП РФ. Ф. 071. 1944. Оп. 26а. П. 208. Д. 2.
АВП РФ. Ф. 071. 1945. Оп. 27. П. 208. Д. 2.
АВП РФ. Ф. 071. 1946. Оп. 28. П. 210. Д. 2, 4.
Референтура по Индии
АВП РФ. Ф. 090. 1919. Оп. 2. П. 1. Д. 1.
АВП РФ. Ф. 090. 1920. Оп. 3. П. 1. Д. 2, 3.
АВП РФ. Ф. 090. 1920. Оп. 3. П. 2. Д. 7, 9.
АВП РФ. Ф. 090. 1921. Оп. 4. П. 2. Д. 1, 4.
АВП РФ. Ф. 090. 1923. Оп. 6. П. 5. Д. 2.
АВП РФ. Ф. 90. 1940. Оп. 14. П. 141. Д. 141.
АВП РФ. Ф. 90. 1941. Оп. 8. П. 4а. Д. 1.
АВП РФ. Ф. 90. 1941. Оп. 8. П. 49. Д. 1.
АВП РФ. Ф. 56-б. 1936—1937. Оп. 14. П. 139. Д. 15, 16.
АВП РФ. Ф. 56-б. 1940. Оп. 14. П. 141. Д. 25.
Референтура по Германии
АВП РФ. Ф. 082. 1940. Оп. 23. П. 95. Д. 5.

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ (РГАСПИ)
Фонд В. Ленина
РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 210.
Секретариат В. Ленина
РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2116, 2155, 2179.
РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 3. Д. 577.
Фонд И. Сталина
РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 184, 251.
ЦК РКП(б) – ВКП(б) – КПСС
РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 338, 715.
РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 1, 2, 3, 4, 7, 16.
РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 100. Д. 63031.
Политический секретариат Исполнительного Комитета Коминтерна
РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 3. Д. 105.
Восточный секретариат Исполнительного Комитета Коминтерна
РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 154. Д. 26, 98.
Секретариат О. Куусинена
РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 16. Д. 57а, 59.
КОММУНИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ТРУДЯЩИХСЯ ВОСТОКА (КУТВ) И НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ПО ИЗУЧЕНИЮ НАЦИОНАЛЬНЫХ И КОЛОНИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ (НИИНКП)
РГАСПИ. Ф. 532. Оп. 4. Д. 110, 129, 131, 132.
Совет пропаганды и действия народов Востока
РГАСПИ. Ф. 544. Оп. 3. Д. 100, 102, 105.
Туркестанское бюро Коминтерна
РГАСПИ. Ф. 544. Оп. 4. Д. 1, 3, 5, 8, 15, 20, 21, 60, 132.
Среднеазиатское бюро ЦК ВКП(б)
РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 1342, 1805, 1806.
Коммунистическая партия Индии
РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 68. Д. 11, 18, 34, 35, 63, 78, 191.
РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 68а. Д. 1, 2, 3.
РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 213. Д. 1, 9, 19, 243.
АРХИВ СЛУЖБЫ ВНЕШНЕЙ РАЗВЕДКИ (СВР)
Архив СВР. Дело «Мародеры». Т. I.
Архив СВР. Дело № 2437 «Индия».
Архив СВР. Дело № 1225 «Кабаиль».
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (ЦА ФСБ).
ЦА ФСБ. Дело 8234 Гуляма Сиддик-хана Чархи.
ЦА ФСБ. Дело Р-41036 Мухаммеда Али.
ЦА ФСБ. Дело Р-48558 Фрица Гроббы.
ЦА ФСБ. Дело Р-47 474 О. Нидермайера.
ЦА ФСБ. Дело Р-48991 Али Шах Масуда.
ЦА ФСБ. Дело К-547707 Г. Пильгера.
ЦА ФСБ. Дело К-547736 А. Цугенбюллера.
РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ВОЕННЫЙ АРХИВ (РГВА)
Академия Генерального штаба РККА
РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 3.
Управление Среднеазиатского военного округа (САВО)
РГВА. Ф. 25895. Оп. 1. Д. 670, 730, 808, 884, 897, 910, 930, 951.
Штаб Туркестанских войск

РГВА. Ф. 25859. Оп. 1. Д. 190.
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ГАРФ)
Фонд военно-морского агента во Франции (1906 – 1926)
ГАРФ. Ф. 5903. Оп. 1. Д. 427.
ORIENTAL@ INDIA OFFICE COLLECTIONS OF BRITISH LIBRARY
Indian Political Intelligence (IPI)
L/P@ J. 12 /121.
L/P@ J. 12 /122.
L/P@J/12/123.
L/P@ J /12/ 177.
L/P@ J /12 /218.
L/P@ J /12/ 251.
L/P@J/12/615.
ОПУБЛИКОВАННЫЕ ДОКУМЕНТЫ
Англо-советские отношения во время Великой Отечественной войны. Т. I. М., 1983.
Большевистское руководство. Переписка. 1912—1927. М., 1996.
Документы внешней политики СССР Т. III. М., 1959.
Документы внешней политики СССР Т. IV. М., 1962.
Документы внешней политики СССР. Т. XXIII. 1. М., 1995.
Документы внешней политики СССР. Т. XXIV. М., 2000.
Казанджян Р. Большевики и младотурки: Новые документы о российско-турецких отношениях (1920—1922). М., 1996.
Коминтерн и идея мировой революции. Документы. М., 1998.
На рубежах тайной войны. Ашхабад, 1985.
Отчет о поездке в Индию 1-й Туркестанской артиллерийской бригады поручика Лосева // Секретное добавление к «Сборнику материалов по Азии» № 9. Издание Главного управления Генерального штаба. СПб., 1908. С. 1—144.
Переписка Вильгельма II с Николаем II. М., 1923.
Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Коминтерн. 1919—1943. Документы. М., 2004.
Советско-афганские отношения. 1919—1969. М., 1971.
Советское руководство: Переписка. 1928—1941. М., 1999.
Akten zur deutschen auswartigen Politik 1918—1945. Serie D. Bd. VIII. Bonn, 1969.
Akten zur deutschen auswartigen Politik 1918—1945. Serie D. Bd. XII. 1 . Bonn, 1969.
Akten zur deutschen auswartigen Politik 1918—1945. Serie D. Bd. XIII. 1. Bonn, 1970.
Documents of the History of the Communist Party of India. Vol. I—II. New Delhi, 1972.
Evolution of India and Pakistan. 1858—1947. Selected Documents. L., 1962.
Schnabel R. Tiger und Schakal. Wien, 1968.
Selter G. Zur Indienpolitik der faschistischen deutschen Regierung wahrend des zweiten Weltkrieges. Leipzig, 1965. Anlage.
МЕМУАРЫ
Агабеков Г. Секретный террор. М., 1998.
Дрейер Г. В. Операции против афридиев в 1930 г. // Бюллетень зарубежной военной прессы по Востоку. Ташкент, 1933. № 1. С. 14—27.
Заки Валиди Тоган (Ахмет-Заки Валидов). Воспоминания. М., 1997.
Неру Д. Открытие Индии. М., 1955.
Равич Н. Молодость века. М., 1960.
Робертс Кандагарский. Сорок один год в Индии. Т. II. СПб., 1903.
Рыбичка Э. В гостях у афганского эмира. М., 1935.
Файз Мухаммад. Книга упоминаний о мятеже. М., 1988.
Шах Вали. Мои воспоминания. М., 1960.
Bailey F. M. Mission to Tashkent. Oxford, 1946.
Fraser-Tytler W. K. A Afghanistan. A Study of Political Developments in Central and Souther

Asia. L., 1957.
Talwar B. R. The Talwars of Pathan Land. New Delhi, 1976.
ЛИТЕРАТУРА
Адибеков Г. М., Шахназарова Э. Н., Шириня К. К. Организационная структура Коминтерна. 1919—1943. М., 1997.
Алексеев М. Военная разведка России. Первая мировая война. Т. III. 1. М., 2001.
Анин Б., Петрович А. Радиошпионаж. М., 1996.
Аптекарь П. Первая кровь. Примаков берет штурмом Мазари-Шариф // Родина. 1999. № 2. С. 17—21.
Аристов Н. А. Англо-индийский «Кавказ». Столкновение Англии с афганскими пограничными племенами. СПб., 1900.
Афганистан. Справочник. М., 2000.
Бойко В. С. Советская Россия и афганские леворадикальные группы начала 1920-х годов // Анналы. М., 1995. Вып. 2. С. 74—81.
Бойко В. С. Советско-афганская военная экспедиция в Афганистан 1929 года // Азия и Африка сегодня. 2001. № 7. С. 31—37.
Ветераны внешней разведки России. М., 1995.
Ганковский Ю. В. Национальный вопрос и национальное движение в Пакистане. М., 1967.
Генис В. «С Бухарой надо кончать...» К истории бутафорских революций. М., 2001.
Генис В. Вице-консул Введенский. Служба в Персии и Бухарском ханстве (1906—1920 гг.). М., 2003.
Гиленсен В. М. Энвер-паша и Джемаль-паша в Советской России // Восток. 1996. № 3. С. 45—63.
Гиленсен В. М. Туркестанское бюро Коминтерна (осень 1920– осень 1921) // Восток. 1999. № 1. С. 59—77.
Гладков Т. К. Лифт в разведку. «Король нелегалов» Александр Коротков. М., 2002.
Гове А. Внимание, парашютисты! // Воздушные десанты Второй мировой войны. М., 2003. С. 9—225.
Голинков Д. Л. Крушение антисоветского подполья в СССР. Кн. I. М., 1986.
Гордон-Полонская Л. Р. Война Афганистана за независимость и участие в ней пограничных пуштунских племен (1919—1921) // Независимый Афганистан. М., 1958. С. 245—269.
Горев А. Махатма Ганди. М., 1989.
Гражданская война и военная интервенция в СССР. – Энциклопедия. М., 1987.
Грулев М. В. Очерк восстаний пограничных племен Индии за последние 10 лет. СПб., 1909.
Губар М. Афганистан на пути истории. М., 1987.
Гуревич Н. М. Внешняя торговля Афганистана в новейшее время. М., 1981.
Девяткина Т. Ф., Егорова М. Н., Мельников А. М. Зарождение коммунистического движения в Индии. М., 1978.
Джабборов Т. Д. Северо-Западная Пограничная провинция Пакистана. М., 1977.
Дипломатический словарь. Т. I. М., 1985.
Драбкин Я. С. Идея мировой революции и ее трансформации // История Коммунистического Интернационала. 1919—1943: Документальные очерки. М., 2002. С. 25—73.
Жехак Л. Кодекс чести пуштунов // Афганистан: история, экономика, культура. М., 1989. С. 58—72.
История Афганистана. М., 1982.
История вооруженных сил Афганистана. 1747—1977. М., 1985.
История Второй мировой войны. 1939—1945. Т. III. М., 1974.
История Коммунистического Интернационала. 1919—1943. М., 2002.
Катков И. Е. Социальные аспекты племенной структуры пуштунов // Афганистан: история, экономика, культура. М., 1989. С. 39—57.
Конт Ф. Революция и дипломатия. М., 1991.
Коргун В. Г. История Афганистана. XX век. М., 2004.

Кузнец Ю. Л. «Мародеры» выходят из игры. М., 1992.
Люди и судьбы: Библиографический словарь востоковедов – жертв политического террора в советский период (1917—1991). М., 2003.
Маздур И. Аграрный вопрос и крестьянское движение на Северо-Западе Индии. М., 1933.
Массон В. М. Ромодин В. А. История Афганистана. Т. II. М., 1965.
Морфи Э., Хайбарский проход. СПб., 1901.
Новицкий В. Военные очерки Индии. СПб., 1901.
О’ Коннор Т. Э. Георгий Чичерин и советская внешняя политика. 1918—1930. М., 1991.
Очерки истории российской внешней разведки. Т. IV. М., 1999.
Панин С. Б. Дипломатическая борьба держав в Афганистане. 1919—1921 гг. // Страницы истории и историографии Индии и Афганистана: К столетию со дня рождения И. М. Рейснера. М., 2000. С. 294—308.
Панин С. Б. Советская Россия и Афганистан. 1919—1929. М., 1998.
Паничкин Ю. Н. Образование Пакистана и пуштунский вопрос. М., 2005.
Панцов А. В. Тайная история советско-китайских отношений. М., 2001.
Парфенов И. Д. Колониальная экспансия Великобритании в последней трети XIX века. М., 1991.
Персиц М. А. Революционеры Индии в стране Советов. 1918—1921. М., 1973.
Райков А. В. Амритсарская трагедия 1919 г. и освободительное движение в Индии. М., 1985.
Райков А. В. Национально-революционные организации Индии в борьбе за свободу. М., 1979.
Райков А. В. Опаснейший час Индии. Липецк, 1999.
Райков А. В. Последние индийские миссии в царскую Россию // Анналы. Выпуск III. М., 1996.
Райков А. В. Факир из Ипи – борец за свободу Вазиристана // Восток. 1995. № 3. С. 83—92.
Ромодин В. А. Афганистан во второй половине XIX – начале XX вв. М., 1990.
Румянцев Ф. Я. Тайная война на Ближнем и Среднем Востоке. М., 1972.
Симонов К. В. Англо-русские разногласия по афганскому вопросу и проникновение германо-турецких агентов в Афганистан летом 1915 г. // Азиатский Восток в новое и новейшее время: Сборник статей межрегиональной научной конференции. Липецк, 2004. С. 50—61.
Соцков Л. Неизвестный сепаратизм на службе СД и абвера. Из секретных досье разведки. М., 2003.
Станишевский А. Афганистан. М., 1940.
Темирханов Л. Восточные пуштуны в новое время (этно-социальная характеристика). М., 1984.
Темирханов Л. Восточные пуштуны: основные проблемы новой истории. М., 1987.
Теплинский Л. Б. История советско-афганских отношений. М., 1988.
Тизенгаузен А. Военно-статистический очерк Британской Индии. СПб., 1887.
Трухановский В. Г. Новейшая история Англии. М., 1958.
Фляйшхауэр И. Пакт. Гитлер, Сталин и инициатива германской дипломатии. 1938—1939. М., 1990.
Халфин Н. А. Английская колониальная политика на Среднем Востоке. Ташкент, 1957.
Халфин Н. А. Английская экспансия в Афганистане и освободительная борьба афганского народа в первой половине XIX в. // Независимый Афганистан. М., 1958. С. 180—218.
Халфин Н. А. Заря свободы над Кабулом. М., 1985.
Халфин Н. А. Провал британской агрессии в Афганистане. М., 1959.
Харюков Л. Н. Англо-русское соперничество в Центральной Азии и исмаилизм. М., 1995.
Хейфец А. Н. Советская дипломатия и народы Востока. 1921—1927. М., 1968.
Хейфец Л. С. Латинская Америка в орбите Коминтерна (опыт биографического словаря). М., 2000.
Шеманский А. Значение английских горных экспедиций на северо-западной границе Индии

// Средняя Азия. Т. II. Ташкент, 1911.
Эдай Дж. Отношение англо-индийских владений к северо-западным соседям. СПб., 1874.

Adamec L. W. Afghanistan 1900—1923. A Diplomatik History. Berkeley, 1967.
Adamec L. W. Afghanistan_s Foreign Affairs to the Mid-Twentieth Century. Tucson (Arisona), 1974.
Adamec L. W. Historical and Political Who's Who of Afghanistan. Graz, 1975.
Ahmed A. S. Tribes and States in Waziristan // The Conflict of Tribe and State in Iran and Afghanistan. L.; N. Y., 1983. P. 192—211.
Andrew C. Secret service: The making of the British Intelligence Community. L., 1985.
Barton W. Indian's North-West Frontier. L., 1939.
Caroe O. The Pathans, 550 B. C. to A. D. 1957. L., 1958.
Elliot J. The Frontier 1839—1947. The Story of NWF of India. L., 1968.
Glasneck J., Kircheisen I. Turkei und Afghanistan – Brennpunkte der Orientpolitik im Zweiten Weltkrieg. Berlin, 1968. S. 211.
Gregorian V. The Emergence of Modern Afghanistan. Stanford, 1969.
Gupta A. North-West Frontier Province Legislature and Freedom Struggle 1932—1947. New Delhi, 1976.
Hauner M. India in Axis Strategy. Germany, Japan and Indian Nationalists in Second World War. Stuttgart, 1981.
Hauner M. One Man against the Empire // Journal of Contemporary History. 1981. №. 1. P. 189—212.
Hauner M. The Soviet Threat to Afghanistan and India 1938—1940 // Modern Asian Studies. 1981. Vol. XV. 2. P. 287 – 309.
Heathcote T. A. The Afghan's War 1839—1919. L., 1980.
Hillgruber A. Staatsmanner und Diplomaten bei Hitler. Bd. II. Frankfurt, 1970.
Jansson E. India, Pakistan or Pakhtunistan. Uppsala, 1981.
Kirk G. The Middle East in the War. L., 1954.
Kurowski F. Deutsche Kommandotrupps 1939—1945. Die «Brandenburger» im weltweiten Einsatz. Bd. II. Stuttgart, 2000.
Lawlor S. Britain and Russian entry into the War // Diplomacy and Intelligence during the Second World War Cambridge, 1985. P. 168—183.
Mader J. Hitlers Spionagegenerale sagen aus. Berlin, 1971.
Miller C. Khyber: British Indian's North-West Frontier. N. Y., 1977.
Mitchell N. Sir Georg Cunningham. Edinburg, 1968.
Poulanda B. P. Reform and Rebellion in Afghanistan. 1919—1929. L., 1973.
Razwak R. An Article on Pukhtunistan. N. Y., 1960.
Rittenberg S. A. Ethicity, Nationalism and the Pakthan: the Independence Movement in India's North-West Frontier Province. Carolina, 1988.
Samra Chattar Singh. India and Anglo-Soviet Relations. 1917—1947. Bombay, 1959.
Schroder B. P. Deutchsland und der Mittelere Osten im Zweiten Weltkrieg. Gottingen, 1975.
Seidt H. Berlin, Kabul, Moskau. Oskar Ritter von Niedermayer und Deutschlands Geopolitik. Munchen, 2002.
Spain J. People of the Khyber. N. Y., 1963.
Spain J. W. The Pathan Borderland. Hague, 1963.
Stewart R. T. Fire in Afghanistan. 1914—1929. N. Y., 1973.
Swinson A. H. North-West Frontier. L., 1967.
Sykes P. A History of Afghanistan. Vol. II. L., 1940.
Tendulkar D. G. Abdul Gaffar Khan. Bombay, 1967.
The Pakhtun question. Hove, 1951.
Ulman H. R. The Anglo-Soviet Accord. Vol. III. Princeton, 1972.
Warren A. Waziristan, the Faqir of Ipi and the Indian Army. The North– West Frontier Revolt of

1936—1937. Oxford, 2000.
Watteville H. Waziristan 1919—1920. Campaigns and their Lessons. L., 1925.